This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PSlav 130.10 (1858)

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT FROM THE

AMEY RICHMOND SHELDON
FUND

SURPLUS DUPLICATES

Class AP50

Book A82
2nd set
YUDIN COLLECTION

4

АТЕНЕЙ,

11

1102
1293
Pat 4

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 16.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРНСТА БАРФКНЕХТА И К°.

1858.

△
PSlaw 130-10 (1858)
✓

AP50
.A82
2nd set

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
23 Oct. '56
Hamlin

РУССКІЕ ПРОТЕКЦІОНИСТЫ.

О значеніи мануфактурной промышленности въ Россіи и объ охранной системѣ, съ изложеніемъ мнѣній разныхъ писателей въ защиту и противъ ученія о свободной международной торговлѣ. А. Ушинскаго. Части первая и вторая. Спб. 1858.

—

На этотъ разъ мы имѣемъ дѣло уже не съ охранительною, а съ охранною системой. Г. Ушинскій взялся защищать ее *противъ волнующаго западные умы ученія о свободной торговлѣ, зашедшей къ намъ немедленно послѣ возстановленія міра съ Европою.* «Въ обширной діалектикѣ (вѣроятно, авторъ хочетъ сказать: полемикѣ?) многихъ лицъ по поводу этого вопроса, говоритъ онъ, выразилась борьба простаго, здраваго русскаго смысла противъ одной изъ самыхъ обманчивыхъ утопій, вскружившей много ученыхъ и умныхъ головъ въ Европѣ.» Такъ какъ плоды этой *обширной діалектики*, разбросаны въ разныхъ журналахъ и газетахъ, то г. Ушинскій рѣшился взять на себя трудъ составить систематическій сводъ главныхъ положеній, высказанныхъ защитниками свободной торговли и ихъ противниками, чтобы читающая публика, введенная въ заблужденіе статьями журналовъ, изъ которыхъ бо́льшая часть держится теоріи свободной торговли, могла обозрѣть вопросъ съ разныхъ сторонъ.

Мы раскрываемъ книгу, и встрѣчаемъ дѣйствительно между представителями здраваго русскаго смысла все старыхъ знакомыхъ, — гг. Шипова, Рогозина и т. д., весь, однимъ словомъ,

легіонъ бойцовъ, такъ грозно и запальчиво напавшихъ на г. Вернадскаго и на покойнаго Тенгоборскаго. Въ началѣ книги приведена большая выписка изъ сочиненія Гуро (Charles Gouraud), одного изъ самыхъ рьяныхъ поборниковъ строгой охранительной и запретительной системы во Франціи, котораго г. Ушинскому неизвѣстно почему вздумалось назвать Гураномъ. Конечно это можно было бы счесть за опечатку на первый разъ, но когда бѣдный и часто упоминаемый Гуро въ цѣлой книгѣ систематически чествуется Гураномъ, то дѣло уже принимаетъ иной видъ. Обращаться такъ безцеремонно съ авторомъ, слова котораго считаются авторитетомъ и который, не смотря на свое французское происхожденіе, поставленъ въ челѣ всѣхъ представителей здраваго русскаго смысла, это опрометчиво и даже какъ-то неприлично. Съ авторитетами и наставниками такъ не дѣлаютъ. Впрочемъ это еще невинная и ребяческая шалость въ сравненіи съ тою безцеремонностью, съ какой г. Ушинскій трактуетъ исторію. Подъ его рѣшительнымъ перомъ историческія событія принимаютъ всякую форму, получаютъ всякій смыслъ, какой только автору заблагоразсудится дать имъ. Это рѣшительно магъ, чародѣй. «Неужели неизвѣстно, восклицаетъ онъ, что большая французская революція произошла три года спустя послѣ заключенія трактата 1786 года, составленнаго на началахъ свободной торговли? Франція помнитъ этотъ тяжелый урокъ, и потому-то всѣ ея правительства, и конституціонныя, и республиканскія, и наконецъ нынѣшнее, такъ твердо держатся охранительной таможенной системы, не смотря на всѣ краснорѣчивые возгласы современныхъ политико-экономовъ. Еслибы система свободной торговли могла принесть дѣйствительную пользу французской промышленности, и содѣйствовать внутреннему благосостоянію Франціи; еслибы не угрожала, напротивъ, разореніемъ французскихъ фабрикъ и т. п., то нѣтъ сомнѣнія, что Наполеонъ III не уклонился бы отъ пониженій французскаго тарифа. Самые враги его не могутъ не сознаться, что онъ отличный администраторъ и глубокій знатокъ своего народа, и никто лучше его не постигъ тайны овладѣвать народными волненіями и предупреждать ихъ, и если онъ не щадитъ несмѣтныхъ издержекъ на украшеніе Парижа и вообще на предметы государственной роскоши, для того только, чтобъ дать пищу народ-

ному труду и занять руки рабочаго народа, то можно ли предполагать, чтобъ онъ рѣшился въ наше время на уничтоженіе таможенной охранительной (отъ чего же не охранной?) системы, которая, ограждая народный трудъ и обезпечивая благосостояніе массы рабочаго народа, ограждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ спокойствіе государства, силу и власть правительства?»

Оставя въ сторонѣ этотъ оригинальный взглядъ на причины французской революціи, котораго кажется даже и Гуронъ—виноватъ: Гуранъ — не раздѣляетъ, за что̀ клевещете вы на настоящаго главу французскаго правительства? И безъ того уже за Людовикомъ Наполеономъ много финансовыхъ грѣховъ. Его громадныя издержки на постройки въ Парижѣ, предпринятыя отчасти съ цѣлью ни на минуту не оставлять рабочее сословіе безъ дѣла и безъ платы; займы города Парижа для вознагражденія булочниковъ, обязанныхъ продавать хлѣбъ рабочимъ по низкой цѣнѣ — всѣ подобныя мѣры доказываютъ только весьма положительно и ясно какъ настоящее французское правительство заботится о сохраненіи добраго расположенія рабочаго сословія, забывая даже, ради минутнаго спокойствія, что рано или поздно, а откроются глаза народу, и онъ ясно увидитъ, что все это новое бремя придется ему выносить на своихъ же собственныхъ плечахъ. Точно тѣми же причинами можно объяснить и нерѣшительныя мѣры французскаго правительства относительно измѣненія тарифа.

Если въ чемъ уже нельзя обвинить нынѣшняго императора, такъ это въ упрямомъ преслѣдованіи началъ *охранной* системы. Со времени Сенатскаго постановленія, предоставившаго главѣ правительства измѣнять тарифъ по своему благоусмотрѣнію и сообразно новымъ торговымъ договорамъ, то-есть съ 1852 г. и до настоящей минуты, мы видимъ, что Людовикъ Наполеонъ постоянно высказывалъ и высказываетъ свою наклонность къ облегченію статей французскаго тарифа.

Въ этомъ никто не можетъ отказать ему, но зато ни въ одномъ можетъ-быть государственномъ вопросѣ и не дѣлалъ онъ столько уступокъ. Его намѣренія порѣшить навсегда съ запретительною системой разбились объ упорное сопротивленіе фабрикантовъ и законодательнаго собранія, которое во

всѣхъ иныхъ вопросахъ постоянно является робкимъ и послушнымъ орудіемъ его воли. Не смотря однакожь на такое сопротивленіе, французское правительство не переставало облегчать понемногу то ту, то иную статью тарифа. Идти на перекоръ фабрикантамъ ему дѣйствительно нѣсколько трудно, потому что они грозили не разъ распустить рабочихъ, ну, а рабочее сословіе — это ахиллова пята настоящаго правительства, которое боится болѣе всего незанятаго, празднаго и голодающаго пролетаріата. Въ доказательство же какъ дешево обходится Франціи ея запретительная система можетъ служить, изъ числа многихъ примѣровъ, хоть слѣдующій, который мы заимствуемъ изъ Journal des mines.

Одной изъ компаній желѣзныхъ дорогъ потребовалось 30 локомотивовъ; англійскіе машинисты взялись поставить ихъ по 45,000 фр. за локомотивъ, но предложеніе ихъ отвергли ради поощренія народной промышленности, и заказъ порученъ былъ французскому заводчику, по 60,000 фр. за штуку. И что же! Послѣдній заказалъ ихъ въ Англіи по 45,000, и поставилъ обществу по 60,000 фр. Онъ получилъ 450,000 фр. барыша, а что̀ отъ этого выиграла народная промышленность предоставляемъ судить *Гурану* и представителямъ здраваго русскаго смысла вмѣстѣ съ нимъ.

Не смотря на всѣ сопротивленія фабрикантовъ, «Монитёръ» 1855 г. былъ богатъ декретами, облегчавшими французскій тарифъ. Въ 1856 году видимъ мы то же стремленіе во всей остальной Европѣ. Отчего же г. Ушинскій не прослѣдилъ пристальнѣе за измѣненіемъ европейскихъ тарифовъ? Это вовсе не такъ трудно, потому что всегда объявляется и печатается въ газетахъ. Неужели же для него статьи гг. Шипова и Рогозина болѣе имѣютъ авторитета, нежели офиціальныя извѣстія «Монитёра» и другихъ газетъ. Не мѣшало бы также всякому, интересующемуся вопросомъ о свободной торговлѣ и *охранной* системѣ, а въ особенности г. Ушинскому, которому такъ дорогъ здравый практическій смыслъ (не одинъ же, надѣюсь, только русскій), прослѣдить за преніями въ торговыхъ австрійскихъ палатахъ. Здѣсь можно найдти очень много поучительнаго. Здѣсь, не смотря на многія эгоистическія стремленія, на

многіе голоса, раздающіеся въ пользу стѣсненія торговли, большинство образованнаго торговаго сословія одерживаетъ верхъ, и результатомъ такого утѣшительнаго явленія были, напримѣръ, пересмотръ и потомъ измѣненіе въ 1856 году австрійскаго тарифа. Въ нѣмецкомъ таможенномъ союзѣ видно также сильное движеніе, въ духѣ свободной торговли.

Свобода торговли! Это ужасное слово, и его рѣшительно боишься произносить, потому что того и ждешь, что на васъ обрушатся гоненія, посыплются ругательства со всѣхъ сторонъ. Напрасно говоришь, что подъ свободной торговлей разумѣютъ въ настоящую минуту не болѣе какъ своевременное, обстоятельствами и потребностями народной жизни вызываемое облегченіе международныхъ сношеній; что никто и не думаетъ о безусловной свободѣ торговли, но что сама жизнь и промышленное движеніе влекутъ насъ неминуемо, хотя и постепенно, къ осуществленію этой идеи, точно такъ же какъ и къ осуществленію многихъ другихъ идей. Напрасно говоришь, что отъ постепеннаго пониженія тарифа крѣпнетъ народная промышленность, потому что не можетъ застаиваться и дремать подъ дамокловымъ мечемъ иностраннаго соперничества — все напрасно. Заведите рѣчь хоть о пониженіи тарифа на желѣзо. Васъ тотчасъ же пугнутъ призракомъ 500,000 рабочихъ, занятыхъ на желѣзныхъ заводахъ, которые будто бы останутся безъ дѣла. Зачѣмъ прибѣгать къ такимъ крайностямъ и къ такимъ отчаяннымъ доводамъ? Останется ли нашъ горнозаводскій людъ безъ дѣла, прекратится ли горнозаводскій промыселъ — это еще вопросъ. Отчего бы не подумать скорѣе объ остальныхъ 40 милліонахъ душъ, которымъ и гвоздь нуженъ, нужна и шина и подкова. А много ли теперь у насъ кованныхъ крестьянскихъ лошадей, много ли колесъ, обтянутыхъ шинами? Что за неволя, и за что же крестьянину нашихъ западныхъ и центральныхъ губерній покупать непремѣнно уральское желѣзо, когда иностранное дешевле и ему выгоднѣе? Дѣло не въ томъ, чтобъ непремѣнно только своимъ пользоваться, дѣло не въ промышленной независимости отъ чужеземцевъ. Это понятія старовѣрческія, напоминающія намъ помѣщичью наивность, предполагавшую, что свое домашнее всегда и дешевле и выгоднѣе. Ежели наши русскія издѣлія выгодно покупать

— слава Богу, покупайте, производите; но когда иностранныя произведенія дешевле, то они безъ сомнѣнія выгоднѣе для нашего кармана. Пониженіе тарифовъ, не мгновенное, повторяемъ опять, но постепенное, соображающееся съ состояніемъ той или другой отрасли промышленности, потому и необходимо, что безпрерывно будетъ заставлять производителей удешевленіемъ продуктовъ расширять свой рынокъ, и въ расширеніи послѣдняго искать барышей, а не въ высокихъ и монопольныхъ цѣнахъ. Помню я горячій споръ о необходимости или вредѣ пониженія тарифа на желѣзо. Истощивъ всѣ доводы въ защиту запретительнаго и строго охранительнаго тарифа на желѣзо, защитники его высказали наконецъ послѣднее и, по мнѣнію ихъ, самое убѣдительное доказательство: ну, а вдругъ война — откуда же мы будемъ получать желѣзо, когда свое производство убьется иностраннымъ соперничествомъ? Такія страсти, въ родѣ страстей, которыми Аѳанасій Ивановичъ пугалъ Пулхерію Ивановну, найдемъ мы не одинъ разъ у г. Ушинскаго въ его сборникѣ статей представителей здраваго русскаго смысла. Онъ боится также, что мы останемся безъ сахару въ случаѣ войны, когда сбавимъ тарифъ съ привознаго сахара, и тѣмъ непремѣнно убьемъ свеклосахарную нашу промышленность. Что за предусмотрительность, что за дѣятельная заботливость и что за воинственный въ то же время духъ! По мнѣнію представителей здраваго русскаго смысла, Россія должна безпрерывно ожидать войны, ну и на всякій случай подготовляться къ ней, то-есть покупать желѣзо какъ можно дороже.

Опровергать всѣ подобные доводы — значило бы повторять все то, что̀ не разъ уже было высказано. Но къ чему же это поведетъ? Защитники *охранной* системы, статьи которыхъ помѣщены въ сборникѣ г. Ушинскаго — это точно наши барыни-помѣщицы при полюбовномъ размежеваніи. Съ ними нельзя говорить, нѣтъ возможности ихъ убѣдить. Онѣ такъ привыкли къ своей черезполосицѣ, такъ сжились съ нею, что хоть и неловко, и убыточно, и тяжбамъ нѣтъ конца, а все стоятъ на своемъ покуда не размежуютъ ихъ силой. Запретительная и охранительная система это тоже своего рода черезполосица, нуждающаяся непремѣнно въ размежеваніи. Два раза въ короткое время, въ 1850 и въ 1857 гг., тарифы наши были пере-

смотрѣны, измѣнены и облегчены, и не во вредъ нашей мануфактурной промышленности, съ чѣмъ должны кажется согласиться сами наши фабриканты.

Мы видѣли какъ г. Ушинскій вертитъ своевольно историческими фактами; въ заключеніе приведемъ еще мѣсто изъ его книги, которое можетъ служить лучшимъ доказательствомъ какъ онъ обращается съ цыфрами. Въ числѣ различныхъ доводовъ, свидѣтельствующихъ о преимуществѣ и благодѣяніяхъ мануфактурной промышленности, обезпеченной охранительною системой, приводитъ онъ еще и то обстоятельство, что въ губерніяхъ промышленныхъ замѣтна сильнѣйшая прибыль народонаселенія. Онъ воспользовался цыфрами профессора Бунге въ статьѣ его «Измѣненіе сословнаго состава населенія Россіи въ промежутокъ времени между 7-ю, 8-ю и 9-ю ревизіями.» Въ статьѣ представлено нѣсколько весьма замѣчательныхъ фактовъ убыли народонаселенія въ сословіи помѣщичьихъ крестьянъ, но г. Ушинскій и здѣсь умѣлъ воспользоваться цыфрами совершенно по-своему. «Благодѣтельное вліяніе промышленности, говоритъ онъ, обнаруживается и въ губерніяхъ, гдѣ она развита, Въ Московской, Ярославской, Тверской народонасаленіе возрасло на 10%, во Владимірской на 11%, въ Петербургской на 12%. Между тѣмъ въ чисто-земледѣльческихъ губерніяхъ: Полтавской, Смоленской, Калужской, Волынской приращеніе составляетъ только 3%; въ Витебской, Ковенской, Минской, Гродненской 1%; въ Тульской и Могилевской замѣчаемъ убыль на 1%, а въ Псковской на 4%.» Теперь представляется простой вопросъ, къ какому разряду причисляетъ г. Ушинскій губерніи Казанскую, Вятскую, Оренбургскую, Самарскую, Симбирскую, Саратовскую, Астраханскую, Землю Войска Донскаго? Вѣроятно же не къ мануфактурнымъ. Между тѣмъ онъ найдетъ въ той же статьѣ, и на той же страницѣ, что въ Казанской губерніи народонаселеніе возрасло на 15%, въ Вятской на 36%, въ Землѣ Войска Донскаго на 24%, въ Оренбургской, Симбирской, Саратовской и Самарской на 20%. Очевидно, что земледѣліе не препятствуетъ, какъ онъ думаетъ, приращенію народонаселенія. Приводить же въ доказательство невыгоднаго вліянія (?!) земледѣлія на народонаселеніе губерніи западныя и Псковскую это до крайности недобросовѣстно, — недоб-

росовѣстно потому, что должны же быть извѣстны г. Ушинскому географическія, климатическія и наконецъ историческія условія этихъ губерній, отразившіяся на ихъ экономическомъ быту. Но положимъ даже, что въ нашихъ центральныхъ и промышленныхъ губерніяхъ народонаселеніе развивается быстрѣе. Что же изъ этого слѣдуетъ? Приписать благосостояніе ихъ охранительной системѣ и всѣмъ ея крайностямъ? Сомнительно. Это доказываетъ только, что гдѣ всѣ вообще экономическія условія выгоднѣе, тамъ и народонаселеніе растетъ быстрѣе.

Промыслы нашихъ крестьянъ, наиболѣе выгодные и наиболѣе вліяющіе на благосостояніе цѣлаго края или одной губерніи, по большей части не зависятъ отъ охранительной системы. Много здѣсь значитъ и выгодное мѣстоположеніе на судоходной рѣкѣ, и торговый трактъ, и наконецъ самый характеръ народонаселенія. Не бывалъ вѣроятно никогда г. Ушинскій въ нашихъ чисто-земледѣльческихъ губерніяхъ, и не могъ полюбоваться на жизнь крестьянина, занимающагося исключительно земледѣліемъ, полюбоваться его просторными избами, лѣтнею и зимнею, пяткомъ, а иногда десяткомъ здоровыхъ, крѣпкихъ лошадей, да цѣлыми стадами овецъ и рогатаго скота. Въ Оренбургской и Самарской губерніяхъ это не рѣдкость. Нѣтъ,—довольство зависитъ не отъ охранительной системы, опасающейся всякаго соперничества, не отъ исключительнаго преобладанія или исключительнаго предпочтенія той или другой отрасли промышленности, а отъ дружнаго содѣйствія всѣхъ промышленныхъ силъ. Всякое излишнее покровительство одной промышленности необходимо клонится къ ущербу другой, необходимо ведетъ къ монополіи. Наши ворсминскіе и павловскіе стальныхъ издѣлій мастера — а ихъ вѣдь не мало — большое бы сказали спасибо за сбавку пошлины на желѣзо. А мало ли такихъ можно привести примѣровъ, и ежели мы вглядимся пристальнѣе въ хозяйство нашего крестьянина, то увидимъ, что предметы самые необходимые въ его домашнемъ обиходѣ покупаются имъ до крайности дорого: одни вслѣдствіе строгой охранительной системы, другіе вслѣдствіе различныхъ монополій, а строгая охранительная система вѣдь это все-таки своего рода монополія. Но къ чему подымать старый споръ, когда все это столько разъ было уже говорено и переговорено. Не *гурапствуй-*

ме г. Ушинскій, и не идите противъ того, къ чему время и новыя промышленныя потребности ведутъ и насъ и всю Европу. Крайности во всемъ вредны, но крайнія отсталыя убѣжденія, и въ добавокъ еще эгоистическія, вреднѣе всего. [1])

И. Бабстъ.

---

[1]) Надѣемся, что ни одинъ изъ нашихъ читателей не приметъ этихъ замѣчаній въ смыслѣ враждебномъ для отечественной промышленности. Никто не убѣжденъ болѣе насъ въ совершенной необходимости широкаго и сильнаго развитія фабричнаго и заводскаго дѣла въ Россіи. Но потому-то именно и возстаемъ мы противъ того неблагонадежнаго направленія, которое излишекъ охранительныхъ мѣръ можетъ временно сообщить этому великому для всѣхъ насъ дѣлу. *Ред.*

ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И СОВРЕМЕННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЕЯ, СОРИЛЬЯ.

—

Новѣйшая испанская литература въ своемъ возрожденіи представляетъ двѣ любопытныя стороны: одною изъ этихъ сторонъ она касается блестящей эпохи Кальдерона и Лопе-де-Веги, заимствуя въ ней наружную форму и краски, часто даже поэтическіе образы и слогъ; другою стороной она примыкаетъ къ новѣйшей эпохѣ европейскихъ литературъ, къ прогрессу идей, проникшихъ за Пиренеи изъ Франціи и Англіи. У нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ испанскихъ писателей вы съ перваго взгляда замѣтите вліяніе той или другой литературы; даже можете назвать того или другаго писателя, англійскаго или французскаго, котораго духъ отразился въ сочиненіяхъ современнаго Испанца. Такъ, напримѣръ, въ поэзіи Эспронседы вы чувствуете вдохновеніе Байроновой музы, читая Маріано-де-Ларру—вы припоминаете часто идеи и характеры Ж. Санда. У Сорильи (Zorilla) находятъ вліяніе Виктора Гюго, но находятъ одни Французы; Испанцы же, напротивъ, утверждаютъ, что въ сочиненіяхъ Сорильи столько же французскаго, сколько въ сочиненіяхъ Гюго испанскаго; по ихъ отзывамъ, Сорилья великій народный поэтъ, какимъ никто кромѣ его не можетъ быть, и потому Испанія любитъ его и дорожитъ имъ какъ избраннѣйшимъ изъ сыновъ своихъ.

Такая симпатія къ писателю, выражающаяся въ отзывахъ его соотечественниковъ столь положительно, возбуждаетъ двоякое любопытство: вопервыхъ къ таланту писателя и духу его сочиненій, а вовторыхъ къ самимъ его соотечественникамъ и къ достоинству началъ ихъ образованности. Знакомясь съ способомъ воззрѣнія писателя на искусство и выражаемые имъ ин-

тересы общенародные и общечеловѣческіе, знакомимся съ идеями и воззрѣніемъ самого народа, который вполнѣ ему сочувствуетъ. Вотъ почему мы избрали предметомъ этой статьи Сорилью, а не другаго писателя. Но какъ выше мы замѣтили, что современная литература испанская одною своею стороной примыкаетъ къ литературѣ предшествующихъ вѣковъ, то для яснаго уразумѣнія первой необходимо бросить взглядъ на послѣднюю, чтобъ опредѣлить, какая связь существуетъ между ними. Здѣсь представляется тотъ замѣчательный фактъ, что исторія испанской литературы есть вмѣстѣ исторія испанскаго театра, и на оборотъ, говорить о драматической литературѣ Испаніи, значитъ говорить о литературѣ Испаніи вообще. Здѣсь все, или почти все, умственное ея богатство и поэтическое направленіе, разумѣется исключая Донъ-Кихота и мистическихъ и богословскихъ сочиненій. Романсы и хроники, носящіе названіе историческихъ сочиненій, прибавляютъ къ итогу этой литературы сравнительно не много.

Постараемся опредѣлить нѣсколькими чертами характеръ ея, не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе писателей, стоявшихъ во главѣ поэтическаго направленія этой литературы въ періодъ ея процвѣтанія.

Историческія судьбы Испаніи указываютъ на двѣ главнѣйшія черты ея литературной физіономіи, которыя придали ей исключительный характеръ оригинальности. Такъ, долговременныя войны и сношенія Испанцевъ съ Арабами, народомъ, образованнѣйшимъ въ свое время, внесли въ народность испанскую элементъ восточный. Преимущества образованности, умственное превосходство, всегда оказывали вліяніе на народы, стоящіе на низшей степени развитія: это вліяніе неотразимо. Воспріимчивость же Испанцевъ, какъ народа южнаго, вполнѣ соотвѣтствовала оказываемому на него вліянію. Отсюда происходитъ то, что форма ихъ сочиненій отличается цвѣтистымъ метафорическимъ лиризмомъ; изображенія предметовъ исполнены картинъ, поэтическихъ мыслей и образовъ, набросанныхъ во множествѣ одни на другіе съ изысканною щеголеватостью; краски этихъ картинъ и образовъ удивительно ярки. На отдѣлку поэтической формы, щеголеватости стиля употреблялось много таланта, даже слишкомъ много, въ ущербъ интересу са-

маго содержанія поэтическихъ произведеній. Этотъ восточный вкусъ изображеній, этотъ метафорическій лиризмъ, влагаемый въ уста дѣйствующихъ лицъ драмъ и комедій, ослабляетъ эффектъ дѣйствія, которое, по новѣйшимъ европейскимъ понятіямъ о художественности формы, составляетъ, вмѣстѣ съ полнотою характеровъ дѣйствующихъ лицъ, главное достоинство въ комедіи или драмѣ.

Къ восточному элементу, характеризующему испанскую литературу XVII вѣка, присоединяется христіанскій элементъ, элементъ католической Церкви и составляетъ другую отличительную черту этой литературы: отсюда происходитъ идеальное ея направленіе, которымъ въ особенности отличается поэзія Кальдерона; его драмы служатъ по большей части выраженіемъ религіозной или догматической мысли. Оттого дѣйствующія лица въ нихъ мало похожи на людей съ разнообразными оттѣнками личныхъ характеровъ; это вовсе не типы и не характеры, какъ у Шекспира, а скорѣе говорящіе іероглифы, имѣющіе скрытое значеніе; взятые въ совокупности, они всегда выражаютъ какую-нибудь отвлеченную идею [1]).

Таковы главнѣйшія черты испанской литературы прошлыхъ вѣковъ. Эта литература, по собственному сознанію современныхъ писателей Испаніи, напитанная духомъ восточной поэзіи и христіанской аллегоріи, была болѣе блестящею, нежели основательной, болѣе поэтической, нежели положительной. Отчего происходилъ въ ней этотъ недостатокъ положительности? Причина тому скрывается вовсе не въ народности испанской: эта причина была рѣшительно случайная, внѣшняя.

Извѣстно какъ испанскіе короли заботились о сохраненіи чистоты религіозныхъ вѣрованій въ своемъ народѣ, и учреждая инквизицію и воздвигая костры для еретиковъ, пользовались особеннымъ благословеніемъ главы католическаго міра и титломъ католическихъ государей по преимуществу. Этими способами охранялась въ Испаніи не только чистота вѣры отъ ересей и расколовъ, но и тождество политическихъ идей. Сфера умственныхъ проявленій была обведена тѣсною чертою.

---

[1]) Но могучій, исполненный вѣры геній Кальдерона, придаетъ имъ изумительную торжественность и красоту. *Ред.*

Никакая попытка генія переступить за эту черту и расширить эту сферу полётомъ смѣлыхъ и оригинальныхъ идей не могла ожидать себѣ не только похвалы и рукоплесканій, но даже терпимости. Такая попытка была вовсе невозможною, или крайне опасной, ибо вліяніе инквизиціи простиралось и на предметы, выходящіе изъ круга религіозныхъ мнѣній: она преслѣдовала въ самыхъ сокровенныхъ убѣжищахъ всякую свѣжую мысль, всякое живое слово. Ужасъ сковывалъ умы. Какое же поприще оставалось генію для достиженія славы? Богословіе, схоластическая философія, безцвѣтныя нравоученія, любовныя пѣсенки, аллегоріи пастушескія и т. п. Литература была терпима именно за то, что ограничивалась красотами и достоинствами только этого рода. Испанцы въ теченіе долгаго времени свыклись съ такимъ порядкомъ вещей, онъ обратился имъ въ плоть и кровь. Этому содѣйствовали и внѣшнія историческія событія.

Въ то время, когда дѣятельность умовъ въ Испаніи заключалась въ тѣсныхъ предѣлахъ образованія и обработки литературнаго языка, въ мірѣ совершилось весьма важное событіе. Это событіе, религіозное въ началѣ и политическое по своимъ послѣдствіямъ, давшее толчекъ умственному развитію другихъ народовъ, повергло Испанію, въ которой подобное развитіе было преслѣдуемо и угнетаемо, въ состояніе жалкой неподвижности. Реформація открыла для народовъ Германіи и Англіи широкое поприще, на которое они устремились съ жадностью, и если она не взяла перевѣсъ во Франціи, то много содѣйствовала тамъ къ обузданію фанатизма. Люди, отважившіеся открыто бороться съ духомъ реформы, не рѣшались при этомъ дѣйствовать съ напряженіемъ всей энергіи, опасаясь безъ сомнѣнія, чтобъ народъ, увлеченный примѣромъ, не былъ этимъ доведенъ до крайности — броситься по новой, открывшейся передъ нимъ дорогѣ. Отсюда произошла та терпимость, которую законодатели усвоили себѣ тамъ какъ въ политикѣ, такъ и въ религіи; отсюда вѣкъ писателей-философовъ во Франціи, приготовившихъ переворотъ въ умахъ, за которымъ слѣдовалъ переворотъ другаго рода.

Испанія была въ то время далеко отъ прилива новыхъ идей; напротивъ, тѣ идеи, которыя въ другихъ странахъ давно уже устарѣли, для нея все еще оставались новыми: она все еще ви-

дѣла въ католицизмѣ палладіумъ своего спасенія отъ внѣшнихъ и внутреннихъ бѣдствій. Испанія даже служила тогда убѣжищемъ для партій, раздѣлявшихъ съ нею религіозный фанатизмъ и побѣжденныхъ въ другихъ странахъ Европы. Между тѣмъ Испанцы упоены были въ это время славою народовъ-завоевателей въ новооткрытыхъ земляхъ, гдѣ пылкое воображеніе представляло имъ несмѣтныя сокровища, эльдорадо: это обстоятельство содѣлывало ихъ гораздо менѣе чувствительными къ собственному стѣсненію, ибо его раздѣляли съ ними многіе покоренные народы.

Такимъ образомъ религіозное преслѣдованіе, вмѣстѣ со страстью къ открытіямъ и стяжаніямъ въ Новомъ Свѣтѣ, подавило въ Испаніи на долгое время всякую надежду литературнаго преуспѣянія. Ея литература, достигнувъ извѣстной степени совершенства въ твореніяхъ геніальныхъ, но идя врозь съ жизнью новой эпохи, какъ явленіе абстрактное, должна была остановиться на этой ступени, сдѣлаться навсегда выраженіемъ умственнаго застоя, если ей не суждено было измѣниться, взять другое направленіе, расторгнуть давнія оковы, наложенныя на нее нетерпимостью, и идти объ руку съ вѣчно развивающейся жизнью, заимствуя въ ней силу и свѣжесть началъ для дальнѣйшаго своего хода. Такъ и случилось: Испанія впала въ состояніе умственной неподвижности, и если она въ продолженіе столѣтія сохраняла еще свое литературное достоинство, такъ это было только слѣдствіемъ предшествовавшаго движенія, а вовсе не результатомъ живыхъ, дѣйствующихъ силъ.

Въ этомъ періодѣ испанской литературы, между эпохою ея процвѣтанія, которая замыкается созданіями Кальдерона, и между современною эпохою, длинный промежутокъ полутора столѣтія наполненъ отчасти подражаніями иностраннымъ литературамъ, въ особенности французской и итальянской, отчасти переводами сочиненій иностранныхъ писателей, преимущественно драматическихъ, наконецъ — самобытнымъ творчествомъ, но чуждымъ всякихъ правилъ, пораждавшимъ самыя уродливыя созданія фантазіи. Около половины прошлаго столѣтія, въ царствованіе Фердинанда VI, въ Мадридъ пріѣхалъ Карлъ Броски (Фаринелли), который до того времени живалъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ, и восхищалъ образованнѣйшую пуб-

лику своимъ пѣніемъ. Тогда всѣ утверждали, что Италія не дала еще свѣту музыкальнаго таланта, превосходнѣе этого. Фаринелли былъ принятъ въ лучшихъ салонахъ парижскаго и лондонскаго обществъ. Успѣхъ ожидалъ его и въ Мадридѣ. Здѣсь онъ пѣлъ неоднократно въ присутствіи королевскаго семейства, и получивъ приглашеніе остаться на службѣ короля, въ качествѣ придворнаго пѣвца и музыканта, сдѣланъ былъ директоромъ театра Буэнъ-Ретиро. Ему было поручено учредить итальянскую оперу, и для этой цѣли вызвать въ Мадридъ лучшихъ маэстро вокальной и инструментальной музыки, лучшихъ машинистовъ и декораторовъ. Сочинителями оперъ, серенадъ и интермедій были: аббатъ Пико де-ла-Мирандола, Метастазіо, Миліавакка, Іосифъ Бонеки и Павелъ Рольи. Оперы давались слѣдующія: Титово милосердіе, Ангелика и Медоръ, Полифемъ и Галатея, Артаксерксъ, покинутая Дидона и проч.; серенады: Убѣжище любви, Необитаемый островъ и пр. Эти зрѣлища, подъ дирекціею Итальянца, и исполняемыя Итальянцами, мало благопріятствовали успѣхамъ испанскаго національнаго театра и вовсе не удовлетворяли толпы. Народная сцена, лишенная покровительства Двора, отдана была въ руки невѣжественнымъ актерамъ и бездарнѣйшимъ поэтамъ. Здѣсь, кромѣ переводовъ нѣкоторыхъ трагедій Расина (Британника, Гоѳоліи и пр.), давались еще священныя аллегоріи (autos sacramentales), впрочемъ страшно искажаемыя невѣжествомъ актеровъ. Событія изъ Библейской исторіи разказывались здѣсь языкомъ балаганнаго паясничества; дѣйствующими лицами были различныя способности души и страсти, неодушевленные предметы, времена года, даже свѣтила. Въ одной изъ такихъ аллегорій говорится, что жена-Самаритянка живетъ въ улицѣ дель-Посо, въ Мадридѣ, въ другой—святому Августину совѣтуютъ идти въ госпиталь Санъ-Хуанъ де-Діосъ. Наконецъ Карлъ III, желая пресѣчь подобный соблазнъ, запретилъ представленіе священныхъ аллегорій. Затѣмъ послѣдовало на испанскомъ театрѣ и въ литературѣ испанской смѣшеніе драматическихъ именъ и сочиненій оригинальныхъ съ переводными французскими и итальянскими: на двухъ театрахъ давались попеременно Лопе и Кальдеронъ, Морето и Каньисаресъ, Корнель, Метастазіо, Расинъ, Мольеръ, Гольдони и Вольтеръ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія снова блеснула искра надежды, мелькнулъ призракъ возрожденія, которое, можетъ-быть и совершилось бы по крайней мѣрѣ отчасти, еслибъ политическія бури не застигли и не подавили зародышей въ сѣменахъ, посѣянныхъ въ довольно благопріятное еще царствованіе Карла III. Однакожь данный толчекъ не могъ остаться безъ послѣдствій. Въ эту эпоху молодежь обнаруживала уже менѣе апатіи и болѣе знаній, нежели предшествовавшія поколѣнія. Но обозрѣвая минувшее и думая найдти образцы для себя у предшествовавшихъ писателей, она увидѣла за собой пустое пространство. Отчаявшись соединиться съ давно прерваннымъ начинаніемъ и продолжать движеніе, парализованное въ продолженіи полутора вѣка религіознымъ и политическимъ самовластіемъ, это поколѣніе не могло придумать ничего лучшаго, какъ перескочить это пустое пространство, вмѣсто того, чтобы его наполнить, и рѣшилось пристать къ литературному движенію сосѣдней націи, усвоивая себѣ ея идеи въ томъ видѣ, въ какомъ находило ихъ тамъ. Въ это время взорамъ образованнаго міра представилось рѣдкое явленіе: Испанія, въ своей литературной дѣятельности, очутилась въ концѣ дороги, не проходя по ней!

Писатели этого поколѣнія: Айала, Лусанъ, Уэрта, Моратинъ (Николай Фернандесъ, комикъ, отецъ Моратина Леандро Фернандеса, тоже комика), Мелендесъ Вальдесъ, Ховельяносъ, Сіэнфуэгосъ и другіе возстановили литературу, это правда: но какимъ образомъ? — усвоивая ей французскій вкусъ XVIII вѣка, точно такъ же, какъ ихъ предшественники въ XVII вѣкѣ усвоивали литературѣ своего времени все итальянское. Они были подражателями, часто сами того не замѣчая и почти всегда отрицая это. Духъ анализа и философическій духъ Франціи рѣзко обозначили на нихъ свое вліяніе. Литературные дѣятели, усиливаясь быть самостоятельными, хотѣли спасти изъ общаго крушенія предыдущей эпохи манеру и выраженіе: то-есть усвоенныя ими французскія идеи XVIII вѣка хотѣли высказывать испанскимъ языкомъ XVI-го. Стараясь быть пуристами въ языкѣ, они уже считали себя оригинальными. Даже Леандро Фернандесъ де-Моратинъ, котораго литературная дѣятельность относится къ послѣднимъ годамъ прошлаго и первымъ нынѣшняго столѣтій, принадлежитъ къ этой категоріи писателей; на

немъ рѣзко обозначилось вліяніе Мольера. Въ его комедіяхъ изображаются тѣ же страсти, тѣ же пороки, тѣ же характеры, какъ и у геніальнаго французскаго комика; даже сюжеты нѣкоторыхъ піэсъ взяты имъ прямо у Мольера. Сочиненія его изданы Королевскою Историческою Академіею въ Мадридѣ въ 1825 году, съ длиннымъ предисловіемъ и каталогомъ драматическихъ писателей отъ начала XVIII вѣка до 1825 года.

Но у каждаго поколѣнія раждаются свои новыя потребности, новыя идеи, чуждыя его предшественникамъ, у которыхъ не было для нихъ даже имени и выраженія. Языкъ предковъ, богатый можетъ-быть для передачи идей своего времени, оказывается бѣднымъ для выраженія новыхъ идей послѣдующихъ поколѣній. Такимъ образомъ, сознавая съ одной стороны недостаточность одного подражанія иноземнымъ литературамъ, съ другой — видя невозможность воскресить и продолжать остановившееся почти два вѣка тому назадъ литературное движеніе, современные испанскіе писатели, образовавшіеся подъ вліяніемъ идей нашего времени, явились основателями новой литературы, которая, по ихъ мысли, должна служить выраженіемъ современнаго испанскаго общества. Они взяли себѣ девизомъ слѣдующее положеніе: «Мы не признаемъ литературнаго образца ни въ какой націи, ни въ какомъ писателѣ, ни въ какой эпохѣ, потому что вкусъ — вещь условная; не признаемъ никакой школы исключительно лучшею, потому что нѣтъ ни одной школы безусловно-дурной». Поэтому, только тѣ произведенія ума и фантазіи должны быть отнесены къ итогу сокровищъ литературы, которыя служатъ выраженіемъ умственнаго прогресса, которыя полезны положительно.

Одинъ изъ этихъ писателей, Ильдефонсо Овенасъ, занимаясь разъясненіемъ вопросовъ: возможна ли теперь въ Испаніи народная поэзія? какое было бы ея дѣйствіе? какія она должна имѣть отличительныя свойства? говоритъ между прочимъ, что въ настоящую минуту какъ нельзя болѣе кстати рѣшеніе этихъ вопросовъ, раздающихся на каждомъ шагу, при каждомъ возгласѣ о новѣйшей литературѣ, требующемъ народности съ воплемъ и необузданностью.

«Въ наше время, говоритъ онъ, народная литература могла бы существовать въ такомъ только случаѣ, еслибъ Испанія со-

хранила прежній исключительный характеръ; а кто рѣшится опредѣлить, какой характеръ отличаетъ ее нынѣ? Разумѣется никто, и самому остроумному наблюдателю, который вздумалъ бы осуществить эту мысль, пришлось бы ограничиться только описаніемъ прежняго характера Испаніи. Къ этому именно приходятъ всѣ тѣ, которые хотятъ, чтобъ жители Испаніи составляли общество на какихъ-то особенныхъ условіяхъ. Этою особенностью не пользуется никто лучше Кафровъ, обитателей Отаити и Бедуиновъ, а какая польза для этихъ племенъ, если бы ихъ народность пребывала навсегда неприкосновенной? Они навсегда остались бы въ одинаковомъ положеніи. Можетъ-быть, они и желали бы этой неподвижности, но это внѣ законовъ разума и природы: неподвижность невозможна. Развитіе есть необходимый законъ для всѣхъ, даже самыхъ грубыхъ и неодушевленныхъ родовъ творенія. Во вселенной нѣтъ состоянія косности; его не могло бы быть даже и тамъ, гдѣ народы основали бы себѣ жилище въ неприступныхъ горахъ, или зарылись бы въ нѣдра земли и сказали: останемся такими, какими мы теперь. Человѣкъ есть вѣнецъ творенія, совершеннѣйшій результатъ дѣятельности творящей силы природы, соединяющій въ себѣ съ способностью къ движенію впередъ все разнообразіе элементовъ нравственныхъ, подчиненный не только всякому постороннему воздѣйствію но вмѣстѣ и взаимному вліянію существъ одного съ нимъ рода.....

«Какъ звукъ, раждаясь, пробѣгаетъ опредѣленное пространство, и потомъ замираетъ, такъ особенныя причины, произведшія первобытную испанскую народность, постепенно ослабѣвали и теперь уже теряютъ свое дѣйствіе: онѣ едва замѣтны самому острому зрѣнію. Нашествія Финикіянъ и Карѳагенянъ, равно и нашествіе Римлянъ, еще въ древнія времена долженствовали состязаться о преимуществѣ въ образованіи испанской народности. Но эта народность давно уже исчезла. Вторженіе варваровъ въ Испанію, распространеніе христіанства, просвѣщеніе Арабовъ и войны въ продолженіе семи вѣковъ создали другую народность, которой суждено было достигнуть своего апогея въ царствованіе католическихъ государей; однакожь и она, въ самый этотъ моментъ, начинаетъ уже измѣняться, благодаря открытію Новаго свѣта и завоеваніямъ.

«Въ исходѣ XVIII вѣка испанская народность находилась уже въ страдательномъ состояніи, а въ началѣ XIX нужно было все неистовство переворота и вторженія иностранцевъ, чтобъ Испанія вышла на минуту изъ своего летаргическаго сна и почувствовала въ себѣ возрожденіе давно замершаго духа. Въ Испаніи все состарѣлось: высшій классъ совершенно французскій; средній классъ сохраняетъ еще слабую память преданій, которыя однако уже не обладаютъ его душей. Народъ же въ большихъ городахъ является жалкимъ атеистомъ какъ въ религіи, такъ и въ политикѣ, и только внѣ круга большихъ массъ народонаселенія прозябаютъ отпрыски утраченной народности. — Странное дѣло! Во всемъ этомъ такъ мало собственнаго, оригинальнаго характера, о которомъ хлопочетъ Испанія, что даже это возрожденіе къ религіи и набожности, даже эта реакція приходитъ къ ней изъ Франціи! Должно ли удивляться послѣ этого, ежели страна оказывается столь чуждою всѣмъ вопросамъ, занимающимъ въ настоящее время весь міръ, если она не помнитъ уже о своемъ прошедшемъ и не понимаетъ настоящаго?

«Что остается отъ древней Испаніи? Какая-нибудь семья средняго сословія, воспитавшая своихъ дѣтей безъ особеннаго тщанія, но въ духѣ католичества и суровости минувшихъ дней. Не припоминаютъ ли нѣкоторые юноши нашего времени, не ощущаютъ ли они иногда то религіозное впечатлѣніе, которое нѣкогда въ дѣтствѣ испытали въ храмѣ Господнемъ, умиленные торжественностью священныхъ обрядовъ? Но этому впечатлѣнію не достаетъ уже вѣры: оно припоминается потому только, что получено въ дѣтствѣ, слѣдовательно твердо врѣзалось въ памяти; вѣра же не пустила корней въ душѣ ихъ. Не смотря на то, этотъ классъ все еще самый почтенный остатокъ нашей народности.»

Лучшимъ характеристическимъ представителемъ этого класса является современный поэтъ Сорилья.

Донъ-Хосé Сорилья родился въ Вальядолидѣ 21 февраля 1817 года. Лѣта своего дѣтства онъ провелъ въ городахъ Вальядолидѣ, Бургосѣ и Севильѣ, гдѣ отецъ его попеременно занималъ важныя общественныя должности. Въ 1827 году семейство Сорильи переселилось въ Мадридъ, гдѣ онъ и получилъ

воспитаніе, а потомъ посланъ былъ отцомъ въ Толедо для окончанія курса законовѣдѣнья.

Отецъ Сорильи принадлежалъ къ отжившему поколѣнію, которому не предстояло уже никакого успѣха, никакой славы, и которое, сходя съ поприща отсталой дѣятельности, весьма безплодной, уступало его свѣжему поколѣнію, богатому блестящими надеждами, къ которому принадлежалъ и молодой Сорилья. Такіе люди, какъ отецъ послѣдняго, въ извѣстныя лѣта жизни обнаруживаютъ обыкновенно характеръ положительный, привязанный къ тѣмъ вещественнымъ и ограниченнымъ пользамъ, которыя извлекаются изъ положенія въ обществѣ, изъ карьеры по службѣ, и проч.; поэтому очень естественно то несогласіе, то разъединеніе видовъ и интересовъ, которое послѣдовало между старымъ и честолюбивымъ Сорильею и юнымъ его сыномъ, съ поэтическимъ направленіемъ: ибо Сорилья давно уже писалъ стихи, а юриспруденціею занимался весьма не охотно. Послѣ своего пребыванія въ Толедо, онъ прожилъ годъ въ Вальядолидѣ, подъ гнѣвомъ отца и подъ строгимъ надзоромъ друзей его, ибо поведеніе молодаго человѣка казалось имъ не добропорядочнымъ: онъ имѣлъ обыкновеніе часто уходить изъ дому въ такое время, когда это считалось неумѣстнымъ, и, блуждая Богъ знаетъ гдѣ, сочинялъ стихи. Наконецъ эта тягостная опека наскучила ему; онъ рѣшился освободить себя изъ-подъ отеческой власти и бѣжалъ въ Мадридъ. Это было около половины 1836 года.

15 февраля 1837 года въ Мадридѣ совершались похороны молодаго писателя, Маріано Хосé де-Ларры, котораго трагическая смерть—слѣдствіе безнадежной страсти—соединила вмѣстѣ его друзей и поклонниковъ его таланта. Въ минуту глубокой и искренней скорби, сопровождавшей трогательную надгробную рѣчь о его страданіяхъ въ жизни и о его заслугахъ литературѣ,—въ эту минуту, когда мысль присутствующихъ въ безмолвіи старалась сквозь завѣсу смерти проникнуть въ таинства судебъ инаго міра, — изъ толпы вышелъ впередъ неизвѣстный молодой человѣкъ. Ему было съ виду около 20 лѣтъ. Блѣдный и печальный, онъ бросилъ взоръ сперва на усопшаго, потомъ на небо и началъ читать отрывисто, но съ истиннымъ одушевленіемъ стихи, сочиненные имъ на смерть Ларры. Онъ

читалъ ихъ съ такою задушевною грустью, которая поразила всѣхъ присутствующихъ, и не могши дочитать, зарыдалъ самъ и остановился. Стихи были взяты у него изъ рукъ и дочитаны произнесшимъ надгробное слово. Они тутъ же пріобрѣли молодому поэту славу преемника геніальнаго Ларры. Этотъ неизвѣстный юноша былъ Сорилья.

Мы не приводимъ здѣсь его стихотворенія, въ которомъ поэтъ сравнивается, въ посланничествѣ своемъ на землѣ, съ «древомъ проклятымъ, приносящимъ плоды благословенные.»

Que el poeta en su mission
Sobre la tierra en que habita
Es una planta maldita
Con los frutos de benedicion.

Это стихотвореніе не заключаетъ въ себѣ ничего геніальнаго, но весь эффектъ его состоялъ въ томъ, что оно пришлось кстати, и какъ прочитано, такъ и выслушано было съ энтузіазмомъ, потому что явилось отголоскомъ общей скорби свидѣтелей похороннаго обряда.

Съ этого времени слава Сорильи возрастала съ каждымъ днемъ, и его стихотворенія, помѣщавшіяся въ періодическихъ изданіяхъ, читались всѣми съ жадностью. Въ чемъ же состояло достоинство его поэзіи, пробудившей такое сочувствіе въ его соотечественникахъ?

Мы видѣли, до какой степени, по собственному сознанію Испанцевъ, измѣнилась ихъ нравственная физіономія и какъ сбивчивы сдѣлались ихъ понятія о народности. Забывая о своемъ прошедшемъ, безъ любви и безъ ненависти къ его преданіямъ, они не знаютъ еще, къ какой будущности шаги ихъ направлены неопредѣлимыми судьбами исторіи, не знаютъ потому, что еще не сознали своего настоящаго и не нашли въ немъ точки отправленія въ чаемомъ ими возрожденіи. Если въ произведеніяхъ геніальнаго писателя должны отражаться нравственное состояніе и степень просвѣщенія его народа и того вѣка, въ которомъ онъ живетъ, то произведенія современнаго писателя вообще, а испанскаго въ особенности, должны быть отраженіемъ разнообразнѣйшихъ идей, начала которыхъ трудно доискаться въ самыхъ темныхъ моментахъ исторіи; зеркаломъ противорѣчащихъ надеждъ, изліяній простодушной вѣры и про-

блесковъ дикаго невѣрія, стремленій къ космополитизму и обращеній къ народности и исключительности религіозной и племенной. Бываютъ грустныя эпохи для человѣчества, когда связи, соединяющія общества и народы духовными интересами, распадаются, идеи разъединяются, и симпатія, существовавшая между ними исчезаетъ; когда міръ идей представляетъ какой-то хаосъ, область чувства — томительную пустоту; когда мысль человѣка не задаетъ себѣ другой дѣятельности, кромѣ анализа и сомнѣнія, а сердце не вмѣщаетъ въ себѣ другаго ощущенія, кромѣ чувства застигшаго его одиночества и сознанія той пропасти, въ которую погрузилось оно мимо воли. Правда, и въ это время геній можетъ иногда парить высоко, но онъ несится подобно сатанѣ въ Мильтоновой поэмѣ, одинокій среди хаоса: сіяніе солнца причиняетъ ему страданіе, красота міра вещественнаго пробуждаетъ въ немъ зависть. Его поэзія одинока такъ же, какъ онъ самъ, и какъ онъ, исполнена мрачнаго отчаянія. Онъ поетъ, или лучше, оплакиваетъ свои страданія и небо, затворенное для него; поетъ пламень, сосредоточенный въ груди его, разладъ собственнаго разумѣнія и противорѣчія своей судьбы, для него самого загадочной.

Такова, съ точки зрѣнія современныхъ испанскихъ писателей, настоящая эпоха, такова ея поэзія. Это — по преимуществу элегическая поэзія пустоты душевной и сомнѣнія, безъ системы и единства. Сорилья началъ,—и не могъ начать иначе, какъ этимъ родомъ поэзіи.

Взглядываясь въ вѣчно-кипящій водоворотъ жизни, онъ замѣчаетъ въ немъ разладъ съ высшими неизмѣнными законами бытія, сознаніе которыхъ лежитъ въ существѣ его нравственной природы. Этотъ неизбѣжный законъ движенія временъ, которому все повинуется, стремясь къ уничтоженію; съ другой стороны постоянно бѣгущая жизнь съ ея пустыми и ничтожными заботами, съ ея безпечностью о вѣчныхъ судьбахъ за чертою времени — эти идеи поражаютъ сознаніе поэта, и онъ высказываетъ ихъ въ своемъ стихотвореніи: *Часы* (Reloj), съ глубокою ироніей, въ которой слышится отчаяніе.

«Когда при сіяніи блѣднаго мѣсяца, среди сумрака ночи, въ вышинѣ отдается мѣрными звуками бой часовъ; когда идучи черезъ широкую площадь, прохожій видитъ движущуюся въ

кругу стрѣлку, — туда устремляются его глаза, и трепетъ обнимаетъ сердце: вращается стрѣлка, а съ нею уходитъ жизнь. И жизнь становится прекраснѣе, потому что утрачивается...

«Этотъ таинственный кругъ, эмблема вѣчности,—ликъ невидимаго существа на высокой башнѣ, съ готическими украшеніями,—представляется ангеломъ, ожидающимъ часа, когда разрушатся связи шара земнаго, и въ молчаніи считающимъ каждый исполнившійся часъ, возвѣщая усыпленному міру звенящимъ колоколомъ часы невозвратно утраченной жизни, которыхъ онъ не досчитается завтра по своемъ пробужденіи.

«О! поистинѣ ужасное зрѣлище, когда народъ, пробуждаясь, предается самозабвенію, смѣется и поетъ на этой площади, а часы на мрачной башнѣ равнодушно отмѣчаютъ время, бѣгущее среди вакхическаго неистовства. Можетъ-быть они отмѣчаютъ въ продолженіи дня и ночи послѣднія минуты тѣхъ, кому назначено умереть; можетъ-быть круглое, сухое лицо ихъ при этомъ осклабляется сардоническою улыбкой!

«О! какая жалкая участь видѣть написанными въ этомъ таинственномъ кругу ничтожество нашей гордой природы, ея тлѣніе и прахъ, слышать въ печальныхъ, размѣренныхъ звукахъ маятника шаги костлявыхъ ногъ смерти, приближающейся къ намъ за тѣмъ, чтобъ пресѣчь наше существованіе, слышать эти мѣрные удары: разъ, два, три..., съ которыми часы уходятъ и никогда не возвратятся; слышать ужасный приговоръ мѣрнозвучащаго маятника:

«*Nunca!*
Nunca! nunca!» — volve á ser
Lo que allá en la eternitad
Una vez contado fué.

То-есть: «*Во вѣкъ, во вѣкъ, во вѣкъ*» — не возвратится къ бытію то, что однажды перешло въ вѣчность!» Далѣе, этотъ мрачный характеръ поэзіи Сорильи высказывается еще опредѣлительнѣе. Къ веселью и упоенію у него всегда примѣшивается глубокая дума о конечной цѣли бытія и о смерти. Съ поэтомъ всегда его memento mori. Его муза — дочь древняго Египта; она воспѣваетъ пиръ жизни, среди котораго стоитъ гробъ, напоминающій о кратковременности бытія. Стихотвореніе: Vanitad de la vida, *Тщета жизни*, есть настоящее изображеніе еги-

петскаго пиршества: вакханалія оканчивается здѣсь похороннымъ зрѣлищемъ.

«Былъ день оргій и безумства, говоритъ онъ, одинъ изъ тѣхъ дней, когда мы упивались земными радостями, отрицая въ нелѣпыхъ теоріяхъ достоинство добродѣтели; смѣялись и пѣли на нечестивомъ пиршествѣ, упивались до безстыдства, слагая гимны нечистой любви къ красотѣ; съ неистовымъ смѣхомъ кощунствовали надъ высокой доблестью, забывъ о всемогуществѣ Бога.

«Ночь наступала; отрезвляясь отъ вина и восторговъ, вдругъ мы поражены были звуками колокола и пѣніемъ псалмовъ: шла погребальная процессія. Когда пѣніе возгласило упокой души, произнесенное имя окаменило насъ: нынче прахъ! а вчера еще красота этого праха очаровывала всѣхъ, была царицей общества и гостиныхъ. Сердце содрогнулось, но видя своими глазами и слыша своими ушами—мы сказали наконецъ: «это не мечта».

«То былъ призракъ того перста, который писалъ изреченіе на стѣнѣ (Вальтазарова чертога)... А пиршество все-таки шло своимъ чередомъ... Идите безъ страха, пойте друзья и пейте, не зная печали!»

Въ стихотвореніи: *Вѣра*, Fé, Сорилья представляетъ ужасающій образъ атеиста, этого демона, вооруженнаго страшными софизмами, которые приводятъ его къ заключенію: mejor es no creer (лучше не вѣрить), и наконецъ, передъ послѣдними минутами жизни, всѣ эти софизмы разлетаются въ прахъ, и мысль, не находя опоры, не находя успокоенія, устремляется въ пропасть съ страшными нескончаемыми терзаніями. Поэтъ молитъ ангела-хранителя исторгнуть мысль изъ этой бездны безвѣрія, восклицая:

Oh! espiritu tutelar!
En la noche silenciosa
Si brota mi fé dudosa
Alguna plegaria impia,
Con tu aliento de ambrosia
Purificala al pasar.

То-есть: «О духъ покровитель! ежели въ безмолвіи ночи моя колеблющаяся вѣра дастъ какой-либо нечистый отпрыскъ, ты благоуханнымъ вѣяніемъ очисти его, проносясь мимо!»

Ни чѣмъ не отразимое сознаніе о кратковременности и неизбѣжной чредѣ уничтоженія земнаго бытія пробуждаетъ въ душѣ поэта глубокую и грустную симпатію къ великолѣпію, могуществу и славѣ, застигнутымъ этимъ же неотразимымъ жребіемъ уничтоженія. Такъ, олицетворяя въ Венеціи судьбу нѣкогда славныхъ царствъ, въ послѣдствіи падшихъ или утратившихъ свой блескъ и могущество, жребій народовъ, погибающихъ отъ развращенія нравовъ, Сорилья изображаетъ въ превосходныхъ стихахъ, древнее величіе ея и настоящее ничтожество. Далѣе, онъ оканчиваетъ свой похоронный гимнъ Венеціи вакхическими возгласами пиршества, на которое приглашаетъ ее смѣяться пѣть и пить, потому что жизнь слишкомъ кратковременна. «Да будутъ твоимъ закономъ, гигантскій городъ! удовольствія и смѣхъ, пѣсни и вино. На веселомъ и великолѣпномъ пирѣ засыпаетъ *минувшее* и предается забвенію *будущее!*» Какою горькою ироніей замыкаются подобныя стихотворенія Сорильи, гдѣ онъ, высказавъ въ энергическомъ стихѣ, обрисовавъ рѣзкою чертой тщету всего земнаго, приглашаетъ людей къ веселью и упоенію, потому что жизнь кратковременна, пародируя такимъ образомъ гораціанскую языческую философію:

Quid sit futurum cras, fuge quaerere, et
Quem sors dierum cunque dabit, lucro
Appone, nec dulces amores
Sperne puer, neque tu choreas,
Donec virenti canities abest
Morosa.

Такая же иронія заключается въ послѣднихъ стихахъ къ Венеціи, намекающихъ на опьяненіе, въ которомъ понятія перемѣшиваются, и вмѣсто прошедшаго предается забвенію будущее!

Que en un festin espléndido y brillante
Duerme el *pasado*, el *porvenir* se olvida.

Чѣмъ выше геній поэта, тѣмъ разнообразнѣе красоты его поэзіи. Въ его твореніяхъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются его вѣкъ и народъ, съ его недугами и стремленіями, съ его сомнѣніями и надеждами; ибо въ сочувствующей душѣ поэта, независимо отъ его личной судьбы, находятъ себѣ отголосокъ и болѣзненные вопли цѣлаго поколѣнія, страждущаго глубокими нравственными недугами, и радостные клики беззаботной толпы, и

раздающіеся среди ликованій стоны отчаянія, и невольно вырывающійся восторгъ при созерцаніи величія и стройности прекраснаго Божьяго міра. Но въ то же время геній бываетъ хранителемъ сосредоточенныхъ въ немъ даровъ человѣчества для будущаго, въ которомъ суждено имъ принести вожделѣнные плоды. Для него могутъ существовать, не смотря на скептицизмъ и развращеніе эпохи, вѣра и добродѣтель, любовь и самоотверженіе, героизмъ и интересы высшіе, мысль о Богѣ и о вѣчности, — надежда безсмертія. Сорилья въ свою очередь понялъ, что поэзія, къ которой призывалъ его вѣкъ, была безплодна и скоропреходяща какъ сама эпоха разстройства и сомнѣнія, какъ отталкивающій эгоизмъ и оледеняющій душу скептицизмъ. Пріостановясь въ началѣ поприща и вознесшись на высоту, достойнѣйшую его служенія, онъ увидѣлъ изящную природу, свѣтлую, улыбающуюся, живую и одушевленную, какою она вышла изъ творческихъ рукъ Создателя, дабы служить поприщемъ подвизающейся доблести и благороднымъ усиліямъ человѣческаго ума. Тогда Сорилья, по восточно-метафорическому выраженію Діаса, окрашивая свое перо цвѣтами радуги и зари востока, изрекъ человѣчеству слова любви и утѣшенія, гимнъ благословенія и славословія Творцу:

Bello es el mundo, si, la vida es bella...
Dios en sus obras el placer derrama;
Solo no encuentra su contento en ella
Un corazon que el imposible ama.
Прекрасенъ Божій міръ, прекрасна жизнь земная,
Творецъ въ творенія блаженство нашъ разлилъ;
Лишь тотъ груститъ, здѣсь радости не зная,
Кто невозможное безплодно полюбилъ.

Любовь къ природѣ и примиреніе съ жизнью высказывается въ стихотвореніяхъ: «Нерѣшимость» (Indecision) и «Сельское уединеніе» (Soledad del campo); тихое созерцаніе міровой жизни и возвышенное пареніе къ небу—въ звучныхъ и картинныхъ стихахъ: «Вечерній сумракъ» (El crepusculo de la tarde) и «Къ Орлу» (A un aguila).

Муза Сорильи, не увлекаясь заманчивымъ будущимъ, съ живымъ сочувствіемъ углубляется въ прошедшее, чтобъ собрать въ немъ цѣнь преданій, почтить поэтическимъ воспоминаніемъ величественные остатки минувшаго и поискать въ

нихъ основы для будущаго. Въ небольшихъ поэмахъ, называемыхъ преданіями и легендами и носящихъ общее названіе пѣсенъ трубадура (Cantos del Trovador), поэтъ воскрешаетъ бытъ древней Испаніи съ ея религіею, рыцарскими законами и обычаями. Здѣсь вы увидите древняго благороднаго рыцаря королевской крови, написаннаго во весь ростъ. Расточительный на бѣдныхъ, защитникъ невинныхъ и слабыхъ, неизмѣнный въ дружбѣ, онъ образецъ строгости нравовъ. Его занятія—пиры, охота и турниры. Здѣсь также замѣтите вы простоту гражданскаго быта, черты суровости закона и религіознаго духа въ отправленіи правосудія. Въ одной изъ легендъ «Хорошъ судья, а свидѣтель и того лучше» (A buen jues mejor testigo) молодая дѣвушка въ Толедо, Инеса де-Варгасъ, оставленная женихомъ своимъ, поклявшимся передъ Распятіемъ въ одной подгородной долинѣ, жениться на ней по возвращеніи изъ Фландріи, куда онъ отправлялся на войну, — принесла жалобу въ судѣ, что женихъ ея, возвратясь на родину, не сдержалъ своей клятвы. (Онъ вышелъ въ походъ солдатомъ, а воротился капитаномъ.) Когда она предстала передъ судей, первый вопросъ ихъ былъ, разумѣется, есть ли доказательства, что такой-то женихъ, Діэго, обѣщался на ней жениться? Доказательствъ никакихъ. Призванный въ судъ Діэго отрекся отъ своей клятвы. И такъ какъ доказательствъ клятвы не было, то главный судья, Донъ-Педро Руисъ де-Аларконъ отпустилъ Діэго, сказавъ ему: Id con Dios, идите съ Богомъ. Дѣвушка въ отчаяніи воскликнула: онъ лжетъ! — *Судья*. А есть у тебя свидѣтели? — *Дѣвушка*. Ни одного. — Судья повторилъ: Капитанъ, идите съ Богомъ!—Онъ уже пошелъ, но обвинительница съ новой рѣшимостью воскликнула:—Воротите его: у меня есть свидѣтель, который никогда не отступалъ отъ истины. — «Кто?» — Одинъ человѣкъ, который издали слышалъ наши слова, смотря на насъ съ возвышенія. — «Стало-быть онъ смотрѣлъ съ балкона?» — Нѣтъ, онъ былъ на мѣстѣ страданія, гдѣ давно испустилъ духъ.—«Значитъ, онъ умеръ?»—Нѣтъ онъ живъ.—«Ты съ ума сошла!... Кто же это?» — То былъ Христосъ Спаситель на крестѣ, передъ лицомъ котораго произнесена была клятва.

Встали съ мѣстъ всѣ присутствующіе при имени Искупителя, внимая со страхомъ такой необычайной апелляціи; однакожь

суровый, безстрастный судья произнесъ: «Законъ для всѣхъ законъ! но для такихъ свидѣтелей какъ твой, нѣтъ судіи, кромѣ Бога!» Сказавъ это, онъ отдалъ приказъ писарю при захожденіи солнца отправиться въ долину съ опросомъ...

Это необычайное событіе привлекло туда множество народа. Писарь по формѣ прочелъ передъ Распятіемъ записанное въ судѣ показаніе дѣвушки и громогласно спросилъ: *Іисусе, сынъ Маріи, призванный нынѣ отъ Инесы де-Варгасъ въ свидѣтели, клянешься ли въ истинѣ того, что однажды у божественныхъ ногъ твоихъ нѣкто Діего-Мартинесъ обѣщалъ ей, Инесѣ, жениться на ней?* Пригвожденная десница отдѣлилась отъ креста, и съ поднятіемъ ея подобно рукѣ присягающаго, голосъ свыше человѣческаго раздался въ воздухѣ: «клянусь!» Ужаснувшійся народъ устремилъ взоръ на священный ликъ Искупителя и увидѣлъ уста, еще отверстыя по произнесеніи звука, и руку, оставшуюся непригвожденною до сихъ поръ... Невѣста и женихъ, пораженные чудомъ, отреклись отъ міра и посвятили себя Господу.

Здѣсь,въ этихъ легендахъ, съ великолѣпными подробностями изображается средневѣковой обычай рѣшать дѣло судомъ Божіимъ, то-есть поединкомъ,особенно,когда женщина или дѣвица обвинялась въ какомъ-либо преступленіи. На аренѣ, назначенной для совершенія казни, и окруженной балюстрадомъ, воздвигнутъ костеръ; кругомъ народъ, собравшійся изъ окрестностей на зрѣлище. Здѣсь присутствуютъ судьи и король. Обвинитель является во всеоружіи и ожидаетъ противника, рѣшающагося сразиться съ нимъ за правоту обвиняемой жертвы. По обнародованному за мѣсяцъ до того вызову, обыкновенно является неизвѣстный рыцарь, съ опущеннымъ забраломъ, на защиту оклеветанной. Онъ вооруженъ съ ногъ до головы, или какъ говорятъ Испанцы: armado hasta los dientes, воруженъ до самыхъ зубовъ. Потомъ сражаются на копьяхъ, и если одинъ выбитъ изъ сѣдла, то конечно ужь мечъ противника довершаетъ его пораженіе. Обыкновенно защитники оклеветанной невинности одерживаютъ побѣду.

Здѣсь же, въ этихъ легендахъ, видите вы жизнь рыцарей и бароновъ въ уединенныхъ за́мкахъ, окруженныхъ башнями съ готическими зубцами, о стрѣльчатыхъ окнахъ съ цвѣтными

стеклами, покрытыми аллегорическою живописью. Тамъ, порою, тоскуетъ красавица; а въ тихую безлунную ночь, въ саду замка, въ миртовой рощѣ, или близь фонтана, ожидаетъ ее рыцарь, предметъ ея одинокой грусти. Но воспроизведеніе быта этихъ поэтическихъ временъ въ поэмахъ Сорильи лучше передастъ намъ современный испанскій же писатель: «Въ нихъ, говоритъ онъ, воображенію поэта приходилось имѣть дѣло съ обществомъ одинаково и дружно настроеннымъ на ладъ религіи и добродѣтели, величія и славы, богатства и чувствительности; но въ то же время перу его слѣдовало представлять контрастъ всего, что настоящая эпоха имѣетъ въ себѣ мелочнаго, холоднаго и смѣшнаго, съ воспоминаніями о великолѣпныхъ, торжественныхъ и высокихъ чертахъ временъ рыцарства и религіозной эпохи. Сорилья первый изъ испанскихъ поэтовъ почувствовалъ необходимость отыскать въ этихъ вѣрованіяхъ и преданіяхъ сокрытыя въ нихъ сѣмяна величія и общественности, и исторгнуть изъ пропастей былаго — сокровища для будущаго; онъ первый далъ поэтическое бытіе забытымъ религіознымъ памятникамъ и выставилъ на показъ величественныя торжества, составлявшія радость нашихъ предковъ. Подъ его перомъ возстаетъ изъ праха, какъ забытая гробница, суровая столица Готской имперіи, облаченная въ порфиру своихъ королей и пурпуръ своихъ прелатовъ, воинственная, религіозная и политическая, а въ послѣдствіи обращенная сластолюбивымъ Арабомъ въ жилище роскоши и утѣхъ. Передъ нами возраждаются образы ея пиршествъ и рыцарскихъ турнировъ, благоухащіе восточными ароматами, богато-убранные въ шелкъ и перья и осыпанные драгоцѣнными каменьями. Но въ послѣдствіи мы видимъ надо всѣми этими воспоминаніями гигантское возникновеніе и возвышеніе архитектурныхъ символовъ христіанства, великолѣпныхъ храмовъ, съ мѣдно-звучащимъ глаголомъ колоколовъ; присутствуемъ при священныхъ обрядахъ религіи, прекраснѣйшей, какая когда-либо существовала. — Насъ ослѣпляетъ блескъ тысячи свѣчъ, отраженныхъ въ золотѣ алтарей и въ алмазахъ Скиніи. Здѣсь присущи всѣ искусства, здѣсь музыка, живопись, ваяніе и зодчество — всѣ соединились для одной общей цѣли, всѣ образуютъ сочетаніе даровъ человѣка, приносимыхъ для возвеличенія и украшенія храма, какъ символа чистѣйшей религіи.

Повергшись долу съ народомъ, присутствующимъ при этомъ величественномъ зрѣлищѣ, мы отдѣляемся духомъ отъ бреннаго своего существа, при этомъ свѣтѣ и гармоніи, отъ которыхъ нами овладѣваетъ восторгъ, навѣвающій идею блаженства выше всѣхъ преходящихъ радостей. Въ эту минуту умолкаютъ стенанія скорби. Рыданія горести, стоны немощи и бѣдствія обращаются въ слезы святаго умиленія, въ гимны упованія. Презрѣніе къ жизни и ненависть къ людямъ смѣняется идеею безсмертія, храмъ объемлетъ всю жизнь, религія восполняетъ поэзію жизни. При переходѣ отъ восторженнаго состоянія къ дѣйствительности, мы не можемъ не посвятить вздоха этимъ прекраснымъ утраченнымъ временамъ, сожалѣнія—утѣхамъ нашихъ отцовъ, не можемъ освободиться отъ грусти по ихъ вѣрѣ, служившей для нихъ жизненною пищей, не можемъ удержаться отъ внутренняго плача по этой оставленной религіи, и не можемъ не чувствовать благоговѣнія къ почтеннымъ ея останкамъ.

«Таково свойство разнообразныхъ и глубокихъ ощущеній, пробуждаемыхъ въ насъ дивною пѣснью поэта. Можетъ-быть спросятъ нѣкоторые: имѣлъ ли онъ въ виду мысли, высказанныя мной, его толкователемъ? нисходилъ ли до этихъ философскихъ соображеній, до этого нравственно-религіознаго анализа своихъ твореній, до этого предусмотрѣннаго разсчета и плана своихъ поэтическихъ трудовъ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ; и даже будь онъ способенъ къ подобнымъ соображеніямъ и разсчетамъ, онъ не долженъ былъ осуществлять ихъ: геній не резонёрствуетъ, и поэты, какъ всѣ исключительныя существа въ мірѣ, не сознаютъ того, что̀ они есть, исполняютъ свое назначеніе, сами его не вѣдая; они даже не знаютъ теоріи зданія, которое воздвигнуть призваны, ни могущества началъ, которые суждено имъ повѣдать и распространять. Живущіе въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ ними, часто всѣхъ несправедливѣе судятъ о нихъ, думая, въ своей гордости, что они одни разгадали тайну генія; и какъ они видятъ вблизи испещренный помарками автографъ, то думаютъ, что кажущіяся другимъ издали красоты въ картинѣ, полной истины и жизни, суть не что иное, какъ облака и химеры. Они видятъ только человѣка тамъ, гдѣ должны были видѣть поэта; видятъ только автора, тогда какъ должны были разсматривать его твореніе. Слышатъ болѣзненные стоны того, на чьёмъ лицѣ

постоянно сіяетъ радость, и не знаютъ, что это — стоны цѣлаго поколѣнія, исходящіе изъ его груди, слезы цѣлаго столѣтія, которыми увлажены струны его лиры. Видятъ счастливаго смертнаго, жалующагося на общество, которое его любитъ, въ нѣдрахъ котораго онъ находитъ радости, и не знаютъ, что для души, въ высшей степени сочувствующей, не довольно радостей собственныхъ, что сердце этого жалующагося счастливца, подобно морской губкѣ, вбираетъ въ себя и изливаетъ горечь десяти милліоновъ несчастливцевъ. Видятъ свѣтскаго человѣка, иногда равнодушнаго и скептика по наружности, проповѣдующаго религію и ея таинства, и не подозрѣваютъ здѣсь страшнаго олицетворенія атеистическаго вѣка, присужденнаго распростираться у подножія жертвенниковъ, отыскивая остатковъ священнаго огня, который оживилъ бы его оледенѣвшее существо, и вымаливать у Неба какъ единственной милости— вѣры и луча истины, который озарилъ бы человѣчеству путь къ его назначенію среди ужасающаго мрака его скептицизма. Нѣтъ, они видятъ только человѣка, одѣтаго по модѣ, какимъ онъ является въ обществѣ и на гуляньѣ, въ театрѣ и на пирѣ, который имъ кажется болѣе поверхностнымъ и матеріальнымъ, нежели онъ есть въ глубинѣ своей души, и потомъ восклицаютъ: и это человѣкъ! это философъ, это поэтъ! Но общество одно видитъ генія, одно постигаетъ тайну его вдохновенія и приноситъ дань удивленія созданіямъ его мысли и фантазіи».

Таково сужденіе самихъ Испанцевъ о характерѣ и значеніи поэзіи Сорильи какъ лирической, такъ и эпической. Красоты этой поэзіи весьма разнообразны: достоинство мыслей, пластическая живописность образовъ, роскошь описаній, энергія и возвышенность чувства и выраженія—все это есть у Сорильи и все оправдываетъ славу, какою пользуется онъ въ своемъ отечествѣ. Если его стихотвореніямъ недостаетъ той художественной сжатости формы, какою отличается современная антологическая и лирическая поэзія, если краски у него слишкомъ ярки, если описанія иногда длинны, то не слѣдуетъ забывать, что задолго до него Испанія имѣла литературу, въ свое время богатѣйшую нежели у какого-либо другаго народа Европы, кромѣ развѣ Итальянцевъ, и отличавшуюся тѣми же свойствами, ибо эта литература восточнаго происхожденія и образовалась со-

всѣмъ при другихъ условіяхъ, нежели, напримѣръ, литературы нѣмецкая и англійская, наслѣдовавшія въ классическомъ искусствѣ Грековъ художественный тактъ этого народа; а особенныя историческія причины въ Испаніи сильно содѣйствовали тому, чтобъ исключительный характеръ ея литературы навсегда остался за нею. Поэтому, имѣя въ своемъ прошедшемъ такой литературный завѣтъ, ни одинъ испанскій писатель, съ какимъ бы ни былъ онъ дарованіемъ, не можетъ совершенно освободиться изъ-подъ его вліянія. Только геній-преобразователь можетъ пролагать новые пути въ области искусства, а такого генія у Испаніи теперь нѣтъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА НАШЕГО РЕМЕСЛЕННАГО КЛАССА.

—

Тѣ, кому не представлялось случая близко познакомиться съ бытомъ нашихъ ремесленниковъ, едва ли могутъ составить себѣ понятіе обо всемъ, что̀ въ немъ безотраднаго, почти невыносимаго (мы говоримъ о ремесленникахъ - работникахъ, а не хозяевахъ). *

Сословіе это состоитъ, большею частью, изъ помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей, отданныхъ съ малолѣтства въ ученье ихъ владѣльцами. Послѣ деревенской,—хоть тоже не очень завидной жизни, но все-таки жизни съ правомъ дышать свѣжимъ воздухомъ,—мальчикъ лѣтъ 10 попадаетъ въ душную, сырую и грязную мастерскую; спитъ гдѣ-нибудь подъ лавкой, на грязномъ полу; ѣстъ отвратительно, а при малѣйшемъ проступкѣ вовсе не ѣстъ и, наконецъ, если случается выбѣжать на улицу, его, не смотря на время года, едва-едва прикрываетъ дырявый затрапезный халатъ. О пріобрѣтеніи какихъ-либо познаній въ первые 2—3 года ученья нѣтъ и рѣчи: всѣ занятія его состоятъ въ бѣготнѣ въ лавочку, на рынокъ, въ присмотрѣ за дѣтьми хозяина и въ уборкѣ его комнатъ. Подобнаго рода *хозяйственныя* порученія ставятъ мальчика въ непосредственную зависимость отъ хозяйской жены, ея кухарки и присоединяютъ къ получившимъ нѣкоторую законность побоямъ хозяина и подмастерьевъ рядъ толчковъ и преслѣдованій со стороны остальныхъ властей. Каково должно быть вліяніе подобной обста-

* Извѣстно, что въ послѣднее время обращено у насъ на этотъ важный предметъ особенное вниманіе полицейскихъ начальствъ, по крайней мѣрѣ въ обѣихъ столицахъ.

новки на нравственное и физическое развитіе несчастнаго мальчика?

Все это, впрочемъ, отнюдь не удивительно и должно встрѣчаться вездѣ, гдѣ, какъ въ настоящемъ случаѣ, человѣкъ отдается въ полное, почти безотчетное распоряженіе другаго, да еще въ добавокъ до крайности неразвитаго. Во всѣхъ государствахъ, гдѣ нѣтъ и тѣни общественнаго суда надъ дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ, гдѣ безопасность отъ нравственныхъ и физическихъ побоевъ существуетъ только de jure, а не de facto, мальчикъ-ремесленникъ будетъ стоять во главѣ громадной, синей отъ побоевъ фаланги бѣдняковъ. Такъ какъ же не быть этому у насъ? у насъ, гдѣ, въ простомъ народѣ, убѣжденіе въ необходимости быть битымъ всѣмъ, что̀ старше, и въ правѣ бить все, что̀ моложе, всасывается съ молокомъ матери и въѣдается съ трудовымъ хлѣбомъ отца?

Какія бы мѣры ни принимало заботливое правительство къ искорененію этого зла, какъ бы усердно ни наряжало коммиссіи для осмотра ремесленныхъ заведеній и ни публиковало въ вѣдомостяхъ о найденныхъ безпорядкахъ,—едва ли можно ожидать удовлетворительныхъ результатовъ. Добросовѣстно исполненныя его распоряженія могутъ нѣсколько улучшить наружно матерьяльное содержаніе учениковъ — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но побои, постоянныя униженія и рядъ мелкихъ, гнусныхъ преслѣдованій, которымъ они безпрестанно подвергаются, могутъ быть отклонены лишь совершеннымъ измѣненіемъ основаній самаго быта или болѣе человѣчнымъ развитіемъ хозяевъ. Вслѣдствіе понужденій со стороны правительства, хозяинъ будетъ, напримѣръ, вдвое лучше кормить ученика, но зато едвали не вчетверо больше бить:—мнѣ-де изъ-за тебя досталось, каналья. Но если старанія правительства должны остаться безуспѣшными, то, съ другой стороны, ни измѣненіе быта рабочихъ, ни болѣе человѣчное развитіе хозяевъ не могутъ еще покуда энергически явиться на помощь: первое требуетъ много времени и громадныхъ средствъ, а второе, по своей непосредственной связи съ развитіемъ всего общества, имѣетъ свою предопредѣленную эпоху и едва ли можетъ быть вызвано преждевременно.

При такой жизни не мудрено, что ремесленникъ съ 15—16

лѣтъ знакомится съ кабакомъ и что въ послѣдствіи, когда, окончивъ ученье, начнетъ заработывать деньги, дѣлитъ ихъ на двѣ части, изъ которыхъ одна отправляется въ карманъ помѣщика, а другая въ карманъ откупщика. Первое было до сихъ поръ законно, а второе всегда довольно естественно: мудрено ли, что человѣкъ ищетъ средствъ забыть свою горькую долю, особенно, когда не предвидится средствъ къ ея улучшенію?

Такимъ образомъ, переходя изъ мастерской въ кабакъ и изъ кабака въ мастерскую, живетъ нашъ мастеровой, пока, наконецъ, болѣзнь не загонитъ его въ больницу, а больница въ могилу. Одинъ, можетъ-быть изъ тысячи, выберется въ хозяева, и то, кажется, только для того, чтобъ участь новаго поколѣнія не могла сдѣлаться лучше участи стараго.

Мы не будемъ входить въ подробности всего, что̀ въ этомъ быту грустнаго, раздирающаго душу; не будемъ описывать его нравовъ: разсматривать, напримѣръ, семейную жизнь ремесленника, ея вліяніе на все сословіе, и проч. Это дѣло нашихъ художниковъ-литераторовъ: они изучаютъ отдѣльные слои общества и, облекая плоды своихъ трудовъ въ занимательную, доступную для всякаго форму, знакомятъ съ ними все общество. Нашей же цѣлью было только предложить на общественное обсужденіе средство къ нѣкоторому улучшенію быта нашихъ ремесленниковъ, въ дурномъ состояніи котораго убѣдиться очень не трудно. — Если средство, предлагаемое нами окажется недѣйствительнымъ или неудобнымъ къ исполненію, то оно возбудитъ, по крайней мѣрѣ, толки, которые могутъ породить что-нибудь дѣльное; если же не возбудитъ и толковъ, то мы будемъ утѣшаться мыслью, что дали можетъ-быть кому-нибудь другому мысль заняться этимъ предметомъ. Теперь важно поднимать вопросы и на поднятые давать рѣшенія. Не бѣда, если изъ 10 предложенныхъ рѣшеній 5 негодны: часто передѣланное негодное можетъ оказаться годнымъ.

Дурное физическое воспитаніе и еще худшее нравственное, въ дѣтствѣ, и постоянная зависимость отъ рѣшительно ни чѣмъ не стѣсняемаго произвола хозяина, въ теченіи цѣлой жизни — вотъ главныя причины дурнаго состоянія нашихъ ремесленниковъ. Условія, при которыхъ совершается ихъ развитіе, дѣлаютъ явленіе между ними порядочной личности почти невозможнымъ,

а если она и явится, то участь ея едва ли не бываетъ хуже участи всѣхъ прочихъ. Съ твердымъ убѣжденіемъ, что прилежаніе, трезвое поведеніе и основательное знаніе дѣла дадутъ всегда средство заработать кусокъ хлѣба, и не будучи въ состояніи переносить грубаго обращенія хозяина, порядочный ремесленникъ, натерпѣвшись вдоволь, рѣшается оставить его и пріискиваетъ себѣ другое мѣсто...Новый хозяинъ не имѣетъ недостатковъ стараго, обращается со своими работниками менѣе грубо, но требуетъ, чтобы они не жалѣли мальчишекъ:—ихъ-де надо учить,—а работникъ en question добръ и иногда охотно извинитъ кое-что ученику.—Такой намъ не годится, говоритъ хозяинъ, потачку даетъ мальчишкамъ: вовсе отъ рукъ отбились. —Переходитъ онъ къ третьему—опять что-нибудь, а четвертый, пожалуй, и вовсе не приметъ:—больно, братъ, часто переходишь съ мѣста на мѣсто.

Это можетъ случиться съ работникомъ, какъ мы сказали, знающимъ дѣло, не пьющимъ, словомъ, порядочнымъ; что̀ же должно быть съ пьяницей и человѣкомъ, имѣющимъ въ самомъ дѣлѣ какіе-нибудь недостатки? Онъ долженъ умереть съ голоду, или приняться за воровство....Обстоятельства дѣлаютъ все, чтобъ испортить человѣка, хотя съ очень хорошими отъ природы задатками, и потомъ окончательно убиваютъ его за то, что онъ вышелъ дуренъ.

Намъ скажутъ, можетъ-быть, что не всѣ хозяева таковы, какими мы ихъ рисуемъ, и что еслибы все шло такъ, какъ мы только-что сказали, то всѣ хозяева остались бы безъ работниковъ. На первое мы отвѣтимъ, что хорошихъ хозяевъ очень и очень немного, и предоставимъ покуда, возражающимъ намъ, убѣдиться въ этомъ собственнымъ опытомъ; а на второе напомнимъ имъ о томъ, сколько разъ приходится каждому изъ нихъ не получать въ срокъ заказанной вещи, на томъ основаніи, что работники запили, что работники разошлись, что больно много набралось работы, слѣдовательно недостатокъ мастеровыхъ, и пр. и пр. Да кромѣ того, гг. защитники содержателей мастерскихъ, нѣтъ ли въ кругу вашихъ знакомыхъ такихъ, которыхъ судьба всячески гонитъ цѣлый вѣкъ, и которые, правда, жалуясь на нее, но все-таки живутъ? Въ подобныхъ личностяхъ нѣтъ

недостатка и между ремесленниками, да на нихъ-то и выѣзжаетъ все ремесло.

Мы сказали, что скорое и радикальное измѣненіе основаній этого быта крайне затруднительно. Но это отнюдь не мѣшаетъ стараться хоть нѣсколько улучшить его, и если трудно сдѣлать это для всего сословія, то возможно хоть для нѣкоторой его части. Послѣдняго можно бы кажется достигнуть учрежденіемъ «*Акціонерной компаніи ремесленныхъ заведеній*», которая, на собранный посредствомъ акцій капиталъ, устроиваетъ мастерскія: кузнечную, столярную, экипажную, сапожную или другія, смотря по величинѣ этого капитала и по тому, какія найдетъ болѣе выгодными.

Доказательства возможности существованія подобныхъ мастерскихъ, безъ убытка для ихъ учредителей, кажутся намъ лишними. Дѣйствительно: если сотни людей могутъ, каждый отдѣльно, съ ничтожнымъ капиталомъ завести мастерскія, доходами которыхъ, при самой недобросовѣстной работѣ, могутъ прожить лѣтъ 20 и оставить ремесло, успѣвъ въ нѣсколько разъ увеличить затраченный ими первоначально капиталъ; то почему же нѣсколько человѣкъ, устроивъ одну мастерскую на значительно большій капиталъ, не могли бы получить тѣхъ же выгодъ? Мы даже увѣрены, что на сторонѣ послѣднихъ долженъ оказаться рѣшительный перевѣсъ: большой капиталъ дастъ имъ средство покупать оптомъ, слѣдовательно дешевле, матеріалы для мастерскихъ, а постоянное наблюденіе за добросовѣстностью работы обезпечитъ вѣрный и скорый сбытъ произведеній. Но одного существованія такихъ мастерскихъ еще мало: [1]) онѣ должны удовлетворять слѣдующимъ, главнымъ условіямъ:

1. Работникъ долженъ находить въ этихъ мастерскихъ кроткое, человѣчное съ нимъ обращеніе и хорошее матеріальное содержаніе.

2. Онъ долженъ находиться въ зависимости лишь отъ своихъ способностей къ труду и прилежанія, а отнюдь не отъ чьего либо произвола.

---

[1]) Еще въ прошломъ году Высочайше утвержденъ Уставъ общества для шитья мужскаго платья, но основная мысль учрежденія чуть ли не діаметрально противуположна нашей.

и 3. При мастерскихъ должны быть устроены школы для образованія новаго поколѣнія ремесленниковъ.

Выполненіе перваго изъ этихъ условій тѣсно связано съ личностью тѣхъ, кто станетъ во главѣ Компаніи: они дадутъ ей первоначальное направленіе, отъ нихъ будетъ зависѣть выборъ людей, которые сдѣлаются непосредственными начальниками ремесленника. Если направленіе это будетъ хорошо, выборъ людей будетъ удаченъ, то дѣла пойдутъ отлично, и черезъ 5—6 лѣтъ благо будетъ сдѣлано. Тогда явись, пожалуй, дурные директора, притѣснительныя мѣры—все будетъ тщетно: привычка въ ремесленникахъ къ хорошему съ ними обращенію не допуститъ дурнаго, пробудитъ въ нихъ сознаніе собственнаго достоинства, и тогда всякое измѣненіе ихъ быта въ худшую сторону сдѣлается невозможнымъ. Пришло наконецъ время, когда нашему мужичку объявляютъ, что онъ тоже человѣкъ: надо помогать этому дѣлу и показать это не только жителю села, но и жителю города, не только земледѣльцу, но и ремесленнику.

Въ кругу нашей финансовой аристократіи стали съ нѣкоторыхъ поръ появляться лица, которыхъ занимаютъ не только роскошь, тщеславіе и денежные обороты, но которыя сочувствуютъ интересамъ общечеловѣческимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что между ними найдется два-три такихъ человѣка, которые охотно станутъ во главѣ предлагаемаго учрежденія (если только оно заслуживаетъ этого). Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что отъ нихъ не требуется никакихъ жертвъ: все дѣло въ томъ, чтобъ воспользоваться громадностью процента чистаго барыша, получаемаго содержателями мастерскихъ, но воспользоваться такъ, чтобы, вполнѣ достаточно вознаградивъ себя за потраченный капиталъ, употреблять остатокъ прибыли на улучшеніе быта рабочихъ. Это не жертва, а долгъ, потому что болѣе половины прибыли пріобрѣтается хозяевами вполнѣ незаконно. Если во главѣ Компаніи станутъ люди, пользующіеся извѣстностью, акціонеровъ явится бездна; да положимъ, что ихъ было бы и не очень много и что, поэтому, средства Компаніи были бы не велики:— она завела бы только двѣ-три мастерскія, а по мѣрѣ возрастанія дивиденда, явились бы новые акціонеры и новыя мастерскія. Кто знаетъ? можетъ-быть со временемъ эти акціонеры, сдѣлавшіеся ими только изъ-за барыша, котораго ожидали, нач-

нутъ сочувствовать направленію общества и сдѣлаются дѣятельными его членами. Вѣдь можно же отъ привычки—постоянно обращаться съ порядочными людьми, сдѣлаться самому порядочнымъ человѣкомъ, вовсе не будучи отъ природы къ тому склоннымъ. Отъ чего же тутъ не можетъ подѣйствовать привычка? А она для многихъ была бы не лишнею.

Выполненіе втораго условія зависитъ, кромѣ общаго направленія,которое получитъ Компанія,—отъ организаціи управленія мастерскими. Оно должно быть отнюдь не самовластное,но коллегіальное, не отданное на произволъ одного какого-нибудь лица, но разумно ввѣренное нѣсколькимъ лицамъ, отчасти избраннымъ изъ среды самихъ работниковъ, отчасти назначаемымъ Компаніею. Основательнѣе всего было бы, по нашему мнѣнію, устроить мастерскія такъ, чтобъ въ каждой изъ нихъ рабочіе дѣлились на нѣсколько классовъ, смотря по своимъ познаніямъ и способностямъ, при чемъ, разумѣется, высшій классъ получалъ бы высшій окладъ содержанія, и каждые 25—30 человѣкъ избирали бы изъ среды себя одного старшину, на котораго возлагалось бы наблюденіе за равномѣрнымъ распредѣленіемъ работы между людьми его отдѣленія, и который былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ ходатаемъ и депутатомъ передъ правленіемъ. Если мастерская слишкомъ обширна, можно, для удобства, предоставить старшинамъ выбрать, въ свою очередь, одного изъ среды своей — главнаго. За тѣмъ Компанія назначаетъ отъ себя завѣдующаго работами, опытнаго и искуснаго мастероваго, и управляющаго мастерскою.

Директорамъ Компаніи невозможно будетъ входить во всѣ распоряженія объ увольненіи, пріемѣ и перемѣщеніи изъ одного класса въ другой работниковъ всѣхъ мастерскихъ: все это будетъ лежать на старшинахъ, завѣдующемъ работами и управляющемъ мастерскою; на выборъ двухъ послѣднихъ должно быть, поэтому, обращено особенное вниманіе Компаніи. Они должны довести работника до сознанія, что его благосостояніе въ прямой зависимости отъ труда и прилежанія, но довести до этого путемъ вѣрнымъ, разумнымъ и, слѣдовательно, человѣчнымъ, а не добиваться того же результата палкою, кулакомъ или крѣпкимъ словцомъ.

(Мы полагаемъ работниковъ, всѣхъ безъ исключенія, жи-

вущими не въ мастерскихъ, а у себя дома, являющимися на работу утромъ и оставляющими ее вечеромъ. Кромѣ многихъ выгодъ это имѣетъ еще и ту, что имъ представится возможность семейной жизни, что̀ при настоящемъ положеніи ремесленнаго класса невозможно, такъ какъ хозяева мастерскихъ не принимаютъ къ себѣ женатыхъ работниковъ; помѣщеніе же ихъ съ семьями при мастерскихъ Компаніи представило бы много значительныхъ неудобствъ).

Многое сдѣлаетъ Компанія для настоящаго поколѣнія ремесленниковъ, но еще больше предстоитъ ей сдѣлать для будущаго: состояніе перваго она можетъ только улучшить, а второе создастъ, образуя въ своихъ школахъ грамотныхъ, честныхъ и знающихъ свое дѣло работниковъ. Мы сказали, что здѣсь, какъ и вездѣ, причины дурнаго состоянія сословія лежатъ въ самой его организаціи, въ ходѣ его образованія, а потому и здѣсь, какъ и вездѣ, надо стараться дѣйствовать на корень недуга. Имѣя уже мастерскія, Компаніи легко будетъ завести при нихъ школы, куда будутъ принимаемы ученики за извѣстную, разумѣется, плату. Первые два года будутъ употреблены на то, чтобы обучить ихъ грамотѣ и, понемногу, наглядно знакомить съ ремесломъ; а потомъ уже достаточно будетъ 3–4 лѣтъ на спеціальное ихъ образованіе. Впрочемъ, объ устройствѣ подобныхъ школъ и объ устройствѣ самыхъ мастерскихъ мы намѣрены, если предложеніе это найдетъ хоть малѣйшее сочувствіе, подробно говорить въ послѣдствіи, при чемъ мы выведемъ возможно-полную и стройную параллель между существующими и предполагаемыми мастерскими и укажемъ на мѣры, принятыя для улучшенія быта этого сословія за-границей. Мысли же, изложенныя нами здѣсь, послужатъ, можетъ-быть, поводомъ заняться этимъ предметомъ, одновременно съ нами, кому-нибудь другому, что̀ должно неминуемо отклонить односторонность въ результатахъ.

Компанія не въ состояніи будетъ, въ первое время свое существованія, прямо помочь всему сословію ремесленниковъ, какъ потому, что ей невозможно будетъ устроить достаточное количество разнородныхъ мастерскихъ, такъ и потому, что размѣры каждой изъ нихъ будутъ слишкомъ ограничены, — но косвенно она непремѣнно поможетъ. Содержатели мастерскихъ, зная,

что хорошіе работники всегда могутъ найдти себѣ занятія въ мастерской Компаніи, будутъ дорожить ими, а работники будутъ стараться вести себя хорошо, чтобъ попасть въ такую мастерскую.

Распространяться о пользѣ, которой должно ожидать отъ устройства школъ, было бы странно; мы замѣтимъ только, что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія онѣ получатъ еще большее значеніе: если Компаніи удастся искоренить мнѣніе, что «въ ученьи парень только балуется, а дѣлу не учится», всякій мужикъ мало-мальски зажиточный, въ семьѣ котораго 2-3 сына, охотно посвятитъ одного изъ нихъ ремеслу, а нѣтъ, такъ міръ отдастъ въ ученье одного изъ своихъ членовъ. Тогда вѣдь, Богъ дастъ, у мужиковъ позаведутся деньжонки....

Отъ души желаемъ, чтобы намъ пришлось подѣлиться съ читателемъ собранными нами по этому дѣлу данными — и подѣлиться не напрасно.

19 марта
1858.

Н. Жениинъ.

ВОЕННО-ПОХОДНЫЙ БЫТЪ ВЪ КРЫМУ.

Посвящено В. В. Т.....ой.

(Окончаніе)

—

На другой день меня разбудилъ легкій стукъ въ дверь.

— Кто тамъ?

— Я.

— Кто ты?

— Іоасимъ, факторъ... имѣю дипломъ.

— А ну, сейчасъ.

Я всталъ съ постели и отперъ дверь.

— Вы изволили приказать мнѣ...

— Да, да — помню.

— Цево зе будетъ потребно?

— Денегъ.

Онъ вытаращилъ на меня глаза.

— А залогъ?

— Какой тебѣ залогъ: бери проценты какіе хочешь.

— Трудно... безъ залога нѣтъ!

— Такъ убирайся вонъ.

— Позвольте, васе благородіе, узнаю... сейцасъ сбѣгаю.

И онъ исчезъ въ дверяхъ, а я, почти успокоенный насчетъ денегъ, потребовалъ чаю и послалъ записку къ Жени, въ которой самыми кудреватыми и изысканными выраженіями спрашивалъ какъ провела она ночь. Черезъ полчаса я получилъ отвѣтъ. Она писала мнѣ, что ждетъ меня сію же минуту, и до меня не будетъ пить чай.

Я собирался уже идти, какъ вошелъ Іоасимъ, по лицу котораго я догадался, что деньги есть.

— Ну что? спросилъ я.

— Бѣгалъ, бѣгалъ, васе благородіе,.. насилу...

— Гдѣ же?

— Вотъ со мной циловѣкъ приселъ: приказете позвать?

— Позови.

Черезъ минуту онъ воротился съ другимъ жидомъ, дряхлымъ и сѣдымъ, опиравшимся на сучковатую палку съ тяжелымъ набалдашникомъ и сохранившимъ, не смотря на строгое запрещеніе полиціи, праотцевскіе песики.

— Вамъ нужно денегъ? спросилъ онъ, поклонившись.

— Да.

— Подъ залогъ?

— Нѣтъ.

— Помилуйте, ваше благородіе, развѣ вы не знаете! такія времена — помилуй Богъ что случится: не ровенъ часъ — вѣдь вы въ арміи изволите находиться?

— Да.

— Вотъ то-то и есть. А сколько вамъ?

— Сто.

Имѣя не въ первый разъ дѣло съ жидами-ростовщиками, я нарочно назначилъ цыфру вдвое болѣе, чѣмъ мнѣ было нужно.

— Много, много... а почемъ дадите?

— Двадцать копѣекъ на рубль.

— Гм! Нѣтъ, ваше благородіе, несходно.

— Сколько же тебѣ?

— Вотъ изволите видѣть: пятьдесятъ цѣлковыхъ по полтинѣ на рубликъ.

— Ну нѣтъ, этого не дамъ.

— Какъ вамъ угодно.

— Сто по тридцати — могу.

— Несходно.

— Ну такъ прощай.

— Позвольте, 50 по 30.

— Нѣтъ, прощай! И я указалъ на дверь. Жидъ вышелъ, но я слышалъ, какъ они съ Іоасимомъ остановились въ корридорѣ и о чемъ-то шептались. Старый жидъ воротился.

— Ну, для васъ только, ваше благородіе — 70 рублей по 50 копѣекъ.

— Нѣтъ, а если хочешь: 75 по 40, или убирайся, — другаго найду.

— Другой-то не дастъ безъ залога... да и деньги-то какія: все старыя бумажки, а у меня червонцы...

— Все равно; хочешь такъ давай, а нѣтъ, такъ убирайся.

— Ну ужь прибавьте по 45.

— Ну хорошо, давай.

— Росписочку, ваше благородіе.

Пока я писалъ росписку, онъ отсчиталъ четырнадцать золотыхъ, а изъ бумажника досталъ грязную, пожелтѣвшую отъ времени трехъ-рублевую бумажку и потребовалъ гривенникъ сдачи; потомъ надѣлъ очки и, медленно нѣсколько разъ перечитавъ поданную мной росписку, бережно свернулъ ее, положилъ въ карманъ, снялъ очки и взялся за картузъ.

Я былъ уже на улицѣ, когда подошелъ ко мнѣ Іоасимъ.

— Меня больсе не потребуется? спросилъ онъ: — а каково дѣльце обдѣлали? вотъ акуратно, такъ акуратно.

— Нѣтъ ты мнѣ нуженъ: сейчасъ поѣзжай въ театръ, возьми ложу на сегодня и привези ее...

— Знаю, знаю, ваше благородіе, куда привезти: гдѣ вчера были? проговорилъ онъ, понижая голосъ.

— Да ты, какъ я вижу, плутъ. Почемъ ты знаешь?

— Я шелъ мимо, такъ слышалъ какъ вы изволили свистать.

— Ну да, туда и привези.

Проболтавъ съ жидами, я совершенно позабылъ, что Жени ждала меня къ чаю. Чтобы загладить вину, я заѣхалъ въ лавку и купилъ для нея браслетъ, за который заплатилъ 30 рублей, именно такой, какого ей давно хотѣлось — простой, гладкій, въ видѣ золотаго обруча.

— Какъ это мило, заставлять ждать себя битый часъ...

— Прости меня, милая, говорилъ я, цѣлуя ее въ лобъ: — но я для тебя же хлопоталъ: тебѣ давно хотѣлось эдакаго браслета.

— А какъ ты смѣлъ тратить деньги?... развѣ я тебѣ не запретила?

— Полно, посмотри лучше: хорошъ ли?

Она тотчасъ же надѣла его на руку и просила меня запереть небольшимъ ключемъ, висѣвшимъ на цѣпочкѣ; потомъ

ножницами разогнула колечко, сняла ключъ и бросила его за окно.

— Что ты дѣлаешь?

— Я загадала: онъ не отопрется до тѣхъ поръ, пока ты будешь любить меня... я не хочу снимать никогда.

— Дитя!

Подали завтракъ, и я объяснилъ ей, что намѣренъ ѣхать въ отрядъ.

— Ты не поѣдешь.

— Нельзя, право нельзя: я далъ честное слово вернуться.

— Кому?

— Генералу.

— Ничего и знать не хочу...

— Не могу, ей-ей не могу. Ты знаешь, Жени, что я самъ хотѣлъ бы...

— Ну, хочешь я напишу къ нему, что ты боленъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно! Надо ѣхать.

Она надула губки.

— Я велѣлъ принести для тебя ложу.

Молчаніе.

— Хочешь ѣхать въ театръ?

Ни слова.

— Жени, это не хорошо—ты сердишься?

— Несносный, je vous déteste, слышите ли? я презираю васъ....

— Ну хорошо, хорошо: я останусь.

— Давно бы такъ, неслухъ.

— Я буду за это отвѣчать....

— Велика бѣда: посидишь на гауптвахтѣ.

Я улыбнулся.

— Развѣ ты не знаешь,продолжала она: femme veut, Dieu le veut!

Послѣ завтрака мы отправились гулять. Всунувъ свою миніатюрную ручку промежъ моего чуть согнутаго локтя, она кокетливо-боязливо жалась ко мнѣ, переступая по камнямъ. На бульварѣ, по единственной дорожкѣ, ходило взадъ и впередъ много гуляющихъ; въ сторонѣ игралъ хоръ военной музыки «La donna é mobile», и звуки его по временамъ заглушались

стукомъ экипажей. Встрѣчая знакомыхъ, Жени легко наклоняла свою хорошенькую головку, и умно и колко подсмѣивалась надъ ними.

Послѣ обѣда, она, умѣстившись съ ножками на диванѣ и ласкаясь ко мнѣ, сняла съ руки четки и надѣла мнѣ.

— Я хочу, чтобъ ты ихъ никогда не снималъ....онѣ спасутъ тебя отъ пуль — и поцѣловавъ меня, она вскочила и подошла къ роялю, взяла нѣсколько аккордовъ и запѣла:

О молчи, милый другъ мой, молчи,
Никому ни о чемъ ни полслова....

..... Она увлеклась и пѣла съ такимъ чувствомъ, что я просилъ повторить. У ней контральтъ сильный и обработанный.

Часу въ седьмомъ я напомнилъ ей о театрѣ.

— Мы пойдемъ пѣшкомъ, сказала она: вечеръ такъ хорошъ...

И она набрасывала шаль и поправляла шляпку, кокетливо вертясь передъ зеркаломъ.

— А признайся, Жени: ты большая кокетка.

— Какъ всѣ женщины—это необходимо.

— Да, ты немного больше другихъ.

— Можетъ-быть, но не всегда: сегодня исключеніе для бѣдненькаго маіора. — И она громко смѣялась.

— Какой счастливецъ господинъ маіоръ, замѣтилъ я.

— О, да! судя по его словамъ, всѣ женщины безъ ума отъ него.

— А ты?

— Я?—я тоже, какъ и всѣ; онъ такія возитъ вкусныя конфеты, что я схожу съ ума — откуда ихъ беретъ онъ?

Представленіе уже началось,когда мы вошли въ театръ. Разряженныя дамы сидѣли въ ложахъ, раненые офицеры толпились въ партерѣ на костыляхъ, съ подвязанными руками, обвязанными головами, и т. д.

— Посмотри, сказала мнѣ Жени: — вонъ мой хлѣбопекъ,тамъ въ первомъ ряду.

— Гдѣ? и я слѣдилъ по ея указанію.

Въ антрактѣ маіоръ вошелъ въ ложу, и раскланиваясь съ Жени, покосился на меня. Она насъ познакомила. Маіоръ

былъ пресмѣшной съ виду: толстенькая и коротенькая фигурка его была плотно затянута въ узкій сюртукъ, сшитый, какъ говорятся, въ рюмочку, отчего глаза его выкатились, и кровь хлынула къ головѣ. Отъ маіора несло пачули....

— Очень пріятно-съ, сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку:— славная-съ піэска-съ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Жени, и сталъ въ полуоборотъ.

— Вамъ она понравилась....

— Не дурна-съ; много, такъ сказать, юмору-съ.

Жени засмѣялась.

— А вы развѣ юмористъ? спросила она.

— Люблю подшутить-съ....люблю-съ.

— А вотъ онъ такъ не любитъ: такой серьёзный всегда, сказала Жени, указывая на меня.

Маіоръ приступилъ ко мнѣ съ распросами.

— Изъ арміи-съ?

— Да.

— Давно?

— Вчера.

— На долго?

— Сегодня ѣду.

— Пустяки, пустяки: не поѣдетъ! рѣшила за меня Жени.

— Съ какой позиціи-съ? снова заговорилъ маіоръ.

— Съ Мекензи.

— А!

— Бе! подхватила въ шутку Жени, передразнивая его: — сколько разъ я говорила вамъ, чтобъ вы при мнѣ не смѣли этого говорить: а, ааа! — И она расхохоталась.

Маіоръ смутился.

— Виноватъ-съ: плохая привычка—вторая натура-съ.

— Говорятъ, дѣло будетъ, обратился онъ снова ко мнѣ.

— Не знаю.

— Какъ же-съ, какъ же-съ—говорятъ.

— Можетъ-быть.

— А въ Севастополѣ: все палятъ-съ?

— Палятъ.

Между тѣмъ занавѣсъ поднялся, и маіоръ, раскланявшись, вышелъ.

Представленіе еще не кончилось, когда я, усадивъ Жени въ коляску, которой она велѣла за собой пріѣхать, и обѣщаясь воротиться черезъ полчаса, направился къ гостинницѣ Звѣрева, чтобы хорошимъ ужиномъ подкрѣпить изящный, но тощій обѣдъ. Гостинница эта была возлѣ самаго театра. Потребовавъ по картѣ двѣ, три порціи и уничтоживъ ихъ, я собирался уже выйдти, какъ вдругъ привалила цѣлая толпа офицеровъ.

— Bonjour, здравствуй, какъ поживаешь, enchanté, votre santé, и т. п. посыпались на меня со всѣхъ сторонъ.

— Давно ли пріѣхалъ? Когда ѣдешь? Гдѣ остановился?....

Я отвѣчалъ по возможности опредѣлительнѣе.

— Спѣшу, господа: мнѣ некогда.

— Что?! нѣтъ, братъ, не уйдешь....

У меня изъ рукъ отняли фуражку....Началась попойка.

Въ часъ ночи позвонилъ я у Жени.

— Гдѣ вы пропадали? Могли бы не приходить вовсе.

Я объяснилъ ей, что пошелъ поужинать, но товарищи задержали.

— Очень мило, очень мило. И она отвернулась.

— Да развѣ я виноватъ?

— Вы всегда правы.

— Однако, Жени, — это ребячество.

— Вамъ, конечно, гораздо пріятнѣе сидѣть съ этими пьяницами, чѣмъ со мной....но въ такомъ случаѣ не заставляли бы себя ожидать.

— Ну прости, Жени, не сердись, я сегодня вѣдь ѣду....

— Поѣзжайте: никто и не думаетъ васъ удерживать....

— Ты сердишься?

— Убирайтесь, слышите ли, убирайтесь! я болѣе не хочу васъ видѣть.

— Скажи, Жени: ты шутишь, или въ самомъ дѣлѣ осердилась?

— Я никогда не шучу.

— А, это другое дѣло! и, не говоря ни слова, я взялъ фуражку и вышелъ.

— Какъ это вѣжливо: — уйдти не сказавъ ни слова.

— Чтоже я буду говорить?

Жени молчала.

— Послушай, что̀ бы ты сдѣлала на моемъ мѣстѣ? Выслу-

мой меня: женщина, которую, положимъ, ты любила болѣе всего на свѣтѣ, за какую-нибудь бездѣлицу, изъ-за ребяческаго каприза вдругъ выгнала бы тебя изъ дому, въ то время, когда можетъ-быть.... когда я долженъ ѣхать, а что̀ ожидаетъ меня впереди?

— Поди сюда! проговорила она дрожащимъ голосомъ.

Я сталъ передъ ней на колѣна и взялъ ее за руку.

— Я люблю тебя, Жени....

Ни шорохъ, ни стукъ не нарушаютъ мертвой тишины, царствующей во всемъ домѣ; лишь изрѣдка звукъ поцѣлуя, шепотъ страстныхъ словъ—и снова все смолкаетъ, все тихо.... Солнце было уже на полднѣ, стараясь пробиться нескромнымъ лучомъ своимъ, сквозь плотныя занавѣски, въ комнату Жени.

— Знаешь ли, милый: вчерашнее привело меня къ одному заключенію....

— Къ какому?

— Чтобъ быть счастливымъ, надо иногда и поссориться.... отвѣчала она, нѣжнѣе ласкаясь ко мнѣ.

Между тѣмъ у крыльца, побрякивая колокольчикомъ, стояли готовыя уже лошади.

— Не знаю отчего, но мнѣ не хочется отпускать тебя—меня тѣснитъ какое-то предчувствіе, доброе или дурное—не знаю, но мнѣ чудится, что я буду и рада, и вмѣстѣ опечалена, говорила Жени, провожая меня.

— Полно, перестань—я скоро опять пріѣду.

— Богъ знаетъ, что̀ будетъ! говорила она, печально склонившись ко мнѣ на грудь.

— Богъ милостивъ....

— Да, да, молись, молись чаще Ему—Онъ одинъ заступникъ нашъ,—и говоря это, она устремила глазки къ небу, а на нихъ блистала слеза.

— Перекрести меня, Жени, и поцѣлуй....

— Поѣзжай! знай, что гдѣ бы ты ни былъ, я всегда съ тобой....

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ ожидало меня? Я вскочилъ въ телѣгу и велѣлъ скорѣе ѣхать. Заворачивая въ другую улицу, я оглянулся: Жени все еще стояла у окна, махая мнѣ платкомъ.

— Милое дитя! промычалъ я сквозь зубы, плотнѣе заверты-

ваясь въ гутаперчевый плащъ свой, потому что сталъ накрапывать дождь, а черная, густая туча висѣла надъ землей, пугая грозою. Уже вершины сосѣднихъ горъ одѣлись туманомъ сумерекъ, уже заходящее солнце купало угасающій лучъ свой въ волнахъ бурнаго моря, когда въѣхалъ я въ Бахчисарай. Утомленный дорогой и ощущеніями, промокшій отъ дождя, я намѣревался тутъ заночевать. Подъѣхавъ къ знакомой уже намъ калиткѣ, я хотѣлъ было стучаться, какъ увидалъ всю наружную стѣну забора разломанной.

— Что это? спросилъ я у Ивана.

— А что?

— Заборъ-то....

— Ничего: баринъ карету купилъ.

— Такъ чтоже?

— Въ калитку-то она не проходитъ, такъ мы заборъ-отъ и разобрали.

Въ Крыму дворъ безъ воротъ не рѣдкость; мѣстные жители по большей части ѣздятъ верхомъ, а потому и не ощущаютъ въ нихъ недостатка, довольствуясь калиткой. Въ сѣняхъ меня встрѣтила Юста.

— Бога ради, не говорите ничего Павло.

— А что?

— Онъ прибьетъ меня.

— Значитъ, онъ очень ревнивъ?

— Да!

Я вошелъ въ горницу.

Пріятель мой былъ человѣкъ лѣтъ 25—26 съ небольшимъ. Свѣтлые волосы его, рыжеватые щетинистые усы, маленькіе глаза и красныя пятна во всю щеку не придавали ему большой красоты. Онъ никогда не курилъ, ничего и не пилъ, но былъ смертельный охотникъ до женскаго пола и велъ большую игру. Волосы росли у него на одной бородѣ, а вся щека пурпурилась до ушей румянцемъ.

Когда я вошелъ въ комнату, за дымомъ едва могъ различить окружающіе меня предметы: посереди комнаты стоялъ столъ, около котораго группировались офицеры, полуодѣтые, съ трубками, сигарами и недопитыми стаканами; подъ столомъ валялись изодранныя и помятыя карты. Всѣ были до того заняты

игрой, что не замѣтили моего прихода. Хозяинъ самъ держалъ банкъ. Засучивъ рукава, онъ внимательно слѣдилъ за записями понтёровъ; въ рукѣ его была уже стасованная и срѣзанная колода; на столѣ кучей лежали деньги.

— Великъ ли? спросилъ я, ударивъ его по плечу.

— Отвѣтный! отозвался онъ, не поднимая глазъ, но черезъ минуту, бросивъ на меня косвенный взглядъ черезъ плечо, прибавилъ:—а, это вы....изъ Симферополя....очень радъ.... прижмите.

Я вынулъ изъ кармана всѣ оставшіяся деньги, и насчиталъ рублей до двадцати.

— Тройка, по пяти очко! сказалъ я громко.

— Очень хорошо, хладнокровно отозвался хозяинъ.

И онъ сталъ метать.

— Тройка бита! сказалъ онъ.

Я отошелъ отъ стола и вышелъ на дворъ, чтобъ распорядиться объ лошади. На крыльцѣ я встрѣтилъ Юсту.

— Вы здѣсь не ночуете? сказала она тихо, потупляя глаза и краснѣя до ушей.

Мертвая тишина царствовала на батареяхъ оборонительныхъ линій; ни одного выстрѣла: плохой знакъ, думалъ я, поднимаясь на Мекензи. Я засталъ начальника дивизіи, окруженнаго адъютантами и ординарцами.

— Вы во-время пріѣхали, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: завтра, съ разсвѣтомъ, дѣло....

Сердце во мнѣ забилось....предчувствіе меня не обмануло.

— Поѣзжайте сейчасъ на маякъ и посмотрите, нѣтъ ли со стороны непріятеля какого-либо движенія: въ случаѣ надобности дайте мнѣ тотчасъ же знать....возьмите съ собой казака.

Перемѣнивъ лошадь, я полетѣлъ на маякъ, расположенный верстахъ въ двухъ отъ ставки генерала; тощая донская лошаденка казака едва поспѣвала за мной.

— Ничего нѣтъ? вопросительно окликнулъ я дежурившаго на вышкѣ моряка, выдернувъ изъ рукъ его подзорную трубу.

— Ничего! Экъ приспичило, проговорилъ онъ себѣ подъ носъ.

Я между тѣмъ разглядывалъ непріятельскую позицію: кучки французскихъ солдатъ тамъ и сямъ беззаботно ходили, другія

грѣлись вокругъ костровъ; движенія никакого: ясно, что они ни о чемъ не безпокоились.

— Хорошо, сказалъ мнѣ генералъ, теперь поѣзжайте и приготовьтесь: въ восемь часовъ вы мнѣ будете нужны....вотъ вамъ дизлокація.

День передъ дѣломъ—самый грустный день жизни: вытянутыя лица солдатъ и офицеровъ, приготовленія, прощанія — все дѣлаетъ непріятное впечатлѣнье. Посреди отряда служили молебенъ. Набожно молились воины, готовившіеся заутра на бой, со слезами приносили они мольбы свои Создателю, быть-можетъ въ послѣдній разъ.... Священникъ, окропивъ знамена и оружіе святой водой, благословилъ всѣхъ крестомъ.... Что̀ можетъ быть торжественнѣе этой картины?

Я вошелъ въ землянку свою, написалъ нѣсколько писемъ и сталъ приготовляться.

— Послушай,Трофимъ,говорилъ я человѣку моему:—если меня убьютъ, всѣ мои вещи возьми себѣ, продай ихъ и на вырученныя деньги добирайся домой. Вотъ эти письма отдать по адресамъ, а портфёль мой, со всѣмъ что̀ тамъ будетъ, отвезешь Евгеніи Дмитріевнѣ....слышишь?

— Полноте, сударь, Богъ милостивъ: ничего не будетъ. — И добродушный слуга мой заплакалъ.

— Лошадей моихъ отдать такъ же Евгеніи Дмитріевнѣ, и попроси ея поберегать сѣрую: я на ней поѣду....можетъ-быть въ послѣдній разъ.

Потомъ я принялся за письмо къ Жени. Я писалъ много и мелко, и заключилъ его словами:.... «Теперь ужь я почти не живой человѣкъ: странное предчувствіе давитъ грудь мою.... но знай, Жени, что послѣднее мое слово будетъ твое имя, послѣдній вздохъ будетъ принадлежать тебѣ. Вѣрь мнѣ: передъ смертью не лгутъ....»

Собравъ всѣ письма ея, я вложилъ ихъ въ портфёль вмѣстѣ съ портретомъ ея и кой-какими впечатлѣніями, набросанными мною въ страннической жизни. Потомъ,съ боку письма, я прибавилъ: «Возвращаю тебѣ письма и портретъ, съ четками же я хочу лечь въ могилу. Мнѣ нечего завѣщать тебѣ: у меня ничего нѣтъ, кромѣ одной просьбы — молись за душу усопшаго друга,

когда-то любившаго тебя.» Я запечаталъ портфёль и положилъ въ чемоданъ.

Приготовясь такимъ образомъ, я хотѣлъ заснуть, но не могъ. Что ожидало меня впереди, не далѣе какъ завтра? Какъ застанетъ меня лучъ восходящаго солнца? Вопросы эти тревожили духъ мой.... я сталъ на колѣна и долго, долго, какъ никогда еще, молился: всѣ молитвы перечитывалъ я съ благоговѣніемъ, которымъ меня научили въ дѣтствѣ. Всѣ, когда-то милые, образы вставали передо мной, а тамъ въ мрачномъ углу, тѣнь Жени кивала мнѣ, манила меня и, окутанная газомъ, испарялась легкимъ паромъ....О, какъ не хотѣлось мнѣ умирать!

Осмотрѣвъ пистолеты и зарядивъ ихъ свѣжими патронами, я велѣлъ сѣдлать сѣраго, какъ самаго быстраго и надежнаго коня. Простившись по-братски съ Трофимомъ, медленнымъ шагомъ поѣхалъ я къ ставкѣ отряднаго начальника. Въ десять часовъ вечера молчаливо стали спускаться войска наши съ горы. Все хранило глубокое молчаніе; курить было запрещено, чтобъ не дать повода непріятелю усомниться въ своей безопасности. Ночь была сырая и темная. Мнѣ поручено было спустить артиллерійскую №... бригаду и провести ее на мѣсто. Обмотанные соломой колеса оставляли глубокій слѣдъ по дорогѣ; лошади рвались и ржали.

— Васъ подстрѣлятъ, говорилъ мнѣ генералъ.

— Отчего, ваше превосходительство?

— У васъ бѣлая лошадь—она издали видна.

Ночной сумракъ, между тѣмъ, сталъ понемногу смѣняться свѣтомъ занимающагося утра. Пѣхота, ружья на перевѣсъ, подавалась впередъ, за нею слѣдовала артиллерія. Въ резервѣ у насъ были уланы. И вотъ заслышался на лѣвомъ флангѣ выстрѣлъ....съ раскатомъ эхо разнесло его по всей линіи; въ минуту непріятель открылъ огонь съ батарей и сталъ строиться на высотахъ. Генералъ нашъ, съ однимъ баталіономъ пѣхоты и взводомъ легкой батареи, направился прямо на передовой редутъ, расположенный по сю сторону рѣки Черной и охраняемый Сардинцами. Мы слѣдовали за нимъ. Градомъ пуль привѣтствовали насъ, незваныхъ гостей, обороняющіе изъ траншей, и тотчасъже отступили къ укрѣпленію. Съ боемъ и стойко шли солдаты наши, а артиллерія, снявшись съ передковъ, дала залпъ;

густой дымъ застилалъ непріятелей, и вотъ громкій голосъ: — Ребята, ура! впередъ! И они ринулись на укрѣпленіе....

Тутъ я болѣе ничего не помню: мнѣ обожгло вдругъ руку и ногу — и я упалъ съ лошади.

Когда я открылъ глаза, передо мной стоялъ докторъ съ ланцетомъ въ одной рукѣ и только что вынутой изъ моей ноги пулей въ другой.

— Счастливая рана, сказалъ онъ: — ни одна кость не тронута.

— Мнѣ руку очень больно, докторъ.

— Это ничего: не болѣе какъ контузія — потерпите, пройдетъ. Берегитесь только простуды и не пейте вина: можетъ быть антоновъ огонь, тогда будетъ очень опасно.

Рядомъ съ нимъ стоялъ мой вѣрный Трофимъ, и на глазахъ его блистали слезы. Я былъ на перевязочномъ пунктѣ. Выстрѣлы еще слышались въ отдаленіи и заставляли меня вздрагивать. Густое облако дыма носилось между арміями.... бой еще продолжался.

Черезъ нѣсколько дней я ѣхалъ на фурштатской телѣгѣ въ Симферополь. Предчувствіе Жени и мое предсказаніе сбылись: мы скоро свидѣлись. Въ Бахчисараѣ я остановился на постояломъ дворѣ, и Юста, перевязывая мою рану, была печальна и молчалива. Въ Симферополѣ меня привезли прямо въ госпиталь, положили на свободную койку и накрыли казеннымъ одѣяломъ.

Въ тотъ же день ко мнѣ явилась Жени. Съ участіемъ и заботой распрашивала она о состояніи раны и уговаривала переѣхать къ ней, на что́ я отвѣчалъ, что не имѣю позволенія главнаго доктора. Вечеромъ того же дня она привезла мнѣ разрѣшеніе, укутала, усадила и увезла къ себѣ. Вѣроятно, дорогой я простудился, потому что сильно заболѣлъ, и докторъ, какъ мнѣ послѣ сказали, опасался воспаленія.

— Тогда не будетъ никакой надежды, сказалъ онъ въ видѣ утѣшенія Жени.

Черезъ нѣсколько дней мнѣ стало лучше; опасность миновалась. Во все время моей болѣзни, Жени ходила за мной съ такой заботливостью, такъ нѣжно перевязывала сама рану мою и контузію, не позволяя никому прикасаться ко мнѣ; съ такимъ терпѣніемъ выслушивала капризы больнаго, съ такой поспѣшностью

и предусмотрительностью исполняла желанія, что еще болѣе, еще глубже привязался я къ ней. Она никуда не ѣздила, никого не принимала: мы были постоянно вмѣстѣ. Между тѣмъ мнѣ стало гораздо лучше; докторъ позволилъ мнѣ кататься, хотя я еще не могъ наступать на ногу, а распухшая рука мѣшала мнѣ одѣться. По вечерамъ меня обыкновенно переносили въ гостиную, клали на софу, а Жени садилась около и читала въ слухъ. Къ чаю всегда приходилъ докторъ, и мы составляли партію преференса. Докторъ за чаемъ разказывалъ новости, пересыпая ихъ преуморительными и острыми анекдотами. Это былъ человѣкъ, много видѣвшій и еще болѣе изучившій.

Разъ, утомленная чтеніемъ, Жени оставила книгу и задумалась. Я взялъ ея руку.

— Послушай, Жени... я люблю тебя...

— Я это знаю.

— А ты любишь?..

— Да, сказала она едва слышно, склоняясь ко мнѣ.

— Вотъ видишь ли, Жени: любовь эта, какъ бы она чиста ни была, унижаетъ, компрометируетъ тебя въ глазахъ другихъ людей. Они не поймутъ, не оцѣнятъ ея. Счастье наше не прочно: мы любимъ другъ друга, но пустыя обстоятельства, не только люди, могутъ насъ разлучить... отчего бы намъ не соединиться болѣе тѣсными узами?...

— Къ чему? говорила Жени:—мы любимъ другъ друга, развѣ этого мало?... къ чему подчиняться на вѣкъ такой связи, которая можетъ-быть со временемъ будетъ въ тягость. Нѣтъ, нѣтъ, не говори мнѣ объ этомъ.

— Какое наше будущее, Жени?

— Я счастлива... зачѣмъ стала бы омрачать это счастіе грустными картинами будущаго, къ чему заглядывать туда? — оно скрыто отъ насъ для лучшаго... Почемъ знать что̀ обѣщано намъ впереди?... быть-можетъ оно еще яснѣе настоящаго. — Не говори мнѣ никогда объ этомъ, продолжала она, послѣ минуты молчанія:—я прошу, я требую этого... я дала себѣ слово, послѣ перваго несчастнаго супружества, не выходить замужъ въ другой разъ. Чего намъ недостаетъ?

— Ты умна, Жени, но еще такъ молода...

— Ты забылъ, что я однимъ только годомъ моложе тебя.

— Не лѣта, а опытность...

— Перестань, старикъ: тебѣ вредно говорить, сказала она шутливо, зажимая мнѣ ротъ.

Я оправлялся. Рука моя была еще на перевязи, а на ногу я еще прихрамывалъ, хотя давно уже оставилъ костыль. Контузія мнѣ гораздо болѣе причиняла боли, чѣмъ рана.

Я сталъ хлопотать объ отпускѣ за-границу; для этого потребовалось свидѣтельство на рану, за которымъ я и отправился къ главному доктору.

— Что̀ вамъ угодно? спросилъ онъ очень вѣжливо, предлагая мнѣ стулъ.

— Я пріѣхалъ просить васъ о свидѣтельствѣ, докторъ.

— На что?

— На рану и контузію.

— Когда вы ранены?

— 4-го августа, на Черной...

— А у васъ есть свидѣтельство съ перевязочнаго пункта?

— Нѣтъ; но я могу испросить.

— Кто васъ перевязывалъ?

Я назвалъ.

— Помилуйте! онъ давно умеръ.

— Можетъ ли быть? Въ такомъ случаѣ докторъ, который лѣчилъ меня...

— Да это ничего не значитъ, это не по закону.

— Что же мнѣ дѣлать, докторъ?

— Васъ надо переосвидѣтельствовать.

— Но, вѣдь, рана моя зажила.

— Какъ найдемъ, такъ и напишемъ.

— Помилуйте, докторъ! значитъ, вы дадите мнѣ удостовѣреніе въ томъ, что я совершенно здоровъ: вѣдь уже болѣе пяти мѣсяцевъ какъ было дѣло.

— Что же дѣлать: я не виноватъ.

— Но, докторъ...

— Не могу, ей-ей не могу!... противъ закона.

Разсерженный уѣхалъ я отъ доктора. Дома застаю медика, лѣчившаго меня, и разказываю ему мое объясненіе насчетъ свидѣтельства.

— Есть у васъ деньги? перебилъ онъ вдругъ.

— Не много, а есть.

— Сколько вы можете дать?

— Кому? спросилъ я не безъ удивленія.

— За свидѣтельство.

— Развѣ нужно?

— Неужели вы и этого не знаете? развѣ дѣлается что-нибудь даромъ?...

— Мнѣ кажется, докторъ, чѣмъ меньше, тѣмъ лучше.

— Къ какому разряду хотите вы быть причислены?

— Моя рана втораго.

— Нѣтъ: ко второму причисляютъ только тѣхъ, кто лишился употребленія какого-либо члена.

— Скажите лучше, докторъ: кто болѣе можетъ дать.

Докторъ разсмѣялся.

— Я не владѣю рукой, докторъ.

— Это ничего не значитъ. Вы подлежите къ третьему.

— Да хоть на третій бы дали.

— Пятьдесятъ рублей.

— И вы обѣщаете мнѣ, что я получу?

— Завтра же.

— Вѣрно?

— Вотъ вамъ рука.

— Хорошо, я согласенъ.

На другой день я получилъ приглашеніе отъ главнаго доктора пріѣхать къ нему.

— Знаете, молодой человѣкъ, я поступаю противъ совѣсти, но что же дѣлать — надо услужить: вотъ свидѣтельство на третій разрядъ.

— Очень вамъ благодаренъ, докторъ.

Я взялъ бумагу, а подъ книгу, лежавшую на столѣ, сунулъ пятидесяти-рублевую ассигнацію.

— Очень радъ, очень радъ, что могъ служить, говорилъ докторъ, провожая меня до передней.

Я раскланялся, засунулъ свидѣтельство въ карманъ и вышелъ.

Въ половинѣ марта былъ заключенъ миръ, а въ концѣ я получилъ четырехъ-мѣсячный отпускъ за-границу, для излѣченія ранъ, съ полнымъ содержаніемъ. Настрочивъ строгое предпи-

саніе управляющему о немедленной высылкѣ денегъ, я сталъ приготовляться къ путешествію.

Жени съ нѣкоторыхъ поръ сдѣлалась очень печальна: давно уже не примѣчалъ я, чтобъ личико ея оживилось улыбкой.

— Отчего ты такъ печальна, Жени?

— Такъ! — и ушла въ другую комнату.

Между тѣмъ день моего отъѣзда приближался.

Разъ я засталъ Жени въ слезахъ. Она сидѣла, опустивъ на грудь головку и не замѣтила моего прихода.

— Что съ тобой, Жени? говорилъ я, взявъ ее за руку.

— Ничего.

— Ты что-то скрываешь?

— Я такъ...

— Неправда, Жени, я знаю тебя.

— Ты ѣдешь... Она не договорила, слезы задушили звуки ея голоса.

— Я хочу ѣхать съ тобой, я не могу привыкнуть къ мысли, что останусь здѣсь одна — безъ тебя... скажи: ты возьмешь меня съ собой?

— Такъ ты объ этомъ плакала, дитя? Зачѣмъ не сказала прямо, что хочешь ѣхать?

— Ты возьмешь меня?

— Я давно самъ хотѣлъ предложить тебѣ, но боялся, что ты откажешь.

— Такъ мы поѣдемъ вмѣстѣ?

— Да.

— О, благодарю, благодарю! теперь... я счастлива.

И отеревъ глазки, она кинулась мнѣ на шею.

— Ты такъ всегда балуешь меня.

— Какъ не баловать такого милаго ребенка.

— За то и ребенокъ этотъ умѣетъ любить и цѣнить.

— Какъ же мы поѣдемъ? продолжала она: — я отказываюсь отъ горничной.

— Это похвально: мы поѣдемъ одни, вдвоемъ.

— Хорошо. Я буду служить тебѣ какъ самый исправнѣйшій изъ всѣхъ возможныхъ Трофимовъ.

— Ребенокъ! поди лучше собирайся.

—

Дня черезъ два лучи восходящаго солнца застали насъ уже въ дорогѣ. Жени казалась совершенно счастливой: она пѣла и хохотала во все время.

— Я думаю, мой хлѣбопекъ теперь пыхтитъ отъ любви, говорила она, и, высунувши головку изъ окна кареты, кричала ямщику, чтобъ онъ погонялъ.

Гемеллъ.

Москва. 1858.

НОВОСТИ ПО ФИЗИКѢ.

Comptes rendus des séances de l'Académie des Sciences, Tome XLV, N° 20. Séance du 16 Novembre 1857.

—

Въ новѣйшее время сдѣлано нѣсколько новыхъ открытій въ области фотографіи и гальванизма, которыя тѣмъ для насъ важнѣе, что обѣ эти отрасли физики имѣютъ столь многочисленныя приложенія въ практической жизни. Замѣчательно однако, что открытія эти не представляютъ собою ничего новаго, а должны быть разсматриваемы скорѣе какъ развитіе уже извѣстныхъ истинъ и примѣненіе ихъ къ практикѣ. Такіе случаи нерѣдки въ исторіи естествознанія: много плодотворныхъ истинъ лежитъ въ архивѣ науки, повидимому, безъ всякой пользы, и на нихъ не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія, пока онѣ со временемъ не встрѣтятъ себѣ новыхъ поборниковъ, новыхъ, такъ-сказать, истолкователей потаенной мысли. Тогда мысль эта является передъ глазами современниковъ въ новомъ неожиданномъ блескѣ, и удивляется новое поколѣніе, почему оставалась она такъ долго никѣмъ незамѣченною.

Поэтому, прежде чѣмъ сообщимъ читателямъ открытія, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, мы въ краткомъ очеркѣ покажемъ, что̀ сдѣлано было на этомъ же поприщѣ прежде и въ какомъ положеніи находились вопросы до сего времени. Это, съ одной стороны, покажетъ историческое развитіе предмета, а съ другой — дастъ возможность по достоинству оцѣнить новыя усовершенствованія.

I.

Условія фосфорности и примѣненіе ихъ къ фотографическому искусству.

Давно извѣстно было, что многія вещества отъ нагрѣванія пріобрѣтаютъ фосфорность въ большей или меньшей степени, то-есть свѣтятъ въ темнотѣ. Такъ напримѣръ, если устричныя раковины, перемѣшан-

ным съ сѣрною печенью, доведемъ до краснаго каленія и поддержимъ смѣсь при этой температурѣ въ продолженіе часа, то получается такъ-называемый Кантоновъ фосфоръ, свѣтящій въ темнотѣ. То же самое, хотя въ меньшей степени, получимъ, подвергая смѣсь дѣйствію солнечныхъ лучей. Весьма замѣчателенъ въ этомъ отношеніи плавиковый шпатъ, особенно шпатъ краснофіолетоваго цвѣта, находящійся въ Нерчинскѣ и называемый пиросмарагдъ или хлорофанъ. Гротгусъ (Grotthuss) дѣлалъ много опытовъ надъ этимъ минераломъ [1]): оказалось, что при нагрѣваніи онъ мѣняетъ свой цвѣтъ въ зеленый, и если въ этотъ моментъ внести его въ темную комнату, то онъ свѣтитъ также зеленоватымъ свѣтомъ. Всѣ известковые минералы, въ естественномъ своемъ состояніи, обладаютъ нѣкоторою, хотя весьма слабой фосфорностью; многіе изъ нихъ теряютъ это свойство при сильномъ накаливаніи, напримѣръ мраморъ. То же самое замѣчено и въ драгоцѣнныхъ камняхъ, напримѣръ въ алмазѣ, топазѣ, аметистѣ и другихъ, хотя въ каждомъ изъ нихъ свойство это обнаруживается при различныхъ температурахъ: такъ нѣкоторые алмазы свѣтятъ въ темнотѣ, будучи нагрѣты до 80° Реом., нѣкоторые же при температурѣ 200°. Свойство пріобрѣтать фосфорность вслѣдствіе нагрѣванія принадлежитъ и масламъ. Гейнрихъ (Heinrich), много занимавшійся этимъ предметомъ, полагаетъ, что лучше всего свѣтятъ тѣла трудно сгораемыя, въ составъ коихъ входитъ какая-нибудь кислота; напротивъ того жидкія, негорючія тѣла ни при какой температурѣ этого свойства не имѣютъ.

Многія тѣла пріобрѣтаютъ фосфорность не только чрезъ нагрѣваніе, но и чрезъ пропусканіе по поверхности ихъ электрической искры. Объ этомъ упоминаемъ уже Тиверій Кавалло [2]), въ наше же время много занимался этими опытами и Гейнрихъ. При опытахъ своихъ послѣдній употреблялъ большую лейденскую банку и заставлялъ искру проходить между двумя шариками, отдаленными другъ отъ друга на полдюйма, такъ чтобъ искра скользила по поверхности испытуемаго вещества, положеннаго на изолированной подставкѣ между шариками. Проведши два разряда въ темнотѣ, Гейнрихъ могъ уже замѣтить фосфорность. Оказалось, что известковые минералы свѣтятъ особенно хорошо: такъ, напримѣръ, прокаленныя устричныя раковины свѣтятъ пятьдесятъ минутъ послѣ электризаціи; нѣкоторые изъ этихъ минераловъ свѣтили сначала особеннымъ цвѣтомъ, переходящимъ потомъ въ чисто бѣлый. Бо́льшая часть драгоцѣнныхъ камней (за исключеніемъ алмаза) вовсе не свѣтитъ; ал-

---

[1]) Schweiggers Journal, T. XIV.

[2]) Cavallo, Abhandl. von der Elektricität, I, p. 223. Кавалло, извѣстный естествоиспытатель минувшаго вѣка, переселившійся изъ Неаполя въ Англію и писавшій на англійскомъ языкѣ.

мазъ же отъ прохожденія по его поверхности электрической искры пріобрѣтаетъ фосфорность. Впрочемъ искра оставляетъ слѣдъ на поверхности, такъ что послѣ нѣсколькихъ опытовъ алмазъ теряетъ свой блескъ. Что̀ касается до металловъ, ихъ окисей, сѣры, также и глины, то искра почти вовсе не возбуждаетъ въ нихъ свѣта. По мнѣнію Гейнриха, фосфорность, пріобрѣтаемая отъ прохожденія электрической искры по поверхности тѣлъ, не зависитъ отъ особеннаго измѣненія этой поверхности, но лишь отъ того, что тѣла подвержены были нѣсколько времени дѣйствію электрическаго *свѣта*. Слѣдующіе опыты Беккереля говорятъ въ пользу послѣдняго предположенія [1]):

Пережженные черепки устрицъ получаютъ фосфорность не только отъ прохожденія по поверхности ихъ электрической искры, но и въ томъ случаѣ, когда искра находится отъ нихъ на нѣкоторомъ разстояніи. М. Беккерель проводилъ разрядъ баттареи, состоящей изъ 18 лейденскихъ банокъ, такъ чтобъ искра находилась на разстояніи двухъ сантиметровъ: черепки получали также фосфорность; съ увеличеніемъ разстоянія до 5, 20, 30... дециметровъ, дѣйствіе получалось то же самое, хотя конечно въ меньшей степени. Кромѣ того замѣтилъ онъ, что если, при прохожденіи искры на значительномъ разстояніи отъ черепковъ, фосфорность, получаемая отъ перваго разряда, была незначительна, то она можетъ быть усилена отъ послѣдовательныхъ разряженій. Отсюда явствуетъ, что электрическій свѣтъ, дѣйствуя на извѣстномъ разстояніи, дѣлаетъ матеріальныя частицы болѣе и болѣе способными къ испусканію свѣта, ибо при этихъ опытахъ исключено всякое механическое дѣйствіе на поверхность тѣла, слѣдовательно свѣтеніе не можетъ быть приписано ни изборозженію поверхности, ни удару. Чтобы устранить вліяніе температуры, Беккерель покрылъ черепки стеклянною пластинкой, толщиною въ три миллиметра: послѣ удара черепки получили фосфорность, хотя въ меньшей степени; съ увеличеніемъ толщины стекла, свѣтъ уменьшался. Употребляя вмѣсто бѣлаго стекла стекло окрашенное, Беккерель увидѣлъ, что красное стекло, двухъ милл. толщиною, совершенно уничтожало фосфорность, между тѣмъ какъ стекло фіолетоваго цвѣта, одинаковой толщины съ прежнимъ, дѣйствовало точно такъ, какъ бѣлое стекло. Вообще же явленіе уменьшалось по мѣрѣ приближенія отъ фіолетоваго къ красному цвѣту: такъ, напримѣръ, стекло синее дѣйствуетъ лучше зеленаго, зеленое лучше желтаго, и т. д. Съ другой стороны извѣстно, что теплота въ красныхъ лучахъ обнаруживается сильнѣе, чѣмъ въ фіолетовыхъ лучахъ спектра,

---

[1]) M. Becquerel, Traité expérimentale de l'Electricité et du Magnétisme, Tome VI, 1-e partie, pg 284.

между тѣмъ какъ послѣдніе обладаютъ бо́льшими химическими свойствами; поэтому Беккерель заключилъ, что свойство фосфорности зависитъ не столько отъ свѣтовыхъ лучей, сколько отъ химическихъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что изъ опытовъ Е. Беккреля (сына) оказывается, что электрическая искра почти вовсе не дѣйствуетъ на термоэлектрическій столбъ, помѣщенный въ самомъ близкомъ разстояніи отъ нея, слѣдовательно искра весьма мало испускаетъ лучей теплоты.

До сихъ поръ мы видѣли, что тѣла пріобрѣтаютъ свойство издавать свѣтъ въ темнотѣ дѣйствіемъ нагрѣванія и электрической искры. Но есть третій и гораздо замѣчательнѣйшій способъ, именно — дѣйствіе солнечныхъ лучей (insolation). Этотъ способъ въ предстоящемъ случаѣ для насъ всего важнѣе, и потому мы говоримъ о немъ подробнѣе.

Уже давно извѣстно было, что многія тѣла, выставленныя на дневной свѣтъ или подверженныя непосредственному дѣйствію солнечныхъ лучей, свѣтятъ послѣ въ темнотѣ. Бенвенуто Челлини, въ сочиненіи своемъ о драгоцѣнныхъ камняхъ, появившемся въ половинѣ XVI вѣка, говоритъ о карбункулѣ, свѣтящемъ въ темнотѣ, и о другомъ камнѣ, найденномъ близъ Рима ночью, по причинѣ издаваемаго имъ свѣта. То же самое замѣчено въ вышеупомянутомъ Кантоновомъ фосфорѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ смѣсяхъ, хотя свѣтъ, издаваемый ими отъ дѣйствія солнечнаго свѣта, вообще незначителенъ. Въ 1663 году Бойль (Boyle) замѣтилъ, что алмазъ пріобрѣтаетъ фосфорность, будучи подверженъ дѣйствію теплоты, тренія или давленія. Дюфэ (Dufay), которому обязаны мы открытіемъ двухъ родовъ электричества, замѣтилъ фосфорность въ алмазѣ, выставленномъ нѣсколько секундъ на солнце. Открытіе Дюфэ подтвердили въ послѣдствіи Беккарія и Вильсонъ. Въ новѣйшее время этимъ предметомъ много занимался Гротгусъ [1]) и особенно Гейнрихъ, разсмотрѣвшій подробно всѣ роды фосфорности, и изложившій результатъ многочисленныхъ своихъ опытовъ въ особенномъ сочиненіи [2]).

Желая приготовить зрѣніе къ воспринятію слабаго свѣта, Гейнрихъ употреблялъ особенный ящикъ, закрытый со всѣхъ сторонъ и слѣдовательно совершенно темный: тамъ сидѣлъ онъ во все время производства опытовъ и туда подавались ему испытуемыя вещества въ отверзтіе, закрываемое тотчасъ же ширмой. Опыты показали, что вообще всѣ известковыя породы (соединеніе извести съ какою-

---

[1]) Grotthuss, Schweig. Journ. XIV.

[2]) Die Phosphorescenz der Körper oder die im Dunkeln bemerkbaren Lichtphänomene der anorganischen Natur, von Placidus Heinrich. Nürnberg. 1811—1820.— Также: Brandes, Gehl. phys. Wört. T. VI, p. 246.

нибудь кислотой) свѣтятъ въ темнотѣ лучше всѣхъ прочихъ веществъ: такъ напримѣръ углекислая, сѣрнокислая, фосфорнокислая известь. Фтористую известь (плавиковый шпатъ) достаточно выставить на свѣтъ одну секунду, чтобъ она потомъ свѣтилась въ продолженіе четырехъ минутъ. Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи вышеупомянутый хлорофанъ или пиросмарагдъ: если пролежитъ онъ довольно долгое время въ темнотѣ, то вовсе не издаетъ свѣта, даже при нагрѣваніи рукой; если же выставимъ его нѣсколько минутъ на солнечный или ламповый свѣтъ, то онъ свѣтитъ послѣ нѣсколько дней, даже нѣсколько недѣль сряду; когда же способность эта наконецъ теряется, то достаточно нѣсколько времени подержать его въ рукахъ, чтобъ опять возобновить оную. Если хлорофанъ лежитъ два или три мѣсяца въ темнотѣ, то онъ становится свѣтящимъ при нагрѣваніи на 45—50° Реом. и свѣтитъ даже подъ водой. Если выставить его на солнце при температурѣ 25° Р. и перенесть въ темную комнату, которой температура равна 6° или 8°, то онъ свѣтитъ зеленоватымъ цвѣтомъ, переходящимъ послѣ въ бѣлый. Когда же кусокъ этого минерала нагрѣемъ до 25°—30°, выставимъ на солнце и послѣ перенесемъ въ темную комнату, которой температура равна 10°, то издаваемый свѣтъ бываетъ довольно слабый и скоропроходящій. То же самое показываетъ и Кантоновъ фосфоръ. Мы слѣдовательно видимъ, что фосфорность обнаруживается въ большей степени, когда испытуемое вещество держать долго въ темнотѣ.

Кремнеземистые минералы и драгоцѣнные камни также имѣютъ фосфорность, хотя въ меньшей степени и не на долго. Въ этомъ отношеніи отличаются алмазы, свѣтящіе превосходно, особенно алмазы большіе; впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ довольно долгое время не обнаруживаютъ этого свойства. Свѣтъ, издаваемый алмазомъ, остается одинаковымъ въ воздухѣ и въ водѣ. Весьма крупные алмазы, введенные въ фіолетовый цвѣтъ солнечнаго спектра, свѣтятъ потомъ въ продолженіе пятнадцати минутъ, между тѣмъ какъ красный цвѣтъ не оказываетъ никакого дѣйствія. Вліяніемъ свѣта обыкновенной лампы алмазъ пріобрѣтаетъ также фосфорность, между тѣмъ какъ лунный свѣтъ никакого дѣйствія не оказываетъ, вѣроятно по причинѣ своей незначительности. Весьма замѣчательно однако то обстоятельство, что сродныя съ алмазомъ вещества, напримѣръ каменный уголь, торфъ, графитъ, вовсе не свѣтятъ. Отсюда видно, что фосфорность, пріобрѣтаемая тѣлами отъ дѣйствія на нихъ свѣта, зависитъ не отъ химическаго ихъ состава, но отъ особеннаго расположенія атомовъ. Это заключеніе подтверждается новѣйшими изслѣдованіями Е. Беккереля [1]). Фосфор-

[1]) Compt. rendus, 1857, № 20, p. 816.

ность вовсе не обнаруживается ни въ одномъ самородномъ металлѣ, ни въ сѣрѣ.

Разсмотримъ теперь вещества *органическія*. Части растеній, напримѣръ дерево, кора, свѣтятъ довольно слабо; тѣла же, приготовленныя изъ растительныхъ тканей, по словамъ Гейнриха, свѣтятъ довольно хорошо, особенно если были выбѣлены: напримѣръ *бѣлая бумага*, которая впрочемъ теряетъ свѣтъ, если пролежитъ долгое время на солнцѣ. Гротгусъ, подтверждая эти опыты, полагаетъ, что вообще всѣ тѣла (за исключеніемъ жидкихъ тѣлъ и металловъ) обладаютъ фосфорностію, и въ тѣмъ большей степени, чѣмъ свѣтлѣе ихъ собственный цвѣтъ. Такимъ образомъ, произведя опытъ надъ бумагой, окрашенной различными цвѣтами, онъ увидѣлъ, что свѣтъ, издаваемый ею въ темнотѣ, былъ пропорціоналенъ напряженію цвѣта, такъ что по мѣрѣ приближенія его къ черному, фосфорность уменьшалась. Желая подтвердить этотъ результатъ, Гротгусъ сдѣлалъ слѣдующій опытъ, для насъ особенно замѣчательный [1]): гравюра, выставленная на солнце, перенесена была послѣ въ темную комнату; оказалось, что мѣста освѣщенныя или менѣе темныя свѣтили весьма ярко, между тѣмъ какъ черныя мѣста не издавали никакого свѣта. Такимъ образомъ получилось въ темнотѣ свѣтлое и совершенно вѣрное изображеніе гравюры. Очень жаль, что Гротгусъ не говоритъ, сколько времени выставлена была гравюра на солнце и сколько времени можно было различать ее въ темнотѣ.

Изъ многочисленныхъ опытовъ Гейнрихъ вывелъ слѣдующія положенія относительно дѣйствія свѣта: 1) для произведенія фосфорности нѣтъ нужды выставлять тѣло долгое время на солнце или на дневной свѣтъ, и поэтому дѣйствіе не можетъ быть приписано нагрѣванію, совершенно незначительному въ столь короткое время; 2) вообще тѣла свѣтлыя, послѣ дѣйствія на нихъ лучей солнца, свѣтятъ въ темнотѣ болѣе, чѣмъ тѣла темныя; есть впрочемъ бѣлыя вещества, представляющія исключеніе; 3) свѣтъ, издаваемый тѣлами, не происходитъ отъ одной только поверхности ихъ, ибо онъ не уменьшается ни отъ прикосновенія рукъ, ни отъ тренія; напротивъ, свѣтятъ и частицы, внутри тѣла находящіяся, ибо если тѣло избороздить, то вновь полученная поверхность свѣтитъ одинаково сильно съ предыдущей, и вообще полировка не оказываетъ вліянія на свѣтъ; 4) свѣтъ остается одинаковымъ при температурѣ выше или ниже нуля, такъ что ледъ,

---

[1]) Schweig. Journ. T. XIV. — Brandes, Gehl. T. VI, p. 252. — Becquerel, Traité etc., T. VI, 1-e partie, p. 278.

послѣ дѣйствія на него свѣта, въ свою очередь становится свѣтящимъ. Къ этимъ положеніямъ Гротгусъ прибавилъ слѣдующія: 5) вещества, освѣщаемыя синими или фіолетовыми лучами, въ темнотѣ свѣтятъ лучше, чѣмъ отъ освѣщенія красными лучами; 6) тѣла никогда не свѣтятъ тѣмъ самымъ свѣтомъ, какому были подвергаемы, но всегда свѣтомъ, свойственнымъ каждому изъ нихъ.

Таковы результаты, дознанные наукой лѣтъ тридцать тому назадъ. Обстоятельство, что тѣла, подверженныя дѣйствію солнечныхъ лучей, свѣтятъ въ темнотѣ, оставалось въ наукѣ, какъ фактъ, какъ вещь любопытная — и только; надлежало пройдти болѣе четверти вѣка, чтобъ истина эта получила приложеніе въ практикѣ. А между тѣмъ оптика сдѣлала шагъ гигантскій: къ физикѣ прибавилось много блистательныхъ страницъ о способности луча рисовать изображеніе на нарочно-приготовленной пластинкѣ и рисовать такъ, чтобъ изображеніе это болѣе не стиралось. Кому не извѣстны открытія Ньепса, Дагерра и Тальбота? Но вотъ новое открытіе въ области фотографіи, и открытіе, гдѣ опять встрѣчаемъ имя Ньепса: — Ньепсъ де-Сенъ-Викторъ (Niepce de Saint-Victor).

Въ засѣданіи Парижской академіи наукъ, бывшемъ 16-го ноября 1857 года, г. Шеврёль, сообщая Академіи открытіе г. Ньепса, вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ, чтобъ распечатанъ былъ пакетъ, переданный тѣмъ же ученымъ академіи 31 числа прошлаго августа, причемъ г. Шеврёль объявилъ, что самъ присутствовалъ при опытахъ еще прежде августа мѣсяца 1857 года.

Мы сообщимъ это открытіе по мемуару самого г. Ньепса де-Сенъ-Виктора [1]).

Цѣль автора была доказать посредствомъ фотографіи, что тѣло, подверженное дѣйствію дневнаго свѣта или непосредственному дѣйствію солнечныхъ лучей (insolation), сохраняетъ и въ темнотѣ впечатлѣніе, произведенное на него свѣтомъ. Вотъ основный опытъ, вполнѣ подтверждающій это:

Гравюра, которая нѣсколько дней лежала въ совершенно темномъ мѣстѣ и половина которой предварительно покрыта была непрозрачнымъ тѣломъ, выставлена была на солнце въ теченіе, по крайней мѣрѣ, четверти часа. Послѣ того гравюра наложена была на весьма чувствительную фотографическую бумагу и оставалась въ прикосновеніи съ послѣдней, въ темнотѣ, въ продолженіе сутокъ. По истеченіи этого времени на фотографической бумагѣ получился точный снимокъ той части гравюры, которая не покрыта была непрозрачнымъ щитомъ, и

---

[1]) Comptes rendus, T. XLV, N° 20, Séance du 16 novembre 1857; p. 811.

притомъ такъ, что свѣтлыя мѣста гравюры отпечатались чернымъ цвѣтомъ, и обратно: однимъ словомъ, получилось изображеніе отрицательное (негативъ). Что при этомъ дѣйствіе солнечныхъ лучей играло главную роль, видно изъ того, что не бывши выставлена на свѣтъ, гравюра не оставляла ни малѣйшаго слѣда на фотографической бумагѣ, хотя бы первая находилась прежде нѣсколько дней сряду въ темномъ мѣстѣ.

На какой бумагѣ ни была бы сдѣлана гравюра, дѣйствіе будетъ тоже самое, хотя въ различной степени, смотря по качеству бумаги, — даже если гравюра сдѣлана на берцеліусовской бумагѣ, служащей для фильтрованія, лишь бы она выставлена была предварительно на свѣтъ,— послѣднее условіе необходимо. То же получится, если гравюра будетъ на деревѣ, слоновой кости, пергаментѣ, также и на кожѣ. Напротивъ того, гравюра, на стеклѣ, драгоцѣнныхъ камняхъ и металлахъ, не воспроизводится. (Это подтверждаетъ сказанное нами прежде, что вещества растительныя обладаютъ фосфорностью, дорогіе же камни — кромѣ алмаза — и металлы такого свойства не имѣютъ.) Для болѣе сильнаго дѣйствія потребно, чтобъ гравюра лежала долгое время на солнцѣ, чтобы она, такъ-сказать, насыщалась свѣтомъ (elle se saturera de lumière), также чтобы она два или три дня была въ прикосновеніи съ фотографической бумагой. Тогда получается столь хорошій отпечатокъ, что г. Ньепсъ выражаетъ надежду, современемъ пріобрѣсти въ этомъ новое средство для воспроизведенія гравюръ, особенно если для такой цѣли употреблена будетъ весьма чувствительная бумага, пропитанная іодистымъ серебромъ, или же изображеніе будетъ рисоваться на слой коллодіума, посредствомъ пирогалловой кислоты.

Мы видѣли прежде, что тѣла получаютъ фосфорность, если между ними и электрической искрой будетъ находиться бѣлое стекло. Если же при опытахъ Ньепса между гравюрой и фотографической бумагой положимъ стеклянную пластинку или пластинку слюды, горнаго хрусталя, также стекла, окрашеннаго желтымъ цвѣтомъ, то гравюра не отпечатлѣвается. Если же покроемъ ее слоемъ коллодіума или желатины, то получится отпечатокъ; напротивъ, покрывъ ее слоемъ лака или же растворомъ резины, не получимъ никакого дѣйствія. Не должно думать, будто для воспроизведенія гравюры необходимо взаимное соприкосновеніе гравюры съ бумагой: тотъ же самый почти результатъ получимъ, если отдѣлимъ ихъ одну отъ другой на разстояніе трехъ миллиметровъ; только тогда конечно нужно, чтобы гравюра состояла изъ толстыхъ штриховъ. Оказывается также различіе между чернилами: такъ типографическія чернила и обыкновенныя, сдѣланныя изъ чернильныхъ орѣшковъ и желѣзнаго купороса, не даютъ

изображенія; напротивъ, англійскія чернила доставляютъ довольно хорошій отпечатокъ. Не всѣ цвѣта дѣйствуютъ одинаково хорошо: нѣкоторые изъ нихъ даютъ ясные отпечатки, между тѣмъ какъ другіе почти не оставляютъ слѣда на фотографической бумагѣ (это опять согласно съ сказаннымъ нами прежде: мы видѣли уже изъ опытовъ Гротгуса, что бо́льшую фосфорность причиняетъ фіолетовый, наименьшую — красный цвѣтъ).

Если на фаянсѣ, покрытомъ лакомъ или эмалью, нарисованы буквы, то послѣднія изображаются на чувствительной бумагѣ, между тѣмъ какъ самый фаянсъ не оставляетъ послѣ себя слѣда; еслиже онъ не покрытъ лакомъ или эмалью, напримѣръ бисквитъ, то и пластинка оставляетъ послѣ себя слабое изображеніе. (Это согласно съ опытами Гейнриха, по которымъ известковые минералы обладаютъ довольно сильной фосфорностью, между тѣмъ какъ она обнаруживается въ незначительной степени въ минералахъ кремнеземистыхъ.)

Если гравюру, выставленную прежде на свѣтъ въ продолженіе часа, положимъ на бѣлый картонъ, находившійся нѣсколько дней въ темнотѣ, и оставимъ ихъ въ такомъ положеніи въ продолженіе сутокъ, послѣ чего картонъ приведемъ въ соприкосновеніе съ фотографической бумагой также на сутки, то получится изображеніе гравюры, впрочемъ слабѣе, нежели въ томъ случаѣ, когда гравюра прямо накладывается на фотографическую бумагу.

Когда мы черную мраморную доску, на которой находятся бѣлыя пятна, выставимъ на свѣтъ и потомъ положимъ на чувствительную бумагу, то отпечатлѣваются одни только бѣлыя пятна. При одинаковыхъ условіяхъ бѣлая доска рисуетъ на бумагѣ свое изображеніе, между тѣмъ какъ пластинка изъ древеснаго угля не производитъ никакого дѣйствія. То же самое получимъ, производя опытъ съ чернымъ и бѣлымъ перомъ, между тѣмъ какъ при употребленіи перьевъ другаго цвѣта, нѣкоторые цвѣта оставляютъ слабое изображеніе, иные же вовсе нѣтъ. Вообще, дѣйствуя съ бумажными тканями различныхъ цвѣтовъ, г. Ньепсъ получилъ отпечатокъ только отъ бѣлаго, синяго и желтаго цвѣта; другіе цвѣта не дѣйствовали. Подобнымъ образомъ шелковыя и льняныя ткани оставляли изображенія, зависящія отъ цвѣта ихъ.

Если цилиндръ, сдѣланный изъ какого-нибудь металла, закрытый съ одной стороны и обитый внутри бумагой или бѣлымъ картономъ, выставимъ открытымъ концомъ противъ солнца, въ продолженіе одного часа, послѣ чего открытый конецъ цилиндра положимъ на чувствительную бумагу, то спустя 24 часа окажется, что окружность трубы оставила на бумагѣ свое изображеніе. Если же между трубой

и бумагой будетъ находиться гравюра, то послѣдняя оставитъ отпечатокъ на бумагѣ.

Закрывая герметически отверзтіе трубы, послѣ дѣйствія на нее солнечныхъ лучей, увидимъ, что способность лучеиспусканія сохраняется въ ней неопредѣленное время, и обнаруживается каждый разъ, когда открытый конецъ трубы положимъ на чувствительную бумагу, отнявъ предварительно заслонку. Что̀ показываетъ этотъ опытъ? — Что свѣтъ можетъ быть *сберегаемъ* въ закрытой трубѣ, точно жидкость въ сосудѣ, и жидкость эту мы можемъ вылить по нашему произволу! Этого мало: оказывается, что сберегаемый такимъ образомъ свѣтъ можетъ дѣйствовать даже на растенія, особенно на цвѣты, открытые днемъ и закрывающіеся на ночь!

Вотъ еще одинъ, не менѣе любопытный опытъ: извѣстно, что цѣль всѣхъ разысканій Дагерра и Ньепса состояла въ томъ, чтобъ закрѣпить изображенія, получаемыя посредствомъ камеръ-обскуры. Вотъ какъ поступилъ г. Ньепсъ де-Сенъ-Викторъ: бѣлый картонъ, лежавшій прежде въ темномъ мѣстѣ, вкладывался часа на три въ камеръ-обскуру, внутри которой составлялось изображеніе предмета, ярко освѣщеннаго солнцемъ. Послѣ того клали картонъ на чувствительную бумагу, и черезъ сутки получался на послѣдней довольно ясный отпечатокъ изображенія. Для успѣшнаго дѣйствія нужно, чтобъ картонъ долго подвергаемъ былъ дѣйствію свѣта. Когда же на бѣлый картонъ упадалъ солнечный спектръ въ продолженіе полутора часа, то отпечатка не было, хотя, по всѣмъ вѣроятностямъ, болѣе продолжительное дѣйствіе лучей свѣта повело бы къ желаемому результату.

Г. Ньепсъ производилъ опыты и съ веществами, обладающими свойствомъ фосфорности и флуоресценціи: начертивъ рисунокъ на бѣлой бумагѣ посредствомъ раствора сѣрнокислаго хинина, выставивъ его на солнцѣ и потомъ покрывъ чувствительною бумагой, онъ получалъ изображеніе болѣе черное, нежели отъ бѣлой бумаги, образующей фонъ рисунка. Когда же между рисункомъ и бумагой положена была стеклянная пластинка или стекло, окрашенное желтымъ цвѣтомъ, то не получалось ничего. Безъ предварительной выставки на солнце растворъ сѣрнокислаго хинина также не производилъ никакого дѣйствія.

Если рисунокъ сдѣланъ былъ на бумагѣ посредствомъ фосфора, то и безъ содѣйствія лучей солнца на чувствительной бумагѣ получалось скоро весьма отчетливое изображеніе, лишь бы между рисункомъ и бумагой не находилось стеклянной пластинки. Тотъ же результатъ получался и отъ фтористой извести, пріобрѣтшей фосфорность посредствомъ накаливанія.

Таковы результаты, полученные г. Ньепсомъ. Спѣша довести это до свѣдѣнія Академіи, онъ не имѣлъ времени произвести много интересныхъ опытовъ, каковы напримѣръ надъ свѣтомъ лампы и свѣтомъ электрическимъ. Это онъ намѣревается дѣлать послѣ и конечно не оставитъ извѣстить объ этомъ Академію. Но уже и теперь открытіе г. Ньепса заслуживаетъ полнаго вниманія физиковъ и конечно подастъ поводъ къ дальнѣйшимъ разысканіямъ.

Послѣ изложенія свойствъ свѣта, издаваемаго тѣлами въ темнотѣ, невольно раждается вопросъ: какъ объяснить замѣченное явленіе? Очевидно, что объясненіе какого-нибудь физическаго явленія только тогда можетъ быть принято, когда, основываясь на общеизвѣстныхъ, неоспоримыхъ истинахъ, оно, безъ натяжки, не прибѣгая къ посторонимъ, неизвѣстнымъ доселѣ силамъ природы, даетъ отчетъ въ замѣченномъ явленіи и въ частностяхъ, имъ представляемыхъ.

Гейнрихъ въ вышеупомянутомъ сочиненіи своемъ ограничивается однимъ лишь изложеніемъ своихъ наблюденій, не давая теоретическаго объясненія. Онъ полагаетъ, что всякій окислъ металла или щелочь, легко соединяющаяся съ кислотою, отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, могутъ издавать свѣтъ въ темнотѣ; лучи же солнца имѣютъ способность раскислять эту смѣсь, а вслѣдствіе раскисленія и происходитъ, по мнѣнію Гейнриха, фосфорность. Этимъ онъ объясняетъ, почему напримѣръ окись ртути пріобрѣтаетъ свойство фосфорности, будучи смочена сѣрною кислотой и выставлена на солнце, между тѣмъ какъ безъ содѣйствія кислоты этого явленія не замѣчаемъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, Гейнрихъ приводитъ то обстоятельство, что нѣкоторые алмазы, выставленные на солнце, свѣтятъ послѣ весьма слабо, между тѣмъ какъ другіе издаютъ въ темнотѣ довольно сильный свѣтъ. Первые, говоритъ онъ, заключаютъ въ себѣ васьма мало, послѣдніе же весьма много угольной кислоты, а извѣстно (?), что фосфорность пропорціональна количеству содержащейся въ тѣлахъ кислоты. Мнѣніе это ничѣмъ не подтверждается, ибо до сихъ поръ о содержаніи угольной кислоты въ алмазѣ ничего не извѣстно. Наконецъ эта теорія не объясняетъ различія относительно фосфорности, замѣчаемаго въ хорошихъ и дурныхъ проводникахъ теплоты.

Другое объясненіе далъ Гроттусъ [1]). Разсматривая свѣтъ какъ соединеніе двухъ разнородныхъ электричествъ, положительнаго и отрицательнаго, онъ полагаетъ, что свѣтъ, упадая на тѣла, приходитъ въ

---

[1]) Schweig. Journ. T. XIV; p. 134. — Becquerel, Traité etc... T. VI, 1-e p. p. 272.

сферу притяженія атомовъ тѣлъ, и при этомъ оба электричества разлагаются. Отъ послѣдующаго за тѣмъ взаимнаго ихъ соединенія происходитъ свѣтъ, замѣчаемый въ темнотѣ. Итакъ, по мнѣнію Гротгуса, фосфорный свѣтъ есть не что иное, какъ медленное соединеніе двухъ противоположныхъ электричествъ; поэтому и издаваемый тѣломъ свѣтъ есть только проявленіе свѣта, прежде всосаннаго атомами его и какъ бы вошедшаго въ составъ этого тѣла.

Мнѣніе это подтверждается слѣдующимъ опытомъ Озанна (Osann): искусственный фосфоръ, напримѣръ Кантоновъ, приготовленный совершенно въ темнотѣ, вовсе не свѣтитъ ни послѣ нагрѣванія, ни будучи смѣшиваемъ съ хлороводородной кислотой, между тѣмъ какъ то же самое вещество стóитъ нѣсколько времени выставить на свѣтъ, чтобъ сообщить ему фосфорность. Слѣдовательно, свойство это не можетъ быть приписываемо дѣйствію жара, но одному только дѣйствію свѣта. Поэтому, говоритъ Озаннъ, чѣмъ напряженіе падающаго свѣта сильнѣе, тѣмъ сильнѣе будетъ пріобрѣтаемая тѣломъ фосфорность.

Основываясь на вышесказанномъ положеніи, Гротгусъ объясняетъ, почему металлы и жидкости, хорошо проводящіе теплоту, не свѣтятъ: ибо, говоритъ онъ, теплота разъединяетъ частицы этихъ тѣлъ на значительное разстояніе, вслѣдствіе чего соединеніе обоихъ противоположныхъ электричествъ происходитъ медленнѣе, а потому и фосфорность должна уменьшаться. Чѣмъ суше тѣло, тѣмъ и издаваемый свѣтъ будетъ сильнѣе; такъ изъ опытовъ Беккаріи слѣдуетъ, что хорошо высушенная бумага издаетъ весьма сильный свѣтъ, между тѣмъ какъ свѣтъ исчезаетъ, коль скоро проведемъ по бумагѣ мокрою кистью. Этимъ же объясняетъ онъ, почему фосфорность раждается при ударѣ и треніи, ибо освобожденіе теплоты способствуетъ соединенію двухъ противоположныхъ электричествъ. Въ самомъ дѣлѣ, если произведемъ ударъ или треніе при температурѣ —20°, то свѣта не замѣтимъ.

Теорія фосфорности Гротгуса, принятая и Брандесомъ [1]), измѣнена была М. Беккерелемъ [2]). Соглашаясь, что фосфорность есть явленіе электрическое, онъ объясняетъ проявленіе двухъ противоположныхъ электричествъ иначе, нежели Гротгусъ. Всякій разъ, говоритъ онъ, когда частицы какого-нибудь тѣла выведены изъ первоначальнаго своего положенія, или чрезъ измѣненіе своего состава, или нарушеніемъ своей группировки, оба электричества, содержащіяся въ каждомъ атомѣ, разлагаются. Если при этомъ частицы тѣла не разъединены, то вскорѣ потомъ наступаетъ и соединеніе элекричествъ, происхо-

---

[1]) Gehl. phys. Wört. T. VI, p. 253.

[2]) Becq. Traité... T. IV, p. 77; T. VI, 1-e p., p. 286, sqq.

дящее болѣе или менѣе быстро, смотря по напряженію электричества, а также по дѣйствію теплоты и свѣта. Поэтому, какъ скоро частицы получили сотрясеніе и выведены изъ первоначальнаго своего положенія дѣйствіемъ тренія, механическаго удара, теплоты, свѣта, электрическаго удара или химизма, то должно послѣдовать проявленіе свѣта, происшедшаго отъ сліянія двухъ электричествъ, прежде разъединенныхъ, особенно же если тѣла — худые проводники электричества. Отсюда также слѣдуетъ, что хорошіе проводники электричества не обладаютъ свойствомъ фосфорности.

Въ слѣдующей статьѣ изложены будутъ новѣйшія открытія по гальванизму.

Я. И. Вейнбергъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РУССКІЕ ПРОТЕКЦІОНИСТЫ. . . . . И. К. БАБСТА.
ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И СОВРЕМЕННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЕЯ, СОРИЛЬЯ. . . . . С. В. КОСТАРЕВА.
НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА НАШЕГО РЕМЕСЛЕННАГО КЛАССА. . . . Н. ЖЕННИНА.
ВОЕННО-ПОХОДНЫЙ БЫТЪ ВЪ КРЫМУ. *(Оконч.)* ГЕМЕЛЛА.
НОВОСТИ ПО ФИЗИКѢ. . . . . Я. И. ВЕЙНБЕРГА.

Являясь еженедѣльно книжками, отъ *трехъ* до *пяти* листовъ въ каждой, АТЕНЕЙ будетъ сообщать:

1. Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной литературы;
2. Хронику важнѣйшихъ новостей въ общественной и государственной жизни современныхъ народовъ,
и 3. Статьи историческаго содержанія, записки (mémoires), путешествія, разказы, литературныя замѣтки, ученыя и художественныя извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ конторѣ *Атенея*, при книжномъ магазинѣ Н. Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина, и у книгопродавцевъ: Ѳ. О. Свѣшникова, въ домѣ университетской типографіи, и И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

У книгопродавца С. А. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгартъ.

ВЪ ПАРИЖѢ

Въ конторѣ Русскаго Агентства газеты Le Nord, boulevard de la Madelaine, 5.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ контору *Атенея*, въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 52-хъ книжекъ, *де* рублей, съ пересылкою *одиннадцать рубл. съ полтиною.*

Печатать дозволяется. Апрѣля 19-го, 1858 года.
Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 20.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРНСТА БАРФКНЕХТА И К°.

—

1858.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. Н. МАЙКОВА.

Стихотворенія Аполлона Майкова. Изданіе графа Г. А. Кушелева-Безбородко. 2 части in. 8° С. Петербургъ, въ тип. П. А. Кулиша. 1858 г. Стр. 247 и V, 294 и IV. Цѣна 2 руб. сер. Съ пересылкой 3 р. сер.

—

Давно ли стихи казались почти совершенно изгнанными изъ нашей литературы? Давно ли давали имъ пріютъ только въ третьестепенныхъ журналахъ? Остракизмъ, произнесенный тѣми изъ журналовъ, которые естественнымъ образомъ имѣли сильнѣйшее вліяніе на публику, сдѣлалъ ее крайне недовѣрчивою къ стихамъ вообще. Это отразилось даже на тѣхъ слояхъ читателей, для которыхъ издавались прежде во множествѣ сборники стихотвореній, обязанныхъ своимъ существованіемъ золотому досугу и риѳмобѣсію людей, не имѣющихъ ничего общаго не только съ поэзіей, но и вообще съ литературой. Прежде эти господа то и дѣло печатали книжки своихъ стиховъ, и вдругъ, за весьма рѣдкими исключеніями, всѣ пріумолкли. Такъ въ мірѣ служебномъ опала и отставка сановника влекутъ за собою нерѣдко изгнаніе даже сторожей его вѣдомства.

Многіе не вѣрили тому, чтобы гоненіе на хорошіе стихи могло быть продолжительнымъ. Какъ бы ни сдѣлались важны другіе литературные и научные интересы, въ области словесности все-таки будетъ всегда существовать уголокъ, гдѣ найдутъ убѣжище произведенія свѣжихъ, хотя бы и не мощныхъ вдохновеній, которыми будутъ иногда любоваться даже люди, посвятившіе себя иному, болѣе плодотворному и значительному служенію мысли и слова. Другое дѣло—велико ли будетъ число

такихъ любителей, но, что они найдутся, въ этомъ можно быть увѣреннымъ.

Предсказанія эти начали сбываться года четыре тому назадъ. Сперва тѣ же самые журналы, которые преслѣдовали стихи, даже хорошіе, стали изрѣдка и будто изподтишка помѣщать на страницахъ своихъ произведенія разныхъ извѣстныхъ стихотворцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые давно уже не являлись въ печати. Вскорѣ оказалась полная реакція, и въ журналахъ явились даже имена, о которыхъ публика никогда прежде не слыхала, но которыя не всѣ были достойны полной неизвѣстности.

Замѣчательно, что первая попытка возстановленія кредита стиховъ сдѣлана была «Современникомъ», въ которомъ «Новый поэтъ» нѣсколько лѣтъ сряду преслѣдовалъ стихотворство. Этимъ лучше всего доказывается, что ни изгнаніе изъ журналовъ, ни возстановленіе въ нихъ стихотворнаго отдѣла не было какою-нибудь условленною стачкою редакторовъ, а совершилось само собой; просто пришелъ на это часъ воли Божіей. «Современникъ» имѣлъ болѣе, чѣмъ кто-либо, право вновь начать печатать стихотворенія: одинъ изъ издателей его, г. Некрасовъ, замѣчательнѣйшій русскій поэтъ нашего времени, послѣ долгаго молчанія принялся около этой поры за стихи, съ которыми грѣхъ было не познакомить публику. Вмѣстѣ съ этимъ появились опять въ журналѣ произведенія и другихъ извѣстныхъ поэтовъ.

«Современникъ» же первый подалъ примѣръ къ возобновленію изданій сборниковъ, составленныхъ изъ произведеній одного лица. При третьей книжкѣ 1854-го года онъ подарилъ подписчиковъ собраніемъ стихотвореній Ѳ. И. Тютчева, вышедшихъ потомъ и отдѣльной книжкой. Читатели вѣроятно помнятъ отрадное впечатлѣніе, произведенное появленіемъ этихъ благоуханныхъ поэзіей, исполненныхъ глубокой мысли стихотвореній, на которыя публика не обращала прежде должнаго вниманія, слѣдя много лѣтъ за ожесточенной борьбой, происходившей въ литературѣ между новыми и старыми идеями. Постепенное торжество правды надъ ложью, рутиной и шарлатанствомъ долго поглощало все вниманіе людей мыслящихъ и читающихъ. Не удивительно, что при такомъ напряженіи

другіе интересы отодвинулись на второй планъ и даже были отчасти забыты. Тѣмъ отраднѣе было, послѣ долговременной разстановки, услышать и узнать опять звуки чистой, плѣнительной поэзіи, отъ которыхъ мы на время совсѣмъ отвыкли.

Появленіе стихотвореній г. Тютчева было какъ-будто сигналомъ окончательной реакціи. Съ тѣхъ поръ выходили одно за другимъ разныя собранія стихотвореній. Не говоря уже о новыхъ изданіяхъ Пушкина и Лермонтова, о дополнительныхъ томахъ сочиненій Жуковскаго, сколько появилось въ послѣдніе три года стихотворныхъ сборниковъ, начиная хоть съ пародій «Новаго поэта». Тутъ мы встрѣчаемъ имена В. Пушкина, Козлова, Веневитинова, Языкова, Полежаева, Кольцова, гр. Растопчиной, Д. Сушкова, Бенидиктова, Фета, Некрасова, Мея, Н. Сушкова, Мятлева, Вердеревскаго, Никитина, Арбузова, Кроля, Гербеля, Курочкина, Михайлова. Мы не сортируемъ эти имена, изъ которыхъ не всѣ теперь имѣютъ право на вниманіе публики; приводимъ ихъ только для того, чтобъ засвидѣтельствовать высказанный нами фактъ неоспоримой стихотворной реставраціи.

Изъ всѣхъ современныхъ поэтовъ, отличенныхъ критикой и публикой, почти одинъ только г. Майковъ опоздалъ выдачей новаго изданія своихъ стихотвореній, не смотря на то, что прежнія изданія ихъ сдѣлались уже очень рѣдки. Теперь неудобство это отстранено, и намъ остается только благодарить, какъ самого поэта, такъ и его издателя.

Г. Майковъ вступилъ на литературное поприще въ самомъ концѣ тридцатыхъ годовъ, будучи еще очень молодъ: ему было около 18-ти лѣтъ, и онъ былъ тогда студентомъ Петербургскаго университета. Въ то время (въ концѣ 1839 года) Бѣлинскій только-что переѣхалъ въ Петербургъ и съ перваго раза завоевалъ себѣ мѣсто перваго русскаго критика. Чрезвычайно тонкій природный эстетическій вкусъ, глубина критическихъ воззрѣній, увлекательный языкъ, изумлявшій своею вѣрностью и мѣткостью, и высокая честность непоколебимыхъ убѣжденій сразу покорили его вліянію всѣхъ, кто былъ молодъ, неиспорченъ и воспріимчивъ. Польза, имъ принесенная новымъ поколѣніямъ, неисчислима: даже слишкомъ рѣзкое отрицаніе прежнихъ авторитетовъ было въ свое время совершенною необхо-

димостью. Прошло это время, и теперь изучаютъ старину, конечно, дѣльнѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ когда либо прежде; отрицаніе неразборчиваго поклоненія авторитетамъ принесло и въ этомъ отношеніи свои плоды. Бѣлинскій сдѣлалъ свое дѣло и, своею критикою, вѣрно указалъ тотъ путь, на которомъ для каждой способности, для каждаго добросовѣстнаго труда, открывается кругъ дѣйствія, свободный отъ предразсудковъ, застоя и рутины. Не смотря на необходимую разность личныхъ воззрѣній и частныхъ приложеній, въ литературѣ нашей выработались теперь извѣстныя основы и начала, общія почти всѣмъ пишущимъ, и дающія литературному движенію, сравнительно съ прежнимъ, все-таки болѣе правильный и болѣе разумный ходъ. Всѣмъ этимъ время наше преимущественно обязано Бѣлинскому, и это его важнѣйшая заслуга, о которой нельзя не упомянуть хоть вскользъ, когда рѣчь коснется нашего единственнаго, если и не вполнѣ безукоризненнаго критика.

Г. Майковъ помѣщалъ первыя свои произведенія въ журналахъ и сборникахъ, иногда безъ подписи своего имени. Вѣроятно, онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ о томъ, что первую цѣнную похвалу встрѣтилъ онъ отъ Бѣлинскаго. Въ «Одесскомъ Альманахѣ» на 1840 годъ было помѣщено, между прочимъ стихотвореніе его «Сонъ» (стр. 571.), подъ которымъ скромно были выставлены три звѣздочки. Бѣлинскій, никогда не увлекавшійся именами, обратилъ особенное вниманіе на эту прелестную піэсу и выписалъ ее въ рецензіи альманаха (Отеч. Зап. т. IX, 1840 г., № 3, отд. VI, стр. 14.), сказавши не обинуясь, что она отличается «художественною формой, напоминающей подражанія древнимъ Пушкина.» Піэса эта такъ поразила критика, не знавшаго даже имени поэта при ея появленіи, что онъ возвратился къ ней спустя слишкомъ годъ, говоря объ антологической поэзіи по случаю выхода «Римскихъ Элегій» Гёте въ переводѣ г. Струговщикова (Отеч. Зап. т. XVII, 1841, № 8, отд. V, стр. 43), и опять выписалъ «Сонъ», отзываясь о немъ еще съ бо́льшимъ восхищеніемъ, чѣмъ прежде.

Вскорѣ послѣ выхода г. Майкова изъ университета появилась въ свѣтъ книга «Стихотворенія Аполлона Майкова» (С.П.Б. въ тип. Праца, 1842 г. in 8, стр. 240), заключавшая въ себѣ 85 мелкихъ стихотвореній и поэму «Олинеъ и Эсѳирь». Успѣхъ

ея былъ необыкновенный. На университетскомъ актѣ 25-го марта 1842 года ректоръ П. А. Плетневъ, при чтеніи обзора университетской дѣятельности за истекшій годъ, указалъ на замѣчательную книгу стихотвореній только что кончившаго курсъ кандидата и привелъ изъ нея прекрасное стихотвореніе «Пѣвцу» (стран. 125), а потомъ разобралъ ее въ «Современникѣ» (т. XXVI, 1842, стр. 49, № 1). Бѣлинскій посвятилъ разбору стихотвореній Майкова обширную критическую статью, не удовольствовавшись хвалебнымъ отзывомъ въ ежемѣсячномъ библіографическомъ обзорѣ. (Отеч. Зап. т. XXI, 1842, № 3, отд. V, стр., и отд. VI, стр. 3.)

Не смотря на громкія похвалы, щедро разсыпанныя г. Майкову за то, что̀ было истинно-прекраснаго въ его книгѣ, Бѣлинскій строго осудилъ его слабые юношескіе опыты, которыхъ нашлось, какъ и слѣдовало ожидать, на первый разъ не мало. Притомъ несомнѣнный талантъ поэта долженъ былъ сдѣлать критику весьма требовательною относительно піэсъ, въ которыхъ онъ шелъ по фальшивому пути или не былъ на высотѣ своего собственнаго дарованія.

Бѣлинскій съ свойственнымъ ему эстетическимъ тактомъ съ перваго раза высказалъ въ критической статьѣ своей, что стихотворенія г. Майкова, раздѣляющіяся на два разряда, не заключаютъ въ себѣ одинаковыхъ задатковъ для будущаго развитія его таланта. «Къ первому», говоритъ онъ, «должно отнести «стихотворенія въ древнемъ духѣ и антологическомъ родѣ. Это «перлъ поэзіи г. Майкова, торжество таланта его, *поводъ къ «надеждѣ на будущее его развитіе.* Второй разрядъ составляютъ стихотворенія, въ которыхъ авторъ *думаетъ быть* современнымъ поэтомъ и которыхъ лучшая сторона — хорошіе «стихи». Въ доказательство перваго своего положенія онъ *въ третій разъ* выписалъ піэсу «Сонъ», называя ее «дивно-поэтической», «роскошно художественной». Кто не согласится, что предсказаніе Бѣлинскаго сбылось вполнѣ, что г. Майковъ и теперь превосходенъ въ антологическомъ родѣ, въ описаніяхъ природы и пр., но не производитъ ничего кромѣ звонкихъ стиховъ, когда (какъ это было недавно) *вздумаетъ быть* современнымъ поэтомъ?

Бѣлинскій приписывалъ особенную важность антологиче-

скому роду и признавалъ въ немъ молодаго поэта хозяиномъ и мастеромъ. Піэсы «Октава» и «Искусство» онъ назвалъ *главою эстетики* и прибавилъ, что любое антологическое стихотвореніе его можно принять за превосходный переводъ съ греческаго. Воззрѣніе г. Майкова на жизнь критикъ находилъ чисто греческимъ, но справедливо замѣтилъ въ этомъ воззрѣніи совершенное отсутствіе одного важнаго элемента — *трагическаго*, приписывая это молодости поэта.

Второй разрядъ стихотвореній г. Майкова осужденъ Бѣлинскимъ строго, но справедливо, не только по ихъ мысли, но и по исполненію, гдѣ далеко не всегда встрѣчалась та прелесть стиха, тайну которой поэтъ постигъ такъ рано въ антологическихъ піэсахъ.

Г. Майковъ посѣтилъ Италію въ 1844 году и вынесъ изъ нея новые образы, послужившіе ему богатымъ запасомъ вдохновенія, когда онъ писалъ свою поэму «Двѣ судьбы» (Спб. 1845 г.) и «Очерки Рима» (Отеч. Зап. 1847, томъ L, № 1, Отд. I, стр. 43 и Отдѣльная брошюра. Спб. 1847). Тутъ находимъ новые мотивы вдохновеній, внушенные поэту близкимъ знакомствомъ съ классической страной искусствъ, и самыя роскошныя, поэтическія картины итальянской природы, которыя когда-либо были писаны на русскомъ языкѣ.

Замѣчательнѣйшія рецензіи поэмы «Двѣ судьбы» читатели найдутъ въ «Отечественныхъ запискахъ» (1845, томъ XXXIX, № 3, Отд. VI., стр. 1) и въ «Современникѣ» (1845, томъ XXXVIII, № 4, стр. 99). «Очерки Рима разобраны въ «Современникѣ» (1847, томъ I. № 2, Отд. III, стр. 138).

Около того же времени появилась поэма г. Майкова «Машенька» въ «Петербургскомъ сборникѣ», изданномъ на 1846 г. Некрасовымъ. Замѣтимъ здѣсь рецензіи на эту поэму въ «Отечественныхъ запискахъ» (1846, томъ XIV, № 3, Отд. V, стр. 1) и въ «Москвитянинѣ» (1846, № 2, стр. 182). Поэма эта гораздо слабѣе прочихъ произведеній г. Майкова, не смотря на многія граціозныя подробности.

Съ тѣхъ поръ имя г. Майкова стало встрѣчаться гораздо рѣже въ нашей литературѣ: это происходило отъ общаго остракизма, произнесеннаго временемъ надъ стихами. Но 1853

годъ, съ своими политическими и военными интересами, обратилъ его къ новому направленію—онъ задумалъ быть поэтомъ современнымъ и вскорѣ напечаталъ брошюрку подъ заглавіемъ «1854 годъ» (Спб. въ тип. Акад. Наукъ, 1855, стр. 53). Тутъ помѣщены были піэсы торжественныя и псевдо-патріотическія, оказавшіяся (кромѣ «Клермонтскаго собора») наборомъ громкихъ словъ, натянутыми пародіями простонародной рѣчи и лишенными всякаго живаго пониманія современности. Какъ г. Бенедиктовъ поднялся во мнѣніи публики своими стихотвореніями на современныя событія, такъ упалъ, коснувшись современности г. Майковъ, вполнѣ оправдывая мнѣніе Бѣлинскаго о характерѣ его таланта. Эти несчастныя произведенія едва могли быть забыты при чтеніи его позднѣйшихъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ и въ числѣ которыхъ явилось нѣсколько истинно прекрасныхъ. Теперь, съ новымъ изданіемъ своихъ сочиненій, онъ опять вступаетъ въ права, подобающія ему, какъ одному изъ даровитѣйшихъ современныхъ поэтовъ.

Новое изданіе состоитъ изъ двухъ частей. Въ 1-ой помѣщены: посвященіе, піэсы въ антологическомъ родѣ (41), изъ восточнаго міра (8), Элегіи (7), Подражаніе древнимъ (12), Эпическіе опыты (6) и Очерки Рима (26). Во 2-ой находятся: Поэмы (8), Піэсы изъ древняго міра (39), Изъ прошлаго (6), Фантазіи (4), Житейскія думы (11), Мотивы Гейне (30), Новогреческія пѣсни (4) и Посланія (6). Всего 209 піэсъ.

Сравнивая новое изданіе съ прежними, мы находимъ, что г. Майковъ былъ строгъ въ выборѣ своихъ сочиненій. Изъ 85 піэсъ изданія 1842 года онъ, согласно указаніямъ Бѣлинскаго, выкинулъ двадцать четыре и всю почти поэму «Олинеъ и Эсѳирь», кромѣ небольшаго отрывка; изъ 27 «Очерковъ Рима»—два, помѣстивши вмѣсто того одинъ новый. Брошюра «1854 годъ» совсѣмъ не вошла въ новое изданіе, кромѣ піэсы «Клермонтскій соборъ». Разсѣянныя по журналамъ стихотворенія также подверглись довольно строгому выбору.

Все это конечно дѣлаетъ честь вкусу и взыскательности къ самому себѣ автора. Но мы не можемъ не попенять ему за исключеніе двухъ поэмъ: мы не нашли въ новомъ изданіи ни «Ма-

шеньки», ни «Двухъ судебъ». Съ отсутствіемъ первой помириться можно, но добровольное исключеніе послѣдней кажется намъ уже преувеличенною строгостью, тѣмъ болѣе, что «Двѣ судьбы» давно разошлись въ продажѣ и достать ихъ теперь почти невозможно.

Общее заключеніе о стихотвореніяхъ г. Майкова выводится по мнѣнію нашему слѣдующее. Гороскопъ Бѣлинскаго сбылся вполнѣ; перлами поэзіи г. Майкова все-таки остаются его антологическія стихотворенія, исполненныя невыразимой прелести. Съ годами талантъ его овладѣлъ и нѣкоторыми другими мотивами, сродными отчасти его первоначальному направленію: чувство природы подчинило себѣ болѣе разностороннихъ элементовъ; великолѣпныя картины Италіи и скромные пейзажи родины вѣрно и поэтически ложатся подъ кистью художника и нерѣдко поражаютъ своею истиною, стройностью и прелестью. Чувство не глубокое, но иногда страстное, выражается поэтомъ искренно, а множество образовъ, созданныхъ имъ, носятъ на себѣ печать истинной граціи и совершенной гармоніи. Но г. Майковъ никогда не былъ и не будетъ поэтомъ мысли. Онъ не можетъ совладать съ нею; почти всѣ стихотворенія, гдѣ онъ добивается этого, сейчасъ обращаются въ многословіе, лишенное содержанія, и тутъ даже мастерской стихъ измѣняетъ ему. Впрочемъ удѣлъ поэта и безъ того завиденъ; ни кто, обладающій хоть сколько-нибудь даже не эстечическимъ чувствомъ, а просто поэтическимъ чутьемъ, не прочтетъ безъ душевнаго наслажденія стиховъ, гдѣ г. Майковъ остается вѣренъ своему таланту. Мы больше всего любимъ его «Антологическія піэсы», «Изъ древняго міра» и «Мгновенія.»

Не будемъ дѣлать длинныхъ выписокъ изъ стихотвореній г. Майкова; всѣ любящіе поэзію прочтутъ новыя его произведеніе и оживятъ въ себѣ прежнія впечатлѣнія, перечитавши давно знакомое. Ограничимся выпиской на удачу хоть «Сѣнокоса» (ч. II, стр. 128), тѣмъ болѣе, что піэса эта, кажется, не была прежде напечатана. Это мастерская картинка, доказывающая какъ граціозно и поэтически, не измѣняя притомъ ни одной чертой вѣрности природѣ, умѣетъ г. Майковъ изображать дѣйствительность.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами....
Въ мѣсяцѣ душу веселя,
Бабы съ граблями рядами
Ходятъ, сѣно шевеля.

Тамъ сухое убираютъ:
Мужички его кругомъ
На возъ вилами кидаютъ....
Возъ растетъ, растетъ какъ домъ....

Въ ожиданьи конь убогій
Точно вкопанный стоитъ....
Уши врозь, дугою ноги,
И какъ будто стоя спитъ.

Только жучка удалая
Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ,
То взлетая, то ныряя,
Скачетъ, лая въ попыхахъ.

Нельзя еще не указать безъ особеннаго удовольствія на «Мотивы Гейне», которыми украшенъ второй томъ изданныхъ теперь стихотвореній. Тридцать піэсъ этого поэта, конечно всѣхъ глубже постигшаго и всѣхъ вѣрнѣе выразившаго собою духъ времени, переданы г-мъ Майковымъ отчасти въ буквальномъ переводѣ, отчасти въ свободномъ переложеніи, но почти всѣ безъ исключенія — съ замѣчательнымъ мастерствомъ и съ тѣмъ тонкимъ художественнымъ тактомъ, какой дается только истинно-поэтическому таланту. Не говоримъ, чтобъ все здѣсь было безукоризненно: придирчивая критика найдетъ чѣмъ поживиться даже и въ самомъ удачномъ переложеніи или переводѣ; но общее впечатлѣніе удовлетворительно вполнѣ: даровитый переводчикъ передаетъ намъ живо и вѣрно не только смыслъ, образы, тонъ каждаго стихотворенія, но и самую манеру германскаго поэта.

Въ заключеніе мы обязаны сказать нѣсколько словъ о самомъ изданіи стихотвореній г. Майкова. Оно состоитъ изъ двухъ плотныхъ томовъ въ большую осьмушку, напечатанныхъ необыкновенно исправно въ корректурномъ отношеніи, на превосходной бумагѣ, изящнымъ шрифтомъ, и безъ всякихъ вычуръ. Ни одинъ русскій поэтъ не былъ еще изданъ такъ исправно и роскошно. Изданіе стихотвореній г. Майкова дѣлаетъ въ первомъ изъ этихъ отношеній честь автору и новой типографіи г. Кулиша. Что же касается до красоты книги при необыкновенной

ея дешевизнѣ, за это нельзя не благодарить издателя ея, графа Г. А. Кушелева-Безбородко. Мы слышали, что онъ пріобрѣлъ право на изданіе многихъ другихъ русскихъ книгъ и ручаемся, что «Стихотворенія г. Майкова» заранѣе отрекомендуютъ публикѣ всякое новое типографское предпріятіе, при которомъ встрѣтится имя графа Кушелева. Вѣрно не мы одни поблагодаримъ щедраго издателя и пожелаемъ, чтобы примѣръ его не остался у насъ безъ подражанія. Мы еще слишкомъ мало пріучены къ такого рода употребленію богатства.

М. Лонгиновъ.

Москва. 3-го мая 1858 г.

МОЦАРТЪ.

W. A. Mozart, von Otto Jahn. Leipzig, 1856—1858. 3 V. Breitkopf und Härtel.

(Продолженіе.)

—

Извѣстно, что въ оперѣ хотѣли возстановить древнюю трагедію. Въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ opera seria еще сохранила вліяніе этого стремленія. Речитативъ занималъ главное мѣсто. Монодіямъ (solo) и хорамъ древней трагедіи соотвѣтствовали аріи и хоры въ возвышенныхъ лирическихъ мѣстахъ. Сюжеты для оперы, сообразно съ этимъ, брали изъ миѳологіи или исторіи, хотя поэтическій характеръ ея вовсе не соотвѣтствовалъ характеру прототипа. Представленіе оперы составляло необходимую принадлежность всѣхъ придворныхъ праздниковъ,— и въ либретто непремѣнно надо было ввести какой-нибудь аллегорическій намекъ на настоящее. Танцы не усиливали поэтическаго дѣйствія и служили только къ возвышенію наружной роскоши и великолѣпія. О поэтическомъ достоинствѣ оперы, о драматическомъ положеніи, о страсти не было и рѣчи; главную роль играли костюмы и декораціи. Но такое развитіе оперы привело къ реакціи, проистекшей главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: одна, внѣшняя, заключалась въ томъ, что подобная роскошь была возможна только для дворовъ, а импрезаріи старались сокращать свои расходы; другая причина, еще важнѣе, была—такое развитіе искусства пѣнія, что публика могла уже наслаждаться посредствомъ одного чувства слуха, не прибѣгая къ помощи зрѣнія. Реформаторомъ оперы считается Александръ Скарлатти (1659—1725), основатель знаменитой Неаполитан-

ской школы. Вотъ въ какомъ видѣ ученики его передали Моцарту свое наслѣдіе [1]).

Существенныя части оперы были речитативъ и аріи. Речитативъ составлялъ форму для разговоровъ. Онъ былъ простъ, мелодія приближалась къ повышенію и пониженію голоса въ декламаціи, аккомпаниментъ былъ очень немногосложенъ: басы давали основный тонъ, на клавикордахъ брали соотвѣтствующій аккордъ, который, смотря по обстоятельствамъ, ударялся одинъ или нѣсколько разъ. Этотъ такъ-называемый recitativo secco представлялъ такъ мало пищи вдохновенію композиторовъ, что они вскорѣ начали смотрѣть на него какъ на родъ необходимаго зла, на которое не стóитъ обращать вниманія. Вслѣдствіе этого установились въ немъ извѣстныя формы, совершенно опошлившія его. Но за то родился новый речитативъ: obligato, съ сопровожденіемъ всего оркестра, не ограничивавшагося уже простыми аккордами. Часто, при усиленномъ паѳосѣ, этотъ речитативъ переходилъ въ чистое пѣніе—arioso. Въ эту-то форму recitativo obligato облекались самыя драматическія мѣста.

Для чистаго пѣнія сохранилась исключительная форма аріи. Хоры были оставлены и вводились только въ особенныхъ случаяхъ. Дуэты, терцеты и пр. употреблялись какъ можно рѣже; обыкновенно въ оперѣ встрѣчался одинъ дуэтъ для примадонны и перваго любовника (primo huomo), одинъ терцетъ для нихъ же и тенориста. Даже мѣсто для этихъ формъ было опредѣлено въ концѣ втораго и третьяго акта.

Для аріи установилась нормальная форма изъ двухъ частей, различныхъ по движенію (tempo), такту и тону (Tonart). Первая часть была болѣе развита и главнымъ образомъ предназначена для того, чтобы пѣвецъ могъ показать свое искусство. Во второй части пѣвецъ отдыхалъ отъ руладъ и фіоритуръ, но за то композиторъ обращалъ здѣсь большее вниманіе на чисто музыкальную сторону, на развитіе гармоніи и аккомпанимента. Вскорѣ установилось обыкновеніе послѣ этой второй части da capo повторять первую, при чемъ пѣвцу пред-

---

[1]) Сообщаемыя здѣсь подробности о ходѣ развитія оперы будутъ конечно не лишними для многихъ изъ вашихъ читателей.

оставлялось украшать арію собственнаго изобрѣтенія ферматами и фигурами. Слѣдствіемъ этого сдѣлалась наконецъ совершенная зависимость композитора отъ пѣвцовъ, и опера превратилась въ собраніе бравурныхъ арій для того, чтобы пѣвецъ могъ показать все свое искусство.

Въ началѣ XVII ст. запрещено было женщинамъ пѣть въ церквахъ; мальчики не могли исполнять всѣхъ музыкальныхъ трудностей, и потому мѣсто ихъ заняли кастраты. Это имѣло вліяніе и на оперу seria, тѣмъ болѣе, что Иннокентій XI запретилъ въ Папской области женщинамъ появляться на сцену. И вотъ главный герой оперы, первый любовникъ, primo huomo—сдѣлался кастратъ. Могло ли быть при этомъ какое-нибудь драматическое правдоподобіе. Primo huomo не могъ выражать невозможныхъ для него чувствъ — и превратился въ родъ музыкальнаго инструмента [1]).

Роль тенора была второстепенная, партіи баса вовсе не было. Примадонна и primo huomo тщательно заботились о томъ, чтобы партіи остальныхъ дѣйствующихъ лицъ были ничтожны и не могли затьмить ихъ блеска. Янъ приводитъ анекдотъ, который въ короткихъ словахъ ясно характеризуетъ совершенное презрѣніе къ драматическимъ требованіямъ. Пѣвица Фаустина Гассе пѣла партію Цирцеи въ Демофонтѣ. Цирцея, еще неизвѣстная женщина, должна исполнить арію въ присутствіи царевны Креузы. Гассе не иначе согласилась пѣть, какъ занявъ почетное мѣсто съ правой стороны авансцены.

Что̀ касается до инструментовки, то и тутъ установились извѣстныя формы. О речитативѣ secco я уже говорилъ. Оркестръ являлся самостоятельнымъ только въ длинныхъ ритурнеляхъ, (при чемъ инструменты повторяли мелодію аріи), въ промежуткахъ речитатива obligato и въ *симфоніи*, замѣнявшей увертюру. Симфонія обыкновенно дѣлилась на три части: allegro, медленное темпо и presto. Впрочемъ эта форма не могла установиться исключительно. Такъ Люлли во Франціи далъ симфоніи еще раньше форму adagio, allegro, adagio. Въ по-

---

[1]) А между тѣмъ энтузіазмъ, порождаемый этими primi huomi, былъ такъ великъ, что выражался даже въ восклицаніи: o benedetto il coltello, che t'a tagliato li c....ni!

слѣдствіи это среднее allegro повторялось по нѣскольку разъ, эпизодически прерывалось медленнымъ темпо и т. д. Оркестръ былъ очень разнообразенъ. Главную основу его составляли скрипки, альты и басы. Изъ духовыхъ инструментовъ первую роль играли гобои, потомъ флейты, валторны, рога; фаготы не имѣли самостоятельности, а служили только для усиленія басовъ. Вообще басы были сравнительно слишкомъ сильны.

Заботясь объ уменьшеніи издержекъ, стали для либретто выбирать такіе сюжеты, гдѣ было поменьше волшебства и наружнаго блеска. Комическій элементъ былъ строго изгнанъ изъ оперы seria. Но содержаніе все-таки заимствовалось изъ миѳологіи и исторіи. Дѣятельность поэтовъ была такъ же связана, какъ и дѣятельность музыкантовъ, требованіями музыкальной техники и особенныхъ частныхъ обстоятельствъ.

Здѣсь Янъ даетъ подробную характеристику Метастазіо и переходитъ къ разбору оперъ Моцарта, о которыхъ упомянуто выше. Моцарту еще рано было вступать въ борьбу съ установившимися формами; онъ призналъ ихъ какъ fait accompli и старался только согласить самолюбивыя требованія исполнителей съ требованіями музыкальной эстетики и драматической характерности. Въ этихъ операхъ видно уже стремленіе свергнуть оковы формалистики и дать внутреннее содержаніе матеріальному благозвучію. Вліяніе испорченнаго вкуса этой эпохи еще дѣйствовало на Моцарта, и характеристика часто приносится имъ въ жертву благозвучію и бравурѣ. Такъ въ «Митридатѣ» первыя партіи отдѣланы гораздо тщательнѣе второстепенныхъ, при самомъ первомъ появленіи имъ дано средство показать весь свой голосъ, въ каждомъ актѣ есть для нихъ большая арія, и т. п. Казенная форма аріи съ повтореніемъ первой части удержана, гармоническіе переходы бѣдны и однообразны, фермата съ трелью неизбѣжна.

Вмѣстѣ съ этими недостатками, бывшими въ духѣ времени, видны уже тамъ и сямъ проблески будущаго генія. Вторыя части арій, даже и цѣлыя аріи, иногда соотвѣтствуютъ драматическому положенію.

Либретто оперы Silla было жалкое произведеніе, безъ характеровъ, безъ драматическаго интереса; видно, какого труда стоило да-Гамерѣ придумать всѣ сцены, чтобы получить тре-

буемое количество арій, дуэтовъ, и пр. И Моцартъ обратилъ все вниманіе на исполнителей.

Оперы по случаю торжества были просто pièces de circonstance. Сюжетъ намекалъ на лица и отношенія тѣхъ людей, въ честь которыхъ совершалось торжество. Драматическій элементъ отступалъ совершенно на задній планъ, а потому и музыка была тутъ исключительно средствомъ, дать случай пѣвцамъ блеснуть талантомъ. Внѣшняя обстановка и великолѣпіе были необходимы. Этѣ піэсы были короче, обыкновенно въ двухъ актахъ; остальной вечеръ посвящался балету. Успѣху, оперы Ascanio вѣроятно много способствовали хоры, которыхъ въ ней семь. Въ нихъ видна вѣрная рука мастера и совершенная соразмѣрность.

Вторая опера, «Сонъ Сципіона» Метастазіо, отдѣлана Моцартомъ совершенно въ концертномъ стилѣ, съ полнымъ подчиненіемъ всѣмъ современнымъ требованіямъ. Видно, что это работа по заказу и на скорую руку. Только въ увертюрѣ отступилъ онъ отъ нормы и окончилъ ее второю частью, которая переходомъ pianissimo изъ D-dur въ E-dur, должна была приготовить публику къ засыпанію Сципіона.

Въ XVI столѣтіи Филиппо Нери собиралъ въ молельной залѣ (oratorio) пѣвцовъ для исполненія духовнаго пѣнія. Съ развитіемъ оперы seria появился въ этихъ собраніяхъ новый родъ вокальныхъ сочиненій, получившихъ имя *ораторіи*. Эти ораторіи, которыхъ первоначальная цѣль заключалась въ томъ, чтобы противодѣйствовать свѣтскому направленію оперы, стали даваться обыкновенно во время поста въ театрахъ и церквахъ, съ костюмами и декораціями. Между обѣими частями ораторіи говорилась проповѣдь. Но драматическій характеръ ораторій терялся, и онѣ превращались въ простые діалоги съ хорами. Моцартъ написалъ музыку къ ораторіи Метастазіо La Betulia liberata, повѣсть о Юдиѳи, по общепринятымъ тогда правиламъ. Это та же опера seria, тотъ же речитативъ secco и obligato, тѣ же формы арій и хоровъ; только басовой партіи давалась тутъ роль. Самый характеръ музыки былъ совершенно свѣтскій.

Обращаясь къ разбору комической оперы, написанной Мо-

цартомъ въ 1774 году для Мюнхена, Янъ предпосылаетъ ему очеркъ развитія комической оперы.

Первый зародышъ ея былъ такъ-называемое intermezzo. Между актами какой-нибудь серьёзной драмы или оперы, для развлеченія публики, разыгрывались комическія сцены, въ которыхъ было обыкновенно два дѣйствующихъ лица, мущина и женщина, но собственно дѣйствія не было. Разговоръ въ видѣ речитатива secco, аріи и заключительный дуэтъ писались такъ, чтобы не вредить эффекту оперы seria. Это была по большей части пародія на всѣ требованія серьёзной оперы, и пародическій характеръ оперы buffa сохранился даже тогда, когда она получила уже самостоятельность. По мѣрѣ развитія этихъ intermzzi, все очевиднѣе становилась нелѣпость обыкновенія, давать ихъ въ антрактахъ другой оперы или драмы [1]). Это повело къ совершенному отдѣленію комической оперы, а въ антрактахъ замѣнилъ ее балетъ. Но все-таки ее не ставили наравнѣ съ серьёзною оперой, давали на малыхъ, народныхъ театрахъ, и только въ особенныхъ случаяхъ допускали въ настоящій сезонъ (stagione). Но лѣтомъ, когда не были даваемы большія оперы, начиналось царство комической. Въ ней не участвовали первокласные пѣвцы; на комическій, на драматическій талантъ артистовъ обращалось главное вниманіе, и эти обстоятельства были чрезвычайно выгодны для развитія комической оперы. Она восприняла отъ оперы seria основу музыкальныхъ формъ, но не была связана тѣми ограниченіями, которыя стѣсняли ея первообразъ. Басъ, изгнанный изъ оперы seria, сталъ краеугольнымъ камнемъ оперы buffa. Главная комическая роль обыкновенно давалась басовой партіи. Въ свою очередь изъ оперы buffa были изгнаны кастраты; можетъ-быть только изъ экономическихъ видовъ первымъ любовникомъ явился тутъ теноръ. Различіе между первыми и второстепенными партіями исчезло, число дѣйствующихъ лицъ увеличилось. Обыкновенно было три женскія роли, не раздѣлявшіяся на prima и seconda donna, но отличавшіяся по характеру и комизму. Не смотря на разно-

---

[1]) На китайской и японской сценѣ драмы до сихъ поръ начинаются множествомъ интермедій. За то представленіе одной піэсы длится тамъ нерѣдко дня два или три. *Ред.*

образіе дѣйствующихъ лицъ какъ по числу ихъ, такъ и по характеру, установились для каждаго стереотипныя черты, которыя можно было встрѣтить во всякой комической оперѣ: такъ перешли въ нее типы италіянской народной комедіи. Впрочемъ не всѣ роли были чисто-комическія: въ партіяхъ mezzo carattere музыкальный элементъ выступалъ передъ драматическимъ. Содержаніе комическихъ оперъ соотвѣтствовало пародическому, каррикатурному ея характеру, и потому текстъ ихъ поручали писать только второстепеннымъ поэтамъ. Благодаря этому, музыканты-композиторы могли дать себѣ бо́льшую волю при отдѣлкѣ частей комической оперы. Въ речитативѣ нечего было перемѣнять; но форма аріи перестала быть необходимою нормой. Повтореніе перваго мотива часто оставлялось, второй мотивъ развитъ былъ больше, и т. д. Только для партій mezzo carattere, исполнявшихся искусными артистами, писали бравурныя аріи съ сохраненіемъ всѣхъ правилъ.

Еще больше свободы проявилось въ дуэтахъ, терцетахъ и пр., которые употреблялись вездѣ, гдѣ требовало того драматическое положеніе. Особенно важны были финалы, послѣдовательная цѣпь сценъ, связанныхъ усиленнымъ дѣйствіемъ и ожиданіемъ развязки. Пиччини далъ финалу разнообразіе и живость, отдѣлывая каждую сцену особеннымъ образомъ.

Свободная дѣятельность художника, не стѣсняясь требованіями первокласныхъ пѣвцовъ, могла дать большее значеніе оркестру и даже ставить его иногда на первое мѣсто, напримѣръ при такъ-называемыхъ parlando.

Комическая опера Моцарта называлась La finta giardiniera; текстъ Анфосси былъ невообразимо жалокъ, дѣйствіе перепутано, всѣ дѣйствующія лица—каррикатуры, и главная цѣль его была, повидимому, въ скопленіи какъ можно бо́льшаго числа комическихъ положеній. Вспомнимъ, что̀ мы сказали объ условіяхъ, отъ которыхъ зависѣли оперы seria и buffa, вспомнимъ, что между Lucio Silla и Finta giardiniera прошло два года, — и мы не удивимся, что послѣдняя опера Моцарта стоитъ неизмѣримо выше прежнихъ, равно по оригинальности и творческой силѣ, какъ по характеристикѣ и по обладанію музыкальными средствами.

Мы можемъ только пожалѣть, что предѣлы журнальной статьи

не позволяютъ намъ приводить здѣсь превосходные критическіе разборы всѣхъ оперъ Моцарта, такъ подробно изложенные у Яна, и заставляютъ ограничиться самыми общими замѣчаніями.

Геній Моцарта все облагороживалъ. Не смотря на жалкій, площадной комизмъ текста, на комическіе эффекты потока быстрыхъ словъ, внезапныхъ остановокъ, сильныхъ контрастовъ, въ слѣдующихъ одна за другою фразахъ, онъ умѣлъ придать оперѣ благородство, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надо было изобразить истинное чувство. Творческая сила его преимущественно обнаруживается въ подробностяхъ музыкальной отдѣлки, въ рѣдкомъ соединеніи широкихъ мелодій съ округлостью цѣлаго; инструментовка гораздо богаче прежней, самостоятельность инструментовъ уже очевидна.

На ряду съ этими достоинствами встрѣчаются въ этой оперѣ и недостатки, причины которыхъ надо искать въ современныхъ требованіяхъ моды и въ юныхъ лѣтахъ самого Моцарта. Сюда относится, напримѣръ, чрезмѣрная продолжительность арій и втораго финала.

Послѣдняя опера этого періода была Il re pastore. Метастазіо написалъ текстъ ея еще въ 1751 г. для благороднаго спектакля при дворѣ, что̀ разумѣется стѣсняло его музу. Для торжества въ Зальцбургѣ изъ трехъ актовъ сократили либретто на два, обрѣзали не только разговоры, но даже аріи. Что̀ касается до музыки, то эта опера не могла равняться съ Finta giardiniera, уже потому что была опера seria, да еще и по случаю празднества. Тутъ не было и помину о характеристикѣ; все было направлено къ тому, чтобы дать блеснуть голосомъ артистамъ, да и артисты, судя по ихъ партіямъ, были не изъ первокласныхъ.

Пропустимъ разборъ отдѣльно написанныхъ Моцартомъ арій и приступимъ къ новому отдѣлу: церковной музыкѣ.

—

Архіепископъ Сигизмундъ велъ очень строгую жизнь и не предавался никакимъ свѣтскимъ развлеченіямъ: поэтому въ Зальцбургѣ и пѣвцы, и оркестръ занимались преимущественно церковною музыкой. Разсчетливый, спесивый и сухой преемникъ Сигизмунда, Іеронимъ, сократилъ и безъ того скудные оклады ар-

тистовъ, и музыка въ Зальцбургѣ при немъ упала. Для поддержанія хорошаго хора учреждена была капелла, въ которой на счетъ архіепископа воспитывалось 15 мальчиковъ. Лучшіе посылались въ Италію и возвращались оттуда солистами. Прежде были тамъ и кастраты, но уже Сигизмундъ не набиралъ новыхъ, но послалъ въ Италію дочь соборнаго органиста учиться пѣнію. Въ 1778 г. Іеронимъ снова взялъ къ себѣ на службу кастрата Чеккарелли. При капеллѣ находился полный оркестръ. Всѣ трубачи и литаврщики умѣли играть и на струнныхъ инструментахъ. Въ 1762 г. капельмейстеромъ былъ Лолли, вице-капельмейстеромъ Леопольдъ Моцартъ, а концертмейстеромъ и директоромъ оркестра братъ знаменитаго Іосифа Гайдна, Михаилъ Гайднъ. Моцартъ не былъ въ короткихъ отношеніяхъ съ Гайдномъ, который любилъ проводить время за чаркою пива и вина и былъ женатъ на женщинѣ, которую Моцартъ не хотѣлъ знакомить съ своими.

Обязанность капельмейстера и органиста не ограничивалась исполненіемъ церковной музыки; они считали для себя почетнымъ долгомъ сочинять собственную: это было превосходное поле дѣятельности для юныхъ талантовъ, хотя, разумѣется, частныя требованія, всегда одинаковыя матеріальныя условія и т. п. препятствовали отчасти свободному ихъ развитію и установляли своего рода мѣстныя нормы.

Неаполитанская школа, въ которой развивалась опера, развила и церковную музыку въ томъ же духѣ: главный элементъ составляло введеніе мелодіи. Реформа Палестрины не изгнала полифоніи, всѣ голоса оставались одинаковой важности, ни одна партія не имѣла преимущества передъ другими. Неаполитанская школа, введя главную мелодію, подчинила ей остальные голоса и унизила ихъ роль. Равенство партій было нарушено, а введеніе въ церковную музыку инструментовъ рѣшительно положило конецъ полифоніи. Сначала введены органъ и тромбоны. Они не имѣли особеннаго независимаго характера, и были только какъ бы новыми партіями голосовъ. Но когда допущены были остальные духовые и струнные инструменты, оркестръ получилъ и тутъ свой опредѣленный характеръ, онъ сталъ служить средствомъ для акомпанимента. Допущено было въ церковную музыку также соло, хотя контрапунктная обработ-

ка не была совершенно изгнана изъ ея области. По мѣрѣ того какъ полифонія все болѣе и болѣе изгонялась изъ свѣтской музыки, вкоренялось ложное мнѣніе, что контрапунктъ приличенъ исключительно одной духовной. Забыли, что *форма* фуги и *характеръ* этой формы двѣ вещи разныя, что фуга можетъ быть и торжественная, и серьёзная, и плясовая, и даже шутовски-комическая. Это убѣжденіе повело къ борьбѣ полифоніи въ монодіей, и наконецъ установился обычай, извѣстныя части литургіи обработывать по всѣмъ правиламъ контрапункта, а другимъ давать свободную форму. Концертный характеръ оперной музыки перешелъ и въ церковную, и въ ней все вниманіе было устремлено на искусство исполнителей.

Эти формы церковной музыки образовались также въ Неаполитанской школѣ, но перенесенныя на германскую почву уже готовыми, онѣ потеряли свое содержаніе, свое живительное дѣйствіе; потому что здѣсь онѣ не были слѣдствіемъ органическаго развитія народной музыки, какъ въ Италіи. Осталась одна сухая форма, педантизмъ, не боявшійся неодобренія публики, и церковная музыка гораздо быстрѣе оперной стремилась къ упадку.

Здѣсь идетъ рѣчь о католической церковной музыкѣ; относительно протестантской Янъ ограничивается слѣдующею, довольно странною, подстрочною выноской:

«Реформація ввела въ протестантскую музыку свѣжій народный элементъ, допустивъ народное пѣніе; это могло повести къ возрожденію церковной музыки: къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ окостенѣніемъ (Verknochern) протестантской теологіи, и музыка эта очерствѣла, превратилась въ мертвый догматизмъ, въ лишенный ритма хоралъ, котораго высокое достоинство для художественной церковной музыки существенно заключается только въ символическомъ значеніи общаго пѣнія всей братіи.» (?)

Чтобы показать, въ какихъ внѣшнихъ условіяхъ находился Моцартъ относительно своихъ церковныхъ произведеній, Янъ приводитъ слѣдующее письмо его къ Мартини:

«.... Я живу въ такомъ мѣстѣ, которое не слишкомъ выгодно для музыки, хотя здѣсь есть дѣльные музыканты и дѣльные композиторы, имѣющіе и основательныя свѣдѣнія, и вкусъ. Те-

атръ идетъ плохо отъ недостатка пѣвцовъ; кастратовъ у насъ нѣтъ, да врядъ ли и будутъ: они любятъ хорошую плату, а щедрость не нашъ порокъ. Я покамѣстъ пишу камерную и церковную музыку. Здѣсь есть два отличныхъ контрапунктиста, Гайднъ и Альдгалеръ. Отецъ мой капельмейстеромъ въ соборной церкви, что доставляетъ мнѣ возможность писать духовную музыку, сколько душѣ угодно. Впрочемъ, такъ какъ отецъ мой уже 36 лѣтъ находится на службѣ при здѣшнемъ дворѣ и знаетъ, что архіепископъ не любитъ стариковъ, то онъ не очень дѣятельно принимается за дѣло и предался своему любимому занятію— литературѣ. Наша церковная музыка совершенно не та, что въ Италіи, и разница между ними все увеличивается. Самая торжественная месса, состоящая изъ Kyrie, Gloria, Credo, Sonata для Посланія, Offertorium или Motteto, Sanctus и Agnus Dei, когда служитъ самъ архіепископъ, не должна продолжаться болѣе $^3/_4$ часа. Такое сочиненіе требуетъ работы! А месса должна быть со всемъ оркестромъ, трубами, литаврами и пр. Не будьте вы такъ далеко отъ меня, много бы еще кое-чего разказалъ я вамъ!»

Слѣдуетъ очень подробный, образцовый разборъ мессы вообще и критическая оцѣнка Моцартовскихъ мессъ. Эта оцѣнка показываетъ какъ первыя мессы были еще не по силамъ мальчику, какъ потомъ развился мощный его геній и какъ развитіе это или лучше сказать, проявленіе его, было задержано стѣснительными требованіями Іеронима, который не понималъ музыки, не хотѣлъ слышать фуги, сокращалъ, какъ мы знаемъ изъ письма Моцарта, время и размѣры мессы и вообще видѣлъ въ церковной музыкѣ только внѣшнюю прикрасу богослуженія. Моцартъ по неволѣ долженъ былъ повиноваться, и геній его не имѣлъ свободнаго полета. Принимая въ разсчетъ всѣ обстоятельства, согласимся, что по этимъ мессамъ нельзя судить о талантѣ Моцарта какъ церковнаго музыканта и, основываясь на ихъ недостаткахъ, утверждать, что церковная музыка ему не далась. При этомъ невольно рождается вопросъ: что же произвелъ бы Моцартъ, еслибы могъ творить, не стѣсняясь такими внѣшними требованіями? Надо припомнить, какъ близко связана была въ то время музыка съ житейскими отношеніями. Оперы, мессы, инструментальныя сочиненія писались по заказу,

и композиторъ необходимо долженъ былъ соображаться съ тѣмъ, для кого, когда онъ писалъ, гдѣ будутъ исполнять его произведеніе и какими средствами. Въ области церковной музыки композиторъ сверхъ того подчинялся требованіямъ духовнаго начальства, а Моцартъ не только еще былъ на службѣ у архіепископа, но и совершенно отъ него зависѣлъ. Воспитанный въ школѣ своего отца онъ склонялся передъ фактическою необходимостью, повиновался налагаемымъ на него условіямъ, и старался только произвести, что̀ было возможно, не выходя изъ заданной рамки. Но эта безропотная покорность не мѣшала ему однакожь сознавать свое невыгодное положеніе и стараться изъ него выйдти.

Подъ чьимъ вліяніемъ написаны были эти юношескія произведенія Моцарта? Обыкновенная фраза о тщательномъ изученіи Баха, Генделя и т. п. не основана ни на чемъ и не выдерживаетъ критики. Вопервыхъ *слышать* музыку этихъ образцовыхъ композиторовъ Моцартъ не могъ, потому что въ Зальцбургѣ исполнялись только сочиненія зальцбургскихъ артистовъ, Мих. Гайдна, Альдгалера, Эберлина; вовторыхъ *видѣть* могъ онъ только клавихордныя и органныя вещи Баха, потому что сочиненій его было мало въ печати и къ тому же они не выходили за предѣлы сѣверной Германіи: извѣстно, что Моцартъ только въ 1789 г. услышалъ въ первый разъ 8-ми-голосные мотетты Баха въ Лейпцигѣ. Вліяніе Генделя также не замѣтно въ этихъ первыхъ его сочиненіяхъ. Пребываніе въ Италіи познакомило его съ итальянскими композиторами и безспорно имѣло вліяніе на его творческую дѣятельность, но въ какой степени и какъ именно проявилось это вліяніе — не возможно рѣшить. Сверхъ того историческое изученіе музыки не было въ духѣ того времени; художники имѣли въ виду только ближайшую практическую цѣль, и потому все ихъ вниманіе было обращено преимущественно на современное техническое развитіе.

Инструментальная музыка того времени была также musique de circonstance. Многіе богачи и вельможи, не считая владѣтельныхъ лицъ, имѣли у себя капеллы и оркестры и любили давать музыкальные вечера, въ которыхъ часто участвовали сами, какъ исполнители. Такъ и архіепископъ Іеронимъ игралъ на

скрипкѣ. Обыкновенно эти музыкальные вечера были утомительно длинны, отъ 5 до 11 часовъ; но при Зальцбургскомъ дворѣ они продолжались не болѣе полутора часа и состояли по большей части изъ четырехъ піэсъ: симфоніи, аріи, второй симфоніи или концерта, и еще одной аріи.

Придворный композиторъ и капельмейстеръ дирижировали этими концертами поочередно, и выборъ піэсъ зависѣлъ отъ диригента, если не было особеннаго приказанія. Разумѣется, при такихъ условіяхъ положеніе отца давало Моцарту средство сочинять различныя инструментальныя піэсы для этихъ концертовъ. Это положеніе было необыкновенно выгодно для образованія художника; онъ имѣлъ возможность познакомиться коротко съ характеромъ каждаго инструмента, предаваться постоянно практическимъ занятіямъ, и потому мы видимъ въ то время гораздо болѣе формъ, гораздо болѣе свободы въ обращеніи съ этими формами, нежели теперь. Невозможно даже въ точности обозначить опредѣленный смыслъ различныхъ видовъ инструментальной музыки той эпохи. — Всего проще значеніе симфоніи. Мы уже видѣли, что оперѣ предпосылалась *симфонія*, изъ двухъ частей—*французская*, изъ трехъ—*итальянская*. Такъ какъ симфонія не имѣла органической связи съ оперою, то вскорѣ она совершенно отъ нея отдѣлилась и пріобрѣла самостоятельность. Іосифъ Гайднъ своею неисчерпаемою полнотою идей заставилъ позабыть предшественниковъ и прослылъ изобрѣтателемъ ея. Впрочемъ на самостоятельную симфонію имѣла большое вліяніе форма клавихордной сонаты, развитая Эммануиломъ Бахомъ, и самъ Гайднъ признавалъ въ немъ свой прототипъ.

Къ тремъ первоначальнымъ отдѣленіямъ симфоніи присоединилось вскорѣ четвертое: менуетъ, сохранившій у Гайдна свой танцовальный характеръ.

Первыя симфоніи Моцарта не имѣютъ никакого художественнаго значенія, но важны тѣмъ, что вмѣстѣ съ послѣдующими составляютъ непрерывную цѣпь, въ которой Янъ искусно прослѣдилъ музыкальное развитіе творческаго генія. Неизвѣстно, кто служилъ Моцарту образцомъ въ этомъ родѣ. Въ нѣкоторыхъ симфоніяхъ очевидно вліяніе Гайдна, но это составляетъ исключеніе. Только съ 1772 г. появляется въ нихъ самостоя-

тельность, изъ двухлѣтія отъ 1775 до 1777 года не дошло до насъ ни одной. Задачу симфоніи того времени не составляло индивидуально-характеристическое выраженіе рѣзко-опредѣленнаго, страстнаго чувства; ея размѣры и значеніе были гораздо ниже. Мы видѣли, что въ одинъ вечеръ исполнялось нѣсколько симфоній, и онѣ рѣдко выходили за предѣлы простаго дивертисемента для развлеченія публики. Вотъ почему все вниманіе художника было устремлено на обработку формы и технику; не было и помину о выраженіи тайныхъ порывовъ и чувствъ. Съ развитіемъ музыкальной техники, когда художникъ творитъ уже не стѣсняясь вещественными трудностями, онъ старается сбросить съ себя оковы сухой формалистики, выразить то, что̀ самъ чувствуетъ и переживаетъ,—но не надо забывать, что до сихъ поръ передъ нами юноша, еще не испытавшій ни сильныхъ страстей, ни сильныхъ ощущеній.

Симфонія все-таки была тогда, какъ и теперь, самою значительною формой инструментальнаго сочиненія. Пропустимъ второстепенныя формы cassatio, serenata, divertimenti и пр., и перейдемъ къ квартету. Форма квартета (квинтета и тріо) была установлена Гайдномъ: это тоже Эммануиловская форма симфоніи. Гайднъ былъ родоначальникъ этого рода камерной музыки. Мы увидимъ ниже, какъ Моцартъ шелъ по его слѣдамъ, и что̀ сдѣлалъ онъ новаго съ нею. Теперь достаточно замѣтить, что въ молодыхъ лѣтахъ своихъ онъ явился достойнымъ дѣятелемъ на этомъ поприщѣ, не смотря на то, что въ Зальцбургѣ представлялось очень мало случаевъ образоваться въ этомъ стилѣ. Немногіе квартеты разсмотрѣнной нами эпохи написаны Моцартомъ не въ Зальцбургѣ. Первый квартетъ сочинилъ онъ въ 1770 году въ Италіи. Первые семь квартетовъ еще слабы. Правда, видно уже ясное пониманіе существенныхъ требованій, свобода и самостоятельность голосовъ, сосредоточеніе содержанія въ рѣзко-обозначенныхъ формахъ, преобладаніе тематической или строгой контрапунктной обработки, но все еще видна второстепенная роль альта и въ особенности баса.

Гораздо выше стоятъ шесть квартетовъ, написанные въ Вѣнѣ въ 1773 г., но и въ нихъ нѣтъ еще той красоты формы, той мягкости, нѣжности и свѣжести, которыя характеризуютъ періодъ развитія Моцарта. Перемѣны, которыя онъ сдѣлалъ въ

финалѣ слѣдующаго квартета, доказываютъ, что онъ былъ строгъ къ самому себѣ; онъ набрасывалъ сначала абрисъ (Skizze) своего произведенія и тщательно исправлялъ и совершенствовалъ его, прежде нежели переписывалъ начисто.

Тутъ Янъ разбираетъ сочиненія Моцарта для инструментовъ соло: концерты для скрипки, сонаты для фортепіано и т. п. Какъ не скрипачъ, Янъ скромно сознается, что не можетъ судить о техникѣ и приводитъ только слова опытнаго скрипача, утверждающаго, что въ нихъ видно совершенное знаніе свойствъ и тонкостей инструмента. Что же касается до фортепіанныхъ вещей, то не надо забывать о жалкой техникѣ фортепіанъ того времени, о томъ, что сонаты, которыя теперь играютъ начинающіе ученики, считались тогда трудными. Оттого мы видимъ, какую жалкую роль играетъ въ сонатахъ Моцарта лѣвая рука, какъ рѣдко выходятъ голоса за среднюю часть клавіатуры и т. п.; но Гроціусъ понимаетъ Теренція не такъ, какъ школьный ученикъ, замѣчаетъ Янъ.

Первый томъ заключается характеристикою этого періода развитія, которую мы здѣсь приводимъ вполнѣ.

«Достигнувъ 21-го года отъ роду, какъ виртуозъ на трехъ инструментахъ, фортепіано, органѣ и скрипкѣ, Моцартъ стоялъ на одномъ уровнѣ съ современными знаменитостями, но его художественное творчество по всѣмъ отраслямъ искусства превосходило далеко его значеніе художника-исполнителя. Вспомнивъ какъ успѣшна была его дѣятельность въ области оперы seria и buffa для театра, въ церковной музыкѣ различнаго характера и направленія — для храма, во всѣхъ родахъ инструментальной музыки — для концертовъ, для оркестра, для духовыхъ и струнныхъ инструментовъ, для солистовъ, вспомнивъ, что около 200 сочиненій свидѣтельствуютъ о его дѣятельности, нельзя не удивиться легкости и богатству его силы, упорству труда и основательности занятій. Никогда не брался онъ за предметъ и не покидалъ его на удачу, никогда не затѣвалъ чего-нибудь безъ причины и не бросалъ, не достигнувъ цѣли; вездѣ видна сознательная воля, твердость и постоянство въ работѣ и въ прогрессѣ. На это счастливое развитіе имѣло не маловажное вліяніе воспитаніе, полученное имъ отъ отца, воспитаніе методическое, въ которомъ виденъ серьёзный взглядъ на

вещи, сознаніе долга и проницательность ума, воспитаніе, которое не только отстраняло отъ воспріимчивой натуры сына всякое вредное вліяніе и сосредоточивало всю силу его души на художественномъ развитіи, но непосредственно вело его къ прямому пониманію вещей. Однакожь еще большая доля въ этомъ развитіи принадлежитъ необыкновенной организаціи самого Моцарта. То была истинно-художественная натура; вся его внутренняя жизнь является зародышемъ музыкальныхъ образовъ, и формы музыкальнаго художественнаго произведенія были для него естественными, необходимыми формами выраженія чувствъ. Необыкновенный талантъ, дозволившій ему вполнѣ овладѣть этими формами въ тотъ возрастъ, когда обыкновенно человѣкъ начинаетъ только осваиваться съ формами мышленія при помощи слова, кажется скороспѣлкой сравнительно съ талантами другихъ, но въ развитіи этой художественно-организованной натуры не было ни излишней поспѣшности, ни замедленія. Руководимый какимъ-то непосредственнымъ чутьемъ, Моцартъ воспринималъ только то, что было доступно степени развитія его натуры, но воспринималъ вполнѣ и полагалъ прочное основаніе каждому шагу своему впередъ. Мы видимъ какъ онъ стремится со всѣхъ сторонъ овладѣть формой и какъ постепенно въ самомъ дѣлѣ овладѣваетъ ею. При этомъ онъ не начинаетъ съ того, чтобы сперва пріобрѣсти внѣшнюю сноровку и ловкость, а потомъ уже прилагать ихъ къ дѣлу; нѣтъ, онъ ищетъ необходимой формы для выраженія того, что движетъ его душу и побуждаетъ ее творить. Даже въ самыхъ первыхъ его опытахъ нѣтъ противорѣчія между формой и содержаніемъ; а единство этихъ элементовъ и составляетъ художественное произведеніе, и въ этомъ-то единствѣ преимущественно проявляется художническая натура Моцарта, развивавшаяся у него съ самой ранней молодости изъ одного центра, изъ одного зародыша. Изъ этого зародыша развивались всѣ члены, и потому созданія его всегда цѣлостны; сначала еще не были они значительны, ни по сущности, ни по обработкѣ, но представлялись уже въ цѣлой, округленной, оконченной и опредѣленно выраженной художественной формѣ. Ходъ развитія народовъ, самостоятельно создающихъ и совершенствующихъ искусство, зависитъ отъ внѣшнихъ отношеній, то способствующихъ, то стѣсняющихъ, и подъ ихъ вліяніемъ идутъ

народы впередъ, иногда скачками, иногда медленнымъ, вѣковымъ движеніемъ, овладѣвая матеріяльными средствами и формами искусства. Наконецъ художественная дѣятельность становится свободна вмѣстѣ съ внутреннею жизнью, жизнью сердца народа; тогда онъ готовъ воспринимать, готовъ добровольно подчиниться мастеру, который, свободно владѣя достояніемъ отцовъ, можетъ рѣшить высочайшую задачу художественности въ достиженіи изящнаго. Этотъ чудно прекрасный образъ органическаго развитія богатой артистической натуры, которая, кажется, не стѣсняется ничѣмъ, которой все идетъ на пользу, которая отвергаетъ все, служащее для преходящихъ цѣлей, чтобы еще сильнѣе воспрянуть въ своей самобытности, — этотъ образъ представляетъ намъ ходъ развитія Моцарта. Твердымъ шагомъ идетъ онъ впередъ, не теряя равновѣсія. Скорость, съ какою онъ воспринимаетъ то, что для него нужно, соотвѣтствуетъ вѣрности, съ какою онъ усвоиваетъ воспринятое. И ему удается совершенно и во всѣхъ отношеніяхъ овладѣть внѣшними условіями художественной дѣятельности, не стѣсняя своей творческой силы, не лишая ея индивидуальности, потому что никогда у него наружныя формы не противорѣчили степени его развитія; внутренняя сила его не утомлялась отъ безпрестаннаго напряженія, но возростала. Съ человѣкомъ развивается въ немъ художникъ; чѣмъ живѣе и свободнѣе возбуждается душа, тѣмъ значительнѣе и величавѣй становятся художественныя формы; чѣмъ глубже говоритъ въ груди чувство, чѣмъ сильнѣе страсть, тѣмъ сильнѣе проявляются онѣ и въ музыкальномъ произведеніи, тѣмъ болѣе придаютъ ему жизни.

«Величайшій успѣхъ артистическаго развитія юныхъ лѣтъ состоитъ въ томъ, чтобы оно доставило уже возмужалому художнику свободное обладаніе художественными средствами въ ихъ полномъ объемѣ. Что требовалось отъ школы и ученія, того Моцартъ достигъ въ Зальцбургѣ; но ему надо было освободиться изъ тѣсной рамки, ему надо было дѣйствовать на свободѣ и самостоятельно. Послѣдуемъ же за нимъ въ этой борьбѣ человѣка съ артистомъ».

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

ПЕРЕПИСКА Н. М. КАРАМЗИНА

съ 1799 по 1826 годъ.

(Продолженіе.)

—

18.

Москва, 20 августа 1801.

Богъ знаетъ сколько времени я къ вамъ не писалъ и отъ васъ не получалъ писемъ! Мы жили въ деревнѣ, не столько для удовольствія, сколько для здоровья моей Лизаньки, которая однакожь все не очень здорова. Вотъ, что̀ меня единственно теперь тревожитъ! Впрочемъ я могъ бы совершенно быть доволенъ судьбою и наслаждаться жизнію. Увѣдомляйте меня о себѣ, любезнѣйшій братъ, хотя мы и далеко другъ отъ друга, но это не мѣшаетъ моему сердцу быть привязаннымъ къ вамъ. Нашъ Сергѣй Сергѣевичъ женился, и я былъ его сватомъ. Кажется онъ долженъ быть счастливъ; она предобрая, и все ихъ семейство очень мило. За нею 2000 душъ и прочаго довольно. Я теперь въ разсужденіи его спокоенъ; онъ имѣетъ хорошее состояніе. — Вамъ можетъ-быть уже извѣстно, что у насъ будутъ опять намѣстники или генералъ-губернаторы. Государь расположенъ ко всякому добру, и мы при немъ отдохнули. Главное то, что можемъ жить спокойно. Теперь здѣсь все готовятъ къ прибытію Двора; слышно, что онъ пробудетъ здѣсь не долѣе мѣсяца. Квартиры страшно дороги. Я нанялъ для одного нѣмецкаго посланника двѣ комнаты за 150 рубл. въ мѣсяцъ. И другія вещи также не дешевы.

Лизанька моя спитъ и для того къ вамъ не пишетъ; но я отвѣчаю за нее, что она васъ любитъ.

19.

Москва. Декабря 31, 1801.

Винюсь передъ вами, что пишу рѣдко; теперь не такъ виноватъ, потому что я нѣсколько времени былъ нездоровъ. Здѣсь осень была

самая пагубная, и многіе на тотъ свѣтъ отправились отъ горячекъ. Посылаю къ вамъ, братецъ, книгъ на пятьдесятъ или около того рублей: я еще хорошенько не счелся съ книгопродавцемъ, и еще шестой томъ моихъ писемъ. — Вы меня одолжите, если соберете нѣсколько охотниковъ для моего журнала [1]). Онъ будетъ вѣрно доставляемъ, если вы меня увѣдомите, кому и гдѣ его надобно. — Мы съ Лизанькою живемъ тихо и смирно; я работаю, сижу дома и оставилъ почти всѣ свои знакомства, будучи веселъ и счастливъ дома. — Мальчику еще срокъ не вышелъ; а тамъ увижу, каковъ онъ и васъ увѣдомлю. Лизанька увѣряетъ васъ въ своей сердечной привязанности и надѣется рано или поздно васъ видѣть.

20.

Москва, января 7, 1802.

Поздравляю васъ сердечно съ новымъ годомъ, и желаю вамъ здоровья, спокойствія и всѣхъ возможныхъ удовольствій въ жизни. Благодарю васъ, любезнѣйшій братъ, за то, что вы вспомнили имянинника: я вамъ заплатилъ тѣмъ же въ день вашихъ имянинъ. Живучи розно, будемъ хотя частыми воспоминаніями платить долгъ истинному братству и родству. Простите, если иногда долго не пишу; но ради Бога, не думайте, чтобы это происходило отъ холодности. Люблю и почитаю васъ сердечно, и въ чувствахъ души моей васъ никогда не забываю. Будучи увѣренъ и въ вашей братской дружбѣ, повторяю вамъ, что я благодарю ежеминутно Провидѣніе за обстоятельства моей жизни, а всего болѣе за милую жену, которая дѣлаетъ меня совершенно счастливымъ своей любовью, умомъ и характеромъ. Вамъ я могу хвалить ее. Богъ благословляетъ меня и съ другихъ сторонъ. Я черезъ труды свои имѣю все въ довольствѣ; желаю только здоровья Лизанькѣ и себѣ; желательно, чтобы Богъ не отнялъ у меня того, что̀ имѣю; а новаго мнѣ не надобно. Посылаю вамъ журналъ. Прикажите, любезнѣйшій братъ, разнести книжки: къ Сушкову, Ермо-

---

[1]) Для *Вѣстника Европы*, который начался съ слѣдующаго 1802 г. и ознаменовалъ новую эпоху въ русской журналистикѣ, далеко оставивъ за собою предшествовавшія Карамзинскія изданія: *Московскій журналъ* и *Аглаю*. Подъ вліяніемъ любви къ первой своей женѣ, подстрекавшей его вообще на авторскую дѣятельность, Карамзинъ задумалъ изданіе *Вѣстника*. Не ограничиваясь одною перепечаткою мелкихъ, отрывочныхъ газетныхъ извѣстій, онъ первый началъ писать какъ европейскій публицистъ, вникалъ въ рѣчи консуловъ, въ споры министровъ, внимательно слѣдилъ за каждымъ засѣданіемъ парламента и т. д. Жаль, что этотъ *единственный* у насъ примѣръ политической нестѣсненности въ воззрѣніяхъ остался потомъ безъ послѣдствій!...

лову, Аржевитинову, Апраксину, Языкову и Колебакину Ивану Васильевичу; седьмая книжка для васъ.

21.

Москва, 12 февраля 1802.

Не считайте меня худымъ исполнителемъ вашихъ приказаній: я въ то же время подписался для васъ на газеты; но почта всегда задерживаетъ первые нумера. Надѣюсь, что вы теперь ихъ уже исправно получаете. *Вѣстникъ* посылается прямо; первую книжку я для того отправилъ къ вамъ, что не успѣлъ тогда внести имена субскрибентовъ въ книгу почты.

Посылаю вамъ, братецъ, новое свое сочиненіе: *Слово похвальное Екатеринѣ* [1]); желаю, чтобы оно сдѣлало вамъ нѣкоторое удовольствіе. Здоровье мое не очень хорошо; и теперь съ трудомъ пишу къ вамъ отъ простуды. Пожелайте, любезный братецъ, чтобы мартъ мѣсяцъ прошелъ для меня благополучно: моя Лизанька должна родить въ половинѣ его. Она изъявляетъ вамъ дружеское свое почтеніе. Сдѣлайте милость, отошлите посылку къ И. В. Колебакину.

22.

Поздравляю васъ съ племянницею Софьею, которая родилась благополучно. Лизанька моя слаба, но впрочемъ, слава Богу! хорошо себя чувствуетъ. Вы конечно раздѣлите радость мою быть отцомъ. Маленькая Софья уже забавляетъ меня какъ нельзя болѣе. Теперь я всякую минуту занятъ и матерью, и дочерью. Простите, любезнѣйшій братъ! почитаю и люблю васъ всею душою.

Императоръ прислалъ мнѣ за похвальное слово Екатеринѣ табакерку съ бриллiантами. Такимъ образомъ имѣю отъ него уже три подарка: два перстня и табакерку. Будьте здоровы и благополучны, любезнѣйшій братъ. Лизанька моя свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе.

23.

Пишу къ вамъ изъ деревни, гдѣ я живу съ моею больною Лизанькою во всегдашнемъ страданіи и горѣ. Она очень нездорова, и самые лучшіе московскіе доктора не помогаютъ ей. Она день и ночь кашляетъ, худѣетъ и такъ слаба, что едва можетъ сдѣлать два шага по горницѣ. Я не могу теперь радоваться и дочерью; все мнѣ грустно и

---

[1]) Въ первый разъ издано въ 1801 г., послѣ восшествія на престолъ Александра I. При сочиненіи этого «Слова», Карамзинъ пользовался оффиціальными актами, выданными ему отъ правительства. Оно любопытно и какъ первая самостоятельная попытка его въ историческомъ родѣ.

постыло; всякій день плачу, потому что я живу и дышу Лизанькою. Я отъ васъ давно не имѣю писемъ.

P. S. Моя больная увѣряетъ васъ въ своемъ почтеніи и дружбѣ.

24.

Благодарю васъ сердечно отъ имени вашей племянницы за знакъ вашей къ ней милости. Я куплю на ваши 200 р. все то, что̀ можетъ быть ей пріятно и полезно со временемъ. Она, конечно, пришедши въ смыслъ, пожелаетъ увѣрить васъ въ своей любви и заслужить вашу милость. Что̀ принадлежитъ до меня, любезнѣйшій братецъ, то безпокойство мое о Лизанькѣ не уменьшается, а увеличивается ежедневно. Она часъ отъ часу хуже и такъ слаба, что не могу описать ея состоянія; дней пять я, какъ сумасшедшій, тоскую и плачу, и еще долженъ скрывать отъ нея мою тоску. Къ несчастію, не могу имѣть никакой увѣренности къ медикамъ: мнѣ кажется, что они морятъ ее, а не помогаютъ ей! Но какъ же теперь и оставить ихъ, когда она уже въ такомъ состояніи? Однимъ словомъ, я никогда въ жизни не былъ такъ несчастливъ, какъ нынѣ, любя мою Лизаньку во сто разъ болѣе самого себя. Что̀ со мною будетъ, извѣстно одному Богу; но всякій человѣкъ передъ непріятельскою баттареею спокойнѣе меня. Пожалѣйте о вашемъ бѣдномъ братѣ, который немногаго проситъ у судьбы для своего счастія и у котораго она грозится отнять все утѣшеніе въ свѣтѣ! Простите, милый братъ. У меня теперь только одна мысль и одно чувство. Съ горестнымъ сердцемъ обнимаю васъ мысленно.

25.

Москва, 15 апрѣля 1802.

Поздравляю васъ съ праздникомъ и сердечно благодарю за истинно братское письмо, на которое я не отвѣчалъ такъ долго. Все безпокоюсь о моей Лизанькѣ, которая по сіе время не можетъ оправиться и очень слаба грудью. Это мѣшаетъ мнѣ радоваться вашею племянницею, которая, слава Богу! здорова. Вчера привили мы ей оспу. Говорятъ, что она очень похожа на меня. Мы намѣрены черезъ нѣсколько дней переѣхать въ загородный домъ, въ надеждѣ, что сельской воздухъ поможетъ Лизанькѣ. Здоровье есть великое дѣло и безъ него нѣтъ счастья; а еще прискорбнѣе, когда боленъ тотъ, кого мы болѣе себя любимъ. Богъ видитъ, что мнѣ всякая собственная болѣзнь была бы гораздо легче.—Простите, любезнѣйшій братъ. Лизанька моя спитъ, и для того къ вамъ не приписываетъ.

26.

Я лишился милаго ангела, который составлялъ все счастіе моей

жизни. Судите, каково мнѣ, любезнѣйшій братъ. Вы не знали ея; не могли знать и моей чрезмѣрной любви къ ней; не могли видѣть послѣднихъ минутъ ея безцѣнной жизни, въ которыя она, забывая свои мученія, думала только о несчастномъ своемъ мужѣ. Уже болѣе трехъ нелѣль я тоскую и плачу, узнавъ совершенное счастье для того единственно, чтобы на вѣкъ его лишиться. Остается въ горести ожидать смерти, въ надеждѣ, что она соединитъ два сердца, которыя обожали другъ друга. Люблю Сонюшку за то, что она дочь моей безцѣнной Лизаньки, но ни что не можетъ замѣнить для меня этой потери. Снова принимаюсь за работу, которая нужна и для Сонюшки, есть ли Богъ и ее не отниметъ у меня; но прежде работа была мнѣ удовольствіемъ, а теперь быть можетъ только однимъ минутнымъ разсѣяніемъ. Все для меня исчезло, любезный братъ, и въ предметѣ остается одна могила. Стану заниматься трудами, сколько могу: Лизанька того хотѣла. Простите, милый братъ, я увѣренъ въ вашемъ сожалѣніи.

27.

Свирлово, 19 августа 1802.

Участіе, которое вы берете въ моей горести, для меня утѣшительно. Въ самомъ дѣлѣ я достоинъ сожалѣнія всѣхъ добрыхъ людей: былъ такъ счастливъ, такъ доволенъ судьбою, и сталъ вдругъ самый бѣдный человѣкъ въ свѣтѣ. Время конечно притупляетъ горесть, но не можетъ возвратить щастья; и что̀ прибыли и въ спокойствіи, когда жить не весело? Я же совсѣмъ отсталъ отъ свѣта; дышалъ Лизанькою, и работалъ подлѣ нея, чтобы не быть безполезнымъ отечеству, и чтобы мы могли жить безъ нужды. Теперь я одинъ въ свѣтѣ, какъ въ пустынѣ. Сонюшку я люблю нѣжно, но это чувство не можетъ замѣнить потеряннаго; къ тому же безпрестанно боюсь и ея лишиться. Куда ни взгляну, все вижу смерть передъ собою; послѣдняя минута моего ангела не выходитъ изъ моихъ мыслей; и еслибы работа не служила мнѣ нѣкоторымъ разсѣяніемъ, то не знаю, какъ бы я жилъ съ своею грустью. До сего времени живу еще въ той деревнѣ, гдѣ закрылись глаза ея и сплю на томъ диванѣ, гдѣ она страдала и скончалась. Между тѣмъ въ Москвѣ я перемѣнилъ домъ и нанялъ на *Малой Дмитріевкѣ*, у *Мосолова*, куда прошу васъ, братецъ, и надписывать ко мнѣ письма. Ваша племянница довольно здорова и весела; бѣдная не чувствуетъ своего несчастія. Вы могли бы съ удовольствіемъ взглянуть на нее, любезнѣйшій братецъ: она хороша, какъ ангелъ, и улыбается такъ умно, такъ пріятно, что посторонніе радуются ею. Я былъ бы гораздо менѣе несчастливъ, еслибы не боялся потерять ее.

28.

Москва, 17 сентября 1802.

Я переѣхалъ съ своею сиротою въ городъ и перевезъ съ собою тоску, которая давитъ меня. Дома грустно, а выѣзжать не хочется. Работа была единственнымъ моимъ убѣжищемъ, а съ нѣкотораго времени почти совсѣмъ не могу заниматься. Этотъ ударъ потрясъ до основанія всю мою душу, и милая Лизанька взяла съ собою въ могилу все, что̀ было во мнѣ лучшаго. Сонюшку люблю безъ памяти; но эта любовь есть теперь для меня не радость, а страхъ: не смѣю и думать, чтобы я имѣлъ утѣшеніе видѣть ее большую. Сердечно благодарю васъ, любезнѣйшій братъ, за всѣ ласковыя слова въ письмѣ вашемъ на счетъ моей и вашей Сонюшки. Она похожа и на меня и на мать; умильна и пріятна личикомъ. Любите ее заочно и пишите къ намъ. Дай Богъ, чтобъ вы были здоровы! Посылаю двѣ книжки моего журнала. Коммиссію вашу исполню. Поваръ вашъ теперь у меня. Прикажете ли его отправить къ вамъ? Онъ готовитъ очень изрядно. Обнимите за меня брата Ѳедора Михайловича и скажите мое почтеніе любезной невѣсткѣ.

29.

Москва, 12 ноября 1802.

Пишу къ вамъ опять черезъ Бузулукъ, хотя и не знаю, найдетъ ли васъ это письмо въ оренбургской деревнѣ. Вы не пишете, долго ли тамъ пробудете. Состояніе души моей не перемѣняется и перемѣниться не можетъ, любезнѣйшій братъ. Между тѣмъ стараюсь заниматься, а всего болѣе утѣшаю себя въ горѣ милою вашею племянницею, которая поемножку растетъ и привыкаетъ ко мнѣ. Теперь она, слава Богу! здорова. Боюсь того времени, какъ у ней пойдутъ зубы; это всегда сопряжено бываетъ съ болѣзнями. Какъ бы мнѣ хотѣлось показать вамъ свою малютку. Можетъ-быть любовь отцовская меня обманываетъ: только мнѣ кажется, что она прекрасный ребенокъ. Въ одно время и утѣшаюсь ею, и грущу! По крайней мѣрѣ что-нибудь еще привязываетъ меня къ здѣшнему свѣту. Выѣзжаю рѣдко и всякій разъ чувствую, что душа моя стала совсѣмъ не та. И счастье, которымъ я наслаждался съ моею Лизанькою, и несчастье, которое узналъ, потерявъ ее, отвратили меня отъ свѣта. Увѣдомьте, любезнѣйшій братъ, какъ вы живете и въ какомъ состояніи ваше здоровье. Будьте увѣрены въ моей истинной братской любви къ вамъ, которую живо чувствую и въ своемъ горѣ. Видя Анну Сергѣевну, я распрашивалъ ее о подробностяхъ вашей жизни и вспоминалъ то время, какъ живалъ съ вами.

30.

Москва, 22 декабря 1802.

Я долго не писалъ къ вамъ, не зная куда адресовать письмо: въ Сим-

бирскъ, или Бузулукъ. Вы не увѣдомили меня долго ли пробудете въ заволжской деревнѣ. Думаю, что теперь вы уже въ Симбирскѣ и пишу туда.

Съ сердечной чувствительностію принимаю вашу братскую откровенность, любезнѣйшій братецъ, и радъ сказать вамъ все, что̀ могу въ разсужденіи вашей милой питомицы [1]), которую люблю заочно, за то, что она васъ веселитъ и занимаетъ. Здѣсь есть очень изрядные пансіоны, въ которыхъ воспитываются порядочныя дѣвушки; когда ваша малютка придетъ въ лѣта, то я съ радостію берусь выбрать для нея самый лучшій пансіонъ, если буду живъ. Но для чего, любезнѣйшій братъ, вы хотите лишить себя удовольствія воспитывать ее на глазахъ своихъ? она будетъ вашимъ утѣшеніемъ, а вы научите ее любить васъ и быть благодарною. Я вообще не хорошаго мнѣнія о пансіонахъ: въ нихъ можно выучиться по-французски и другимъ бездѣлицамъ, а сердце не рѣдко портится. Для чего не взять вамъ къ себѣ хорошую учительницу? Въ пансіонъ надо платить рублей 500, а за семь или восемь сотъ рублей можно имѣть порядочную мадаму. Надобно образовать сердце и просвѣтить умъ. Первое всего болѣе отъ васъ зависитъ, для втораго нужны хорошія книги и стараніе учительницы. Французскій языкъ нуженъ для того, что на немъ болѣе полезныхъ книгъ. Малютка, живучи съ вами, можетъ узнать все нужное для украшенія разума. Въ пансіонѣ она пріобрѣла бы одинъ талантъ, который мудрено сообщить въ деревенскомъ воспитаніи, то-есть талантъ музыки. Пріятно знать ее, но можно и безъ того быть любезною дѣвушкою. Вотъ мои мысли, но если вы, милый братъ, когда-нибудь рѣшитесь отпустить ее въ Москву, то я сердечно радъ всѣмъ способствовать благу ея, и вы конечно смѣло можете надѣяться на меня. Располагайте мною въ всякомъ случаѣ, какъ вашимъ добрымъ братомъ. Между тѣмъ, прошу за меня поцѣловать вашу малютку. Если моя Сонюшка будетъ жива, то она вмѣстѣ со мною будетъ любить ее. Какъ скоро найду надзирательницу, то васъ увѣдомлю и напередъ прошу вѣрить моей попечительности. — Газеты и экономическія книги будутъ къ вамъ доставлены. Сонюшка цѣлуетъ вашу ручку. У нея все еще нѣтъ зубовъ, и это безпокоитъ меня.

---

[1]) Эта воспитанница — необыкновенное явленіе въ тогдашней русской жизни: не говоря о томъ, что она знала въ совершенствѣ многія литературы, но она изучала потомъ латинскій языкъ и страстно предалась положительнымъ наукамъ. Ей хотѣлось хоть разъ въ жизни видѣть исторіографа, славой котораго она гордилась, какъ своей собственной, даже преподавала частнымъ образомъ историческія лекціи для *дамъ*, придерживаясь его манеры изложенія. Употребивъ всѣ средства, она прибыла, наконецъ, изъ Симбирска въ Петербургъ, собственно за тѣмъ, чтобъ познакомиться лично съ Карамзинымъ. Но Карамзина уже не было тогда на свѣтѣ.

31.

Москва, 4 марта 1803.

На прошедшей почтѣ я получилъ отъ васъ деньги и теперь ожидаю людей, чтобы искупить все и немедленно отправить ихъ назадъ. Кажется, что путь простоитъ не долго и для того надобно спѣшить. Пиво заказано, а вины я самъ выберу.

Племянница ваша, слава Богу! здорова и имѣетъ два зуба. Къ несчастію мнѣ должно было прежде времени отнять ее отъ груди, для того, что господинъ кормилицы моей услалъ ее въ деревню. Она очень тосковала и плакала. Ожидаю теперь весны, чтобы ѣхать жить въ подмосковную, какъ для своей малютки, такъ и для самого себя. Здоровье мое не очень надежно.—Простите, любезнѣйшій братецъ! Будьте здоровы, покойны и веселитесь своею малюткой! мнѣ очень пріятно знать, что вы имѣете удовольствіе отца.

32.

Послѣднее ваше письмо заставляетъ меня надѣяться, что вы, слава Богу! здоровы, и что лихорадка ваша прошла; здѣсь также въ началѣ весны были вездѣ лихорадки; наступившіе жары прекратили ихъ. Вмѣсто апрѣля у насъ іюнь, и въ 10 часовъ утра нельзя уже выйдти на солнце. Я черезъ нѣсколько дней думаю ѣхать за городъ, въ самое то мѣсто, гдѣ Богъ разлучилъ меня съ Лизанькою. Мнѣ конечно будетъ грустно; но вообще я сталъ гораздо покойнѣе. Сонюшка моя, благодаря Бога! здорова и очень занимаетъ меня. Желаю сердечно, милый братъ, чтобы и ваша малютка веселила васъ какъ можно болѣе, и чтобы вы были совершенно здоровы. Мысленно цѣлую мою племянницу, а васъ дружески и братски обнимаю.

33.

Подмосковная Свирлево, іюня 6, 1803.

Я былъ въ великомъ безпокойствѣ о моей Сонюшкѣ, которая имѣла лихорадку, и для того не писалъ къ вамъ нѣсколько почтъ. Теперь она, слава Богу! здорова, и я спокойнѣе. Находя одно утѣшеніе въ ней, боюсь и страдаю, какъ скоро она нездорова. Сдѣлавъ одну важную потерю, человѣкъ уже не увѣренъ ни въ чемъ на землѣ.

Давно и отъ васъ, любезнѣйшій братъ, не имѣю ни строчки. Полагаю, что вы въ заволжской деревнѣ,и туда пишу къ вамъ. Газеты и журналъ мой посылаются на ваше имя въ Симбирскъ. Мнѣ пріятно воображать, любезнѣйшій братъ, что вы, подобно мнѣ, занимаетесь милою малюткою, и что она утѣшаетъ васъ, какъ меня Сонюшка утѣшаетъ. Родительское сердце не можетъ быть пусто: когда оно не страдаетъ, то наслаждается. Дай Богъ и вамъ, и мнѣ выростить своихъ милыхъ!

Я нанимаю прекрасный сельскій домикъ, и въ прекрасныхъ мѣстахъ близь Москвы. Бываю по большой части одинъ, и когда здорова Сонюшка, то, не смотря на свою меланхолію, еще благодарю Бога! Сердце мое совсѣмъ почти отстало отъ свѣта. Занимаюсь трудами вопервыхъ для своего утѣшенія, а вовторыхъ и для того, чтобы было чѣмъ жить и воспитывать малютку. Мнѣ хочется до того времени выдавать журналъ [1]), пока будетъ у меня столько денегъ, чтобы жить безъ нужды; а тамъ хотѣлось бы мнѣ приняться за трудъ важнѣйшій: за Русскую исторію, чтобы оставить по себѣ отечеству не дурной монументъ. Но все зависитъ отъ Провидѣнія! Будущее не наше.

Желаю сердечно, любезнѣйшій братъ, чтобы вы были здоровы и спокойны. Надѣюсь скоро получить отъ васъ увѣдомленіе и съ братскою нѣжностію обнимаю васъ.

34.

Москва, 13 октября 1803.

Сердечно обрадовался я вашему намѣренію пріѣхать нынѣшнею зимою въ Москву. Дай Богъ, чтобы вы были совершенно здоровы и чтобы мы радостно увидѣлись послѣ столь долговременной разлуки! Какъ скоро вы назначите время отъѣзда, то буду искать для васъ квартиру. Всего лучше, еслибы мы могли жить вмѣстѣ; но домикъ мною нанимаемый къ несчастію безпокоенъ. По крайней мѣрѣ постараюсь найдти вамъ домъ по близости, чтобъ мы тѣмъ удобнѣе могли видѣться. Это будетъ великимъ утѣшеніемъ для моего сердца, къ вамъ искренно привязаннаго. Жизнь такъ коротка; а я лучшія ея лѣта провелъ, къ несчастью, въ разлукѣ съ вами. Надѣюсь увидѣть и вашу малютку, а мою любимую племянницу. Сонюшка, слава Богу! теперь здорова; но глазные зубы все еще не выходятъ, и я боюсь ихъ. Дурное время заставило меня наконецъ выѣхать изъ деревни, гдѣ я жилъ пять мѣсяцевъ. Не могу вообще жаловаться на свое здоровье, но зрѣніе мое слабѣетъ; это заставляетъ меня отказаться отъ журнала; но примусь за исторію, которая не требуетъ срочной работы. Простите милый братъ. Мысленно васъ обнимаю.

35.

Москва, 2 декабря 1803.

Очень давно не имѣю отъ васъ писемъ и начинаю безпокоиться. Вы обѣщали пріѣхать нынѣшнюю зиму въ Москву и послѣ уже совсѣмъ не писали ко мнѣ. Дай Богъ, любезнѣйшій братъ, чтобы вы совершенно были здоровы, и чтобы я имѣлъ сердечное удовольствіе обнять васъ въ

---

[1]) *Вѣстникъ Европы.*

Москвѣ. Между тѣмъ сообщаю вамъ двѣ новости: первая то, что Императоръ пожаловалъ мнѣ пенсіонъ, въ годъ по двѣ тысячи рублей, и сдѣлалъ меня исторіографомъ; а вторая то, что я женюсь на милой дѣвицѣ Катеринѣ Андреевнѣ Колывановой. Вы, безъ сомнѣнія, и въ томъ и другомъ возмете братское участіе. Простите, любезнѣйшій братъ. Мысленно цѣлую любезную свою племянницу, а ваша цѣлуетъ у васъ руку. Будьте благополучны и здоровы!

36.

Москва, 9 декабря 1803.

Съ сердечнымъ удовольствіемъ ожидаю васъ въ Москву послѣ долговременной разлуки. Теперь же я, слава Богу! счастливъ и совершенно доволенъ судьбою. Будущее неизвѣстно; но объ немъ и думать не должно.

Не считаю нужнымъ искать для васъ домъ: пріѣзжайте жить ко мнѣ. Въ началѣ генваря я переѣду въ домъ къ моей будущей женѣ или къ отцу ея; слѣдственно мой останется для васъ. Если вы пріѣдете прежде генваря, то конечно не поскучаете, любезнѣйшій братъ, прожить со мною нѣсколько дней, хотя намъ будетъ и не совсѣмъ просторно; но все лучше, нежели въ наемныхъ холодныхъ домахъ. Итакъ простите до скораго свиданія, любезнѣйшій братецъ! Ожидаю съ нетерпѣніемъ этой минуты. Будьте здоровы вмѣстѣ съ вашею милою малюткой. Сонюшка цѣлуетъ у васъ ручки.

37.

Москва, 8 марта 1804.

Послѣ вашего отъѣзда я очень безпокоился, воображая, что̀ вамъ надлежало потерпѣть отъ страшныхъ мятелей, которыя нѣсколько дней продолжались. Слава Богу, что вы благополучно добрались до Симбирска. Теперь полагаю васъ уже въ оренбургской деревнѣ, и для того пишу черезъ Бузулукъ.

Съ сердечнымъ удовольствіемъ, любезнѣйшій братецъ, буду я долго воспоминать о нашемъ свиданіи и всѣхъ знакахъ вашей братской дружбы; жалѣю, что судьба не позволяетъ намъ жить въ одномъ мѣстѣ. По крайней мѣрѣ надѣюсь, что мы еще увидимся въ здѣшнемъ свѣтѣ.

Въ жизни моей ничего не перемѣнилось послѣ вашего отъѣзда. Занимаюсь только своею доброю женою и Русскою Исторіею! Катерина Андреевна беременна: это состояніе дѣлаетъ ее не очень здоровою. Сонюшка тоже безпокоитъ меня: она четвертый день въ лихорадкѣ. Видно, что на землѣ непремѣнно надобно безпокоиться человѣку.

Скоро послѣ вашего отъѣзда присланы были къ вамъ деньги, которыя московскій почтамтъ отправилъ къ вамъ въ Симбирскъ: получили ли вы ихъ?

На сихъ дняхъ дошло до насъ извѣстіе, что Бонапарте посадилъ въ тюрьму генерала Моро, обвиняя его въ заговорѣ съ Англичанами и приписывая ему намѣреніе возвести на тронъ Бурбоновъ. Многіе думаютъ, что это гнусная клевета. Во всякомъ случаѣ надобно жалѣть о чернотѣ сердца человѣческаго.

Беременность милой моей жены не дозволяетъ мнѣ думать о путешествіи въ Кіевъ, о которомъ мы говорили, хотя мнѣ очень хотѣлось бы побывать въ тѣхъ мѣстахъ.

Катерина Андреевна еще спитъ; а между тѣмъ скоро ударитъ 10 часовъ, и пора письмо отправить на почту. Могу смѣло увѣрить васъ за нее, что она сердечно любитъ васъ и почитаетъ.

38.

Къ сердечному удовольствію моему получилъ и второе письмо ваше: жалѣю только съ душевнымъ прискорбіемъ, что вы, милый братъ, не такъ здоровы, какъ бы я желалъ, наученный лѣтами цѣнить здоровье. Слабость глазъ вашихъ заставляетъ меня дать вамъ совѣтъ: промывайте ихъ всякій день холоднымъ и крѣпко настоеннымъ чернымъ чаемъ; это очень укрѣпляетъ зрѣніе. Недавно вышло на русскомъ языкѣ Гуфеландово сочиненіе: *О сохраненіи здоровья;* я пришлю его вамъ; оно хорошо писано и содержитъ въ себѣ лучшія наставленія, какъ поддерживать слабость натуры человѣческой. Эта наука драгоцѣнна. Умереть никогда не поздно, и чѣмъ долѣе живешь, тѣмъ легче должна быть и смерть. Я самъ, любезнѣйшій братъ, не могу хвалиться здоровьемъ, которое мнѣ нужно и для того, чтобы живо чувствовать счастіе моего супружества, и для моей пріятной, но трудной работы. Вы, по вашей братской дружбѣ ко мнѣ, берете участіе въ ея успѣхахъ: такъ скажу вамъ, что я тружусь усердно, и если не совершу этой работы, то по крайней мѣрѣ не отъ лѣни. Можетъ-быть Богъ и наградитъ меня успѣхомъ. Пишу теперь *вступленіе*, то-есть краткую Исторію Россіи и Славянъ до самаго того времени, съ котораго начинаются собственныя наши лѣтописи. Этотъ первый шагъ всего труднѣе мнѣ, надобно много читать и соображать; а тамъ опишу нравы, правленіе и религію Славянъ, послѣ чего начну обработывать Русскія лѣтописи.

Жена моя сердечно любитъ васъ и никогда не забудетъ; князь также: [1]) за это могу вамъ ручаться. Онъ, слава Богу! теперь выздоровѣлъ, и мы живемъ въ его подмосковной, которая очень хороша. Сонюшка становится умнѣе и вы нашли бы въ ней великую перемѣну, если бы ее теперь увидѣли. Надѣюсь, милый братъ, что мы еще не навсег-

[1]) Князь Андрей Ивановичь Вяземскій.

да разстались. — Въ сентябрѣ мѣсяцѣ думаемъ быть въ Москвѣ. Катерина Андреевна должна родить въ октябрѣ: я увѣренъ, что вы сердечно пожелаете ей благополучныхъ родовъ.

Политическія новости вамъ извѣстны по газетамъ. Наполеонъ Бонапарте промѣнялъ титулъ великаго человѣка на титулъ Императора: власть показалась ему лучше славы.

Напомните обо мнѣ всѣмъ нашимъ роднымъ. Особенно прошу васъ, братецъ, поцѣловать за меня ручку у тетушки Палагеѣ Егоровны. Вашу малютку мысленно цѣлую и прошу увѣдомить меня объ ней.

39.

Село Астафьево, сент. 13, 1804.

Мы все еще живемъ въ деревнѣ, хотя дурное время не позволяетъ уже наслаждаться деревенскими удовольствіями. Приходитъ также время родить моей любезной женѣ. Можете чувствовать, любезнѣйшій братецъ, что я ожидаю сего времени съ безпокойствомъ. Сердце мое увѣрено, что вы берете искреннее участіе въ этомъ ожиданіи вашего брата.

На всякій случай пишу къ вамъ еще въ Бузулукъ, хотя и не знаю, найдетъ ли васъ это письмо въ заволжской деревнѣ. Изъ Москвы, гдѣ надѣюсь быть недѣли черезъ двѣ, буду уже писать къ вамъ въ Симбирскъ, куда пошлю и Гуфеландову книгу *О сохраненіи здоровья.* — Деньги, пять тысячъ рублей, пришлите ко мнѣ, какъ заблагоразсудите: мнѣ все одно. А я радъ исполнить всѣ порученія милаго брата, и прошу васъ давать ихъ мнѣ безъ всякихъ оговорокъ.

Упражненія мои вамъ извѣстны. Все идетъ медленно, и на всякомъ шагу впередъ надобно оглядываться назадъ. Цѣль такъ далека, что боюсь даже и мыслить о концѣ.

Здоровье мое теперь, кажется, получше, но все еще не очень хорошо, и я не смѣю работать по вечерамъ, хотя бы это и нужно было для успѣха трудовъ моихъ. Простите, любезнѣйшій братецъ; князь Андрей Ивановичъ васъ любитъ душевно и часто вспоминаетъ объ васъ. Катерина Андреевна сердечно къ вамъ привязана; а теперь не пишетъ для того, что еще не проснулась. Хотя и не знаю лично вашей малютки, но люблю ее искренно для того, что она ваша и утѣшаетъ васъ.

40.

Москва, 16 октября 1804.

Спѣшу увѣдомить васъ, что Государь пожаловалъ меня въ надворные совѣтники. Еще пріятнѣе было бы для меня увѣдомить васъ о щастливыхъ родахъ моей жены; но мы еще ожидаемъ того съ часу на часъ. Простите, милый братецъ! отправляю письмо на почту. Обнимаю васъ со всею братскою и дружескою нѣжностію.

41.

Москва, 1 ноября 1804.

Спѣшу увѣдомить васъ, что Катерина Андреевна родила благополучно, и до сей минуты все идетъ хорошо. Вчера получилъ ваше письмо, которое меня обрадовало. Недавно писалъ я къ вамъ въ Бузулукъ, увѣдомляя, что Государь пожаловалъ меня въ надворные совѣтники; но вы, конечно, не получили этого письма. Катерина Андреевна искренно благодаритъ васъ за шаль, которую она будетъ носить съ великимъ удовольствіемъ. Намъ еще не принесли ея съ почты. Книгу *О сохраненіи здоровья* отправляю къ вамъ въ слѣдующую середу.... Теперь я отецъ двухъ дочерей Сонюшки и Наташи, которую прошу любить какъ вашу добрую племянницу. Жаль, что вы, бывъ на свадьбѣ нашей, не можете быть на крестинахъ, милый братъ нашъ. Катерина Андреевна сердечно къ вамъ привязана, и мы часто говоримъ объ васъ съ нею и съ княземъ. Дай Богъ, чтобъ мы когда-нибудь долѣе прожили вмѣстѣ. Мысленно васъ обнимаю. Соня и Наташа цѣлуютъ вашу ручку.

42.

Москва декабря 7 1804.

Деньги я получилъ и письмо заемное при семъ возвращаю. На той почтѣ буду писать къ вамъ, а теперь поздно всталъ и боюсь пропустить часъ почты. Жена моя оправляется, и дочери, слава Богу! здоровы. Обнимаю васъ, милый братъ, мысленно вмѣстѣ съ вашею любезною малюткою.

43.

Москва, 20 декабря 1804.

Въ послѣдній разъ писалъ я къ вамъ такъ мало, что мнѣ хочется теперь еще поговорить съ вами. Катерина Андреевна, слава Богу! оправилась. Сонюшка и Наташа также здоровы; а я, любезнѣйшій братъ, работаю изо всей силы и мочи, пока Богъ даетъ мнѣ довольно здоровья и спокойствія для успѣха въ трудѣ моемъ. Теперь пишу о нравахъ, правленіи и вѣрѣ древнихъ Славянъ, и надѣюсь это кончить около февраля, чтобы приняться уже за нашу исторію съ Рюрика. Я дѣлаю все что могу, и совершенно почти отказался отъ свѣта; даже обѣдаю съ нѣкотораго времени одинъ, не ранѣе пятаго часа, и не рѣдко лишалъ себя удовольствія быть съ моею любезною женою. Провидѣнію остается увѣнчать мой ревностный трудъ успѣхомъ.

Желаю, милый братъ, слышать хорошія вѣсти о вашемъ здоровьи. Обѣщаніе ваше пріѣхать еще въ Москву обрадовало мое сердце: дай

Богъ, чтобы оно совершилось, и чтобы мы обнялись среди моего маленькаго семейства! Надѣюсь, что вы привезете тогда и мою племянницу, которую очень желаю видѣть. Сонюшка будетъ уже въ состояніи обласкать ее какъ сестру. Я не дамъ вамъ, любезнѣйшій братецъ, забыть этого обѣщанія.

Гдѣ вы проводите зиму? Думаете ли строить домъ въ Симбирскѣ? Не отставайте совсѣмъ отъ города, милый братъ. Пока мы живы, хорошо видѣться иногда съ посторонними людьми.

Сергѣй Сергѣевичъ въ отставкѣ съ Анненскою лентою и ѣдетъ на годъ въ чужіе краи. Здоровы ли родные? Напоминайте имъ обо мнѣ при случаѣ.

44.

Столько уже времени не имѣю о васъ извѣстія, что начинаю безпокоиться. Я писалъ къ вамъ чрезъ Бузулукъ, и не получилъ отвѣта. Сдѣлайте одолженіе, увѣдомьте меня о вашемъ здоровьи, любезнѣйшій братецъ. Для совершеннаго моего спокойствія нужно мнѣ знать, что вы благополучны и спокойны. Я, благодаря Бога! довольно здоровъ и любимъ искренно своей женой, слѣдственно счастливъ. Ваша племянница растетъ и становится любезною. Упражненія мои вамъ извѣстны: пишу не мало, а читаю еще болѣе. Поцѣлуйте за меня любезную мою племянницу; желаю сердечно, чтобы она была здорова и васъ утѣшала. Князь Андрей Ивановичъ увѣряетъ васъ въ своемъ дружескомъ расположеніи. Онъ долго уже безпокоитъ насъ своею болѣзнію, которая хотя и не опасна, но мучительна. Геморроиды изнуряютъ его до крайности. Для того мы и не ѣдемъ въ деревню, гдѣ мнѣ хотѣлось бы жить для лучшей работы.

45.

Москва, 21 января 1805.

Сердечно благодарю васъ за послѣднее письмо; отправляю при семъ французскія книги для дѣтей, цѣною на 22 рубля, а «Петербургскій журналъ» будетъ къ вамъ посланъ, какъ скоро выйдетъ. — По билету деньги процентные выдадутъ мнѣ изъ Воспитательнаго дому 5 февраля: увѣдомьте, что мнѣ дѣлать съ ними? Къ вамъ ли послать, или вы прикажете купить на нихъ для васъ что-нибудь здѣсь въ Москвѣ?

Катерина Андреевна носитъ вашу шаль, любезнѣйшій братецъ, съ великимъ удовольствіемъ, какъ пріятный знакъ вашего дружескаго воспоминанія. Князь также васъ не забываетъ и любитъ искренно; онъ радъ вашему обѣщанію пріѣхать въ Москву. Слѣдственно вы повѣрите, что мы нерѣдко говоримъ объ васъ.

Всѣ мы, слава Богу! здоровы, Наташа есть совершенный портретъ

матери. — Я продолжаю работать, и думаю, что мнѣ не отдѣлаться отъ Кіева: надобно будетъ туда съѣздить.

46.

Москва, 26 марта 1805.

Сердечно благодарю васъ за пріятныя ваши порученія, изъ которыхъ я еще ни одного не исполнилъ, но оба исполню съ великимъ удовольствіемъ. Пришлю вамъ свой портретъ и куплю Сонюшкѣ прекрасное платье къ празднику, которое она будетъ называть *Дядинымъ*. Лучшій здѣшній живописецъ Дамонъ обѣщаетъ весною ѣхать съ нами въ деревню и написать мой портретъ сходно на досугѣ: тогда немедленно доставлю его вамъ, любезнѣйшій братъ, съ благодарностью за сей знакъ вашей дружбы.

О деньгахъ я уже писалъ къ вамъ: мнѣ выдали ихъ изъ Воспитательнаго дому безъ всякаго затрудненія, а теперь онѣ хранятся у меня впредь до вашего повелѣнія, какъ и на что употребить ихъ.

Мы, слава Богу! здоровы. Сонюшка понемногу растетъ и бываетъ очень смѣшна, такъ, что и посторонніе радуются ею. Наташа совсѣмъ другова лица: будетъ бѣлокурая и съ голубыми глазами, какъ мать. Я, по домашнимъ своимъ обстоятельствамъ, совершенно счастливъ. Катерина Андреевна такъ добра и мила, что мудрено вообразить жену лучше ея въ какомъ-нибудь смыслѣ. Князя люблю сердечно, могу желать только, чтобъ щастіе мое продолжилось.

Сюда привезли очень хорошее французское сукно: Катерина Андреевна выбрала вамъ на фракъ и при семъ посылаетъ его; желаю, чтобы вы, милый нашъ братъ, носили этотъ кафтанъ съ удовольствіемъ.

Работа моя идетъ медленно. Пишу второй томъ, еще о временахъ Рюрика. Если Богъ продолжитъ ко мнѣ свою милость, то къ зимѣ могу начать третій. Не смотря на то, что многими книгами пользуюсь даромъ, я долженъ еще издерживать не мало денегъ на покупку иностранныхъ книгъ.

Я велѣлъ пересылать къ вамъ журналъ въ Бузулукъ, думая, что вы долго проживете въ заволжской деревнѣ; но когда вздумаете возвратиться въ Симбирскъ, то увѣдомьте меня заранѣе.

Простите, любезнѣйшій братецъ. Будьте здоровы къ утѣшенію вашего вѣрнаго брата; мысленно цѣлую племянницу, желая сердечно, чтобъ онъ васъ веселила. Поцѣлуйте за меня ручку у нашей тетушкѣ Палагеѣ Егоровнѣ, которой желаю добраго здоровья. Напомните также обо мнѣ всѣмъ нашимъ роднымъ, брату Ѳедору Михайловичу, невѣсткѣ и другимъ. Обнимаю васъ съ братскою дружбою.

47.

Москва, 26 апрѣля 1805.

Сонюшка и Наташа посылаютъ къ вашей матушкѣ и къ своей се-

стрицѣ платье и просятъ, чтобы она съ удовольствіемъ носила его и помнила ихъ.

Будьте здоровы, любезнѣйшій братецъ! а мое здоровье опять не совсѣмъ въ хорошемъ состояніи; чему и работа можетъ быть отчасти причиною.

Мы скоро думаемъ ѣхать въ подмосковную. Теперь простите: спѣшу отправить посылку на почту. Катерина Андреевна увѣряетъ васъ въ своей любви и въ почтеніи.

48.

Село Астафьево, іюня 13, 1805 г.

Письмо ваше меня чрезмѣрно обрадовало извѣстіемъ о вашемъ здоровьи, о которомъ такъ долго не имѣлъ я свѣдѣнія и очень безпокоился. Тутъ я еще живѣе обыкновеннаго чувствовалъ, какъ вы мнѣ, любезнѣйшій братъ, дороги, хотя судьба и не дозволяетъ намъ жить вмѣстѣ. Разстояніе мѣстъ не истребляетъ родственной и дружеской привязанности, къ которой мы съ младенческихъ лѣтъ привыкли.

Кончина любезной тетки нашей меня сердечно тронула, тѣмъ болѣе, что она, какъ вы пишете, страдала много. Теперь мнѣ очень грустно, что я къ ней никогда не писалъ, хотя и любилъ ее въ душѣ своей.

Теперь мы живемъ въ деревнѣ, гдѣ, по своему обыкновенію, я много работаю и гуляю, хотя и не могу быть совершенно доволенъ своимъ здоровьемъ. На сихъ дняхъ я былъ встревоженъ непріятнымъ случаемъ: Катерина Андреевна упала съ лошади и зашибла себѣ ногу; надѣюсь однакожь, что это не будетъ имѣть слѣдствій; вы знаете, любезный братъ, что она мастерица ѣздить верхомъ; но мастерство не всегда спасаетъ отъ нещастныхъ случаевъ.

Князю я читалъ вашъ отвѣтъ на его шутку. Онъ васъ искренно любитъ. Въ привязанности моей жены вы сомнѣваться не можете. Она васъ сердечно любитъ и почитаетъ.

Книга къ вамъ отправлена. Давайте мнѣ, любезнѣйшій братецъ, всякія коммиссіи: мнѣ сердечно пріятно исполнять ихъ.

(До слѣдующей книжки.)

МОРСКІЯ СИЛЫ АНГЛІИ И ФРАНЦІИ.

(Окончаніе.)

Подъ артиллеріею корабля мы разумѣемъ не только количество пушекъ и величину ихъ калибра, но также и прислугу, которая всего важнѣе въ сраженіи. Если въ основаніе нашей оцѣнки мы возьмемъ исторію морскихъ войнъ, то намъ невольно бросится въ глаза одно обстоятельство, которое какъ въ одиночномъ бою, такъ и въ большихъ сраженіяхъ показываетъ очевидное преимущество Англичанъ и можетъ быть объяснено только особеннымъ устройствомъ артиллерійской части:—это значительная и постоянная несоразмѣрность въ числѣ убитыхъ на англійскихъ корабляхъ сравнительно съ кораблями другихъ народовъ, воевавшихъ съ Англіею. Для объясненія приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ апрѣлѣ 1798 года англійскій корабль Mars взялъ французскій корабль l'Hercule; на первомъ было 90 убитыхъ и раненыхъ, на послѣднемъ 290. Въ февралѣ того же года англійскій корабль Sibylle сражался съ французскимъ La Forte, при чемъ убитыми и ранеными оказалось на первомъ 21, на послѣднемъ 143 человѣка. Въ мартѣ 1806 года англійскій корабль London взялъ французскій Marengo съ потерею на первомъ 32, на послѣднемъ 145 человѣкъ. 4 ноября 1805 года происходило сраженіе между четырьмя французскими и пятью англійскими линейными кораблями, при чемъ Англичане лишились 135, Французы 730 человѣкъ. Въ сраженіи, происходившемъ между англійскими и испанскими кораблями 14 февраля 1797 года, потеря Англичанъ составляла 300, потеря Испанцевъ 800 человѣкъ. Въ сраженіи при Кампердёйнѣ, 11 октября того же года, у Англичанъ было 825 убитыхъ и раненыхъ, а у противниковъ ихъ, Голландцевъ, 1160. Въ 1808 году, 5 іюля, англійскій фрегатъ Sea Horse взялъ турецкій фрегатъ Бадере-Зефферъ; первый потерялъ въ этомъ дѣлѣ 15,

послѣдній 370 человѣкъ. Наконецъ въ томъ же году русскій линейный корабль «Всеволодъ» былъ взятъ двумя англійскими линейными кораблями, при чемъ первый потерялъ 303, а послѣдніе только 62 человѣка.

Эти маловажныя потери на сторонѣ Англичанъ, повторявшіяся въ продолженіе почти всей тогдашней войны, должны быть отнесены единственно къ лучшему устройству ихъ артиллеріи. Они стрѣляли и прицѣливались не только лучше и вѣрнѣе Французовъ и другихъ націй, но и скорѣе. Въ 1805 году у Англичанъ приходилось по одному выстрѣлу на орудіе въ каждую минуту, а у Французовъ только въ три минуты. Кромѣ того послѣдніе руководствовались худшею тактикой: они старались сбить мачты у непріятеля и направляли свои выстрѣлы слишкомъ высоко, между тѣмъ какъ Англичане постоянно цѣлили въ корпусъ корабля, и ядра ихъ вѣрнѣе попадали въ обширную его поверхность, чѣмъ въ небольшія поверхности мачтъ и такелажа. Но независимо отъ лучшаго прицѣла и бо́льшаго искусства канонеровъ, Англичане имѣли еще на своей сторонѣ преимущество сильнѣйшихъ калибровъ; потому что, хотя нарицательно суда ихъ имѣли такую же артиллерію, какъ и французскіе корабли одинаковаго разряда, но въ сущности всегда были вооружены сильнѣе послѣднихъ. Такъ напримѣръ 40-пушечный фрегатъ Lavinia на самомъ дѣлѣ имѣлъ 50 орудій, а 36 и 38-пушечные фрегаты почти всегда были вооружены 44 и 46 пушками. Англійскій линейный корабль Belleisle, участвовавшій въ сраженіи при Трафальгарѣ, считался 74-пушечнымъ, но имѣлъ 90 орудій, тогда какъ на 84-пушечныхъ испанскихъ корабляхъ, дѣйствовавшихъ въ томъ же сраженіи, было только по 78 орудій.

Это обстоятельство, вмѣстѣ съ хорошею прислугою при орудіяхъ, всего болѣе способствовало успѣхамъ Англичанъ, и имъ же можно объяснить то, что Французы и ихъ союзники лишились въ помянутыхъ войнахъ 85 линейныхъ кораблей и 180 фрегатовъ, между тѣмъ какъ потеря Англичанъ составляла только 13 линейныхъ кораблей и 83 фрегата.

Уже слишкомъ поздно и не прежде окончанія войны Французы догадались, что недостаточное устройство артиллерійской части было одною изъ главныхъ причинъ ихъ неудачъ. Даже самъ несчастный адмиралъ Вилльнёвъ никогда не жаловался на артиллерію и всегда относилъ несоразмѣрность потерь на сторонѣ Французовъ къ неопытности своихъ офицеровъ и матросовъ и къ дурному устройству кораблей. Но онъ ошибался такъ же точно, какъ ошибались и всѣ другіе. Слабая сторона французскаго флота заключалась преимущественно въ артиллеріи, и не столько въ самыхъ орудіяхъ, сколько въ дурной системѣ

пользованія ими,—системѣ, которая господствовала во Франціи двѣсти лѣтъ и постоянно парализировала дѣйствіе и силу судовъ, не допуская необходимаго на военномъ кораблѣ единства команды.

Въ прежнія времена военный экипажъ флотовъ состоялъ изъ обыкновенныхъ солдатъ. Настоящіе моряки, находившіеся на бортѣ, завѣдывали, подъ начальствомъ морскаго начальника, только управленіемъ кораблей и водили ихъ по морю. Поэтому на каждомъ кораблѣ было два начальника, военный и морской, и хотя послѣдній былъ подчиненъ первому, однакожь онъ совершенно самостоятельно распоряжался управленіемъ корабля, установкою парусовъ и т. п., потому что военный начальникъ обыкновенно ничего не смыслилъ въ этомъ дѣлѣ. Эта система, не смотря на множество непріятныхъ столкновеній, которыхъ невозможно было избѣжать при ней, сохранялась въ своей силѣ до новѣйшаго времени. Англичане первые оставили ее. Они поняли, что единство команды — первое условіе на бортѣ корабля и что оно можетъ быть достигнуто только тогда, когда военный командиръ приметъ на себя въ то же время управленіе кораблемъ и начальство надъ морскою частью. Поэтому они образовали изъ своихъ матросовъ солдатъ и артиллеристовъ и начали принимать въ офицеры только однихъ моряковъ. Послѣдствія этой благоразумной мѣры скоро обнаружились въ преимуществѣ, которое Англія, по введеніи новой системы, имѣла надъ своими врагами во всѣхъ сраженіяхъ. Однакожь небольшая часть сухопутнаго войска все-таки была оставлена на корабляхъ, но главное назначеніе его состояло въ томъ, чтобы служить опорою офицерамъ въ случаѣ мятежа между матросами, на которыхъ никогда нельзя положиться до такой степени, какъ на солдатъ. Отъ службы при орудіяхъ солдаты были совершенно устранены, а если иногда и принимали въ ней участіе, то весьма слабое. Во время войны главная обязанность ихъ заключалась въ прикрытіи или въ отраженіи абордажей ружейнымъ огнемъ и въ дѣйствіи при высадкахъ.

Прочія націи продолжали упорно придерживаться старой системы, и Французы, ко вреду своему, оставались при ней долѣе другихъ. До 1822 года на корабляхъ ихъ было два рода войска, совершенно отдѣленныхъ одинъ отъ другаго и состоявшихъ подъ начальствомъ особыхъ командировъ,—матросы и артиллеристы. Первые не имѣли никакого понятія объ артиллеріи, послѣдніе ничего не смыслили въ морскомъ дѣлѣ. Оба войска имѣли различныя учрежденія и были одушевлены различнымъ духомъ. У каждаго была своя собственная дисциплина, свои особые офицеры; каждое гордилось своими занятіями и присвоивало себѣ первенство. Въ 1822 году наконецъ дошли до убѣжденія, что при такомъ порядкѣ морская часть не можетъ достигать своей цѣли, что на

флотѣ можетъ быть допущенъ только одинъ родъ войска и что это войско должно состоять исключительно изъ моряковъ по воспитанію, по нравамъ, по духу, состоящихъ подъ командою морскихъ офицеровъ и способныхъ къ отправленію всякой службы, въ которой встрѣчается надобность на кораблѣ. Эта мысль, исключавшая на будущее время всякій чисто военный элементъ, подала первый поводъ къ учрежденію такъ-называемаго corps des équipages de ligne, отъ котораго требовалось умѣнье обращаться съ парусами и пушками и въ то же время владѣть ручнымъ оружіемъ. Въ послѣдствіи мы еще возвратимся къ этому учрежденію, а теперь замѣтимъ только, что новая система, основанная на универсальности обученія, оказалась на практикѣ не совсѣмъ удобною. Послѣ одиннадцатилѣтнихъ опытовъ нужно было приступить къ новымъ перемѣнамъ, вслѣдствіе которыхъ хотя и не уничтожено единство линейныхъ экипажей, но допущено въ нихъ особое отдѣленіе такъ-называемымъ matelots canonniers, главная обязанность которыхъ заключается въ артиллерійской службѣ. Обученіе этихъ матросовъ-канонеровъ направлено спеціально къ тому, чтобы образовать изъ нихъ корабельныхъ фейерверкеровъ и артиллерійскихъ унтеръ-офицеровъ и завести такимъ образомъ разсадникъ, изъ котораго морское управленіе могло бы въ военное время снабжать флотъ этимъ важнымъ и необходимымъ родомъ войска.

Подобное учрежденіе уже довольно давно существовало въ Англіи, гдѣ для этой цѣли былъ назначенъ особый учебный корабль (стоящій въ Портсмутѣ — линейный корабль Excellent). Французы устроили у себя въ 1837 году по англійскому образцу такое же заведеніе. Для этого выбрали изо всего флота лучшихъ моряковъ и обучали ихъ нѣсколько лѣтъ на учебныхъ корабляхъ артиллерійской службѣ. Но и въ этомъ учрежденіи оказался важный недостатокъ. Такъ какъ во Франціи существуетъ конскрипція, то государство не могло извлекать большой пользы изъ людей, которые, по истеченіи своего служебнаго срока, выходили въ отставку и, послѣ окончанія спеціальнаго приготовленія, оставались во флотѣ не долѣе двухъ лѣтъ. Эта невыгодная сторона, равно какъ и необычайное усиленіе флота при Наполеонѣ III, повели къ существенному улучшенію и расширенію помянутаго учрежденія. Поступающіе въ него матросы должны обязаться прослужить десять лѣтъ въ морской службѣ; до поступленія на учебные корабли они проходятъ теоретическій курсъ на сухомъ пути и подвергаются экзамену, такъ что матросы-канонеры соединяютъ теоретическія познанія съ практикою. Изъ этихъ школъ выходитъ ежегодно 500 канонеровъ, и въ настоящее время вся орудійная прислуга на французскомъ флотѣ состоитъ изъ морскихъ артиллеристовъ, получившихъ полное обра-

зованіе. Вмѣстѣ съ этимъ существеннымъ усовершенствованіемъ въ личномъ составѣ морской артиллеріи, который не только сравнялся теперь съ англійскимъ, но даже превзошелъ его, потому что соединяетъ въ себѣ практическія познанія съ теоретическими, приступлено также и къ улучшенію матеріала: какъ на устройство пушекъ, такъ и на вооруженіе кораблей обращено было самое тщательное вниманіе. Едва ли какая-нибудь отрасль военнаго искусства испытала въ послѣдніе 50 лѣтъ столько важныхъ перемѣнъ, какъ морская корабельная артиллерія. Изобрѣтенныя полковникомъ Пексаномъ бомбическія пушки удвоили и утроили размѣръ употребительныхъ доселѣ калибровъ, такъ что 32-фунтовыя пушки, считавшіяся въ прежнемъ вооруженіи наибольшимъ калибромъ, обратились теперь въ орудія наименьшаго калибра.

Это преобразованіе артиллеріи произошло въ одно время почти во всѣхъ значительныхъ флотахъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ ничтожныхъ видоизмѣненій, зависящихъ большею частью отъ различія мѣръ въ разныхъ странахъ, можно принять, что артиллерія равноклассныхъ кораблей вездѣ одинакова. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляютъ только Американцы. Въ новѣйшее время они, подъ именемъ фрегатовъ, строили корабли, у которыхъ корпусъ болѣе 120-пушечныхъ кораблей. Къ числу такихъ фрегатовъ принадлежитъ Niagara, который былъ назначенъ для проложенія телеграфической проволоки по Атлантическому океану. Не смотря на его громадность, онъ вооруженъ только 12 орудіями; но за то орудія эти превосходятъ калибромъ всѣ доселѣ извѣстныя: они бросаютъ 236-фунтовыя ядра. Время покажетъ, практично ли это нововведеніе; въ Англіи и Франціи оно, покуда, еще не нашло себѣ подражателей.

Сравненіе артиллеріи на любомъ французскомъ и англійскомъ линейномъ кораблѣ показываетъ, что оба флота стоятъ въ этомъ отношеніи почти на одинаковой ногѣ, то-есть корабль одного разряда (напримѣръ 120-ти пушечный) въ обоихъ флотахъ выбрасываетъ за одинъ залпъ почти равную по вѣсу массу чугуна. Нѣкоторый перевѣсъ, доставляемый Англіи калибромъ орудій на линейныхъ корабляхъ, уравнивается въ пользу Франціи нѣсколько сильнѣйшимъ вооруженіемъ большихъ ея фрегатовъ.

Мы высказали теперь относительно матеріала все то, что̀, по нашему мнѣнію, могло быть нужно читателю — не моряку для составленія себѣ вѣрнаго понятія о сравнительной силѣ французскаго и англійскаго флотовъ. За тѣмъ намъ предстоитъ сравнительная оцѣнка

другаго главнаго фактора, опредѣляющаго силу флота, а именно личнаго состава морскихъ силы обѣихъ державъ.

Если и при этой оцѣнкѣ мы начнемъ съ числа людей, то увидимъ, что Англіи для составленія комплектныхъ экипажей на всѣ годные въ дѣло корабли нужно имѣть 150,000, а Франціи 130,000 моряковъ.

Въ Англіи, обязанной мореплаванію своимъ могуществомъ, богатствомъ и существованіемъ, половина народонаселенія коротко знакома съ морскою жизнью и, такъ сказать, выросла на морѣ. Ея обширное судоходство слушитъ разсадникомъ болѣе или менѣе привычныхъ къ морскому дѣлу людей, годныхъ на службу во флотѣ. Во Франціи можно насчитать не болѣе 300,000 моряковъ, потому что вліяніе моря едва простирается здѣсь на одну милю внутрь края, и 19 двадцатыхъ народонаселенія не имѣетъ никакого понятія о кораблѣ. Хотя въ последнее время флотъ и пріобрѣлъ популярность, но только какъ часть военной силы вообще; о спеціальностяхъ его огромное большинство Французовъ не имѣетъ еще никакого понятія. Судя по этому, преимущество въ вопросѣ о снабженіи флота людьми клонится, повидимому, на сторону Англіи; но это только повидимому, на самомъ же дѣлѣ оказывается совершенно противное.

Причина этого заключается въ разности учрежденій обѣихъ странъ. Въ Англіи учрежденія допускаютъ двѣ системы наборовъ, вербовку и насильственный наборъ, между тѣмъ какъ во Франціи существуетъ такъ-называемая инскрипція (inscription maritime), и морская служба такъ же обязательна, какъ и сухопутная. Вербовка оказывалась до сихъ поръ въ Англіи удовлетворительной, но только въ мирное, а откудь не въ военное время, и еще весьма недавно Восточная война вполнѣ доказала недостаточность этой системы. Не взирая на большіе задатки, призовыя деньги, назначеніе пенсій и прочія выгоды, предоставленныя въ Англіи морякамъ, чтобы заманить ихъ на службу, положительно извѣстно, что на эскадрахъ, дѣйствовавшихъ на Балтійскомъ и Черномъ моряхъ, едва пятая часть экипажей состояла изъ порядочныхъ моряковъ, и что многіе корабли принуждены были въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ стоять въ англійскихъ военныхъ гаваняхъ безъ всякаго дѣла, единственно за недостаткомъ даже такого числа людей, какое необходимо для выхода въ море, не говоря уже о томъ, чтобъ вступить въ бой. Адмиралъ Непиръ прямо высказалъ въ парламентѣ, что онъ не могъ предпринять наступательныхъ дѣйствій противъ Россіи именно вслѣдствіе дурнаго состава экипажей флота. Онъ же еще въ 1850 году нѣсколькими публичными письмами старался доказать адмиралтейству, что въ случаѣ нападенія Русскихъ съ моря, англійскій флотъ, по недостатку людей, не въ состояніи бу-

детъ отразить его и что Англія безъ милосердія отдана на жертву русскому или французскому вторженію.

Въ прежніе годы въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно прибѣгали къ насильственнымъ наборамъ, то-есть набирали матросовъ съ купеческихъ кораблей. Но такъ какъ на такое насильственное распоряженіе, каждый разъ должно быть испрашиваемо особое разрѣшеніе парламента и сверхъ того оно нанесло бы смертельный ударъ торговлѣ и самымъ драгоцѣннымъ интересамъ Англіи, то спрашивается, исполнимо ли оно въ настоящее время и согласятся ли на него представители страны? Кажется, что уже и само правительство считаетъ насильственные наборы матросовъ не согласными съ духомъ времени. По крайней мѣрѣ учрежденіе четыре года тому назадъ корпуса береговой стражи, заставляетъ предполагать, что правительство рѣшится прибѣгнуть къ насильственному набору только развѣ въ самомъ крайнемъ случаѣ и намѣрено замѣнить этотъ остатокъ средневѣковаго варварства подготовкою моряковъ изъ береговой стражи. Но это учрежденіе еще слишкомъ молодо для удовлетворенія настоящей потребности, и такъ какъ служба на флотѣ представляетъ весьма мало привлекательнаго для англійскихъ матросовъ, то много лѣтъ пройдетъ, прежде чѣмъ береговые стражники будутъ вполнѣ соотвѣтствовать своему назначенію.

Во Франціи насильственные наборы отмѣнены уже два вѣка тому назадъ, и вмѣсто ихъ благоразумный министръ Людовика XIV ввелъ упомянутую выше инскрипцію. Эта инскрипція соединяетъ всѣхъ моряковъ Франціи какъ бы въ одну семью, состоящую подъ опекою государства, которое въ этомъ случаѣ имѣетъ въ виду какъ ея, такъ и свою собственную пользу. Морская служба требуетъ продолжительнаго приготовленія, и время, нужное на обученіе рекрута сухопутной службѣ, далеко не достаточно для того, чтобы сдѣлать изъ него хорошаго матроса. На этой подтвержденной опытомъ истинѣ основана «инскрипція», и главныя черты ея заключаются въ слѣдующемъ.

Каждый, посвящающій себя мореходству или рыбной ловлѣ на морскомъ берегу или въ устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ море, и, слѣдовательно, знакомый съ моремъ, заносится въ матрикульные списки морскаго вѣдомства, сперва предварительно, а потомъ окончательно, когда онъ объявитъ, что хочетъ остаться при своемъ занятіи. Эта инскрипція, или реестровка, даетъ правительству право располагать морякомъ, а на послѣдняго возлагаетъ обязанность быть готовымъ къ морской службѣ съ осьмнадцатилѣтняго до пятидесятилѣтняго возраста. Въ мирное время морякъ всегда можетъ избавиться отъ инскрипціи, если за годъ впередъ объявитъ, что онъ оставляетъ мореходство или рыб-

ную ловлю. Но пока онъ состоитъ въ спискахъ, онъ всегда обязанъ явиться по требованію правительства. Не вызванный на службу морякъ можетъ располагать собою какъ ему угодно, объявивъ о томъ установленнымъ порядкомъ, но, въ случаѣ нужды, гдѣ бы онъ ни былъ, онъ непремѣнно долженъ явиться по первому требованію. Наборъ лицъ, занесенныхъ въ списки, продолжается безпрерывно, и при этомъ соблюдается такой порядокъ, что моряки, всего менѣе служившіе на казенныхъ корабляхъ и не достигшіе еще сороколѣтняго возраста, берутся прежде другихъ. Срокъ ихъ дѣйствительной службы соотвѣтствуетъ сроку службы сухопутнаго войска. Кромѣ жалованья, часть котораго предоставляется имъ въ распоряженіе на содержаніе семействъ ихъ во время кампаній или рейсовъ, они пользуются еще призовыми деньгами за взятые непріятельскіе корабли. Жалованье ихъ не можетъ быть удержано ни по какому поводу, а въ вознагражденіе за тяжелую службу они, по истеченіи извѣстныхъ лѣтъ, получаютъ пенсіоны и пособія отъ правительства. Сверхъ того они избавлены отъ всякой другой службы, кромѣ флотской.

Нѣтъ никакой надобности, чтобы весь экипажъ военнаго корабля состоялъ изъ моряковъ. Для удовлетворительнаго исполненія всѣхъ обязанностей на кораблѣ во всякомъ случаѣ достаточно, если двѣ только трети людей настоящіе мореходы. Сообразно съ этимъ, а также имѣя въ виду потребности торговаго судоходства, «инскрипція» постоянно заботится только о томъ, чтобы всегда имѣть въ готовности помянутыя двѣ трети. Наборы производятся сообразно съ существующимъ въ данное время штатомъ флота. Съ распространеніемъ французской морской торговли, которая во время наполеоновскихъ войнъ доведена была до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ, число занесенныхъ въ списки, особенно въ послѣднія десять лѣтъ, значительно увеличилось. Въ 1825 году по спискамъ числилось 94,611, въ 1845 году 125,272, а въ 1855 году 162,000 человѣкъ, обязанныхъ поступить въ морскую службу, хотя по штату французскаго флота въ мирное время требуется только 50,000 человѣкъ. Судя по этому, Франція не только въ состояніи снабдить свой флотъ комплектными экипажами, но, въ случаѣ большой войны, когда морская торговля по необходимости должна прекратиться, можетъ еще сверхъ того располагать резервомъ въ 42,000 человѣкъ. Во времена Наполеона I вся «инскрипція» едва достигала этой цыфры.

Не смотря на всѣ выгоды, представляемыя этимъ учрежденіемъ для укомплектованія флотскихъ экипажей, оно, при прежней организаціи своей, не приносило особенной пользы, и Франція должна была сдѣлать въ немъ нѣкоторыя измѣненія, чтобы поставить свое морское

войско на такую ногу, на какой оно находилось у другихъ народовъ, и особенно у Англичанъ. Цѣль эта достигнута въ 1822 году основаніемъ такъ-называемыхъ «линейныхъ экипажей» (équipages de ligne). Правительство наконецъ убѣдилось, что недостаточно имѣть корабли и набить ихъ народомъ, хотя бы даже и изъ моряковъ, набранныхъ по спискамъ «инскрипціи», но что люди эти только тогда могутъ быть истинно полезны, когда они свыкнуться съ жизнью на военныхъ корабляхъ и узнаютъ ее во всѣхъ подробностяхъ.

«Если требуется только обзавестись кораблями для флота, говоритъ адмиралъ принцъ Жуанвильскій въ своемъ «Опытѣ о французскомъ флотѣ» (Essai sur la marine française), то вопросъ этотъ получаетъ чисто финансовый характеръ и рѣшается деньгами, которыя государство всегда можетъ добыть; но на однѣ деньги не добудешь ни матросовъ, ни хорошо обученныхъ экипажей, ни опытныхъ офицеровъ, а что̀ толку въ корабляхъ безъ этой оживляющей ихъ души? Создать надежное морское войско, образовать и поддержать его,—вотъ въ чемъ должна заключаться первая забота морской державы и важнѣйшая часть ея задачи. На все прочее найдутся средства; сто́итъ только захотѣть». За неисполненіе этого основнаго правила, которое еще Кольберъ имѣлъ въ виду при введеніи «инскрипціи», Франція дорого поплатилась во время революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ. Вотъ почему приступлено было къ образованію линейныхъ экипажей изъ занесенныхъ въ списки моряковъ и изъ охотниковъ, и такимъ образомъ положено основаніе постоянному, правильно организованному разсаднику, изъ котораго пополняются экипажи военныхъ судовъ. Для поступленія въ линейные экипажи выбираются самые сильные и самые ловкіе моряки, которые получаютъ весьма тщательное воспитаніе, сообразное съ ихъ назначеніемъ.

«Корпусъ линейныхъ экипажей» раздѣленъ на пять дивизій, и каждая приписана къ одному изъ пяти французскихъ военныхъ портовъ, Бресту, Шербуру, Тулону, Лоріану и Рошфору. Дивизія состоитъ изъ постоянныхъ запасныхъ ротъ, въ которыхъ считается по 103 человѣка матросовъ и юнговъ въ каждой. Общая численность всего корпуса составляла въ 1845 году 36,000 человѣкъ, а теперь возрасла уже до 60,000. Въ видѣ отдѣленія «линейныхъ экипажей» существуетъ особый «корпусъ морской артиллеріи», который отправляетъ службу при портахъ и арсеналахъ и занимается изготовленіемъ орудій и артиллерійскихъ снарядовъ. Въ 1845 году морская артиллерія состояла изъ 30 ротъ боевыхъ и 8 ротъ рабочихъ на верфяхъ, всего, считая съ 222 офицерами, 4,529 человѣкъ. Но и этотъ корпусъ въ послѣднее время значительно усиленъ, такъ что теперь въ немъ числится уже 6,000 человѣкъ. Ка-

ниры (matelots-cannoniers), которыхъ на дѣйствительной службѣ состоитъ 3,500 человѣкъ, распредѣлены по всѣмъ пяти дивизіямъ линейныхъ экипажей.

Независимо отъ этого во Франціи есть еще infantérie de la marine, морская пѣхота, которая, однакожь, находится на корабляхъ не постоянно, какъ въ Англіи, а только въ особенныхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, напримѣръ, въ экспедиціяхъ, гдѣ предполагаются высадки. Обязанность же англійскихъ морскихъ солдатъ во Франціи исполняютъ матросы. Морская пѣхота составляетъ гарнизоны въ военныхъ портахъ и въ колоніяхъ, управленіе которыми возложено во Франціи на морское министерство. Наличное число ея простирается до 20,000 человѣкъ, и организація почти одинакова съ устройствомъ сухопутной пѣхоты. Кромѣ того въ Лоріанѣ есть еще арестантская рота и, въ качествѣ портовой полиціи, морская жандармская команда изъ 400 человѣкъ. Она набирается изъ надежныхъ унтеръ-офицеровъ морскихъ войскъ и раздѣляется на пять ротъ. Потомъ есть еще gardes-chiourmes, стража при галерныхъ каторжныхъ, состоящая изъ 1,600 человѣкъ и расположенная въ трехъ портахъ, Брестѣ, Рошфорѣ и Тулонѣ; пять ротъ береговыхъ матросовъ, которые занимаются приготовленіемъ корабельнаго такелажа въ военныхъ гаваняхъ; пожарная команда, раздѣленная также на пять ротъ, и наконецъ «корпусъ морскихъ инженеровъ», снабжающій флотъ инженерами и состоящій изъ 500 человѣкъ, пополняемыхъ воспитанниками Политехнической школы.

Всѣ эти корпуса вмѣстѣ составляютъ 92,000 человѣкъ готоваго войска, которымъ Франція во всякое время можетъ снабдить свой флотъ, независимо отъ резерва, находящагося всегда въ готовности по спискамъ морской инскрипціи.

Обращаясь къ личному составу англійскаго флота, мы должны будемъ принять за норму штатъ мирнаго времени, который безъ труда пополняется вербовкою и можетъ считаться соотвѣтствующимъ французскимъ линейнымъ экипажамъ. По этому мирному штату, согласно бюджету 1847 года, единственному, какой извѣстенъ намъ въ подробности, значится, кромѣ 12,000 морскихъ солдатъ, число которыхъ всегда можетъ быть пополнено и увеличено, 34,000 матросовъ и корабельныхъ юнговъ; къ нимъ присоединяется теперь еще береговая стража, возросшая въ теченіе пяти лѣтъ до 6,000 человѣкъ, такъ что число людей, постоянно находящихся въ распоряженіи правительства для составленія флотскихъ экипажей, простирается приблизительно до 40,000 человѣкъ; а если мы причислимъ сюда же матросовъ, состоящихъ при верфяхъ, портовую полицію и проч., — всего около

10,000 человѣкъ, то получимъ въ итогѣ постоянный maximum до 50,000 человѣкъ,—число, которое можетъ быть принято за достовѣрное. По этому личный составъ флота, которымъ можетъ располагать Англія, уступаетъ французскому, и мы не ошибемся, если отношеніе перваго къ послѣднему опредѣлимъ какъ 2 къ 3.

Но для флота недостаточно однихъ матросовъ: необходимо имѣть хорошихъ, опытныхъ офицеровъ. Въ этомъ отношеніи надобно сознаться, что Франція приняла превосходныя мѣры для пополненія своего корпуса офицеровъ и для усиленія его въ случаѣ нужды, и что мѣры эти до сихъ поръ не существуютъ еще нигдѣ, кромѣ Пруссіи. Ни одинъ капитанъ купеческаго корабля не получаетъ во Франціи разрѣшенія управлять кораблемъ, не прослуживъ предварительно двухъ лѣтъ на какомъ-нибудь военномъ суднѣ и не выдержавъ экзамена, дающаго ему право принять на себя обязанность морскаго офицера. Эта мѣра обезпечиваетъ правительству, на случай нужды, нѣсколько тысячъ молодыхъ, способныхъ моряковъ, между которыми оно можетъ дѣлать выборъ, не прибѣгая къ инвалидамъ, отжившимъ свой вѣкъ, если представится надобность вооружить вдругъ число судовъ, болѣе обыкновеннаго. Командирами и офицерами военныхъ судовъ непремѣнно должны быть люди молодыхъ и среднихъ лѣтъ, потому что старымъ офицерамъ трудности морской службы уже не подъ силу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ эта мѣра значительно облегчаетъ бюджетъ и сокращаетъ огромные расходы, какихъ, при существующемъ въ Англіи порядкѣ, стоитъ ей содержаніе готоваго корпуса офицеровъ. Въ мирное время едва ли половина англійскихъ кораблей состоитъ на дѣйствительной службѣ; и однакожь, на случай войны, правительство всегда должно имѣть въ готовности корпусъ офицеровъ для другой половины и постоянно платить ему жалованье, за неимѣніемъ иныхъ средствъ къ скорому и удовлетворительному его пополненію. Вотъ почему въ бюджетѣ англійскаго флота ассигнуется сумма на половинный окладъ морскимъ офицерамъ, которая огромностью своею должна поразить всякаго, не знакомаго съ тамошнимъ порядкомъ. Но этого мало: не только всѣ тѣ офицеры, которые имѣются въ виду для дѣйствительной службы въ военное время, но и всѣ неспособные къ службѣ получаютъ свой половинный окладъ и преспокойно подвигаются въ производствѣ. По бюджету 1847 года, который мы приняли здѣсь въ основаніе, какъ бюджетъ мирнаго времени, выведено на половинное жалованье офицерамъ 726,000 ф. ст., то-есть около $4^1/_2$ милліоновъ рубл. сер., и кромѣ того на пенсіи 492,000 ф. ст. или около 3 милліоновъ рубл. сер. Обѣ суммы вмѣстѣ поглощаютъ пятую часть всего бюджета, между тѣмъ какъ во Франціи половинныя жалованья составляютъ только 2

милліона, а пенсіи 6 милліоновъ франковъ, стало-быть только четвертую часть суммы, употребляемой въ Англіи, и четырнадцатую часть бюджета французскаго флота. Дурное распоряженіе, вслѣдствіе котораго и неспособные офицеры, состоящіе на половинномъ жалованьи, могутъ повышаться въ чинахъ, имѣетъ еще то неудобство, что они не выходятъ въ отставку даже и на пенсію. Чрезъ это, производство прочихъ офицеровъ замедляется до такой степени, что въ 1847 году не было ни одного англійскаго адмирала моложе 70, ни одного вице-адмирала моложе 65 и ни одного контръ-адмирала моложе 60 лѣтъ. Такіе престарѣлые командиры рѣдко оказываются годными даже и въ сухопутной войнѣ, а еще менѣе могутъ принести пользы въ морской, требующей несравненно бо́льшаго напряженія. Молодые офицеры необходимы для флота, и адмиралы свыше 60 лѣтъ рѣдко могутъ быть хорошими боевыми командирами.

Что̀ касается до снабженія обоихъ флотовъ людьми, то невыгода, какъ видно изъ приведенныхъ нами данныхъ, рѣшительно на сторонѣ Англіи. Англійскіе журналы не безъ основанія указываютъ на неравенство въ этомъ отношеніи и стараются обратить вниманіе народа на существующій во Франціи, гораздо болѣе разумный порядокъ. Но кромѣ этого тутъ играетъ весьма важную роль еще одно обстоятельство, которое мы также должны подвергнуть разсмотрѣнію. Это относительная сила флота, которая, независимо отъ абсолютной, то-есть отъ числа кораблей, орудій и людей, выражается въ спеціальномъ знаніи дѣла и въ умственномъ превосходствѣ отдѣльныхъ лицъ, въ лучшей дисциплинѣ и выдержкѣ, въ личной храбрости и стойкости, и имѣетъ весьма существенное вліяніе на успѣхъ битвы. Эта относительная сила получаетъ особенную важность въ морской войнѣ, гдѣ мы видимъ безчисленное множество примѣровъ, что малыя суда съ успѣхомъ сражаются противъ большихъ, и гдѣ, вслѣдствіе исключительныхъ условій битвы, физическая сила каждаго отдѣльнаго бойца имѣетъ гораздо меньше значенія, чѣмъ на сушѣ.

Обратимъ прежде всего вниманіе на спеціальное знаніе дѣла. Въ этомъ отношеніи на англійскаго матроса обыкновенно смотрятъ какъ на типъ моряка, а о французскомъ имѣютъ большею частью весьма невыгодное мнѣніе, и нигдѣ это мнѣніе не было такъ распространено какъ между самими же Англичанами, которые все еще припоминали набранные, гдѣ попало, экипажи французскихъ кораблей во время революціи и при Наполеонѣ, до тѣхъ поръ, пока Восточная война не разочаровала ихъ, показавъ, что нынѣшніе французскіе экипажи не имѣютъ ничего общаго съ экипажами 1806 года, и что если они не лучше англійскихъ, то, по крайней мѣрѣ, нисколько имъ не усту-

паютъ. Принцъ Жуанвильскій первый обратилъ вниманіе на этотъ недостатокъ и устранилъ его учрежденіемъ постоянныхъ большихъ учебныхъ эскадръ, на которыхъ какъ офицеры, такъ и нижніе чины, пріобрѣтаютъ необходимую хорошему моряку опытность. Англичане, по причинѣ обширныхъ колоній своихъ, съ давнихъ поръ принуждены были и въ мирное время содержать на службѣ большія эскадры, а потому, въ случаѣ войны, имѣли въ экипажахъ этихъ эскадръ, находящихся постоянно въ морѣ, привычное къ военному дѣлу войско, которое всегда должно было имѣть преимущество надъ другими націями и въ особенности надъ новобранными экипажами французскаго флота. Но съ 1840 года это неудобство устранено во Франціи содержаніемъ постоянной учебной эскадры, которая, подъ отличнымъ руководствомъ адмираловъ Лаланда, Жуанвиля, Дюка, Гамелена и Брюа, сдѣлалась разсадникомъ нынѣшнихъ отличныхъ французскихъ моряковъ и съ 1853 года не разъ подавала поводъ къ огорченію и униженію Англичанамъ, такъ гордившимся своимъ прежнимъ превосходствомъ.

Кто имѣлъ случай видѣть соединенные флоты западныхъ державъ въ Черномъ и Балтійскомъ моряхъ и сравнить ихъ между собою, тотъ скоро долженъ былъ убѣдиться, что все, относящееся до маневровъ, эволюцій и ученья, производилось у Французовъ, въ общей сложности, лучше, скорѣе и съ большею точностью, нѣмъ у Англичанъ, и что значительная часть ореолы, окружавшей англійскій флотъ въ продолженіе столькихъ вѣковъ, теперь уже исчезла.

Относительно теоретическаго образованія и учебнаго развитія, Французы, говоря вообще, также стоятъ выше своихъ сосѣдей. У Англичанъ на первомъ планѣ — практическое образованіе, а въ отношеніи къ теоретическому требованія ихъ до того снисходительны, что иной англійскій морской офицеръ не умѣетъ даже вычислить площадь прямоугольнаго треугольника; напротивъ того, французскій морской офицеръ обыкновенно соединяетъ въ себѣ практическія знанія съ научнымъ образованіемъ. Англичане въ воспитаніи своихъ морскихъ офицеровъ придерживаются правила, что чѣмъ раньше они поступаютъ на корабль, тѣмъ лучше; поэтому мальчиковъ, посвящающихъ себя морской службѣ, обыкновенно уже по двѣнадцатому году отсылаютъ на корабли для узнанія службы на практикѣ. Этимъ, большею частью, почти и оканчивается ихъ теоретическое и высшее образованіе, потому что познанія, сообщаемыя имъ въ послѣдствіи для выдержанія лейтенантскаго экзамена весьма незначительны, притомъ же они пріобрѣтаются механическимъ образомъ, скоро забываются и, слѣдовательно, нисколько не способствуютъ умственному развитію. Нельзя, конечно, ска-

зать, чтобы въ англійскомъ флотѣ не было весьма многихъ дѣльныхъ офицеровъ, которые отличаются какъ спеціальнымъ знаніемъ своей части, такъ и высокимъ общимъ образованіемъ; но эти люди обязаны своими преимуществами, знаніями и образованностью не общественнымъ учрежденіямъ, а собственному труду или случайности лучшаго воспитанія, полученнаго ими въ семействахъ. Но кто достигаетъ офицерскаго чина обычнымъ путемъ, тотъ пріобрѣтаетъ весьма ограниченныя познанія по своей части; случается даже, что онъ остается совершеннымъ невѣждою въ морскомъ дѣлѣ, какъ въ практическомъ, такъ и въ теоретическомъ отношеніи, и получаетъ мѣсто морскаго офицера, не будучи въ состояніи провести корабля по морю. Такая несообразность возможна только, благодаря совершенно особенному устройству этой части въ Англіи. Надобно знать, что въ англійскомъ купеческомъ флотѣ уже съ давнихъ поръ существуетъ классъ должностныхъ лицъ, называемыхъ штурманами или, собственно, мастерами (masters), которыя составляютъ нѣчто среднее между офицеромъ и унтеръ-офицеромъ и не имѣютъ права на дальнѣйшее производство въ чины. Обязанность ихъ заключается въ томъ, чтобы водить корабль по морю, дѣлать астрономическія вычисленія и вообще знать мореходство, теоретически или практически — все равно. Человѣку, занимающему столь невидное мѣсто и поставленному внѣ всякаго контроля со стороны офицеровъ, въ случаѣ ихъ собственнаго незнанія, ввѣряется и корабль, и жизнь нѣсколькихъ сотъ людей. Только въ новѣйшее время, кажется, начали въ Англіи понимать, что морской офицеръ не можетъ обойдтись безъ теоретическаго приготовленія къ исполненію своей обязанности. Вслѣдствіе этого недавно заведена школа мореплаванія, въ которой предполагается давать морскимъ кадетамъ нѣсколько высшее образованіе. Достигнется ли эта цѣль, при отсутствіи въ англійскихъ морякахъ наклонности ко всякому теоретическому знанію, пусть покажетъ время.

Французовъ, напротивъ того, скорѣе можно было бы упрекнуть въ излишествѣ теоретическаго направленія, если бы они не доказывали на дѣлѣ, что они вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошіе практики. Во Франціи молодые люди, назначаемые къ занятію офицерскихъ должностей, получаютъ въ мореходныхъ школахъ (Ecoles navales) и на корабляхъ отличную подготовку и не прежде допускаются къ офицерскому экзамену, какъ по достиженіи общаго образованія, соотвѣтствующаго высшему гимназическому курсу. Навигація составляетъ у нихъ главный предметъ спеціальнаго изученія, и отъ каждаго офицера требуется, чтобы онъ былъ въ состояніи доказать на основаніи науки правильность своихъ мореходныхъ вычисленій, — чѣмъ не всегда могутъ по-

хвалиться Англичане. Подъ наблюденіемъ старшаго лейтенанта и командира, лейтенанты на французскихъ корабляхъ исправляютъ должность англійскихъ «мастеровъ», хотя и у Французовъ есть соотвѣтствующая должность такъ-называемыхъ chefs de timonerie, или главныхъ штурмановъ. Но здѣсь эти штурмана подчинены офицерамъ, и управленіе кораблемъ ни въ какомъ случаѣ не ввѣряется имъ однимъ.

При такихъ условіяхъ необходимо должна быть большая разница между общественнымъ положеніемъ англійскихъ и французскихъ офицеровъ, и ужь конечно въ пользу послѣднихъ; равнымъ образомъ и на службѣ высшая степень образованности, выражающаяся въ обращеніи и въ тонѣ, ставитъ ихъ въ гораздо выгоднѣйшее положеніе относительно подчиненныхъ. Французскій морской офицеръ и на сухомъ пути всегда пользуется уваженіемъ матроса, между тѣмъ какъ англійскій, оставляя корабль, долженъ снимать мундиръ, чтобы не подвергнуться оскорбленіямъ отъ своихъ подчиненныхъ. Такая же разница замѣчается и между нижними чинами обоихъ флотовъ. Всякому военному начальнику извѣстно по опыту, что съ образованными солдатами, если только они знаютъ свое дѣло, можно гораздо больше предпринять и выполнить, чѣмъ съ необразованными. Если это справедливо въ отношеніи къ сухопутному войску, то еще справедливѣе относительно матросовъ, отъ которыхъ требуется несравненно болѣе собственной смѣтки и самодѣятельности, чѣмъ отъ солдатъ на сушѣ.

Сравненіе дисциплины на обоихъ флотахъ приводитъ къ подобнымъ же заключеніямъ. Понятно, что въ войскѣ, составленномъ изъ набираемыхъ очередныхъ туземцевъ, которые уже съ дѣтства знаютъ, что они обязаны служить своей родинѣ и дорожатъ честью носить мундиръ, долженъ господствовать совсѣмъ иной духъ и гораздо лучшая дисциплина, нежели въ толпѣ всякаго сброда, рискующаго жизнью изъ-за небольшаго жалованья и надежды на призовыя деньги. Въ такомъ положеніи находится съ одной стороны французскій, съ другой — англійскій флотъ. Событія въ Керчи и въ Азовскомъ морѣ довольно ясно обнаружили эту разницу въ дисциплинѣ, и одного поверхностнаго наблюденія въ любомъ изъ англійскихъ и французскихъ военныхъ портовъ достаточно, чтобъ убѣдить всякаго въ справедливости сдѣланныхъ нами замѣчаній. Въ Англіи, напримѣръ, почти ежедневно случается, что въ то самое время, какъ кораблю выходитъ въ море, матросы, унтеръ-офицеры и даже офицеры напиваются до того, что ихъ надобно собирать черезъ полицію; во Франціи такіе безпорядки невозможны. Разница между обѣими націями въ этомъ отношеніи такъ общеизвѣстна, что нѣтъ никакой надобности говорить объ ней подробнѣе. Между тѣмъ дисциплина составляетъ одно изъ главныхъ ус-

ловій успѣха въ сраженіи, и Французы, отличаясь ею передъ своими сосѣдями, имѣютъ на своей сторонѣ весьма важный перевѣсъ.

Что̀ касается до отважности на морѣ и воинской храбрости обѣихъ націй, то надо сознаться, что онѣ обѣ отличаются геройскою доблестью, которая, однакожь, выражается различно. Жаръ Француза, жаждущаго славы и подвиговъ, легко остываетъ; стремительность перваго натиска скоро утомляетъ его, если она не увѣнчивается успѣхомъ. Напротивъ того, Англичанинъ обнаруживаетъ почти невѣроятную стойкость и непоколебимость въ опасности, что̀ нерѣдко доставляло ему побѣду и славу. Это свойство, дающее ему огромный перевѣсъ въ рукопашномъ бою, не имѣетъ, впрочемъ, особеннаго значенія и рѣшительнаго вліянія въ морскомъ сраженіи, судьба котораго почти всегда рѣшается дѣйствіемъ артиллеріи.

Обращаясь къ военнымъ портамъ, которые, хотя и косвенно, но также опредѣляютъ силу флота, мы только приведемъ замѣчанія одного англійскаго авторитета, и полагаемъ, что намъ нѣтъ надобности прибавлять къ этому что-нибудь съ своей стороны. «Что̀ касается до гавани и арсенала въ Шербурѣ, говоритъ этотъ авторитетъ въ United service gazette, то всѣ въ одинъ голосъ подтверждаютъ, что всякій входящій въ эту гавань корабль подвергается огню изо ста орудій самаго тяжелаго колибра, и что никакой непріятель не въ состояніи нанести вреда ни арсеналу, ни гавани. Къ сожалѣнію нельзя сказать того же самаго ни о Портсмутѣ, ни о Плимутѣ, ни о Ширнесѣ. Какъ оконченныя, такъ и неоконченныя еще укрѣпленія шербурскаго арсенала могутъ быть названы совершенными во всѣхъ отношеніяхъ, и сравненіе ихъ съ арсеналами девенпортскимъ и портсмутскимъ представляетъ такой рѣзкій контрастъ, за который по неволѣ долженъ краснѣть всякій честный Англичанинъ.»

Если изъ всѣхъ сдѣланныхъ нами сравненій мы захотимъ вывесть общій результатъ, то должны будемъ сказать, что въ настоящее время, при почти одинаковомъ матеріалѣ, французскій флотъ стоитъ выше англійскаго относительно наличнаго числа людей и ихъ обученія. Франція, по крайней мѣрѣ судя по настоящему положенію дѣлъ, смѣло можетъ поставить свой флотъ на ряду съ англійскимъ. Это вновь установившееся отношеніе морскихъ державъ уже начинаетъ обнаруживаться во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о рѣшеніи всемірныхъ вопросовъ. Британская политика отличается съ нѣкотораго времени неслыханною доселѣ уступчивостью и внимательностью въ отношеніи къ Франціи. Что̀ же касается до вторженія въ Англію, о которомъ было такъ много толковъ въ послѣднее время, то нѣтъ сомнѣнія, что Наполеонъ III могъ бы предпринять высадку на Британскія острова

съ гораздо большею надеждою на успѣхъ, нежели великій его предшественникъ. Англія, производя всемірную торговлю и владѣя обширными колоніями, принуждена разсылать свои корабли во всѣ части свѣта, между тѣмъ какъ Франція имѣетъ возможность сосредоточить свои морскія силы въ одномъ пунктѣ и, сверхъ того, располагаетъ превосходно организованными транспортными средствами, съ помощью которыхъ, пользуясь благопріятною минутой, можетъ въ нѣсколько часовъ переправить часть своего многочисленнаго сухопутнаго войска изъ Бреста, Дюнкирхена или Шербура на слабо защищенные берега своего противника. Къ чему можетъ повести и чѣмъ можетъ кончиться такая затѣя, объ этомъ безполезно гадать заранѣе. Гораздо важнѣе замѣтить, что не смотря на быстрое развитіе, поставившее теперь французскій флотъ на ряду съ англійскимъ, обѣ державы, какъ мы уже неоднократно намекали въ нашей статьѣ, имѣютъ совершенно различное призваніе на морѣ: Франція — условное, ограниченное, Англія—безусловное. Франція, въ сущности, великая материковая держава, которая должна имѣть въ своемъ распоряженіи соотвѣтствующій флотъ; но посвяти она всѣ свои силы одному развитію на морѣ, это было бы противно естественнымъ условіямъ и характеру страны и народа. У Франціи нѣтъ ни неистощимаго запаса приморскаго народонаселенія, ни хозяйственныхъ потребностей и средствъ, ни, наконецъ, капиталовъ, которые давали бы ей право играть первую роль на моряхъ земнаго шара; Англія, напротивъ того, имѣетъ исключительное призваніе къ морской жизни и соединяетъ въ себѣ всѣ условія, чтобъ быть теперь и остаться еще на долго первою морской державой въ мірѣ. Ея географическое положеніе, ея привычное къ морю народонаселеніе, обширность и особенный характеръ ея промышленности и торговли, ея несмѣтные капиталы, распространеніе ея національности посредствомъ громадной колонизаціи, все это даетъ Англіи право на первое мѣсто между морскими державами, которое она и занимала до сихъ поръ съ безпримѣрнымъ успѣхомъ. Но если британская нація хочетъ удержать за собою это мѣсто и на будущее время, она должна обратить вниманіе на дальнѣйшее развитіе своей морской силы и на введеніе въ ней лучшей дисциплины; она должна не отставать отъ другихъ великихъ державъ, которыя на нашихъ глазахъ сдѣлали такіе огромные успѣхи въ военномъ дѣлѣ. Исторія представляетъ намъ множество примѣровъ, что промышленныя государства не могутъ спокойно наслаждаться своимъ благосостояніемъ, если политика ихъ не поддерживается соотвѣтственною военною силой.

Что же, скажутъ намъ, за связь между вашею статьей и избран-

нымъ вами эпиграфомъ? Статья можетъ служить отвѣтомъ на вопросъ, предложенный со стороны г-на Брайта парламенту. Никто не сомнѣвается, что сокращеніе издержекъ на военныя силы было бы весьма желательною новизной; но прежде нежели серьёзно говорить объ этомъ, слѣдуетъ путемъ постепенныхъ уступокъ и соглашеній довести по крайней мѣрѣ главныя державы міра до того, чтобъ онѣ привыкли обходиться безъ большихъ вооруженій и оканчивать свои споры чѣмъ-нибудь въ родѣ третейскаго суда или общаго конгресса, о чемъ со временъ Генриха IV помышляли уже не одинъ разъ. Не смотря на кажущуюся несбыточность этого плана до сего времени, умъ невольно возвращается къ нему съ новою надеждой.

(Съ нѣмецкаго).

ЗАМѢТКА ОБЪ А. С. ХВОСТОВѢ,

и разказы его о Суворовѣ.

—

Въ 15 № *Атенея* (часть II, стран. 437), при разборѣ «Воспоминаній Н. В. Сушкова», замѣчено рецензентомъ, что Александръ Семеновичъ Хвостовъ не могъ быть воспитанникомъ Московскаго университетскаго пансіона. Въ подтвержденіе этого получили мы отъ одного изъ близкихъ родственниковъ А. С. Хвостова слѣдующее любопытное извѣстіе:

«Александръ Семеновичъ мнѣ дядя. Я жилъ у него въ домѣ и знаю навѣрно, что онъ воспитывался въ Петербургѣ, сколько могу припомнить—въ первомъ кадетскомъ корпусѣ. Знаю, что вмѣстѣ съ Храповицкимъ онъ состоялъ секретаремъ у князя Вяземскаго, когда тотъ былъ генералъ-прокуроромъ. Потомъ, въ чинѣ полковника, командуя Троицкимъ полкомъ, онъ находился при штурмѣ Измаила, изъ первыхъ взошелъ на стѣну, былъ раненъ и получилъ Георгія. Тутъ сблизился онъ съ Михаиломъ Иларіоновичемъ Кутузовымъ, и когда Кутузовъ былъ отправленъ посломъ въ Константинополь, Александръ Семеновичъ состоялъ при немъ и, за отсутствіемъ Кутузова, долго заступалъ его мѣсто.

«Часто покойный разказывалъ первую встрѣчу свою съ Суворовымъ. Вотъ его слова: «Мнѣ дали Троицкій полкъ; онъ былъ тогда подъ Измаиломъ. Пріѣхавъ туда, я тотъ же часъ явился къ Суворову. Когда обо мнѣ доложили и ввели меня къ нему, онъ умывался. Адъютантъ его сказалъ: «Полковникъ Троицкаго полка Хвостовъ.» — А, знаю: острый человѣкъ, умный человѣкъ, — пишетъ стихи, — и вышелъ изъ комнаты. Пріемъ тѣмъ и кончился. Я былъ совершенно недоволенъ. Досада кипѣла во мнѣ: умный, острый, стихи пишу — и только! Чрезъ нѣсколько дней назначенъ былъ штурмъ Измаила. Я имѣлъ счастіе взойдти на стѣну изъ первыхъ, получилъ рану и крестъ. Выздоровѣвъ, я отправился благодарить Суворова. Когда я къ нему шелъ, онъ сходилъ съ лѣстницы, но лишь увидѣвъ меня, ки-

нулся меня обнимать, примолвивъ только: — «И храбрый полковникъ!» Не знаю, говорилъ Александръ Семеновичъ, что̀ меня больше обрадовало — крестъ или слова Суворова: «И храбрый полковникъ!»

«Вотъ еще разказъ Александра Семеновича о Суворовѣ, только не помню, подъ Измаиломъ это было, или подъ Очаковомъ. Армія наша долго осаждала крѣпость безъ успѣха. Суворовъ только-что прибылъ туда утромъ, а на вечерней зарѣ въ тотъ самый день уже читали приказъ его: «Въ крѣпости семь воротъ. Первыми командуетъ такой-то паша, «у него столько-то войска; вторыми такой-то, войска и пушекъ «столько-то» и такъ далѣе. Затѣмъ исчислялись всѣ другія подробности о самыхъ укрѣпленіяхъ такъ точно, какъ будто бы Суворовъ только вчера ихъ оставилъ. Мы слушали приказъ, и невольно улыбались. Кончилось чтеніе, стали всѣ расходиться. Одинъ Фанагорѣецъ говоритъ другаго полка солдату: «Что̀, братъ, ваши-то стояли здѣсь долго, да ничего не узнали; а нашъ-то со́колъ — прилетѣлъ утромъ, а къ вечеру знаетъ всю подноготную!» Такъ зналъ Суворовъ натуру русскаго человѣка, такъ мастерски умѣлъ пользоваться для своихъ цѣлей даже ея слабостями.»

Ал. Х.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. Н. МАЙКОВА. . . . М. Н. ЛОНГИНОВА.
МОЦАРТЪ. *(Продолж.)* . . . . . А. И. КРОНЕБЕРГА.
ПЕРЕПИСКА. *(Продолж.)* . . . . . Н. М. КАРАМЗИНА.
МОРСКІЯ СИЛЫ АНГЛІИ И ФРАНЦІИ. *(Оконч.)* (Съ нѣмецк.)
ЗАМѢТКА ОБЪ А. С. ХВОСТОВѢ. . . . . Ал. Х.

Являясь еженедѣльно книжками, отъ *трехъ* до *пяти* листовъ въ каждой, АТЕНЕЙ будетъ сообщать:

1. Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной литературы;
2. Хронику важнѣйшихъ новостей въ общественной и государственной жизни современныхъ народовъ,
и 3. Статьи историческаго содержанія, записки (mémoires), путешествія, разказы, литературныя замѣтки, ученыя и художественныя извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ конторѣ *Атеней*, при книжномъ магазинѣ Н. Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина, и у книгопродавцевъ: Ѳ. О. Свѣшникова, въ домѣ университетской типографіи, и И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

У книгопродавца С. А. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгартъ.

ВЪ ПАРИЖѢ

Въ конторѣ Русскаго Агентства газеты Le Nord, boulevard de la Madelaine, 5.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ контору *Атенея*, въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 52-хъ книжекъ, *десять* рублей, съ пересылкою *одиннадцать рубл. съ полтиною.*

Печатать дозволяется. Мая 17-го, 1858 года.
Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 23.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРНСТА БАРФКНЕХТА И К°

1858.

«НЕ МѢСТО КРАСИТЪ ЧЕЛОВѢКА, ЧЕЛОВѢКЪ — МѢСТО».

Комедія Н. М. Львова.

—

Обрадованный неимовѣрнымъ успѣхомъ «Свѣта не безъ добрыхъ людей», авторъ даритъ публику новою комедіей. Жаль только, что это второе произведеніе много уступаетъ первому; жаль, что авторъ, вмѣсто того чтобъ развивать свой драматическій талантъ, дѣлаетъ шагъ *назадъ* — и притомъ шагъ значительный. Въ новой піэсѣ онъ даже не заботится объ естественномъ развитіи характеровъ (о *типическомъ* же *воспроизведеніи* дѣйствительныхъ личностей онъ мало заботился и прежде, ибо герой первой его комедіи, Волковъ, — лицо, чуждое дѣйствительности); теперь онъ даже снимаетъ съ себя элементарную обязанность художника — показать намъ характеръ дѣйствующихъ лицъ въ *самомъ дѣйствіи*, — а избираетъ оригинальный способъ: приклеиваетъ къ каждому лицу ярлыкъ съ надписью: «добрый, честный, прямой человѣкъ, но вспыльчивъ до крайности», — «горячая голова и открытая душа», — «добрая баба, но безъ толку», и т. д. Эта манера обрисовывать драматическіе характеры, не смотря на всю свою оригинальность, весьма полезна г. Львову, потому что, какъ видно, весьма облегчила для него самый трудъ созданія комедіи; жаль только, что выведенныя имъ лица нисколько не соотвѣтствуютъ своимъ ярлыкамъ: ибо подъ надписью «честнаго и прямаго человѣка» у него скрывается человѣкъ не честный и не прямой, — подъ «горячей головой и открытой душой» — человѣкъ по крайней мѣрѣ очень странный, чтобъ не сказать подленькой, — подъ доброй «бабой» — грубое, безобразное и развратное созданіе, и т. д.

Завязка и развязка піэсы крайне немногосложны. Въ какой-то деревнѣ живетъ отставной генералъ Славомірскій, съ девят-

надцатилѣтнею дочерью, Наденькой, которая, по приклеенному къ ней ярлыку, значится «живою и порядочно избалованною дѣвушкою, имѣющей много общаго съ отцомъ» — съ тѣмъ самымъ «добрымъ, честнымъ, прямымъ человѣкомъ», о которомъ мы сейчасъ упомянули. Эту-то дѣвушку г-жа Кустодіевская (по *ярлыку:* «вдова статскаго совѣтника, родная сестра Славомірскаго, 40 лѣтъ, помѣщица другаго уѣзда, старая кокетка изъ породы губернскихъ аристократокъ, живущая постоянно въ губернскомъ городѣ и говорящая томно») старается всѣми силами выдать замужъ за Голумбицкаго (по *ярлыку:* «помѣщика и коллежскаго совѣтника, 40 лѣтъ, франта съ массивной цѣпью по жилету, съ брильянтовыми пуговицами на рубашкѣ, перстнями на пальцахъ и золотой табакеркой, — франта, который, говоря, затрудняется въ выборѣ словъ, и потому часто повторяетъ одно и то же, пожимаетъ плечами, разводитъ руками и прикашливаетъ»). Но тутъ совершается неожиданное событіе: съ террасы, какъ бомба, влетаетъ Душкина (по *ярлыку*: «помѣщица девяти душъ, вдова штабсъ-капитана, 50 лѣтъ, добрая баба, но безъ толку») и производитъ слѣдующую замѣчательную сцену, которую мы нарочно выписываемъ вполнѣ, чтобъ показать читателямъ, какъ превосходно владѣетъ г. Львовъ языкомъ нашихъ мелкопомѣстныхъ помѣщицъ (говорящихъ, какъ видно, гораздо хуже той солдатки Пошлепкиной, которую посѣкъ городничій у Гоголя).

Душкина *(на колѣняхъ)*. Отецъ!... Отецъ!

Славомірскій. Чтó ты? Чтò ты?

Душкина. Ваше происходительство! заступись, заступись, Лесанъ Силаводычъ! Дѣтей четверо! сама пятая, малъ-мала-ме-еньше... *(Плачетъ навзрыдъ)*.

Славомірскій. Да чтó ты, сумасшедшая? Встань, скажи толкомъ.

Душкина *(встаетъ)*. О-охъ! Ваше происходительство! къ тебѣ, какъ къ отцу моимъ сиротамъ... *(плачетъ)*.

Кустодіевская *(очнувшись)*. Ахъ, какъ она меня испугала! Я думала Богъ знаетъ чтò! *(Опять закрываетъ глаза.)*

Душкина. Ну, простите!... Отцы вы мои, благодѣтели!... Простите вы меня, глупую! Чтò дѣлать-то, вѣдь не знаю... окаянная я! бестія я!... у... у... *(Колотитъ себя по головѣ.)*

Славомірскій. Да чтò такое? Скажешь ли ты? Садись — говори!

Душкина *(садится на кончикъ стула)*. Охъ! занимала я, окаянная, по простотѣ моей глупости, у мошенника Чеснокова семьсотъ ассигнацій.

Славомірскій. Когда занимала?

Душкина *(отираетъ кончикомъ шейнаго платка слезы и сморкается)*. Охъ, ваше происходительство, десятый годокъ пошелъ! А онъ, шельма, возми да преставь въ губерско правленіе... А у меня тамъ племянникъ служилъ, сестринъ сынъ, зналъ это дѣло-то, возьми да зашли въ другу губернію, дай Богъ здоровья, быдто ошибкой, сказывалъ послѣ, оно годика два и прошлялось...

Славомірскій. Ну?

Душкина. Ну, а тутъ сюда переправили. Матвѣекъ, подлецъ, одинъ что̀ перебралъ! Пріѣдетъ, бывало, съ бумагой-то: «давай, говоритъ, три цѣлковыхъ, опять будешь права». Возьметъ, донесетъ *въ неизвѣстной отлучкѣ*... То-то, вотъ они, окаянные, гдѣ бы наставить глупую бабу, а онъ вона какую науку!... *(Озлобляется.)* У-у, псы проклятые!... Ему, что не сосать — то съ меня; съ Чеснока-то съ анаѳемы немного возьметъ: каково есть зерно и того съ роду не давывалъ. Я, дура, думала и вѣкъ изживу этакъ-то, а онъ...

Славомірскій. Да говори скорѣе, пожалуйста, теперь-то что̀ случилось?

Душкина *(оторопѣвъ)*. Да то-то и есть, ваше происходительство... онъ-то, старый-то, стало быть, новаго дали, такъ мнѣ написалъ: «Подавай, говоритъ, деньги, не то все имущество твое опишу!» *(Принимается плакать.)* Отецъ вы мой, благодѣтель, что̀ я стану дѣлать-то? *(Вдругъ перестаетъ плакать и говоритъ совершенно равнодушно)*. Ну, ужь, ваше происходительство, былъ Матвѣевъ подлецъ, а ужь нѣтъ, далеко супротивъ этого.

Славомірскій *(подсмѣиваясь)*. А что?...

Душкина. У-у!... бестія! молодой, да изъ раннихъ.

Славомірскій. Да что же?

Душкина *(резонабельно)*. Перво дѣло пріѣхалъ — сталъ на фатерѣ въ экономическихъ. Матюшка, бывало, катитъ прямо ко мнѣ, а онъ, вишь ты, и знаться не хочетъ! Опять же я вижу, бѣда неминучая, знаю тоже порядки: возьми да и сунь ему въ руку-то. Такъ онъ, словно ожегся, швырнулъ: вишь ему синенькой мало!... задарилъ, шельма Чеснокъ, ужь не иначе.

Славомірскій. Да на что тебѣ деньги-то были, скажи-ка ты мнѣ?

Душкина *(принимается плакать)*. О-охъ, ваше происходительство!... ужь я лгать не хочу: какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами. Похоронимши этто я Ивана-то Тихоныча — царство ему не-

бесное, его грѣшной душенькѣ упокой — похоронимши только я его; а былъ въ земскомъ судѣ шельма Васютинъ, возьми да подсыпься ко мнѣ! Охъ, по грѣхамъ моимъ, видно, и тягость! Онъ-таки, признаться, и при покойнику хаживалъ — сами изволите знать, какой тотъ былъ мужъ: ночь всеё пьянъ, день-деньской опохмѣляется; а тутъ возьми да подсыпься. Говоритъ, пучеглазый пострѣлъ, займемъ денегъ, надыть свадьбу справлять. Онъ мнѣ и анаѳему-то, Чеснока-то сосваталъ — да чтожь шельмы надѣлали? Возьми да напиши тысячу-четыреста, это вдвое то-есть, безъ того и Чеснокъ не давалъ. А я, отъ большаго ума, и отдай деньги-то всѣ Васютину въ руки; а онъ — песъ же его пучеглазаго зналъ — въ Москву съ ними и прысни. *(Заливается.)* Столько же я его, шельму, и видѣла-а...

Эта сцена, какъ deus ex machina, даетъ новое направленіе всему дѣйствію. Душкина появляется, какъ видно, для того, чтобъ вызвать изъ-за кулисъ новое лицо — героя новой комедіи г. Львова — новаго «благороднаго чиновника» — четвертаго брата блаженной памяти Надимова — господина становаго пристава Фролова (по *ярлыку*: «горячую голову и открытую душу»). Дѣйствительно, его превосходительство, господинъ Славомірскій, снизойдя на *столь законную* просьбу madame Душкиной, приказываетъ просить къ себѣ сего двадцати-трехлѣтняго юношу, окончившаго курсъ въ университетѣ, служившаго въ канцеляріи губернатора и *ради общей пользы* принявшаго на себя званіе становаго пристава. Фроловъ является — и вотъ передъ вами возмутительная сцена.

Фроловъ *(ловко подходитъ къ Славомірскому)*. Приставъ мѣстнаго стана, Фроловъ. Вамъ, генералъ, было угодно меня видѣть.

Славомірскій *(стоитъ, подпершись руками въ бока [1])*. Фю-ты, фю-ты, какой ловкій?... Раненько молодой человѣкъ принимаешься за взяточки!...

Фроловъ *(въ сторону)*. Что это значитъ? *(Ему.)* Я, кажется, не имѣлъ еще времени подать поводъ.

Славомірскій. Да что тутъ не имѣлъ времени — будешь имѣть! А въ становые пошелъ, небойсь, изъ любви къ отечеству? Вѣдь вы нынче такъ всѣ разсказываете...

Фроловъ. Генералъ! *(Опомнившись.)* Вы меня спрашивали. Я здѣсь. Что вамъ угодно?

Славомірскій *(садясь на диванъ)*. Видишь горячій какой! Да, бра-

[1]) Замѣтьте, что онъ видитъ Фролова первый разъ въ жизни.

тецъ, спрашивалъ, спрашивалъ. Скажи-ка ты мнѣ, что̀ это ты тамъ собрался дѣлать со старухой-то нашей? съ Душкиной — а? Прибѣжала ко мнѣ какъ сумасшедшая давича.

Фроловъ. Дѣло самое обыкновенное: она занимала деньги, 400 р. сер., восемь лѣтъ не платила, а теперь съ процентами и рекамбіями накопилось почти вдвое... *(Подвигаетъ кресло и садится.)* Ее обманули, но...

Славомірскій *(выпучиваетъ на него глаза)*. Что-о?

Фроловъ. А что, генералъ?

Славомірскій. Что-о? Ты смѣлъ сѣсть передъ генераломъ?

Фроловъ. Генералъ, я не вижу...

Славомірскій *(вскакиваетъ и кричитъ)*. Молчать!

Фроловъ *(встаетъ.)*. Помилуйте, генералъ! Что̀ съ вами?

Славомірскій. Молчать! говорятъ тебѣ. Когда старшій говоритъ, твое дѣло слушать.

Фроловъ *(въ сторону)*. Боже мой! что съ нимъ?

Славомірскій *(приступаетъ къ нему)*. Куда ты пришелъ — а? Къ кому ты пришелъ — а? къ генералу? Ты кто? Мальчишка! становой приставъ! Твое мѣсто вонъ гдѣ: у косяка! а ты засѣлъ въ кресло! рядышкомъ сѣлъ? Генералъ его не приглашаетъ, такъ онъ самъ — изволите видѣть! *(Бѣгаетъ взадъ и впередъ по комнатѣ.)*

Вместѣ.

Фроловъ. Помилуйте, генералъ!... Вы полагаете, что я становой приставъ, такъ долженъ торчать у вашей двери... съ чего же это вы изволили взять, ваше превосходительство? Если другіе унижали подобнымъ образомъ свое званіе, такъ это еще не значитъ, чтобъ и всякій... Я никому не позволю... я не лакей вашъ... я становой приставъ...

Славомірскій *(выходя изъ себя)*. Прошу покорно... онъ еще разсуждаетъ! Молчать! или я... я... напишу къ предводителю... къ губернатору... чортъ знаетъ кого присылаютъ!... Либо мошенники, либо грубіяны, невѣжи!... Какова дерзость — а? Какова дерзость!... *(Останавливается.)* Да чтожь ты, забылъ что ли, съ кѣмъ говоришь?

Сочини подобную сцену Французъ — у него не достало бы духу продолжать далѣе; онъ увидѣлъ бы, что дошелъ до крайнихъ предѣловъ, что вести дѣйствіе больше — невозможно. Тѣмъ бы и окончилась quasi-комедія... Кто, въ самомъ дѣлѣ, изъ людей развитыхъ (а вѣдь таковымъ выставляютъ намъ господина Фролова) въ состояніи перенести подобное оскорбленіе? Чья «горячая голова» и «открытая душа» можетъ примириться

съ такимъ глубокимъ униженіемъ?... Но дѣйствіе идетъ дальше — и вы ждете кровавой развязки: въ перспективѣ вамъ видится дуэль — смертельная дуэль. Не безпокойтесь! Чувство человѣческаго достоинства еще такъ мало развито въ насъ, что подобныя сцены у насъ могутъ проходить незамѣченными, могутъ считаться плёвымъ дѣломъ. Г. Львовъ, вѣроятно, это хорошо понялъ, а потому преспокойно доводитъ свою піесу до предположеннаго конца. Его Фроловъ, этотъ «благородный чиновникъ», представитель нашего *развитаго* молодаго поколѣнія, не только не вступается за свою оскорбленную честь, не только не убѣгаетъ съ проклятіями отъ этого мужика-генерала, но еще преспокойно разказываетъ ему слѣдующій пассажъ изъ своей чиновнической жизни:

«Не назову вамъ гдѣ, недѣлю назадъ, я былъ у помѣщика, у одного, впрочемъ, *изъ первыхъ въ уѣздѣ и по состоянію и по положенію въ обществѣ*. Замѣтьте, что я къ нему поѣхалъ *не по дѣлу*, а просто потому, что *меня всѣ увѣрили, что всякій вновь-назначенный становой приставъ и даже исправникъ долженъ сдѣлать визитъ этому барину*. Для чего ужь это — не понимаю (скажите пожалуйста, какой наивный юноша!), но говорятъ принято такъ. Я къ нему пріѣхалъ часа въ два и не зналъ, что у него въ этотъ день обѣдаютъ нѣсколько человѣкъ. Онъ меня принялъ въ саду. Былъ по возможности любезенъ, проговорилъ со мной съ полчаса и, я полагаю, успѣлъ замѣтить, что я получилъ нѣкоторое образованіе, по крайней мѣрѣ на столько, чтобъ не напиться съ его старостой, какъ вы, генералъ, разсказывали о моемъ предмѣстникѣ, и не плясать передъ окнами (однакожь не на столько, чтобъ не пойдти безъ всякаго дѣла на поклонъ!). Но представьте же себѣ мое положеніе: когда начали пріѣзжать гости, онъ ушелъ въ домъ, оставилъ меня въ саду вдвоемъ съ своимъ прикащикомъ, съ которымъ онъ толковалъ, когда я пришелъ къ нему, и прикащикъ этотъ предложилъ мнѣ, впрочемъ, отъ имени господина, отобѣдать у него въ конторѣ, потому, дескать, что у барина гости».

По дѣломъ! такъ и должно наказывать людей, заискивающихъ расположенія у сильныхъ міра сего только потому, что ужь такъ оно принято. Послѣ этого Славомірскій (этотъ *честный* и *прямой* человѣкъ, по мнѣнію автора) начинаетъ уговаривать Фролова *затянуть* дѣло Душкиной. Фроловъ, какъ благородный чиновникъ ex officio, на это не соглашается. Къ

просьбѣ отца присоединяется просьба дочери (съ которою Фроловъ видался прежде въ домѣ Кустодіевской и въ которую влюбленъ); но герой нашъ неприступенъ какъ скала; онъ разсыпается трескучими фразами о долгѣ — и уходитъ. Реторика Фролова, однакожь, сильно подѣйствовала на Наденьку. Она бѣжитъ къ отцу и требуетъ, чтобъ тотъ выдалъ ее за становаго пристава. Славомірскій, послѣ нѣсколькихъ возраженій и размышленій, соглашается, — и зоветъ къ себѣ Фролова. «Благородный чиновникъ», не смотря на только что полученную пощечину, немедленно является. Завязывается чрезвычайно комическій споръ. Славомірскій предлагаетъ ему руку дочери — счастье, на которое Фроловъ, по собственнымъ словамъ, никогда не надѣялся, — и требуетъ только, чтобъ тотъ перемѣнилъ службу; но герой служебнаго долга (оригинально имъ понимаемаго) говоритъ, что не можетъ оставить своего мѣста, потому что, если *онъ* не будетъ становымъ, такъ кто же будетъ? Споръ оканчивается вторичнымъ оскорбленіемъ нашего героя: Славомірскій выгоняетъ его вонъ.

Славомірскій *(указывая на дверь.)* Ступайте, ступайте, ступайте!

Фроловъ *(вздыхая)*. Богъ вамъ судья, генералъ. *(Почтительно кланяется и уходитъ въ дверь на право.)*

Тутъ бы, кажется, и оборваться опять комедіи, — но нѣтъ еще, позвольте! Фроловъ, за кулисами, уплачиваетъ долгъ Душкиной изъ скуднаго наслѣдства, оставленнаго ему пропившимся отцомъ. Покойникъ, какъ видно, собственно для этой сцены и не пропилъ послѣдней тысячи своего состоянія. Благодаря этому, Фроловъ является полнымъ идеаломъ чиновнической добродѣтели, — становится *человѣкомъ, красящимъ свое мѣсто.* Этотъ подвигъ до такой степени располагаетъ Славомірскаго въ его пользу, что онъ рѣшается отдать Наденьку *даже и за становаго пристава*, говоря, что «не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ — мѣсто». Вотъ вамъ и конецъ комедіи! Не правда ли: «все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно!»

Къ чему выведены на сцену Шалаевъ (по *ярлыку*: «племянникъ Славомірскаго отъ другой сестры, 30 лѣтъ; помѣщикъ. Одинъ изъ такъ-называемыхъ коптителей неба. Носитъ усы

черезъ губу»), Оношка (по *ярлыку:* «спутникъ Шалаева, изъ дворовыхъ, 14 лѣтъ. Въ казакинѣ съ патрончиками. Въ одной рукѣ у него постоянно чубукъ съ трубкой, въ другой табачный кисетъ, въ карманѣ коробочка спичекъ») — тайна автора, въ которую не проникнуть рецензенту.

Піэса г. Львова, по недостатку художественно-созданныхъ и развитыхъ характеровъ, не принадлежитъ поэзіи; это, скорѣй, прозаическій трактатъ въ разговорной формѣ о чиновнической добродѣтели. А потому будемъ смотрѣть на нее съ соціальной точки зрѣнія, — разберемъ, какія идеи она вноситъ въ наше общественное сознаніе. Драматическое произведеніе — въ особенности имѣющее успѣхъ на сценѣ — всегда есть отголосокъ убѣжденій извѣстнаго круга. Доберемся же до этихъ убѣжденій и посмотримъ, на сколько они согласны съ тѣмъ, за что̀ выдаетъ ихъ авторъ. Ярлыки, которые ему угодно было прекленть къ своимъ дѣйствующимъ лицамъ, весьма помогутъ намъ въ этомъ разборѣ: въ нихъ сказалось мнѣніе самого г-на Львова о персонажахъ своей піэсы. Провѣримъ это мнѣніе. Начнемъ съ героя комедіи. Какъ называютъ людей, хладнокровно переносящихъ всевозможныя оскорбленія? Какъ называютъ людей, прокладывающихъ себѣ служебную дорогу ползаніемъ у подножія живыхъ кумировъ? Фроловъ, получивъ мѣсто становаго пристава, ѣдетъ на поклонъ къ губернскому тузу, а потомъ, почти молча, переноситъ ужасную брань Славомірскаго. Какъ прикажете назвать его?... А г. Львовъ называетъ его «горячей головой» и «открытой душой», возводитъ въ идеалъ и ставитъ въ образецъ всему чиновному міру! Правда, Фроловъ красно говоритъ о службѣ и крѣпко держится за мѣсто становаго пристава; но вѣдь первое — фразы, а второе — глупость, — ибо никто не похвалитъ человѣка, добровольно обрекающаго себя на ненужныя лишенія, и напрасно г. Львовъ думаетъ заманить кого-нибудь на добрый подвигъ примѣромъ такой келейной добродѣтели. Стремиться къ лучшему — въ природѣ человѣка, а полезнымъ можно быть всюду: были бы знанія да добрая воля. Притомъ посмотрите, какое у этого Фролова странное — мы чуть-было не сказали дикое — желаніе: Я, говоритъ, женюсь на вашей дочери, не смотря на то, что она *бѣдна*, но за то и самъ останусь нищимъ и готовъ развести нищенскую

семью, но никому въ мірѣ не уступлю мѣста становаго пристава, хотя бы мнѣ давали должность съ гораздо бо̀льшимъ окладомъ? Что это такое? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, нельзя быть такъ же честнымъ, благороднымъ и полезнымъ на мѣстѣ столоначальника, секретаря, на всякомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ становаго приставства? И неужели въ этомъ исключительномъ призваніи — быть непремѣнно становымъ — можетъ лежать весь смыслъ чиновничьяго долга?...

Перейдемъ ко второму лицу — къ Славомірскому. Съ нимъ читатели хорошо знакомы по его поступкамъ съ Фроловымъ; но вотъ мѣсто въ комедіи, гдѣ онъ самъ себя рисуетъ.

Кустодіевская *(томно)*. Чло это, mon frère, у васъ вездѣ взятки... О чемъ бы ни начали... непремѣнно сведете...

Славомірскій *(перебиваетъ)*. Оттого матушка, что онѣ у меня вотъ гдѣ сидятъ... *(показываетъ на затылокъ)*. Ужь я на нихъ насмотрѣлся. Не все на конѣ ѣздилъ: вышелъ въ отставку изъ военной — помѣшали раны служить — думаю, я человѣкъ еще свѣжій, силы есть, грѣшно не служить вовсе. Дай послужу по гражданской... Чтожь бы ты думала? Жизнь проклялъ, прости Богъ согрѣшеніе! то-есть ни на кого нельзя положиться. У насъ, у военныхъ, сказано — свято. А тутъ самъ приказать ничего не смѣешь; все это, куда ни обернись, совѣтоваться надобно. Тотъ говоритъ то̀, другой другое и каждый будто бы и дѣло, каждый статью тебѣ суетъ. А у нихъ что? Кто съ кого взялъ, на того сторону и тянетъ. Либо жены пересоорились, такъ они, на зло одинъ другому, противорѣчатъ. Да одного грѣха что̀ примешь на душу: на инаго, напримѣръ, кричитъ цѣлый городъ: взяточникъ!... разбойникъ!... Ему, говорятъ, не служить, а сидѣть съ кистенемъ на большой дорогѣ... *Ну, вѣдь я человѣкъ же... не всевѣдущій же я?... Думаю: коли разбойникъ, валяй его съ Богомъ!... А поглядишь послѣ — одинъ онъ и былъ честный:* за-то и всѣ на него, что мѣшалъ, и т. д.

Какъ называютъ людей, которые берутся не за свое дѣло и, по глупости, губятъ другихъ? Какъ называютъ людей, способныхъ изъ высокомѣрія надѣлать всякому дерзостей? Ихъ называютъ *вредными и дерзкими глупцами*. Славомірскій перешелъ въ гражданскую службу, ничего въ ней не смысля, по глупости своей погубилъ многихъ честныхъ чиновниковъ, и, наконецъ, дѣлаетъ страшныя дерзости Фролову на томъ только основаніи, что называется генераломъ. Какъ прикажете на-

звать его?.. А по мнѣнію г. Львова — онъ добрый, честный, прямой человѣкъ, но только — видите! — вспыльчивъ до крайности. Вѣдь не дурно!

Какъ называютъ женщинъ, которыя развратничаютъ отъ мужа и занимаютъ для любовниковъ деньги, которыхъ никогда не въ состояніи уплатить?... Такъ поступаетъ мадамъ Душкина, а ее г. Львовъ называетъ «доброй бабой!»

O tempora, o mores!!

Наконецъ г. Львовъ, устами своего идеальнаго чиновника, высказываетъ слѣдующее правило: «*Я человѣкъ бѣдный... дворянинъ, стало долженъ служить.*» Почему же *долженъ?* На какомъ основаніи для бѣднаго дворянина служба — единственное поле дѣятельности? Отчего не можетъ онъ заняться чѣмъ-нибудь другимъ? напримѣръ наукой, искусствами, торговлей, сельскимъ хозяйствомъ, сдѣлаться прикащикомъ, конторщикомъ, управителемъ чужаго имѣнія? Что позорнаго для дворянина въ этихъ должностяхъ? — Кажется, пора оставить эти затхлыя преданія, — пора сознать, что въ этомъ пошломъ предразсудкѣ главный источникъ безпорядковъ даже нашей администраціи. Еслибъ наши дворяне не имѣли постоянно въ виду службы, еслибъ они готовили себя ко всемозможнымъ родамъ дѣятельности, — у насъ, безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, число чиновниковъ уменьшилось бы, по крайней мѣрѣ, втрое, а черезъ это еще болѣе уменьшилось бы число взяточниковъ, потому что тогда правительство имѣло бы возможность давать остальнымъ чиновникамъ гораздо большее содержаніе.

А. Пальховскій.

МАГАЗИНЪ ЗЕМЛЕВѢДѢНІЯ И ПУТЕШЕСТВІЙ.

Географическій Сборникъ Н. Фролова. *Томъ V, съ картой и четырьмя рисунками. Москва 1858 г.*

Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ у насъ изданій, которыя сдѣлали бы честь всякой литературѣ.

Вышедшій теперь въ свѣтъ пятый томъ — (второй, изданный по смерти Фролова Н. Х. Кетчеромъ), нисколько не уступаетъ по содержанію своимъ предшественникамъ. Онъ начинается извлеченіемъ изъ труда Араго: *О лучезарномъ истеченіи тепла изъ земной поверхности и изъ находящихся на ней тѣлъ;* извлеченіе это, съ собственными дополненіями, составилъ извѣстный нашъ ученый, Д. М. Перевощиковъ. Послѣ общаго вступленія о лучистой теплотѣ и ея теоріи, авторъ разсматриваетъ образованіе росы, объясняя этою теоріей всѣ его подробности. За тѣмъ слѣдуетъ нѣсколько указаній на историческій ходъ объясненій этого явленія. Защита растеній отъ замерзанія, искусственное образованіе льда, развитое до степени отрасли промышленности въ Бенгалѣ, образованіе тумановъ, многія особенности при замерзаніи рѣкъ,—все это также объясняется законами лучистой теплоты. Упомянемъ здѣсь объ одномъ явленіи, до сихъ поръ ускользавшемъ отъ вниманія большей части наблюдателей, а между тѣмъ по своей аномаліи заслуживающемъ тщательныхъ изслѣдованій. Во всякой стоячей водѣ замерзаніе начинается съ поверхности, но въ рѣкахъ ледъ сверхъ того образуется и на днѣ, — повидимому совершенно въ противность законамъ физики, потому что, при

температурѣ ниже 4°, вода расширяется, становится легче и должна уже всплывать на поверхность для дальнѣйшаго охлажденія и окончательнаго превращенія въ ледъ. Но есть ли у насъ наблюденія, подтверждающія это съ перваго взгляда странное явленіе? «Такія наблюденія существуютъ, отвѣчаетъ авторъ, хотя не находимъ ихъ въ физическихъ учебникахъ, потому что этого рода книги переписываются однѣ съ другихъ, и чего нѣтъ въ одной изъ нихъ, того же не найдете и въ другой: противное случается очень рѣдко.»

Авторъ приводитъ за тѣмъ нѣсколько подобныхъ наблюденій изъ Академическихъ сборниковъ. Замѣчаніе его объ учебникахъ совершенно справедливо и напомнило намъ другое явленіе, которое также *нигдѣ* не было объяснено, о которомъ *нигдѣ* не было упомянуто; воспользуемся случаемъ, чтобы обратить на него вниманіе наблюдателей. Когда видна на небѣ двойная радуга, и въ особенности, если обѣ дуги очень ярки, то поясъ, заключающійся между обѣими дугами гораздо свѣтлѣе остальнаго пространства неба, между тѣмъ какъ центральное пространство, внутри нижней дуги, гораздо темнѣе всего остальнаго неба. Разность освѣщенія при этомъ такъ значительна, что тотчасъ бросается въ глаза. Кромѣ того, крайніе цвѣта спектра въ радугѣ повторяются, такъ что послѣ синяго и фіолетоваго слѣдуетъ снова синій и фіолетовый. Ни въ какомъ учебникѣ не говорится объ этомъ, а между тѣмъ оно фактъ, потому что, не полагаясь на собственное зрѣніе, мы обращали вниманіе нѣсколькихъ лицъ на это явленіе, и всѣ постоянно видѣли одно и то же.

Въ заключеніе статьи о «лучезарной теплотѣ» разсматриваются довольно подробно теоріи града и градоотводовъ. Позволимъ себѣ сдѣлать ученому переводчику одно только замѣчаніе: зачѣмъ лучистую теплоту называетъ онъ лучезарною, когда объ *озареніи* здѣсь собственно не можетъ быть рѣчи? И не точнѣе ли было бы въ самомъ заглавіи статьи употребить слова: «Объ излученіи тепла», вмѣсто: «О лучезарномъ истеченіи тепла?»

Вторая статья взята самимъ покойнымъ Фроловымъ изъ лекцій знаменитаго французскаго геолога Эли-де-Бомона и называется *Постоянство и измѣняемость земной поверхности*.

Цѣль статьи — показать, на основаніи уцѣлѣвшихъ древнихъ памятниковъ (друидическихъ камней, земляныхъ насыпей, кургановъ и пр.), что собственно такъ-называемая растительная земля въ продолженіе тысячелѣтій остается на одномъ и томъ же уровнѣ, не понижаясь и не возвышаясь. Еще очевиднѣе эта неизмѣнность обнаруживается подъ растительнымъ покровомъ.

Третья статья, *Географическое распространеніе финиковой пальмы* (Phoenix dactylifera), взята изъ Риттера. Это капитальная статья всего тома, но мы не будемъ на ней останавливаться, потому что вся сущность подобныхъ изслѣдованій заключается въ подробностяхъ. Имя Риттера ручается за мастерскую и неутомимую разработку источниковъ.

Статья *О растеніяхъ и животныхъ тропической Америки*, изъ путешествія Марціуса въ Бразилію, имѣетъ цѣлью познакомить читателя съ тѣми растительными формами, которыя, составляя отличительныя черты физіономіи того края, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей тропической Америки, заслуживаютъ, предпочтительно предъ всѣми прочими, подробнѣйшаго, осязательнаго для фантазіи описанія, и изобразить въ общихъ чертахъ американское животное царство. Описаніе дѣйствительно очень живо и рельефно.

Переходимъ къ статьѣ г-на Березина о городѣ Кербелà или, какъ онъ пишетъ, Кербеля. Это хранилище шіитской святыни, лежащее въ предѣлахъ Азіатской Турціи, въ Багдадскомъ пашалыкѣ, населено персидскими шіитами; оно съ давняго времени посѣщается толпами богомольцевъ изъ Персіи, и притязанія Персіанъ на владѣніе этимъ городомъ привело, если не ошибаемся, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, къ непріязненному столкновенію между ними и Турками, разрѣшившемуся окончательнымъ присоединеніемъ Кербелы къ Оттоманской имперіи. Г. Березинъ пріѣхалъ въ Багдадъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ взятія Кербелы Турками и, познакомившись съ завоевателемъ ея, Неджибъ Пашой, предпринялъ поѣздку въ этотъ священный городъ, лежащій за Тигромъ и Евфратомъ, на окраинѣ огромной Аравійской пустыни. Подробное описаніе такой замѣчательной мѣстности, сдѣланное очевидцемъ, по самому свойству предмета пред-

ставляетъ много любопытнаго; а если очевидецъ притомъ ученый оріенталистъ, то оно получаетъ и интересъ несомнѣннаго авторитета.

Совершенно инаго рода занимательность представляетъ слѣдующая статья: переводъ *Размышленій о русской торговлѣ въ 1653 г. І. де-Родеса.* Сочиненіе Родеса и «Краткія свѣдѣнія о русской торговлѣ» Кильбургера безспорно два замѣчательнѣйшіе памятника относительно торговли нашей въ XVII столѣтіи и могутъ стать на ряду съ лучшими извѣстіями иностранцевъ о Россіи. «Размышленія» де-Родеса были въ первый разъ напечатаны Эверсомъ въ Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte. Dorpat. 1816. Судя по тону и различнымъ пріемамъ сочиненія де-Родеса, переводчикъ г. Бабстъ, предполагаетъ, что авторъ былъ облеченъ нѣкоторымъ оффиціальнымъ характеромъ со стороны шведскаго короля. Что касается до самой формы сочиненія, то оно отрывочно, и походитъ скорѣе на донесеніе, на отчетъ. Относясь къ той эпохѣ, когда главныя торговыя націи Европы стремились наперерывъ одна передъ другой утвердиться на сѣверѣ и захватить въ свои руки монополію сѣверо-восточной торговли и первенство на Балтійскомъ морѣ, оно бросаетъ свѣтъ не только на одну русскую, но и вообще на всю европейскую торговлю того времени. Любопытна таблица вывоза товаровъ изъ Архангельска, извлеченная, какъ говоритъ де-Родесъ, изъ мѣстныхъ таможенныхъ книгъ. Изъ этой таблицы видно, что Россія отпускала въ то время за границу

хлѣба на	264,400 руб.
мѣховъ на	98,059 —
кожъ (преимущественно юфти) на	370,866 —
москательныхъ товаровъ на . . .	14,800 —
разныхъ товаровъ, въ числѣ которыхъ главную роль играетъ сало, на. .	270,781 —
Всего на . .	1,018,906 —

Въ заключеніе своего изслѣдованія де-Родесъ доказываетъ, что должно стараться проложить торговый путь чрезъ Балтійское море, вмѣсто Бѣлаго. Къ сожалѣнію утрачена таблица, въ которой онъ сравниваетъ расходы по тому и другому пути. По-

дробно разсматриваетъ онъ всѣ стѣснительныя для торговли обстоятельства, заключавшіяся какъ въ природныхъ препятствіяхъ, такъ равно въ обычаяхъ и правительственныхъ постановленіяхъ того времени, и предлагаетъ иногда средства къ ихъ отстраненію.

Четыре большія статьи взяты въ пятый томъ «Магазина» изъ «Петермановыхъ географическихъ извѣстій» (Petermann's Mittheilungen): Путешествія Ливингстона по южной Африкѣ; Колонія Наталь и южно-африканскія республики; Французская экспедиція въ центральныя части южной Америки подъ начальствомъ Кастельно, и Послѣднія полярныя экспедиціи.

Англійскій миссіонеръ Ливингстонъ провелъ 16 лѣтъ (1841—1856) во внутренности Африки, безпрерывно боролся съ знойнымъ климатомъ и съ дикостью туземцевъ, но за то вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы, и два раза пересѣкъ весь материкъ южной Африки отъ одного берега до другаго, отъ Индѣйскаго Океана до Атлантическаго и обратно. Описаніе его пяти путешествій представляетъ рядъ занимательнѣйшихъ подробностей. Онъ перебывалъ въ такихъ мѣстахъ, куда до сихъ поръ не ступала еще нога образованнаго человѣка. Разумѣется, это обстоятельство придаетъ всякой строкѣ, выходящей изъ подъ пера Ливингстона, особенный интересъ, хотя автору статьи, помѣщенной въ «Магазинѣ», справедливо кажется, что важность путешествій и открытій его уже слишкомъ преувеличиваютъ. Только въ концѣ прошлаго года вышло въ свѣтъ полное его сочиненіе: роскошное и дорогое изданіе, съ политипажами, картами и проч. Странно видѣть въ сочиненіи человѣка, умѣющаго будто бы производить астрономическія наблюденія, ошибки на 3 градуса въ опредѣленіи мѣстъ, совершенное извращеніе рѣчной сѣти и т. п. Но все-таки провести шестнадцать лѣтъ въ неизвѣстной глубинѣ Африки—подвигъ необыкновенный, и результаты этого пребыванія не могли не быть очень значительны. Важнѣйшіе изъ нихъ: открытіе верхняго теченія Замбези и огромнаго водопада Викторіи на этой рѣкѣ, изслѣдованіе разныхъ странъ, лежавшихъ на пути странствующаго миссіонера, и разказы по слухамъ о тѣхъ, которыя остались за чертою его путешествія.—Ливингстонъ еще мальчикомъ работалъ на бумаго-прядильной фабрикѣ въ Блентирѣ, потомъ

занимался теологіей и медициной. Въ 1840 г. былъ онъ посланъ лондонскимъ миссіонерскимъ обществомъ въ Африку, въ качествѣ миссіонера къ Бечуанамъ; въ 1843 основалъ, вмѣстѣ съ Роджеромъ Эдвардсомъ, миссіонерскую станцію въ землѣ Бакхатла; въ 1845 перешелъ въ Чануане, резиденцію главы Баквайновъ. Недостатокъ воды заставилъ это племя перебраться въ 1847 г. къ рѣкѣ Колобенгу, куда отправился и Ливингстонъ. Въ 1849 г. рѣшился онъ «открыть на сѣверѣ новое поприще для своей дѣятельности: проѣхать пустыню Калахари, которая доселѣ почиталась непроходимою, отыскать за нею большое озеро, о которомъ ему разказывали, и основать въ этихъ, еще совершенно неизвѣстныхъ странахъ, новую миссіонерскую станцію.» Ливингстонъ предпринималъ для этого четыре экспедиціи (1852—1854) и наконецъ, преодолѣвши страшныя трудности, перенесши сильныя и опасныя болѣзни, больной и изнеможенный, прибылъ онъ въ португальскія владѣнія, въ Лоанду. Надѣясь найдти болѣе удобный путь для торговыхъ сношеній между западнымъ и восточнымъ берегомъ Африки, не смотря на болѣзнь и разлуку съ семействомъ, онъ рѣшился снова идти на востокъ и совершилъ этотъ переходъ въ 1854—1856 г. Потомъ, черезъ Египетъ, Тунисъ и Марсель возвратился въ Англію. Эти пять путешествій составляютъ предметъ статьи, по живому интересу не уступающей другимъ статьямъ «Магазина».

Географіи южной Африки посвящена и слѣдующая статья о колоніи Наталь и южно-африканскихъ республикахъ, до сихъ поръ еще такъ мало извѣстныхъ въ Европѣ.

Въ статьѣ о французской экспедиціи въ центральныя части южной Америки извлечены чисто географическіе результаты изъ отчета Кастельно и особо изданнаго имъ атласа; причемъ главное вниманіе обращено на тѣ изъ странъ, которыя до сихъ поръ, сравнительно, наименѣе извѣстны, — а именно на внутреннія, юго-западныя провинціи Бразиліи: Гойясъ и Матто Гроссо, а равно и на восточныя части ея, въ которыхъ находится интересный водораздѣлъ между рѣкою Амазонокъ и Ріо-де-ла Плата.

A quelque chose malheur est bon, говорятъ Французы. Гибель Франклина не остановила предпріимчивыхъ моряковъ; напротивъ, она была причиною цѣлаго ряда новыхъ полярныхъ экспедицій, предпринятыхъ съ цѣлью узнать объ участи погиб-

маго мореплавателя. Франклина не нашли, но наука обогатилась множествомъ новыхъ фактовъ. Въ пятомъ томѣ «Магазина» заключается описаніе второй экспедиціи, предпринятой по начинанію сѣвероамериканскаго гражданина Гриннеля. Герой этой экспедиціи, докторъ Кенъ — въ «Магазинѣ» онъ названъ Кене — умеръ недавно въ Гаваннѣ, на 35 году отъ роду, жертвою болѣзней, нажитыхъ въ полярныхъ странахъ. Планъ путешествія, начатаго имъ въ 1853 г., опирался на слѣдующія положенія:

1) Основаніемъ всѣхъ операцій долженъ служить матерой берегъ, для избѣжанія разнообразныхъ случайныхъ препятствій плаванія среди льдовъ.

2) Чисто сѣверное направленіе ведетъ прямо къ открытому морю.

3) Вѣеровидная форма сѣверной Гренландіи останавливаетъ экваторіальное направленіе несущихся оттуда льдовъ и такимъ образомъ устраняетъ главное препятствіе, котораго не могъ преодолѣть Парри при своей попыткѣ пробраться къ сѣверному полюсу Шпицбергенскимъ моремъ.

4) Животное царство полярнаго пояса даетъ возможность пополнить съѣстные припасы, если они всѣ выйдутъ.

5) Можно надѣяться на помощь Эскимосовъ.

Надо быть лишеннымъ всякаго чувства, чтобъ безъ особеннаго волненія читать разказъ о страшныхъ мученіяхъ людей, добровольно отдавшихъ себя на жертву наукѣ. Не смотря на довольно удачную экспедицію для изслѣдованія береговъ Гриннелевой земли, отдѣленной отъ Гренландіи Смитовымъ зундомъ или проливомъ, Кенъ увидѣлъ на этотъ разъ совершенную невозможность достичь главной цѣли предпріятія, то-есть изслѣдовать дальнѣйшій сѣверъ. Всѣ запасы истощились, здоровыми оставалось только семь человѣкъ изъ осьмнадцати. Самъ Кенъ долго былъ въ числѣ больныхъ. Онъ однакожь отряжаетъ и послѣ этого еще двѣ экспедиціи — одну для изслѣдованія свойствъ и протяженія открытаго имъ на сѣверной оконечности Гренландіи «Гумбольдтова ледника,» другую для изслѣдованія морскаго рукава, начинающагося Смитовымъ зундомъ, на сколько можно далѣе къ сѣверу. Экспедиціи окончились, одна тѣмъ, что медвѣди растаскали заготовленные припасы, другая — тѣмъ, что у 82° сѣв. шир., немного не доходя мыса Конституціи, страш-

ныя скалы преградили путь пѣшеходамъ; но съ вершины одной изъ нихъ смѣлый боцманъ В. Мортонъ полюбовался открытымъ полярнымъ моремъ, которое простиралось въ необозримую даль къ сѣверу и на которомъ еще не бывала ни одна ладья. Теперь уже всей экспедиціи надо было рѣшительно подумать о возвратѣ; но бригъ, на которомъ она достигла полярнаго пояса, въ этомъ году не могъ освободиться изо льдовъ. Предлагали спуститься къ югу на лодкахъ, но какъ ни жалко было состояніе здоровья экипажа, какой ни чувствовался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и топливѣ, Кенъ и тутъ еще рѣшился оставаться на бригѣ, считая вѣроломствомъ и малодушіемъ покинуть его, не испытавъ напередъ всѣхъ возможныхъ средствъ къ его спасенію. Сдѣлали поискъ за съѣстными припасами, но ледъ заперъ Кена со всѣхъ сторонъ, и онъ долженъ былъ безуспѣшно возвратиться къ бригу. Все еще не рѣшаясь бросить ввѣренное ему судно, Кенъ согласился только разрѣшить желающимъ покинуть его и снабдилъ ихъ на дорогу всѣмъ, чѣмъ дозволяли жалкіе остатки припасовъ. Девять человѣкъ, — половина всего экипажа, — покинули Кена; но одинъ изъ нихъ воротился черезъ нѣсколько дней, другіе два черезъ три мѣсяца подъѣхали къ бригу на эскимосскихъ саняхъ, запряженныхъ собаками и объявили, что остальные шестеро остались въ 200 миляхъ отъ брига, въ совершенно безпомощномъ состояніи... Всю страшную арктическую зиму боролся Кенъ съ холодомъ и голодомъ, сжегъ всѣ лишніе канаты, мебель, самые борты брига, сколько было возможно, но когда подъѣхали къ судну трое эскимосскихъ саней, запряженныхъ отличными собаками, онъ не могъ удержаться отъ новой попытки и договорился съ эскимосскимъ старшиной, чтобы свезли его къ каналу Кеннеди и къ Вашингтоновой землѣ для новыхъ изысканій. Поѣхали, но показался медвѣдь, — и Эскимосы забыли все для охоты. Послѣ этого уже и самъ Кенъ рѣшился на возвращеніе. Оставивъ бригъ въ Ронселарской бухтѣ, экспедиція, пѣшкомъ и на лодкахъ, въ три мѣсяца добралась до перваго Датскаго поселенія Упернавика, въ Гренландіи.

Послѣдняя статья «Магазина», *Воспоминанія о Іоаннѣ Августѣ Вальберіѣ*, переноситъ насъ отъ холода полярныхъ льдовъ на мысъ Доброй Надежды, къ Каффрамъ и носорогамъ. Кенъ палъ жертвою болѣзней, нажитыхъ имъ среди

ужасовъ арктической зимы, —Вальбергъ былъ задавленъ разъяреннымъ слономъ знойной Африки. Сынъ оптоваго торговца, родомъ Шведъ, Вальбергъ оказалъ съ молодыхъ лѣтъ наклонность къ естественнымъ наукамъ. Окончивъ курсъ въ Упсальскомъ университетѣ, онъ сначала посвятилъ себя химіи и черезъ нѣсколько времени получилъ мѣсто преподавателя физики, химіи, естественной исторіи, агрономіи и проч. при лѣсномъ институтѣ. Жизнь Вальберга текла тихо и спокойно, среди ученыхъ экспедицій по Ботническому заливу, въ Лапландію, на островъ Готландъ,— но въ 1837 г. капскій консулъ Леттерштедтъ подалъ мысль, отправить въ южную Африку шведскаго естествоиспытателя, и Вальбергъ предложилъ себя. Въ слѣдующемъ году оставилъ онъ Швецію и избралъ Портъ-Наталь исходнымъ пунктомъ своихъ странствованій. До 1841 г. изучалъ онъ флору и фауну Портъ-Наталя и собралъ большія коллекціи, а въ этомъ году предпринялъ первое значительное путешествіе внутрь страны, въ телѣгѣ, запряженной двѣнадцатью волами. Никакія трудности не останавливали молодаго естествоиспытателя въ стремленіи наполнять свою коллекцію хорошими экземплярами африканскихъ животныхъ. Третья и значительнѣйшая экспедиція, предпринятая имъ въ 1843 г., сопровождалась самыми романическими эпизодами, занимательными въ чтеніи, но вовсе не поэтическими на самомъ дѣлѣ. Оставленный проводникомъ Базутомъ, который унесъ даже его ружье, съ одною только палкою въ рукѣ, съ распухшими ногами, Вальбергъ провелъ ночь между гіенами и шакалами, которыхъ разогналъ только ревъ льва и крикъ антилопы, доставшейся на ужинъ царю звѣрей. Безпрестанныя измѣны Базутовъ, борьба съ дикими животными, змѣями, крокодилами, наполняютъ всю эту экспедицію. Вальбергъ достигъ до 23° ю. ш. и 26° в. д. отъ Гринича. На возвратномъ пути, ко всѣмъ удовольствіямъ охоты за черными носорогами, присоединился еще несчастный случай: загорѣлась высокая и сухая трава, въ которой стояли телѣги, и вся окрестность превратилась въ огненное море: путешественники вырвались изъ него съ обгорѣлымъ платьемъ. Прибавьте къ этому грозу, градъ, въ гусиное яйцо величиной, нападенія туземцевъ, убившихъ четырехъ Базутовъ, и т. п. Не правда ли, пріятная прогулка? Повторимъ, только одна страстная любовь

къ наукѣ можетъ заставить человѣка въ такой степени жертвовать собой. За то Вальбергъ набралъ коллекцію, въ которой было 533 млекопитающихъ (между прочимъ 1 молодой слонъ, 3 старыхъ, 1 носорогъ, 2 зебра, 2 льва, 1 джираффъ и пр.), 2527 экземпляровъ птицъ, 488 земноводныхъ, множество рыбъ, скелетовъ разныхъ крупныхъ и мелкихъ животныхъ, до 5000 видовъ насѣкомыхъ.

Въ 1845 г. Вальбергъ возвратился въ Европу. Но когда дошелъ до него слухъ о путешествіи Ливингстона, онъ не вытерпѣлъ, рѣшился на новую экспедицію и истратилъ 20,000 талеровъ на приготовленіе къ ней. Въ 1853 г. онъ пустился въ путь. Главною цѣлью его было, вѣроятно, изслѣдованіе озера Нгами. Тамъ, въ окрестностяхъ этого озера, предался онъ страстно охотѣ за слонами и былъ истерзанъ и растоптанъ однимъ изъ нихъ, прежде нежели успѣлъ выстрѣлить.

Мы быстро пробѣжали все содержаніе пятаго тома «Магазина»: читатель можетъ видѣть, что оно не бѣднѣе первыхъ четырехъ, и конечно пожелаетъ вмѣстѣ съ нами какъ можно болѣе успѣха этому прекрасному, единственному у насъ сборнику.

А. Кронебергъ.

СИНЬІОРЪ ПЕТРУЧЧІО.

Разказъ туриста.

(Окончаніе.)

—

III.

Вскорѣ я уѣхалъ изъ Рима, и года черезъ два опять пріѣхалъ. Ужь этого избѣжать никакъ нельзя: кто разъ побывалъ въ Римѣ, того такъ и тянетъ снова пожить въ немъ. Я же, съ минуту до отъѣзда, сбѣгалъ напиться воды изъ фонтана ди Треви—несомнѣнное предзнаменованіе обратнаго пріѣзда въ Римъ, говорятъ здѣшніе старожилы.

И какъ сильно и сладко забилось у меня сердце, когда на пламенной завѣсѣ римскаго неба, я снова увидалъ куполъ святаго Петра!

Я пріѣхалъ вечеромъ и остановился на старой моей квартирѣ. *Падрона-ди-каза* (т. е. хозяйка) съ дочерью и цѣлая толпа знакомыхъ сосѣдокъ: соры Тутты, соры Нанны, соры Джиджи, съ крикомъ выбѣжали ко мнѣ на встрѣчу и долго сжимали меня въ своихъ горячихъ объятіяхъ.

Здѣсь такъ заведено: форестьеръ-постоялецъ дѣлается главой семейства своихъ хозяевъ и, вообще, членомъ семействъ всѣхъ падронъ-ди-каза, улицы, на которой живетъ.

— Что новенькаго? спросилъ я этихъ милыхъ дамъ, когда онѣ, снявъ съ меня запыленный пальто, подавъ мнѣ умыться и проч., облекли меня въ городской костюмъ.

На мой вопросъ, всѣ эти синьіоры, по обыкновенію, отвѣчали разомъ; поднялась такая кутерьма, что у меня закружилась голова: я отвыкъ отъ римскихъ пронзительныхъ голосовъ.

Наконецъ узналъ я, что нынче же вечеромъ, въ церкви братьевъ Іезуитовъ, будетъ великолѣпное *фунціоне* * съ музыкой, хоромъ отборныхъ пѣвчихъ, иллюминаціей, и проч.

Эти фунціоне замѣнили нынѣшнимъ Римлянамъ *хлѣбъ и зрѣлища* ихъ предковъ и стали для нихъ необходимостью, какъ бой быковъ для Испанцевъ или скачки для Англичанъ.

Чувствуя, что я слишкомъ взволнованъ пріѣздомъ въ Римъ, чтобы заснуть въ эту ночь, да и желая поскорѣй избавиться отъ милыхъ падронъ-ди-каза, которыхъ число росло безпрестанно, я вышелъ на улицу и, сопровождаемый громкими восклицаніями, раздававшимися изъ всѣхъ оконъ и балконовъ улицы: — ben tornato sor Matteo! отправился на фунціоне по знакомымъ мнѣ живописнымъ улицамъ Рима.

Площадь Джезу горѣла тысячами разноцвѣтныхъ огней, и высоко на темномъ небѣ стояло надъ ней розовое зарево. Фасадъ огромной, великолѣпной церкви украшенъ былъ живыми цвѣтами и только по линіямъ карниза и вдоль колоннъ, по итальянскому обычаю, блистая, тянулись огоньки: Итальянцы слишкомъ хорошо понимаютъ красоту архитектурныхъ линій, чтобы уродовать свои палаццы и церкви какой-нибудь блестящею китайскою или готическою декораціей. Громадный портонъ былъ отворенъ настежь, и чрезъ него открывалась глазамъ перспектива внутренности церкви, которой стѣны, своды и пилястры, съ верху до низу, были обтянуты пунцовымъ бархатомъ, и въ глубинѣ этого роскошнаго, хотя нѣсколько темнаго фона, горѣлъ тысячами свѣчами, такъ что глазамъ было больно, altar maggiore, главный алтарь.

Изъ церкви неслись на площадь торжественные звуки органа и дымъ кадильницъ, а по обоимъ бокамъ портона выстроены были амфитеатромъ лѣса для оркестра, также драпированные пунцовымъ бархатомъ. На этихъ лѣсахъ, извѣстный теноръ, Наполеоне Маріани, аккомпанируемый хоромъ, заливался соловьемъ на всю площадь.

Одно только было плохо: капельмейстеръ, который дирижировалъ оркестромъ, свернувъ тетрадь нотъ въ трубку, неистово билъ ею тактъ по своему пюпитру. Несносный обычай!

---

* Храмовой праздникъ.

На всѣхъ балконахъ и въ окнахъ домовъ стояли разряженныя и громко смѣющіяся синьіорины; во всѣхъ лавкахъ устроены мѣста для зрителей; площадь биткомъ набита шумящимъ народомъ и только изрѣдка этотъ народъ раздвинется, чтобы дать проѣхать красной, раззолоченой каретѣ, запряженной парою вороныхъ коней, съ волнующимися красными перьями на головахъ. На запяткахъ этой кареты, всѣ въ шелку и золотѣ, трясутся три громадные лакея, съ факелами въ рукахъ. Это ѣдетъ какой-нибудь кардиналъ.

Одни кардиналы имѣютъ право разъѣзжать въ это время по площади. Это не мѣшаетъ однакожь лихому *веттурину*, тотчасъ въ слѣдъ за красной каретой, проѣхать урывкой по площади въ своей старомодной коляскѣ, запряженной мохнатыми лошадьми, въ звенящей тысячами бубеньчиковъ сбруѣ.

На площади были также красиво убранныя лавочки, освѣщенныя разноцвѣтными фонарями: въ нихъ продавались гравированные портреты Игнатія Лойолы, патрона церкви Джезу, медали съ его изображеніемъ, четки, лежавшія на его гробѣ и наконецъ сонеты, писанные въ честь его какимъ-нибудь голоднымъ поэтомъ.

Подлѣ этихъ лавочекъ стояли толпы нищихъ, въ живописныхъ лохмотьяхъ, и жалобно молили о подаяніи.

Около полуночи народъ понемногу началъ расходиться, музыканты сошли съ лѣсовъ, грянули какой-то tempo di ballo (плясовую), и подъ его звуки отправились съ площади. А народъ, чернѣя, повалилъ за ними...

Плошки, мѣстами, начали тухнуть и дымиться; я сбирался идти спать: вдругъ вижу, изъ толпы нищихъ бѣжитъ ко мнѣ на костыляхъ, искрививъ ноги и размахивая ими по воздуху, какое-то странное существо.

Это существо, едва сохранившее человѣческое подобіе, было въ такихъ фантастическихъ лохмотьяхъ, что передъ ними дырявые плащи и заштопанные кафтаны нищихъ Каллота и Рембрандта, показались бы вамъ великолѣпными одеждами. И каково было мое удивленіе, когда этотъ бѣднякъ, протянувъ ко мнѣ руку, назвалъ меня по имени! То былъ серъ Петруччіо, котораго окончательно я узналъ по красной фескѣ, по прежнему

звѣрски наброшенной на бекрень; только вмѣсто золотой кисточки, на фескѣ болталась мѣдная бляха.

— Что съ тобой? спросилъ я, — вѣрно сбиры, по обѣщанію своему, переломали тебѣ ребра?..

— Ахъ! экчелленца, теперь некогда. А вотъ, я знаю, вы любите шататься по улицамъ, такъ зайдите-ка когда-нибудь навѣстить (тутъ онъ жалобно запѣлъ въ носъ, какъ вообще здѣсь поютъ нищіе): il povero ragazzo stropiato, бѣднаго, увѣчнаго. Адресъ мой: на площади Санъ-Л.... у церкви, подлѣ фонтана, подъ самой статуей Луиджи Гонзальскаго. Приходите-ка въ самомъ дѣлѣ, я вамъ доскажу мою исторію; исторія, услышите сами, назидательная.

— А что Петруччіо, спросилъ я,—ты все по прежнему крадешь платки?

— Что вы! что вы! экчелленца, — меня посѣтила благодать Божія, я раскаялся...—И плутъ искривилъ рожу и сбирался заплакать.

Получивъ отъ меня паоло, онъ опять запѣлъ въ носъ и поспѣшно заковылялъ вслѣдъ за проходящимъ Англичаниномъ.

На другой день, позавтракавъ въ ближайшемъ отъ меня каффе, гдѣ я былъ поочереди разцѣлованъ хозяиномъ, хозяйкою, гарцонами и вчерашними сорами Туттами и Наннами, пришедшими въ каффе наполнить свои оловянные кофейнички, — я отправился гулять по Риму.

Я не помнилъ себя отъ радости, забѣгалъ во всѣ церкви, во всѣ дворы палаццовъ и любовался на все какъ ребенокъ. Проходя около площади Санъ-Л...., я вспомнилъ предложеніе Петруччіо и вздумалъ навѣстить его. Пріютясь въ голубой тѣни массивныхъ стѣнъ церкви, сидѣлъ соръ Петруччіо, конфортабельно упираясь спиной въ мраморный парапетъ фонтана, обдававшаго его холодными брызгами; одну ногу поджалъ онъ подъ себя, а другую, всю покрытую язвами, вытянулъ на показъ проходящимъ. Подлѣ него съ одной стороны лежали его костыли и деревянное блюдечко съ мелкими монетами, а съ другой стояло блюдо съ макаронами и оплетенная соломой фіаска съ виномъ, такая большая, что въ нее вошло бы нашихъ съ полъ-ведра. Въ рукахъ у Петруччіо были четки, которыя онъ перебиралъ, шевеля губами; глаза были полузакрыты, ротъ

смиренно улыбался. Я былъ увѣренъ, что онъ меня завидѣлъ издалека и теперь принялся разыгрывать передо мной роль святоши, да и губы его, подбородокъ и пальцы еще лоснились отъ масла, которымъ были приправлены макароны.

— Гей! figliolo d'un diavolo! закричалъ я.

Петруччіо встрепенулся, повелъ вокругъ себя плутовскими глазами и остановилъ ихъ на мнѣ.

— Ахъ, экчелленца! это вы! Ахъ, еслибъ вы могли знать, въ какомъ неописанно-упоительномъ восторгѣ я находился сейчасъ! Это было море, что̀ я говорю море? это былъ безбрежный океанъ чистѣйшей радости. О! какое счастіе оставить грѣхъ и раскаяться!

Мнѣ что-то шибко не вѣрилось въ искренность раскаянія сора Петруччіо, тѣмъ болѣе, что отъ него страшно несло виномъ.

— А разкажи-ка мнѣ, какъ это ты раскаялся? Только прежде сдѣлай одолженіе, прикрой чѣмъ-нибудь свою ногу.

— То-есть мою кормилицу, сказалъ Петруччіо, — если я проговорю съ вами полчаса съ закрытой ногой, то это мнѣ будетъ стоить по крайней мѣрѣ паоло.

Я бросилъ паоло въ его тарелочку, и Петруччіо быстро поджалъ больную ногу подъ себя, даже не поморщась отъ боли.

— Вы помните, экчелленца, какой я былъ грѣшникъ года три тому назадъ: кутилъ я тогда напропалую и не спрашивайте на какія деньги. Вотъ разъ, въ тратторіи дель Моро, что̀ видна отъ сюда, я закутился до того, что у меня отнялись ноги. Подлый ѐсто (хозяинъ) обобралъ меня начисто да и выбросилъ на постовую. Тутъ бы я и умеръ, еслибъ Провидѣніе не послало мнѣ своего добраго Ангела, въ видѣ падре Ксаверіо, благочестиваго каноника этой церкви. Онъ проходилъ мимо, услыхалъ мои стенанія и собственноручно перенесъ меня къ себѣ въ келью. Падре Ксаверіо человѣкъ очень ученый и занимается медициной и химіей — какіе отличные ликеры онъ гонитъ! Вотъ онъ и лѣчилъ меня, и когда стало мнѣ полегче, онъ выхлопоталъ мнѣ отъ добраго правительства бляху и назначилъ мнѣ вотъ это самое мѣсто, подъ статуэткой Луиджи Гонзальскаго. — И вдругъ меня словно какъ молніей озарило: передо мной, какъ въ картинѣ, открылась моя прошлая жизнь; я пришелъ въ ужасъ и — раскаялся... . . . . .

— А доходишки есть?

— Какъ не быть. Да что земныя блага — прахъ!

— А гдѣ ты ночуешь?

— Въ кельѣ падре Ксаверіо; тамъ всю ночь мы проводимъ въ постѣ и молитвѣ.

Тутъ онъ закатилъ глаза такъ, что видны были одни бѣлки.

— А ликеры? спросилъ я.

— Ахъ, экчелленца! плоть немощна; не безъ того, чтобъ не хлебнуть иногда ad majorem Dei gloriam. — Но погодите-ка немного: я вижу *звѣря* — и Петруччіо быстро вынулъ изъ-подъ себя свою *кормилицу*, живописно выставилъ ее на показъ и запѣлъ въ носъ: — Синьіора! и проч.

Сгорбленная старушонка, въ истасканномъ платьѣ и въ шляпкѣ, потерявшей всякую форму, (по всему видно, что нищая), постукивая палочкой, подошла къ безногому и бросила въ тарелочку байоко.

— Петруччіо, сынокъ мой, сказала старуха, покашливая, — помолись за меня грѣшную и прочитай ради меня ave Maria; твои молитвы доходны до Бога.

— Иди съ миромъ, отвѣчалъ Петруччіо въ носъ.

Старуха поклонилась и ушла крестясь.

— Эге! карисcимо! сказалъ я, — да ты ужь, кажется, пожалованъ въ святые.

— Я больше ничего, экчелленца, какъ раскаявшійся грѣшникъ; но и мои молитвы доходятъ до престола Всевышняго, какъ ѳиміамъ, какъ свѣтильникъ...

— Полно врать. А не стыдно тебѣ принимать милостыню отъ этой старушонки? Вѣдь она бѣднѣй тебя.

— Ничего не стыдно. А вы мнѣ вотъ что̀ скажите-ка: остаетесь вы еще въ Римѣ?

— Остаюсь.

— Мѣсяца на два?

— И дольше.

Едва замѣтная, плутовская улыбка показалась на лицѣ святоши.

— А вы все тамъ живете?

— Все тамъ же. Ужь не думаешь ли ты отдать мнѣ визитъ?

Петруччіо опять улыбнулся.

— Не хотите ли освѣжиться, сказалъ онъ, указывая на громадную фіаску съ виномъ.

— Спасибо?

— Ну! какъ хотите, а я такъ, съ вашего позволенья, промочу горло.

И Петруччіо вздохнулъ, закатилъ глаза подъ лобъ, взялъ фіаску въ обѣ руки, прилегъ на спину и долго оставался въ пріятномъ положеніи Санчо-Пансо, когда онъ, по его выраженію, наблюдалъ за ходомъ небесныхъ свѣтилъ.

Я бросилъ въ тарелочку Петруччіо еще паоло, съ тѣмъ, чтобъ онъ его непремѣнно издержалъ на водку и на сигары.

— Вѣдь ты по прежнему пьешь водку?

— *Водка* веселитъ сердце человѣка, сказалъ премудрый Сирахъ.

— И сигары куришь?

— И злакъ на службу человѣка.

Каково навострился! подумалъ я, а соръ Петруччіо прибавилъ: — Только теперь я курю настоящія, контрабандныя гаванскія сигары, а не какіе-нибудь гнилые, капустные листья, какіе куривалъ прежде.

IV.

Мѣсяца три, этакъ, спустя, рано поутру, врывается ко мнѣ въ горницу моя старуха падрона-ди-каза съ дочерью.

Я не успѣлъ еще хорошенько проснуться, и такъ какъ онѣ, по итальянскому обыкновенію, кричали обѣ разомъ и притомъ неистово размахивали руками, я подумалъ, что въ домѣ пожаръ и, въ болѣе чѣмъ легкомъ костюмѣ, бросился съ постели, что̀ заставило этихъ милыхъ дамъ немедленно ретироваться и вмѣсто себя прислать ко мнѣ самого хозяина.

— Значитъ дѣло важное! подумалъ я.

Надо вамъ сказать, что вы, римскій постоялецъ, никогда не видите въ домѣ хозяина, но встрѣчаете иногда въ каффе или на гульбищѣ незнакомаго человѣка, который вамъ ласково кланяется, подбѣгаетъ къ вамъ съ зажженной сигарой, когда вы хотите закурить вашу, и называетъ васъ по имени. Вы спрашиваете: кто этотъ учтивый господинъ? Вамъ отвѣчаютъ: это

мужъ вашей хозяйки. И жизнь ихъ завидная: жены и дочери ихъ хлопочатъ обо всемъ въ домѣ, прибираютъ горницу и постель постояльца, готовятъ кушанье, и проч. и проч., а сами хозяева цѣлый день сидятъ себѣ на лавочкѣ въ тѣни, у дверей каффе, а вечеромъ идутъ въ циркъ или въ мавзолей Августа на *фокетти* *.

Соръ Бернардо, мужъ моей хозяйки, сладко улыбаясь, вошелъ ко мнѣ въ горницу, и на мой вопросъ: гдѣ горитъ? отвѣчалъ:—не извольте безпокоиться, ни гдѣ не горитъ.

— Въ чемъ же дѣло? Не мучьте меня, ради Бога, и говорите скорѣй.

— А вотъ изволите видѣть, говорятъ, будто бы нынче рано утромъ случилось чудо....

— Чего тутъ *говорять!* чего тутъ *будто бы!* раздалось пронзительно за дверью.—Просто говори: случилось чудо. Мы сами видѣли!

Это кричали мои дамы: онѣ не вытерпѣли и остались у дверей, чтобы слышать разказъ хозяина и, въ случаѣ надобности, его рецензировать.

— Ну, пожалуй, случилось чудо. Вамъ, кариссимо, въ память, я думаю, натурщикъ Петруччіо, что̀ былъ у васъ года съ три тому назадъ, на другой день, какъ казнили отцеубійцу Фабриціо? Вы еще изволили угостить его ромомъ. Какъ теперь все помню: я тогда сидѣлъ на лавочкѣ подлѣ каффе....

Голоса̀ за дверью:—онъ вѣчно торчитъ въ каффе!

Къ визгливымъ сопрано моихъ хозяекъ уже успѣлъ присоединиться густой контръ-альтъ соры Маріанны, толстѣйшей изъ всѣхъ падронъ-ди-каза, нашей улицы.

— Вотъ-съ, я и сидѣлъ подлѣ каффе, продолжалъ спокойно соръ Бернардо,—и видѣлъ какъ онъ изъ вашего окна разговаривалъ съ бирбачонами....

И соръ Бернардо принялся мнѣ разказывать то что̀ уже знаетъ мой читатель, то-есть какъ Петруччіо закутилъ, какъ у него отнялись ноги и проч. Когда рѣчь дошла до падре Ксаверіо, за дверьми раздалися вздохи, стоны и восклицанія: Джезу!

---

* Иллюминація съ фейерверкомъ и музыкой въ циркѣ, помѣщающемся въ мавзолеѣ Августа.

Маріа! что это за человѣкъ такой, этотъ падре Ксаверіо, это.... это....это Ангелъ, а не человѣкъ!...

— Плутъ! шепнулъ мнѣ на ухо мужъ хозяйки; а та, вѣрно, смотрѣла въ щелку и видѣла какъ онъ нагнулся ко мнѣ и какъ я улыбнулся.

— Соръ Маттео! завизжала она,—не слушайте его ради Бога! Вѣдь мужъ мой пьяница, дармоѣдъ, онъ только и знаетъ, что курить, да пить кофей съ ромомъ въ каффе; нѣтъ чтобы присмотрѣть за домомъ. Не будь меня.... и проч.

— Ну-съ, продолжалъ соръ Бернардо, — вотъ и пронесся слухъ, что Петруччіо раскаялся и сдѣлался....

Голоса за дверью:—святымъ!

— Святошею, успѣлъ въ это время, безнаказанно проговорить соръ Бернардо.

— Вотъ ему и начали казаться видѣнія, и часто случалось, что онъ по цѣлымъ часамъ оставался недвижимъ, съ закрытыми глазами, и улыбался.

Голоса за дверью:—и какъ улыбался! истинно святая фигура!...

Соръ Бернардо опять нагнулся ко мнѣ и сказалъ мнѣ на ухо, едва шевеля губами:—онъ просто вытягивалъ залпомъ фіаску вина и дремалъ.

Голоса за дверью:—Джезу! Маріа! онъ опять сказалъ вамъ что-то на ухо!...

Я попросилъ моихъ дамъ помолчать и позволить несчастному соръ Бернарду досказать мнѣ въ чемъ дѣло! Онъ продолжалъ:

— Вотъ нынче поутру, чѣмъ свѣтъ, сѣлъ онъ по обыкновенію у церкви, подъ статуей Луиджи Гонзальскаго, и такъ какъ онъ, какъ самъ разказываетъ, провелъ всю ночь въ кельѣ падре Ксаверіо въ поучительной бесѣдѣ и молитвѣ, то его невольно склонилъ сонъ.—Вотъ онъ и видитъ во снѣ....

Голоса за дверью:—Охъ! охъ! Джезу! Маріа!

— Видитъ во снѣ, что вдругъ разверзаются передъ нимъ небеса, и самъ св. Луиджи Гонзальскій, точь въ точь какъ изображенъ на статуѣ, сходитъ къ нему по облакамъ и говоритъ ему сладкимъ, какъ музыка, голосомъ: встань Петруччіо міо и ходи!

За дверью раздаются вздохи, всхлипыванія и рыданія.

— Петруччіо открываетъ глаза, смотритъ: раны на ногахъ зажили. Онъ пробуетъ ходить: ноги, по прежнему, ему повинуются. День нынче рыночный, народу тьма, всѣ были свидѣтелями чуда.

Тутъ окончательно женскіе голоса прервали разказъ сора Бернарда и начали досказывать его скороговоркой: — Мы сейчасъ оттуда! Весь Римъ на площади! Звонятъ въ колокола! Побѣжали за полиціей! Петруччіо повѣсилъ костыли у статуи какъ Ex—voto! А что денегъ-то, денегъ и серебряныхъ и золотыхъ набросали ему! Вечеромъ, въ Аве-Маріа, чудотворную статую перенесутъ въ церковь съ великолѣпной процессіей! Впереди пойдетъ самъ Петруччіо въ бѣлой рясѣ и въ цвѣтахъ! То-то церковь-то разбогатѣетъ! А все это Небо посылаетъ добрымъ людямъ, какъ падре Ксаверіо!... и проч. и проч.

Я, по обыкновенію, обѣдалъ въ тратторіи дель Лепре * за русскимъ столомъ. И здѣсь только и толку было, что о новомъ чудѣ; *камерьери*, подававшіе блюда, каждый на свой ладъ разказывали объ немъ, и разказы ихъ ежеминутно украшались подробностями отъ приходившихъ въ тратторію. Поговаривали даже, что папа намѣренъ канонизировать сора Петруччіо....

Въ Аве-Маріа я, съ русскими пріятелями, отправился на площадь Л.***

Римъ звонилъ во всѣ колокола; вездѣ на улицахъ замѣтно было необыкновенное движеніе; отряды пѣшихъ карабинеровъ, съ оливковыми вѣтками на мѣховыхъ шапкахъ, церемоніальнымъ маршемъ шли на площадь, уже давно полную народомъ.

Только отъ церкви, во все протяженіе площади, была оставлена дорожка для процессіи, и бородатые саперы, въ кожаныхъ фартукахъ съ блестящими сѣкирами въ рукахъ, съ большимъ трудомъ удерживали народъ, безпрестранно порывавшійся прорвать ихъ цѣпь.

Отъ роду не приходилось мнѣ видѣть такого множества народу, сжатаго на такомъ маломъ пространствѣ! Къ счастію у одного изъ насъ отыскалась знакомая падрона-ди-каза, зани-

* Трактиръ въ Римѣ, въ которомъ обыкновенно обѣдаютъ художники; въ немъ каждая нація занимаетъ свою горницу или свой столъ.

мавшая домъ на площади, а то бы намъ пришлось воротиться назадъ, и мы, съ опасностью жизни, продравшись черезъ толпу, иные съ оторванными фалдами, а иные безъ шляпы, очутились на балконѣ гостепріимной хозяйки, въ кругу смѣющихся и разряженныхъ Римлянокъ.

Около часу до захожденія солнца, еще сильнѣе пріударили въ колокола, дверь церковнаго портона отворилась сама собою, зашевелился и вдругъ какъ-будто выросъ народъ на площади, грянулъ скрытый гдѣ-то въ сосѣдней улицѣ полковой оркестръ, и изъ церкви тихо начала выступать процессія. Не стану вамъ ее описывать: эта процессія была, какъ и всѣ процессіи въ Римѣ. Въ ней замѣчательнѣе всего былъ самъ синьіоръ Петруччіо.

Онъ былъ въ длинной, бѣлой, суконной рясѣ, красивыми и величавыми складками, драпировавшей его фигуру; непокрытая голова его была увѣнчана бѣлыми розанами, и его выразительное лицо, на этотъ разъ, было блѣдно какъ полотно: по всему видно, что его передъ этимъ порядкомъ выдержали. Вообще, издали, онъ походилъ на средневѣковую фигуру ангеловъ Альберта Дюрера. Устремя глаза въ небо, онъ, казалось, не обращалъ никакого вниманія на толпу; часто спотыкался о вѣтки кипариса, усыпавшія дорожку, и два папскіе солдата, которые шли по обѣимъ сторонамъ его, должны были поддерживать его подъ руки.

Передъ Петруччіо, мальчикъ лѣтъ десяти, босой и съ бритой головой, наряженный капуциномъ, несъ костыли его, обвитые лентами и цвѣтами.

Статую Луиджи Гонзальскаго, заранѣе вынутую изъ ниши, несли на золотыхъ носилкахъ, а за ней, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, шелъ падре Ксаверіо. Округленностію своего живота, глазами, опущенными долу, и едва замѣтною, плутовскою улыбкою, которую не могъ скрывать, онъ тотчасъ же напомнилъ мнѣ рисунокъ остроумнаго Гранвиля: *лисицу-монахъ*.

Процессія отправилась на другой конецъ площади и, скрывшись изъ глазъ въ сосѣдней улицѣ, черезъ нѣсколько минутъ, тѣмъ же порядкомъ, воротилась въ церковь.

Во все время шествія процессіи женщины, въ разладъ съ гремящимъ оркестромъ, распѣвали литанію въ честь Луиджи

Гонзальскаго, патрона Римлянокъ, въ слѣдующихъ стихахъ, которые привожу здѣсь, для любознательности читателя:

Luidgi angèlico!
Dal vòstro viso.
Del paradiso
Spira beltà.

На это мущины отвѣчали похвалами святой Мадоннѣ, похвалами, правда, немного свѣтскими:

O Maria, dèlla biònda tèsta!
I capèlli son fila d'òro.
Rimiràndo quel bel tesòro
Tutti gli àngeli fànno fèsta...

Не успѣла еще процессія войдти въ церковь, а народъ уже сбилъ съ ногъ саперовъ и нахлынулъ въ открытый портонъ, но изъ портона выбѣжалъ сильный отрядъ драгунъ, и, съ помощію сабельныхъ ударовъ плашмя по головамъ, распорядился такъ удачно, что черезъ нѣсколько минутъ все пришло въ должный порядокъ. Народъ впускали по очереди въ одну церковную дверь и выпускали въ другую.

Много женщинъ стояло на колѣнахъ на паперти; онѣ пѣли съ увлеченіемъ и неистово колотили себя кулаками въ грудь. Одна изъ нихъ, въ изорванномъ платьѣ *Чучарки* *, поднимала обѣими руками надъ головами молящейся толпы своего совершенно голаго ребенка, у котораго ноги были страшно исковерканы.

— О кариссимо Лунджи! кричала она рыдая,—взгляни ты на ножки моего малютки и излѣчи ихъ!

Вдругъ она, какъ бы увѣренная, что кариссимо Лунджи излѣчилъ ее ребенка, поставила его на ноги и отняла отъ него руки; ребенокъ упалъ, мать взвизгнула, схватила его къ себѣ на руки и погрозилась кулакомъ...

V.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой продѣлки, я сижу у своего окна, смотрю: съ громомъ въѣзжаетъ на улицу коляска съ лихимъ веттуриномъ на козлахъ, останавливается у моего портона, и изъ коляски, къ величайшему моему удивленію, выска-

* Престолюдинки.

пваетъ соръ Петруччіо, но уже не въ прежнихъ лохмотьяхъ и въ ужасной красной фескѣ, а въ гороховомъ пальто, красномъ галстукѣ и голубыхъ панталонахъ въ обтяжку.

— Вотъ и я! сказалъ онъ, съ своею безстыдною развязностію, входя ко мнѣ въ горницу. — Я пріѣхалъ отдать вамъ вашъ визитъ, соръ Маттео.

Замѣтьте, что я для него ужь пересталъ быть экчелленца.

Онъ безъ церемоніи растянулся на моемъ диванѣ и закурилъ сигару, которую вынулъ изъ серебряной сигарочницы, виднѣвшейся изъ его груднаго кармана.

— Помните, года три тому назадъ, я вамъ говорилъ, что буду синьіоромъ? Вотъ я и въ самомъ дѣлѣ синьіоръ!

Тутъ онъ ударилъ по карману, въ которомъ зазвенѣли деньги.

— Слышите этотъ звукъ? это voce di Dio! Тутъ есть на что погулять и угостить пріятеля. Кстати, я пріѣхахъ пригласить васъ отобѣдать со мной, только не въ какой-нибудь тратторішкѣ дель Лепре, а гдѣ-нибудь почище: у братьевъ Шпильманъ напримѣръ, или въ Альберга ди Руссіа...

Тутъ дверь съ шумомъ отворилась, и въ горницу съ визгомъ ворвались моя падрона-ди-каза съ дочерью и всѣ возможныя соры Тутты и Нанны. Онѣ бросились на колѣни передъ Петруччіо и начали наперерывъ цѣловать его ногу, обутую въ блестящій сапогъ и заливаться непритворными слезами.

Синьіоръ Петруччіо, величественно, какъ султанъ, далъ имъ вдоволь разцѣловать свою ногу, потомъ поджалъ ее подъ себя, и молча протянулъ имъ руку, которая (тутъ же) наполнилась серебряными монетами.

— Теперь убирайтесь! сказалъ онъ, засунувъ деньги въ карманъ: — я васъ не забуду въ своихъ молитвахъ.

— Ну чтожь, соръ Маттео, сказалъ онъ вставая, когда ушли женщины, — ѣдемъ, что-ли?

Я наотрѣзъ отказался, и соръ Петруччіо уѣхалъ, видимо недовольный мной.

Лѣто было въ самомъ разгарѣ — всѣ художники разъѣхались изъ Рима; кто въ горы, кто въ Кампанію; даже скульпторы, которые считаются домосѣдами, переѣхали жить на дачи.

Одни истые Римляне оставались въ городѣ и съ нетерпѣніемъ ожидали октября, времени, въ которое у нихъ, по обыкновенію, начинается сезонъ *villaджіатуры*. На нихъ жара, казалось, не дѣйствовала, но моя русская комплекція не выдержала, и я переѣхалъ жить за городъ, въ кастель Гандольфи, гдѣ у меня была терраса, спускавщаяся до самаго классическаго Албанскаго озера, и мнѣ стоило пройдти нѣсколько шаговъ, чтобы очутиться подъ тѣнію столѣтнихъ дубовъ Албанской *галлереи* [1]).

Черезъ мѣсяцъ, однакожь, мнѣ наскучила моя уединенная, идиллическая жизнь — я снова возвратился на жительство въ Римъ и вечеромъ пошелъ обѣдать въ тратторію Лепре.

Русская зала была пуста; одинъ нашъ *камерьере* Черіако, въ полосатой курткѣ и безъ галстуха, опершись локтями на столъ, дремалъ на стулѣ, а у ногъ его лежала, свернувшись въ клубокъ, наша собака Лучертола; я говорю *наша* потому, что она никому собственнно изъ насъ не принадлежала, а непремѣнно съ кѣмъ-нибудь изъ Русскихъ ходила обѣдать и ужинать къ Лепре.

Я разбудилъ сора Черіако, облобызался съ нимъ, какъ слѣдуетъ, и черезъ пять минутъ я уже истребилъ con amore, большое блюдо макаронъ al sigo, то-есть съ приправою бульона и чесноку, а соръ Черіако, по обычаю всѣхъ порядочныхъ римскихъ *камерьере*, безъ церемоніи подсѣлъ ко мнѣ, и мы, какъ добрые знакомые, начали съ нимъ толковать о томъ, о семъ.

Здѣсь удивительная патріархальность нравовъ, и это сближеніе сословій въ Италіи невольно поражаетъ васъ, иностранца, своею оригинальностію и живописностью. Мнѣ случалось видить папскаго гвардейца (guardia nobile [2]), въ его блестящемъ, красномъ мундирѣ съ генеральскими эполетами, сидящаго у входа въ лавочку какого-нибудь табачнаго и виннаго продавца, и дружески распивающаго съ нимъ стаканъ вина; а въ

---

[1]) Албанской галлереей называется аллея столѣтнихъ дубовъ, идущая по берегу Албанскаго озера.

[2]) Папская гвардія, такъ-называемая: *благородная* (nobile), состоитъ изъ молодыхъ людей древнѣйшихъ римскихъ фамилій.

кафе вы нерѣдко встрѣчаете какого-нибудь монсиньіора, въ лиловыхъ чулкахъ, подсѣвшаго къ хозяину, съ засученными по локоть рукавами и играющаго съ нимъ въ шашки.

— Что у васъ новенькаго, соръ Черіако? спросилъ я.

— Новаго у насъ рѣшительно ничего нѣтъ, кариссимо соръ Маттео, кромѣ развѣ отличнѣйшаго вина, которое мы вчера получили прямо изъ Орвіэта, настоящее Est, Est. * Не прикажете ли фіасочку?

— Сдѣлайте одолженіе.

И вскорѣ соръ Черіако, раскачиваясь, приплясывая на ходу и пошлепывая туфлями, какъ наши русскіе половые, явился въ залу съ большой фіаской и двумя стаканами.

— Вы догадливый человѣкъ, соръ Черіако, сказалъ я, смекнувъ, что другой стаканъ онъ принесъ для себя. — Сядьте-ка подлѣ меня и налейте стаканы.

Вино оказалось до того свѣжимъ, что стаканы наши тотчасъ же покрылись каплями холоднаго пота. — Кто не испыталъ наслажденій выпить съ пріятелемъ, лѣтомъ, въ Римѣ фіаску холоднаго орвьэта — тотъ не жилъ, говорилъ Брюловъ.

— Да! совсѣмъ было забылъ, началъ соръ Черіако, — третьяго дня бѣшеная собака укусила какую-то старуху, которая, говорятъ, уже успѣла взбѣситься и перекусать другихъ; вслѣдствіе чего доброе правительство издало указъ, чтобы собаки не бѣгали по улицамъ безъ намордниковъ, а безъ нихъ приказано бить ихъ до смерти. Я ужь распорядился и купилъ нынче поутру намордникъ для вашей Лучертолы, — пять паоло заплатилъ.

---

* Лучшее орвіэтское вино получило, говорятъ, свое названіе Est, Est, отъ слѣдующаго анекдота. Какой-то кардиналъ, охотникъ до хорошихъ винъ, путешествовалъ по Италіи. Впереди его ѣхалъ его кастелланъ, также любитель и тонкій цѣнитель хорошихъ винъ, и вездѣ, гдѣ отыскивалъ онъ ихъ, писалъ углемъ на стѣнѣ: Est. Въ Орвіэто, кастеллану до того понравилось тамошнее вино, что онъ два раза написалъ на стѣнѣ слово: Est. Сказываютъ, что почтенный кардиналъ, хлебнувъ черезъ-чуръ орвіэтскаго нектара, умеръ. Онъ былъ похороненъ въ орвіэтскомъ соборѣ, и на гробницѣ его вы и теперь можете прочесть слѣдующую надпись, начертанную его капелланомъ:

EST, EST,

Dominus meus mortus est.

И онъ указалъ на висѣвшій на гвоздѣ кожанный намордникъ, который и двухъ паоло не стоилъ.

— А гдѣ случилось это несчастіе?

— На площади Л.*, помните, продолжалъ Черіако понизивъ голосъ, — гдѣ съ мѣсяцъ тому назадъ совершилось чудо.

— Какъ не помнить. Кстати, что̀ подѣлываетъ пріятель мой, соръ Петруччіо?

— Тише! ради Бога не называйте его громко, особенно не называйте его пріятелемъ, сказалъ мнѣ на ухо Черіако и поблѣднѣлъ.

Я замолчалъ, не понимая въ чемъ дѣло, а Черіако всталъ какъ-будто ни въ чемъ ни бывало, запѣлъ что-то себѣ подъ носъ, играя салфеткою подошелъ къ дверямъ, посмотрѣлъ въ сосѣдній залъ, воротился, придвинулъ ко мнѣ свой стулъ и началъ говорить мнѣ въ самое ухо, при чемъ онъ безпрестанно оглядывался и прислушивался къ малѣйшему шороху:

— Вы вѣдь знаете, что Петруччіо любилъ выпить; вотъ какъ случилось чудо-то, чудо, которому между нами сказать, никто, кромѣ бабья, здѣсь не вѣритъ, — онъ и закутилъ, да какъ закутилъ! а денегъ-то у него была куча. Найметъ съ утра коляску, разляжется въ ней, словно какой-нибудь *принчипе*, посадитъ напротивъ себя какую-нибудь, знаете этакъ....да и разъѣзжаетъ цѣлый день по каффе, да по тратторіямъ, бьетъ стекла, колотитъ сбировъ, однимъ словомъ, чортъ знаетъ чего онъ не дѣлалъ. Это бы все ничего! да вотъ, съ недѣлю тому назадъ, должно-быть не хватило у него денегъ что ли....

Тутъ Черіако опять всталъ, опять запѣлъ, отправился на рекогнисцировку и, возвратясь, продолжалъ еще тише:

— Вотъ Петруччіо и пошелъ къ падре Ксаверіо, а тотъ, при всѣхъ, взялъ его за плечи, да и вытолкалъ отъ себя вонъ.— Довольно говоритъ, ты ко мнѣ таскался и довольно я тебѣ, пьяницѣ, передавалъ денегъ.

— Этимъ можетъ-быть дѣло бы и кончилось, да нелегкая свела разъ въ тратторіи обоихъ этихъ синьіоровъ. Вѣдь падре Ксаверіо прикидывается только святымъ человѣкомъ, а въ самомъ-то дѣлѣ такой развратный, что не уступитъ и самому Петруччіо: вѣдь это онъ, лѣтъ десять тому, залучилъ къ себѣ

въ келью бѣдную Маріуллу, натурщицу, которую всѣ здѣсь знали, да такъ объ ней и слухъ простылъ. Старуха-мать вздумала было жаловаться, да что! вы знаете какъ у насъ здѣсь въ Римѣ: *прете прете* не выдастъ, а у насъ вездѣ *прете*.—Ну, сперва было они пили дружески, а потомъ, когда Петруччіо сталъ просить у падре денегъ и тотъ отказалъ ему, онъ и взбѣленился:—хорошо же! говоритъ, ужь я тебя выведу на свѣжую воду—самъ пропаду, да и ты у меня напляшешься.—А падре Ксаверіо въ силѣ, ухъ! въ какой силѣ! онъ вѣдь такъ только носитъ черную рясу, а по правдѣ-то всѣ знаютъ, что заклятый *бѣлорясникъ* *, а у этихъ господъ всегда была въ рукахъ инквизиція.

— Инквизиція! вскричалъ я, — развѣ въ Римѣ есть еще инквизиція.

— Тсс! ради самого Бога! сказалъ Черіако и намѣревался зажать мнѣ ротъ рукой,—можно ли про этакія вещи говорить вслухъ и въ публичномъ мѣстѣ! — Конечно есть инквизиція, продолжалъ онъ такъ тихо, что я едва могъ его разслышать,— вы были въ доминиканскомъ монастырѣ della Minerva?

— Былъ.

— Видѣли тамъ, только что войдешь въ корридоръ,на лѣво, дверку?

— Видѣлъ.

— А что надъ ней написано?

— Написано: Cancelleria del S. Ufficio — Да эта надпись забѣлена, и ее съ трудомъ можно разобрать.

Черіако залпомъ выпилъ стаканъ вина, и, оправившись нѣсколько, сказалъ:

— Надпись забѣлена, да дверь-то не задѣлана.... Вотъ какъ Петруччіо поссорился съ доминиканцемъ въ тратторіи, съ этой поры и слухъ объ немъ простылъ.

— Куда же его дѣвали?

— А Богъ одинъ знаетъ. Въ эту же самую ночь видѣли,какъ къ Минервѣ подъѣхала карета, какъ изъ нее вышли сбиры,какъ

---

* Бѣлорясники называютъ въ Римѣ Доминиканцевъ.

высадили изъ нее какого-то человѣка, съ ногъ до головы закутаннаго въ плащъ, какъ втолкнули его въ извѣстную вамъ дверку, а сами сѣли опять въ карету и уѣхали. У нихъ и на козлахъ-то былъ переодѣтый сбиръ....Да, соръ Маттео, заключилъ Черіако вздохнувъ,—да, у насъ въ Римѣ люди часто пропадаютъ безъ вѣсти.

М. Бибиковъ.

ПУТЕШЕСТВІЯ И ОТКРЫТІЯ ДОКТОРА БАРТА ВЪ АФРИКѢ.

Reisen und Entdeckungen in Nord- und Centralafrika in den Jahren 1849—55. Von Dr. Heinrich Barth. Tagebuch seiner im Auftrage der britischen Regierung unternommenen Reise. Bd. 1 und 2. Gotha, 1857.

(Продолженіе.)

—

Агадесъ, не смотря на свой нынѣшній упадокъ, все-таки важнѣйшій городъ во всей Аирской странѣ и одно изъ замѣчательнѣйшихъ торговыхъ средоточій той части Африки, а потому нѣсколько характеристическихъ подробностей о тамошнемъ бытѣ будутъ совсѣмъ не лишними для тѣхъ, кто ищетъ въ путешествіяхъ не однихъ только картинныхъ описаній.

Уже выше было замѣчено, что городъ представляетъ на каждомъ шагу слѣды развалинъ; изъ многочисленныхъ мечетей уцѣлѣли весьма немногія; по обширнымъ, но безлюднымъ рыночнымъ площадямъ сидятъ на сторожѣ голодные коршуны (neophron peronopterus), готовые кинуться на всякую падаль. Торгуютъ здѣсь преимущественно только солью, негритянскимъ просомъ, да особаго рода кукурузой или сорго (holcus sorghum). Замѣчательно, что въ обращеніи нѣтъ никакой монеты, — ни золота, ни серебра, ни даже раковинъ: цѣномѣромъ служатъ отчасти разные мануфактурные товары,—миткаль, каленкоръ, шали, отчасти употребительный здѣсь хлѣбъ. Ремесленная промышленность ограничивается кожевенными издѣліями, которыя приготовляютъ больше женщины, да еще тонкими кузнечными и, вообще, металлическими работами. Люди занимающіеся этимъ ремесломъ, пользуются большимъ почетомъ во всей центральной Африкѣ; у мелкихъ князьковъ они обыкновенно играютъ роль министровъ и носятъ почетный титулъ: *маллема*. Домà по большой части двухъ-этажные,

построенные изъ камня или глины; при каждомъ просторный дворъ съ тѣнистыми пріютами для отдыха. Тутъ же на дворѣ стоитъ и громадная кровать, необходимая принадлежность большей части домовъ у Сонрайскаго племени. Часто дворы оживляются присутствіемъ голубей-турмановъ, козъ и даже молодыхъ строусовъ; вообще все показываетъ наклонность къ удобному и спокойному наслажденію жизнью. Замѣчательнѣйшая постройка въ городѣ—башня Мессаладье, минаретъ въ 90 или 95 футовъ вышины, имѣющій футовъ 30 поперечнику въ основаніи и футовъ 8 къ вершинѣ. Она четвероугольная и постепенно утончается, но на половинѣ высоты имѣетъ опять утолщеніе, ни дать, ни взять, какъ мастерское произведеніе природы—большая вѣеровидная пальма центральной Африки. Чтобы придать этому глиняному сооруженію сколько-нибудь прочности, его скрѣпили тринадцатью рядами твердыхъ, крестъ на крестъ связанныхъ досокъ, которыя, выступая съ каждой стороны башни фута на 4 или на 3, сообщаютъ ей очень странную, оригинальную наружность. Башня построена только въ 1844 году и поразила доктора Барта своимъ сходствомъ съ большою мечетью надъ гробницей знаменитаго африканскаго завоевателя Хаджь Мугаммеда Аскіи, въ Гого.

Султанъ Агадеса избирается Туарекскими племенами (Берберами) и считается собственно ихъ главой, хотя самъ онъ вовсе не берберской крови. Къ сожалѣнію, Бартъ ни какъ не могъ узнать, отчего происходитъ такое повидимому ненормальное установленіе. За то и власть этого султана крайне ограничена и ненадежна: онъ просто игрушка множества болѣе или менѣе независимыхъ князьковъ Келовійскаго, Келгересскаго, Итисанскаго, Игдаленскаго и другихъ сосѣднихъ племенъ. Положеніе его тѣмъ затруднительнѣй, что племена эти почти въ безпрерывной враждѣ между собою. Доходы султана, кромѣ подарковъ, получаемыхъ имъ при воцареніи, и небольшой дани, платимой по крайней мѣрѣ нѣкоторыми изъ подвластныхъ ему племенъ, состоятъ преимущественно въ пошлинѣ на привозимые въ Агадесъ мануфактурные товары и на провозимую здѣсь изъ Бильмы въ огромномъ количествѣ соль, да кромѣ того еще въ пеняхъ, взыскиваемыхъ за разбои, иногда съ цѣлаго племени огуломъ. И все это вмѣстѣ, по разсчету Барта, навѣрно не составитъ и 20,000 испанскихъ піастровъ или менѣе 30,000 р. сер. въ годъ.

Первое, послѣ султана, мѣсто въ городѣ занимаетъ его министръ, (визирь?), который, въ званіи Сери-н-турава, то-есть «начальника бѣлыхъ», обязанъ притомъ собирать пошлины съ товаровъ, привозимыхъ съ сѣвера, и ежегодно провожать отъ Агадеса до Сокото караванъ

Бильской соли, которою Келгересы снабжаютъ всю западную часть средняго Судана.

Послѣ трехнедѣльнаго пребыванія въ Агадесѣ (съ 10 по 30 октября), гдѣ Бартъ былъ обласканъ какъ султаномъ, такъ и частными лицами, и получилъ открытые листы къ намѣстникамъ въ Кано, Катсенѣ и Даурѣ, но не успѣлъ однакожь заключить торговаго договора, о которомъ хлопоталъ, онъ воротился тою же дорогой въ Тинтеллустъ (5 ноября). Городъ почти совершенно опустѣлъ. Придворные, кузнецы, вся знать обоего пола, вмѣстѣ съ княземъ Аннуромъ и европейскими путешественниками, отправились на югъ. Бартъ, послѣ тягостнаго ночнаго перехода по каменистой почвѣ, съ радостью увидѣлъ ихъ станъ въ пріятной и широкой долинѣ Тантегаина, куда Аннуръ обыкновенно удалялся къ концу дождливаго времени подышать свѣжимъ воздухомъ. Здѣсь нетерпѣливые Европейцы должны были ждать до 12 декабря, пока подошелъ караванъ съ Бильской солью, и тогда только они могли пуститься съ нимъ далѣе на югъ, подъ покровительствомъ Аннура. Двинулось, можно сказать, цѣлое племя: мущины пѣшкомъ или на верблюдахъ, женщины на волахъ или на ослахъ, со всѣмъ домашнимъ скарбомъ, даже съ легкими жильями, съ кольями, шестами и рогожками, съ горшками и ступками, съ блюдами и чарками, привѣшенными какъ и гдѣ попало. Рядомъ слѣдовало стадо рогатаго скота, цѣлое стадо молочныхъ козъ, и бѣжало множество молодыхъ верблюжатъ: послѣдніе, играя и рѣзвясь, часто путали ряды идущихъ другъ за другомъ на привязи вьючныхъ верблюдовъ. Съ дикимъ, изступленнымъ крикомъ выступилъ караванъ утромъ изъ табора, всѣ барабаны били походъ, и въ воинскомъ порядкѣ двигались отрядъ за отрядомъ, предводимые каждый своимъ *мадогу*, то-есть опытнѣйшимъ изъ слугъ и клевретовъ племенальника или князя. По вечерамъ на всемъ пространствѣ табора затѣвались игры и пляски,—отрадная картина народнаго веселья, передъ которой путешественникъ легко можетъ забыть всѣ другія, слабыя стороны этой жизни въ пустынѣ. Замѣчательно, что единственнымъ возбудителемъ, единственною причиной всего этого движенья была *соль*. На самыхъ обнаженныхъ и безплодныхъ мѣстахъ пустыни распростерты творческою рукой природы богатые слои соли, тогда какъ она отказала въ этомъ необходимомъ для человѣка ископаемомъ обширнымъ и плодоноснымъ полосамъ въ сердцѣ Африки. Такъ глубоко заложено въ законахъ природы начало общенія между народами, начало обмѣна взаимныхъ потребностей, искони связывающее чуждыя другъ другъ племена узами, еще неразрывнѣе кровныхъ.

Мы не можемъ слѣдить за всѣми подробностями этого путешествія. Скажемъ только, что чѣмъ далѣе экспедиція подвигалась на югъ, тѣмъ

замѣтнѣе становилось разнообразіе тропической природы. Такъ, на пути къ плодоносной Тагамской долинѣ, занятой кочующими Туарегами, увидѣли они впервые въ числѣ другихъ кормовыхъ травъ такъ-называемую у Арабовъ *хадъ*, какъ говорятъ, самую питательную для верблюдовъ и распространенную во всей западной части Сахары; тамъ же замѣтили они средней величины дерево *магарію*, съ свѣтлокоричневыми плодами, въ мелкую вишню, изъ которыхъ приготовляется родъ хлѣба, не слишкомъ впрочемъ питательный. Представителями животнаго царства является множество джирафовъ, дикихъ быковъ, сайгъ, страусовъ, коршуновъ-стервятниковъ, степныхъ вороньевъ, какихъ-то *піаунiау* и когтеконовъ или таккаровъ (Orycteropus Aethiopicus). Въ Тагамской долинѣ поразило путешественниковъ обильное овцеводство, какого не видали они до сихъ поръ въ Африкѣ; но на овцахъ здѣсь не волна, а просто волосъ: рунныя стада водятся, повидимому, только у западныхъ Туареговъ и Сонраевъ.

Уже въ Тагамѣ, роскошная растительность, высокій тростникъ по низинамъ и мелкія невысыхающія озерка свидѣтельствуютъ о большей влажности, а слѣдовательно и о обильнѣйшемъ плодоносіи почвы; но со вступленіемъ въ Дамергу, эту житницу Асбена, начинается рядъ тѣхъ благословенныхъ странъ центральной Африки, которыя не смотря на ничтожную ихъ промышленность, не только могутъ содержать свое собственное населеніе, но продовольствовать и другихъ.

Здѣсь путешественники могли уже раздѣлиться, безъ риска погибнуть отъ жажды или голода, и для ускоренія общаго дѣла преслѣдовать въ одно и то же время каждый свою особенную цѣль. Ричардсонъ положилъ ѣхать черезъ Синдеръ прямо въ Кукаву, Овервегъ — въ Гоберъ и Маради, а Бартъ, съ солянымъ караваномъ, черезъ Катсену въ Кано, главный городъ племени Гауссъ, съ тѣмъ, чтобы къ апрѣлю (это было 7-го января) съѣхаться съ Ричардсономъ въ Кукавѣ.

Бартъ совершилъ свое путешествіе, хоть и нельзя сказать, чтобъ совсѣмъ благополучно. Катсенскій намѣстникъ задерживалъ его почти силою до тѣхъ поръ, пока онъ поднесъ ему значительный по своимъ малымъ средствамъ подарокъ; въ Кано, обширномъ и славящемся во всей центральной Африкѣ, средоточіи тамошней торговли, Бартъ долго терпѣлъ крайнюю нужду, и полубольной едва выбрался оттуда, съ однимъ только прислужникомъ, въ началѣ марта, а черезъ четыре недѣли прибылъ въ Кукаву, но еще на дорогѣ туда былъ застигнутъ вѣстью о кончинѣ начальника экспедиціи, Ричардсона, который умеръ въ мѣстечкѣ Игурутуѣ, подъ 13° сѣв. шир. и 12° вост. долг. отъ Гринича.

Кукава, цвѣтущая столица царства Борну, состоитъ изъ двухъ

совершенно раздѣльныхъ городовъ, обнесенныхъ каждый особою стѣною. Одинъ изъ нихъ, восточная Куна, служитъ мѣстомъ пребыванія для богатыхъ и зажиточныхъ, тогда какъ другой, западная Кука, состоитъ болѣе изъ мелкихъ помѣщеній, изъ узенькихъ кривыхъ переулковъ, за исключеніемъ одной улицы, служащей вмѣстѣ и большою дорогой, которая пересѣкаетъ оба города съ запада на востокъ. Города раздѣлены площадью, въ половину англійской мили ($^3/_4$ версты) шириной, которая съ обѣихъ сторонъ обстроена домами и составляетъ такимъ образомъ промежуточную улицу. Но здѣсь расположеніе построекъ уже совсѣмъ не такъ правильно, какъ въ чертѣ городскихъ стѣнъ: большія и красивыя глиняныя зданія рядомъ съ маленькими, крытыми соломой избами, огромные дворы, обнесенные глиняными стѣнами, и легкія тростниковыя загородки, все это въ различныхъ постепенностяхъ упадка и въ безконечномъ разнообразіи красокъ, начиная съ яркой свѣтложелтой и до черной какъ смоль, представляетъ самую пеструю картину. На здѣшніе рынки стекаются жители всѣхъ восточныхъ частей Борну и даже островитяне съ озера Чадда, которые сбываютъ здѣсь бичи изъ гиппопотамовой кожи или даже мясо этихъ огромныхъ водяныхъ свиней, иногда сушеную рыбу, а сами закупаютъ преимущественно хлѣбъ. Они обращаютъ на себя вниманіе наблюдателя своимъ тонкимъ станомъ, своими мелкими, пригожими, неизувѣченными нарѣзкой чертами лица. Мужчины носятъ обыкновенно короткія черныя рубахи и маленькія черныя соломенныя шляпы, а женщины роскошно украшаютъ себя бусами, и многія очень странно заплетаютъ волоса. На Кукавскомъ рынкѣ нѣтъ такихъ лавочныхъ рядовъ, какъ въ Кано; здѣсь каждый садится съ своимъ товаромъ на площади, гдѣ и какъ кому вздумается. Не смотря на сборище отъ 15 до 20,000 человѣкъ, нельзя сказать, чтобы шуму было много: Борнусцы или, какъ они сами себя называютъ, Канори, вообще гораздо степеннѣе и менѣе веселы чѣмъ Гауссы, да здѣсь же и не въ обычаѣ кричать, кто чѣмъ торгуетъ. Слышатся только постоянно пригласительные свистки цырюльниковъ. Публичныхъ потѣхъ очень не много, хоть иногда и оживляетъ сцену какой-нибудь змѣеволхвъ или разкащикъ необыкновенныхъ исторій. Чрезвычайно неудобно отсутствіе постояннаго мѣноваго знака въ торговлѣ. Прежній счетъ на фунты мѣди, или *роттели*, потерялъ свое значеніе, хотя названіе роттель и осталось; та же участь постигла замѣнившія мѣдь пасмы или пряди хлопчатой бумаги (габага); мѣсто ихъ заступили раковинки («курди» у Гауссъ и «кунгона» у Борнусцевъ). Восемь курди считаются на одну габагу, а четыре габаги или 32 кунгона на роттель. При покупкѣ болѣе дорогихъ вещей употребляются разныхъ мѣръ и сортовъ рубашки, цѣною отъ 6 до 65 рот-

телей. Любопытно, что въ Борну очень распространенъ австрійскій талеръ и предпочитается тамъ испанскому піастру; но отношеніе этого талера къ роттелю крайне неопредѣленно, что̀ приписывается спекуляціямъ туземныхъ вельможъ, которые, желая сбыть накопленный ими запасъ раковинъ подороже, вдругъ сбиваютъ цѣну талера со ста роттелей или 3,200 раковинъ на половину или даже еще менѣе. Поэтому мелкій земледѣлецъ, привезши свой хлѣбъ въ понедѣльникъ на Кукавскій базаръ, ни за что не возьметъ платы раковинами, да рѣдко удовлетворится и талеромъ. Покупщикъ, если у него ничего нѣтъ кромѣ талеровъ, долженъ въ такомъ случаѣ прежде размѣнять ихъ на раковины, потомъ на послѣднія купить рубашку, и тогда уже онъ можетъ поладить съ хлѣбнымъ продавцомъ, но не иначе.

Положеніе Барта въ Кукавѣ было крайне затруднительно до тѣхъ поръ, пока ему не удалось съ помощію тамошняго визиря, Хаджъ-Бешира, заплатить долги покойнаго Ричардсона, извѣстить англійское правительство о его кончинѣ и испросить себѣ начальство надъ экспедиціей вмѣстѣ съ денежнымъ пособіемъ для приведенія ея къ концу.

Въ началѣ мая воротился и Овервегъ изъ своей поѣздки въ Гоберъ и Маради. Тогда Бартъ сталъ немедленно приготовляться къ путешествію въ Адамаву, отъ котораго справедливо ожидалъ величайшей пользы для будущихъ торговыхъ связей съ центральною Африкой.

Царство Адамава, простирающееся къ югу отъ Борну и озера Чадда по обоимъ берегамъ рѣки Бенуэ, принадлежитъ къ числу новѣйшихъ завоеваній племени, извѣстнаго подъ названіями: Пулло, Фульбе, Феллата и проч., котораго Эмиръ-эль-Муменинъ, или Халифъ, хотя и содержитъ дворъ въ Вурно, но дѣйствительно управляетъ своимъ обширнымъ царствомъ изъ Сокото. Первыя извѣстія объ Адамавѣ докторъ Бартъ, по смерти Ричардсона, получилъ отъ одного Араба, родомъ изъ южной части Марокко, который обошелъ весь Суданъ до Багирми, побираясь мірскимъ подаяніемъ и переходя такимъ образомъ отъ одного двора негритянской земли къ другому. Въ то самое время, когда Бартъ собирался въ совершенно неизвѣстную ему страну, нѣсколько посланцевъ отъ Адамавскаго намѣстника, по счастливому стеченію обстоятельствъ, прибыли къ Борнусскому султану, для истребованія нѣсколькихъ Адамавцевъ, недавно уведенныхъ въ неволю вооруженными отрядами, выходившими изъ Борну на ловлю людей. Этимъ-то посланцамъ порученъ былъ Бартъ, и они дали слово доставить его обратно цѣлымъ и невредимымъ. 29 мая 1851 года, когда уже все было готово къ отправленію въ путь на слѣдующій день, Бартъ поздно вечеромъ получилъ извѣстіе, что султанъ намѣренъ дать ему *кашеллу*, или офицера, въ проводники до Іолы, главнаго города

Адамавы. Распоряженіе это оказалось въ послѣдствіи весьма невыгоднымъ.

Путешественникъ сообщаетъ любопытное свѣдѣніе о весьма важномъ элементѣ борнусскаго народонаселенія, а именно о племени Шуа, которое можетъ выставить 20,000 вооруженныхъ всадниковъ и, слѣдовательно, состоитъ по крайней мѣрѣ изъ 200 — 250,000 душъ. Племя это пришлое, Арабское, переселившееся сюда, по указанію несомнѣнныхъ свидѣтельствъ, изъ Нубіи и Кордофана по меньшей мѣрѣ за 250 лѣтъ. На пути своемъ къ югу, караванъ Барта проходилъ мимо многочисленныхъ селеній племени Шуа. Дорога шла по странѣ Удье, одной изъ прекраснѣйшихъ областей царства Борну, съ городами, имѣющими отъ 9 до 10,000 жителей. «Вся равнина — говоритъ Бартъ — представляла собою какъ бы одно непрерывное поле, засѣянное хлѣбомъ, посреди котораго виднѣлись многочисленныя деревни. Мѣстами его осѣняли одинокія *куки* *, то-есть баобабы, замѣчательные по своимъ необъятнымъ стволамъ и вѣтвямъ, покрытымъ мелкимъ листомъ, египетскія смоковницы съ толстыми, темно-зелеными листьями и *бауресы*, другой родъ смоковницы, съ большими мясистыми листьями ярко зеленаго цвѣта.»

6-го іюня путники вступили въ опустошаемую разбойничьими набѣгами пограничную страну племени Марги. Замѣчательно, что цвѣтъ кожи у жителей этой страны былъ либо совершенно черный, какъ смоль, либо свѣтлый мѣдный или ревенный, безъ всякихъ посредствующихъ оттѣнковъ между этими двумя крайностями. Бартъ восхищался красотою и правильностью ихъ стана и очертаній лица. Волосы у нихъ были курчавы, но во всемъ прочемъ не было ничего, напоминающаго негритянскій типъ, кромѣ нѣсколько вздутыхъ губъ, которыя сверхъ того еще у нѣкоторыхъ женщинъ были обезображены вдавленною въ нижнюю губу треугольною металлическою пластинкой, или собственно клинышкомъ, длиною въ дюймъ. Особенно привлекательною показалась Барту группа изъ молодой женщины, сидѣвшей около своего двора, съ сыномъ мальчикомъ лѣтъ осьми. «Мальчикъ стоялъ въ граціозной позѣ, закинувъ ногу за ногу, и фигура его изящною соразмѣрностью членовъ нисколько не уступала знаменитѣйшимъ греческимъ статуямъ, а въ чертахъ лица не было и слѣда толстоты губъ, которая замѣчается у взрослыхъ. Всего болѣе поразила меня необыкновенная прямизна его носа, между тѣмъ, какъ выгнутыя ноги составляютъ отличительную черту всѣхъ народовъ центральной Африки. Хотя волосы у него были очень коротки и курчавы, но нисколько не походили на шерсть. Цвѣтъ лица какъ у него, такъ и у матери, и вообще у всего семейства

* Отсюда названіе города Кукава.

желто-коричневый, весьма близко подходящій къ ревенному. Груди у женщинъ этихъ странъ, послѣ первыхъ родовъ, обыкновенно отвисаютъ мѣшками, иногда до самаго пояса, и это всего болѣе обезображиваетъ женскій полъ средне-африканскихъ племенъ. Но такъ какъ женщина, про которую я говорю, вообще отличалась свѣжимъ, здоровымъ тѣлосложеніемъ, то и груди ея сохранили довольно круглую, пухлую форму.» Мущины высоки ростомъ и стройны въ молодости; нѣкоторыя женщины также достигаютъ большаго роста и, при висячихъ грудяхъ и совершенной наготѣ своей, весьма непріятно поражаютъ своею наружностью, особенно если кожа ихъ красноватаго цвѣта. На другомъ дворѣ Бартъ встрѣтилъ двухъ взрослыхъ дѣвушекъ, въ передникахъ. Онъ приписываетъ употребленіе этого прикрытія вліянію ислама, хотя впрочемъ у многихъ языческихъ народовъ Африки есть обычай, что дѣвушки прикрываютъ свою наготу, и только послѣ замужства ходятъ уже безъ всякой одежды. Направляя свой путь лѣсами съ зеленѣющими полянами и вдоль хребта Вандалà, замѣчательнаго по своему красиво изубренному гребню, караванъ миновалъ нѣсколько деревень, передъ которыми здоровые мущины въ полномъ вооруженіи работали въ полѣ. «Когда мы (въ одной изъ такихъ деревень) приблизились къ первой группѣ хижинъ и проѣзжали мимо ямы, наполненной дождевой водой, изъ этой ямы вдругъ выскочила высокая плотная женщина, совершенно нагая, какъ Богъ создалъ ее, и съ кувшиномъ на головѣ. Странный видъ этой женщины тѣмъ болѣе, что она была самаго чистаго ревеннаго цвѣта, испугалъ не только меня, но и мою лошадь, которая родилась въ цивилизованномъ Борну, странѣ самыхъ черныхъ людей изо всѣхъ племенъ этого края.» Матеріальное состояніе жителей находилось вообще не на очень низкой степени. Дворы ихъ вмѣщали въ себѣ отъ пяти до шести чистенькихъ хижинъ, посреди которыхъ стоялъ обыкновенно тѣнистый навѣсъ.

8-го іюня Бартъ увидѣлъ съ лѣвой стороны гору Мендефи или Мендифъ, лежащую подъ 10° 35 южн. шир. На старинныхъ картахъ изъ нея сдѣлали цѣлый горный хребетъ, но теперь оказалось, что это совершенно отдѣльный конусъ съ двойной вершиной, возвышающійся на 4,000 футовъ надъ равниною и не болѣе 5,000 футовъ надъ поверхностью моря; хребетъ же Вандалà, который онъ видѣлъ прежде, имѣлъ среднимъ числомъ около 1,500 футовъ относительной и до 2,500 футовъ абсолютной высоты. Прежде чѣмъ караванъ вступилъ въ царство Адамаву, ему надлежало пройдти весьма опасную пограничную полосу, и хотя онъ состоялъ изъ 5 всадниковъ и 25 вооруженныхъ пѣхотинцевъ, однакожь, въ сущности, вся сила его основывалась только на четырехъ ружьяхъ и четырехъ парахъ пистолетовъ, принадлежав-

мнихъ Барту. Впрочемъ переходъ по большой равнинѣ, покрытой лѣсомъ, котораго такъ боялись, совершился безъ особенныхъ приключеній, и 10-го іюня путники вступили въ предѣлы Адамавы, гдѣ передъ ними открылись очаровательные виды на красивыя цѣпи высотъ, зеленѣющія пастбища, усѣянныя стадами, тщательно воздѣланныя поля и уютные крестьянскіе дворы. Племя завоевателей, Фульбе, покуда еще очень рѣдко разсѣяно между коренными жителями края, но всѣ наблюденія надъ этимъ народомъ, замѣчательнымъ по своимъ дарованіямъ, возбуждаютъ въ насъ живѣйшее любопытство и участіе. Въ большихъ городахъ, замѣчаетъ Бартъ, Пулло (или Фульбе) часто бываетъ несносенъ своимъ властолюбіемъ, но въ лѣсу, какъ простой пастухъ, или какъ новый поселенецъ въ маленькой деревушкѣ, онъ любезенъ и привѣтливъ. Въ весьма развитомъ состояніи нашелъ Бартъ жителей деревни Сарау. Они занимаются красильнымъ мастерствомъ и состоятъ изъ двухъ племенъ, Борнусцевъ и Фульбе. Жилища ихъ, какъ и вездѣ во внутренней Африкѣ, обнесены кругомъ каменною (глиняной?) стѣною. Во дворѣ стоятъ нѣсколько хижинъ, которыя служатъ для мужей временнымъ пріютомъ, а для женъ постояннымъ жильемъ. Внутри покоевъ обыкновенно поставлено по одной или по двѣ кровати. Овальныя двери имѣютъ не болѣе двухъ футовъ вышины, но поперечная перегородка, идущая отъ двери и отдѣляющая постель, равно какъ и разнообразная утварь, разставленная вокругъ стѣнъ, придаютъ покою какую-то особенную уютность и жилость. Хотя свѣтъ проникаетъ въ мазанки только посредствомъ низкой двери, однакожь внутреннія стѣны опрятно окрашены бѣлою и коричневою краской. Привѣтливый, свѣжій и оживленный видъ статныхъ Фульбе составлялъ весьма пріятный контрастъ въ сравненіи съ борнусскими жителями деревни. Вообще должно замѣтить, что чистоплотность принадлежитъ къ числу главныхъ достоинствъ этого завоевательнаго племени и что Фелляты или Фульбе заслуживаютъ особеннаго уваженія по количеству потребляемаго ими мыла и по безукоризненной бѣлизнѣ своихъ рубахъ.

18-го іюня караванъ приблизился къ большой рѣкѣ Бенуэ, соединяющей внутреннюю Африку съ Атлантическимъ океаномъ. О близости рѣки можно было заключить по огромнымъ муравейникамъ, а въ синѣющей дали открылся высокая горная купа Алантика, возвышающаяся на 8,000 футовъ надъ равниною и на 9,000 надъ поверхностью моря. Впрочемъ Бартъ сознается, что видъ тупыхъ вершинъ Алантики не соотвѣтствовалъ его ожиданіямъ и далеко уступалъ прекрасному виду Бенуэ. Путешественникъ вовсе не ожидалъ попасть на эту важную по своему значенію рѣку въ самомъ мѣстѣ сліянія ея съ Фаро. Соединенныя воды обѣихъ рѣкъ сохраняютъ направленіе глав-

наго потока, склоняясь только весьма незначительно съ сѣверу и оставляя влѣвѣ гору Багеле, за которою они теряются для глаза. Пока звали перевозчиковъ съ противоположнаго берега, Бартъ выкупался въ рѣкѣ, хотя Европейцамъ въ тропическихъ странахъ не слѣдовало бы позволять себѣ этого опаснаго для здоровья удовольствія. На 40 или на 50 шаговъ рѣка была очень мелка, но потомъ вдругъ начиналась глубь и теченіе становилось такъ быстро, что купающійся не могъ противъ него держаться. При этомъ случаѣ Бартъ узналъ, что Бенуэ содержитъ въ себѣ золото: проводники его, видя, какъ онъ часто ныряетъ, вывели изъ этого заключеніе, что онъ вѣроятно ищетъ золота. Ближе онъ не могъ изслѣдовать этого обстоятельства, которое должно бы было повести къ весьма важнымъ послѣдствіямъ, потому что, если Бенуэ дѣйствительно течетъ по золотоносному песку, то въ Европейцахъ скоро родится желаніе утвердиться въ этомъ краѣ, Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Бартъ перешелъ черезъ Бенуэ, рѣка эта имѣла 1,200 шаговъ ширины и одиннадцать футовъ глубины, но эта скудость воды была только слѣдствіемъ сухаго времени года. Мѣсяцемъ позже рѣка разливается по окрестнымъ равнинамъ, и тогда изъ-подъ воды выдаются только вершины высокихъ деревъ. Судя по этому, Бартъ полагаетъ, что уровень рѣки поднимается на 50 футовъ. Это показаніе, при всей своей неожиданности, нисколько не преувеличено, потому что, по произведеннымъ около Идды измѣреніямъ, высота воды въ Нигерѣ мѣняется въ продолженія года на 57 и даже на 60 футовъ. Фаро, напротивъ того, имѣлъ только 900 шаговъ ширины и 2 фута глубины, но былъ гораздо быстрѣе Бенуэ, или *матери водъ*, ибо таково значеніе имени Бенуэ на туземномъ языкѣ. Караванъ приблизился къ горѣ Багеле, вершина которой теряется въ облакахъ, и передъ нимъ открылись прекрасные свѣжіе луга, оживленные пасущимися стадами и веселыми деревнями. 20-го іюня путешественникъ прибылъ въ главный городъ Іолу и съ тревожнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ, какъ приметъ его здѣсь намѣстникъ Адамавскихъ Фульбе. Главный городъ Іола расположенъ на открытомъ мѣстѣ и состоитъ изъ мазанокъ съ соломенными крышами. Мазанки эти стоятъ въ центрѣ обширныхъ дворовъ, которые въ дождевое время года пашутся и превращаются въ плодоносныя нивы. На слѣдующій день утромъ Бартъ отправился съ подарками во дворецъ, то-есть въ глиняную мазанку «ламидо» или намѣстника Мухаммеда Лоэля, всесильнаго властелина Адамавы. Мучительное ожиданіе въ передней, къ счастію, было сокращено знакомствомъ и бесѣдою съ однимъ Арабомъ изъ Мохи, который зналъ Бамбай и Мадрасъ, объѣхалъ африканскій берегъ отъ Момбаса до Софалы и видѣлъ озеро Ніассу. Намѣстникъ принялъ Европейца въ довольно красивой, говоря от-

носительно, залѣ; самъ онъ былъ небольшаго роста, и Бартъ замѣтилъ въ немъ отсутствіе лучшаго украшенія племени Фульбе, — опрятности въ одеждѣ. Бартъ передалъ свое африканское рекомендательное письмо, которое хотя и подверглось критическимъ замѣчаніямъ, но вообще произвело не дурное впечатлѣніе. Все, казалось, шло благопріятно, до тѣхъ поръ, пока Биллама, борнусскій офицеръ, данный въ проводники нашему путешественнику, не передалъ своего посланія, въ которомъ заключались требованія со стороны Борну относительно какого-то пограничнаго владѣнія, принадлежащаго къ Адамавѣ. Въ одно мгновеніе собралась гроза, и хотя Барту не пришлось испытать вслѣдствіе ея никакихъ враждебныхъ покушеній и непріятностей, однакожь онъ все-таки лишился добраго расположенія Адамавскихъ властей. Съ этихъ поръ онѣ смотрѣли на него, какъ на человѣка, присланнаго ихъ противниками при Борнусскомъ дворѣ, и дали ему замѣтить, что онъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы явился вовсе безъ рекомендаціи, или съ письмомъ отъ Стамбульскаго султана, или даже отъ своего (британскаго) правительства. Султанъ Адамавскій — этимъ титуломъ пользуются и намѣстники — велѣлъ объявить путешественнику, что онъ самъ не что иное, какъ рабъ своего властелина въ Сокото, халифа племени Фульбе; что онъ (Бартъ) гораздо высшее лицо, чѣмъ онъ самъ, намѣстникъ; что такой человѣкъ еще никогда не бывалъ въ ихъ странѣ, и что поэтому онъ проситъ его воротиться назадъ и выхлопотать себѣ въ Сокото позволеніе продолжать путешествіе по Адамавѣ. На этомъ и остановились дѣла, не смотря на всѣ просьбы и возраженія и на неоднократно представлявшіеся случаи убѣдиться въ миролюбивыхъ видахъ путешественника. Эта неудача рѣшила судьбу дальнѣйшихъ предпріятій африканской миссіи. Бартъ до сихъ поръ носился съ смѣлою мыслью проникнуть изъ Адамавы къ юговостоку чрезъ совершенно неизвѣстную экваторіальную Африку на мозамбикскую сторону материка до Индійскаго океана; но дурное расположеніе Мухамеда Лоэля поставило преграду всякой дальнѣйшей попыткѣ въ этомъ смыслѣ, и Бартъ принужденъ былъ пуститься въ обратный путь. Іола, по сообщаемымъ имъ свѣдѣніямъ, совершенно новый городъ и носитъ названіе по одному изъ кварталовъ Кано; прежній же главный городъ, во времена Денгама, назывался Гуринъ. Хотя поперечникъ города, идущій отъ востока къ западу, содержитъ въ себѣ три нѣмецкія мили, однакожь, при вышеописанномъ способѣ постройки домовъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что въ немъ не болѣе 12,000 жителей. Городъ расположенъ на болотистой равнинѣ, и съ сѣверной стороны опирается на непроточный рукавъ Бенуэ, который, при высокой водѣ, затопляетъ часть низкаго квартала. Кромѣ кузнечныхъ

работъ, Бартъ не видалъ никакихъ мѣстныхъ ремесленныхъ произведеній. На рынкахъ хорошо идетъ сбытъ пестрыхъ платковъ изъ Кано, стеклянныхъ бусъ и соли. Рабство господствуетъ въ Адамавѣ въ огромныхъ размѣрахъ, какъ и не можетъ быть иначе въ только-что завоеванной странѣ. Есть частные люди, владѣющіе слишкомъ 1000 рабовъ. Эти невольники употребляются на плантажное хозяйство, поселяются въ особенныхъ невольничьихъ деревняхъ и выгоняются на полевыя работы приставленными къ нимъ надсмотрщиками. Къ числу главныхъ хлѣбныхъ растеній принадлежитъ сорго и земляной жолудь или подземный завилецъ (arachis hypogaea); разводится также и хлопчатая бумага. Мясо производится въ такомъ маломъ количествѣ, что нерѣдко коза бываетъ въ одной цѣнѣ съ рабыней. Адамава въ общей сложности имѣетъ довольно низкое мѣстоположеніе: около средней части Бенуэ она достигаетъ высоты отъ 8—900 футовъ и далѣе къ югу поднимается не выше 1500 футовъ. Большихъ горныхъ массъ вовсе нѣтъ, потому что Алантика одинокая гора, имѣющая не болѣе 75 верстъ въ окружности. Изъ представителей животнаго міра упоминаются слоны, носороги, буйволы, львы, леопарды, гиппопотамы, африканскіе манати, названные въ честь доктора Фогеля его именемъ, и попугаи.

Само собою разумѣется, что намѣстникъ Адамавскій, при значительной отдаленности политическаго центра обширнаго, но не имѣющаго тѣсной внутренней связи царства Фульбе, пользуется почти неограниченною властью, и если онъ затруднялся позволить Барту продолжать путешествіе безъ разрѣшенія Сокотосскаго двора, то это былъ только пустой предлогъ. Въ зависимости отъ него находится множество второстепенныхъ вассаловъ. По приблизительному исчисленію Барта эти бароны племени Фульбе могутъ выставить отъ 3 до 4000 конницы и въ десять разъ большее число пѣхоты. Главное оружіе Фульбе—лукъ и стрѣла, всадники же вооружены копьемъ, щитомъ, а иногда, по возможности, и прямымъ мечемъ. Завоевательное племя исповѣдуетъ, какъ извѣстно, исламъ, покоренныя же племена Адамавы были язычники. Бартъ убѣжденъ, что бо́льшая часть Фульбе смотритъ на свои завоеванія, какъ на религіозный подвигъ, однакожъ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, чтобы они хотѣли обратить покоренныхъ къ своему исповѣданію. Въ отношеніи къ цивилизаціи завоеванія ихъ имѣютъ довольно важное значеніе. Чрезъ нихъ водворяются связи и сношенія по всему обширному пространству материка. Покуда, впрочемъ, попытки завоевателей къ распространенію нравственнаго воспитанія ограничиваются еще только тѣмъ, что они заставляютъ туземныхъ рабовъ прикрывать свою наготу. Но нельзя не сознаться, что для водворенія хри-

стіанства и европейской цивилизаціи распространеніе ислама во всякомъ случаѣ не благопріятно. Религія, требующая моногаміи, съ трудомъ, а можетъ-быть и вовсе не въ состояніи будетъ оспоривать въ Африкѣ почву у религіи, освѣщающей и узаконяющей многоженство, какъ мы уже и видѣли примѣръ тому въ неудавшихся попыткахъ Ливингстона къ обращенію племени Макололо. Фульбе были преимущественно пастушескимъ народомъ, и остались имъ послѣ сдѣланныхъ ими завоеваній. Рогатый скотъ составляетъ главное ихъ богатство; овцеводство встрѣчается рѣдко, а хлѣбопашество предоставлено рабамъ. Хотя пріобрѣтеніе рабынь весьма легко для завоевателей, однакожь это соблазнительное удобство покуда не имѣло еще вреднаго вліянія на чистоту и простоту патріархальныхъ нравовъ; не менѣе утѣшительно и то, что не смотря на страстную наклонность покореннаго народонаселенія къ употребленію табаку и охмѣляющей *джіа*, образованные Европейцы не воспользовались до сихъ поръ ни однимъ изъ этихъ средствъ соблазна. Самое многочисленное изъ покоренныхъ племенъ есть племя Батта, которое по физической красотѣ и правильности тѣлосложенія весьма близко подходитъ къ вышеописаннымъ Марги, за исключеніемъ только того, что путешественникъ не замѣтилъ у нихъ мѣднаго цвѣта кожи.

25 іюня Бартъ тронулся въ обратный путь почти тою же самою дорогою. Проходя при этомъ случаѣ по владѣніямъ Марги, онъ познакомился съ двумя замѣчательными обычаями этого народа, а именно съ ихъ оригинальнымъ судомъ Божіимъ, который рѣшается между истцомъ и отвѣтчикомъ на священной гранитной скалѣ Кобши посредствомъ боя двухъ пѣтуховъ, и потомъ еще съ вездѣ распространеннымъ здѣсь прививаніемъ коровьей оспы.

(До слѣдующей книжки.)

ПЕРЕПИСКА Н. М. КАРАМЗИНА

съ 1799 по 1826 годъ.

(Продолженіе.)

—

72.

Село Астафьево, 21 іюня 1809.

Не имѣя давно никакого объ васъ извѣстія, крайне желаю скорѣе получить отъ васъ письмо, любезнѣйшій братъ, чтобы узнать о вашемъ здоровьи. Мы живемъ въ подмосковной и наслаждаемся тишиною. Семейство наше, слава Богу! здорово. Я по обыкновенію работаю и кончилъ описаніе временъ Димитрія Донскаго; но теперь долженъ еще многое поправить назади.

Для клуба симбирскаго я подписался еще на два журнала: на *Сенатскія вѣдомости* и на Петербургской журналъ; думаю, что ихъ уже получаютъ въ клубѣ. Цѣна всѣмъ 75 р. и съ иностранными.

Воинскія происшествія вамъ извѣстны по газетамъ. Съ часу на часъ ожидаютъ извѣстія, что Австрійцы въ конецъ разбиты: имъ крайне худо; не смотря на выгоду, одержанную ими 22 мая, половина ихъ владѣній уже въ рукахъ Французовъ, и Венгерцы колеблются въ вѣрности къ австрійскому дому. Щастіе не оставляетъ Бонапарте. Теперь уже послѣдняя война, какъ онъ говоритъ! Надобно вѣрить Провидѣнію, иначе трудно успокоить себя....

73.

Село Астафьево, 15 августа 1809.

Я отлагалъ писать къ вамъ до исполненія вашей коммиссіи въ разсужденіи вѣрнѣйшей пересылки журналовъ для симбирскаго благороднаго собранія. Пріятель мой, служащій въ московскомъ почтамтѣ, увѣдомляетъ меня, что впредь газетная экспедиція будетъ соблюдать болѣе точности въ доставленіи сихъ журналовъ.

Мы, слава Богу! здоровы, и наслаждаясь сельскою тишиною, стараемся какъ можно рѣже заглядывать въ Москву, гдѣ въ три мѣсяца я былъ только одинъ разъ на нѣсколько часовъ. Милыя душѣ семейныя удовольствія и работа занимаютъ пріятнымъ образомъ всѣ мои часы, кромѣ тѣхъ, въ которые думаю о бѣдствіяхъ нашего времени, дѣйствительныхъ и вѣроятныхъ. Часто хотѣлось бы мнѣ укрыться въ непроницаемомъ уединеніи, чтобы ничего не слыхать о происшествіяхъ европейскихъ. Какъ счастливы были наши отцы! мы не умѣли цѣнить прежняго спокойствія Европы, а теперь осуждены видѣть гибель имперій и ждать будущаго со страхомъ, или запасаться добродѣтелями стоиковъ, не весьма легкихъ для того, кто имѣетъ семейство. Австрія утратитъ большую часть своихъ владѣній, а тамъ начнутся новыя творенія или разрушенія....

Малютки мои цѣлуютъ у васъ руку, любезнѣйшій братъ. Андрюша умѣетъ передразнивать пѣтуховъ, гусей, овецъ, а не говоритъ еще ни слова, кромѣ *мамы* и *папы*. Но къ вашему пріѣзду въ Москву (если вы обрадуете насъ тѣмъ) онъ уже будетъ, конечно, маленькимъ Цицерономъ.

74.

Москва, 16 октября 1809.

На сихъ дняхъ переѣхали мы въ Москву по причинѣ моего нездоровья: я простудился, и теперь уже три недѣли имѣю лихорадку не важную, но такую, что она не даетъ мнѣ ни работать, ни оправиться въ силахъ. Голова пуста, и ѣмъ почти безъ удовольствія.

Сердечно жалѣю, любезнѣйшій братецъ, что осеннее и зимнее время столь вредно для вашего здоровья. Однакожь, по книгамъ и опыту, не совѣтую вамъ заключаться въ комнатахъ на холодное время. Когда вы подвержены флюсу и зубной боли, то подвяжите щеки, но въѣзжайте какъ можно чаще. Воздухъ укрѣпляетъ, особенно ясный зимній; а теплый комнатный разслабляетъ. Это великое дѣло для здоровья.

Нашъ домъ, прежде открытый, теперь сдѣлается почти уединеннымъ. Выдавъ княжну замужъ, мы уже не имѣемъ причинъ жить такимъ образомъ; да и доходъ нашъ для того недостаточенъ.

Теперь же и молодаго князя отпустили мы съ сенаторомъ Обрѣсковымъ для объѣзда нѣкоторыхъ губерній по особой коммиссіи Государя, слѣдственно живемъ совершенно одни. Дороговизна страшная, а доходы наши не умножаются. Не видимъ и надежды, чтобы вещи когда-нибудь опять пришли въ свою прежнюю цѣну.

Издателямъ *Вѣстника Европы* не велѣно, какъ я слышалъ, писать

о политикѣ, ибо они изъ разныхъ газетъ иностранныхъ сообщали многія ложныя извѣстія, противныя осторожному благоразумію.

75.

Москва, 15 февраля 1810.

Причиною моего долговременнаго молчанія была горесть и болѣзнь. Мы лишились нашей бывшей княжны: она съ мужемъ пріѣхала къ намъ изъ арміи, занемогла горячкою и черезъ 42 часа преставилась. Сей внезапный ударъ поколебалъ мои нервы. Я занемогъ почти въ ту самую минуту, какъ сестра наша испустила духъ; слегъ въ постелю горячкою же и въ осьмой день казался умирающимъ. Богъ сжалился надъ моею бѣдною женою, которая 10 дней не ѣла и не спала: я ожилъ и теперь оправляюсь; силы мои возвращаются, и я съ новымъ удовольствіемъ смотрю на свѣтъ, съ которымъ братъ вашъ едва было на вѣки не простился.

До сего несчастія мы были веселы. Государь, находясь въ Москвѣ, изволилъ сказать мнѣ нѣсколько привѣтливыхъ словъ; а еще болѣе Великая Княгиня, къ которой, исполняя волю Ея, нарочно я ѣздилъ послѣ въ Тверь: жилъ тамъ шесть дней, ксякій день обѣдалъ во Дворцѣ и читалъ по вечерамъ мою Исторію Великой Княгинѣ и Великому Князю Константину Павловичу. Они плѣняли меня своею милостію. За это кратковременное удовольствіе заплатилъ я послѣ слезами о кончинѣ нашей незабвенной сестры и моею жестокою болѣзнію.

Моя Катерина Андреевна отдохнула вмѣстѣ со мною; впрочемъ не скоро перестанетъ грустить о сестрѣ, отчасти ею воспитанной и бывшей предметомъ всеобщаго уваженія.

Простите, любезнѣйшій братецъ; на сей разъ довольно. Я еще не имѣю силъ совершенно здороваго человѣка; съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ письма.

76.

Москва, 28 марта 1810.

Слѣды болѣзни моей изгладились: я, слава Богу! здоровъ, отчасти здоровѣе прежняго, какъ бываетъ обыкновенно послѣ такихъ болѣзней.

Мы живемъ теперь въ домѣ Сергѣя Сергѣевича, а князевъ продали; думаемъ рано весною отправиться въ подмосковную и нанять здѣсь домъ на годъ. Въ наемныхъ домахъ жить скучно; но малые доходы наши и великая на все дороговизна не позволяютъ намъ купить собственнаго. Не хочется входить въ долги. Цѣны на все возрастаютъ ежедневно. Не говоря о другомъ, фунтъ хорошей говядины стоитъ теперь 24 копѣйки. Вины также вдвое дороже, хотя ихъ и много. Впрочемъ надобно только желать, чтобы не было хуже настоящаго. По крайней мѣрѣ живемъ спокойно.

Мнѣ пріятно было увидѣться съ братомъ Александромъ Михайловичемъ. Мы едва могли узнать другъ друга. Теперь онъ хлопочетъ въ Петербургѣ и скоро, думаю, возвратится.

Милость ко мнѣ Великой Княгини, Великаго Князя Константина Павловича и вдовствующей Императрицы служитъ для меня не малымъ ободреніемъ въ моихъ трудахъ. Отъ первой я недавно получилъ весьма лестное письмо. Императрица приказала сказать мнѣ, что она брала участіе въ моей болѣзни и завидуетъ Великой Княгинѣ, которой я читалъ свою Исторію. Константинъ Павловичъ также отзывается обо мнѣ съ отличнымъ благоволеніемъ. Пишу къ вамъ объ этомъ, зная что вы, любезнѣйшій братецъ, участвуете во всемъ до меня касающемся. Моя жена дружески вамъ кланяется вмѣстѣ со всѣми нашими малютками. Племянникъ вашъ Андрей молодецъ преизрядный.

77.

Москва, 22 мая 1810.

Богу угодно было поразить насъ новымъ ударомъ: мы лишились любезнѣйшей своей дочери, Наташи. Еще не довольно: всѣ остальныя дѣти наши имѣютъ ту же злую болѣзнь, страшный кашель, называемый *коклюшъ*, особенно Сонюшка, и безъ того весьма слабая грудью. Судите о нашемъ состояніи.

78.

Село Астафьево, 19 іюля 1810.

Остальнымъ дѣтямъ нашимъ, слава Богу! стало получше, хотя они все еще немного кашляютъ. Итакъ, съ этой стороны мы покойнѣе; но грусть о милой Наташѣ не выходитъ изъ сердца, и слезы изъ глазъ льются. Эта безцѣнная дочь была намъ еще любезнѣе другихъ и будетъ нами оплакиваема до гроба. Кромѣ собственной печали, огорчаюсь не менѣе и страданіемъ моей жены, которая не перестаетъ плакать горько. Я по крайней мѣрѣ могу находить разсѣяніе въ трудахъ: она же всегда съ своею грустью.

Радуюсь душевно, любезнѣйшій братецъ, что болѣзнь вашей милой Оленьки миновалась счастливо и желаю отъ всего сердца, чтобы вы никогда не имѣли впредь такихъ безпокойствъ мучительныхъ.

На сихъ дняхъ удостоенъ я получить Высочайшую грамоту съ знакомъ третьей степени св. Владиміра; прилагаю съ ея копію, будучи увѣренъ, что вы берете искреннее участіе и въ горестяхъ моихъ, и въ пріятностяхъ. Милость добраго Государя мнѣ любезна, хотя лѣта и печальная опытность прохладили во мнѣ всѣ чувства мірской суетности

Каковъ у васъ хлѣбъ?

Копія.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ

И ПРОЧАЯ И ПРОЧАЯ И ПРОЧАЯ.

Нашему надворному совѣтнику и исторіографу Карамзину.

Отличныя познанія и усердіе ваше къ распространенію россійскихъ изящныхъ письменъ и словесности, наипаче же труды, употребляемые вами въ изысканіяхъ и составленіи отечественной нашей исторіи, обращаютъ на Васъ особенное НАШЕ вниманіе. Въ ознаменованіе онаго и въ вящее поощреніе многотрудныхъ Вашихъ въ семъ родѣ упражненій, признали МЫ за благо пожаловать Васъ Кавалеромъ ордена Св. равноапостольнаго князя Владиміра третьей степени, коего знаки для возложенія на Васъ при семъ доставляются. Пребываемъ ИМПЕРАТОРСКОЮ НАШЕЮ милостію всегда Вамъ благосклонный.

Въ Санктпетербургѣ
іюля 1-го 1810 года.

АЛЕКСАНДРЪ.

79. *

Совсѣмъ нечаянно встрѣтилась мнѣ необходимость съѣздить въ деревню жены моей, откуда возвратился я съ разстроеннымъ здоровьемъ и съ глазною болью, которая мѣшаетъ мнѣ писать къ вамъ своею рукою. Я былъ гораздо ближе къ вашимъ мѣстамъ, но оставивъ въ деревнѣ дѣтей, все еще не совсѣмъ здоровыхъ, не могъ я пуститься еще на восемь сотъ верстъ для свиданія съ вами, любезнѣйшій братецъ, какъ мнѣ того ни хотѣлось: въ чемъ, конечно, вы не можете сомнѣваться. Путешествіе наше продолжалось семнадцать дней. Мнѣ надлежало защитить наше имѣніе отъ межевщика и капитана-исправника; но важнаго я ничего не сдѣлалъ, кромѣ того, что собственными глазами видѣлъ наше имѣніе: за что̀ заплатилъ я слишкомъ дорого: поврежденіемъ своихъ глазъ въ холодныя ночи. Уже три недѣли какъ мы возвратились, а я не могу ни писать, ни читать.

Вы желаете, любезнѣйшій братецъ, знать объ успѣхѣ моихъ трудовъ: въ нынѣшній годъ я почти совсѣмъ не подвинулся впередъ, описавъ только княженіе Василія Димитріевича, сына Донскаго. Болѣзнь моя, несчастныя потери и грусть отняли у меня не малую часть моихъ способностей. Трудъ, столь необъятный, требуетъ спокойствія и здоровья: не имѣю ни того, ни другаго и дѣлаюсь, къ несчастію, ме-

* Письмо это писано не рукою Карамзина

ланхоликомъ. Жаль если Богъ не дастъ мнѣ совершить начатаго къ чести и пользѣ общей. Оставивъ за собою дичь и пустыни, вижу впереди прекрасное и великое. Боюсь, чтобы я, какъ второй Моисей, не умеръ прежде, нежели войду туда. Княженіе двухъ Ивановъ Васильевичей и слѣдующія времена наградили бы меня за скудость прежней матеріи.

Думаемъ на сихъ дняхъ возвратиться въ Москву, и тогда по первой почтѣ отправлю къ вамъ сукно на фракъ. Едва ли найду англійскаго, но есть хорошія французскія и голландскія, рублей по 30. Цѣна у насъ на все ежедневно возвышается и нѣтъ ни малой надежды къ лучшему. Не весело жить въ такое время и трудно сообразить доходы съ расходами,

Село Астафьево, сентября 19 дня, 1810 года.

80.

Москва, 17 октября 1810.

Глазамъ моимъ стало получше, и теперь могу самъ написать къ вамъ нѣсколько строкъ.

Мы уже нѣсколько дней въ Москвѣ и живемъ, *въ Новой Басманной, въ домѣ адмирала Мордвинова.*

Посылаю вамъ сукно очень хорошее, аршинъ по 25 р.

Давно не имѣю отъ васъ писемъ. Со всѣми моими домашними обнимаю васъ, любезнѣйшаго брата, и Оленьку.

Государь пожаловалъ меня въ коллежскіе совѣтники.

Будьте совершенно здоровы. На вѣки преданный вамъ, и проч.

81.

Москва, 13 декабря 1810.

На сихъ дняхъ пріѣхала Анна Николаевна въ Москву, и нынѣшній день будетъ у насъ обѣдать. Я всегда душевно радъ, когда вижу нашихъ родныхъ, и въ особенности тѣхъ, которые могутъ мнѣ говорить объ васъ, любезнѣйшій братецъ. Анна Николаевна очень хвалитъ Оленьку: тѣмъ сильнѣе желаю видѣть ее вмѣстѣ съ вами. Дай Богъ, чтобы состояніе вашего здоровья не воспрепятствовало вамъ посѣтить насъ въ Москвѣ, къ сердечному утѣшенію нашего семейства.

Недавно былъ я въ Твери, и осыпанъ новыми знаками милости со стороны Великой Княгини. Она русская женщина: умна и любезна необыкновенно. Мы прожили около пяти дней въ Твери, и всякій день были у нея. Она хотѣла даже, чтобы мы въ другой разъ пріѣхали туда и съ дѣтьми.

На газеты и на *вѣстникъ* я для васъ подписался. Денегъ вашихъ осталось у меня еще 400 р.

Теперь здоровье мое поправилось: дай Богъ, чтобы вы тоже сказали мнѣ о своемъ.

82.

Москва, февраля 28, 1811.

На сихъ дняхъ я получилъ ваше письмо съ билетомъ Воспитательнаго дому и буду ожидать отъ васъ человѣка, чтобы купить и отправить съ нимъ вины, но дорога уже портится: боюсь, чтобы онъ не опоздалъ пріѣздомъ.

Надѣюсь, что вы теперь здоровы, любезнѣйшій братецъ, хотя и не говорите о томъ ни слова въ письмѣ. Радуюсь душевно, что вы имѣли пріятныя вѣсти о нашихъ родныхъ, кромѣ Александра Сергѣевича, коего разстроенное здоровье меня огорчаетъ. Надѣюсь, что натура еще поможетъ ему: онъ не старъ и былъ всегда крѣпкаго сложенія. Вы желаете знать о Григоріѣ Сергѣевичѣ: онъ женился на Болтиной, пятнадцатилѣтней дѣвицѣ, которой отецъ имѣетъ 2000 душъ и только одну дочь, но далъ за нею немного. Она кажется доброю и собою пріятна, но слишкомъ молода. Дай Богъ имъ счастія.

Я съ женою былъ опять въ Твери и жилъ тамъ двѣ недѣли, совершенно въ гостяхъ у Великой Княгини и у Принца. Они осыпали насъ ласками, и мы всякій день бывали у нихъ по нѣскольку часовъ. Любезность и милость Великой Княгини трогаютъ мою душу. Принцъ имѣетъ ангельское сердце и знанія. Часы, проведенные мною въ ихъ кабинетѣ, причисляю къ счастливѣйшимъ въ моей жизни. Теперь я возвратился къ обыкновеннымъ своимъ упражненіямъ.

83.

Москва, 12 апрѣля 1811.

Сердечно поздравляю васъ съ праздникомъ, хотя уже и прошедшимъ.

Какъ мнѣ жаль, что вашъ человѣкъ былъ здѣсь безъ меня и что я не могъ самъ исполнить вашихъ порученій, любезнѣйшій братецъ! Не знаю хороши ли вина и довольны ли вы этою покупкою.

Исполняя волю любезнѣйшей Великой Княгини, я ѣздилъ опять въ Тверь, чтобы быть тамъ представленнымъ Государю, который и самъ приказалъ Ивану Ивановичу Дмитріеву написать ко мнѣ о желаніи своемъ видѣть меня въ этомъ городѣ *. Осыпанный милостивыми

* Карамзинъ читалъ тогда Александру I о борьбѣ Димитрія Донскаго съ Мамаемъ, въ то самое время, когда готовилась уже новая, рѣшительная борьба съ западнымъ завоевателемъ.

привѣтствіями Императора, я читалъ ему нѣкоторыя мѣста изъ моей Исторіи. Онъ былъ доволенъ. Четыре раза обѣдали мы съ нимъ у Великой Княгини. Онъ звалъ меня и жену мою въ Петербургъ и простился съ нами особенно въ кабинетѣ; даже предлагалъ намъ жить въ Аничковскомъ Дворцѣ, который отданъ Великой Княгинѣ. Милость велика; однакожь, любезнѣйшій братецъ, я совсѣмъ не думаю ѣхать въ Петербургъ. Привязанность моя къ Императорской Фамиліи должна быть безкорыстна: не хочу ни чиновъ, ни денегъ отъ Государя. Молодость моя прошла, а съ нею и любовь къ мірской суетности.

84.

Москва, 30 мая 1811 года.

Мы съ дѣтьми прожили въ деревнѣ только двѣ недѣли и возвратились въ Москву съ тѣмъ, чтобы завтра ѣхать въ Тверь дней на восемь. Какъ ни пріятно намъ пользоваться милостію прелестной Великой Княгини, однакожь грустно разставаться съ малютками, да и моя Исторія отъ того терпитъ. Впрочемъ, любя искренно Великую Княгиню, не могу не исполнить ея воли. Она пишетъ ко мнѣ самыя ласковыя письма и желаетъ познакомить меня съ отцемъ Принца, который теперь у нихъ гоститъ. Человѣкъ рѣдко умный и добродѣтельный. Наполеонъ отнялъ у него Ольденбургское герцогство.

Политика наша все еще не ясна. Я желаю мира болѣе нежели когда-нибудь.

По крайней мѣрѣ дай Богъ, чтобъ не было новой войны.—Слышно, что Французамъ не хорошо въ Гишпаніи. Въ Португаліи они не смѣли аттаковать Англичанъ и съ величайшею потерею ушли назадъ.

Весна у насъ не совсѣмъ хороша: вѣтры и мало дождей; каковы у васъ хлѣбы?

Въ прошедшую зиму свирѣпствовали въ нашей нижегородской деревнѣ горячки, отъ которыхъ померло человѣкъ до 50-ти. Это уменьшило доходъ нашъ, что̀ вмѣстѣ съ дороговизною приводитъ насъ въ немалое экономическое затрудненіе. Сверхъ горестей сердечныхъ, сколько еще пустыхъ хлопотъ въ жизни!

85.

С. Астафьево, 1 августа 1811 г.

Я имѣлъ сердечное удовольствіе видѣться съ Александромъ Сергѣевичемъ Кушниковымъ; и какъ онъ перемѣнился! Болѣзнь его существуетъ болѣе въ воображеніи, но тѣмъ хуже, ибо на нее нѣтъ лекарства въ аптекахъ. Одна дѣятельность и разсѣяніе могутъ ему быть полезны.

Живемъ въ сельскомъ уединеніи, и если будемъ здоровы, то пре-

жде октября отсюда не выѣдемъ. Александръ Сергѣевичъ порадовалъ насъ вѣстію, что вы, любезнѣйшій братецъ, намѣрены пріѣхать въ Москву на будущій годъ; хотя это еще и далеко, однакожъ мы и заранѣе веселимъ себя мыслію видѣть васъ среди нашего семейства. Дай Богъ, чтобы это случилось! Любезная Оленька будетъ съ вами, какъ надѣемся.

Скоро выдетъ, какъ сказываютъ, новое образованіе сената; проектъ уже напечатанъ, но я не видалъ его.

Что̀ касается до моихъ упражненій, то иду впередъ съ нетерпѣніемъ быть какъ можно далѣе. Старость приближается и глаза тупѣютъ: худо если года въ три не дойду до Романовыхъ! Тутъ могъ бы я и остановиться... Но да будетъ, какъ Богу угодно!

86.

С. Астафьево, 20 августа 1811 г.

Имѣвъ сердечное удовольствіе получить отъ васъ письмо изъ Симбирска, вижу, что вы не получили моихъ двухъ послѣднихъ, изъ которыхъ одно было изъ Москвы, а другое изъ деревни.

Вы, любезнѣйшій братецъ, были въ пути, а мы постоянно жили на одномъ мѣстѣ, такъ что я по возвращеніи изъ Твери ни разу не заглянулъ въ Москву; не люблю города лѣтомъ, тѣмъ болѣе, что всегда какая-нибудь непріятность заставляетъ насъ туда ѣздить. Если будемъ здоровы, то располагаемся прожить въ деревнѣ до октября. Скучно, что не имѣемъ своего дому въ городѣ, но не хочется купить его на заемныя деньги, а доходовъ не остается. Имѣемъ теперь съ женою въ своемъ владѣніи тысячу душъ, и нуждаемся по неумѣренной дороговизнѣ всѣхъ вещей; да и впереди мало надежды къ лучшему.

Я мѣсяца два хлопоталъ о дѣлѣ нашего молодаго князя, у котораго экономическіе крестьяне, подкупивъ гражданскую палату, самымъ наглымъ образомъ отняли было землю. Это испортило у меня не мало крови. Странное время. Взяткобрательство сдѣлалось общимъ, и справедливость, не подкрѣпленная деньгами, слаба какъ соломенка. Мнѣ надобно было дѣйствовать всѣми баттареями, чтобы одержать верхъ надъ самыми глупыми плутами. Вотъ чѣмъ занимался нынѣшнимъ лѣтомъ исторіографъ россійскій! Не смотря на всѣ мои связи, я, право, ни въ чемъ не увѣренъ, кромѣ того, что люблю добро и честь.

87.

Москва.

Давно не имѣлъ я сердечнаго удовольствія писать къ вамъ: былъ нѣсколько времени боленъ, потомъ крайне безпокоенъ отъ весьма

опасной болѣзни нашего молодаго князя, а наконецъ, когда ему стало лучше, ѣздилъ въ Тверь.

Князь женился, и мы въ отношеніи къ нему не перемѣнились. Онъ по совѣту докторовъ не выѣзжаетъ: часто навѣщаемъ его дружески, сердечно желая ему истиннаго блага.

Будучи въ Твери, мы пользовались какъ и прежде, отмѣнною милостію Великой Княгини: всякій день у нея обѣдали и бывали по вечерамъ.

Здѣсь какъ-то все не весело отъ чрезвычайной дороговизны, которая непрестанно умножается. Обѣщаютъ миръ съ Турками: дай Богъ!— Увѣдомьте, любезнѣйшій братецъ, многіе ли взносятъ у васъ деньги за рекрутовъ по новому указу.

88.

Москва, 26 декабря 1811.

Я виноватъ передъ вами и передъ собою, такъ долго не писавъ къ вамъ; раза три забывалъ день почты, хотя и твердилъ себѣ, чтобы не позабыть его. Память моя съ нѣкотораго времени часто шутитъ надо мною.—Теперь я окруженъ нездоровыми: Катерина Андреевна и всѣ дѣти въ жестокомъ кашлѣ. Это здѣсь повѣтріе; у иныхъ проходитъ скоро; надѣюсь, что и моя гошпиталь будетъ не долговременна. У насъ удивительная зима. Термометръ не показываетъ болѣе четырехъ или пяти градусовъ холода. Дороги худы и не мало болѣзней. Въ Москвѣ на сихъ дняхъ умерло нѣсколько извѣстныхъ людей скоропостижно, ударомъ: князь Иванъ Сергѣевичъ Борятинскій, князь Егоръ Алексѣевичъ Голицынъ и проч. Это многихъ пугаетъ; но когда же смерть у насъ не за плечами?

Вчера подписался я для васъ на газеты и на «*Вѣстникъ Русскій*». Надѣюсь, что вы будете получать ихъ исправно.

Дороговизна у васъ и вездѣ возрастаетъ, и мы, неимущіе деревень на пашнѣ, ни фабрикъ, ни заводовъ, часъ отъ часу становимся бѣднѣе. Ждали мира, но до сего времени тщетно, хотя и не теряемъ надежды. Это имѣло бы хорошія слѣдствія. Французскія дѣла въ Гишпаніи еще не близки къ концу: Наполеонъ теряетъ тамъ множество людей и денегъ. Однимъ словомъ, всѣ теряютъ; а кто выигрываетъ, не знаю. Надобно утѣшиться вѣрою, что все къ лучшему.

89.

Москва, 6 марта 1812.

Сердечно благодарю васъ за письмо отъ 20 февраля, при которомъ получилъ я и копію съ билета, но еще не успѣлъ взять денегъ.

Мнѣ завидно, любезнѣйшій братецъ, что вы часто бываете окру-

жены нашими родными, а я лишенъ этого великаго удовольствія. Кромѣ Сергѣя Сергѣевича и сестеръ его, не вижу никого изъ ближнихъ. Какъ-то живетъ братъ Ѳедоръ Михайловичъ? Обстоятельства его, думаю, затруднительны, особенно по воспитанію дѣтей. Крайне желаю видѣть Никиту Никитича, чтобы поговорить съ нимъ объ васъ.

Мира съ Турками нѣтъ, и мы готовимся къ войнѣ съ Французами. Надобно молиться Богу. Слышно, что самъ Государь будетъ командовать арміею и выѣдетъ изъ Петербурга 13 или 15 нынѣшняго мѣсяца. Любя отечество съ усердіемъ къ его цѣлости и славѣ, я стараюсь успокоивать себя вѣрою въ Провидѣніе. Мы живемъ во времена трудныя. Небо не хочетъ проясниться надъ нами. Великая Княгиня уѣхала въ Петербургъ. Я былъ въ Твери на одинъ день и простился съ нею на-долго, какъ думаю. Она останется въ Петербургѣ.

Я нѣсколько разъ былъ нездоровъ. Между тѣмъ работаю и стараюсь не давать воли своимъ печальнымъ мыслямъ.

90.

Москва, 28 мая 1812.

Слава Богу, моя Катерина Андреевна родила благополучно дочь Наталью: это имя дали мы въ память покойной нашей дочери, о которой и нынѣ проливаемъ слезы.

Исторія Сперанскаго есть для насъ тайна: публика ничего не знаетъ. Думаютъ, что онъ уличенъ въ нескромной перепискѣ. Его всѣ бранили, теперь забываютъ. Ссылка похожа на смерть.

Французскія войска стоятъ по Вислѣ, наши отъ Галиціи до Курляндіи. Война кажется неизбѣжною. Наполеонъ въ Дрезденѣ и скоро будетъ въ арміи. Дѣла его въ Гишпаніи идутъ худо. Что̀ будетъ, извѣстно одному Богу. — Между тѣмъ каковы у васъ хлѣба̀? Здѣсь не хороши.

Нашъ князь Вяземскій зоветъ насъ въ свою подмосковную: мы желаемъ скорѣе выѣхать изъ города, но еще не знаемъ, когда.

91.*

5 іюля.

Увѣдомьте насъ о вашемъ здоровьи, а мы, слава Богу, здоровы. Когда вы съ любезною Оленькою пріѣдете къ намъ погостить? Мы живемъ теперь одни и ожидаемъ васъ съ нетерпѣніемъ истинной, родственной дружбы. А если вы не расположены скоро быть къ намъ, то я̀ во вторникъ буду къ вамъ обѣдать, если не будетъ дождя; но на всякій случай прошу не ждать меня долѣе третьяго часу. Съ того времени какъ вы отъ насъ уѣхали, мы ничего не слышимъ и не знаемъ

* Записка, писанная во время пребыванія брата Карамзина въ Москвѣ.

о важныхъ происшествіяхъ. Мнѣ бываетъ иногда очень, очень грустно, и я совсѣмъ не могу заниматься моею обыкновенною работою. Простите, до свиданія, любезнѣйшій братецъ. Мысленно обнимаю васъ и Оленьку. Мои всѣ вамъ свидѣтельствуютъ душевное почтеніе.

92.

Москва, 29 іюля 1812.

Письмо ваше меня очень обрадовало: слава Богу, что вы благополучно совершили половину пути! Теперь вамъ надобно быть уже дома. Я послѣ васъ лежалъ дней пять: теперь оправляюсь и даже по обыкновенію ѣзжу верхомъ, однакожь еще слабъ. Живемъ въ неизвѣстности. Ждемъ главнаго сраженія, которое должно рѣшить участь Москвы. Добрые наши поселяне идутъ на службу безъ роптанія. Безпокоюсь о любезномъ отечествѣ, безпокоюсь также о своемъ семействѣ: не знаю, что̀ съ нами будетъ. Мы положили не выѣзжать изъ Москвы безъ крайности: не хочу служить примѣромъ робости. Пріятели ссудили меня деньгами. О происшествіяхъ вы знаете по газетамъ. Главная наша армія около Смоленска. По сю пору въ частныхъ дѣлахъ мы одерживали верхъ, хотя и не безъ урона: теперь все зависитъ отъ общей битвы, которая не далека.

93.

Москва, 27 августа 1812.

Не вините меня, что я недѣли двѣ не писалъ къ вамъ. Право не хотѣлось за перо взяться. Наконецъ я рѣшился силою отправить жену мою съ дѣтьми въ Ярославль, а самъ остался здѣсь и живу въ домѣ у главнокомандующаго Ѳедора Васильевича*, но безъ всякаго дѣла и безъ всякой пользы. Душѣ моей противна мысль быть бѣглецомъ: для этого не выѣду изъ Москвы пока все не рѣшится. Вчера началось кровопролитнѣйшее сраженіе и нынѣ возобновилось. Слышно, что мы еще удерживаемъ мѣсто. Убитыхъ множество: Французовъ болѣе. Изъ нашихъ генераловъ ранены Багратіонъ, Воронцовъ, Горчаковъ, Коновницынъ. Съ обѣихъ сторонъ дерутся отчаянно: Богъ да будетъ намъ поборникъ! Черезъ нѣсколько часовъ окажется, или что

* Графа Растопчина. Карамзинъ былъ съ нимъ въ давнишней дружбѣ. «Одинъ недоброжелатель Карамзина, разказываетъ И. И. Дмитріевъ, — принадлежавшій къ партіи, старавшейся всячески вредить ему, сдѣлалъ на него доносъ, представляя его *человѣкомъ вреднымъ для правительства, безбожникомъ*.—Знаешь ли ты Карамзина? спросилъ Императоръ Павелъ дежурнаго своего генералъ-адъютанта Растопчина. — «Знаю, отвѣчалъ послѣдній, и съ отличной стороны по сочиненіямъ его, и не узнаю въ семъ сочиненіи.» — Я ожидалъ этого — продолжалъ Государь — ибо мнѣ извѣстенъ доноситель; вотъ и рѣшеніе мое. — Произнесши эти слова, Монархъ бросилъ доносъ въ каминъ.»

Россія спасена, или что она пала. Я довольно здоровъ и твердъ: многіе кажутся мнѣ малодушными. Вѣрно, что есть Богъ! Участь моя остается въ неизвѣстности. Буду ли еще писать къ вамъ, не знаю; но благодарю Бога за свое доселѣ хладнокровіе, не весьма обыкновенное для моего характера. Чѣмъ ближе опасность, тѣмъ менѣе во мнѣ страха. Опытъ знакомитъ насъ съ самими нами.

94.

Нижній, сентября 19, 1812.

1-го сентября выѣхалъ я изъ Москвы, куда на другой день вошли Французы. Вмѣстѣ съ женою пріѣхали мы изъ Ярославля въ Нижній, и еще не знаемъ, гдѣ будемъ, здѣсь ли, въ Арзамасѣ ли, или въ деревнѣ. Когда гдѣ-нибудь осмуемся, то васъ увѣдомлю. По сіе время мы были здоровы.

Свиданіе съ братомъ Александромъ Михайловичемъ меня обрадовало. Жаль только, что онъ скоро отъ насъ уѣхалъ.

Не пишу къ вамъ о новостяхъ, любезнѣйшій братецъ: и мало знаю, и говорить не хочется.

(До слѣдующей книжки.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

«НЕ МѢСТО КРАСИТЪ ЧЕЛОВѢКА, ЧЕЛОВѢКЪ — МѢСТО». . . . . А. М. ПАЛЬХОВСКАЯ.
МАГАЗИНЪ ЗЕМЛЕВѢДѢНІЯ И ПУТЕШЕСТВІЙ. . . . . А. И. КРОНЕБЕРГА.
СИНЬОРЪ ПЕТРУЧЧІО. *(Окончаніе.)* . . . М. БИБИКОВА.
ПУТЕШЕСТВІЯ И ОТКРЫТІЯ ДОКТОРА БАРТА ВЪ АФРИКѢ. *(Продолж.)* . . . М—РА.
ПЕРЕПИСКА. *(Продолж.)* . . . . . Н. М. КАРАМЗИНА.

Являясь еженедѣльно книжками, отъ *трехъ* до *пяти* листовъ въ каждой, АТЕНЕЙ будетъ сообщать:

1. Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной литературы;
2. Хронику важнѣйшихъ новостей въ общественной и государственной жизни современныхъ народовъ,
и 3. Статьи историческаго содержанія, записки (mémoires), путешествія, разказы, литературныя замѣтки, ученыя и художественныя извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ конторѣ *Атеней*, при книжномъ магазинѣ Н. Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина, и у книгопродавцевъ: Ѳ. О. Свѣшникова, въ домѣ университетской типографіи, и И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Зверржскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

У книгопродавца С. А. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгартъ.

ВЪ ПАРИЖѢ

Въ конторѣ Русскаго Агентства газеты Le Nord, boulevard de la Madelaine, 5.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ контору *Атенея*, въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 52-хъ книжекъ, *десяти* рублей, съ пересылкою *одиннадцать рубл. съ полтиною.*

Печатать дозволяется. Іюня 7-го, 1858 года.
Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 25.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРНСТА БАРФКНЕХТА И К°

1858.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ.

А. Милюкова. Второе, дополненное изданіе. Спб. 1858.

—

Книжка г. Милюкова вышла первымъ изданіемъ лѣтъ десять тому назадъ. Въ нынѣшнемъ изданіи она является нѣсколько дополненною; впрочемъ, дополненія, сдѣланныя авторомъ, прибавляютъ только немногія подробности къ развитію его взгляда; самый характеръ воззрѣнія на исторію древней и новой русской поэзіи остался неизмѣннымъ. Не будемъ излагать этого воззрѣнія, потому что считаемъ книжку г. Милюкова весьма извѣстною любителямъ русской литературной исторіи и обратимся прямо къ тѣмъ мыслямъ, которыя можетъ вызвать новое изданіе «Очерка».

Многимъ кажется странно, что послѣ десяти лѣтъ, прошедшихъ со времени перваго изданія книги и принесшихъ не мало новыхъ данныхъ для исторіи нашей литературы, авторъ нисколько не измѣнилъ своего изложенія и не воспользовался новыми изслѣдованіями. Не повредило ли это достоинству книги, не оставило ли пробѣловъ въ сочиненіи или ошибочныхъ теорій, уже отвергнутыхъ или видоизмѣненныхъ наукою? Вопросъ этотъ стóитъ разбора. Конечно, книжка г. Милюкова не болѣе, какъ самый короткій очеркъ, гдѣ авторъ не имѣлъ возможности пускаться въ обширныя толкованія фактовъ и долженъ былъ ограничиваться одними указаніями главныхъ явленій русской поэзіи,— тѣмъ не менѣе критика должна серьёзно заняться сочиненіемъ г. Милюкова. «Очеркъ» имѣетъ въ нашихъ глазахъ большую цѣну, какъ удачно выраженное и вѣрное себѣ изложеніе извѣстнаго взгляда на характеръ русской поэзіи и русской исторической жизни, — взгляда, пользовавшагося прежде

большимъ авторитетомъ и теперь нѣсколько заслоняемаго другими теоріями.

Г. Милюковъ передаетъ то воззрѣніе на историческій ходъ нашей литературы, которое въ сороковыхъ годахъ блистательно проведено было Бѣлинскимъ и за нимъ нѣкоторыми другими критиками. Съ тѣхъ поръ сдѣлано было кое-что для опредѣленія древней литературы, но развитіе взгляда на новѣйшій литературный періодъ, повидимому, немного занимало спеціалистовъ. Еще при Бѣлинскомъ начали показываться попытки болѣе точнымъ образомъ установить понятіе объ историческомъ ходѣ нашей литературы, но скоро потомъ разработка предмета обратилась почти исключительно къ собиранію фактовъ: жизнеописанія авторовъ или вѣрнѣе библіографія ихъ сочиненій стали главной заботой тѣхъ, въ комъ уцѣлѣла охота заниматься исторіей литературы. Этотъ характеръ изученія не нравился многимъ, и библіографы не разъ слышали неодобрительные отзывы о своихъ трудахъ; отзывы принадлежали людямъ, скептически смотрѣвшимъ на самый предметъ ревностныхъ изысканій, находившимъ его нестоющимъ вниманія. Эти осужденія были не совсѣмъ справедливы: при тогдашнихъ обстоятельствахъ обращеніе къ чисто-фактическимъ изслѣдованіямъ было очень естественно, и притомъ, если вообще литература стала серьёзнымъ предметомъ изученія, то стало вполнѣ законнымъ желаніе опредѣлить ея внѣшнюю исторію, какова бы она ни была, крупна или мелка. Наши библіографы впадали иногда въ забавные промахи, иногда занимались пустяками, но у нихъ нельзя отнять той заслуги, что они познакомили насъ со многими любопытными подробностями нашей литературной исторіи. Это историческое изученіе не разъ выставляло факты въ доказательство сужденій, высказанныхъ критикою Бѣлинскаго; оно подтверждало, въ главныхъ чертахъ, тѣ смѣлыя, иногда рѣзкія мнѣнія, которыя сначала возбудили противъ себя такое сильное и неблагоразумное негодованіе литературныхъ консерваторовъ и которыя теперь стали общепризнанными понятіями. Въ историческомъ изученіи былъ впрочемъ новый оттѣнокъ опредѣленія литературныхъ личностей и эпохъ: оно менѣе занималось вопросомъ объ ихъ безотносительной важности для нашего времени, о значеніи того или другаго изъ старинныхъ писате-

лей для нынѣшняго читателя, впередъ признавая ихъ незначительность въ этомъ смыслѣ; но зато оно ближе всматривалось въ тѣ отношенія, въ какихъ извѣстный писатель стоялъ къ современной ему жизни и къ современнымъ ему читателямъ; оно разсматривало дѣятельность писателя въ сферѣ, опредѣленной обстоятельствами его современности. Это былъ критеріумъ, если не совершенно новый, то мало употребленный въ дѣло прежде. Историческая точка зрѣнія, въ сущности бывшая продолженіемъ критики Бѣлинскаго, обращала въ писателѣ вниманіе не на одно служеніе искусству, но и на служеніе обществу, смотрѣла на литературу стараго времени всего чаще какъ на матеріалъ историческій, какимъ она только и можетъ быть для нашего времени.

Критика времени Бѣлинскаго давала творческое значеніе реформѣ Петра Великаго: жизнь древней и новой Россіи, ихъ выраженія внѣшнія и нравственныя, въ глазахъ критики представляли полную, окончательную противоположность. Находя въ жизни и литературѣ новой Россіи зачатки болѣе счастливаго и болѣе разумнаго будущаго, она тѣмъ болѣе была неблагосклонна къ временамъ до-петровскимъ, въ которыхъ видѣла только азіатскій застой, издавна таившуюся испорченность. Та древняя литература, которою такъ усердно занимаются теперь и въ которой иные любители находятъ нѣчто весьма замѣчательное и своеобразное, эта литература не существовала почти въ глазахъ критики; народная поэзія поражала ее своими крайностями и вообще тѣми чертами, которыя, строго говоря, принадлежали иногда только позднѣйшему упадку или были не существенны. Съ перваго взгляда древняя письменность и поэзія дѣйствительно могли показаться чѣмъ-то грубымъ, неразвитымъ, азіатски-фантастичнымъ; въ нихъ не открывалось ничего аналогическаго съ тѣмъ, что̀ представляютъ средневѣковыя литературы и поэзія западной Европы. Слѣдовательно какъ нельзя лучше подтверждалась мысль о томъ, что до-петровская Русь могла создать только дикія идеи и образы, которые соотвѣтствовали ея испорченному быту. Въ сущности, древняя русская литература не интересовала критику; трудъ надъ нею казался трудомъ лишнимъ, который не могъ дать любопытныхъ результатовъ. Въ одно время съ этимъ воззрѣніемъ, надобно за-

мѣтить, существовало и другое, прямо противоположное, находившее въ древнихъ русскихъ писателяхъ образцы поэтическаго творчества, краснорѣчія, даже глубину философскаго мышленія, до какой не доходили лучшіе представители германской философіи. Въ смыслѣ этихъ воззрѣній сочинялись даже исторіи русской словесности, «преимущественно того времени, когда ничего не писали», какъ замѣтилъ одинъ остроумный писатель. Крайнія преувеличенія и фанатизмъ этой школы сдѣлали только то, что отзывы людей противнаго взгляда стали еще суровѣе и нетерпимѣе.

Съ того времени изученіе древней жизни и древней литературы замѣтно подвинулось впередъ; одной изъ важнѣйшихъ задачъ новыхъ изслѣдованій было доказать постепенность того переворота, который приписывали исключительно волѣ Петра. Вѣрное разрѣшеніе вопроса броситъ новый свѣтъ на ходъ древняго русскаго развитія и покажетъ, дѣйствительно ли оно было такъ слабо, что вѣчно должно было остаться въ тѣсныхъ предѣлахъ замкнутой національности, или же, напротивъ, оно шло издавна, хотя и медленно, и послѣднимъ выводомъ имѣло явленіе Петра. Въ одномъ случаѣ все движеніе древней жизни представляется невѣрными шагами ребенка, который бы не могъ идти безъ посторонней поддержки; въ другомъ оно является правильнымъ ходомъ человѣка, видящаго свою цѣль, но принужденнаго пробираться къ ней черезъ кочки и болота. Послѣднее время передъ Петромъ получаетъ въ этомъ отношеніи значеніе важнаго критическаго момента, и теперь онъ останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе изслѣдователей. Древняя жизнь стала предметомъ внимательнаго изученія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ съ одной стороны точнѣе опредѣляются ея юридическія и бытовыя отношенія, съ другой явилось ближайшее изученіе народной словесности: къ нему приложена была историческая метода, употребленная въ первый разъ школой Гримма для нѣмецкой поэзіи. Разсматриваемая въ связи съ исторіей языка и съ поэтическими памятниками соплеменныхъ народовъ, русская народная поэзія представилась въ новомъ видѣ изслѣдователямъ: въ ней указано было дѣйствіе тѣхъ же законовъ, по которымъ составился народный эпосъ у другихъ европейскихъ племенъ; указаны были разныя аналогическія явленія въ

ея исторіи сравнительно съ западной поэзіей, отдѣлена первоначальная норма нашей поэзіи отъ позднихъ искаженій. Все это имѣетъ существенную важность при разборѣ ея достоинствъ и недостатковъ: если взять безразличную массу того, что̀ намъ извѣстно изъ поэтическихъ памятниковъ народа, и прямо на этомъ основывать свои выводы, то легко впасть въ большую ошибку, потому что не только форма, но и содержаніе нашего эпоса подверглись значительнымъ измѣненіямъ въ теченіе вѣковъ, отдѣляющихъ позднѣйшую редакцію отъ древняго первообраза, и смѣшать то и другое было бы исторически невѣрно. Памятники нашего эпоса, говорящіе о Владимірѣ и его богатыряхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ гораздо болѣе принадлежатъ новому времени, чѣмъ времени описываемыхъ героевъ.

Въ такомъ положеніи находится теперь изученіе нашей литературной исторіи: нельзя не согласиться, что въ немъ есть много началъ, положительно вѣрныхъ въ научномъ отношеніи. На сколько г. Милюковъ воспользовался ими въ своей книгѣ? Онъ оставилъ свой «Очеркъ» въ томъ же видѣ, какъ онъ былъ изданъ въ первый разъ, и едва ли былъ правъ. Мы остановимся теперь на его характеристикѣ древняго періода, которая прежде всего можетъ подвергнуться возраженіямъ. Существенная ошибка, въ которую онъ впадаетъ здѣсь, заключается въ томъ, что онъ смѣшиваетъ въ одно всѣ эпохи старой народной поэзіи и, произнося надъ ней строгій приговоръ, обвиняетъ иногда XII-й и XIII-й вѣка въ томъ, въ чемъ виноваты были только XVI-е и XVII-е столѣтія. Сравнивъ Слово о полку Игоревѣ съ позднѣйшимъ подражаніемъ, авторъ самъ увидѣлъ огромную разницу между свѣжимъ произведеніемъ древней эпохи и сухой, безжизненной поддѣлкой. Если бы можно было такимъ же образомъ сличить древнюю устную словесность народа съ ея позднѣйшимъ извращеніемъ, мы безъ сомнѣнія увидѣли бы такой же контрастъ полноты, свѣжести и силы съ одной стороны и отрывочности, грубости и непоэтичности съ другой. Чтобы сохранить историческое безпристрастіе, не надобно забывать, что пѣсни, воспѣвающія до сихъ поръ пиры Владиміра, упомянутые еще Несторомъ, прошли черезъ цѣлый рядъ вѣковъ и отъ каждаго изъ нихъ приняли какую-нибудь черту, чуждую древней основѣ. Мы знаемъ эти пѣсни въ одеждѣ XVIII-го или

даже нынѣшняго столѣтія и не можемъ всѣ ихъ темныя стороны навязывать самой эпохѣ Владиміра, то-есть принимать ихъ за характеръ цѣлой русской народности, а не позднѣйшихъ ея членовъ. Что отношеніе древней и новой формы пѣсенъ было дѣйствительно таково, доказывается аналогіей съ поэтическими памятниками другихъ славянскихъ племенъ и внутренними чертами самыхъ пѣсенъ. Позднѣйшіе наросты часто такъ ясны въ нихъ, что могутъ быть отличены съ перваго взгляда; и общій ходъ народнаго эпоса заставляетъ предполагать въ древнѣйшихъ редакціяхъ большее развитіе и поэтической формы, и содержанія. Слово о полку Игоревѣ — произведеніе, только въ половину народное — открываетъ множество такъ-называемыхъ красотъ языка и поэтическаго выраженія, уже потерянныхъ для новѣйшей поэзіи.

Главные памятники нашего эпоса принадлежатъ эпохѣ Владиміра. Г. Милюковъ думаетъ, что число ихъ доходитъ до семнадцати: такой счетъ едва ли возможенъ теперь, когда безпрестанно отыскиваются все новые и новые варіанты древнихъ стихотвореній Кирши Данилова, въ которыхъ все полнѣе собирается эпопея Владиміра. Въ послѣдніе годы издано нѣсколько пѣсенъ съ сюжетами вовсе не упомянутыми въ Сборникѣ Данилова, и это позволяетъ надѣяться, что со временемъ число ихъ еще увеличится. Сравненіе варіантовъ указываетъ вопервыхъ, что главныя черты преданья переданы народной поэзіей весьма точно и что поэтому преданье дѣйствительно можетъ идти отъ самого Владиміра; но съ другой стороны подробности вездѣ болѣе или менѣе измѣняются: въ каждой мѣстности пѣсня поется другими словами, иногда пѣсня получаетъ особенный спеціальный смыслъ, примѣняется ко времени и обстоятельствамъ. Характеръ этой эпопеи г. Милюковъ опредѣляетъ такимъ образомъ. «Историческія преданія о подвигахъ и войнахъ Владиміра Святославича послужили основою этихъ пѣсенъ, — и изъ соединенія ихъ составилась цѣлая народная эпопея, гдѣ истина была только рамою, въ которую вставляли вымышленныя событія и баснословныя лица, въ которую вошло все, что̀ только могло породить народное воображеніе. Не ищите сходства въ пирахъ князя Владиміра ни съ пѣснями объ Артусѣ и рыцаряхъ Круглаго Стола, ни съ поэмами о Карлѣ Великомъ,

носящими на себѣ печать среднихъ вѣковъ, ни съ Нибелунгами, этой героической поэмой, вполнѣ проникнутой духомъ нѣмецкаго рыцарства и отличающейся обдуманной цѣлостью плана и изящнымъ выраженіемъ. Въ нашей пѣснѣ видимъ совершенно иной характеръ, вполнѣ отражающій русскую жизнь, съ остатками нравовъ скандинавскихъ и вліяніемъ Востока.» Сходства съ Нибелунгами и поэмами о Карлѣ Великомъ и нельзя искать въ нашихъ пѣсняхъ, потому что эти поэмы и пѣсни о Владиміровыхъ богатыряхъ — явленія, совершенно разнородныя: однѣ — литературныя произведенія, выросшія на почвѣ народной, но по исполненію болѣе или менѣе искусственныя, другія — непосредственныя проявленія поэтическаго чувства народа, не тронутыя и не собранныя въ одно цѣлое талантливой рукой образованнаго поэта, но, напротивъ, разбитыя временемъ на безсвязные отрывки. И тѣ и другія могутъ быть названы эпосомъ, но однѣ какъ вполнѣ развитыя, законченныя произведенія, другія — только какъ начало, способное къ подобному развитію. Древняя письменность сохранила небольшой памятникъ, неоспоримо доказывающій, что при болѣе благопріятныхъ условіяхъ это развитіе было возможно и для древней русской поэзіи; этотъ памятникъ — Слово о полку Игоревѣ, также пропитанное народными элементами, но чуждое народу, какъ произведеніе книжное. Далѣе, сколько отразились въ нашихъ пѣсняхъ скандинавскіе нравы, трудно сказать навѣрно, но едва ли много, потому особенно, что пѣсни принадлежали слою народа, не имѣвшему тѣсныхъ связей съ пришельцами. Быть-можетъ, въ пѣсняхъ о Владиміровыхъ богатыряхъ столько же скандинавскаго начала, сколько въ казацкихъ думахъ южной Россіи и въ пѣсняхъ о подвигахъ сибирскихъ удальцовъ. Вопросъ о вліяніи Востока на древнюю русскую поэзію, по нашему мнѣнію, долженъ быть рѣшенъ отрицательно, потому что трудно указать, въ чемъ именно оно проявилось: никакія преданья нашего эпоса не были занесены къ намъ съ Востока (сюжетъ пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ, которую г. Милюковъ сравниваетъ съ персидскимъ разказомъ о Рустемѣ и Зорабѣ, такимъ же образомъ повторяется въ древне-нѣмецкой пѣснѣ о Гильтибрандѣ и Гадубрандѣ, не говоря о другихъ примѣрахъ), поэтическіе пріемы не напоминаютъ восточнаго

искусства, кромѣ развѣ одного исключенія, на которое обыкновенно опираются защитники восточнаго вліянія, — это фантастическій колоритъ, господствующій въ русскомъ эпосѣ къ ущербу истины и изящества. Мы скажемъ объ этомъ нѣсколько словъ.

Обвиняя нашъ эпосъ въ восточной гиперболѣ и грубой фантазіи, обыкновенно смѣшиваютъ собственно историческій эпосъ съ народными, такъ-называемыми дѣтскими сказками (Kindermärchen), которыя всегда и вездѣ стоятъ особнякомъ въ народной поэзіи. Время ихъ происхожденія скрывается въ младенческой порѣ народнаго существованія, смыслъ ихъ тѣсно связанъ съ первыми наивными представленіями о силахъ природы, о зависимости отъ нихъ человѣка. Впослѣдствіи народные миѳы выростаютъ до цѣлаго миѳологическаго цикла, но сказки, какъ первоначальный дѣтскій урокъ, переходили отъ одного поколѣнія къ другому, отставая отъ развитія миѳологіи. Со временемъ, когда угасаетъ ихъ миѳическій смыслъ, онѣ достигаютъ до изображенія житейской дѣйствительности, но отъ старины навсегда удерживаютъ особенный наивный тонъ разказа, олицетвореніе природы. Человѣкъ хотя и представляется въ сказкѣ героемъ, но является въ зависимости отъ силъ природы, олицетворяемой въ чародѣяхъ и волшебницахъ, феяхъ и драконахъ и другихъ сверхъ-естественныхъ существахъ. Съ подобнымъ характеромъ сказка извѣстна у всѣхъ народовъ: наши сказки чрезвычайно сходны не только съ славянскими, но германскими и романскими, что̀ было указано уже давно. Просмотрѣвъ новое изданіе г. Аѳанасьева, весьма легко убѣдиться въ совершенно европейскомъ складѣ и наружности нашихъ сказокъ. Такимъ образомъ, авторъ «Очерка» ошибается, если думаетъ, что всѣ невѣроятныя чудеса и гиперболы русскихъ сказокъ обязаны своимъ началомъ только испорченности воображенія нашихъ предковъ, принесенной восточнымъ вліяніемъ: иначе то же восточное вліяніе онъ долженъ признать и въ сказкахъ штирійскихъ Славянъ, рейнскихъ Нѣмцевъ и сѣверныхъ Норвежцевъ.

Пріемы и представленія сказочнаго эпоса были для всѣхъ такъ привычны и знакомы, что иногда проникали въ памятники перваго литературнаго періода. Западные романы среднихъ

вѣковъ нерѣдко заимствуютъ свои краски изъ народныхъ сказокъ, иногда берутъ изъ нихъ цѣлые сюжеты, напримѣръ романы о феяхъ. Въ одномъ нѣмецкомъ романѣ описывается совершенно такъ же какъ въ русской сказкѣ, замокъ, окруженный тыномъ, и на каждой тынинкѣ по богатырской головѣ. Подобное вліяніе сказки проявилось и у насъ, оно обнаружилось на историческихъ пѣсняхъ. Въ блѣдное время удѣловъ, когда жизнь народа была бѣдна для того, чтобы дать содержаніе эпосу, народъ обратился къ старымъ преданьямъ, пѣсни о Владимірѣ замѣнили недостатокъ болѣе современныхъ произведеній, но уже скоро должны были потерять свой историческій смыслъ: ихъ героическая сторона была смѣшана съ героическими приключеніями, переданными въ сказкахъ, и вслѣдствіе того, въ историческія пѣсни внесены были черты чисто-сказочныхъ миѳовъ и преданій. Какой-нибудь Тугаринъ съ одной стороны имѣетъ въ пѣснѣ историческую народность, олицетворяя дикія племена, враждовавшія съ древней Русью; но въ то же время онъ очень похожъ на сказочныхъ волшебниковъ, которые принимаютъ видъ змѣя и преслѣдуютъ смѣлаго царевича своими кознями. Особенности изложенія, свойственныя миѳической сказкѣ, ея гиперболы и фантантическія описанія, сообщились историческимъ пѣснямъ о Владимірѣ и дали имъ нѣсколько неестественный тонъ, какого онѣ вѣроятно не имѣли прежде.

Выставленныя нами обстоятельства нельзя упускать изъ виду, если хотятъ состояніемъ нашего древняго эпоса измѣрять состояніе понятій и поэтической развитости народа. Широкія рамы Владиміровскаго эпоса впослѣдствіи исчезаютъ; пѣсни временъ Московскаго царства обращаются въ болѣе тѣсномъ кругу частныхъ событій и много уступаютъ древнимъ пѣснямъ въ силѣ и выразительности: ослабленіе поэтическаго инстинкта очевидно. Г. Милюковъ, испуганный «чудовищной» фантазіей русскихъ сказокъ и пѣсенъ, готовъ отвергать всякую поэтическую возможность у Русскихъ стараго времени, но его предубѣжденіе не оправдывается фактами: то немногое, что̀ осталось намъ образчикомъ древней поэзіи, достаточно можетъ убѣдить, что она имѣла эту возможность, что въ своемъ неиспорченномъ видѣ она основывалась на началахъ европейскихъ,

а не азіатскихъ, гуманныхъ, а не варварскихъ. Въ подтвержденіе нашихъ словъ укажемъ Слово о полку Игоревѣ, и еще два подлинно древніе памятника, несправедливо забытые авторомъ: повѣсть о Горѣ-Злочастіи и пѣсни начала XVII-го вѣка, записанныя Ричардомъ Джемсомъ. Важный интересъ этихъ памятниковъ достаточно былъ выставленъ гг. Костомаровымъ и Буслаевымъ, и мы довольствуемся здѣсь указаніемъ на ихъ любопытныя объясненія.

Возвратимся къ восточному вліянію. Иностранные путешественники, видѣвшіе Московское царство, находили, что это царство скорѣе азіатское, чѣмъ европейское; имъ страненъ казался весь составъ управленія, народная жизнь съ ея оригинальными нравами и обычаями. Они были правы отчасти: Россія такъ долго была связана географіей и исторіей съ Половцами и Печенѣгами, Татарами разныхъ родовъ, что не могла остаться свободною отъ вліянія съ ихъ стороны. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что монгольское владычество наложило на русскую народность такія черты, какихъ она не имѣла сама по себѣ: наше позднѣйшее законодательство, нѣкоторые обычаи, вошедшіе въ жизнь, обличаютъ присутствіе какихъ-то новыхъ дикихъ элементовъ. Но это тяжелое вліяніе имѣло свои предѣлы. Оно было чисто внѣшнее: Татары могли ввести грубый обычай, правежъ, пытку, но не болѣе: внутреннее сознаніе народа, коренныя правила его жизни остались цѣлы и невредимы. Вмѣстѣ съ тѣмъ остались цѣлы и свободны его поэтическія выраженія, какъ самая интимная часть его нравственнаго существованія. Въ самомъ дѣлѣ, народъ могъ быть совершенно непричастнымъ введенію грубыхъ формъ администраціи, превратныхъ явленій законодательства, и т. д.; его роль была при этомъ пассивная, а не дѣятельная. Въ пѣсняхъ и преданьяхъ народа трудно найдти какіе-нибудь восточные миѳы, которые бы пришли къ намъ непосредственно съ Востока, какъ они приходили иногда въ поэзію западно-европейскихъ народовъ, во время походовъ въ Палестину. Тамъ столкновеніе народовъ проявилось взаимнымъ обмѣномъ поэтическихъ сказаній; у насъ не случилось ничего подобнаго, потому что не было того выгоднаго отношенія обѣихъ цивилизацій. У Русскаго старыхъ временъ не было почвы, гдѣ бы онъ могъ сблизиться съ Тата-

риномъ, который, напротивъ, всегда былъ для него недругомъ. Но грубость фантазіи, неестественныя формы нашей древней поэзіи? Ихъ нельзя отвергать, но объяснять посредствомъ восточнаго вліянія было бы невѣрно исторіи поэзіи. Восточная фантазія, вездѣ болѣе или менѣе одинаковая, отличается совершенно особеннымъ характеромъ, который никакъ не укладывается въ европейское воображеніе, какъ не укладывается въ европейское ухо восточная музыка. Отличія восточной національности отъ европейской, какою конечно была и русская, такъ рѣзки, что ихъ тѣсное сближеніе невозможно безъ особенныхъ усилій, безъ сильныхъ фактовъ, которые бы заставили соединиться вещи, имѣющія такъ мало сродства другъ съ другомъ. Если въ самомъ содержаніи нашей поэзіи нельзя указать восточной мысли, то какимъ образомъ приписать ей одни поэтическія средства, пріемы восточной поэзіи? Грубое и неизящное, чѣмъ поражаетъ насъ русская поэзія въ концѣ ея развитія, это извращеніе ея мысли и формы объясняется мимо постороннихъ вліяній самыми судьбами народной жизни... Устная пѣсенная поэзія уже издавна жила у насъ въ низшемъ, не книжномъ слоѣ народа; духовенство ее преслѣдовало и осуждало, высшій классъ оставался къ ней холоденъ и ничѣмъ не заявилъ своего участія къ ней; люди грамотные смотрѣли на нее глазами духовенства, видѣвшаго въ ней угожденіе бѣсу; наконецъ даже правительство, въ лицѣ воеводъ, вооружалось противъ поэтическихъ наклонностей народа *. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, пѣсня приняла исключительное положеніе и стала простонародною, содержаніе ея ограничилось понятіями простаго народа, форма упала вмѣстѣ съ ограниченіемъ мысли. Припомнивъ положеніе народа въ концѣ допетровскаго періода, мы поймемъ, что угнетеніе и всѣ сопровождающія его бѣдствія неминуемо должны были подѣйствовать на нравственныя силы народа, затушить поэтическую сторону его духа и совратить ее на ложный путь.

Эти основанія, по нашему мнѣнію, достаточно объясняютъ упадокъ нашего эпоса. Если уже непремѣнно хотятъ поддерживать ненужную гипотезу о восточномъ вліяніи въ нашей ста-

* То же самое встрѣчаемъ и на Западѣ. *Ред.*

ринной поэзіи, то его надо по крайней мѣрѣ представлять какъ явленіе не непосредственное и весьма отдаленное. Огрубѣніе народа совершается, безъ внѣшнихъ вліяній, весьма легко, если внутренняя организація государства заключаетъ въ себѣ какія-нибудь невыгодныя условія. Неожиданные факты этого рода мы встрѣчаемъ иногда даже тамъ, гдѣ внѣшній блескъ событій скрываетъ отъ исторіи тайную болѣзнь общества. Даже новѣйшая европейская исторія, къ сожалѣнію, представляетъ изрѣдка примѣры подобнаго упадка народной жизни, гдѣ религія становилась фетишизмомъ, отношенія сословій выражались кулачнымъ правомъ, цивилизація уступала полному невѣжеству...

Недовѣрчивый взглядъ на древнюю Русь привелъ автора исторіи русской поэзіи къ исключительному пониманію реформы Петра: новая Россія всѣмъ своимъ нравственнымъ, умственнымъ и поэтическимъ богатствомъ обязана единственно реформѣ Петра; если бы въ концѣ XVII-го вѣка не явился Петръ Великій, Россія до сихъ поръ не имѣла бы ни европейскихъ нравовъ, ни образованія, ни литературы. Такой взглядъ едва ли вѣренъ. Россія XVII-го вѣка до такой степени развила всѣ данныя Московскаго царства, что ей уже не оставалось ничего сдѣлать въ той сферѣ, въ которой она жила до того времени; такъ или иначе она должна была выйдти на другую дорогу. Семнадцатое столѣтіе представляетъ не одинъ примѣръ того, что русскіе люди уже чувствовали давящую атмосферу своего положенія, что въ нихъ пробилось сознаніе необходимости иного порядка вещей; эта мысль такъ благотворна сама по себѣ, что не могла не осуществиться когда-нибудь. Кошихинъ, конечно, прекрасно понималъ, что нужно для его отечества, и даже тотъ князь, который, вопреки строгому обычаю, рѣшился сбрить себѣ бороду, былъ достаточно вооруженъ противъ общихъ предразсудковъ. Правда, наука все еще казалась массѣ недобрымъ знаніемъ, но уже находила усердныхъ почитателей: Матвѣевъ, Ртищевъ были явные друзья и меценаты ея; для массы же наука и долго времени спустя казалось дѣломъ ненужнымъ и опаснымъ. Наука имѣла мало средствъ для прочнаго утвержденія; въ Кіевѣ она была опутана схоластикой, но схоластика имѣла свое время и въ Европѣ и принесла свою пользу;

у насъ она также была бы только ступенью къ дальнѣйшимъ успѣхамъ: многіе духовные воспитанники схоластической академіа довольно далеко шли въ своихъ убѣжденіяхъ. Мы не привыкли всматриваться въ литературныя явленія стараго времени, но мы могли бы замѣтить, что литература XVII-го вѣка довольно рѣзко отдѣляется отъ прежней письменности. Въ ней появляется множество переводовъ съ латинскаго, польскаго, нѣмецкаго, по разнымъ предметамъ знанія; эти переводы, правда, были часто не ловко сдѣланы, иногда несвоевременны, но такъ бываетъ всегда въ пробуждающейся литературѣ, которая еще не имѣетъ опредѣленной точки отправленія. Въ XVII-мъ столѣтіи увеличивается собственно свѣтская литература переводныхъ повѣстей и романовъ, являются даже русскія попытки въ этомъ родѣ; словомъ, для людей грамотныхъ могло уже найдтись довольно чтенія, болѣе полезнаго и менѣе нелѣпаго, чѣмъ «Пчелы» и «Избранныя словца» прежняго времени. Послѣ реформы, литература, бывшая ея слѣдствіемъ, появилась не вдругъ: только съ тридцатыхъ или сороковыхъ годовъ начинается слабое, но послѣдовательное движеніе ея, — что же было раньше, при Петрѣ? При Петрѣ печатались книги для народнаго чтенія и наставленія, переводились элементарныя книги, издавались басни Езопа, Брюсовъ календарь, и т. д., то-есть продолжалось именно то, что̀ начато было въ семнадцатомъ столѣтіи. Постепенность простиралась до того, что первый писатель, съ котораго начинаютъ исторію новой поэзіи, Кантемиръ, удержалъ отъ XVII-го вѣка силлабическую форму стиха и схоластическій складъ сатиры.

Быстрый успѣхъ реформы служитъ другимъ доказательствомъ тому, что реформа встрѣтила общество уже приготовленнымъ къ катастрофѣ, которая должна была похоронить старину на вѣки. Люди, бывшіе усердными помощниками Петра, не всѣ же были люди легкомысленные и пустые, которымъ ничего не стоило отступиться отъ старыхъ привычекъ; они могли сочувствовать цѣли, которую указывала имъ реформа. Въ самомъ дѣлѣ, въ общественной жизни XVII-го вѣка были событія, гдѣ просвѣщенная мысль рѣшалась стать противъ общаго заблужденія и вреднаго предразсудка, — и этого нельзя оставить безъ вниманія. Дѣло Никона, имѣвшее огромный интересъ для совре-

менниковъ, было смѣлымъ нападеніемъ на невѣжество массы; въ спорахъ объ исправленіи книгъ, происходившихъ въ дѣтство Петра, та сторона, которая была вѣрна старинѣ и преданью, уже навлекла на себя преслѣдованіе и казни. Уничтоженіе мѣстничества шло противъ вѣковой привилегіи, крѣпко вросшей въ нравы стариннаго боярства. Приглашенія иностранцевъ повторяются чаще и чаще; правительство чувствовало слабую сторону народа и въ этомъ опять предупредило петровскія времена. Если послѣ того образованіе и литература были еще слабы, то можно ли винить людей, которые сами должны были пробивать себѣ дорогу, безъ чужой помощи: у нашихъ книжниковъ не было никакихъ преданій, кромѣ тяжелой славянщины, никакихъ образцовъ, кромѣ первыхъ попавшихся латинскихъ или польскихъ книгъ, которымъ они должны были вѣрить на-слово. У нихъ была однако любовь къ знанію, и нельзя не оцѣнить по крайней мѣрѣ ихъ трудолюбіе. Даже и послѣ реформы, когда передъ нашимъ писателемъ были открыты всѣ средства къ образованію, цѣлыхъ сто лѣтъ прошло въ болѣе или менѣе рабскомъ подражаньи: полная самобытность въ литературѣ началась у насъ не такъ давно. Не должно слишкомъ обманывать себя насчетъ массы людей, усвоившихъ сначала идеи реформы; ихъ было почти столько, сколько могло приготовить XVII-е столѣтіе, отчасти развившее грамотный классъ. Любопытно, что одинъ изъ первыхъ помощниковъ и любимцевъ Петра былъ даже просто человѣкъ безграмотный.

Время упадка, какимъ г. Милюковъ считаетъ послѣднія столѣтія до-петровскаго періода, не могло бы доставить реформѣ столько свѣжихъ силъ, сколько явилось ихъ вдругъ послѣ начала преобразованія.

Переходя къ русской поэзіи новаго періода, г. Милюковъ рѣзко раздѣляетъ два направленія, открывшіяся въ ней съ самаго начала: направленіе подражательно-реторическое и направленіе самобытно-сатирическое. Это двойное движеніе русской литературы, указанное еще Бѣлинскимъ, авторъ объясняетъ тѣмъ, что съ одной стороны русская поэзія по необходимости должна была усвоить себѣ поэтическія формы европейскихъ литературъ,—новыхъ она создать не могла, да онѣ и не были еще нужны;—съ другой, она встрѣтила себѣ богатое содержа-

ніе въ жизни русскаго общества, и происходившая въ этомъ обществѣ борьба образованія съ невѣжествомъ и предразсудками старины выразилась самымъ естественнымъ образомъ въ сатирѣ. Каждое изъ двухъ направленій имѣло своихъ представителей: Ломоносова и Кантемира, Державина и фонъ-Визина, и т. д.

Такое раздѣленіе едва ли не слишкомъ искусственно. Присутствія обоихъ началъ въ русской поэзіи того времени нельзя не видѣть, но подражательная реторика и сатира, относившаяся къ русской жизни, далеко не были особыми, противоположными явленіями. То, что̀ г. Милюковъ понимаетъ подъ подражательной реторикой, не всегда было чуждо жизни и переставало иногда быть реторикой; и напротивъ, самобытная сатира далеко не всегда оставалась самобытной, но нерѣдко представляла заимствованные элементы не только въ формѣ, но и въ содержаніи. То, что̀ обозначаютъ частнымъ именемъ подражательной реторики въ противность неподражательной - quasi сатирѣ, было явленіемъ общимъ: это было усвоеніе чужихъ литературныхъ формъ, обнимавшее и сатиру такъ же какъ оду, драму, комедію,и т. д. Сатира была столько же подражательна, какъ и другіе литературные роды; разница заключалась только въ большей или меньшей близости къ чисто-русскому содержанію. Кантемировы сатиры подражательны не только вообще, но и въ частныхъ подробностяхъ; онѣ разсчитаны по Ювеналу и Буало и страдаютъ обыкновенными недостатками псевдоклассической сатиры. На фонъ-Визинѣ подражательность замѣтна меньше, но вглядитесь подробнѣе въ Недоросля и Бригадира, и вы увидите въ нихъ полное подтвержденіе той теоріи комедіи, которая изложена Буало въ L'art poëtique. Откуда явились въ нихъ Правдины и Стародумы, весьма скучныя лица, сильно вредящія дѣйствію и живости пьесъ? Изъ французской теоріи, утверждавшей, что комедія, кромѣ увеселительной цѣли, должна служить поученіемъ для зрителя, а поученіе казалось возможнымъ только въ нравственныхъ сентенціяхъ и морали, которыя щедро и вставляетъ фонъ-Визинъ. Онъ вставляетъ такимъ же образомъ и risible agréable, котораго требовала французская теорія, во что бы то ни стало, отъ комедіи, чтобы пріятно занимать зрителя во время продолжительнаго дѣй-

ствія. Но комедіи фонъ-Визина наиболѣе отдѣляются своей самобытностью отъ общей массы тогдашней подражательной литературы; если же взять большинство произведеній, представляющихъ нашу сатиру XVIII-го столѣтія, то становится весьма трудно приписать самостоятельность цѣлому направленію, которое въ сущности почти не менѣе другихъ разрядовъ старой литературы нашей испытало вліяніе псевдоклассическихъ и другихъ образцовъ.

Сатира была конечно въ духѣ Русскаго XVII-го столѣтія, и мы нисколько не думаемъ уменьшать ея общественной заслуги, но путь ея развитія былъ общій съ цѣлымъ литературнымъ развитіемъ. Она проходила тѣ же фазы подражанія, вырываясь на свободу только въ произведеніяхъ талантливѣйшихъ, и то весьма немногихъ писателей. Въ «Очеркѣ» г. Милюкова область сатиры означена только по наиболѣе сильнымъ ея выраженіямъ; но вспомните всю обширную сатирическую литературу конца прошлаго вѣка, разработанную теперь весьма обстоятельно, и вы увидите, какими медленными шагами шла она къ своей самобытности, и какъ возможно подлѣ подражательной реторики изобразить подражательную сатиру.

Подражательное направленіе авторъ хочетъ, повидимому, продолжить и до сихъ поръ, оправдывая его однако тѣмъ, что и въ лучшихъ европейскихъ литературахъ встрѣчаются заимствованія идей однимъ народомъ у другаго. «Разумѣется, говоритъ онъ, что до тѣхъ поръ, пока Русскіе не разовьютъ вполнѣ своего собственнаго образованія, подражательное направленіе не перестанетъ играть важной роли въ нашей поэзіи и всегда будетъ благодѣтельнымъ, принося идеи просвѣщеннаго міра. Нѣтъ ничего несправедливѣе, какъ видѣть въ подражаніи упадокъ общественной жизни. Если въ поэзіи самыхъ образованныхъ народовъ часто являлось такое направленіе, если было время, когда англійская литература находилась подъ вліяніемъ французской, когда Французы черпали идеи изъ поэзіи Нѣмцевъ и Англичанъ: то можно ли упрекать въ подражательномъ направленіи поэзію русскую, представительницу общества, только-что начинающаго входить въ кругъ образованнаго человѣчества, послѣ переворота крутаго и быстраго.» Но это послѣднее подражаніе не можетъ быть такъ называемо въ стро-

гомъ смыслѣ; это скорѣе общеніе двухъ народностей, ясно понимающихъ свою самобытность и ревниво хранящихъ независимое развитіе. Замѣчаніе, сдѣланное авторомъ, можетъ служить прекраснымъ отвѣтомъ на тѣ сѣтованія объ извращеніи русской народности, которыя мы слышимъ даже и теперь отъ поклонниковъ исключительной національности; но что̀ касается до современной русской поэзіи, мы не видимъ необходимости и на будущее время пророчить ей подражаніе и зависимость. Наша подражательность XVIII-го вѣка была полнымъ подчиненіемъ господствующимъ идеямъ, сначала исключительно французскимъ, потомъ и нѣмецкимъ; подражательность проистекала тогда отъ невольнаго чувства своей слабости и была необходима для усвоенія недостававшихъ элементарныхъ понятій. Время это можно считать окончательно прошедшимъ съ той минуты, когда русская мысль выросла до сознанія своей силы, когда она обратилась къ вопросамъ русской жизни и стала разрѣшать ихъ безъ чужой помощи, собственными средствами. Въ зрѣлости нашей литературы нельзя сомнѣваться: она стоитъ на твердой реальной почвѣ, и недавно, въ послѣднія десятилѣтія, совершила много подвиговъ, дающихъ ей полное право на уваженіе.

Нельзя не сожалѣть, что неблагопріятныя обстоятельства не дозволили автору провести обозрѣніе свое до послѣднихъ явленій нашей литературной жизни, изображеніе которыхъ было бы знаменательнымъ эпилогомъ его книги. Мы считаемъ лишнимъ упоминать о томъ, что исторія послѣ-петровской литературы проведена у г. Милюкова весьма вѣрно и точно: авторъ очень справедливо и наглядно представляетъ ходъ литературныхъ идей, смѣнявшійся отъ Ломоносова до Карамзина, отъ Карамзина до Пушкина и Грибоѣдова, отъ Пушкина до Гоголя. До сихъ поръ книжка г. Милюкова остается единственнымъ хорошимъ изложеніемъ цѣлаго новаго періода русской литературы. Нѣсколько пропусковъ и недомолвокъ авторъ вѣроятно исправитъ въ новомъ изданіи своего труда. Говоря о Сумароковѣ, онъ не забудетъ его комедій, едва ли не болѣе замѣчательныхъ чѣмъ сатиры, упомянутыя авторомъ; говоря о карамзинской эпохѣ, онъ подробнѣе коснется тогдашняго настроенія умовъ въ обществѣ, имѣвшаго вліяніе и на поэзію, и т. д. Въ оцѣнкѣ

современныхъ писателей, мы также желали бы болѣе полноты противъ прежняго: для характеристики Жуковскаго немаловажны посмертныя его произведенія, которыми не воспользовался г. Милюковъ, но которыя бросаютъ новый свѣтъ на литературную дѣятельность благодушнаго старца; характеристика Гоголя остается неконченною, когда г. Милюковъ не занялся второй частью «Мертвыхъ душъ» и связаннымъ съ нею процессомъ развитія самого писателя; если г. Милюковъ счелъ нужнымъ при оцѣнкѣ поэтической дѣятельности Пушкина отмѣтить и личныя качества поэта, то тѣмъ любопытнѣе была бы исторія трудовъ, увлеченій и паденій Гоголя, теперь уже объясненная почти до очевидности.

Но какъ ни были быстры, повидимому, успѣхи нашей литературы, съ эпохи ея возрожденія, даже для наблюдателя, нисколько не предупрежденнаго въ ея пользу, мы не обманываемъ себя насчетъ ея значенія въ дѣлѣ развитія массы. Въ самомъ началѣ, литература была дѣломъ нѣсколькихъ лицъ, потомъ она стала занятіемъ нѣсколькихъ кружковъ, въ наше время она принадлежитъ обширному числу пишущаго и читающаго класса, но этотъ классъ все еще не такъ великъ, какъ бы надобно было желать для полнаго вліянія литературы. Г. Милюковъ достаточно оцѣнилъ этотъ вопросъ и не увлекся своимъ предметомъ до того, чтобы признать за нимъ достоинства, которыхъ онъ не имѣетъ. Недавно еще, около того времени, когда вышло первое изданіе «Очерка», многіе патріоты считали оскорбленіемъ отечественной славы хладнокровный отзывъ о Ломоносовѣ, Державинѣ, и т. п. Теперь мы стали гораздо безпристрастнѣе къ своимъ знаменитостямъ и меньше раздаемъ имъ великолѣпныхъ титуловъ, но все еще стараемся утѣшать себя пріятными мыслями о быстромъ прогрессѣ литературы и общества. Если оглянуться однако на пройденный путь и вглянуть на пріобрѣтенные результаты, то едва ли не будетъ наивностью видѣть окончательный успѣхъ въ томъ, что̀ представляетъ наша литература въ настоящее время. Ея развитіе, въ ея тѣсномъ кругѣ, дѣйствительно имѣетъ всю заслугу строгой логичности, постояннаго движенія впередъ, но говоря безотносительно, силы ея очень слабы и стремленія часто недѣйствительны. Русскій писатель до сихъ поръ не имѣлъ свободнаго поприща для

своей дѣятельности и потому не могъ никогда довесть до конца тотъ анализъ общества, который уже давно начатъ лучшими представителями нашей литературы. Масса общества, съ другой стороны, такъ мало понимала своихъ писателей, что еще недавно вооружалась на Гоголя, обвиняя его въ клеветахъ на русскую жизнь и преувеличеніи ея недостатковъ: странно сказать, но подобныя мнѣнія выражались печатно, и не всегда людьми бездарными. Легкая литература была для насъ почти единственнымъ органомъ общественнаго сознанія: разсказчикъ, романистъ замѣняли намъ публициста, котораго у насъ не было и не могло быть; вопросъ художественный часто сводился къ вопросу юридическому, и въ этомъ смѣшеніи двухъ началъ постоянно открывалась слабость и того и другаго. Въ самомъ дѣлѣ, интересъ чисто-литературный у насъ нерѣдко упадаетъ тотчасъ же, какъ только является возможность опредѣлять научнымъ образомъ тотъ предметъ, котораго прежде могла касаться одна бельлетристика. Къ сожалѣнію эта возможность представляется очень рѣдко; литература остается въ зависимости отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, то-есть отъ случая, который можетъ или помочь, или повредить ея успѣху. Мало того, что лучшіе умы и образованнѣйшіе люди общества понимаютъ великое значеніе литературы; нужно, чтобы въ массѣ явилось сочувствіе къ ея дѣлу, чтобы масса гарантировала ея дѣятельность: а до тѣхъ поръ всѣ усилія литературы будутъ пока только борьбой за ея независимое существованіе. Утвердить ея силу, дать дѣйствительное вліяніе тѣмъ истинамъ, которыя она открываетъ, можетъ только распространеніе образованія, и къ этому должны стремиться всѣ, кому дорогъ прогрессъ общественной жизни.

А. Пыпинъ.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

Léonard de Vinci et son école, par A. F. Rio. Paris, 1855. 1 vol. in 8°.

—

I.

Въ исторіи искусства, можетъ-быть, нѣтъ задачи болѣе трудной и требующей болѣе многостороннихъ свѣдѣній, какъ изложеніе жизни и оцѣнка произведеній великихъ художниковъ. Эта задача становится еще труднѣе, когда геній, составляющій предметъ изложенія, вращается творчески не въ одной какой-либо области, но обнимаетъ всѣ сферы искусства и создаетъ безсмертныя творенія какъ въ живописи, такъ въ архитектурѣ и скульптурѣ. Такими великими личностями преимущественно была богата эпоха возрожденія искусства въ XV и XVI столѣтіяхъ. Біографъ Рафаэля и Микель-Анджело долженъ не только быть коротко знакомъ съ политическою исторіей ихъ времени, чтобы представить ихъ жизнь въ связи съ эпохою, среди которой они дѣйствовали, но и, наглядно изучивъ всѣ ихъ произведенія, долженъ быть въ состояніи критически оцѣнить ихъ разнообразныя созданія, Моисея и куполъ св. Петра, Аѳинскую школу и Страшный судъ. Не говоря уже объ этихъ требованіяхъ, возлагаемыхъ на него его собственною наукой, онъ, для полнаго пониманія такихъ произведеній, долженъ сверхъ того еще быть знакомъ съ богословскими воззрѣніями этой эпохи, съ философскими ея ученіями, преимущественно же съ системами нео-платонистовъ, и наконецъ съ поэтическою литературой Италіи, потому что всѣмъ извѣстно, какое огромное вліяніе производила поэзія Данта на творческій духъ Микель-Анджело.

Но въ исторіи искусства эпохи возрожденія есть личность, столь же чистая, возвышенная и грандіозная, которой полная біографія, полное возсозданіе, представляетъ еще болѣе затрудненій. Можно даже сказать, что препятствія эти непреодолимы. Для совершенія этой задачи природа должна была бы во второй разъ создать такую же многообъемлющую личность, которой оставались бы равно доступны и идеальная сфера искусства, и наука со всѣми ея практическими приложеніями. Въ памяти вѣковъ Леонардо да Винчи живетъ, какъ одинъ изъ величайшихъ живописцевъ, но современники смотрѣли на него совершенно иными глазами. Онъ былъ не только великій живописецъ, онъ былъ великій скульпторъ и архитекторъ, превосходный музыкантъ и поэтъ. Но этими артистическими способностями не могъ удовольствоваться его всеобъемлющій умъ: онъ былъ изумительный математикъ и механикъ; занимался астрономіей, медициной и анатоміей и обладалъ необычайными свѣдѣніями въ гидравликѣ, въ баллистикѣ, въ построеніи крѣпостей и проведеніи каналовъ. Если, съ одной стороны, его геній обнималъ всѣ сферы искусства и, можно сказать, первый стремился путемъ науки проникнуть во всѣ тайны его, то съ другой, онъ умѣлъ столь же глубоко погружаться въ изученіе природы, и сокровенныя силы и проявленія ея примѣнятъ путемъ практики къ требованіямъ жизни. Это двойственное направленіе генія Леонардо да Винчи дѣлаетъ для насъ невозможнымъ полное возсозданіе его личности, полное пониманіе ея и достойную оцѣнку его всеобъемлющей дѣятельности въ сферахъ искусства и науки. Одни изъ насъ свѣдущи въ дѣлѣ искусства, другіе посвятили всю жизнь изученію точныхъ наукъ или практическому приложенію ихъ результатовъ. Гдѣ же найдти достойнаго біографа, одареннаго подобнымъ же многостороннимъ геніемъ, для изображенія этой великой личности?

Но эти трудности, являющіяся сами собою передъ каждымъ, кто взялся бы за рѣшеніе этой задачи, неожиданно увеличиваются новыми препятствіями. Лучшія и важнѣйшія произведенія Леонардо да Винчи уже нѣсколько столѣтій тому назадъ погибли безвозвратно. Необходимо быть одарену тонкимъ критическимъ тактомъ, чтобы отдѣлить немногочисленныя и несомнѣнныя произведенія его кисти отъ копій или картинъ, со-

зданныхъ по его рисункамъ или въ духѣ его произведеній. Кромѣ того, и эти немногіе дошедшіе до насъ плоды его творческой дѣятельности разсѣяны по отдаленнымъ городамъ Европы. Чтобы познакомиться съ ними, должно посѣтить Миланъ и Парижъ, Флоренцію и Лондонъ, и не смотря на всѣ эти усилія никому никогда не удастся сравнить ихъ другъ съ другомъ и въ одномъ мѣстѣ изучить въ нихъ постепенное развитіе художника. Все это должно быть совершено въ духѣ, въ мысли, и память должна замѣнять мѣсто очей.

Тѣ же неблагопріятныя обстоятельства затрудняютъ и изображеніе научной дѣятельности Леонардо да Винчи. Бо́льшая часть сочиненій его погибла; другія дошли до насъ въ отрывкахъ, чрезвычайно трудныхъ для чтенія, по причинѣ особенности его почерка и, подобно картинамъ, неизданныя рукописи Леонардо разсѣяны по различнымъ европейскимъ библіотекамъ.

Наконецъ до насъ дошли только чрезвычайно скудныя біографическія свѣдѣнія объ этомъ великомъ человѣкѣ. Леонардо да Винчи, хотя и основалъ обширную школу живописцевъ, но не имѣлъ, подобно Микель-Анджело, двухъ учениковъ-писателей, которыхъ сказанія пополняютъ взаимно наши свѣдѣнія о послѣднемъ. Вазари, старѣйшій біографъ всѣхъ художниковъ Италіи до половины XVI-го вѣка, есть единственный жизнеописатель Леонардо. Правда, эта біографія отличается простотою, но она до того кратка, что въ ней иногда опущенъ разказъ о цѣлыхъ періодахъ въ жизни Леонардо. Вазари не даетъ никакого понятія объ универсальности его генія. Онъ не умѣлъ оцѣнить физико-математическихъ заслугъ Леонардо и даже въ дѣлѣ живописи не показалъ постепеннаго его развитія. Вѣроятно, онъ вовсе не сочувствовалъ его направленію, хотя и не могъ не удивляться его произведеніямъ. Какъ ученикъ Микель-Анджело, онъ даже враждовалъ къ нему и явно осмѣлился высказать свои мелкія сомнѣнія насчетъ религіозности глубокорелигіознаго творца Тайной Вечери, сомнѣнія, столь справедливо отвергнутыя всѣми безпристрастными судьями.

Поэтому нельзя не отдать должной справедливости неутомимымъ стараніямъ новѣйшихъ изслѣдователей жизни и произведеній Леонардо да Винчи. Изъ отрывочныхъ показаній современниковъ, изъ писемъ, дневниковъ и записокъ Леонардо, изъ

его манускриптовъ, счетовъ и документовъ, зарытыхъ въ архивахъ, умѣли они извлечь новыя данныя, проливающія неожиданный свѣтъ на многіе неизвѣстные періоды жизни Леонардо, пройденные молчаніемъ у Вазари. Но и въ этомъ дѣлѣ, одни изъ нихъ, вслѣдствіе двойственнаго направленія генія Леонардо, должны были посвятить себя изученію его художественной дѣятельности, какъ напримѣръ Аморетти, Босси и Риголло; другіе же, какъ ученый Вентури, Либри—знаменитый историкъ математическихъ наукъ въ Италіи, и профессоръ Буонація изъ Сіены занялись исключительно оцѣнкой заслугъ Леонардо въ точныхъ наукахъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что и въ настоящее время никто не осмѣлился еще приступить къ возсозданію полной біографіи Леонардо да Винчи.

Съ тѣмъ бо̀льшимъ любопытствомъ встрѣтили мы новѣйшее и послѣднее сочиненіе объ этомъ великомъ человѣкѣ, написанное французскимъ писателемъ, прославившимся въ своей литературѣ сочиненіемъ объ итальянской живописи XIV и XV вѣковъ. Всякій, кто знакомъ съ литературой этого предмета, легко догадается, что книга Pio: De la poésie chrétienne. Forme de l'art. Peinture — основана на нѣмецкихъ изслѣдованіяхъ, преимущественно же на сочиненіи Румора. Оригинальнаго въ ней только «оригинальный» взглядъ автора на искусство. То же самое должно сказать и о новѣйшемъ произведеніи его, которое названо въ началѣ этой статьи и посвящено Леонарду да Винчи и его школѣ. Уже по заглавію мы видимъ, что авторъ говоритъ о Леонардѣ только какъ о живописцѣ и основателѣ весьма обширной школы живописи въ сѣверной Италіи. Полной біографіи его онъ поэтому и не имѣлъ въ виду.

Г. Pio — фанатическій католикъ. Этотъ ультрамонтанскій взглядъ свой перенесъ онъ и на искусство. Вотъ въ чемъ состоитъ вся оригинальность его, вся «заслуга». Онъ считаетъ истинно-великими, единственными христіанскими художниками только тѣхъ, которые являются ему полнымъ выраженіемъ его религіозныхъ убѣжденій. Малѣйшее отступленіе отъ нихъ, напримѣръ нѣсколько вольная художническая жизнь, писаніе нѣсколько свѣтскихъ предметовъ, подвергаются имъ строжайшему осужденію. Вотъ почему у него есть свои любимые жи-

вописцы, свои любимыя школы. Вотъ почему онъ питаетъ ненависть не только къ нѣкоторымъ весьма замѣчательнымъ талантамъ, какъ напримѣръ къ Фра Филиппо Липпи, но даже и къ цѣлымъ великимъ эпохамъ, какова напримѣръ эпоха возрожденія наукъ и искусствъ со всѣми ея дѣятелями. Ясно, что онъ изучаетъ искусство не для искусства, но какъ выраженіе своихъ религіозныхъ убѣжденій.

Понятно, что среди развратной (по мнѣнію Ріо) эпохи возрожденія, этого историка искусства должна была невольно привлечь къ себѣ чистая, величественная и глубоко-религіозная личность Леонардо да Винчи и обширная школа, дѣйствовавшая долго въ духѣ учителя. Имъ посвятилъ онъ свой новѣйшій трудъ, составляющій естественное продолженіе перваго. Основываясь на изслѣдованіяхъ предшественниковъ, онъ не содержитъ въ себѣ новыхъ фактовъ; въ немъ нѣтъ эстетической оцѣнки произведеній Леонардо, хотя авторъ и говоритъ о его картинахъ по собственнымъ наблюденіямъ. Видно, что по натурѣ своей онъ не эстетикъ. Онъ не понимаетъ развитія таланта художника, и поэтому его хронологіи произведеній Леонардо нельзя вѣрить. Но зато Ріо, какъ Французъ, соединяетъ въ себѣ всѣ элементы отличнаго историка и драматическаго разкащика. Хотя и въ этомъ вездѣ ярко выступаютъ его личныя политическія и религіозныя убѣжденія, но онъ мастерски умѣетъ совокуплять изложеніе исторіи искусства съ исторіей государственною, и блестящая личность Леонардо весьма искусно связана въ его книгѣ съ политической картиной того времени. Однакожь и въ этой картинѣ онъ, съ изворотливостью дипломата, умѣлъ скрыть темную сторону, какъ религіозной, такъ и политической жизни того времени. Преимущественно же проглядываютъ во всей характеристикѣ Леонардо патріотическія чувства автора, какъ въ умолчаніи бѣдствій нашествія Французовъ на Италію, такъ и въ блестящей картинѣ покровительства искусству при дворѣ Людовика XII.

Не смотря на всѣ указанныя мною разногласія мои съ авторомъ, я съ удовольствіемъ отдаю должную справедливость его блестящему изложенію и многочисленнымъ изслѣдованіямъ, предпринятымъ для изученія обширной и до сихъ поръ еще недостаточно оцѣненной школы Леонардо да Винчи. Поэтому

любопытно, опираясь на источники и новѣйшія изслѣдованія о Леонардо да Винчи, бросить взглядъ на жизнь и художественныя произведенія геніальнаго человѣка, чтобы, изучая эту великую личность, познакомиться и съ трудностями, которыя представляетъ возсозданіе полной его біографіи.

II.

Леонардо былъ сынъ мессера Пьерро и родился въ 1452 г. въ Винчи, небольшомъ замкѣ въ окрестностяхъ Эмполи, въ Тосканѣ. Вся исторія его юности намъ мало извѣстна. Отецъ его происходилъ, повидимому, изъ весьма почтеннаго семейства, въ которомъ званіе нотаріуса было наслѣдственнымъ занятіемъ, потому что и самъ онъ въ архивныхъ документахъ около 1484 года называется нотаріусомъ Флорентинской синьіоріи. Кажется, что этотъ человѣкъ въ молодости увлекался сильными страстями: плодомъ одной изъ нихъ былъ Леонардо, и не смотря на это обстоятельство, мессеръ Пьерро сочетался, въ самый годъ рожденія Леонардо, законнымъ бракомъ съ другою дѣвушкой, а впослѣдствіи еще съ тремя другими и имѣлъ отъ нихъ одиннадцать дѣтей. Тѣмъ не менѣе отецъ усыновилъ Леонардо, кажется, при самомъ рожденіи, и онъ воспитывался наравнѣ съ прочими дѣтьми въ отцовскомъ домѣ. Здѣсь рано обнаружились его удивительныя способности: на математическихъ урокахъ онъ часто приводилъ учителя въ смущеніе своими замѣчаніями, но любимымъ его занятіемъ были рисованье и лѣпленье. Отецъ, пораженный его талантами, однажды показалъ его рисунки своему другу, знаменитому художнику того времени, Андреа дель Верроккіо; этотъ, удивленный необыкновенными начинаніями мальчика, уговорилъ отца посвятить его искусству. Леонардо былъ отданъ въ школу къ Верроккіо.

Выборъ этого учителя былъ весьма удаченъ для развитія многосторонныхъ способностей Леонардо. Верроккіо по своему ремеслу былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, а изъ этого сословія вышли въ средніе вѣка лучшіе и самые многосторонніе художники Италіи, потому что золотыхъ дѣлъ мастера были въ одно и то же время рисовальщиками, живописцами, скульпторами, рѣщиками и литейщиками. Хотя произведенія Верроккіо и лишены были глубокаго поэтическаго чувства, но онъ неутомимо

и многоразличными путями, о которыхъ дошли до насъ подробные разказы, стремился къ основательному, необыкновенно точному и живому изученію природы. Всѣ результаты изслѣдованій предыдущихъ флорентійскихъ художниковъ, стремившихся къ передачѣ дѣйствительной природы, и свои собственные, онъ сообщалъ ученикамъ своимъ и не любилъ педантскими замѣчаніями мѣшать ихъ самобытному развитію.

Вліяніе подобнаго учителя должно было быть весьма благодѣтельно на ученика, одареннаго такими многосторонными способностями, какъ Леонардо. Хотя мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній объ его занятіяхъ въ школѣ Верроккіо, но кажется, что въ ней рано обнаружилось все разнообразіе его генія. По странному стеченію обстоятельствъ, эти способности необыкновенно гармонировали съ наклонностями самого учителя: оба дивились художественнымъ произведеніямъ античнаго міра, оба въ живописи стремились къ пластическому совершенству и въ то же самое время оба любили необыкновенную оконченность въ деталяхъ, оба приписывали глубокую важность познанію перспективы и геометріи въ живописи, оба изучали ревностно анатомію, преимущественно же анатомію лошади, которой монументальное воспроизведеніе было одною изъ главнѣйшихъ задачъ ихъ жизни. Если бы до насъ дошло болѣе достовѣрныхъ произведеній Верроккіо, то мы могли бы ясно опредѣлить все вліяніе, которое имѣли они на первое развитіе Леонардо; въ особенности достойна сожалѣнія утрата его рисунковъ, столь тщательно исполненныхъ, служившихъ образцомъ Леонардо. Можетъ-быть въ нихъ лежали зародыши того женскаго типа, который позднѣе столь граціозно выработалъ этотъ великій художникъ.

Долго ли оставался Леонардо въ школѣ Верроккіо, какія были его занятія тамъ, когда и чѣмъ началась его первая самостоятельная работа?—обо всемъ этомъ молчатъ наши нынѣшніе источники, и Ріо въ монографіи своей почти совершенно обошелъ молчаніемъ этотъ юношескій періодъ въ жизни Леонардо. Изъ словъ Вазари, что Леонардо, *будучи еще очень молодъ*, написалъ въ картинѣ своего учителя, Крещеніе, ликъ Спасителя съ такимъ совершенствомъ, что Верроккіо пересталъ съ этого времени заниматься живописью, можно вывести заключеніе, что онъ рано пошелъ самостоятельнымъ путемъ: но

я не могу допустить, подобно нѣкоторымъ новѣйшимъ писателямъ, что по этому поводу между наставникомъ и ученикомъ начались враждебныя отношенія. Такія чувства не могли лежать въ характерѣ Леонардо. Онъ вѣроятно долго еще находился подъ вліяніемъ стиля своего учителя, и первыя произведенія его кисти вѣроятно во многомъ носили на себѣ печать сродства съ старинною Флорентійскою школой, не смотря на многія преимущества, ихъ отличавшія. Вазари, хорошо знакомый съ его трудами, причисляетъ къ самымъ раннимъ и оригинальнымъ его произведеніямъ, въ которыхъ высказывалась вся его любовь къ точному воспроизведенію природы и необыкновенно тщательной отдѣлкѣ, слѣдующія картины: щитъ или круглую доску съ изображеніемъ разныхъ гадовъ, переданныхъ съ необыкновенною жизнью; Мадонну, возлѣ которой находился графинъ съ цвѣтами въ водѣ, на которыхъ дрожали капли росы; голову Медузы, которой волосы были перевиты змѣями, внушавшими удивленіе и ужасъ; поясное изображеніе ангела; рисунокъ: Нептунъ, окруженный разными богами и морскими чудовищами; картонъ: грѣхопаденіе Адама и Еввы, котораго всѣ детали были удивительно исполнены и, наконецъ, неоконченную картину: Поклоненіе волхвовъ. Вотъ каталогъ всѣхъ достовѣрныхъ произведеній Леонардо, сдѣланныхъ имъ во Флоренціи до тридцати-лѣтняго возраста, когда онъ переселился въ Миланъ, и о которыхъ упоминаетъ Вазари. Новѣйшіе изслѣдователи старались дополнить его разными другими картинами, находящимися въ галлереяхъ европейскихъ и приписываемыхъ Леонардо. Но здѣсь начинается уже область догадокъ. Даже хронологическій порядокъ этихъ произведеній намъ неизвѣстенъ, да и самыя названія и неполныя характеристики ихъ, сообщаемыя Вазари, мало разъясняютъ намъ раннее и постепенное развитіе генія Леонардо, потому что, къ величайшему несчастію, всѣ эти картины, кромѣ послѣдней, давно погибли. Такимъ образомъ, мы лишены всякой основы для изображенія юношескаго развитія Леонардо, и Ріо не освѣтилъ ни однимъ новымъ фактомъ, ни однимъ новымъ изслѣдованіемъ этотъ важный періодъ. А между тѣмъ такому спеціалисту, какъ Ріо, оставалась еще возможность пролить неожиданный свѣтъ на эти вопросы. Всѣмъ намъ извѣстно, что отъ великаго художника дошло до насъ

огромное количество рисунковъ изъ всѣхъ эпохъ его жизни. Еще въ прошломъ вѣкѣ, когда господствовала страсть къ оригинальнымъ рисункамъ великихъ мастеровъ, глубокій знатокъ ихъ, Французъ Маріеттъ, обратилъ вниманіе на всю важность рисунковъ Леонардо. За нимъ Руморъ развилъ далѣе эту мысль. «Рисунки Леонардо, говоритъ онъ, частью разсѣяны по разнымъ собраніямъ, частью же не всегда извѣстны подъ его именемъ, потому что тѣ, которые принадлежатъ раннимъ эпохамъ его жизни, большею частію приписываются какимъ-либо стариннымъ флорентійскимъ художникамъ. Но опытные знатоки, сумѣютъ, преимущественно въ портретахъ и другихъ этюдахъ съ природы, по болѣе глубокому пониманію формы, по болѣе прочувствованному представленію ея, отличить рисунки Леонардо отъ подобныхъ же этюдовъ его ограниченныхъ современниковъ, которые были болѣе ремесленники, чѣмъ художники.» Глубокое изученіе рисунковъ Леонардо, находящихся въ Миланѣ и Флоренціи, въ Парижѣ и Лондонѣ — вотъ трудъ, который слѣдовало бы предпринять Ріо и который онъ предоставилъ будущимъ историкамъ этого великаго человѣка, потому что въ дѣлѣ искусства его занимаетъ не развитіе генія, а во сколько этотъ геній выражаетъ религіозныя убѣжденія автора. Мыслящій читатель останется очень неудовлетворенъ этою частью книги Ріо, и исторія искусства отъ нея ровно ничего не выигрываетъ. Періодъ флорентійскій художественной дѣятельности Леонардо до переселенія его въ Миланъ остается неразгаданнымъ, и передъ нами вдругъ возникаетъ величавый образъ Леонардо да Винчи Миланскаго, художника вполнѣ развитого и можетъ-быть глубочайшаго христіанскаго живописца всѣхъ вѣковъ.

III.

Но уже изъ предыдущей характеристики Леонардо легко понять, что въ продолженіи длиннаго, тридцатилѣтняго періода его занятій въ школѣ Верроккіо и самобытной его дѣятельности, его многосторонніе умственныя способности не могли удовольствоваться одною живописью. Въ самомъ дѣлѣ, еще въ школѣ началъ онъ заниматься всѣми отраслями искусства. Онъ лѣпилъ съ удивительнымъ совершенствомъ изъ глины разныя головы, пре-

имущественно же дѣтей и улыбающихся женщинъ, и первые его опыты въ скульптурѣ очень славились тогда во Флоренціи. Какъ развивался онъ далѣе въ ваяніи, намъ совершенно неизвѣстно, но вѣроятно и въ этой сферѣ успѣхи его были изумительны, потому что по прибытіи въ Миланъ онъ тотчасъ приступилъ къ рѣшенію труднѣйшей скульптурной задачи и рѣшилъ ее столь успѣшно, что современники ставили его какъ скульптора выше, чѣмъ какъ живописца.

Съ одинаковымъ рвеніемъ занимался онъ и архитектурою и сочинилъ много плановъ для разныхъ зданій и чертежей для построенія мельницъ и другихъ машинъ, приводимыхъ въ движеніе водою. Эту другую сторону генія Леонардо, это раннее практическое направленіе его ума, будущій біографъ, снова опираясь на оставленные имъ многочисленные рисунки, долженъ будетъ изобразить въ новомъ свѣтѣ. Леонардо, кажется, былъ неистощимъ въ математическихъ, механическихъ и гидравлическихъ проектахъ: ежедневно сочинялъ онъ модели и рисунки, какимъ образомъ сносить и прорывать горы, какъ подымать большія тяжести, очищать морскія гавани, подымать воду изъ глубины посредствомъ насосовъ, и т. д. Еще въ ранней юности, по замѣчанію Вазари, его занималъ проектъ—канализировать рѣку Арно отъ Флоренціи до Пизы. Кромѣ того, онъ любилъ изобрѣтать разныя механическія игрушки и иногда сочинялъ такіе химерическіе планы, что приводилъ въ изумленіе самыхъ невѣрующихъ, хотя они и сознавали въ послѣдствіи всю ихъ несбыточность. Будущій біографъ Леонардо пояснитъ и дополнитъ многія показанія Вазари и вѣроятно опредѣлитъ хронологическій порядокъ всѣхъ этихъ ученыхъ занятій его, когда изучитъ рукописи Леонардо и преимущественно знаменитый атлантическій кодексъ, хранящійся въ Амвросіанской библіотекѣ въ Миланѣ.

На такой высокой степени художественнаго и научнаго творчества находился Леонардо, среди цвѣтущей юности и полнаго развитія силъ, когда около 1480 года, по приглашенію миланскаго герцога Людовика Сфорцы, прозваннаго il Moro, онъ рѣшился промѣнять свою родину—Флоренцію, городъ, столь славный своими великими художниками и покровительствомъ, оказываемымъ

тамъ наукамъ и искусствамъ фамиліею Медичи, на совершенно чуждый ему Миланъ. Въ это время онъ былъ юношей, одареннымъ всѣми избранными дарами неба. Это былъ одинъ изъ многостороннѣйшихъ геніевъ, когда-либо существовавшихъ на землѣ, и притомъ полный неутомимаго рвенія — расширить безгранично кругъ своихъ познаній. Но не говоря уже о его геніи, и личность его была одна изъ самыхъ привлекательныхъ, какія только можно себѣ представить. Онъ былъ чрезвычайно красивъ лицомъ и сохранилъ эту красоту до глубокой старости, что̀ всего лучше свидѣтельствуетъ его портретъ, находящійся въ галлереѣ Уффицій во Флоренціи; стройнаго роста и чрезвычайно силенъ; отлично танцовалъ, ѣздилъ верхомъ и довелъ фехтованіе до науки. Кромѣ того онъ былъ превосходный музыкантъ и пѣвецъ, изобрѣлъ разные музыкальные инструменты и преимущественно славился своей игрой на лютнѣ, причемъ онъ импровизировалъ весьма удачные стихи. Къ сожалѣнію, изъ всѣхъ его стихотвореній до насъ дошелъ только одинъ сонетъ, замѣчательный краткостью выраженія и глубиною мыслей. Онъ отличался необыкновенною памятью, краснорѣчіемъ и діалектикой и, не смотря на всѣ эти преимущества, въ обществѣ не было собесѣдника, обходительнѣе его. Сердце его было исполнено любви не только ко всѣмъ людямъ, но и къ міру животныхъ: въ особенности любилъ онъ лошадей, которыя составляли одинъ изъ исключительныхъ предметовъ его изученія, и птицъ, которымъ онъ охотно дарилъ свободу. Съ одинаковою любовью изучалъ онъ всѣ созданія природы, начиная отъ самыхъ страшныхъ и отвратительныхъ гадовъ до игры мускуловъ человѣческаго лица, производимой страстями. До насъ дошло много свидѣтельствъ объ этой пытливости и наблюдательности его ума, объ этой способности Леонардо улавливать мгновенное выраженіе физіономіи и передавать его бумагѣ. Онъ всегда носилъ при себѣ книжку для эскизовъ, въ которой чертилъ на лету свои наблюденія. Съ нею посѣщалъ онъ публичныя гульбища, площади, гдѣ слѣдилъ за игрою физіономіи у людей всѣхъ классовъ. Однажды даже онъ задалъ большой пиръ, на который пригласилъ множество поселянъ, и разказывалъ имъ такія смѣшныя исторіи, что они отъ смѣху дѣлали самыя страшныя ужимки и гримасы, а самъ ухо-

дилъ тайкомъ и рисовалъ ихъ смѣющіяся лица такъ вѣрно, что глядя на рисунки, нельзя было удержаться отъ улыбки. — Такихъ характерныхъ головъ и каррикатуръ Леонардо до насъ дошло очень много, потому что онъ страстно любилъ изображать людей, отличавшихся чрезмѣрно рѣзкими чертами.

И не смотря на эту въ высшей степени привлекательную личность, на все разнообразіе его талантовъ, на его художественный и практическій геній, не смотря на все это удивительное сочетаніе разнообразнѣйшихъ талантовъ, изъ которыхъ каждый отдѣльно могъ бы осчастливить десятокъ обыкновенныхъ смертныхъ, Леонардо, въ эпоху полнаго развитія своего таланта, рѣшился покинуть родную Флоренцію. Оставался ли онъ тамъ непризнаннымъ и безъ всякаго порученія ему какой-либо важной работы? Это одинъ изъ самыхъ темныхъ пунктовъ его біографіи. Чтобы понять всю важность этого факта надо припомнить, что во второй половинѣ XV-го вѣка Флоренція уже въ теченіи двухъ съ половиною столѣтій была самымъ блестящимъ центромъ художественной дѣятельности во всей Италіи; что въ ней не могли изсякнуть новыя великія задачи для новыхъ великихъ художниковъ и наконецъ, что въ ней правила могучая, блестящая и покровительствовавшая искусствамъ фамилія Медичи. Ріо опять нисколько не разъяснилъ этихъ вопросовъ и отдѣлался однимъ словомъ: онъ упрекнулъ Лаврентія Великолѣпнаго въ «капризномъ равнодушіи» (capricieuse indifférence), что̀ впрочемъ ничего не объясняетъ, да ничѣмъ и не доказано.

IV.

Уже во времена римскихъ императоровъ Миланъ былъ однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ городовъ Италіи, котораго пышность, по выраженію поэта Авзонія, не могло даже помрачить сосѣдство Рима. Множество памятниковъ искусства, сохранившихся до нашихъ дней, краснорѣчиво разказываютъ его прошлую исторію. Въ четвертомъ столѣтіи по Р. Х. его украшали великолѣпные храмы, театры, цирки, кесарскіе дворцы, терассы и портики. Когда бури великаго переселенія народовъ почти совершенно сгладили съ лица земли античный Миланъ, подъ

правленьемъ Лангобардовъ возникъ на старомъ мѣстѣ новый городъ. Но и этотъ новый городъ существовалъ недолго: въ XI столѣтіи онъ весь былъ истребленъ пожаромъ, а въ XII вѣкѣ нѣмецкій императоръ Фридрихъ I разрушилъ его до такой степени, что едва пятидесятая часть города уцѣлѣла. Въ XIV ст., въ эпоху возникновенія великаго національнаго искусства въ Италіи, покровительство правившей Миланомъ фамиліи Висконти вызвало тамъ новую и сильную жизнь въ искусствѣ: тогда-то Миланъ началъ украшаться тѣми монументальными памятниками, которые до сихъ поръ составляютъ его лучшую славу. Тогда положено было основаніе его знаменитому готическому собору — чуду архитектуры въ сѣверной Италіи, надъ которымъ трудился длинный рядъ вѣковъ, и не менѣе знаменитому картезіанскому монастырю близъ Павіи, позднѣе столь великолѣпно изукрашенному художниками временъ возрожденія. Но не одна архитектура, и скульптура и живопись начали тогда же процвѣтать въ Миланѣ. Джіотто много работалъ въ Миланѣ. Когда послѣ злодѣйствъ послѣднихъ Висконти, Миланскимъ герцогствомъ овладѣлъ Франческо Сфорца, искусство нашло въ немъ сильнаго покровителя, потому что онъ и на этомъ поприщѣ хотѣлъ соперничать съ современными князьями Италіи, съ Монтефельтро въ Урбинѣ, съ Медичи во Флоренціи и съ перуджіанскими Бальіони. Но кажется, что Миланъ во всѣ времена былъ бѣденъ отечественными талантами: какъ для построенія знаменитаго собора въ XIV вѣкѣ, такъ и въ XV для изукрашенія города новыми зданіями надо было призывать иноземныхъ художниковъ: Аверулино, Микелоццо и преимущественно знаменитаго Браманте, который основалъ здѣсь обширную школу. Такая же школа существовала и для живописи: основателемъ этой старой Миланской школы былъ Винченцо Фоппа, и въ одно время съ нимъ работали въ Миланѣ Биссуккіо, Чиверкіо, Буттиноне и множество другихъ. Но произведенія ея отличаются сухимъ и часто недостаточнымъ рисункомъ, и композиція ихъ большею частію безжизненна. Чтобы дать этой школѣ новую жизнь и значеніе, которымъ она могла бы вступить въ соперничество съ прочими великими школами Италіи, въ нѣдрахъ ея слѣдовало возникнуть великому генію. Но почва Милана, кажется, была для того безплодна, и генія надо было при-

звать извнѣ. Тѣмъ не менѣе покровительство, оказываемое въ Миланѣ искусству и большое число художниковъ, занятыхъ разнообразными и многочисленными заказами въ стѣнахъ города, доказываютъ, что эта почва была уже достаточно приготовлена для воспринятія Леонардо.

Когда Леонардо прибылъ около 1480 года въ Миланъ, извѣстность его не ограничивалась, вѣроятно, одной Флоренціей, гдѣ во многихъ знатныхъ домахъ находились разныя картины этого юношескаго его періода, но ему поручались заказы и для иностранныхъ дворовъ. Такъ упомянутый выше картонъ «Грѣхопаденія Адама и Евы» былъ заказанъ ему для принесенія въ даръ королю португальскому. Одно изъ произведеній его самой ранней поры — «Щитъ съ газами», о которомъ Вазари разказываетъ столь длинный анекдотъ, вскорѣ по окончаніи было пріобрѣтено герцогомъ Миланскимъ за очень значительную сумму. Можетъ-быть, оно впервые обратило на него вниманіе властителей Милана. Намъ извѣстно также, что въ 1470 году миланскій герцогъ Галеаццо Маріа познакомился съ Леонардо во Флоренціи и приглашалъ его въ Миланъ. Но художникъ, кажется, не послѣдовалъ этому зову и принялъ только позднѣе, лѣтъ десять спустя, приглашеніе герцога Людовика Сфорцы, овладѣвшаго въ то время высшею властью. Въ этомъ мѣстѣ Вазари ошибается въ лѣтосчисленіи, и показанія его опровергнуты новѣйшими изслѣдованіями, основанными на документахъ.

Личный и политическій характеръ Людовика Моро, или лучше сказать, отсутствіе всякаго характера, столь нерѣдкое въ итальянскихъ князьяхъ этого времени, всѣмъ извѣстны. Но этотъ малодушный, коварный и хитрый узурпаторъ былъ въ то же самое время большой покровитель искусства, или вслѣдствіе личныхъ вкусовъ своихъ или по желанію соперничать съ династіею Медичи. Онъ хотѣлъ привлечь къ блестящему своему двору не только отличнѣйшихъ ученыхъ и художниковъ Италіи, но даже талантливыхъ людей изъ другихъ, чужеземныхъ, сѣверныхъ странъ. Съ ревностью продолжалъ онъ великія постройки, начатыя въ Миланѣ фамиліею Висконти, и самъ положилъ основаніе многимъ зданіямъ или расширилъ новыми пристройками уже существовавшія; не только скульптура и живопись, но и всѣ

прочія художественныя ремесла среднихъ вѣковъ содѣйствовали, по его волѣ, ихъ изукрашенію. Само собою разумѣется, что появленіе Леонардо, находившагося тогда въ цвѣтѣ лѣтъ и соединявшаго въ себѣ въ необыкновенной степени красоту и грацію, высокую нравственность и самыя разнообразные таланты, при дворѣ Людовика Моро должно было произвесть необыкновенное впечатлѣніе.

Но въ какомъ качествѣ явился Леонардо при этомъ дворѣ? вотъ опять довольно загадочный вопросъ. Былъ ли Людовикъ знакомъ съ его разнообразными талантами? Кажется, что нѣтъ, и мы сейчасъ увидимъ почему. Вазари разказываетъ, что причиною почетнаго призванія Леонардо была искусная игра его на лютнѣ, для которой онъ изобрѣлъ совершенно новую форму, разсчитанную на то, чтобы сообщить звуку этого инструмента болѣе и силы и благозвучія. На немъ Леонардо превосходилъ всѣхъ музыкантовъ, когда-либо слышанныхъ въ Миланѣ, и кромѣ того онъ былъ лучшій изъ тогда жившихъ импровизаторовъ. Герцогъ такъ плѣненъ былъ его рѣчами, что влюбился до невѣроятной степени въ его таланты. Леонардо вскорѣ со всѣхъ сторонъ получилъ множество художественныхъ заказовъ, и тогда началась та великая эпоха его художественной дѣятельности, которой главнѣйшія произведенія я сейчасъ буду характеризировать.

Разказъ Вазари, съ перваго взгляда почти невѣроятный, приметъ для насъ бо́льшій видъ достовѣрности, если мы вспомнимъ, что личныя качества и таланты Леонардо, для насъ, отдаленныхъ потомковъ, совершенно чуждыя и которыхъ значеніе мы вовсе не въ состояніи оцѣнить, могли всего прежде обратить на себя вниманіе Миланскаго герцога. Кромѣ того есть доказательства, что Леонардо весьма серьёзно занимался музыкой, потому что въ его дошедшихъ до насъ рисункахъ есть много такихъ, которые относятся къ построенію новыхъ или усовершенствованію старинныхъ музыкальныхъ инструментовъ. Но если первое знакомство Людовика Моро съ Леонардо и было одностороннее, то герцогу стоило только поверхностно познакомиться съ этимъ удивительнымъ геніемъ, чтобы найдти въ немъ неисчерпаемыя сокровища, какъ художественныхъ, такъ и самыхъ практическихъ знаній. Недавно найденный документъ,

писанный рукою Леонардо, но котораго число и годъ, къ сожалѣнію, неизвѣстны, бросаетъ совершенно неожиданный свѣтъ на первыя отношенія между этими двумя лицами. Восхищенный личностью и талантами Леонардо, герцогъ вскорѣ увидѣлъ, что онъ превосходный живописецъ, скульпторъ и архитекторъ, говорилъ съ нимъ даже о начатіи великихъ художественныхъ предпріятій, но повидимому только въ одной изъ частыхъ бесѣдъ съ художникомъ, онъ узналъ неожиданно, что Леонардо—механикъ, гидравликъ и военный инженеръ. Герцогъ вѣроятно потребовалъ у Леонардо, чтобы онъ представилъ ему записку о своихъ свѣдѣніяхъ по всѣмъ этимъ частямъ, и этотъ-то документъ дошелъ до насъ. Таковъ весь тонъ, въ которомъ онъ писанъ. «Я умѣю, сіятельнѣйшій властитель, пишетъ Леонардо, строить удобопереносимые мосты, которымъ нечего бояться непріятельскаго огня, и знаю средства сожигать мосты вражескіе. Я умѣю, при осадѣ крѣпостей, отрѣзать воду во рвахъ и разрушать башни и другія укрѣпленія; проводить подземные ходы; умѣю строить совершенно новой формы мортиры и другія полевыя и метательныя орудія; умѣю строить корабли, которымъ самыя большія бомбарды не могутъ причинить вреда, и т. д.» Только въ самомъ концѣ этого мемуара Леонардо говоритъ, что во время мира онъ можетъ проводить каналы, строить зданія и наконецъ заниматься скульптурою изъ мрамора, бронзы и алебастра и писать картины. Тутъ онъ намекаетъ на художественное порученіе, предложенное ему герцогомъ. О музыкальномъ своемъ талантѣ Леонардо не упоминаетъ ни слова. Такимъ образомъ мы видимъ, что Людовикъ Моро познакомился съ разнообразными знаніями великаго художника постепенно, и только уже довольно поздно съ практическими и техническими его свѣдѣніями. Но всѣ они, и въ особенности послѣднія, должны были возбудить въ герцогѣ страстное желаніе — приковать всѣми узами къ своей особѣ, ко двору и Милану подобную личность. Ему были въ высшей степени необходимы и Леонардо—великій художникъ, во время мира служившій украшеніемъ его блестящему двору и въ свою очередь украшавшій столицу своими великими твореніями, и Леонардо—военный инженеръ, геніальный изобрѣтатель въ этомъ дѣлѣ, потому что такого человѣка требовали и собственное политическое положеніе Людо-

вика, военная организація всего государства и наконецъ возможность войны, которая въ послѣдствіи и обрушилась съ такою силою на несчастнаго герцога.

V.

Съ чего началась художественная дѣятельность Леонардо въ Миланѣ — трудно рѣшить при нынѣшнемъ состоянію нашихъ источниковъ. Ріо тоже нисколько не разъяснилъ этого вопроса. Не имѣя нигдѣ въ виду строго-хронологическаго изслѣдованія, онъ, разказавъ разныя событія, относящіяся къ болѣе позднему времени, утверждаетъ, что Леонардо, какъ живописецъ, долженъ былъ начать свое поприще довольно позорнымъ образомъ. Именно, онъ долженъ быть подчиниться «тяжкой необходимости» и написать портреты двухъ красавицъ — возлюбленныхъ Людовика Моро, — за что̀ и получаетъ строгій выговоръ отъ автора. Вазари умалчиваетъ объ этомъ обстоятельствѣ совершенно, но говоритъ, что первою его картиной былъ запрестольный образъ, изображавшій Рождество Спасителя, написанный по усильнымъ просьбамъ герцога и подаренный послѣднимъ императору Максимиліану. Между тѣмъ изучая хронологію произведеній Леонардо, созданныхъ въ Миланѣ, и соображая ихъ съ разными обстоятельствами его жизни, мы ясно убѣждаемся, что Леонардо, вѣроятно, въ одно и то же время, заразъ, предпринялъ нѣсколько работъ въ разныхъ родахъ искусства и велъ ихъ вмѣстѣ. Сказать же, что онъ началъ тамъ свое поприще съ писанія портретовъ возлюбленныхъ Миланскаго герцога, значитъ — смотрѣть исключительно на Леонардо, какъ на какого-то *придворнаго* живописца, а это воззрѣніе слишкомъ узкое. Достовѣрно, что онъ писалъ ихъ; но столькожь достовѣрно, что онъ въ то же время писалъ портреты другихъ лицъ, уже совершенно нескандалёзнаго характера, писалъ картины религіознаго содержанія, устроивалъ разныя декораціи для празднествъ при бракосочетаніяхъ разныхъ высокихъ лицъ и наконецъ, вѣроятно очень вскорѣ послѣ прибытія своего въ Миланъ, началъ одно изъ величайшихъ скульптурныхъ произведеній — конную статую, памятникъ въ честь Франческо Сфорцы, отца Людовика Моро. Такому многостороннему художнику вѣроятно были вскорѣ поручены самыя разнообразныя работы.

По словамъ Вазари, Леонардо самъ сдѣлалъ предложеніе Людовику Моро — воздвигнуть знаменитому полководцу памятникъ изъ бронзы самыхъ колоссальныхъ размѣровъ. Франческо Сфорца долженъ былъ быть представленъ верхомъ на конѣ съ военачальническимъ жезломъ въ рукахъ. Понятно, что идея такого героическаго памятника должна была придти на мысль прежде всего самому художнику: онъ сочувствовалъ великимъ людямъ и былъ превосходно приготовленъ къ исполненію подобной задачи своими анатомическими трудами. Что герцогъ Миланскій тотчасъ утвердилъ исполненіе этого памятника — служитъ неопровержимымъ доказательствомъ тому, что современники смотрѣли на Леонардо, какъ на великаго скульптора. А между тѣмъ задача была въ высшей степени трудная. Если Мадонна въ римскомъ монастырѣ св. Онуфрія, столь извѣстномъ по связаннымъ съ нимъ воспоминаніямъ о Тассѣ, есть въ самомъ дѣлѣ произведеніе кисти Леонардо и относится къ его юношескому періоду, а слѣдовательно свидѣтельствуетъ о весьма раннемъ, первомъ пребываніи его въ Римѣ, о которомъ молчатъ всѣ историки, то ему, безъ сомнѣнія, были извѣстны конныя статуи діоскуровъ и статуя изъ бронзы Марка Аврелія, которая уцѣлѣла отъ гибели только потому, что въ средніе вѣка ее считали за изображеніе Константина Великаго. Поэтому Леонарду слѣдовало вступить въ соперничество съ произведеніями античнаго искусства, которое тогда весьма высоко уважали. Я предполагаю, что ему также, можетъ-быть, были извѣстны бронзовые кони, находящіеся на церквѣ св. Марка въ Венеціи, привезенные Венеціанцами изъ Византіи. Но и, кромѣ того, великіе и предшествовавшіе ему, и современные художники исполняли подобныя же задачи: такъ во всей Италіи гремѣла слава конной статуи полководца Гаттамелаты, сдѣланная для Падуи великимъ флорентійскимъ скульпторомъ — Донателло. Самъ учитель его Верроккіо прославился конной статуей полководца Колеони. Неудивительно, если въ мастерской его Леонардо познакомился съ лучшими образцами конныхъ статуй и рѣшился вступить въ соперничество съ античнымъ искусствомъ и великими современными произведеніями, когда получилъ отъ своего новаго покровителя увѣреніе, что его произведеніе, столь лестное для памяти отца и чести сына, будетъ отлито изъ бронзы.

Можно навѣрное предположить, по безчисленнымъ примѣрамъ изъ среднихъ вѣковъ, что между художникомъ и герцогомъ былъ заключенъ формальный контрактъ, вслѣдствіе котораго, что̀ намъ пожительно извѣстно, Леонардо началъ получать за трудъ свой постоянное жалованье. Если Леонардо прибылъ въ Миланъ около 1480 года, то вѣроятно къ модели коня, который составлялъ главную трудность въ этой задачѣ, онъ приступилъ еще до 1483, такъ какъ, по самымъ достовѣрнымъ извѣстіямъ, художникъ работалъ надъ ней 16 лѣтъ, и модель была уже окончательно готова въ 1499. Впрочемъ, эту модель, плодъ столь долголѣтнихъ и глубоко обдуманныхъ трудовъ, онъ долженъ былъ сдѣлать дважды. Первая модель, только что изготовленная, была сломана, вѣроятно во время торжественной процессіи при бракосочетаніи герцога Джіана Галеаццо въ 1489, когда ее везли, какъ лучшее украшеніе всего шествія. Съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ и любовью приступилъ Леонардо 23-го апрѣля 1490 года ко второй модели коня. И это нисколько не должно насъ удивлять: онъ былъ отличнымъ ѣздокомъ, лошадь была его любимымъ животнымъ, ея анатомія — однимъ изъ любимыхъ предметовъ его занятій; онъ даже посвятилъ ей особое сочиненіе. Долго, вѣроятно, колебался онъ въ выборѣ момента, въ которомъ должно было изобразить коня: дать ли ему спокойное положеніе коня Марка Аврелія или сильное движеніе коней діоскуровъ? Леонардо, повидимому, рѣшился соединить спокойствіе во всадникѣ съ стремительнымъ, боевымъ движеніемъ коня. Когда модель была окончена, она возбудила всеобщее удивленіе: современники не находятъ словъ для выраженія своего удивленія къ этому произведенію Леонардо. Но уже въ половинѣ девяностыхъ годовъ XV-го вѣка начали собираться надъ Миланскимъ герцогствомъ политическія бури, которыя и разразились въ концѣ столѣтія. Тогда и въ умѣ герцога художественныя предпріятія должны были уступить мѣсто воинскимъ приготовленіямъ; государственная касса начала пустѣть; Леонарду перестали выдавать жалованье, и художникъ, кажется, самъ началъ терпѣть большую нужду. Тѣмъ не менѣе любовь его къ этому великому предпріятію была такъ сильна, что онъ изъ собственныхъ средствъ содержалъ двухъ помощниковъ для приведенія работы къ окончанію. Разумѣется, что

при увеличивавшемся затрудненіи политическихъ обстоятельствъ нельзя было и думать о приступленіи къ отлитію ея изъ бронзы, а по словамъ Вазари, впрочемъ и въ этомъ мѣстѣ желающаго заподозрить характеръ Леонардо, она была такъ огромна, что ее никогда нельзя было бы отлить. Думаютъ, что для коня потребовалось бы 100,000 фунтовъ бронзы. Поэтому на Леонардо нисколько не можетъ пасть вина въ томъ, что ему не удалось въ монументальномъ матеріалѣ увѣковѣчить свое колоссальное и, по словамъ самого Вазари, никѣмъ не превзойденное произведеніе.

Въ то время какъ Леонардо такимъ образомъ въ теченіи многихъ лѣтъ былъ занятъ громадною моделью коня для памятника въ честь Франческо Сфорцы, моделью, которая одна могла бы послужить задачею цѣлой художнической жизни, онъ предпринялъ, почти единовременно, другую колоссальную работу, которая составляетъ торжество христіанской живописи. Это была картина, назначенная украшать стѣну трапезы доминиканскаго монастыря S. Maria delle Grazie въ Миланѣ. Художникъ, весьма глубокомысленно сообразуясь съ мѣстомъ назначенія, избралъ предметомъ ея Тайную Вечерю. Тайная Вечеря Леонардо извѣстна всему міру. Банделло разказываетъ въ своихъ новеллахъ, что видѣлъ, какъ Леонардо въ полдень, въ самое жаркое время, быстро покидалъ «Старый дворъ», гдѣ работалъ надъ своимъ удивительнымъ конемъ, и отправлялся прямо въ монастырь delle Grazie: тамъ, взошедши на помостъ, находившійся передъ картиной, онъ бралъ кисть и проводилъ нѣсколько штриховъ; потомъ вдругъ удалялся. Но часто проводилъ онъ и цѣлые дни, отъ восхода до заката солнца, съ кистью въ рукахъ, надъ этою картиной, забывая пищу и питье. Въ другіе дни онъ по цѣлымъ часамъ обдумывалъ и разсматривалъ написанное. Мы видимъ, такимъ образомъ, не только съ какимъ необыкновеннымъ стараніемъ, но и съ какою медленностью создавалъ Леонардо, занятый столь разнообразными трудами, свое великое произведеніе. Тотъ, кто знакомъ съ его пріемами въ живописи, легко пойметъ, что Тайная Вечеря потребовала почти столько же лѣтъ для исполненія, какъ и конная статуя Франческо Сфорцы. Тѣ, которые думаютъ, что она была написана въ три или четыре года — оши-

баются, потому что у насъ есть на вышесказанное мнѣніе разныя доказательства. Ріо не дѣлалъ никакихъ новыхъ хронологическихъ изслѣдованій относительно времени происхожденія этого, для насъ знаменитѣйшаго произведенія Леонардо; онъ даже впалъ въ странную ошибку, говоря, что Леонардо нуженъ былъ для окончанія ея кратчайшій срокъ, чѣмъ для написанія какого-нибудь портрета, и что онъ началъ Тайную Вечерю въ 1496 году, когда окончилъ свою модель коня. Это совершенно противорѣчитъ словамъ Банделло, цитуемымъ самимъ же Ріо, хотя и для подтвержденія совершенно ошибочной мысли, будто бы пристрастіе къ новому произведенію заставило Леонардо забыть модель коня и не заботиться болѣе объ отливкѣ ея изъ бронзы. Напротивъ, письмо Леонардо, какъ мы видѣли выше, утверждаетъ совершенно противное. Людовикъ Моро повелѣлъ расширить старую трапезу монастыря S. Maria Grazie въ 1481 году. При этой перестройкѣ, вѣроятно, погибли старыя фрески, по обычаю украшавшія ея стѣны. Когда реставрація была окончена, Леонардо получилъ порученіе украсить одну изъ стѣнъ своимъ произведеніемъ. Извѣстно, что онъ долго обдумывалъ свои картины, сочинялъ для нихъ эскизы, дѣлалъ этюды и писалъ вообще крайне медленно, такъ что употреблялъ годы для окончанія портрета одной знаменитой красавицы. Сколько же времени долженъ былъ потратить великій художникъ на исполненіе картины, состоящей изъ тринадцати лицъ, въ полтора раза болѣе натуральной величины! Леонардо писалъ еще Тайную Вечерю, когда посредственному современному ему живописцу Монторфано поручено было въ 1495 (что̀ совершенно выпустилъ изъ виду Ріо) написать на противоположной Тайной Вечерѣ стѣнѣ, невыгодно освѣщенной, другую картину al fresco, по содержанію своему соотвѣтствующую Тайной Вечери. Леонардо, что̀ видно изъ одного документа, работалъ надъ нею еще въ 1497 году и вѣроятно окончилъ ее, или въ этомъ, или въ слѣдующемъ году. Хотя Вазари и считаетъ ее въ нѣкоторыхъ частяхъ неоконченною, но его замѣчаніе можетъ быть истолковано только въ томъ смыслѣ, что Леонардо полагалъ для себя невозможнымъ достигнуть кистью совершенства тѣхъ идеаловъ, которые создавала его творческая фантазія.

Но не въ однѣ хронологическія ошибки впалъ Ріо, говоря о Тайной Вечери Леонардо: онъ также, чего вовсе нельзя было ожидать отъ него, не понялъ и глубокій смыслъ произведенія или, лучше сказать, онъ влагаетъ въ него совершенно произвольный смыслъ, устраняетъ совершенно его общечеловѣческое значеніе и дѣлаетъ изъ величайшаго созданія живописи — знамя своихъ ультракатолическихъ убѣжденій. По его мнѣнію, Тайная Вечеря Леонардо есть «протестація со стороны искусства въ пользу догмата о таинствѣ Евхаристіи». Это совершенно ложно. Великое событіе состояло изъ двухъ актовъ: въ первомъ установлено было таинство Евхаристіи; во второмъ Спаситель произнесъ пророческія слова: *Единъ отъ васъ предастъ Мя!* Въ избраніи послѣдняго момента сюжетомъ для великой задачи лежитъ глубочайшее пониманіе искусства. Вотъ почему съ этой картины должна была начаться новая эра въ религіозной живописи. Отъ символизма прежнихъ мастеровъ и слишкомъ индивидуальной жизни Флорентійской школы она въ этомъ произведеніи вдругъ перешла въ міръ идеальной дѣйствительности, истинной, живой и благородной. Къ сожалѣнію, художники послѣдующихъ временъ не имѣли довольно силъ, держаться постоянно на этой, не для всѣхъ созданной, высотѣ: искусство, увлекаемое потокомъ разныхъ свѣтскихъ стремленій, пошло вскорѣ иными путями. Тѣмъ не менѣе любопытно было бы прослѣдить вліяніе Тайной Вечери Леонардо на всю живопись, и преимущественно на школы Ломбардскую и Венеціанскую. Если до Леонардо этотъ сюжетъ рѣдко встрѣчается въ искусствѣ среднихъ вѣковъ, то послѣ него онъ воспроизводится безконечное число разъ, и каждая школа воспроизводитъ его въ свойственномъ ей смыслѣ.

Само собою разумѣется, что Леонардо приступилъ къ Тайной Вечерѣ, которую онъ рѣшился написать на стѣнѣ не al fresco, а масляными красками, (обстоятельство, котораго причину слѣдуетъ искать во всемъ характерѣ художественной дѣятельности Леонардо), вполнѣ приготовленный предыдущими своими трудами къ этому великому предпріятію. Какъ воспитаннику Флоренціи, ему, кромѣ произведенія Фьезоле, были извѣстны двѣ большія фрески, изображающія тотъ же сюжетъ и славныя въ исторіи живописи. Одна изъ нихъ находится въ трапезѣ

монастыря св. Креста, и принадлежитъ кисти Таддео Гадди, одного изъ талантливѣйшихъ учениковъ Джіотто, а, по мнѣнію иныхъ критиковъ, даже самому учителю; другая, въ трапезѣ монастыря св. Марка, писана однимъ изъ величайшихъ представителей Флорентійской школы XV-го вѣка — Доменико Гирландайо. Эти великія произведенія, и преимущественно первое, не могли не имѣть вліянія на Леонардо. И въ самомъ дѣлѣ, сравнивая его Тайную Вечерю съ картинами предшественниковъ, нельзя не открыть аналогіи, существующей между ними; но взоръ тотчасъ открываетъ и бездну, ихъ раздѣляющую. Леонардо заимствовалъ у нихъ все внѣшнее построеніе картины, которое вполнѣ соотвѣтствовало, по обстановкѣ своей, съ ежедневною трапезою монаховъ. Но этою внѣшностью и ограничивается вся аналогія. Еслибъ Художникъ изобразилъ первый моментъ великаго событія, то его произведеніе представило бы величавою торжественностью высокотипическихъ лицъ еще и вторую, внутреннюю аналогію съ ними. Но въ то время, когда сидящіе за яственнымъ столомъ монахи могли всего легче быть увлечены прельщеніями свѣта, имъ надлежало на вѣчное поученіе показать, что въ сердцѣ каждаго человѣка можетъ невидимо вкрасться предатель и что Учитель болѣетъ о каждой заблудшей овцѣ. Этотъ великій урокъ каждый долженъ былъ ежедневно читать очами своими на стѣнѣ, и голосъ великаго поученія проникалъ въ душу присутствующихъ, быть-можетъ, глубже, чѣмъ ежедневная проповѣдь или чтеніе собрата-монаха. Великій выборъ этого втораго момента указалъ также и всей живописи новые пути. Собраніе, повидимому, весьма невыгодно сгруппированное для драматическаго дѣйствія, вдругъ оживаетъ: и на всѣхъ ступеняхъ жизни, начиная отъ нѣжной юности до глубокой старости, въ немъ обнаруживаются, отъ одного произнесеннаго слова, всѣ сокровеннѣйшія движенія души, цѣлый міръ чувствъ самыхъ разнообразныхъ, начиная отъ глубочайшей, сосредоточенной въ себѣ горести, или тихихъ сомнѣній, до полнаго взрыва страстей: гнѣва, ужаса и мести. И все это разнообразіе душевныхъ ощущеній приведено здѣсь въ удивительной гармоніи къ единому средоточію, трудно описываемому словами, и всѣ эти ощущенія олицетворены въ столь типическихъ лицахъ, что изучая великое произ-

веденіе Леонардо, съ убѣжденіемъ повторяешь прекрасное выраженіе Ріо, что живопись Леонардо есть *синтезъ идеализма и реализма*.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

О ЧИСЛѢ КРѢПОСТНЫХЪ ЛЮДЕЙ ВЪ РОССІИ.

—

Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, служащій такимъ обильнымъ источникомъ статистическихъ данныхъ для изученія нашего отечества за послѣдніе полвѣка его государственнаго и общественнаго развитія, сообщаетъ въ майскомъ нумерѣ нынѣшняго года очень любопытную статью г-на Тройницкаго о числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи, основанную на возможно-точныхъ новѣйшихъ свѣдѣніяхъ, собранныхъ къ началу текущаго года Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Заимствуя изъ этой статьи вѣдомость или таблицу, показывающую число крѣпостныхъ по окладнымъ спискамъ 1857 года (слѣдовательно по 9-й ревизіи), а общее число жителей по всеподданнѣйшимъ отчетамъ начальниковъ губерній за 1856 годъ, мы присоединяемъ къ ней и нѣкоторыя изъ главныхъ соображеній и выводовъ, сдѣланныхъ на основаніи ея г-мъ Тройницкимъ.

ТАБЛИЦА КРѢПОСТНАГО НАСЕЛЕНІЯ ВЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ, ВЪ 1857 ГОДУ.

	ГУБЕРНІИ и ОБЛАСТИ.	Дворяне, владѣющіе крѣпостными людьми безъ земли.		Помѣщики, владѣющіе землею, населенною крѣпостными людьми.										ВСЕГО.			Губернское населеніе въ 1856 году.	
				Менѣе 21 души.		Отъ 21 до 100 душъ.		Отъ 101 до 500 душъ.		Отъ 501 до 1000 душъ.		Болѣе 1,000 душъ.						
		Число дворянъ.	Число крѣпостныхъ люд.	Число помѣщиковъ.	Число крѣпостныхъ людей.	Число помѣщиковъ.	Число крѣпостныхъ людей.	Число помѣщиковъ.	Число крѣпостныхъ людей.	Число помѣщиковъ.	Число крѣпостныхъ людей.	Число помѣщиковъ.	Число крѣпостныхъ людей.	Общее число владѣльцевъ крѣпостныхъ людей.	Общее число крѣпостныхъ людей.	На одного владѣльца приходится крѣпостныхъ людей.	Общее число жителей мужескаго пола.	Крѣпостной процентъ.
1	Архангельская . .	9	14	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,574	9	14	1,55	125,493	0,01
2	Астраханская . .	69	199	2	12	10	600	14	2,758	2	1,055	1	—	98	6,198	63,24	212,536	2,91
3	Бессарабская область	66	353	175	1,357	59	2,167	11	2,082	—	—	—	—	311	5,959	19,16	504,489	1,18
4	Виленская	35	104	840	6,528	923	43,446	381	78,096	38	26,194	21	43,529	2,238	197,897	88,42	410,105	48,25
5	Витебская	98	253	476	3,920	528	27,533	418	88,672	49	31,837	26	66,492	1,595	218,707	137,12	368,260	59,38
6	Владимірская . . .	40	91	926	9,695	10,053	53,835	596	121,263	72	48,265	42	97,591	2,729	330,740	121,12	587,827	56,26
7	Вологодская . . .	20	53	523	5,276	504	24,868	228	44,601	23	16,606	7	10,957	1,305	102,361	78,43	440,487	23,23
8	Волынская	124	374	511	4,016	709	37,674	851	181,848	112	76,144	63	140,498	2,370	440,554	185,88	739,889	59,55
9	Воронежская . . .	229	594	1,386	8,404	816	28,479	389	57,344	40	25,937	40	121,921	2,891	242,679	83,94	905,058	26,81
10	Вятская	45	96	14	92	36	1,967	17	4,147	3	2,696	6	1,579	121	24,077	198,98	957,779	2,51
11	Гродненская . . .	65	122	584	4,714	623	29,504	363	76,806	59	41,356	25	44,680	1,719	197,182	114,70	490,957	49,17
12	Донскаго Войска земля	—	—	2,243	13,264	583	26,940	218	45,417	35	23,512	11	17,991	3,090	127,154	41,15	426,350	29,80
13	Екатеринославск.	219	1,004	881	7,232	1,063	40,954	410	73,676	33	21,684	15	14,308	2,621	158,858	60,60	526,618	30,16
14	Казанская	113	271	288	2,527	492	25,403	283	56,341	14	9,824	4	5,150	1,194	99,516	83,34	720,224	13,81
15	Калужская	52	177	612	5,930	953	48,654	585	122,430	88	60,229	35	78,466	2,325	315,886	135,86	503,759	62,70
16	Кіевская	264	803	188	1,490	353	18,949	563	140,339	138	90,833	78	268,831	1,584	521,245	319,06	886,366	58,81
17	Ковенская	11	33	653	5,489	686	34,757	273	53,631	32	21,758	22	59,540	1,677	175,208	104,47	477,148	36,71
18	Костромская . . .	32	73	1,636	13,907	1,101	54,514	557	118,999	80	54,199	31	50,612	3,437	292,334	85,05	496,353	58,89

	ГУБЕРНІИ и ОБЛАСТИ.	Дворяне, владѣющіе крѣпостными людьми безъ земли.		Помѣщики, владѣющіе землею, населенною крѣпостными людьми.										ВСЕГО.			Губернское населеніе 1856 году.	
				Менѣе 21 души.		От 21 до 100 душъ.		От 101 до 500 душъ.		От 501 до 1000 душъ.		Болѣе 1,000 душъ.						
		Число дворянъ.	Число крѣпостныхъ люд.	Число помѣщиковъ.	Число крѣпостныхъ людей.	Число помѣщиковъ.	Число крѣпостныхъ людей.	Число помѣщиковъ.	Число крѣпостныхъ людей.	Число помѣщиковъ.	Число крѣпостныхъ людей.	Число помѣщиковъ.	Число крѣпостныхъ людей.	Общее число владѣльцевъ крѣпостныхъ людей.	Общее число крѣпостныхъ людей.	На одного владѣльца приходится крѣпостныхъ людей.	Общее число жителей мужескаго пола.	Крѣпостной процентъ.
9	Курляндская ...	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	254,512	—
0	Курская	183	464	3,793	27,030	1,523	66,624	585	110,169	61	42,194	39	115,711	6,189	362,192	58,52	919,964	39,35
1	Лифляндская ...	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	407,653	—
2	Минская	136	375	694	4,801	645	32,654	439	91,618	62	41,146	38	117,742	2,014	288,336	143,16	484,309	59,53
3	Могилевская ...	124	333	815	5,616	591	29,156	457	102,689	60	47,788	41	102,397	2,088	287,889	—	432,953	66,49
4	Московская	270	713	388	4,975	942	52,885	526	114,508	75	50,101	43	81,988	2,244	305,171	—	818,422	37,28
5	Нижегородская .	37	92	282	2,810	496	24,975	510	111,452	70	49,107	66	158,081	1,463	346,517	236,98	586,091	59,12
6	Новгородская ..	65	142	2,297	18,557	1,351	54,744	531	85,163	43	22,226	14	16,957	4,301	197,789	45,85	375,594	52,65
7	Олонецкая	10	26	196	1,561	41	1,756	11	2,087	—	—	—	—	258	5,430	21,04	135,667	4,00
8	Оренбургская ..	297	1,083	377	2,760	251	12,856	137	29,371	14	9,676	15	49,145	1,091	104,891	94,14	935,918	11,20
9	Орловская	118	284	1,470	10,003	1,465	56,171	864	147,417	92	55,720	60	103,838	4,069	372,433	91,52	727,274	51,20
0	Пензенская	76	172	688	4,871	647	25,674	580	102,279	71	44,608	50	84,916	2,139	262,520	122,73	561,302	46,75
1	Пермская	62	218	8	45	17	954	6	1,527	2	1,865	20	252,125	115	256,734	2,232,46	949,344	25,98
2	Подольская	158	636	310	2,212	376	19,651	570	140,171	148	101,789	105	221,501	1,667	485,960	291,51	841,285	57,76
3	Полтавская	178	538	5,195	31,836	1,504	65,370	578	111,040	53	34,966	39	81,546	7,547	325,296	43,10	856,329	97,98
4	Псковская	37	95	1,030	0,967	1,089	53,147	418	80,658	45	30,338	10	12,879	2,629	187,084	71,16	336,618	55,57
5	Рязанская	105	227	2,736	14,900	1,655	67,311	930	159,423	113	66,351	56	86,283	5,595	394,495	70,50	696,306	56,65
6	Самарская	56	141	330	2,640	329	16,826	210	43,906	35	25,202	12	22,562	972	111,277	114,48	725,003	15,34
7	С.-Петербургск..	424	936	581	5,907	526	25,699	288	59,021	26	18,803	9	13,352	1,854	123,718	66,74	626,122	19,66
8	Саратовская ...	181	489	849	6,563	905	34,526	566	103,309	105	52,739	70	125,305	2,676	322,931	120,67	781,808	41,30
9	Симбирская	37	98	541	4,002	633	25,741	451	81,960	73	39,589	35	60,025	1,770	211,415	119,44	533,792	39,60
0	Смоленская	153	317	2,598	20,708	1,534	75,419	685	128,353	70	48,369	52	105,154	5,092	378,320	74,29	527,839	71,67

	ГУБЕРНІИ и ОБЛАСТИ.	Дворяне, владѣющіе крѣпостными людьми безъ земли.		Помѣщики, владѣющіе землею, населенною крѣпостными людьми.										ВСЕГО.			Губернское населеніе въ 1856 году.	
				Менѣе 21 души.		От 21 до 100 душъ.		От 101 до 500 душъ.		От 501 до 1000 душъ.		Болѣе 1,000 душъ.						
		Число дворянъ.	Число крѣпостныхъ люд.	Число помѣщиковъ.	Число крѣпостныхъ людей.	Число помѣщиковъ.	Число крѣпостныхъ людей.	Число помѣщиковъ.	Число крѣпостныхъ людей.	Число помѣщиковъ.	Число крѣпостныхъ людей.	Число помѣщиковъ.	Число крѣпостныхъ людей.	Общее число владѣльцевъ крѣпостныхъ людей.	Общее число крѣпостныхъ людей.	На одного владѣльца приходится крѣпостныхъ людей.	Общее число жителей мужескаго пола.	Крѣпостной процент.
41	Ставропольская .	84	291	61	427	26	1,029	10	2,392	—	—	3	4,080	184	8,219	44,66	316,070	2,60
42	Таврическая ...	179	426	236	1,736	93	4,352	27	6,527	5	3,237	3	4,866	543	21,144	38,93	300,021	7,04
43	Тамбовская	111	411	1,852	12,693	1,575	63,118	755	137,762	90	50,519	62	94,585	4,445	359,088	80,78	885,112	40,55
44	Тверская	55	99	1,343	13,782	1,522	74,875	751	148,999	94	60,719	34	61,265	3,799	359,739	94,69	695,216	51,74
45	Тульская	115	281	1,080	9,060	1,563	79,569	1,054	204,368	63	41,872	23	52,850	3,898	388,000	99,53	563,821	68,81
46	Харьковская ...	382	858	2,236	13,652	1,109	42,102	472	73,802	44	28,968	43	64,143	4,286	223,525	52,15	736,212	30,36
47	Херсонская	222	608	1,175	11,898	1,059	49,698	333	61,983	28	18,164	5	8,791	2,813	151,142	53,72	565,849	26,71
48	Черниговская ..	132	357	3,342	19,505	932	44,079	350	74,971	67	48,448	46	89,793	4,869	277,153	56,90	680,058	40,75
49	Черноморск. Войска земля	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	99,532	—
50	Эстляндская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	144,151	—
51	Ярославская ...	32	66	1,267	1,110	1,110	54,619	566	118,097	41	28,510	27	55,793	3,043	269,925	88,36	423,535	36,77
	Итого	5,510	15,390	49,708	371,210	36,024	1,655,824	19,808	3,903,502	2,468	1,615,143	1,449	3,283,833	114,967	10,844,902	94,33	28,613,380	37,90

Примѣчаніе. Сверхъ числа крѣпостныхъ людей, исчисленныхъ въ этой таблицѣ по губерніямъ, показаны, по вѣдомостямъ нѣкоторыхъ Казенныхъ Палатъ, крестьяне, состоящіе не въ полномъ, а во временномъ или ограниченномъ крѣпостномъ положеніи, именно: во *Владимірской* губерніи — настеровыхъ, во владѣніи 3 дворянъ, 3,429 д.; въ *Минской* поіезуитскихъ и ленныхъ, во владѣніи 66 помѣщиковъ 19,229 д.; въ *Пермской:* приписныхъ къ частнымъ заводамъ отъ казны 19,620 д., и непремѣнныхъ или урочныхъ работниковъ 10,892 д., итого, во владѣніи 11 помѣщиковъ 30,512 д.; въ *Симбирской:* государственныхъ крестьянъ, неисполнившихъ обязанности своей къ помѣщику 350 д., приписанныхъ къ Тальской бумажной фабрикѣ 253 д., и принадлежащихъ Маріинскому институту благородныхъ дѣвицъ 423 д.; итого 1,026 д.; въ *Подольской*, ленныхъ, поіезуитскихъ и подлежащихъ конфискаціи, во владѣніи 15 помѣщиковъ, 3,731 д.; всегоже, въ пяти губерніяхъ, 58,927 душъ.

Числа таблицы относятся къ одному только мужскому полу народонаселенія, но уже простое удвоеніе этихъ чиселъ даетъ довольно приблизительныя данныя о количествѣ мужскаго и женскаго народонаселенія вообще.

Крѣпостной процентъ всего населенія Европейской Россіи составляетъ 37,90; то-есть, на каждыя *сто* душъ всѣхъ вообще сословій приходится около *тридцати осьми* душъ крѣпостныхъ [1]); тогда какъ число владѣльцевъ составляетъ менѣе двухъ пятыхъ или съ небольшимъ 1/4 процента всего населенія [2]).

Дворянамъ, не владѣющимъ землею, и имѣющимъ крѣпостныхъ, приписанныхъ къ домамъ или денежнымъ капиталамъ, принадлежатъ 15,390 душъ, или 0,14 процента всего крѣпостнаго населенія.

Помѣщикамъ, имѣющимъ въ одной губерніи менѣе 21-й души каждый, принадлежатъ 371,210 д. или 3,42 процента крѣпостнаго насел.; владѣющимъ: отъ 21 до 100 д. — 1,655,824 д. или 15,27 проц. [3]); отъ 101 до 500 д. — 3,903,502 д. или 35,99 проц.; отъ 501 до 1,000 д. — 1,615,143 д. или 14,89 проц.; болѣе 1,000 д. — 3,283,833 д. или 30,28 процента.

Въ средней сложности, на каждаго владѣльца крѣпостныхъ въ Европейской Россіи приходится по 94 1/4 души; а по принятымъ въ таблицѣ подушнымъ разрядамъ владѣльцевъ приходится среднимъ же числомъ:

на 5,510 дворянъ, невладѣющихъ землею,	по	2,79	д.
— 49,708 владѣльцевъ менѣе 21 души	—	7,48	—
— 36,024 имѣющихъ отъ 21 до 100	—	45,96	—
— 19,808 — — 101 до 500	—	202,11	—

---

[1]) Изъ общаго числа 10,844,902 душъ крѣпостныхъ, три пятыя, то-есть 6,596,620 душъ состояли, по отчету министра внутреннихъ дѣлъ за 1856 г., въ залогѣ въ Кредитныхъ Установленіяхъ, по долгамъ владѣльцевъ, простиравшимся до 397,879,459 р. сер.

[2]) Показанное въ таблицѣ число 114,967 владѣльцевъ болѣе дѣйствительнаго, такъ какъ помѣщики, владѣющіе крѣпостными въ разныхъ губерніяхъ, значатся въ немъ каждый нѣсколько разъ, именно по числу губерній, гдѣ находятся ихъ имѣнія.

[3]) Извѣстно, что помѣщики, у которыхъ менѣе 100 душъ, не имѣютъ права голоса на дворянскихъ выборахъ, если это право не принадлежитъ имъ по владѣнію землею въ количествѣ болѣе 3,000 десятинъ, или по опредѣленному, военному или гражданскому чину.

— 2,468	—	— 501 до 1,000	— 654,43	—
— 1,449	—	более 1,000	—2,266,27	—

При соображеніи числовыхъ данныхъ о сословіяхъ помѣщиковъ и крѣпостныхъ людей отдѣльно по губерніямъ и областямъ Европейской Россіи, авторъ статьи исключаетъ изъ поименованныхъ въ таблицѣ три Остзейскія губерніи и Землю Черноморскаго Войска, въ которыхъ вовсе нѣтъ крѣпостнаго состоянія, да сверхъ того губернію Архангельскую, гдѣ нѣтъ имѣній, населенныхъ крѣпостными, и считается только *девять* дворянъ, владѣющихъ *четырнадцатью* душами безъ земли.

Число владѣльцевъ крѣпостными людьми весьма неравномѣрно распредѣлилось по губерніямъ: оно измѣняется отъ 7,547 дворянъ въ Полтавской, до 98 въ Астраханской губерніи. Впрочемъ болѣе 7 тысячъ имѣетъ одна только Полтавская губернія; отъ 6 до 7 т. Курская, отъ 5 до 6 т. Рязанская и Смоленская, отъ 4 до 5 т. Черниговская, Тамбовская, Новгородская, Харьковская, Орловская; отъ 3 до 4 т. Тульская, Тверская, Костромская, Земля Войска Донскаго, Ярославская; отъ 2 до 3 т. Воронежская, Херсонская, Владимірская, Саратовская, Псковская, Екатеринославская, Волынская, Калужская, Московская, Виленская, Пензенская, Могилевская, Минская; отъ 1 до 2 т. С. Петербургская, Симбирская, Гродненская, Ковенская, Подольская, Витебская, Кіевская, Нижегородская, Вологодская, Казанская, Оренбургская; менѣе тысячи владѣльцевъ — Самарская, Таврическая, Бессарабская область, и губерніи Олонецкая, Ставропольская, Вятская, Пермская и Астраханская.

Изъ этого видно, что наибольшее число дворянъ, владѣющихъ крѣпостными, находится въ губерніяхъ, населенныхъ Малороссійскимъ и Великороссійскимъ племенами, за тѣмъ слѣдуютъ губерніи западныя; а всего менѣе такимъ владѣльцевъ по окраинамъ Европейской Россіи съ восточной, сѣверной и южной сторонъ, гдѣ по самому ходу исторіи позднѣе разселилось русское дворянство.

Число крѣпостныхъ людей измѣняется отъ 521,245 до 5,430 душъ на губернію. Въ Кіевской ихъ болѣе полумилліона, въ Подольской отъ 450 до 500 тысячъ, въ Волынской отъ 400 до 450 т., въ Рязанской, Тульской, Смоленской, Орловской, Тверской, Курской, Тамбовской отъ 350 до 400 т.; въ Нижегород-

ской, Владимірской, Полтавской, Саратовской, Калужской, Московской отъ 300 до 350 т.; въ Костромской, Минской, Могилевской, Черниговской, Ярославской, Пензенской, Пермской отъ 250 до 300 т.; въ Воронежской, Харьковской, Витебской, Симбирской отъ 200 до 250 т.; въ Виленской, Новгородской, Гродненской, Псковской, Ковенской, Екатеринославской, Херсонской отъ 150 до 200 т.; въ Землѣ Войска Донскаго, въ С. Петербургской, Самарской, Оренбургской, Вологодской и Казанской губерн. отъ 100 до 150 т.; въ Вятской, Таврической, Ставропольской, Астраханской, въ Бессарабской области и въ Олонецкой губерніи — менѣе 25 т. крѣпостныхъ.

Слѣдовательно, говоритъ авторъ, крѣпостное сословіе наиболѣе укоренилось и распространилось въ трехъ такъ-называемыхъ «югозападныхъ» губерніяхъ (бывшей Польской Украйнѣ), населенныхъ по преимуществу малороссійскимъ, русинскимъ или руснякскимъ и, въ значительной степени, польскимъ племенами. Затѣмъ въ губерніяхъ центральныхъ, гдѣ господствуетъ племя великороссійское и гдѣ крѣпостныхъ людей приходится вообще отъ 250 до 400 тысячъ на губернію. Къ нимъ примыкаютъ, съ меньшимъ однакожь числомъ крѣпостнаго населенія, губерніи, населенныя племенами малороссійскимъ, бѣлорусскимъ и литовскимъ въ смѣшеніи съ великороссійскимъ, а потомъ слѣдуютъ губерніи, въ которыхъ русское населеніе слилось съ старожилами финнскаго и тюркскаго происхожденія. Наименьшее крѣпостное населеніе находимъ въ крайнихъ сѣверныхъ и крайнихъ южныхъ губерніяхъ.

«Самыя огромныя, населенныя крѣпостными людьми, имѣнія существуютъ въ Пермской губерніи, гдѣ находятся старинные и богатые горные заводы; затѣмъ слѣдуютъ двѣ изъ сѣверо-восточныхъ же губерній, гдѣ сохранились еще, въ большомъ объемѣ, старинныя вотчины, обратившіяся въ заводскія и фабричныя имѣнія, и три юго-западныя губерніи, особенно замѣчательныя по богатству старинныхъ же вотчинниковъ и помѣщиковъ и по производству лучшаго въ Россіи зерноваго хлѣба: приведенныя губерніи различаются, впрочемъ, между собою въ томъ отношеніи, что въ двухъ изъ показанныхъ сѣверо-восточныхъ губерній, по преимуществу заводскихъ, — Пермской и Вятской, — число владѣльцевъ большихъ помѣстій не велико, а

въ Нижегородской и трехъ западныхъ оно значительно. По размѣру населенныхъ крѣпостными людьми имѣній, представляются потомъ губерніи Бѣлорусскія, бывшія Литовскія и большая часть Великороссійскихъ; далѣе, губерніи, населенныя вполнѣ или въ значительной степени племенемъ Малороссійскимъ, и наконецъ тѣ, въ которыхъ крѣпостное сословіе вообще малочисленно и гдѣ оно не могло еще сгруппироваться въ большія имѣнія. Наибольшая раздробительность населенныхъ крѣпостными людьми имѣній и наибольшее число мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ оказывается въ губерніяхъ Полтавской, Курской, Черниговской, и затѣмъ въ Рязанской, Смоленской, Новгородской, Землѣ Войска Донскаго и Харьковской.

«По крѣпостному проценту, то-есть по относительному числу крѣпостныхъ людей, приходящихся на 100 душъ общаго губернскаго населенія, губерніи распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ, весьма отличномъ отъ того, въ которомъ онѣ распредѣлились по абсолютному или безусловному числу крѣпостныхъ въ каждой губерніи. Самый высшій процентъ — 71,67 %, или около трехъ четвертей всего губернскаго населенія, оказывается въ Смоленской губерніи, а самый низшій — 1,18 %, или немного болѣе сотой части населенія, въ Бессарабской области. Для удобнѣйшаго обозрѣнія губерній въ этомъ отношеніи, особенно важномъ по крестьянскому вопросу, мы распредѣляемъ ихъ на четыре группы: 1-я, въ которой число крѣпостныхъ людей составляетъ выше 50 %, или болѣе половины всего губернскаго населенія; 2-я, въ которой это число простирается отъ 25 % до 50 %, или отъ четвертой части до половины всего населенія; 3-я, гдѣ оно отъ 10 % до 25 %, то-есть отъ десятой до четвертой части населенія, и наконецъ 4-я, въ которой число крѣпостныхъ ниже 10 %, или менѣе десятой части губернскаго населенія.

«Въ означенныя здѣсь группы, губерніи входятъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

съ крѣпостнымъ процентомъ выше 50 %:

1. Смоленская.
2. Тульская.
3. Могилевская.
25. Симбирская.
26. Курская.
27. Полтавская.

4. Ярославская.
5. Калужская.
6. Волынская.
7. Минская.
8. Витебская.
9. Нижегородская.
10. Костромская.
11. Кіевская.
12. Подольская.
13. Рязанская.
14. Владимірская.
15. Псковская.
16. Новгородская.
17. Тверская.
18. Орловская.

отъ 25 % до 50 %:

19. Гродненская.
20. Виленская.
21. Пензенская.
22. Саратовская.
23. Черниговская.
24. Тамбовская.
28. Московская.
29. Ковенская.
30. Харьковская.
31. Екатеринославская.
32. Земля Войска Донскаго.
33. Воронежская.
34. Херсонская.
35. Пермская.

отъ 10 % до 25 %:

36. Вологодская.
37. С.-Петербургская.
38. Самарская.
39. Казанская.
40. Оренбургская.

ниже 10 %:

41. Таврическая.
42. Олонецкая.
43. Астраханская.
44. Ставропольская.
45. Вятская.
46. Бессарабская область.

«Въ первую группу, въ которой болѣе половины всего губернскаго населенія находится въ крѣпостномъ состояніи, входятъ 18 губерній, преимущественно изъ западной полосы Имперіи и центральныхъ; во вторую, въ которой число крѣпостныхъ простирается отъ четвертой части до половины всего населенія, 17 губерній тѣхъ же полосъ и отчасти Малороссійскихъ и Заволжскихъ; третья группа, съ крѣпостнымъ населеніемъ, простирающимся отъ десятой до четвертой части всего числа жителей губерніи, состоитъ только изъ 5 губерній, двухъ сѣверныхъ и трехъ восточныхъ; наконецъ послѣдняя группа, гдѣ число крѣпостныхъ понижается отъ десятой до сотой части губернскаго населенія, представляетъ 6 губерній, въ томъ числѣ двѣ изъ сѣверныхъ и четыре крайнія южныя, и заключается Бессарабскою областью, въ которой вообще незначительны и число населенныхъ крѣпостными людьми имѣній и абсолютное

число крѣпостныхъ, состоящихъ почти изъ однихъ Цыганъ, поселенныхъ и дворовыхъ».

Что̀ касается до крѣпостнаго населенія Азіатской Россіи, то-есть Сибири и Закавказья, то по крайней его незначительности мы не считаемъ за нужное представлять подробную объ немъ таблицу, а ограничимся только немногими валовыми указаніями. Въ Сибири всего на все 1,800 душъ, числящихся за 97 владѣльцами, а въ Закавказскомъ краѣ насчитывается не болѣе 44 крѣпостныхъ, такъ что въ первой крѣпостной процентъ составляетъ менѣе одной тысячной, а въ послѣднемъ лишь около одной двадцатипяти-тысячной доли всего населенія.

Авторъ заключаетъ свою любопытную статью сравнительнымъ изслѣдованіемъ о числѣ владѣльцевъ и крѣпостныхъ въ двадцати-лѣтній періодъ съ 1838 по 1857 годъ. Изъ приводимыхъ имъ данныхъ оказывается, что въ Европейской Россіи (съ исключеніемъ Земли Войска Донскаго) общее число владѣльцевъ крѣпостныхъ людей уменьшилось на 14,239, или на 12 процентовъ, а абсолютное число принадлежащихъ имъ душъ — на 54,650, или на полпроцента; причемъ число помѣщиковъ средняго разряда замѣтно увеличилось насчетъ самыхъ мелкихъ и самыхъ богатыхъ.

Главную причину убыли крѣпостнаго населенія, разумѣется, должно искать въ отбываніи этимъ сословіемъ рекрутской повинности, а за тѣмъ уже въ освобожденіи другими способами, каковы отпускъ на волю, переходъ по разнымъ причинамъ въ другія сословія, и т. д.

Заключимъ, въ свою очередь, благодарностью автору и Журналу Министерства Внутреннихъ Дѣлъ за сообщеніе этихъ любопытныхъ и важныхъ въ настоящее время свѣдѣній, имѣющихъ за себя всю достовѣрность, какая только возможна при нынѣшнихъ средствахъ нашей администраціи.

СТИХОТВОРЕНІЕ ПУШКИНА.

Библіографическая замѣтка.

Въ № 11-мъ Библіографическихъ Записокъ, на стр. 342, между прочимъ помѣщено одно извѣстное въ рукописи стихотвореніе Пушкина:

Добра чужаго на желать и проч.

Такъ какъ списокъ, которымъ руководствовалась редакція, повидимому, не полонъ и не вѣренъ, то мы спѣшимъ исправить его, сообщая здѣсь это стихотвореніе вполнѣ, въ надеждѣ, что доставимъ этимъ удовольствіе, какъ самой редакціи Библіографическихъ Записокъ *, такъ и просвѣщеннымъ читателямъ. Пушкинъ у насъ такой поэтъ, что каждая его строчка составляетъ литературную драгоцѣнность, и критика должна строго охранять его произведенія отъ всякаго случайнаго искаженія мыслей или выраженій великаго стихотворца.

Вѣроятно всѣ согласятся съ нами, что при чтеніи настоящаго стихотворенія въ томъ видѣ, какъ оно напечатано въ Библіографическихъ Запискахъ, чувствуется неполнота мысли. Сверхъ того есть и нѣкоторыя неправильности въ выраженіяхъ. Такъ напримѣръ бросается въ глаза стихъ:

На все спокойно я взираю:
На домъ его, на скотъ, *на рабъ*.

Конечно, такъ выразиться не могъ никто, а Пушкинъ въ особенности. Предлагаемъ это стихотвореніе въ настоящемъ его видѣ:

Добра чужаго не желать
Ты, Боже! мнѣ повелѣваешь;

---

* Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы обратить вниманіе читателей *Атенея* на множество любопытныхъ матеріаловъ, сообщаемыхъ «Библіографическими Записками» и дѣлающихъ это полезное изданіе необходимымъ для всѣхъ, кого занимаетъ исторія нашей литературы. *Ред.*

Но мѣру силъ моихъ ты знаешь!
Мнѣль плотскимъ чувствомъ управлять?
Обидѣть друга не желаю
И не хочу его села;
Не надо мнѣ его вола;
На все спокойно я взираю:
Ни домъ его, ни скотъ, ни рабъ,
Не нужна вся мнѣ благостыня.
Но ежели его рабыня
Прелестна!.. Господи! я слабъ!
И ежели его подруга
Мила, какъ ангелъ во плоти,
О Боже праведный! прости
Мнѣ зависть ко блаженству друга!
Кто сердцемъ могъ повелѣвать?
Кто рабъ усилій безполезныхъ?
Какъ можно не любить прелестныхъ? *
Какъ райскихъ благъ не пожелать?
Смотрю, томлюся и вздыхаю;
Но строгій долгъ умѣю чтить.
Страшусь желаньемъ сердце льстить,
Молчу... и въ тайнѣ я страдаю!

Н. К.

---

* Такихъ бѣдныхъ риѳмъ Пушкинъ уже никогда не допускалъ впослѣдствіи. Стихотвореніе это относится къ 1821 году.

ПЕРЕПИСКА Н. М. КАРАМЗИНА

съ 1799 по 1826 годъ.

(Продолженіе.)

—

118.

Москва, 17 ноября 1814.

Болѣзнь моя заставила меня пропустить двѣ почты безъ увѣдомленія васъ о благополучномъ разрѣшеніи Катерины Андреевны. Она родила сына, которому, въ память его старшаго брата, дали мы имя Андрея. Надѣемся на милость Божію. — Жена оправляется. Я чувствую себя лучше, хотя еще и не выѣзжаю. Уже болѣе шести недѣль сижу дома: то лихорадка, то слабость въ нервахъ. Время стоитъ непріятное и причиняется не мало болѣзней.

Ваше сужденіе о графѣ Растопчинѣ весьма основательно: онъ былъ однимъ изъ орудій Провидѣнія въ нашествіе Наполеоново и, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ много добра. Только не всѣ отдаютъ ему справедливость. Онъ съ разстроеннымъ своимъ здоровьемъ хочетъ отдыха.

Императоръ будетъ въ концѣ декабря въ Петербургѣ. О слѣдствіяхъ конгресса ничего не знаемъ. Слышно о нѣкоторыхъ несогласіяхъ со стороны Франціи. Талейранъ хитритъ и мудритъ. Что-то будетъ съ Польшею.

Князь Щербатовъ, мужъ нашей покойной княгини, дочери князя Андрея Ивановича, пріѣхалъ къ намъ въ Москву, выслуживъ чинъ и нѣсколько лентъ въ нынѣшнюю кампанію. Онъ много разказываетъ намъ любопытнаго.

119.

Москва, 29 декабря 1814 г.

Отъ всего сердца поздравляю васъ съ наступающимъ Новымъ годомъ; желаю вамъ здоровья и спокойствія въ его теченіе.

О Конгрессѣ не знаемъ ничего вѣрнаго. Слышно, что тамъ не безъ

козней. Политика не знаетъ благодарности. Дай Богъ только, чтобы мы обошлись безъ войны!

Если Императоръ скоро возвратится, то я, можетъ-быть недѣли на двѣ съѣзжу въ Петербургъ одинъ.

120.

Москва, 16 февраля 1815 г.

Дѣйствительно я очень безпокоился объ васъ, не имѣвъ столь долго писемъ. Я, слава Богу, здоровъ! Это главное.

Еще не знаю, когда поѣду въ Петербургъ. Мнѣ хотѣлось быть тамъ къ пріѣзду Государеву. Но по сю пору неизвѣстно, когда онъ возвратится. Я думалъ съѣздить одинъ недѣли на три. Зима проходитъ. Развѣ весною отправлюсь туда, и въ такомъ случаѣ васъ увѣдомлю.

Извѣстія о Конгрессѣ неудовлетворительны. Дай Богъ только, чтобы дѣло кончилось миромъ, который для меня важнѣе и Польши, и Саксоніи. Онъ есть сокровище для Россіи.

Надѣюсь, что братъ Ѳедоръ найдетъ вѣрнаго покровителя въ графѣ Аракчеевѣ, передъ которымъ теперь все уклоняется. Но здѣсь слышно, что онъ ѣдетъ въ армію: желаю, чтобы это было неправда.

121.

Москва, 20 апрѣля, 1815 г.

Христосъ воскресе! отъ всего сердца поздравляемъ васъ съ праздникомъ. Желаю вамъ и любезной Оленькѣ совершеннаго здоровья.

Не долго были мы въ покоѣ: Бонапарте опять нагрянулъ на Европу, и новые ужасы готовятся. Это разстроило и мой планъ ѣхать въ Петербургъ. Богъ знаетъ когда Государь возвратится. Итакъ собираемся ѣхать въ Остафьево. Теперь не до того, чтобы заниматься печатаніемъ Исторіи. Увидимъ ли дни прочнаго спокойствія? О вѣстяхъ не хочется говорить: хорошія оказались несправедливыми; а вѣрно то, что Наполеонъ властелинъ всей Франціи. Дай Богъ по крайней мѣрѣ, чтобы союзники остались вѣрными другъ другу и человѣчеству.

Съ братомъ Ѳедоромъ Михайловичемъ мы не долго пожили вмѣстѣ, и къ сожалѣнію разстались безъ надежды скоро увидѣться. Если онъ у васъ, то обнимите его за меня.

Теперь, слава Богу! дѣти наши здоровы. Андрюша напоминаетъ брата: не такъ бѣлъ, но прекрасный мальчикъ, и уже очень знаетъ отца.

Здѣсь удивительное время: тепло какъ въ іюнѣ, но слишкомъ сухо,

и Москва-рѣка такъ мелка, что не видимъ ни барокъ съ хлѣбомъ, ни лѣсу. Это не хорошо, и дороговизна еще увеличится.

122.

С. Остафьево, 31 мая 1815 г.

Передъ отъѣздомъ нашимъ въ подмосковную я писалъ къ вамъ и не имѣю отвѣта. Здоровы ли вы, любезнѣйшій братецъ? Намъ хотѣлось пожить въ деревнѣ мирно и тихо, но Богъ не велитъ: занемогла Андрюшина кормилица; мы должны были отнять его, и съ того времени съ нимъ нехорошо уже двѣ недѣли. Это заставитъ насъ, можетъ-быть, съ тоскою ѣхать въ Москву. Не могу назвать себя счастливымъ отцомъ: такъ угодно Богу! Но силъ остается немного въ запасѣ.

Судьба Европы, какъ вамъ извѣстно, опять въ туманѣ. Даже и гвардія наша выступила. Снова начнется кровопролитная война. Видно, что мы большіе грѣшники и недостойны спокойствія. Думаю, что къ осени надобно ждать набора рекрутскаго, труднаго особенно для тѣхъ губерній, которыя давали ратниковъ.

123.

Село Остафьево, 24 іюля 1815.

Думаю, что вы уже скоро возвратитесь изъ Макарьева, и желаю, чтобы это маленькое путешествіе укрѣпило ваше здоровье. Вы, конечно, не терпѣли отъ жара въ дорогѣ: нынѣшнее лѣто похоже на осень; увидимъ не будетъ ли осень похожа на лѣто.

По сіе время благодарю Бога за Андрюшу: онъ все еще не совершенно здоровъ, однакожь довольно веселъ. Семейство наше должно еще умножиться въ декабрѣ: Катерина Андреевна уже мѣсяца четыре беременна. Къ тому времени думаемъ нанять другой домъ попросторнѣе, а если Богъ дастъ намъ миръ и будемъ здоровы, то зимою опять начну помышлять о Петербургѣ, чтобы издать свою Исторію и тѣмъ доставить себѣ возможность къ воспитанію дѣтей и къ заплатѣ долга, если Богъ поможетъ. Дописываю осьмой томъ, содержащій въ себѣ завоеваніе Казани и Астрахани, а въ девятомъ надобно описывать злодѣйства Царя Ивана Васильевича.

Не знаю вѣстей послѣдней почты; но уже знаемъ, что Парижъ сдался и что Наполеонъ бѣжалъ — въ Америку, какъ пишутъ. Франція въ мятежѣ, и солдаты еще не хотятъ признать Короля. Между тѣмъ милость Божія велика. Наполеонъ не всталъ, а упалъ еще глубже въ грязь. Съ Франціею какъ-нибудь управятся, и Якобинцы не воскреснутъ. Жду съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій, всего болѣе желая согласія между главными державами.

124.

С. Остафьево, 20 сент. 1815 г.

Въ послѣднемъ вашемъ письмѣ вы изъявили желаніе, чтобы я познакомился съ бывшимъ симбирскимъ, а нынѣшнимъ московскимъ губернаторомъ, княземъ Долгорукимъ: съ сердечнымъ удовольствіемъ буду искать его знакомства и пріязни, какъ скоро возвращусь въ Москву, зная, сколь вы его уважаете и любите. Нельзя равнодушно вообразить горесть добраго мужа и отца, который въ одно время теряетъ и жену, и дочь; это ужасно. Мнѣ грустно, что вы лишаетесь въ немъ и добраго начальника губерніи, и любезнаго пріятеля. Это потеря не маловажная. Хорошіе люди не весьма обыкновенны, а хорошіе губернаторы бываютъ еще рѣже.

Мы, слава Богу! здоровы и желаемъ пробыть въ подмосковной до ноября, не столько для удовольствія, сколько изъ экономіи: потому что здѣсь проживаемъ менѣе. Расходы безпрестанно умножаются, а доходы тѣ же. Остается одна надежда на Исторію, но и та весьма невѣрна. — Мы наняли другой домъ; однакожь письма надписывайте ко мнѣ попрежнему.

Мы должны благодарить Бога за счастливый оборотъ политическихъ дѣлъ, однакожь жду съ нетерпѣніемъ, чтобы нашъ Государь и войско благополучно оставили Францію мятежную, — то-есть, чтобы судьба ея рѣшилась скорѣе и мирно. Мы ничего не знаемъ о намѣреніи союзниковъ. Мысль дѣлить Францію мнѣ не нравится; но будетъ вѣрно то, что̀ Богу угодно!

125.

Село Остафьево, 24 окт. 1815.

Наташа занемогла лапухо̀ю или скарлатиною. Хотя ей, слава Богу! уже гораздо лучше, но мы еще должны недѣли съ три прожить въ деревнѣ: потому что опасно везти ее въ городъ, пока она слаба. Надобно дать ей оправиться.

Сердечно благодарю васъ, любезнѣйшій братецъ, за предложеніе взять ваши деньги изъ Воспитательнаго Дома. Мы хотѣли въ теченіе нынѣшней зимы занять тамъ тысячъ семь въ прибавокъ къ пятнадцати тысячамъ, которыя заняли прежде: слѣдственно съ истинною признательностію можемъ воспользоваться вашею доброю волею и платить Оленькѣ тѣ шесть процентовъ, которые платимъ въ Воспитательномъ Домѣ. Желаемъ только, чтобы заемное письмо отъ имени Катерины Андреевны было написано срокомъ на *три года:* ибо прежде этого времени едва ли можемъ заплатить всю сумму. Проценты же будемъ присылать исправно въ началѣ каждаго года. Мы не должны нигдѣ ни копѣйки, кромѣ Воспитательнаго Дому. Надѣюсь на свою

Исторію: авось она въ теченіи двухъ или трехъ лѣтъ дастъ мнѣ способъ и заплатить долгъ, и устроить себя до конца жизни. Если же обманусь въ надеждѣ, то рѣшимся продать часть имѣнія и жить помѣщански. Какъ скоро буду въ Москвѣ, то справлюсь, какимъ образомъ надобно будетъ вамъ передать намъ деньги, и васъ увѣдомлю.

Ив. Ив. Дмитріевъ хотѣлъ нынѣшній день пріѣхать къ намъ обѣдать: мнѣ пріятно будетъ сказать ему о вашей чувствительности къ его справедливому объ васъ мнѣнію. Будучи въ Москвѣ, не премину искать знакомства князя А. А. Долгорукова, котораго душевно уважаю по вашей съ нимъ пріятельской связи.

Согласно съ вами, любезнѣйшій братецъ, думаю, что миръ едва ли не будетъ проченъ. Между тѣмъ начался ли у васъ рекрутскій наборъ? Не знаю, какъ наши бѣдные мужики поставятъ вдругъ такое большое число рекрутъ. Жду оброка и не получаю; совѣстно и требовать, строго — это худое начало мира. Надлежало бы, по крайней мѣрѣ, разсрочить такой тяжелый наборъ.

126.

Село Остафьево, 14 ноября 1815.

Вы объ насъ опять пожалѣете: Богъ взялъ у насъ милую вторую Наташу, любимую дочь Катерины Андреевны и мою. Катя и Андрюша въ той же опасной болѣзни, въ скарлатинѣ. Судите каково намъ! Бѣдная моя жена должна родить въ декабрѣ; а мы не можемъ ѣхать въ Москву прежде 15 декабря, если Богъ исцѣлитъ нашихъ остальныхъ дѣтей. Живемъ въ горести и въ слезахъ. Троихъ, и самыхъ милыхъ, схоронили. Боюсь теперь и за Катерину Андреевну. Иногда голова моя очень кружится.

127.

С. *Остафьево, 28 ноября 1815.*

Я уже писалъ къ вамъ объ нашемъ новомъ несчастіи, о кончинѣ Наташи милой. Сердце мое сохнетъ. Катерина Андреевна еще болѣе моего тоскуетъ. — За другихъ дѣтей по сю пору благодарю Бога: Андрюша и Катя выздоравливаютъ. Но мы еще не можемъ выѣхать изъ деревни прежде 15 декабря. Боюсь, чтобы женѣ не пришлось родить здѣсь.

Я справлялся въ Воспитательномъ Домѣ: сказали, что вамъ надобно прислать мнѣ особенное вѣрющее письмо, засвидѣтельствованное въ гражданской палатѣ, и подлинный билетъ для полученія денегъ изъ Совѣта. Думаю, вы успѣете доставить мнѣ сіи бумаги къ нашему пріѣзду, ежели Богъ выпуститъ насъ отсюда благополучно.

Вамъ уже извѣстно, что наборъ за ратниковъ разсроченъ. Лучше бы было подумать прежде; но такъ все дѣлается.

Отъ всего сердца обнимаю васъ и любезную Оленьку. Грустно и тошно. Можетъ-быть время облегчитъ тоску. Душа моя какъ-то противится умиленію.

128.

Москва, 21 декабря 1815.

На сихъ дняхъ мы переѣхали въ городъ. Катя и Андрюша оправляются. Съ безпокойствомъ ожидаю теперь родинъ Катерины Андреевны. Она очень тоскуетъ по нашей милой, незабвенной Наташѣ. Грусть моя также не мала, впрочемъ я довольно здоровъ, только сердце худо лежитъ къ свѣту.

Я писалъ къ вамъ, братецъ, что для полученія вашихъ денегъ изъ Воспитательнаго Дому вы должны прислать мнѣ вѣрющее письмо, засвидѣтельствованное въ гражданской палатѣ, и подлинный билетъ. Жду вашего отвѣта.

Здѣсь всѣ занимаются петербургскими вѣстями, въ ожиданіи какихъ-нибудь важныхъ перемѣнъ относительно къ министерству и проч. Впрочемъ мало вижу людей и почти ни у кого не былъ.

Мы живемъ теперь у Арбатскихъ воротъ, въ домѣ г-жи Кокошкиной. Домъ очень покоенъ; только лѣстница высока.

129.

Москва, 28 декабря 1815.

Получивъ вѣрющее письмо и билетъ, я справлялся въ Воспитательномъ Домѣ, когда могу получить деньги: сказали, что въ январѣ мѣсяцѣ, послѣ Крещенья. Такъ мнѣ и надобно! 22-го января должны мы взнести въ Воспитательный Домъ около четырехъ тысячъ. Я возьму ваши деньги около сего числа и пришлю къ вамъ заемное письмо на десять тысячъ рублей вмѣстѣ съ процентами Воспитательнаго Дома, сколько ихъ выдадутъ мнѣ по разсчету, и съ шестью стами рублей нашихъ процентовъ, впредь за годъ. — Покорнѣйше благодарю васъ за одолженіе.

Моя Катерина Андреевна еще не родила; весьма не равнодушно ожидаю этой минуты, опасаясь, чтобы горесть жены не имѣла вреднаго вліянія на ея роды. Катя и Андрюша оправились изрядно. Послѣдній очень ласковъ ко мнѣ: не знаю хорошій ли это знакъ. Сердце не перестаетъ сжиматься.

Я познакомился съ княземъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ.* Мы вмѣ-

* Долгорукимъ, пріятелемъ Вас. Мих. Карамзина.

стѣ обѣдали у князя Оболенскаго и были съ визитомъ другъ у друга. Онъ достойный и любезный человѣкъ. Мнѣ очень пріятно было слышать отъ него, какъ онъ васъ любитъ. На сихъ дняхъ поѣду къ нему посидѣть и поговорить.

Здѣсь обѣщаютъ много новаго: увидимъ, что̀ будетъ. До сей минуты еще никто не отставленъ изъ важныхъ чиновниковъ.

130.

Москва, 19 января 1816.

Жена моя родила сына Александра благополучно, но послѣ того два раза имѣла сильный жаръ, который весьма пугалъ меня. Теперь она, по милости Божіей, оправляется, хотя и не такъ скоро, какъ обыкновенно бывало: потому что не перестаетъ сильно грустить о милой незабвенной Наташѣ.

Вчера взялъ я ваши деньги изъ Воспитательнаго Дому съ процентами 475 р., которые посылаю къ вамъ, равно какъ и 600 р. нашихъ процентовъ, заплативъ изъ нихъ только 52 р. за газеты и *Вѣстникъ*, то-есть всего 1,025 руб., вмѣстѣ съ заемнымъ письмомъ на 10,000 рублей. Повторяю мою сердечную благодарность за ваше братское одолженіе.

Имѣю намѣреніе ѣхать черезъ двѣ недѣли въ Петербургъ, чтобы представить Государю восемь томовъ моей Исторіи,—разумѣется, если жена и дѣти будутъ здоровы. Великой Княгини уже не могу тамъ застать, къ сожалѣнію. Впрочемъ чему быть, то будетъ. Императрица Марія нѣсколько разъ милостиво звала меня въ Петербургъ; самъ Государь нѣкогда изъявлялъ желаніе видѣть меня тамъ. Но все это не обольщаетъ меня: знаю, что могу съѣздить и возвратиться ни съ чѣмъ. По крайней мѣрѣ надобно, кажется, это испытать: уже не время откладывать печатаніе Исторіи, старѣюсь и слабѣю, не столько отъ лѣтъ, сколько отъ грусти. Больно, очень больно оставить жену въ горести. Думаю, если Богъ дастъ, возвратиться въ началѣ марта.

Манифесты вамъ извѣстны. Болѣе нѣтъ ничего новаго. Говорятъ, что у насъ теперь только одинъ вельможа: графъ Аракчеевъ. Богъ съ нимъ и со всѣми! Не будетъ ничего безъ воли Провидѣнія.

131.

Москва, 4 апрѣля 1816.

На сихъ дняхъ я благополучно возвратился въ Москву къ женѣ и дѣтямъ. Вамъ, я думаю, извѣстно уже черезъ газеты, что Государь пожаловалъ мнѣ и чинъ, и ленту, и деньги на печатаніе Исторіи. Я преисполненъ къ нему благодарности. Положено печатать трудъ мой въ Петербургѣ, а мнѣ жить лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ: такъ сказалъ

Государь; но еще не имѣю извѣстія, чтобы мнѣ отвели тамъ домъ. Императрицы, всѣ Княгини и Князья были также очень ко мнѣ милостивы. Я нѣсколько разъ читалъ имъ свою Исторію; разъ обѣдалъ у Государя, три раза у Вдовствующей Императрицы; доволенъ и публикою. Все остальное зависитъ отъ Бога. Мнѣ уже не долго странствовать по землѣ: надобно не столько гоняться за пріятностями, сколько за пользою и добромъ. Думаю въ маѣ переѣхать въ Петербургъ на годъ или на два. Милость Государева не ослѣпляетъ меня; не ручаюсь за ея продолженіе. Дай Богъ только счастія ему и государству! Нѣкоторые изъ знатныхъ ласкали меня: другіе и такъ и сякъ. Всякій о себѣ думаетъ, или по большей части. — Петербургъ славный городъ; но жить въ немъ дорого: не знаю, какъ мы тамъ устроимся. Впрочемъ не безпокоюсь заранѣе. Я былъ у графа Аракчеева!!

132.

Москва, 16 мая 1816.

Думаемъ послѣ завтра ѣхать въ Петербургъ, или лучше сказать, въ Царское Село, гдѣ Государь приказалъ отвести мнѣ домъ на лѣто. Еще не знаю останусь ли въ Петербургѣ, или въ августѣ возвращусь въ Москву печатать свою Исторію. Петербугскіе типогравщики требуютъ слишкомъ дорого за тиснѣніе; да и жить тамъ весьма не дешево. Увижу, что̀ дѣлать, и васъ, любезнѣйшій братецъ, увѣдомлю.

Сію минуту получилъ я извѣстіе, что значительная часть нашей арзамасской деревни сгорѣла съ хлѣбомъ и скотомъ. Это не весело узнать на дорогу. Такъ Богу угодно.

Не знаю какъ довеземъ своихъ малютокъ. Мнѣ что-то очень грустно выѣзжать изъ Москвы. Поручаю себя во власть Провидѣнія.

Пишите ко мнѣ, любезнѣйшій братецъ, *въ городъ Софію*, то-есть, въ Царское Село.

133.

Царское Село, 12 іюня 1816.

Уже третью недѣлю живемъ здѣсь и довольно пріятно. Я былъ у Государя и видѣлъ его другой разъ на балѣ въ Павловскѣ у Императрицы. Онъ такъ милостивъ, что два раза присылалъ спрашивать о здоровьи жены моей, которая было занемогла отъ простуды, но теперь, слава Богу! выздоровѣла. Впрочемъ еще не знаю останусь ли здѣсь для печатанія моей Исторіи или возвращусь въ Москву. Жить въ Петербургѣ очень дорого; могу много задолжать въ два года. Къ августу надобно будетъ рѣшиться: о чемъ васъ увѣдомлю.

Царское Село есть прекрасное мѣсто и безъ сомнѣнія лучшее вокругъ Петербурга. Здѣсь все напоминаетъ Екатерину. Какъ перемѣ-

нились времена и обстоятельства! Часто въ задумчивости смотрю на памятники Чесмы и Кагула.

Пишите къ намъ въ *Софію*.

134.

Царское Село, 8 авг. 1816.

Судьба наша рѣшилась тѣмъ, что Государь безъ моей просьбы велѣлъ печатать мою Исторію въ военной типографіи за ту цѣну, которую я предлагалъ ей: слѣдственно мы остаемся въ Петербургѣ года на два и наняли уже домъ за 4000 р., близь Литейнаго Двора и Невы. Но пишите къ намъ еще въ Царское Село, гдѣ располагаемся пробыть до половины сентября, если время будетъ сносно.

Что̀ вамъ сказать о здѣшнемъ нашемъ пребываніи? Ласка Двора къ намъ необыкновенная. Нынѣшній день въ четвертый разъ будемъ обѣдать у Государя; раза два, иногда три, въ недѣлю обѣдаю у Императрицы Вдовствующей въ Павловскѣ; за всѣмъ тѣмъ иногда сильно грущу. Мое положеніе могло бы восхитить молодаго человѣка, а я уже старъ и мраченъ духомъ: цвѣты мало веселятъ меня. Люблю добраго Царя всею душею, желая, чтобы всѣ такъ любили его. Онъ послѣ завтра ѣдетъ въ Москву, Смоленскъ, Варшаву и возвратится къ 14 октябрю. Если милость его къ намъ продолжится, то мы не употребимъ ее во зло и постараемся быть совершенно безкорыстными.

Я ждалъ сюда брата Александра Михайловича, но онъ не ѣдетъ. На той почтѣ напишу къ сестрѣ Марѳѣ Михайловнѣ: передъ отъѣздомъ изъ Москвы я просилъ о нашемъ племянникѣ Михайлѣ, чтобы его сдѣлали студентомъ.

Говоря съ вами, любезнѣйшій братецъ, о ласкахъ Двора, не хочу, чтобы это знали посторонніе, то-есть отъ меня.

(До слѣдующей книжки.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. . . А. Н. ПЫПИНА.
ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ. . . . . К. К. ГЁРЦА.
О ЧИСЛѢ КРѢПОСТНЫХЪ ЛЮДЕЙ ВЪ РОССІИ.
СТИХОТВОРЕНІЕ ПУШКИНА . . . . . Н. К.
ПЕРЕПИСКА. *(Продолж.)* . . . . . Н. М. КАРАМЗИНА.

Являясь еженедѣльно книжками, отъ *трехъ* до *пяти* листовъ въ каждой, АТЕНЕЙ будетъ сообщать:

1. Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной литературы;
2. Хронику важнѣйшихъ новостей въ общественной и государственной жизни современныхъ народовъ,
и 3. Статьи историческаго содержанія, записки (mémoires), путешествія, разказы, литературныя замѣтки, ученыя и художественныя извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ конторѣ *Атеней*, при книжномъ магазинѣ Н. Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина, и у книгопродавцевъ: Ѳ. О. Свѣшникова, въ домѣ университетской типографіи, и И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

У книгопродавца С. А. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгартъ.

ВЪ ПАРИЖѢ

Въ конторѣ Русскаго Агентства газеты Le Nord, boulevard de la Madelaine, 5.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ контору *Атенея*, въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 52-хъ книжекъ, *десять* рублей, съ пересылкою *одиннадцать рубл. съ полтиною*.

Печатать дозволяется. Іюня 21-го, 1858 года.
Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе*.

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 26.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРНСТА БАРФКНЕХТА И К°

1858.

НѢЧТО О МЕТОДАХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ.

(По поводу статьи Ивана Земца). *

—

Спѣшу объяснить недоразумѣніе, относящееся къ моимъ Изслѣдованіямъ о древней русской исторіи, которое подало поводъ къ статьѣ Атенея: почтенный ея авторъ, Иванъ Земецъ, думаетъ, что я считаю и выдаю свой методъ изслѣдованій единственнымъ, и осуждаю безусловно всѣ прочіе.

«Г. Погодинъ... прославляетъ... свой методъ, основное положеніе котораго заключается въ томъ, что нужно прежде собирать всѣ мѣста изъ источниковъ, собирать прежде всего свидѣтельства о каждомъ предметѣ изслѣдованія, и потомъ уже выводить заключенія, сколько можно математически. Чѣмъ далѣе я иду по своему пути, говоритъ авторъ, чѣмъ имѣю чаще случаи разсматривать плоды, собираемые на другихъ путяхъ, тѣмъ болѣе удостовѣряюсь, что этотъ путь есть единственный, ведущій прямо къ цѣли, а прочіе увлекаются въ сторону, назадъ, или по крайней мѣрѣ замедляютъ успѣхъ».

«Въ томъ-то и весь вопросъ», — спрашиваетъ рецензентъ, «ведетъ ли этотъ единственный путь прямо къ цѣли». Стр. 350.

...«Изучая минувшую жизнь по двумъ-тремъ, хотя бы и древнѣйшимъ документамъ, получаемъ ли мы разумное основаніе дѣлать общія заключенія объ этой жизни, общіе выводы, которые, въ добавокъ, почитаемъ еще непогрѣшимыми». Стр. 353 въ прим.

Точно — я сказалъ вышеприведенныя слова, точно — сужденія рецензента справедливы: въ чемъ же состоитъ недоразумѣніе?

А вотъ въ чемъ: методъ свой я считаю исключительнымъ, ведущимъ прямо къ цѣли только для работъ пріуготовитель-

---

* См. Атеней, № 22.

ныхъ, начальныхъ, предварительныхъ, первыхъ, а работы вторыя, третьи, десятыя, сотыя, могутъ и должны быть производимы посредствомъ другихъ какихъ-угодно методовъ, ad libitum, такъ что всякій молодецъ можетъ дѣйствовать на свой образецъ, и всякій земецъ отличиться иначе.

Вотъ мое разсужденіе:

Мы хотимъ строить зданіе, мы составили себѣ идеалъ, мы сочинили планъ: съ чего же должно намъ начать, будетъ ли наше зданіе — храмъ, галлерея, портикъ, колизей?

Прежде всего намъ должно приготовить матеріалы — обжечь кирпичи, обтесать камни.

Ну вотъ эту-то черновую, первую работу—обжечь кирпичи, обтесать камни, и принялъ я на себя въ издаваемыхъ Изслѣдованіяхъ, предоставляя планы, фасады, строеніе, кому угодно, другимъ, себѣ, будущему времени. Я старался всѣми силами, въ чемъ и предупреждалъ читателей, не выходить изъ предначертанныхъ границъ и не допускать никакихъ, такъ-называемыхъ мыслей, разсужденій, принадлежащихъ къ операціямъ другаго, высшаго рода, операціямъ необходимымъ, но въ послѣдствіи. Въ 6 томѣ, напримѣръ, предложенъ сводъ лѣтописныхъ извѣстій о всѣхъ нашихъ удѣльныхъ князьяхъ до Татаръ: я не употребилъ даже соединительныхъ союзовъ, а собралъ и разставилъ по годамъ одни случаи подлинными словами источниковъ, на русскій языкъ переведенными. Неужели можно подумать, что этими щедушными реестрами, безъ малѣйшихъ объясненій, я хотѣлъ представить біографіи князей? Точно такъ же обработаны и всѣ внутреннія наши учрежденія, дѣи, заключающіяся въ вышедшихъ до сихъ поръ семи томахъ.

Употреблю еще примѣръ, для вразумленія тѣхъ, кто не хотѣлъ или не умѣлъ до сихъ поръ понять моей цѣли, не смотря на многократныя толкованія: представьте себѣ минералогическій кабинетъ, ссыпанный въ одинъ мѣшокъ; всякой попыткѣ обозрѣть, оцѣнить его, воспользоваться имъ, долженъ предшествовать неминуемо разборъ — минераловъ къ минераламъ, металловъ къ металламъ, земель къ землямъ и проч., потомъ минераловъ, металловъ, земель между собою, особое описаніе каждаго предмета и т. д.

Въ минцъ-кабинетѣ, еслибъ достался онъ кому въ кучѣ,

надо разбирать прежде всего монеты по странамъ, гдѣ онѣ чеканились, по времени, по металламъ и проч. и проч.

Я сдѣлалъ опытъ, разобрать на первый разъ минералы, монеты, не брался ни за какую систему минералогіи, нумизматики. Я далъ опытъ толковаго словаря, и не помышлялъ ни объ какой эпопеѣ, которую напрасно въ немъ ищутъ. Въ Изслѣдованіяхъ моихъ представляется анатомія, и то первоначальная, статистика исторіи, азбука, но не исторія, не физіологія, не философія, не политика, кои всѣ, съ мыслями, разсужденіями, догадками, предположеніями, вдохновеніями, занимаютъ совершенно иное мѣсто въ организмѣ науки. *

Ничто такъ ясно не показываетъ недостатковъ образованія въ нашемъ обществѣ, даже ученомъ, литературномъ, какъ это смѣшеніе понятій, неумѣніе предъявлять свои требованія. Человѣкъ выстроилъ кирпичный сарай, а рецензентъ Петербургскихъ Вѣдомостей глумится, не находя въ немъ ничего подобнаго Академіи Художествъ! Еще можно бы извинить его, еслибъ осужденіе было умышленное: нѣтъ — отъ искренняго, если и не добраго сердца, онъ убѣжденъ въ истинѣ своего мнѣнія!

Далѣе, рецензентъ «Атенея», отнимаетъ у меня право собственности на мой методъ, употребляемый мною съ 1825 года, то-есть съ перваго, магистерскаго, разсужденія о происхожденіи Руси, и говоритъ, «что это обыкновенный путь, по которому восходятъ вообще къ познанію чего-либо, данъ намъ самою природою, и составляетъ естественный и потому неизбѣжный пріемъ ума разсуждающаго, ищущаго истины. По этому пути искони добывалось и добывается всякое знаніе, и слѣдовательно созидаются всѣ теоріи, системы, высшіе взгляды, какъ результаты знанія. Что хотятъ узнать — собираютъ о томъ свидѣ-

* Могу указать, для примѣра, на нѣкоторыя разсужденія иного рода въ другихъ моихъ изданіяхъ: о Петрѣ I, Іоаннѣ Грозномъ, Андреѣ Боголюбскомъ, о мѣстничествѣ, — назовите ихъ, пожалуй, физіологическими; о Годуновѣ, о древней аристократіи, о Несторѣ — это разсужденія также анатомическія, но принадлежащія къ другой категоріи.

Въ Изслѣдованіяхъ, о коихъ идетъ рѣчь, предложены нѣкоторыя съ другими пріемами, напримѣръ о наслѣдственности званій, о числѣ воевъ, о цѣнѣ вунъ или денегъ; но все-таки сущность метода, то-есть собраніе и сопоставленіе всѣхъ свидѣтельствъ, составляетъ вездѣ основу или подкладку.

тельства, опыты, факты, и по свойству или характеру всей суммы этихъ свидѣтельствъ составляютъ заключеніе, выводъ; сводятъ, однимъ словомъ, частности къ общему, то-есть добываютъ теоретическое, отвлеченное положеніе.» Стр. 350.

«Это процессъ — единственный не потому, что онъ ведетъ будто бы прямо къ цѣли, а потому, что онъ самый естественный, такой, котораго иначе и придумать человѣку невозможно». Стр. 351.

Такъ о чемъ же я хлопочу? На что жалуюсь, досадую, негодую?

Всѣ такъ дѣлаютъ, иначе и дѣлать невозможно, говорите вы, но кто же объяснилъ намъ, скажите, хоть одинъ предметъ изъ русской исторіи, въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ перваго упоминовенія, по всѣмъ памятникамъ, строгимъ, научнымъ образомъ, въ необходимой полнотѣ? Нѣтъ, отвѣчаю я рецензенту, написано много, и много есть дѣльнаго, но отнюдь не по моему методу собрать и очистить предварительно всѣ свидѣтельства, а какъ-нибудь, смотря по тому, сколько случилось кому прочесть, и показалось достаточнымъ, и что̀ кому пришло въ голову, вслѣдствіе этого чтенія, по накопленнымъ выпискамъ, — и выходитъ то же, да не такъ. Даже юридическіе наши памятники не объяснены, не переведены порознь, вполнѣ, соотвѣтственно наличнымъ свѣдѣніямъ, хоть и много есть разсужденій о томъ или другомъ предметѣ права, обнимающихъ даже цѣлые періоды времени!

Напрасно я совѣтовалъ, взывалъ, просилъ употребить мой методъ и приготовить почву для будущихъ разсужденій, теорій, системъ и высшихъ взглядовъ. (Пусть вспомнятъ разныя мои предисловія, послѣсловія, рецензіи, разсѣянныя въ Москвитянинѣ.) Въ пять-шесть лѣтъ можно было это сдѣлать, принявшись дружно, а теперь прошло уже болѣе десяти почти безплодно въ этомъ отношеніи. Здѣсь заключается, второе недоразумѣніе рецензента.

Наконецъ онъ сталъ на мою точку и предложилъ замѣчанія на мою работу.

«Собравъ 64 случая походовъ и набѣговъ, авторъ заключаетъ (говоритъ онъ обо мнѣ): «Вотъ сколько *войнъ*, которыя состояли изъ од-

нихъ походовъ, *безъ малѣйшаго кровопролитія!*» Дѣйствительно, иныя брани, ссоры, оканчивались безъ кровопролитія, бѣгствомъ съ одной стороны и свободнымъ занятіемъ города или волости съ другой. Но такими были далеко не всѣ исчисленныя авторомъ; нѣкоторые походы или набѣги принадлежали только къ частнымъ движеніямъ во время войны, другіе служили только началомъ, зачиномъ дѣйствій — все это не даетъ возможности называть подобныя движенія войнами, и фраза «*вотъ сколько войнъ*» была бы точнѣе, еслибъ эти войны прямо были названы походами, движеніями. Но фраза явилась не безъ причины. Она явилась подъ вліяніемъ заготовленной уже теоріи, подъ вліяніемъ предразсужденія съ цѣлію представить междоусобныя войны полюбовными схватками. И вотъ одно изъ доказательствъ, что никакой методъ, даже и математическій, не въ силахъ остановить своеволія предразсужденій и готовыхъ теорій, взятыхъ не изъ самаго дѣла, а такъ сказать съ вѣтру. О другихъ войнахъ безъ малѣйшаго кровопролитія лѣтописецъ выражается часто однимъ словомъ *зая*, *взя*, *выма*. Но здѣсь-то именно и требовалось бы съ математическою отчетностью опредѣлить значеніе этихъ словъ: дѣйствительно ли зая, взя, означаетъ мирное занятіе, безъ малѣйшаго кровопролитія, ибо лѣтописи въ короткомъ разказѣ о событіи употребляли всегда и короткія слова. Такъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ лѣтописи видно, что зая, взя, значило именно насильственное занятіе, съ грабежемъ, плѣномъ и слѣдственно разореніемъ. Мудрено, чтобъ все это обходилось безъ малѣйшаго кровопролитія.» Стр. 370.

Обвиненія важныя! Разсмотримъ доказательства рецензента.

«Въ обозначеніи своихъ войнъ безъ малѣйшаго кровопролитія, г. Погодинъ подъ 1066 годомъ пишетъ: «Всеславъ Полоцкій *занялъ* Новгородъ.» — Новгородская I лѣтопись описываетъ это занятіе слѣдующими короткими словами: «Приде Всеславъ и *взя* Новгородъ, съ женами и съ дѣтьми; и колокола съима у святыя Софіѣ. О велика бяше бѣда въ часъ тый! и панекадила съима.» Стр. 370.

Отвѣчаю: хотя и паникадила снялъ Всеславъ, но все-таки онъ занялъ Новгородъ, по извѣстію лѣтописи, безъ сраженія, безъ осады. Это *только* и отмѣчается въ первой моей таблицѣ, *занятіе*. А что Новгородъ потерпѣлъ вслѣдствіе этого занятія, то отмѣчено въ другой таблицѣ — городскихъ разореній, какъ рецензентъ могъ бы увидѣть на стр. 62.

Второе обвиненіе:

«Авторъ пишетъ: «Олегъ *занялъ* Черниговъ.» Въ лѣтописи: «Олегъ съ Половци приде Чернигову... Володимеръ затворися въ градѣ—Олегъ

приде къ граду и пожже около града и монастырѣ пожже... Володимеръ идо изъ града... Половци же начаша воевати около Чернигова, Ольгови не взбранящу, бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати.» Самъ же Владимиръ (Мономахъ) въ своемъ поученьи свидѣтельствуетъ объ этомъ событіи: «Олегъ на мя приде съ Половечьскою землею къ Чернигову, и бишася дружина моя съ нимъ 8 дній о малу греблю (ровъ) и не вдадуче имъ въ острогъ. Съжаливъси хрестьяныхъ душь и селъ горящихъ и монастырь — и вдахъ брату отца своего мѣсто, и самъ идохъ Переяславлю... Се уже третьее наведе поганыя на землю Руськую — присовокупляетъ лѣтописецъ: его же грѣха дабы и Богъ простилъ, *занеже много хрестьянъ изгублено бысть, а друзіи* полонени и расточени по *землямъ*»... Вотъ что означаетъ употребленное авторомъ слово *занялъ.*» Стр. 371.

Отвѣчаю: все это опустошеніе принадлежитъ Половцамъ (приде Олегъ *съ Половци*, изъ Тмуторакани), и все оно приведено изъ слова въ слово въ таблицѣ опустошеній Половецкихъ, стр. 162, 158, 148.

Третье обвиненіе:

«Далѣе авторъ говоритъ: 1116 г. «Мономахъ изъ Кіева *смирилъ* Глѣба Минскаго.» Въ это время взяты Ръша, Копысъ *и взятъ на щитъ* Дрьютескъ (то-есть взятъ приступомъ и плѣненъ).» Стр. 371.

Отвѣчаю: взятіе Рши, Копыса и Дрютеска на щитъ означено кромѣ первой таблицы еще дважды: въ числѣ осадъ и разореній— благоволитъ рецензентъ просмотрѣть стр. 55 и 62.

1128. «Всеволодъ Ольговичь *выналъ* Ярослава дядю изъ Чернигова.» Въ лѣтописи: «Ольговичь Всеволодъ я (взялъ) стрыя своего Ярослава (въ) Черниговѣ, изъѣхавъ и (то-есть внезапно), *а дружину его изсъче и разграби.*» Вотъ что скрыто подъ словомъ *выналъ.*» Стр. 371.

И все это скрытое, отвѣчаю, открыто въ таблицѣ, посвященной боярамъ и дружинѣ: благоволитъ рецензентъ справиться съ стр. 61.

Тамъ и *я* переведено словомъ захватилъ, а въ первой осуждаемой таблицѣ словомъ выгналъ переведены два глагола: *я* и *пусти* — Чернигову.

1141. «Всеволодъ Черниговскій занялъ города Юрьевы.» — Лѣтопись: «Поима Всеволодъ городы Гюргевы, конѣ, скотъ, овцы и гдѣ что чуя товаръ.»

Отвѣчаю: это описаніе приведено у меня сполна въ таблицѣ, посвященной княжескимъ потерямъ: благоволитъ рецензентъ справиться съ стр. 60.

1159. «Юрій Ярославичь изъ Турова ходилъ къ Путивлю, Вырю, Зарытому.» «Въ лѣтописи сказано *воевалъ*, а это слово всегда означало дѣйствительную войну съ опустошеніями, пожарами, плѣномъ, грабежемъ.»

Отвѣчаю: этотъ походъ числится между осадами, стр. 56, потому что Юрій осаждалъ собственно только Вырь; впрочемъ, и въ первой таблицѣ онъ обозначенъ достаточно.

1207. «Всеволодъ Чермный изъ Чернигова *занялъ* Кіевъ, Бѣлгородъ, Торческъ.» Въ лѣтописи: «Всеволодъ Чермный пришедъ сѣде въ Кыевѣ, *много зла* створивъ землѣ Рустѣй»; а въ чемъ это зло заключалось, свидѣтельствуетъ тотъ же лѣтописецъ: «устремишася на Бѣлгородъ и оступиша и, и бысть брань люта, люди же изнемогахуся въ градѣ... придоша къ Торъцьскому — оступиша и, и поганыя (Половцевъ) *распустиша воевать*, они же много зла створиша по земли, плѣнующе, сѣкуще и села жгуще»...

Отвѣчаю: все это опустошеніе значится въ таблицѣ народныхъ бѣдствій: благоволитъ рецензентъ справиться съ стр. 65.

«Вотъ каковы войны, состоявшія изъ однихъ походовъ, восклицаетъ торжествующій рецензентъ», безъ малѣйшаго кровопролитія!»

Онъ видитъ теперь, я надѣюсь, что всѣ черты этихъ войнъ въ моихъ спискахъ строго сохранены, и вина не моя, если онъ ограничился одною таблицею, не заглянувъ въ прочія.

«Подобная же *математическая отчетность* является и въ общемъ обозначеніи этихъ войнъ, которое сдѣлалъ авторъ, сказавъ въ заглавіи: «слѣдующія войны окончились походомъ и набѣгомъ.» Мы уже замѣтили, что часто такіе походы, набѣги служили только началомъ войны. Напримѣръ авторъ говоритъ: 1156 г. «Мстиславъ занялъ изъѣздомъ (внезапно) Володиміръ.» Точка. Между тѣмъ этотъ изъѣздъ былъ только началомъ кровопролитію, ибо Юрій пришелъ на Мстислава стоялъ у Владиміра 10 дней, «обсѣдшимъ въ городѣ и многы крови проливахуться межи ими, друзіи же уязвляеми умираху,» и Юрій «сжалися о погыбели людьстей — възворотися въ Кіевъ, а Мстиславъ иде по немъ до Дорогобужа, воюя и жга села, и много зла створи.» Стр. 372.

Отвѣчаю: все это означено у меня ясно въ другомъ мѣстѣ, а именно на стр. 64.

«Вообще необходимо замѣтить, что если и можно было собрать нѣсколько случаевъ походовъ, набѣговъ и занятій городовъ, совершившихся безъ кровавой драки, то все же нельзя было называть эти походы громкимъ именемъ *войнъ* и тѣмъ доказывать, что междоусобія вообще не отличались кровопролитіемъ.»

Междоусобія представлены у меня въ двадцати таблицахъ, изъ коихъ въ первой, на которую нападаетъ авторъ, средоточіемъ принято занятіе, занятіе безъ сраженія, безъ осады. Чѣмъ сопровождалось занятіе, то представлено въ другихъ таблицахъ. А если походы и набѣги исключить изъ списка войнъ, то войнъ останется гораздо меньше, и въ выигрышѣ буду все-таки я, а не рецензентъ, если и не современники.

«Если и духовенство, и князья, и народъ — все современное общество сознавало, крѣпко было убѣждено, что междоусобія вели къ кровопролитію и разоренію, погубленію земли, что̀ такъ было и на самомъ дѣлѣ, что земля вообще страдала, гибла, — то какъ же мы сумѣемъ доказать, что было-де совершенно наоборотъ, что терпѣли только князья, да одно военное сословіе, которое собственно и воевало, что земство благоденствовало, спокойно воздѣлывая землю и терпя только *изрѣдка* во время походовъ, да и то по большимъ дорогамъ.» Стр. 376.

Приглашаю рецензента взглянуть безъ предубѣжденія на стр. 46—51, и одинъ взглядъ, очевидно, докажетъ ему справедливость моего замѣчанія. Земля Суздальская, Рязанская, Новогородская, Полоцкая, Курская, Сѣверская, Смоленская, Туровская, Галичъ (до послѣдняго времени) были почти совершенно спокойны: только треугольникъ между Кіевомъ, Черниговомъ и Переяславлемъ терпѣлъ отъ междоусобныхъ войнъ; но если окрестности Везувія и Этны часто обливаются лавою, можно ли скорбѣть обо всей Италіи и даже Европѣ, и жаловаться на огнедышущія горы? *Оставивъ предубѣжденія*, рецензентъ, я надѣюсь, согласится со мною. Точно также согласится и касательно отсутствія непримиримости когда вспомнитъ междоусобныя войны италіянскія, нѣмецкія, англійскія, и сравнитъ съ ними наши, съ пословицею: миръ стоитъ до рати, рать до мира.

Впрочемъ, я выхожу здѣсь изъ предѣловъ моей задачи: списки мои представлены — рецензентъ хочетъ извлекать изъ нихъ другія заключенія, нежели я: буди его воля!

Точно также не считаю нужнымъ защищать мои выводы о распространеніи у насъ грамотности въ древности. Скажу только два слова въ объясненіе моему рецензенту, согласно съ его требованіемъ (стр. 364): такія сочиненія, какъ сочиненія Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Дамаскина, предполагаютъ высокое развитіе умственныхъ силъ въ своихъ читателяхъ; а что читатели находились издревле, то доказывается множествомъ списковъ съ означенныхъ сочиненій, кои дошли даже до насъ въ цѣлости, и разныхъ слѣдовъ, встрѣчаемыхъ въ памятникахъ. Развитіе доказывается также появленіемъ такихъ личностей, какъ Иларіонъ, Ѳеодосій, Несторъ, Симонъ, Поликарпъ, Кириллъ Туровскій, и проч., кои всѣ ведутъ свое происхожденіе изъ народа. Не могли же они вдругъ, безъ приготовленія, взобраться на ту высоту, гдѣ мы ихъ видимъ въ ихъ сочиненіяхъ, еслибъ народъ не былъ достаточно подготовленъ.

Изъ отвращенія видѣть хоть что-нибудь хорошее у насъ въ древности, равно какъ и изъ желанія представить въ каррикатурѣ (стр. 355 и 356) расположеніе противоположное, заключаю, что рецензентъ мой принадлежитъ къ числу такъ-называемыхъ западниковъ, и считаю долгомъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ ихъ лозунгѣ, который дѣлается просто смѣшнымъ. Этимъ господамъ становится какъ-будто больно, дурно, тошно, если кто-нибудь укажетъ добрую сторону въ древнемъ русскомъ народѣ, въ древней русской жизни. Похвалою ей, самою частною, самою условною, наносится имъ тяжкое, личное оскорбленіе, — это ихъ несчастіе *. Помилуйте, господа, да

* Такъ-называемые западники оскорбляются только неумѣстнымъ превозношеніемъ нашей старины въ ущербъ цѣлому развитію русскаго народа. Въ политической его исторіи, какъ и въ исторіи всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ, видятъ они аналогическій, хотя и своеобразный переходъ отъ общественной розни и безурядицы родовыхъ, частныхъ, средневѣковыхъ нормъ быта къ нормамъ государственнымъ, всенароднымъ, а восточники смотрятъ на этотъ естественный и неизбѣжный переходъ, какъ на растлѣніе, на упадокъ народности,

развѣ всѣ явленія въ новой русской жизни равно хороши, пріятны и восхитительны? Надъ аркадскими пастушками вы смѣетесь въ *древности*, да укажите же вы мнѣ тѣ благословенныя долины, гдѣ *новые* аркадскіе пастушки пасутъ мирно стада свои, и услаждаютъ вашъ слухъ плѣнительными пѣснями съ акомпаниированіемъ флейты и свирѣли?

Перестанемъ ребячиться! И древняя, и новая жизнь имѣетъ свои хорошія и свои дурныя стороны; у насъ точно такъ же, какъ и во всѣхъ европейскихъ государствахъ, во всѣхъ человѣческихъ учрежденіяхъ: дѣло въ томъ, чтобъ сохранять, развивать хорошее и отстранять, искоренять дурное.

Въ доказательство же полнаго моего безпристрастія, я рѣшаюсь сказать здѣсь нѣчто о древней и новой русской жизни пояснѣе, нежели какъ говорилъ до сихъ поръ. Побуждаетъ меня и рецензія Атенея, умно, благонамѣренно и прилично написанная, и чтеніе новой Исторіи Петра Великаго, Устрялова, теперь мною конченное, и путешествіе археологическое въ Новгородъ, послѣ изданія о немъ изслѣдованій, откуда я только что воротился.

Вы увидите, что я также стараюсь читать *между* строками (стр. 365), и работа моя надъ Новымъ городомъ не ограничивается списками улицъ, церквей, монастырей, князей, бояръ, вѣчъ и проч., но это второе чтеніе, между строками, я *отдѣляю* отъ первоначальнаго чтенія *по* строкамъ, которое имѣю честь представлять въ своихъ Изслѣдованіяхъ молодымъ друзьямъ исторіи, напрасно обвиняющимъ меня, вслѣдствіе смѣшенія этихъ понятій.

Съ особеннымъ удовольствіемъ прежде всего повторю я здѣсь кстати прекрасныя слова Ивана Земца, кои служатъ вмѣстѣ мнѣ вѣрнымъ залогомъ, что онъ оставитъ свои случайныя предубѣжденія, и принесетъ, если еще не приносилъ, истинную пользу любезной нашей русской исторіи, (а любить ее нельзя

находя въ древнемъ нашемъ быту совокупность такихъ завидныхъ преимуществъ и образецъ такихъ совершенствъ, какихъ не представляло до сихъ поръ младенчество ни одного народа въ мірѣ. Въ этомъ вся разница двухъ противоположныхъ воззрѣній, а ужь конечно не въ степени живаго ихъ сочувствія къ благу и величію роднаго края. *Ред.*

бы, прибавлю здѣсь кстати, еслибъ она представляла одно дурное!)

«И какъ освѣжительно бываетъ это первое, какъ бы весеннее вліяніе мысли среди черной, скучной, копотливой, безотрадной работы, среди читанья, перечитыванья, выписыванья, сличенья, и т. д.; волею неволею вы подчиняетесь этому первому сверкнувшему вамъ лучу, радуетесь ему, какъ ребенокъ, желаете освѣтить этимъ лучомъ всю массу собранныхъ вами фактовъ, и даже начинаете при его свѣтѣ новый пересмотръ источниковъ, перевѣрку того, что́ уже было заготовлено. Но увы! весьма часто такой свѣтъ оказывается недостаточнымъ, или, какъ говорятъ, ложнымъ; мало-по-малу онъ гаснетъ, и вы остаетесь еще въ большей темнотѣ среди своихъ матеріаловъ, и продолжаете тяжелый трудъ до тѣхъ поръ, пока онъ снова не осмыслится, снова не освѣтится мыслію болѣе свѣтлою, сильною, болѣе слѣдовательно вѣрною, истинною.» Стр. 352.

Грустное, прискорбное чувство произвелъ во мнѣ Новгородъ, когда, прежде, я разбиралъ его лѣтописи, а послѣ ходилъ въ раздумьѣ по пустымъ его улицамъ, между полуобрушенными заборами. Что изъ него стало? Гдѣ слѣды долговременной, можетъ-быть тысячелѣтней жизни? Ни преданій, ни учрежденій, ни даже развалинъ, никакихъ остатковъ! Однѣ церкви и названія улицъ. Что же за причина?

А Новгородъ находился несравненно въ благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, нежели всѣ прочія русскія княжества. Онъ былъ силенъ, когда Кіевъ, Владиміръ, Москва, таились въ зародышахъ. Всѣ сосѣди были его слабѣе. Случались, наконецъ, моменты, которые могли пробудить всякую дѣятельность, навести на новыя мысли, напримѣръ при отраженіи рати Боголюбскаго, послѣ тяжелыхъ опытовъ съ нимъ и отцомъ его Юріемъ Долгорукимъ! Далѣе—моментъ умерщвленія Боголюбскаго, когда вся Низовская земля по лѣтописному выраженію сильно взмялася. Моментъ Липецкой побѣды, предававшей ему въ руки все опасное для него Суздальское княжество.

Нѣтъ, не умѣли Новгородцы воспользоваться ни однимъ изъ этихъ моментовъ, и оставались среди всѣхъ успѣховъ in statu quo, представляя по временамъ блистательныя черты великодушія, благородства, безкорыстія, твердости, неустрашимости. Сплоховалъ Мирошка, не догадался Якунъ, прозѣвали Мирославъ,

Михалко, Твердиславъ! И палъ Новгородъ, и слѣдъ его развѣялся по вѣтру! Что же это значитъ? Значитъ, что въ немъ не было залога твердости, залога развитія.

Если же этого залога не было въ Новѣгородѣ, который жилъ столько времени особою жизнью, безъ помѣхи, и могъ бы развиться, еслибъ имѣлъ способность развитія, то нѣтъ его и вообще въ славянскомъ, восточномъ элементѣ. Чтобъ жить и преуспѣвать, нужно привиться къ нему другому европейскому элементу, то-есть западному. Для тучной русской почвы нужно европейское сѣмя, — и вотъ необходимость, законность Петра!

Напрасно будутъ говорить, какъ и было уже говорено, что европейское образованіе могли мы заимствовать тихо, мирно, постепенно, добровольно. Напрасно, — потому что тотъ же Новгородъ, испоконъ вѣка находившійся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Норманнами, самымъ европейскимъ племенемъ VIII, IX и X вѣковъ, потомъ съ Нѣмцами, поселившимися у него подъ бокомъ, и наконецъ съ Ганзою — все-таки остался при своемъ, ни взадъ, ни впередъ. Значитъ, старое или хоть устарѣлое дикое мясо нужно было прижечь лаписомъ.

Любезный мой рецензентъ согласится теперь, что я, любя Хомякова, любя Аксакова, все-таки люблю больше ихъ истину. Amicus Plato, amicus Aristoteles, sed magis amica veritas.

Приложу еще доказательство, хоть и сказалъ мнѣ покойный Иннокентій, прочитавъ первые три тома Изслѣдованій: вотъ вашъ важный порокъ,—вы не довольствуетесь доказывать, что дважды два четыре; вы продолжаете и непремѣнно настаиваете на четыре съ половиною.

Не знаю, согласится ли со мною мой ученый другъ, какъ говорятъ Англичане, Алексѣй Степановичъ, что Новгородъ доказываетъ собою необходимость Петра, какъ дважды два четыре, и потому я прибавлю здѣсь еще половину, лишнюю для западниковъ, недостающую, можетъ-быть, для восточниковъ.

Раскольники представляютъ, по моему мнѣнію, другое, разительное доказательство, что одного русскаго элемента мало для развитія жизни, въ европейскомъ значеніи этого слова. Раскольники остались при своемъ, не подверглись европейскому, Петрову вліянію, приняли въ себя еще новую силу значительную, силу гоненія, — что же они представили даже въ своей

религіозной сферѣ, въ коей вращаются преимущественно? Ничего. Они ушли назадъ, а не впередъ, и нѣкоторыя на первый взглядъ важныя положенія, ими выработанныя, не представляютъ никакой жизненности, никакой подвижности, никакой зелени: это гнилые плоды. Опять необходимость европейскаго начала, и слѣдовательно Петра!

Довольно ли, или еще мало? Была не была: иду нà — пять.

Прочтите двѣ-три страницы Царскихъ выходовъ, изданныхъ Строевымъ, и двѣ-три страницы какого-нибудь Петровскаго юрнала, изданнаго теперь Устряловымъ, въ Азовѣ, Воронежѣ или Амстердамѣ, и наконецъ вспомните, что надъ старой Россіей, предъ революціей Петровой, занесенъ уже былъ мечъ Карла XII! Теперь еще сердце бьется отъ страха!

Нѣтъ, друзья мои, восточные и западные, которыхъ (искреннихъ) люблю одинаково, (восточныхъ впрочемъ поболѣе), хоть и не принадлежу никакимъ вашимъ и нашимъ, Петръ былъ необходимъ, Петръ — великое лицо въ исторіи Россіи, въ исторіи Европы, въ исторіи человѣчества, — говорю это въ чувствахъ полнѣйшаго уваженія къ древней русской исторіи, и къ старой русской жизни.

Но Петръ имѣетъ свои темныя стороны. О, я совершенно съ этимъ согласенъ, и даже боюсь, что г. Устряловъ, (которому русская литература обязана искреннѣйшею, глубочайшею благодарностію за многое), скрылъ, занавѣсилъ нѣкоторыя темныя черты Петровы, какъ скрыли ихъ (и да будутъ за это историко-критически прокляты!) нѣкоторые прежніе издатели Петровыхъ писемъ. Боюсь, потому что, по моему мнѣнію, эти темныя черты Петра возвышаютъ еще болѣе блескъ его лучезарнаго образа, и представляя драгоцѣнныя быти, дѣи, (чтобъ не сказать факты), для психологіи, присоединяютъ новый могущественный урокъ Исторіи, какому нѣтъ нигдѣ подобнаго.

Но отъ частнаго воротимся къ общему.

Нѣкоторыя Петровы сѣмена, европейскія, западныя сѣмена, привитыя начала, дали горькій плодъ, другія пришли не къ почвѣ — смѣшно изъ-за нихъ осуждать прочія, и восточники впадаютъ, относительно новой исторіи, въ ту ошибку, въ коей они справедливо обвиняютъ западниковъ, въ отношеніи къ древней.

Задача времени зрѣлаго, просвѣщеннаго, разбирать sine ira et studio, что̀ хорошо, что̀ дурно, какъ замѣчено выше, и быть собою.

Наконецъ, я долженъ привести нѣсколько мыслей рецензента, съ которыми я совершенно согласенъ, и подъ которыми готовъ подписаться обѣими руками.

«И въ настоящее время, во второй половинѣ XIX столѣтія, можно еще подмѣчать старину XII вѣка, и слѣдовательно находить свидѣтельства, рисующія тогдашнее житье-бытье, то-есть объясняющія исторію того вѣка.» (Стр. 353 въ прим.)

Такъ, такъ, такъ: изображеніе Куролѣсова въ Семейной Хроникѣ много, напримѣръ, объясняетъ исторію Іоанна Грознаго; и въ Бѣлградѣ въ 1846 году легко воображалъ я себѣ положеніе Россіи въ Петрово время.

Особенно я благодаренъ рецензенту за слѣдующія предостереженія, кои должны имѣть въ виду молодые изслѣдователи, и кои опущены были мною потому только, что я, издавая свои Изслѣдованія, и не предполагалъ возможности смѣшивать первоначальныя, приготовительныя, анатомическія работы надъ исторіей съ физіологическими и окончательными.

... «*Если*, увлеченные разумностію и необычайною простотою этого закона (математическаго метода), мы будемъ настаивать и доказывать, что онъ представляетъ единственный, исключительно вѣрный путь при изысканіи истины, и притомъ въ такихъ, напримѣръ, изысканіяхъ, каковы историческія, то естественно, что мы свернемъ съ настоящаго пути. (Стр. 360.)

«Само собою разумѣется, что какъ скоро ариѳметическое количество будетъ принято за основу изслѣдовательныхъ работъ, то незамѣтно явится полнѣйшая возможность производить надъ этимъ количествомъ всѣ дѣйствія, явится возможность не только складывать, но даже и помножать.» (Стр. 361.)

... «Такъ-называемый математическій методъ, при несомнѣнныхъ и весьма важныхъ своихъ достоинствахъ, *если* (sic) будетъ оставаться единственнымъ, исключительно прямымъ и вѣрнымъ путемъ въ историческихъ изслѣдованіямъ,—можетъ несравненно болѣе вредить движенію науки, чѣмъ приносить ей желаемую пользу.» (Стр. 365.)

Да, да, молодые изслѣдователи! начинайте только такъ, а продолжайте иначе. Сперва изучите буквы, потомъ склады, и наконецъ принимайтесь съ Богомъ за чтеніе, но бѣда читать безъ склада по складамъ и безъ толка по толкамъ.

М. Погодинъ.

МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

(Изъ записокъ статсъ-секретаря Храповицкаго). *

—

—Бѣглеца командою искать не можно: ему одна дорога, а командѣ сто; надобно чтобъ обыватели не держали въ селеніяхъ и ловили. (1782, іюля 13).

—Въ *60* лѣтъ всѣ расколы исчезнутъ. Коль скоро заведутся и утвердятся народныя школы, невѣжество истребится само собою; тутъ насилія не надобно. (1782, іюля 25).

—Заведеніемъ народныхъ школъ разнообразные въ Россіи обычаи приведутся въ согласіе и исправятся нравы. Императрица Марія Терезія примѣромъ одной школы своей установила больше 800 школъ.

—Графъ Г. А. Потемкинъ до безконечности вѣренъ. Умъ князя превосходный; да еще былъ уменъ князь Григорій Ор-

---

* Записки Александра Васильевича Храповицкаго, бывшаго секретаря Императрицы Екатерины II, веденныя имъ съ 1782 года, напечатаны въ Отечественныхъ Запискахъ П. Свиньина (1821—1828 г.), но не вполнѣ. Имѣвъ случай пользоваться спискомъ ихъ, находящимся въ библіотекѣ графа А. С. Уварова, я счелъ дѣломъ любопытнымъ выписать тѣ мѣста изъ нихъ, частью уже напечатанныя, въ которыхъ переданы замѣчанія и слова самой Императрицы и которыя могли быть отдѣлены отъ текста, имѣя значеніе сами по себѣ, какъ мнѣнія и сужденія ея.

О Храповицкомъ писалъ Свиньинъ въ Отечественныхъ Запискахъ (1821, № 16), печатая его записки, Бантышъ-Каменскій въ Словарѣ достоп. людей (т. III, 1849) и племянникъ Храповицкаго *Н. А. Сушковъ*, въ изданномъ имъ Сборникѣ: Раутъ кн. III на 1854-й годъ, гдѣ сообщены отрывки изъ бумагъ Храповицкаго, въ стихахъ и прозѣ, и говорится о братѣ его, тоже писателѣ.

Г. Г.

ловъ, который шелъ противъ князя Потемкина; но когда призванъ былъ для уличенія князя Потемкина въ худомъ правленіи частію воинскою, то убѣжденъ былъ его резонами, и отдалъ ему всю справедливость. Князь Потемкинъ глядитъ волкомъ и за то не очень любимъ; но имѣетъ хорошую душу: хотя дастъ щелчка, однакоже самъ первый станетъ просить за своего недруга (1786, мая 27).

—Все вижу и слышу, хотя не бѣгаю, какъ Императоръ. [1]) Онъ много читалъ и имѣетъ свѣдѣнія; но будучи строгъ противъ самого себя, требуетъ отъ всѣхъ неутомимости и невозможнаго совершенства, не знаетъ русской пословицы: мѣшать дѣло съ бездѣльемъ. Двухъ бунтовъ былъ самъ причиною; тяжелъ въ разговорахъ. Le prince de Ligne cachant sous la frivolité le philosophe le plus profond et ayant le coup-d'oeil juste его перевертываетъ.

—Князь Г. Орловъ былъ génie, силенъ, храбръ, рѣшимъ, mais doux comme un mouton, il avait le coeur d'une poule; два дѣла его славныя: возшествіе [2]) и прекращеніе чумы. Первое не можетъ быть сравнено съ возшествіемъ Елисаветы Петровны. Тутъ не было неустройства, но единодушіе. Меня знали 18 лѣтъ прежде. Alexis Orloff n'a pas le même courage, а во всѣхъ случаяхъ останавливается препятствіями (12 мая 1788).

—Не купи села, купи прикащика (14 іюля 1788).

—Правду сказать, Петръ I близко основалъ столицу. Онъ ее основалъ прежде взятья Свеаборга, слѣдственно надѣялся на себя. [3])

—Я не люблю мелкостей, но большія предпріятія (1788 іюля 1).

29-го іюля 1788 Храповицкій поднесъ дешевые антики; — посмотря, сказали, что ненадобны: «я лучше куплю быка, чтобъ послать солдатамъ» —разумѣется въ Финляндію.

... Разговоръ о боярахъ: всѣ любятъ начальствовать, и почти всѣ имѣли худое воспитаніе. Я: «Ils sont quelquefois menés

---

[1]) То-есть Іосифъ II. Это записано во время пребыванія Императрицы въ Херсонѣ, 18 мая 1787 года, когда находился тамъ Императоръ.

[2]) Екатерины на престолъ.

[3]) Это было сказано 28 іюля 1788, когда шведскій корпусъ стоялъ подъ Нейшлотомъ и грозилъ его взять и овладѣть Ладожскимъ озеромъ.

par leurs secrétaires.» — Правда. — Я говорилъ о времени царствованія Елисаветы Петровны и властвованіи бояръ и разказалъ шутку: «что брошусь сперва къ князю Трубецкому, потомъ къ графу Шувалову, а когда не помогутъ, то пусть будетъ воля Божія.» Усмѣхнулись. «Я, кажется, сіе поправила, не ссылая въ ссылку и не казня.» Повторено тоже, и сказано, что тѣми же людьми испорченное исправляла. Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, примѣтя иногда злоупотребленія, спрашивалъ, не клонится ли сіе къ упадку Имперіи? Но имѣя въ томъ tact, часто отвѣчала, что изъ хлѣву выпущенные телята скачутъ и прыгаютъ, случается и ногу сломятъ; но послѣ перестанутъ и такимъ образомъ все войдетъ въ порядокъ. Когда изъ нынѣшнихъ затруднительныхъ обстоятельствъ [1]), выйдемъ съ честію и славой, то великое уваженіе получимъ въ Европѣ. (17 ноября 1788).

Читая рапортъ Черткова отъ 15 ноября изъ Воронежа, что Донъ замерзъ, вспомнили объ Очаковѣ. «Онъ лежитъ... [2]) Je connais mon homme, но не сказывай никому, je sais que son honneur y est attaché, но все-таки на умъ приходитъ Очаковъ... (26 ноября 1788).

... Чтобъ взять скорѣе Очаковъ, многое перемѣнится. Подлинно годъ высокосный; но надежда на Божію помощь, которая видима была при Фридрихсгамѣ. (27 ноября 1788).

Трудно съ полуучеными и глупыми имѣть дѣла; ихъ всякая мелочь останавливаетъ. Скоро пріѣдетъ Князь. [3]) Avec l'homme d'esprit et de génie on peut tirer parti de tout; всегда найдешь средства (5 янв. 1789).

Разговаривая о княгинѣ Дашковой, отдавали ей справедливость въ томъ, что имѣетъ познанія и умнѣе многихъ мущинъ, но дивились, что ее никто не любитъ, даже дочь, въ нынѣшнихъ недостаткахъ и бывъ подъ опекою, не соглашается жить съ матерью. Княгиня больше приписывала сыну, чего онъ стоилъ: онъ простъ и пьяница. (23 апр. 1789).

— Принятіе иностранцевъ въ нашу службу дѣлаетъ эмюла-

---

[1]) То-есть войны Шведской.

[2]) Тогда Потемкинъ стоялъ подъ Очаковомъ.

[3]) Конечно—Потемкинъ. Онъ пріѣхалъ черезъ мѣсяцъ, 4 февраля.

ніи [1]) въ Русскихъ. Петръ I симъ пользовался, и наши скоро наметаны быть могутъ. Есть двѣ эпохи, во время которыхъ Русскіе отъ Европы отстали; время власти татарской и время междуусобія [2]), когда Шведы и Поляки большую партію имѣли: тутъ старались только о частныхъ выгодахъ, а общее дѣло забывали; но и тутъ вышли великіе люди. — Я сказалъ: Les malheurs font les grands hommes. Повторено и мысль сія утверждена. (20 марта 1789).

— Княгиня Дашкова ни съ кѣмъ не уживется. Je peux m'accommoder de tous les caractères. Je suis comme Alcibiade à Sparte et dans Athènes. (31 іюля 1789).

Отдали для переписки конецъ жизни Алкивіада. Тутъ замѣтили, что по его славѣ, всѣ неудачи не относили къ невозможности, а къ нехотѣнію: «Я признаюсь, что и со мной тоже случалось.» (2 февр. 1790).

Отдавая листъ перевода изъ Плутарха, сказано: «это одно только утѣшаетъ; cela me fortifie l'ame.» (27 апр. 1790, — Шведская война).

Отвѣтъ къ Шведскому королю на его письмо о мирѣ и по размѣнѣ ратификацій на миръ: qu'il ne faut pas prêter l'oreille aux tracasseries. Полвѣка живу, 29 лѣтъ царствую, и по опытамъ знаю: que l'ecueil de toutes les intrigues est la parfaite equité et la justice. J'aime à dire avec Racine:

Celui qui met un frein à la fureur des flots,
Sait aussi des méchans arrêter les complots;
Soumis avec respect à sa volonté sainte
Je crains Dieu, cher Abner, et n'ai point d'autre crainte.

(14 іюля 1790).

При Васильевѣ разговоръ объ окончаніи войны (шведской): «Я правила всѣмъ, какъ командующій генералъ, и много было заботъ.» — Послѣ сего напоминалъ я о намѣреніи идти съ резервомъ къ Осиновой рощѣ. — «Да, буде бы нужда потребовала, то въ послѣднемъ баталіонъ-каре сама бы голову положила. Я никогда не трусила.»

---

[1]) Возбуждаетъ соревнованіе.

[2]) То-есть междуцарствія.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

Léonard de Vinci et son école, par A. F. Rio. Paris, 1855. 1 vol. in 8°.

(Окончаніе.)

—

VI.

Рядомъ съ двумя великими художественными предпріятіями своими, Леонардо, во время почти двадцатилѣтняго пребыванія своего въ Миланѣ, былъ еще занятъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ работъ, но, къ сожалѣнію, ни число ихъ, ни время происхожденія намъ точно не извѣстны. Эти работы не только обнимали опять всѣ роды искусства, но многія изъ нихъ имѣли и весьма важное практическое значеніе. Леонардо является намъ въ эту эпоху, вопервыхъ, весьма дѣятельнымъ живописцемъ – портретистомъ. По порученію герцога Миланскаго, онъ написалъ портреты его возлюбленныхъ: Лукреціи Кривелли и Цециліи Галлерани; всего же чаще вѣроятно писалъ онъ портреты самого герцога и его семейства. Такъ Вазари говоритъ, что онъ написалъ ихъ на одной изъ стѣнъ трапезы Sta Maria delle Grazie, вѣроятно, по образцу древнихъ мастеровъ, колѣнопреклоненными и обращенными лицомъ къ Тайной Вечерѣ. Въ качествѣ придворнаго живописца, онъ повторялъ ихъ нѣсколько разъ, съ разными видоизмѣненіями, о чемъ Вазари умалчиваетъ.

Но и картинами религіознаго содержанія, кромѣ Тайной Вечери, занимался Леонардо по порученію герцога Миланскаго. Такъ для Цециліи Галлерани написалъ онъ Мадонну, а для императора Максимиліана — Рождество Спасителя, къ чему, по словамъ Вазари, его съ трудомъ уговорилъ Людовико Моро.

Леонардо, при медленности письма своего, не любилъ, кажется, подобнаго рода порученій; онъ гораздо охотнѣе сочинялъ рисунки или картоны для небольшихъ картинъ и запрестольныхъ образовъ и поручалъ исполненіе ихъ своимъ ученикамъ. Подобное заключеніе можно вывести изъ многихъ произведеній, приписываемыхъ Леонардо и находящихся въ разныхъ картинныхъ галлереяхъ: въ нихъ слабое исполненіе вовсе не соотвѣтствуетъ превосходно задуманному рисунку. Поэтому и самые рисунки Леонардо, дошедшіе до насъ, смѣло могутъ быть отнесены къ этому времени. Не забывая ни одну изъ многочисленныхъ вѣтвей искусства, Леонардо въ Миланѣ захотѣлъ испытать свои силы и способности и въ гравированіи, и Амвросіанская библіотека сохраняетъ его чрезвычайно рѣдкую собственноручную гравюру, изображающую портретъ поэта Бернарда Беллинціани, съ которымъ онъ былъ весьма друженъ. Впрочемъ, эта гравюра относится къ началу девяностыхъ годовъ.

Но кромѣ этихъ трудовъ по части живописи и другихъ, вѣроятно менѣе значительныхъ, по части скульптуры (я не стану описывать удивительныя его механическія изобрѣтенія и огромные гидравлическіе труды, которые, судя по всѣмъ признакамъ, отнимали у искусства значительную часть его драгоцѣннаго времени) Леонардо, если мы не ошибаемся, впервые въ Миланѣ началъ заниматься практически и архитектурой. Весьма замѣчательно, что дѣятельность его въ этой сферѣ ограничивалась совершенно однимъ гражданскимъ зодчествомъ: намъ неизвѣстно, занимался ли когда-либо этотъ глубоко-религіозный геній построеніемъ созданной по его плану церкви. Мы знаемъ положительно, что Леонардо построилъ для друга своего графа Мельци виллу Вапріо, великолѣпную конюшню для Галеацио Сансеверино, весьма искусно снабженную водой купальню для герцогини Беатриче; но, кромѣ разныхъ проектовъ для церквей и колоколенъ, неизвѣстно, выполнилъ ли онъ хотя одно церковное зданіе. Тѣмъ не менѣе Леонардо, кажется, пользовался отличною извѣстностью, какъ архитекторъ, въ Миланѣ, потому что въ 1490 году онъ былъ причисленъ къ числу архитекторовъ, управлявшихъ работами при построеніи знаменитаго миланскаго собора (fabbrica del Duomo). Это была критическая минута въ исторіи этого зданія; тогда

происходила живая борьба между приверженцами устарѣвшихъ готическихъ формъ и поборниками классицизма. Весь соборъ былъ задуманъ и до тѣхъ поръ сооружался въ готическомъ стилѣ; явились художники, которые, не думая о единствѣ стиля въ зданіи, хотѣли вѣнчать его куполомъ, на подобіе знаменитому куполу Брунелески во Флоренціи. Къ сожалѣнію, участіе, которое Леонардо принималъ въ весьма жаркихъ спорахъ объ этомъ предметѣ, намъ совершенно неизвѣстно.

Но самымъ благотворнымъ результатомъ почти двадцатилѣтняго пребыванія Леонардо въ Миланѣ для художественнаго образованія всей страны было, кромѣ его собственныхъ произведеній, основаніе, по порученію Людовика Моро, художественной академіи, носившей имя ея великаго главы. Вѣроятно оно состоялось вскорѣ послѣ его прибытія въ Миланъ. Никто изъ современныхъ художниковъ не былъ болѣе способенъ управлять подобнаго рода учрежденіемъ. Не одни его собственныя великія произведенія должны были поставить его во главѣ этой академіи, не одни его практическіе совѣты споспѣшествовать развитію искусства въ странѣ, уже имѣвшей обширную школу живописи, но и его глубокія теоретическія познанія должны были указать новые пути художникамъ стараго направленія и воспитать юныя поколѣнія на новыхъ началахъ. Самъ Леонардо былъ всесторонне приготовленъ къ этому теоретическому преподаванію: онъ былъ знакомъ съ классическою древностью, ея поэтами и историками и совсѣми науками, стоящими въ связи съ искусствомъ. Въ особенности изучалъ онъ Витрувія, и столь же основательно были ему знакомы техническія сочиненія его современниковъ и предшественниковъ. Правда, мы не имѣемъ никакихъ подробныхъ извѣстій о системѣ преподаванія въ этой академіи, но приблизительныя свѣдѣнія объ этомъ можно извлечь изъ многочисленныхъ рукописей художника. Для нея вѣроятно написалъ онъ свои трактаты о перспективѣ, о свѣтѣ и тѣняхъ, о живописи, о пропорціяхъ человѣческаго тѣла, и всѣ эти теоретическія сочиненія Леонардо иллюстрировалъ большимъ числомъ рисунковъ, поясняющихъ текстъ. Трактатъ его о живописи, не смотря на сжатость изложенія, до сихъ поръ еще можетъ слу-

лить превосходною школой каждому живописцу. Изъ этихъ сочиненій, къ сожалѣнію, далеко не сохранившихся вполнѣ, будущій біографъ Леонардо долженъ постараться извлечь его теоретическіе взгляды на искусство. Природу считалъ Леонардо главною наставницей художника и думалъ, что только этимъ путемъ, при пособіи антиковъ и научномъ изученіи анатоміи и линейной перспективы, живопись можетъ дойдти до высшаго совершенства. Леонардо первый въ Италіи указалъ необходимость глубокаго знанія анатоміи человѣческаго тѣла, которая до него была почти неизвѣстна художникамъ и которую онъ разработывалъ при содѣйствіи своего друга, знаменитаго врача Марка Антонія делла Торре. Неудивительно, что такое всестороннее преподаваніе, открывавшее совершенно новые горизонты искусству, и личный характеръ и способности Леонардо, который обходился весьма гуманно съ своими учениками, сосредоточили вокругъ него цѣлую фалангу въ высшей степени даровитыхъ юношей. Ломбардская школа, въ которой встрѣчаются имена столь великихъ художниковъ, каковы Марко д'Оджіоне, Больтраффіо, Чезаре да Сесто, Луини (?), есть рѣшительно созданіе одного Леонардо; она играетъ чрезвычайно важную и самостоятельную роль въ исторіи итальянской живописи XVI-го вѣка, и ей-то посвятилъ Ріо весьма замѣчательную часть своего сочиненія.

VII.

Въ 1499 году разразилась наконецъ надъ Миланскимъ герцогствомъ извѣстная страшная политическая буря: оно было завоевано французскою арміей, и правительствующій домъ Сфорца палъ. Людовико Моро находился въ плѣну у Французовъ. Всякая художественная дѣятельность въ Миланѣ была насильственно прекращена. Грубые завоеватели не думали о покровительствѣ искусству; проводя время въ наслажденіяхъ любви и танцахъ, они, напротивъ, разрушали величайшія художественныя произведенія. При такомъ смутномъ положеніи дѣлъ, пятидесятилѣтній художникъ, послѣ великихъ трудовъ, совершенныхъ имъ не только для пользы искусства, но и для общественныхъ и государственныхъ потребностей, принужденъ

былъ покинуть свою вторую отчизну, Миланъ, и онъ покинулъ ее столько же бѣдный, какъ и тогда, когда впервые ступилъ на ея почву. Небольшой виноградникъ, — жалкое вознагражденіе, данное ему Людовикомъ Моро за всѣ его долголѣтнія услуги,— вѣроятно не доставлялъ ему никакихъ доходовъ. Съ ученикомъ своимъ Салаино и другомъ, математикомъ Фра Пачіоло, выѣхалъ онъ въ 1500 г. изъ Милана. Вѣроятно, печальныя думы наполняли его душу при этомъ разставаніи: любимое его произведеніе оставалось неисполненнымъ, академія разстроенной, и онъ самъ принужденъ взять въ руки странническій посохъ.

Въ самомъ дѣлѣ, съ этихъ поръ внѣшняя жизнь Леонардо дѣлается совершенно странническою: изъ службы одного государя онъ безпрерывно переходитъ въ службу другаго; безпрерывно мѣняетъ свое мѣстопребываніе, и поэтому неудивительно, если, при оплошности древнѣйшаго его біографа, до насъ дошли только весьма отрывочныя свѣдѣнія о внѣщнихъ обстоятельствахъ этого третьяго періода жизни Леонардо. Разные документы, найденные стараніями новѣйшихъ изслѣдователей въ архивахъ Италіи, пролили конечно неожиданный свѣтъ на этотъ періодъ; тѣмъ не менѣе онъ представляетъ еще много пробѣловъ. Ріо и тутъ не внесъ въ свою книгу никакихъ новыхъ историческихъ изслѣдованій; по его собственнымъ словамъ, онъ, въ послѣдней части біографіи Леонардо, даже «не счелъ своею обязанностью слѣдовать строгому хронологическому порядку» какъ въ изложеніи событій, такъ и въ описаніи произведеній этого художника. Каждый легко пойметъ, сколь вредна для науки подобная произвольная группировка фактовъ: она даетъ каждому писателю возможность представить событія съ совершенно пристрастной точки зрѣнія. Къ сожалѣнію, предѣлы этой статьи не позволяютъ мнѣ изложить подробно внѣшнія судьбы послѣднихъ годовъ жизни Леонардо; ограничусь только указаніемъ на развитіе его художественнаго генія въ эту эпоху.

Послѣ кратковременнаго пребыванія во Флоренціи, Леонардо поступилъ въ 1502 году на службу къ Цезарю Борджіа, герцогу Валантинуа — въ Дофинѐ, (многіе біографы странно ошибаются, называя его Валентиномъ Борджіа) Романьи и Умбріи, въ качествѣ военнаго архитектора и генералъ-инженера.

Тяжки были вѣроятно обстоятельства художника, когда онъ, забывая совершенно искусство, увидѣлъ себя принужденнымъ вступить въ службу къ этому извергу. Такъ думаютъ всѣ біографы Леонардо, но я, впервые, иначе осмѣливаюсь объяснить этотъ поступокъ, повидимому несовмѣстимый съ возвышеннымъ моральнымъ характеромъ Леонардо. Лучшіе и благороднѣйшіе патріоты Италіи, подобно Маккіавелю, видѣли одну возможность спасти Италію отъ постыднаго владычества «сѣверныхъ варваровъ»—Французовъ: чтобы дать ей сильное политическое единство надлежало подчинить ее одному сильному династу. Такимъ являлся напримѣръ Маккіавелю — Цезарь Борджіа; такими глазами смотрѣлъ на него можетъ-быть и Леонардо. На чистоту средствъ, для достиженія подобной цѣли, вѣрнѣйшіе сыны Италіи были неразборчивы. Въ новомъ своемъ званіи Леонардо осмотрѣлъ разныя крѣпости, принадлежавшія Цезарю Борджіи, и съ этою цѣлью объѣхалъ значительную часть средней Италіи. Но эти новыя занятія его не были продолжительны: вслѣдствіе смерти отца Цезаря Борджіи, папы Александра VI, умершаго отъ неосторожно выпитаго яда, которымъ онъ хотѣлъ отравить двѣнадцать кардиналовъ, Цезарь Борджіа, тоже выпившій яду, въ самую критическую минуту своей жизни, сдѣлался боленъ и лишился всѣхъ своихъ владѣній. Леонардо возвратился изъ своихъ путешествій въ 1503 году снова къ себѣ на родину, во Флоренцію, гдѣ провелъ нѣсколько мирныхъ лѣтъ (до 1507). Въ эти немногіе годы втораго пребыванія Леонардо въ этомъ городѣ, онъ создалъ нѣсколько произведеній, играющихъ важную роль въ исторіи искусства.

Еще, можетъ-быть, въ 1501 году, въ кратковременную бытность свою во Флоренціи, Леонардо, узнавъ, что монахи de Servi поручили написать извѣстному живописцу Филиппино Липпи запрестольный образъ, изъявилъ желаніе взять на себя этотъ трудъ. Филиппино съ любезностью, его отличавшею, тотчасъ отступился отъ заказа, и монахи передали его Леонардо, заключивъ съ нимъ контрактъ. Послѣ долгаго времени, Леонардо наконецъ нарисовалъ картонъ для запрестольной картины. Онъ изобразилъ на немъ св. Анну и Мадонну съ Младенцемъ. Когда картонъ былъ публично выставленъ, онъ произвелъ такой восторгъ во Флоренціи, что, по словамъ Вазари, два дня мущины

и женщины, старъ и молодъ, какъ-будто въ торжественной процессіи ходили смотрѣть на это чудо искусства. Тѣмъ не менѣе Леонардо не рѣшился написать его красками и сдалъ заказъ. Кажется въ это время овладѣлъ сильно его вниманіемъ портретъ одной знаменитой флорентійской красавицы: именно Моны Лизы, супруги Франческо дель Джіокондо. Вазари не находитъ словъ изобразить совершенство, съ какимъ Леонардо написалъ ея портретъ. Онъ производилъ на всѣхъ обоятельное дѣйствіе; влажныя очи отличались необыкновеннымъ блескомъ и всѣ детали такой удивительной оконченностью, что казалось подъ кожей можно было видѣть біеніе пульса. Во время сеансовъ, Мону Лизу постоянно окружало общество, которое веселило ее своими разказами, игрою и пѣніемъ, такъ что улыбка никогда не сходила съ ея очаровательнаго лица. Эту улыбку умѣлъ передать великій художникъ такъ прекрасно, что портретъ казался произведеніемъ неземной руки. Зато Леонардо и употребилъ на исполненіе его четыре года и не смотря на то, по увѣренію Вазари, вполнѣ не окончилъ своего труда. Францискъ I, король французскій, заплатилъ за это произведеніе 12,000 ливровъ, необыкновенно большую сумму для того времени, и украсилъ имъ любимый свой замокъ въ Фонтенебло.

Превосходныя произведенія этого божественнаго художника, говоритъ Вазари, породили наконецъ во Флоренціи всеобщее желаніе, чтобы Леонарду порученъ былъ какой-нибудь значительный трудъ, который могъ бы послужить украшеніемъ городу. Весь народъ сочувствовалъ въ тѣ времена искусству и видѣлъ въ его созданіяхъ прославленіе своей родины. Къ счастью, въ это время (въ 1503 г.) окончена была перестройка большой залы для совѣщаній въ Старомъ Дворцѣ, и общественнымъ декретомъ постановлено было украсить ея стѣны картинами изъ отечественной исторіи и передать эти работы Леонарду да Винчи и Микель-Анджело Буонаротти. Тогдашній гонфалоньеръ Пьеро Содерини, большой цѣнитель искусства, поручилъ картину одной стѣны Леонардо, заключивъ съ нимъ контрактъ, и художникъ началъ въ Sta Maria Novella, въ залѣ папы, картонъ, который вскорѣ привелъ въ новый восторгъ, не только всѣхъ художниковъ, но и весь народъ флорентійскій. Оба великіе генія, Леонардо и Микель-Анджело, пошли

своимъ самостоятельнымъ путемъ, и произведенія ихъ — плодъ самаго благороднаго соперничества — сдѣлались образцами, на которыхъ воспитали себя величайшіе художники послѣдующей эпохи.

Сюжетомъ для своей картины Леонардо избралъ одну изъ достославнѣйшихъ страницъ флорентійской исторіи: онъ рѣшился изобразить побѣду, одержанную Флорентійцами надъ войсками миланскаго полководца Никколо Пиччинино, близъ Ангіари 29-го іюня 1440 года.

Со словъ Вазари, весьма неточнаго въ своихъ описаніяхъ, что доказано многими примѣрами, всѣ біографы Леонардо и историки искусства говорили, что Леонардо представилъ въ картинѣ трупу всадниковъ, сражающихся за знамя. Бурная эта сцена была передана съ удивительнымъ совершенствомъ: не только люди, но и лошади, которыхъ съ такою любовью и искусствомъ старался повсюду вводить и изображать Леонардо, дышали яростью, гнѣвомъ и местью, и всѣ детали были переданы съ недостигаемымъ совершенствомъ. Но это *сраженіе за знамя* было, кажется, только однимъ изъ эпизодовъ большаго историческаго картона Леонардо. Именно, до насъ дошла записка, составленная Леонардомъ о его картинѣ и переданная имъ, можетъ-быть, гонфалоньеру, какъ пояснительный документъ для уразумѣнія картона. Изъ нея профессоръ Гуль вывелъ весьма остроумное и новое заключеніе о композиціи знаменитаго картона, оставшееся совершенно неизвѣстнымъ Рію. По его предположенію, сообразно съ текстомъ этой записки, центръ картины занимало изображеніе жаркой битвы, котораго одинъ только эпизодъ — борьба за знамя—извѣстенъ намъ по описанію Вазари и стариннымъ гравюрамъ. Но съ одной стороны этого сраженія представлена была флорентійская армія; передъ нею колѣнопреклоненный патріархъ Аквилейскій, молящій Бога за успѣхъ оружія флорентійскаго, а въ облакахъ является ему св. Петръ. Съ другой же стороны, весьма естественно должна была представляться глазамъ третья часть всей драмы—бѣгство миланскаго войска. Таковъ точный смыслъ записки Леонардо, и безъ сомнѣнія, говоритъ профессоръ Гуль, подобная композиція была во всякомъ случаѣ достойнѣе этого великаго событія, чѣмъ изображеніе простаго эпизода. Компо-

зиція знаменитаго картона Леонардо, вѣроятно, во многомъ, даже въ явленіи на небесахъ, была сходна съ битвою Константина, написаннаго Рафаэлемъ въ Ватиканѣ. Если вспомнимъ огромное вліяніе, которое картонъ Леонардо имѣлъ на художниковъ и на все искусство того времени, то это послѣднее предположеніе пріобрѣтетъ еще бо́льшую вѣроятность, потому что всѣмъ извѣстно, что Рафаэль находился въ числѣ художниковъ, изучавшихъ и даже отчасти копировавшихъ картонъ Леонардо.

Когда картонъ былъ оконченъ, Леонардо приступилъ къ исполненію картины масляными красками на стѣнѣ, подобно Тайной Вечерѣ, но стѣна, плохо подготовленная, вскорѣ испортила начатую работу, и Леонардо, предвидя, что весь его трудъ погибнетъ, если онъ будетъ продолжать, рѣшился отказаться совершенно отъ этого предпріятія, и возвратилъ деньги гонфалоньеру, заключившему съ нимъ условіе, но Содерини ихъ не принялъ. Тогда, впрочемъ въ согласія Флорентійской синьіоріи, Леонардо снова отправился въ Миланъ и вскорѣ вошелъ въ очень дружескія сношенія съ Французскими властями. Содерини и синьіорія, конечно недовольные перерывомъ работы, которая уже при началѣ своемъ заслужила неслыханный успѣхъ, а по окончаніи вѣроятно составила бы одно изъ главнѣйшихъ украшеній города, славнаго, какъ центръ великихъ художественныхъ произведеній, долго еще надѣялись, что Леонардо окончитъ предпринятый трудъ. Но, не смотря на всѣ ихъ настоянія, эти надежды никогда не сбылись, и Флоренція лишилась произведенія, которымъ могла бы самымъ достойнымъ образомъ состязаться съ Миланомъ.

VIII.

Извѣстія о внѣшнихъ обстоятельствахъ жизни Леонардо и его произведеніяхъ съ 1505 до 1519 года снова темны, сбивчивы и чрезвычайно недостаточны. Въ эти послѣдніе годы своей жизни онъ много путешествовалъ: хотя Вазари переходитъ ихъ совершеннымъ молчаніемъ, но въ архивахъ новѣйшіе изслѣдователи нашли много документовъ, доказывающихъ, что онъ жилъ попеременно въ разныхъ мѣстахъ. Такъ въ 1505

году мы находимъ его въ помѣстьѣ его семьи, въ 1506 году, онъ, можетъ-быть, на короткое время былъ во Франціи. До 1512 г. онъ большею частью жилъ постоянно въ Миланѣ, или у графа Мельци въ Вапріо и только дважды посѣтилъ по семейнымъ дѣламъ Флоренцію. Но къ этому періоду относятся тѣ дружескія отношенія Леонардо къ французскимъ властямъ въ Миланѣ, и преимущественно къ Людовику XII, о которыхъ я говорилъ выше. Ріо съ необыкновенною любовью и патріотизмомъ посвятилъ особое вниманіе этимъ отношеніямъ; къ сожалѣнію, его узкій взглядъ и даже самыя его патріотическія чувства придали этой картинѣ, не смотря на многія ея достоинства, совершенно ультрамонтанскій и французскій колоритъ.

Ріо, отвергнувъ съ негодованіемъ названіе *варваровъ*, данное утонченными Италіянцами Французамъ при вторженіи ихъ въ Италію, бросаетъ любопытный взглядъ на исторію искусства во Франціи въ XV вѣкѣ и съ своей точки зрѣнія ставитъ этотъ вѣкъ гораздо выше, чѣмъ эпоху возрожденія. Для него начало XVI столѣтія во Франціи есть моментъ высшаго процвѣтанія національнаго искусства, къ сожалѣнію, слишкомъ кратковременнаго. Франціи, по словамъ Ріо, нечего было завидовать Италіи: въ дѣлѣ архитектуры и миніатюрной живописи она стояла выше ея, въ скульптурѣ достойнымъ образомъ соперничала съ нею и только въ религіозной живописи должна была ей уступить первенство. Кромѣ послѣдняго положенія, всѣ прочія подлежатъ многимъ сомнѣніямъ. Овладѣвъ Миланомъ, французскіе военачальники, продолжаетъ Ріо, вознамѣрились изгладить ненависть, внушаемую народу италіянскому чужеземнымъ игомъ, покровительствуя тѣмъ благороднымъ его наклонностямъ, которыя переживаютъ утрату политической свободы. Послѣ первыхъ тревогъ, художественная дѣятельность въ Миланѣ получила новую жизнь. Поэтому нисколько неудивительно, если лица, стоявшія во главѣ завоевателей, маршалъ Шомонъ и, преимущественно, — Людовикъ XII, самый *христіаннѣйшій* изъ всѣхъ покровительствовавшихъ искусству вѣнценосцевъ Франціи, (по весьма лестному его портрету, созданному нашимъ авторомъ), обратили все свое вниманіе на Леонардо и считали завоеваніе Милана неполнымъ безъ присутствія вели-

каго художника. Видъ его произведеній, которыя тогда въ большомъ числѣ и во всей свѣжести красокъ украшали Миланъ, вѣроятно долженъ былъ возбудить во Французахъ, не имѣвшихъ до тѣхъ поръ понятія о возможности столь великихъ созданій въ религіозной живописи, большой энтузіазмъ. Когда Леонардо, отказавшись мысленно отъ исполненія на стѣнѣ залы Стараго Дворца во Флоренціи своей битвы при Ангіари, отправился въ Миланъ, то ему былъ вѣроятно сдѣланъ отличный пріемъ со стороны его учениковъ, друзей, всѣхъ жителей и самого маршала Шомона. Послѣдній былъ приведенъ въ восторгъ его личностью и засыпалъ его самыми разнообразными заказами. Между нимъ и флорентійской синьіоріей, требовавшей исполненія картины отъ Леонарда, завязалась любопытная дипломатическая переписка, которая до насъ дошла и изъ которой видно, что Леонардо сперва получалъ отъ синьіоріи разныя отсрочки для пребыванія въ Миланѣ, а потомъ совершенно остался въ этомъ городѣ. Вскорѣ Людовикъ XII пожаловалъ ему титулъ *живописца короля Франціи* съ приличнымъ жалованьемъ. Ріо, на неизвѣстномъ мнѣ основаніи, называетъ эти годы — (отъ 1507 до 1511) «апогеемъ славы и счастія Леонардо». Если слова эти не внушены ему его патріотизмомъ или тѣмъ восторгомъ, который преисполняетъ его при мысли, что величайшему религіозному живописцу покровительствуетъ *французскій* король, то они могутъ быть справедливы только относительно матеріально-счастливаго положенія Леонардо. Художественная его дѣятельность были во все это время, повидимому, весьма немногозначительна. Правда, маршалъ Шомонъ поручалъ ему *разныя работы по части рисованія, архитектуры и другихъ дѣлъ, относящихся къ его званію*, а король заказывалъ ему *небольшія картины Мадонны, другіе сюжеты, а можетъ-быть и собственный портретъ* (я заимствую эти слова изъ выше-названной переписки, потому что Вазари вовсе молчитъ о дѣятельности Леонардо въ эту эпоху), но новые покровители не умѣли поручить ему исполненія ни одного монументальнаго произведенія, которое могло бы сравниться съ конной статуей Франческо Сфорцы, Тайною Вечерей или сраженіемъ при Ангіари. Напротивъ, изъ самыхъ точныхъ изслѣдованій мы знаемъ, что Леонардо во все это время тратилъ свой геній на разныя прикла-

ческія и другія, уже совершенно его недостойныя, декораціонныя занятія. Такъ нѣсколько лѣтъ занимался онъ проведеніемъ канала Мартезаны; въ 1509 проводилъ каналъ св. Христофора, близъ Милана, и устроивалъ декораціи великолѣпнаго тріумфальнаго шествія при въѣздѣ Людовика XII въ Миланъ, а позднѣе построилъ шлюзъ въ своемъ новомъ имѣніи и можетъ-быть занимался изученіемъ анатоміи. Хотя Ріо относитъ къ этому періоду множество его произведеній, но по всѣмъ вѣроятностямъ эти картины не болѣе какъ труды учениковъ, сдѣланные по рисункамъ великаго мастера.

Послѣднія событія въ жизни Леонардо намъ тоже очень смутно извѣстны. Владычество Французовъ въ Миланѣ было непродолжительно. Въ 1512 герцогъ Максимиліанъ Сфорца снова овладѣлъ Миланомъ, и Леонардо, вѣроятно вскорѣ послѣ этого, воротился во Флоренцію. Но тутъ онъ пробылъ недолго: въ 1513 году отправился онъ съ Джуліаномъ Медичи и въ сопровожденіи нѣкоторыхъ учениковъ своихъ въ Римъ, гдѣ въ то время вступалъ на папскій престолъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ членовъ дома Медичи — Левъ X. Кажется, онъ имѣлъ намѣреніе остаться надолго въ вѣчномъ городѣ и заняться тамъ большими предпріятіями, но извѣстія наши объ этомъ пребываніи Леонардо такъ темны и сбивчивы, что мы не знаемъ ни его занятій, ни пріема, оказаннаго ему папой, ни встрѣчъ его съ Рафаэлемъ и Микель-Анджело, украшавшими тогда Италію своими безсмертными произведеніями. Хотя Левъ X и поручилъ ему написать картину, но неизвѣстно, исполнилъ ли онъ это порученіе. Папа, воспитанный въ любви къ античному искусству, кажется, питалъ мало сочувствія къ великому религіозному художнику. За то Леонардо имѣлъ удовольствіе найдти большаго почитателя въ одномъ папскомъ важномъ сановникѣ, Бальдасарре Турини изъ Пешіи, для котораго онъ написалъ двѣ небольшія, но, по увѣренію Вазари, превосходныя картины, которыя принадлежатъ къ послѣднимъ произведеніямъ его кисти, и въ то же самое время, этотъ странный, пытливый и всеобъемлющій умъ занимался въ Римѣ изготовленіемъ разныхъ механическихъ игрушекъ, преимущественно же фантастическихъ звѣрей, которыми пугалъ своихъ пріятелей, самымъ старательнымъ приготовленіемъ прочныхъ маслъ и лаковъ для

живописи и глубокими научными проблемами, каково напримѣръ исчисленіе отраженія зеркалъ.

Кажется, что Леонардо недолго оставался въ Римѣ. Но, къ этому послѣднему періоду его жизни Вазари, въ весьма темныхъ и спутанныхъ фразахъ, относитъ его соперничество съ Микель-Анджело. Повидимому, оно началось еще давно, когда обоимъ этимъ великимъ художникамъ Флорентійская синьіорія поручила украшенія большой залы въ Старомъ Дворцѣ; потомъ получило новую пищу при проектѣ сооруженія надгробнаго памятника папѣ Юлію II и, наконецъ, въ третій разъ, можетъ-быть весьма сильно обнаружилось, когда Левъ X захотѣлъ соорудить фасадъ церкви С. Лоренцо во Флоренціи. Все это — предположенія, основанныя на разныхъ рисункахъ, приписываемыхъ Леонардо. Положительныхъ свѣдѣній о враждѣ между этими двумя высокими личностями мы не имѣемъ. Только, послѣ двухгодоваго повидимому пребыванія въ Римѣ, Леонардо является на короткое время во Флоренціи, а въ 1515 въ Миланѣ, гдѣ новыя политическія событія произвели опять благопріятную для Леонардо перемѣну.

Послѣ смерти Людовика XII-го, на французскій престолъ вступилъ юный король, пламенно любившій воинскую славу и искусство. Цѣною побѣды при Мариньянѣ покорилъ онъ себѣ снова Ломбардію. Когда Францискъ I увидѣлъ въ Миланѣ Тайную Вечерю Леонардо, онъ въ порывѣ восторга хотѣлъ перенести ее во Францію, но вслѣдствіе неумѣнья тогдашнихъ механиковъ и архитекторовъ, долженъ былъ отказаться отъ своего желанія и удовольствоваться копіею. Съ этого времени Францискъ вознамѣрился навсегда удержать при себѣ и усвоить Франціи великаго художника. Леонардо сопровождалъ его въ Болонью, гдѣ Францискъ имѣлъ свиданіе со Львомъ X, во Флоренцію и въ разные города Ломбардіи, и, наконецъ, вмѣстѣ съ молодымъ ученикомъ своимъ и другомъ, Франческо Мельци, отправился съ нимъ во Францію, въ качествѣ придворнаго живописца и съ жалованьемъ по 700 скуди въ годъ. Но во Франціи Леонардо, кажется, не занимался никакими новыми художественными предпріятіями: даже король никакъ не могъ уговорить его написать масляными красками знаменитый картонъ св. Анны и Мадонны съ Младенцемъ. Тѣмъ не менѣе его озабочивали ка-

кія-то работы для проведенія канала въ Орлеанне́, близъ Роморантеня, и онъ даже сопровождалъ туда дворъ. Но болѣзнь, такъ часто неразлучная со старостью, приковала его въ последнее время жизни къ одру и, чувствуя приближеніе смерти, онъ 23-го августа 1518 въ замкѣ Клу, близъ Амбуаза, написалъ дошедшее до насъ трогательное завѣщаніе. Высказанными въ немъ убѣжденіями оно всего лучше протестуетъ противъ коварныхъ обвиненій Вазари и краснорѣчивѣе Ріо защищаетъ глубоко-религіозный характеръ великаго художника. Въ этомъ завѣщаніи онъ прежде всего поручаетъ свою душу Господу Богу, Пречистой Дѣвѣ Маріи, Монсиньіору Михаилу и всѣмъ блаженнымъ Ангеламъ и святымъ рая. Потомъ дѣлаетъ распоряженія насчетъ мѣста погребенія и числа панихидъ; завѣщаетъ мессеру Франческѣ да Мельци, миланскому дворянину, свои книги, инструменты и рукописи, относящіеся къ искусству; назначаетъ награжденія своему слугѣ Баттистѣ де Виланисъ и своей служанкѣ и дѣлитъ между своими братьями остальное имущество. Потомъ слѣдуютъ въ духовной разныя другія распоряженія относительно раздачи милостыни, и т. д. 2-го мая великій художникъ скончался на рукахъ своего вѣрнаго и любимаго ученика.

Когда прошли первые порывы глубокой горести, Франческо Мельци написалъ слѣдующее письмо къ братьямъ Леонардо да Винчи: «Амбуазъ, 1-го января 1519 года. Думаю, что до васъ уже дошла вѣсть о смерти мессера Леонардо, вашего брата и моего наилучшаго отца. Не могу высказать, сколько горести мнѣ причинила его кончина, и до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать мое бренное тѣло, мною будетъ владѣть всегдашняя безутѣшность, и по всей справедливости, потому что ежедневно оказывалъ онъ мнѣ самую сердечную и пламенную привязанность. Каждый болѣзненно ощущаетъ смерть такого мужа, какого природа болѣе не въ состояніи произвести. Нынѣ да даруетъ ему всемогущій Богъ вѣчный покой»....

По смерти Леонардо, Франческо Мельци возвратился въ Италію, гдѣ жилъ въ своемъ богатомъ помѣстьи, окруженный множествомъ произведеній своего наставника, которыя онъ сберегалъ какъ святыню, изрѣдка самъ посвящая часы досуга искусству. Онъ-то и сообщилъ бо́льшую часть любопытныхъ біо-

графическихъ свѣдѣній о своемъ великомъ учителѣ его историкамъ Вазари и Ломаццо.

IX.

Трагическая судьба постигла произведенія Леонарда: бо́льшая часть ихъ, и именно всѣ важнѣйшія, безвозвратно погибли. Причины этой гибели весьма многоразличны: однѣ изъ нихъ, еще при жизни художника, были разрушены вслѣдствіе невѣжества завоевателей Италіи, другія исчезли въ недавнее время по нерадѣнію, и, наконецъ, отъ третьихъ осталась почти одна только тѣнь, или вслѣдствіе особыхъ пріемовъ Леонардо при составленіи своихъ красокъ или благодаря варварскимъ реставраціямъ, которымъ ихъ подвергали въ разныя времена.

Оставляя въ сторонѣ инженерные, гидравлическіе и механическіе труды, приведенные имъ въ исполненіе и которыхъ бо́льшая часть извѣстна намъ только по описаніямъ, есть цѣлые разряды художественной дѣятельности Леонардо, о которыхъ, вслѣдствіе этой гибели памятниковъ, мы не имѣемъ никакого понятія. Къ нимъ принадлежатъ, вопервыхъ, его архитектурныя созданія. Изъ построекъ, сооруженныхъ по его планамъ, кажется, ни одна до насъ не уцѣлѣла. Я не знаю, сохранилась ли въ своемъ первоначальномъ видѣ вилла, построенная Леонардомъ для семейства Мельци въ Вапріо. Воздвигнутая имъ великолѣпная конюшня для Гамаццо Сансеверино была разрушена въ 1499 году при вторженіи въ Миланъ Французовъ. Купальня, построенная имъ для герцогини Беатриче, тоже не существуетъ. Тѣмъ не менѣе въ рисункахъ Леонардо сохранились архитектурные планы, которые могутъ дать намъ слабое представленіе объ этой сторонѣ его таланта: изъ нихъ видно, что геній великаго Брунелесски, украшавшаго Флоренцію столь славными произведеніями, какъ и вообще вся архитектура этого города, имѣли на него сильное вліяніе.

Но величайшею потерей для искусства должно считать совершенную гибель скульптурныхъ произведеній Леонардо, какъ произведеній его юности, столь славившихся во Флоренціи, такъ и величайшаго изъ его скульптурныхъ созданій — плода шестнадцати-лѣтнихъ трудовъ и анатомическихъ изученій — колоссальной модели памятника Франческо Сфорцы, по-

гибшей, можетъ-быть, въ глазахъ самого Леонардо. Именно, по вступленіи Французовъ въ Миланъ, гасконскіе стрѣлометы (arbalêtriers) избрали колоссальнаго коня цѣлью своихъ выстрѣловъ и разрушили его. Этотъ грустный фактъ напоминаетъ подобный же поступокъ египетскихъ мамелюковъ, которые въ одну изъ частыхъ войнъ, веденныхъ ими въ прошломъ столѣтіи, взяли знаменитаго колоссальнаго гранитнаго сфинкса близъ большихъ пирамидъ деревни Джизе цѣлью для своихъ пушечныхъ выстрѣловъ! Хорошо, что при этомъ завоеваніи Милана, Французы и съ другимъ произведеніемъ Леонардо не поступили подобно своимъ достойнымъ потомкамъ 1796 года, превратившимъ трапезу монастыря delle Grazie, гдѣ находилась Тайная Вечеря, въ конюшню! Гибель колоссальнаго коня Леонардо тѣмъ болѣе достойна сожалѣнія, что и его анатомическіе эскизы лошадей также всѣ потеряны. Изъ пластическихъ достовѣрныхъ его произведеній до насъ дошли только три бронзовыя фигуры надъ сѣверною дверью крестильни или баптистерія во Флоренціи, но и они сочинены только по указаніямъ Леонардо, а вылиты изъ бронзы художникомъ Рустичи. Можетъ-быть, статуэтка изъ слоновой кости, находящаяся въ собраніи Тьера въ Парижѣ, и женскій бюстъ въ музеѣ города Лилля суть произведенія его рѣзца, но это предположеніе основано только на сходствѣ ихъ художественнаго стиля съ Леонардовымъ.

Гораздо лучше, хотя далеко не полное и всеобъемлющее понятіе можемъ мы составить себѣ о Леонардо, какъ живописцѣ. Мы обязаны этимъ Вазари, который оставилъ намъ исчисленіе, описаніе и характеристику многихъ его произведеній, относящихся ко всѣмъ періодамъ жизни художника. Но и эти подлинныя картины списка Вазари, лежащаго въ основаніи всѣхъ новѣйшихъ трудовъ о Леонардо, раздѣляютъ большею частію судьбу всѣхъ прочихъ его созданій. Такимъ образомъ, какъ я уже сказалъ выше, погибли, кромѣ одной, всѣ юношескія картины, написанныя имъ до переселенія въ Миланъ. Къ этому числу принадлежитъ, вопервыхъ, подробно описываемая Вазари круглая доска, на которой, по просьбѣ одного крестьянина, Леонардо въ шутку написалъ какое-то баснословное чудовище, составленное изъ жабъ, змѣй, летучихъ мышей, и т. д. Съ этою цѣлью завелъ онъ въ своей комнатѣ

цѣлый звѣринецъ подобныхъ гадовъ и работалъ съ натуры такъ ревностно, что вовсе не замѣчалъ зловонной атмосферы, которую они распространяли. Когда отецъ Леонардо увидѣлъ въ первый разъ въ искусно разсчитанномъ освѣщеніи эту картину, онъ, не разглядѣвъ, сначала испугался, а потомъ продалъ ее за хорошую цѣну флорентійскимъ купцамъ, отъ которыхъ она вскорѣ перешла во владѣніе герцога Миланскаго. Замѣчательно, что уже въ этомъ первомъ, самостоятельномъ произведеніи Леонардо, высказались два главныя качества, отличающія его живопись и во всѣ позднѣйшія эпохи развитія: это, именно, необыкновенная тщательность отдѣлки и строгое, неутомимое, не устрашаемое никакими препятствіями изученіе природы.

Вѣроятно успѣхъ этого произведенія побудилъ Леонардо вскорѣ приступить ко второму, подобнаго же рода произведенію, для котораго мотивомъ послужилъ ему сюжетъ изъ античнаго міра: это была отрубленная голова Медузы, съ волосами, полными змѣй, лежащая на землѣ и покрытая разными гадами. Смертоносное дыханіе изходило изъ ея устъ. Вѣроятно Леонардо хотѣлъ произвести этою картиной, задуманной гораздо глубже первой, то же впечатлѣніе, какое, по разказамъ древнихъ, производила голова этого чудовища. Во времена Вазари эта, по его словамъ неоконченная, картина находилась въ числѣ художественныхъ сокровищъ во дворцѣ герцога Козмы Медичи во Флоренціи. Правда, подъ этимъ названіемъ существуетъ еще до сихъ поръ картина въ галлереѣ Уффицій, выдаваемая за оригинальное произведеніе Леонардо и гравированная подъ его именемъ, но я совершенно раздѣляю мнѣніе новѣйшихъ критиковъ, что это — превосходная копія XVI-го вѣка, можетъ-быть даже еще позднѣйшаго времени, потому что по особенностямъ исполненія она вовсе не можетъ принадлежать XV-му вѣку.

Къ числу давно погибшихъ или затерянныхъ въ новѣйшее время произведеній Леонардо этой эпохи, исчисляемыхъ Вазари, относятся еще: поясное изображеніе ангела, замѣчательное по раккурсу, купленное неизвѣстно кѣмъ у тосканскаго правительства и нынѣ неизвѣстно гдѣ находящееся. Говорятъ, эта картина была очень попорчена. Далѣе, два картона: одинъ, изображащій Нептуна на взволнованномъ морѣ, окру-

женнаго нереидами, тритонами и другими фантастическими чудовищами, былъ сдѣланъ художникомъ для его друга Антоніо Сеньи, котораго наслѣдникъ подарилъ этотъ рисунокъ мессеру Джіованни Гадди. Позже художественныя коллекціи дома Гадди были распроданы, и картонъ Леонардо исчезъ безъ вѣсти. Другой картонъ нарисованъ по заказу, чтобы по немъ была выткана во Фландріи золотомъ и шелкомъ занавѣсь для дверей, которую намѣревались принести въ даръ королю португальскому. На ней изображено было грѣхопаденіе первыхъ людей и всѣ детали очаровательнаго ландшафта были исполнены съ необыкновенною естественностью и тщательностью. Но ткань не была приведена въ исполненіе, и дядя Леонардо подарилъ картонъ Оттавіану Медичи, у котораго онъ и находился во времена Вазари. Неизвѣстно, когда и гдѣ онъ погибъ. Наконецъ, въ эту же эпоху Леонардо написалъ превосходную Мадонну, возлѣ которой, въ числѣ прочихъ окружавшихъ ее предметовъ, находился и графинъ съ воткнутыми въ него цвѣтами, на которыхъ дрожали удивительно живо написанныя капли росы. Эта Мадонна сперва принадлежала папѣ Клименту VII, потомъ новѣйшіе изслѣдователи исторіи видѣли ее въ галлереѣ Боргезе въ Римѣ. Нынѣ ея тамъ нѣтъ, и мѣстонахожденіе ея неизвѣстно.

Подобную же жалкую участь имѣли и произведенія высшей эпохи художественнаго развитія Леонардо. Запрестольная картина, Рождество Спасителя, написанная имъ въ Миланѣ по просьбамъ Людовика Моро и отправленная послѣднимъ въ даръ императору Максимиліану, кажется тоже пропала безъ вѣсти, потому что въ Императорской галлереѣ въ Вѣнѣ ея нѣтъ. Превосходные портреты семейства Людовика Моро, именно его самого, его супруги и двухъ ихъ сыновей, написанные Леонардомъ масляными красками на стѣнѣ или, можетъ-быть, на двухъ простѣнкахъ трапезы монастыря Sta Maria delle Grazie, погибли по неизвѣстной намъ причинѣ. Нынѣ эти стѣны окрашены бѣлою краской. И мастерское произведеніе его вторичнаго многолѣтняго пребыванія во Флоренціи, знаменитый картонъ Сраженія при Ангіари былъ уничтоженъ самымъ варварскимъ образомъ: во все теченіе шестнадцатаго вѣка онъ служилъ школою даже для величайшихъ художниковъ всѣхъ народовъ. Но

эти же художники разрѣзали его на части, вѣроятно для того, чтобы удобнѣе дѣлать съ него свои этюды, и оттого эти драгоцѣнныя частицы погибли безвозвратно. Рубенсъ, въ бытность свою въ Италіи, видѣлъ вѣроятно одну изъ этихъ частей, изображавшую эпизодъ битвы за знамя и передалъ ее въ свойственномъ ему стилѣ. Рисунокъ Рубенса былъ гравиранъ Эделинкомъ и извѣстенъ всѣмъ любителямъ гравированія. Слабая копія, находящаяся въ Флорентійской галлереѣ, и еще двѣ старинныя гравюры (всѣ эти изображенія разнорѣчатъ между собою и съ Вазари) хотя и считаются напоминаніемъ великаго погибшаго созданія Леонардо, но въ сущности не даютъ никакого опредѣленнаго о немъ понятія. Небольшой фрагментъ, начатый имъ послѣ окончанія картона этого сраженія масляными красками на стѣнѣ Стараго Дворца, долго сохранялся какъ святыня. Даже когда въ 1513 году Флорентійская синьіорія потеряла всякую надежду на окончаніе великаго произведенія, она приказала, для лучшаго сбереженія, огородить его деревянною стѣной. Въ послѣдствіи и это драгоцѣнное сокровище кисти Леонардо было уничтожено невѣдомыми руками, и посредственные художники, которые дерзновенно ставили себя выше всѣхъ великихъ предшественниковъ, покрыли стѣны Стараго Дворца своими ничтожными произведеніями.

Наконецъ изъ двухъ послѣднихъ картинъ, написанныхъ Леонардомъ уже въ старости, и принадлежавшихъ Бальдассарре Турини, одна — изображеніе Мадонны, вслѣдствіе страннаго приготовленія красокъ самимъ художникомъ, была очень испорчена уже во времена Вазари, а другая — представлявшая младенца необыкновенной красоты, погибла безъ вѣсти. Отъ обѣихъ не осталось никакихъ слѣдовъ.

X.

Послѣ этой грустной и плачевной исторіи гибели величайшихъ произведеній Леонарда, отрадно бросить взглядъ на сохранившіяся его созданія, о которыхъ упоминаетъ Вазари. Къ сожалѣнію, число ихъ очень ограниченно: ихъ только шесть. По странной игрѣ случая, картина Верроккіо, учителя Леонардова, изображающая Крещеніе Спасителя, въ которой ученикъ

нарисовалъ одного изъ ангеловъ, дошла до нашихъ дней и находится въ галлереѣ Академіи Художествъ во Флоренціи. Это вѣроятно одинъ изъ самыхъ первыхъ опытовъ Леонарда, въ которыхъ даже не могло высказаться его самостоятельное направленіе, между тѣмъ въ противоположность къ наставнику въ этой одной фигурѣ уже проявляется особенность его кисти. Фигуры, написанныя самимъ Верроккіо въ этой картинѣ, отличаются жесткостью и сухостью, между тѣмъ какъ ангелъ Леонарда исполненъ жизни и выраженія; въ особенности замѣчательны тщательною отдѣлкой волоса. Къ числу юношескихъ произведеній Леонардо, вопреки мнѣнію Вазари, новѣйшіе изслѣдователи относятъ портретъ Джиневры Бенчи, который изъ владѣнія семейства Никколини перешелъ въ галлерею дворца Питти во Флоренціи, гдѣ находится и теперь. Онъ сильно пострадалъ отъ невѣжественной реставраціи. Но самое замѣчательное, дошедшее до насъ произведеніе юношескаго періода Леонардо во Флоренціи есть большая неоконченная картина, изображающая *Поклоненіе волхвовъ*, которая первоначально находилась въ домѣ Америго Бенчи, что̀ указываетъ на раннія дружескія отношенія художника къ этому дому, а оттуда перешла во Флорентійскую галлерею Уффицій. Тутъ же хранится очеркъ всей композиціи, сдѣланный перомъ рукою Леонарда. Эта картина, чрезвычайно замѣчательная по красотѣ, богатству и выразительности группъ, особенно важна въ томъ отношеніи, что по ней можно изучить, какимъ образомъ Леонардо приступалъ къ исполненію своихъ произведеній.

Не знаю, долженъ ли я причислить знаменитую Тайную Вечерю Леонардо къ числу погибшихъ или сохранившихся его картинъ. Одни изъ новѣйшихъ изслѣдователей видѣли въ жалкихъ остаткахъ ея на стѣнѣ трапезы монастыря Sta Maria delle Grazie еще слѣды кисти Леонарда; другіе, подобно Куглеру, отрицали ихъ совершенно и выходили изъ залы съ глубочайшею грустью. Но чѣмъ болѣе всматривался я въ это удивительное созданіе, тѣмъ болѣе слабыя очертанія его принимали въ глазахъ моихъ опредѣленный характеръ, и изъ развалины глубочайшаго произведенія религіозной живописи возникали недостигнутыя ни однимъ художникомъ красоты. Босси написалъ о трагической судьбѣ этой картины цѣлый огромный фоліантъ, въ

которомъ подробно разказалъ не только исторію ея происхожденія и ея реставрацій, но описалъ и всѣ съ нея сдѣланныя копіи. Здѣсь я могу только указать на замѣчательнѣйшіе моменты этой исторіи. Уже то обстоятельство, что Леонардо выбралъ для исполненія ея на стѣнѣ масляныя краски, а не al fresco, предвѣщало этому произведенію особую судьбу: время доказало, что выборъ художника былъ несчастенъ. Два обстоятельства, кажется, побудили его къ этому: онъ не любилъ фресковую живопись, потому что она требуетъ быстраго и рѣшительнаго исполненія, которое не соотвѣтствовало его характеру, и, вовторыхъ, исполняя ее масляными красками, онъ могъ придать своему произведенію необыкновенную рельефность, къ которой всегда стремился, и окончить ее съ величайшею тщательностью въ малѣйшихъ деталяхъ. Но для того, чтобы писать масляными красками на стѣнѣ, надлежало всю стѣну покрыть особоприготовленною мастикой. Съ теченіемъ времени, и преимущественно въ наши дни, эта мастика начала трескаться и кусками вмѣстѣ съ красками спадать со стѣны. Кромѣ того Леонардо любилъ самъ изобрѣтать новые способы приготовленія красокъ, отчего бо́льшая часть его картинъ сильно пострадали. Вслѣдствіе этихъ несчастныхъ обстоятельствъ большая фреска, написанная на противоположной Тайной Вечерѣ стѣнѣ обыкновеннымъ способомъ посредственнымъ живописцемъ Монторфано въ 1495 г., отлично сохранилась, а геніальное произведеніе Леонардо погибло безвозвратно. Далѣе, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, оказывается, что зданія монастыря были поспѣшно и плохо выстроены, и именно стѣна, на которой написана Тайная Вечеря, была сыра, да и кромѣ того положеніе ея въ высшей степени неблагопріятно, потому что за нею находилась кухня. Ко всему этому присоединились еще другія невзгоды: вскорѣ послѣ окончанія картины, въ 1500 году, въ Миланѣ произошло наводненіе, которое на значительную высоту наполнило и трапезу, впрочемъ не коснувшись самой картины. Но уже и безъ того сырая стѣна напиталась еще болѣе сыростью. Во время чумы миланской, трапеза была вѣроятно заброшена. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ несчастныхъ обстоятельствъ Тайная Вечеря въ половинѣ XVI вѣка уже почти не существовала: Вазари, видѣвшій ее въ Миланѣ въ 1566 году, называетъ

ее просто: пятномъ изъ красокъ. Въ какомъ небреженіи находилось у доминиканскихъ монаховъ это славное и несчастное созданіе, какую цѣну они ему приписывали, въ какомъ жалкомъ положеніи находилась сама картина, можно заключить изъ того, что въ 1652 г. монахи, для удобства сообщенія столовой съ кухнею, приказали пробить въ стѣнѣ, на которой она написана, дверь, и при этомъ случаѣ прехладнокровно уничтожили ноги сидящихъ въ срединѣ картины. Въ 1726 году бездарный живописецъ Беллоти, говоря, что хочетъ оживить картину новымъ лакомъ, реставрировалъ ее самымъ варварскимъ образомъ; но еще болѣе пострадала она въ 1770 г. отъ реставраціи ничтожнѣйшаго живописца Маццы. Въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія, когда французскія войска овладѣли Италіею, французскіе генералы, не обращая вниманіе на приказаніе Бонапарте, превратили трапезу въ конюшню; позднѣе она служила сѣннымъ сараемъ, а въ двадцатыхъ годахъ складочнымъ магазиномъ для селитры, и т. д. Только въ очень недавнее время трапеза была очищена и приставленъ смотритель или кустодъ для храненія жалкой развалины. Въ 1857 году нынѣшній императоръ Австрійскій, во время пребыванія своего въ Миланѣ, отдалъ приказаніе еще разъ раставрировать Тайную Вечерю, но, по увѣренію австрійскихъ газетъ, нынѣшняя реставрація будетъ касаться только укрѣпленія спадающихъ частей картины.

Изъ этого краткаго очерка судебъ Тайной Вечери легко убѣдиться, что подлинная картина Леонардо давно уже не существуетъ. Но кто, по слабому ея остатку въ монастырѣ delle Grazie захотѣлъ бы возсоздать воображеніемъ по крайней мѣрѣ главныя черты великаго оригинала, тотъ найдетъ матеріалы для подобнаго возсозданія въ многочисленныхъ копіяхъ и картонахъ, къ счастію до насъ дошедшихъ. Оригинальный рисунокъ всей композиціи находится въ Луврскомъ музеѣ въ Парижѣ; другіе очерки для нея въ Венеціанской Академіи Художествъ. Изъ современныхъ, болѣе или менѣе вѣрныхъ копій, когда оригиналъ находился еще въ хорошемъ состояніи, лучшія принадлежатъ ученику Леонарда—Марко д'Оджіоне. Копія, сдѣланная первымъ художникомъ школы Леонардо — Бернардино Луини для Франциска I, къ сожалѣнію, погибла. Но луч-

шее, что̀ осталось намъ отъ Тайной Вечери, одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ новаго искусства, это — картоны отдѣльныхъ головъ картины. Къ нимъ принадлежитъ, вопервыхъ, оригинальный этюдъ головы Спасителя, исполненный краснымъ и чернымъ карандашами и находящійся нынѣ въ галлереѣ Брера въ Миланѣ. Этотъ этюдъ сдѣланъ художникомъ до написанія картины, и какъ въ выраженіи, такъ въ формахъ и деталяхъ разнится во многомъ отъ большой оригинальной картины. Второй разрядъ картоновъ составляютъ рядъ отдѣльныхъ головъ, съ частью туловища и означеніемъ рукъ, числомъ тринадцать, какъ въ оригинальной картинѣ; изъ нихъ десять головъ учениковъ Спасителя находятся въ Веймарѣ, а не въ Петербургѣ, какъ увѣряетъ Ріо, которому, какъ спеціалисту, слѣдовало бы знать, что они изъ картинной галлереи короля нидерландскаго въ Гагѣ перешли во владѣніе наслѣдной великой герцогини веймарской, во дворцѣ которой я имѣлъ счастіе ихъ видѣть во время одного изъ моихъ путешествій по Германіи, а остальныя три головы принадлежатъ какой-то дамѣ въ Англіи, гдѣ ихъ однако не могли открыть даже лучшіе новѣйшіе знатоки искусства. Видѣнные мною картоны въ Веймарѣ, дающіе совершенно полное понятіе объ остальныхъ двухъ или трехъ, слегка расцвѣчены немногими красками и потомъ окончены чернымъ карандашемъ. И они во многихъ мѣстахъ реставрированы, что̀ легко различитъ опытный глазъ. Только голова отдѣлана въ нихъ тщательно; верхняя же часть тѣла и руки большею частью набросаны. Одна особенность этихъ картоновъ (очень неудачно составленныхъ и развѣшенныхъ въ двухъ рамкахъ подъ стекломъ въ Веймарѣ) чрезвычайно меня поразила: именно возлѣ многихъ лицъ слегка обозначены руки слѣдующихъ въ картинѣ фигуръ, хотя и ясно видно, что отдѣльные листы, на которыхъ нарисованы эти лица, одного неразрывнаго цѣлаго между собой не составляютъ. Это обстоятельство заставляетъ меня предполагать, что картоны эти, и по исполненію весьма различные отъ оригинальной головы Спасителя въ Брерѣ, не суть разрѣзанныя части того одного оригинальнаго картона, по которому Леонардо написалъ свою большую картину на стѣнѣ монастырской трапезы, но рисунки, сдѣланные или по оригиналу, или по оригинальному рисунку съ

самостоятельною цѣлью. Поэтому, какъ вслѣдствіе этого внѣшняго обстоятельства, такъ и вслѣдствіе различія стиля, я осмѣливаюсь, въ противоположность мнѣнію глубокоуважаемыхъ мною Куглера, Штарка и Ваагена, не приписывать ихъ Леонардо, въ чемъ подтверждаютъ меня и слова Пассавана. «Я не знаю, кто нарисовалъ эти картоны, сказалъ мнѣ однажды этотъ глубочайшій знатокъ итальянской живописи, когда я сообщалъ ему свои замѣчанія, но это лучшее, что̀ дошло до насъ отъ Тайной Вечери.» Въ самомъ дѣлѣ, по величію формъ, моделировкѣ, живости и глубинѣ чувства, эти рисунки одни могутъ дать понятіе о томъ, что̀ было великое оригинальное созданіе. Вотъ почему я осмѣливаюсь убѣдительно просить тѣхъ, кто желаетъ познакомиться съ Тайною Вечерей Леонардо и не въ состояніи видѣть ни оригиналъ въ Миланѣ, ни ея копію и рисунки, не прибѣгать къ ея изученію по знаменитому въ исторіи гравированія эстампу Рафаэля Моргена, недостойному своей повсюду распространенной славы. Этотъ художникъ гравировалъ ее по рисунку, сдѣланному другимъ художникомъ — Маттеини, и даже не только во многомъ отступилъ и отъ этого рисунка, но самъ произвольно фантазировалъ своимъ однообразнымъ рѣзцомъ. Тотъ, кто знакомъ со всѣми вышеназванными мною источниками для возсозданія великаго творенія Леонардо, безъ труда согласится со мною, что гравюра Моргена, которой, со словъ другихъ, безотчетно покланяются и у насъ, есть не воспроизведеніе Тайной Вечери Леонардо, а скорѣй каррикатура ея.

Изъ произведеній послѣдняго періода художественной дѣятельности Леонардо, до насъ дошли двѣ важныя его оригинальныя картины. Картонъ, изображающій св. Анну и Пречистую Дѣву со Спасителемъ и Іоанномъ Крестителемъ, который отлично сохраненъ и находится въ Королевской Академіи Художествъ въ Лондонѣ. Онъ въ высшей степени достоинъ удивленія по высокому и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно пріятному выраженію головъ. Я уже выше сказалъ, какой восторгъ произвела выставка этого картона во Флоренціи. Вторая картина есть знаменитый портретъ Моны Лизы, супруги Джіокондо, друга Леонардо, которую Вазари называетъ «божественнымъ явленіемъ.» Онъ находится нынѣ въ картинной галлереѣ Лув-

ра, и хотя Леонардо работалъ надъ нимъ четыре года, но всетаки оставилъ его неоконченнымъ. Не смотря на очень испорченное нынѣшнее его состояніе, необыкновенно пріятныя черты этой красавицы производятъ чарующее впечатлѣніе на зрителя. Неискусная реставрація лишила этотъ портретъ всѣхъ теплыхъ тоновъ лица, такъ что остались одни сѣрые тоны и удивительная моделировка. Въ особенности хорошо сохранились дивно граціозныя руки, написанныя съ необычайной тщательностью.

Наконецъ одинъ изъ неоцѣненныхъ кладовъ, дошедшихъ до насъ отъ великаго художника, это — очень большое количество оригинальныхъ рисунковъ Леонардо, хранящихся въ различныхъ собраніяхъ Парижа, Милана и Италіи. Всѣ они имѣютъ свою исторію, но бо́льшая часть ихъ до сихъ поръ еще не изслѣдована и не описана новѣйшими знатоками искусства, такъ что будущій біографъ великаго художника найдетъ въ этихъ драгоцѣнныхъ коллекціяхъ новые и непочатые матеріалы для исторіи развитія его генія.

Но кромѣ дошедшихъ до насъ, подлинныхъ произведеній Леонардо, во всѣхъ замѣчательныхъ европейскихъ галлереяхъ есть множество картинъ, которыя съ бо́льшимъ или ме́ньшимъ правомъ носятъ имя великаго художника. Сколь велико число всѣхъ вообще существующихъ подъ его именемъ произведеній, можно судить по подробному каталогу ихъ, тщательно составленному, на основаніи указаній нѣмецкихъ ученыхъ, французскимъ историкомъ искусства Риголло. Упоминать о девяносто пяти картинахъ Леонардо, имъ описываемыхъ, или входить по поводу многихъ аттрибуцій Ріо въ подробное изложеніе моихъ, не сходящихся съ нимъ мнѣній, я считаю невозможнымъ въ ограниченныхъ предѣлахъ этой статьи. Тутъ каждому открывается весьма обширное поприще для остроумныхъ предположеній, если дѣло идетъ даже о такихъ картинахъ, каковы: La Vierge aux Rochers въ Луврѣ или одна изъ безчисленныхъ Иродіадъ, находящихся въ Вѣнѣ, Флоренціи или Англіи. Составить пересмотрѣнный каталогъ подлинныхъ произведеній Леонардо—есть дѣло будущаго его біографа. Жаль, что Пассаванъ, во время полнаго развитія своихъ силъ, не взялъ на себя этой работы: никто, послѣ долговременнаго пребыванія въ Италіи и многихъ путешествій по Европѣ, не былъ лучше къ тому приго-

товленъ. Это доказываютъ его примѣчанія къ нѣмецкому переводу Вазари, замѣтки о произведеніяхъ Леонардо, находящихся въ Англіи, статья о Миланской школѣ и наконецъ записки о картонахъ Леонардо, сообщенныя имъ въ рукописи г-ну Риголло. Нынѣ, глубокая его старость и глазная болѣзнь не подаютъ ни малѣйшей надежды на осуществленіе подобной мысли.

Таковы многочисленныя и разнообразныя трудности, которыя представляетъ одна внѣшняя исторія жизни и произведеній Леонардо. Изъ предыдущихъ замѣчаній легко вывести заключеніе, что Ріо далеко не устранилъ ихъ. А между тѣмъ отъ всесторонняго разрѣшенія ихъ и преимущественно отъ созданія строгой хронологіи, исчисляемыхъ и не упоминаемыхъ у Вазари, подлинныхъ произведеній Леонардо, отъ глубокаго разрѣшенія ихъ характеристическихъ особенностей, зависитъ и разрѣшеніе другой стороны истинной біографіи этого великаго художника: именно — исторія постепеннаго развитія его артистической личности; обнаруженіе элементовъ, изъ которыхъ она сложилась; характеристика того отношенія, въ какомъ Леонардо находится къ предыдущимъ и современнымъ ему школамъ, и наконецъ того мѣста, которое онъ занимаетъ въ исторіи искусства. Ясно, что эстетическія воззрѣнія на его созданія тогда только будутъ прочны, когда будутъ основаны на фактическомъ изученіи его жизни и произведеній. Ріо, не подвергнувъ новымъ глубокомысленнымъ изслѣдованіямъ и соображеніямъ эту внѣшнюю сторону біографіи Леонардо, даже и не подумалъ объ отвѣтѣ на всѣ предыдущіе вопросы. Вотъ почему въ началѣ этой статьи я сказалъ, что въ книгѣ Ріо нѣтъ эстетической оцѣнки произведеній Леонардо. Только счастливый избранникъ неба, который, соединяя въ себѣ таланты историка съ качествами глубокаго мыслителя, обоймётъ въ своемъ трудѣ обѣ стороны этой задачи, только тотъ создастъ истинную біографію великаго генія, достойную его памяти, его славы и произведеній.

К. Гёрцъ.

ПЕРЕПИСКА Н. М. КАРАМЗИНА

съ 1799 по 1826 годъ.

(Продолженіе.)

—

135.

С.-Петербургъ, 20 октября 1816.

Мы уже недѣли три въ городѣ, гдѣ пустые визиты и печатаніе Исторіи отнимаютъ у меня время. Хлопотно и скучно. Жалѣю о Москвѣ; жалѣю о Царскомъ Селѣ, и Петербургъ сдѣлался мнѣ почти противенъ. Хотѣлось бы дожить вѣкъ въ тишинѣ и покоѣ, а здѣсь едва ли могу имѣть ихъ. Между тѣмъ благодарю Бога за то, что мы здоровы.

Представленія губернаторовъ о наградахъ за услуги 1812 года лежатъ у министра полиціи; но когда будетъ объ нихъ докладъ, неизвѣстно. Обѣщаютъ!

Государь возвратился 18 числа. Не знаю, буду ли имѣть счастіе видѣть его. Въ военной типографіи печатаютъ мою Исторію весьма неисправно и дѣлаютъ мнѣ досады, къ которымъ я не привыкъ. Надобно все испытать въ жизни!

Братъ Александръ Михайловичъ здѣсь уже съ мѣсяцъ и въ безпокойствѣ: двое изъ его сыновей нездоровы. Онъ живетъ отъ насъ далеко и почти не выѣзжаетъ. Ѣзжу къ нему раза два въ недѣлю.

Пишите ко мнѣ, любезнѣйшій братецъ, *въ домъ Баженовой, въ Захарьевской улицѣ, близь Литейнаго Двора.*

Мы довольны квартирою. Не знаю, будетъ ли тепла. — Если Богъ благословитъ изданіе моихъ трудовъ, то надѣюсь провести остатокъ жизни въ Москвѣ. Впрочемъ да будетъ Его святая воля!

136.

С.-Петербургъ, 10 дек. 1816.

Сердечно благодарю васъ за письмо отъ 12 ноября. Не такъ бывало, когда мы жили въ Москвѣ: теперь черезъ семь недѣль получаю

отъ васъ отвѣтъ. Живемъ здѣсь почти такъ же, какъ въ Москвѣ: то-есть, большею частью уединенно. Раза три обѣдалъ я у Вдовствующей Императрицы. Государя не вижу. Въ свѣтѣ же быть нѣтъ охоты. Напримѣръ, послѣ завтра великолѣпный балъ при Дворѣ; насъ звали, но мы не поѣдемъ, между прочимъ и для того, что я все нездоровъ: уже въ третій разъ простужаюсь. Да и дѣти часто хворяютъ; особенно теперь Катенька своимъ кашлемъ безпокоитъ насъ. Намъ было бы гораздо лучше и спокойнѣе въ Москвѣ; но Богъ судилъ иначе: должно покориться Его волѣ. Безпрестанное чтеніе корректуръ тупитъ мое зрѣніе; а еще цѣлый годъ надобно читать! — Братъ Александръ Михайловичъ все еще не можетъ совершенно успокоиться насчетъ Мишина здоровья: ему лучше, но болѣзнь еще не прошла. По частому моему нездоровью вижусь рѣдко съ братомъ, которому хотѣлось бы поскорѣе отсюда убраться. — О вѣстяхъ писать нечего. Вы читаете газеты: слѣдственно знаете все, что̀ мнѣ извѣстно. Слава Богу, что въ свѣтѣ мало шума. Это худо для однихъ журналистовъ. Какъ состояніе нашихъ финансовъ ни затруднительно, но Государь, какъ слышно, никакъ не хочетъ обременять народа новыми налогами: за то ему спасибо.

137.

С.-Петербургъ, 16 февр. 1817.

Давно я не писалъ къ вамъ, винюсь передъ собою. Часто бываю нездоровъ; безпокоюсь о дѣтяхъ, часто нездоровыхъ; хлопочу съ типографіями; съ утра до вечера занимаюсь корректурами — и время проходитъ. Веселья для меня уже нѣтъ въ свѣтѣ: благодарю Бога за нѣкоторыя минуты тихія и пріятныя. Ѣздить лѣнюсь. По праздникамъ бываю во дворцѣ, съ поздравленіемъ, или на̀ балѣ; въ двѣ недѣли разъ обѣдаю у Вдовствующей Императрицы. Государя вижу издали. Только одинъ разъ онъ сказалъ мнѣ нѣсколько пріятныхъ словъ; но на сихъ дняхъ изъявилъ мнѣ большую милость тѣмъ, что по моей просьбѣ велѣлъ причислить къ герольдіи одного дѣйствит. статск. совѣтника, удаленнаго отъ дѣлъ. Будучи связанъ пріязнію съ этимъ человѣкомъ, я осмѣлился написать къ Императору письмо, которое имѣло счастливое дѣйствіе. Это обрадовало и тронуло меня до глубины сердца. Буду любить его, пока живу въ свѣтѣ. Люди здѣсь довольно привѣтливы; но я уже старѣюсь и не имѣю охоты таскаться изъ дому въ домъ. Иногда посѣщаютъ насъ пріятели, и мы проводимъ вечера не скучно. Думаемъ, напечатавъ Исторію, возвратиться въ Москву, чтобы тамъ кончить жизнь. Жена моя должна родить въ августѣ, потому не знаю, будемъ ли въ Царскомъ Селѣ. Корректуры также привязываютъ меня къ городу. Братъ Алекс. Михайловичъ уѣ-

халъ съ горестнымъ сердцемъ, схоронивъ сына. Вотъ наши вѣсти, любезнѣйшій братецъ! Какъ вы поживаете? Зима здѣсь чрезвычайная, и во всей Европѣ опасаются новаго неурожая.

Посылаю къ вамъ съ благодарностію 600 р. процентовъ, съ горячностію обнимая васъ и любезную нашу заимодавицу. Будьте здоровы и спокойны духомъ. Мнѣ грустно, что я давно ничего объ васъ не знаю.

138.

С. Петербургъ, 27 марта 1817.

Христосъ Воскресе! Отъ всего сердца поздравляемъ васъ, я, жена и дѣти, съ свѣтлымъ праздникомъ, также и любезную Оленьку. Будьте здоровы, спокойны и благополучны.

Я еще не имѣю отвѣта вашего на мое послѣднее письмо со вложеніемъ шестисотъ рублей. Надѣюсь, что оно дошло до васъ.

Живемъ какъ и прежде, болѣе семейственно, нежели въ свѣтѣ. Иногда заглядываю во дворецъ; бываю у милостивой ко мнѣ Императрицы Вдовствующей, а Государя вижу мелькомъ; однакожь онъ изъявляетъ милостивое къ намъ вниманіе, когда встрѣтится съ нами.

Впрочемъ съ утра до вечера занимаюсь изданіемъ моей Исторіи, то-есть печатаніемъ; это еще продолжится около года. Тогда, если будемъ живы, возвратимся въ Москву, чтобы кончить жизнь въ тишинѣ.

Простите, любезнѣйшій братецъ! здѣшнія новости состоятъ въ новомъ уставѣ о продажѣ вина. Готовятъ также учрежденіе какого-то банка для *погашенія долговъ*, то-есть уменьшенія ассигнацій, и проч.

139.

Царское Село, 22 мая 1817.

Вы теперь еще далѣе отъ насъ, и Богъ знаетъ, когда получите это письмо.

На сихъ дняхъ мы переѣхали въ Царское Село, въ тотъ же домикъ. Наслаждаемся прекраснымъ мѣстомъ и прекраснымъ временемъ. Императрицы обошлись съ нами милостиво: мы у нихъ были съ поклономъ и обѣдали въ Павловскѣ; а Государя видѣли въ саду: онъ также милостиво разговаривалъ съ нами. Впрочемъ, думаемъ жить уединенно, и здѣсь главнымъ дѣломъ моимъ будетъ печатаніе Исторіи: изъ города присылаютъ ко мнѣ корректуры. Теперь печатаютъ 2, 3, 4, 5 и 6-й томы; готовъ одинъ первый; надѣюсь однакожь, что все кончится къ декабрю—и тогда немедленно отправлю къ вамъ, любезнѣйшій братецъ, всѣ *восемь томовъ*. Въ послѣднемъ дошелъ я только до 1560 года и остановился на злодѣйствахъ Іоанна Грознаго. Богъ знаетъ буду ли продолжать! По крайней мѣрѣ теперь занимаюсь единственно печатаніемъ. Боюсь отвыкнуть отъ сочиненія. Впрочемъ я до-

вольно потрудился. Да будетъ, что̀ угодно будетъ Богу. — Мы здоровы. Ожидаю съ безпокойствомъ того времени, когда родитъ моя жена — еще не знаемъ, гдѣ: здѣсь или въ городѣ? Этому надобно быть въ іюлѣ. — Новостей важныхъ нѣтъ. У насъ, слава Богу! все тихо, а въ Европѣ южной и голодно, и мрачно; во многихъ земляхъ свирѣпствуютъ болѣзни отъ худой пищи. Между тѣмъ шумятъ о конституціяхъ. Сапожники, портные хотятъ быть законодателями, особенно въ ученой нѣмецкой землѣ. Покойная французская революція оставила сѣмя какъ саранча: изъ него вылѣзаютъ гадкія насѣкомыя. — Такъ кажется. — Впрочемъ будетъ, чему быть надобно, по закону высшей премудрости. Если бы у меня былъ веселый характеръ, то я сталъ бы смѣяться; но будучи меланхоликомъ, хмурю брови на дерзкую глупость, на безстыдное шарлатанство, на подлое лицемѣріе, въ то же время смиряясь душею передъ Богомъ. Жизнь моя склоняется къ западу!

140.

Царское Село, 14 августа 1817.

Жена, августа 3-го, благополучно родила мнѣ сына Николая, котораго просимъ любить. До сей минуты все, слава Богу! хорошо. Одинъ я немного разстроился въ здоровьи; но это не важно. Сердце мое исполнено благодарностію ко Всевышнему. Нынѣшній годъ провели мы спокойно, безъ сердечныхъ горестей.

И нынѣшнее лѣто, любезнѣйшій братецъ, насъ очень ласкаютъ и въ Царскомъ Селѣ, и въ Павловскомъ: за что мы умѣемъ быть признательными въ глубинѣ души и къ милостивому Государю и къ добрымъ Императрицамъ. Однакожь въ слѣдъ за Дворомъ не поѣдемъ въ Москву: зимою съ малютками ѣхать тяжело; а Исторія моя не отпечатается прежде декабря. Итакъ, если будемъ живы, встрѣтимъ весною Государя въ Царскомъ Селѣ; проживемъ здѣсь до августа, а тамъ отправимся въ старушку Москву доживать вѣкъ, хотя милостивый Императоръ и говоритъ, что намъ лучше остаться здѣсь. Я уже старѣюсь: неизвинительно быть суетнымъ, когда могила передъ глазами; а польза сомнительна; способности мои уже не цвѣтутъ, а вянутъ, какъ думаю. — Остальное надобно посвятить продолженію Исторіи.

141.

С. Петербургъ, 26 октября 1817.

Виюсь передъ вами и передъ собою, не писавъ такъ давно. Типографскія хлопоты отнимаютъ у меня время и свободу духа. Къ Новому году авось отдѣлаюсь. Между тѣмъ пришлю къ вамъ на той почтѣ 1-й томъ, а зимою и остальные семь, если Богъ дастъ. Душевно радуюсь, что Великій Князь обошелся съ вами привѣтливо. При сви-

даніи изъявлю ему искреннѣйшую благодарность. Но Богъ знаетъ, когда увижу его. Мы разстались съ Дворомъ какъ нельзя лучше. Государь въ Царскомъ Селѣ заѣзжалъ къ намъ прощаться. Императрицы также до самаго отъѣзда были милостивы. Теперь живемъ уединенно въ пустомъ Петербургѣ, хотя и великолѣпномъ. Если спросите кого здѣсь люблю болѣе? то скажу въ отвѣтъ: Государя, Императрицъ и— Неву!

Въ самомъ дѣлѣ, никто насъ здѣсь не ласкалъ, не поилъ, и не кормилъ, какъ Дворъ, особенно въ лѣтніе мѣсяцы. Дай Богъ только, чтобы хорошо раздѣлаться съ Исторіею, и чтобы хотя въ старости зажить въ своемъ домикѣ. — У насъ почти всѣ люди больны, но мы, по сіе время, здоровы. Кормилица также занемогла. Мы взяли уже другую. Денегъ проживаемъ много, хотя во всемъ роскошномъ себѣ отказываемъ. Худо, если Исторія не поправитъ нашего состоянія.

142.

С. Петербургъ, 27 декабря 1817.

Давно уже послалъ я къ вамъ 1-й томъ моей Исторіи: надѣюсь, что вы его получили. Въ исходѣ января, какъ думаю, выдамъ наконецъ всѣ 8-мь томовъ и немедленно къ вамъ доставлю. Буде кто изъ вашихъ знакомыхъ пожелаетъ имѣть ее за 55 р., то они могутъ отдать вамъ деньги; а вы извольте оставить ихъ у себя, но извѣстите меня, кому именно и подъ какимъ адресомъ послать книгу: въ такомъ случаѣ ручаюсь за ея вѣрное и скорое доставленіе.

Мы, благодаря Бога, почти совсѣмъ здоровы. Утѣшаемся дѣтьми; живемъ тихо и видимъ мало людей. Говорятъ что Дворъ не возвратится сюда прежде іюня. Располагаемся прожить здѣсь до августа, не далѣе. Хорошо, еслибы къ тому времени хотя половина книги моей сошла съ рукъ, и съ честью для автора.

Я вамъ, любезнѣйшій братецъ, всего болѣе желаю здоровья. Дай Боже, чтобы мы еще пожили съ вами много, много лѣтъ въ здѣшнемъ свѣтѣ. Питаю въ себѣ надежду увидѣться съ вами. Москва насъ сблизитъ.

Въ отсутствіе Двора мы сдѣлались почти деревенскими: не ждите отъ насъ вѣстей, а изъ Москвы. Скажу только, что здѣсь были страшные морозы, градусовъ до 30. Не смотря на то, я всякое утро ходилъ пѣшкомъ.

Еще не знаю, буду ли продолжать Исторію по изданіи осьми томовъ. Все въ рукѣ Божіей: и моя судьба, и моя Исторія.

143.

С. Петербургъ, 12 февраля 1818.

Только вчерашній день получилъ я ваше письмо отъ 15-го января, которое сдѣлало мнѣ сердечное удовольствіе доброю вѣстью о вашемъ здоровьи. Теперь и я здоровъ, но съ мѣсяцъ не выѣзжалъ: два раза занемогалъ и насилу могъ оправиться. Между тѣмъ Исторія моя вышла: я поднесъ ее Государю, обѣдалъ у него, былъ въ кабинетѣ. На той почтѣ отправлю къ вамъ пять экземпляровъ: одинъ для васъ, четыре для желающихъ имѣть ее. Подпишусь для васъ на *Сына Отечества*. Теперь у меня готовы деньги для удовлетворенія моей любезной кредиторки. Увѣдомьте заблаговременно, милый братецъ, какъ вы расположите ими? Внести ли ихъ въ Московскій Опекунскій Совѣтъ по прежнему на имя Оленьки, или доставить къ вамъ черезъ почту? По сю пору Исторія расходится хорошо: осталась только половина экземпляровъ. Весьма желаю сбыть ее съ рукъ до отъѣзда въ Москву, чтобы не тащить обоза книжнаго за собою. Мы по крайней мѣрѣ уже безъ долгу и положили 30 тысячъ въ Воспитательный Домъ, хотя при всей экономіи прожили здѣсь много сверхъ дохода. За что и благодарю Бога. Не думаю, чтобы Государь успѣлъ въ нынѣшнее лѣто заглянуть въ вашъ край: онъ будетъ долго въ Варшавѣ, оттуда въ южной Россіи и долженъ возвратиться сюда въ маѣ или въ іюнѣ. А мы, любезнѣйшій братецъ, остались при своемъ твердомъ планѣ ѣхать въ Москву около августа: тамъ я жилъ, тамъ мнѣ и умереть.

Люблю Государя, Императрицъ, а смотрю въ свою нору.

144.

С. Петербургъ, 8 апрѣля 1818.

Наконецъ знаю, что Исторія моя дошла до васъ. Экземпляръ вашъ не изъ числа продажныхъ; а что другіе заплатили вамъ за ихъ экземпляры, то я вычту изъ процентныхъ денегъ любезной Оленьки. Деньги, которыя мы ей должны, отданы мною въ здѣшній ломбартъ: слѣдственно она должна получить отъ меня проценты до самаго того дня, въ который именемъ ея, сіи деньги 10,000 р. поступятъ въ Опекунскій Совѣтъ Московскаго Воспитательнаго Дома: что̀ будетъ по нашемъ возвращеніи въ Москву около августа. Исторія моя *вся* разошлась еще въ концѣ февраля: теперь здѣшніе книгопродавцы торгуютъ у меня *второе* изданіе и соглашаются дать мнѣ 50,000 въ пять лѣтъ, это не много, но избавитъ меня отъ хлопотъ изданія.

На *Сына Отечества* я давно подписался для васъ: надѣюсь, что вы уже получаете его. — У васъ весна, любезнѣйшій братецъ, а здѣсь еще зима; снѣгъ на улицахъ, и Нева еще не вскрылась. Мы, слава

Богу! здоровы. На сихъ дняхъ читалъ я библейскую рѣчь вашего губернатора: молодецъ! я слышалъ, что она полюбилась Императору и князю Голицыну: это главное. Варшавскія новости вамъ, безъ сомнѣнія, уже извѣстны. Здѣшнія состоятъ въ томъ, что митрополитъ Амвросій отправляется въ Новгородъ и будетъ только новгородскимъ; а петербургскимъ митрополитомъ сдѣланъ Михаилъ Черниговскій.

Простите, любезнѣйшій братецъ. Дай Богъ, чтобы вы были здоровы и благополучны. Жена и дѣти мои свидѣтельствуютъ вамъ свое душевное почтеніе и любовь сердечную. Отдаленіе не мѣшаетъ мнѣ часто видѣть васъ передъ собою въ мысляхъ; обнимаю васъ со всею братскою горячностью.

145.

С. Петербургъ, 10 іюня 1818.

Письма наши долго странствуютъ: только на сихъ дняхъ я получилъ ваше отъ 6-го мая. Радуюсь сердечно, любезнѣйшій братецъ, что вы здоровы. И мы благодаримъ Бога, хотя иногда и безпокоимся о дѣтяхъ, но до сего времени не смѣемъ жаловаться на климатъ петербургскій: Богъ ихъ хранитъ и насъ съ ними.

О возвращеніи нашемъ въ Москву не могу вамъ сказать ничего вѣрнаго прежде іюля: тогда начнется второе тисненіе моей Исторіи, и если увижу, что оно можетъ идти безъ меня, то въ августѣ поѣдемъ; а если увижу противное, то останемся здѣсь еще на годъ, чего мнѣ не хочется; но будетъ какъ Богу угодно. 8-мь мѣсяцевъ жили мы въ Петербургѣ какъ въ деревнѣ; мало выѣзжали, мало людей видѣли, и я спокойно продолжаю свою Исторію. Переѣдемъ ли въ Царское Село, не знаю. Слышу стороною, что Государь приказалъ очистить для насъ прежній домикъ; но между тѣмъ не дано мнѣ знать о томъ отъ царскосельскаго начальника, а лѣто уже въ срединѣ. Правда, что тепла еще не было. Никогда я не видалъ такого холоднаго лѣта. И вѣсти о хлѣбѣ не хороши; изъ нашей деревни пишутъ, что отъ засухи все пропало, какъ-то у васъ? Годъ, кажется, не хорошъ. Здѣсь теперь ожидаютъ Императора и короля прусскаго. Надобно будетъ опять надѣть мундиръ и пудриться... Но мѣсяца черезъ два или три опять всѣ уѣдутъ, какъ слышно, въ Германію. Путешествіе въ модѣ.

Не перестаютъ говоритъ о намѣстникахъ или генералъ-губернаторахъ. Это хорошо, думаю; но все будетъ зависѣть отъ выбора людей и отъ наказа, который дадутъ имъ.

Въ прибавокъ о себѣ скажу вамъ, любезнѣйшій братецъ, что я старѣюсь, однакожъ здоровъ, и не смотря на свой меланхолической характеръ, стараюсь, съ благодарностью къ Богу, наслаждаться остат-

комъ жизни въ кругу семейства, любя жену болѣе себя, а дѣтей по крайней мѣрѣ столько же, какъ себя. Андрюша похожъ на покойнаго брата. И царскосельскій молодецъ не дуренъ; а Саша, то-есть второй сынъ, милъ для насъ несказанно; онъ теперь не очень здоровъ. Сонюшка почти невѣста, а Катенька растетъ и худѣетъ. Всѣ они цѣлуютъ у васъ руку. Катерина Андреевна увѣряетъ васъ въ своей душевной привязанности, а я нѣжно обнимаю милаго брата и любезную Оленьку. Деньги ея въ ломбартѣ: слѣдственно проценты идутъ.

146.

С. Петербургъ, 4 іюля 1818.

Отъ всего сердца поздравляемъ васъ съ помолвкою милой Оленьки. Дай Богъ ей счастія, а вамъ утѣшенія. Мы всѣмъ семействомъ рекомендуемся молодому жениху ея и просимъ его дружбы. Судьба супружествъ зависитъ отъ Бога, любезнѣйшій братецъ, довольно, что вы знаете жениха съ хорошей стороны: слѣдственно имѣете всѣ причины надѣяться на доброе. Желаемъ скорѣе слышать о совершеніи брака и вашемъ полномъ удовольствіи, которое раздѣлимъ съ вами сердечно. Надѣемся, что вы не разстанетесь съ любезною Ольгою Васильевною и что она будетъ всегда утѣшеніемъ вашей жизни, равно какъ и будущаго мужа ея. Катерины Андреевны нѣтъ теперь дома, и для того она не приписываетъ къ вамъ въ письмѣ моемъ, которое спѣшу отправить на почту; но она всею душею беретъ участіе въ вашихъ чувствахъ. Дѣти мои цѣлуютъ вашу руку и присоединяютъ свои поздравленія къ нашимъ. Однимъ словомъ, всѣ мы съ живѣйшею любовію обнимаемъ васъ и милую невѣсту.

Если вамъ будутъ нужны деньги Оленькины, которыя лежатъ въ ломбартѣ, то увѣдомьте насъ: могу тотчасъ отправить ихъ къ вамъ черезъ почту. Вѣроятно, что второе изданіе Исторіи остановитъ меня еще на годъ въ Петербургѣ. Теперь собираемся переѣхать въ Царское Село, гдѣ самъ Государь приказалъ очистить для насъ прежній домикъ, который въ его отсутствіе отдали было другому. Но письма надписывайте ко мнѣ въ Петербургъ. Это вѣрнѣе.

Мы, слава Богу, здоровы. Были на праздникахъ въ Петергофѣ, въ Ораніенбаумѣ; видѣли иллюминацію, фейерверкъ; пользовались знакомъ Государевой милости, такъ что для петергофскаго праздника онъ приказалъ нанять для насъ особенный домикъ, за который заплатили, на два дни, двѣ тысячи рублей. Это лестно; но мнѣ жаль казенныхъ денегъ. Вообще, любезнѣйшій братецъ, мы должны быть преданы Императору до конца нашей жизни. Кромѣ обязанностей вѣрноподданнаго, любимъ его всею душою, и совсѣмъ не такъ, какъ при Дворѣ лю-

бятъ. Мы же не имѣемъ никакихъ связей и никакихъ покровителей, кромѣ его. Я старъ для Двора, но не старъ для любви къ Александру. Уѣдемъ въ Москву, но вездѣ буду любить Государя.

147.

Царское Село, 27 августа 1818.

Сердечно благодарю васъ за дружеское братское письмо. Прошу Бога, чтобы онъ счастіемъ любезной Оленьки осчастливилъ жизнь вашу. Вы помолодѣете, когда увидите ея совершенное благополучіе. Будемъ ждать отъ васъ увѣдомленія о свадьбѣ, чтобы немедленно поздравить новобрачныхъ.

Нынѣшній день добрый Государь нашъ уѣхалъ за-границу на 4 мѣсяца. Вчера былъ у насъ въ смиренномъ домикѣ, чтобы проститься съ Катериною Андреевною и со мною. Всякую недѣлю мы обѣдали у него раза два. Онъ изъявляетъ ко мнѣ даже и нѣкоторую милостивую довѣренность въ разговорахъ. Нельзя не любить его всею душей, когда видишь его образъ и слышишь разсужденія прекрасныя.

Молодца я не видалъ, а слышалъ, что онъ желаетъ здѣсь остаться и не хочетъ быть на старомъ мѣстѣ.

Располагаемся пробыть здѣсь еще недѣли три. Мы перемѣнили квартиру въ городѣ: будемъ жить: *у Аничкова мосту, на Фонтанкѣ, въ домѣ К. Ѳ. Муравьевой.* Платимъ 5000 рублей и то по дружбѣ хозяйки къ намъ, то-есть съ большою уступкою противъ другихъ.

148.

С.-Петербургъ, 21 окт. 1818.

Отъ всего сердца поздравляю васъ съ счастливымъ супружествомъ любезной Ольги Васильевны: дай Богъ, чтобы оно было главнымъ утѣшеніемъ дней вашихъ. Вы имѣли дочь, теперь имѣете и сына. Кругъ семейства вашего распространился. Будьте только здоровы, любезнѣйшій братецъ, чтобы наслаждаться истинными удовольствіями жизни, равно свойственными намъ и въ молодости, и въ старости, пока мы еще умѣемъ любить. Мнѣ пріятно было слышать отъ нашихъ племянниковъ Пазухиныхъ, что они лично знаютъ Дмитрія Михайловича и что онъ весьма достойный человѣкъ. Тѣмъ болѣе надѣюсь, что мое доброе желаніе исполнится, и что вы, какъ нѣжный отецъ, будете радоваться благополучіемъ Ольги Васильевны.

Мы, наконецъ, переѣхали въ городъ, и я не очень здоровъ. Новое изданіе Исторіи оставляетъ мнѣ мало времени для другой работы, то-есть, для продолженія Іоаннова царствованія. Боюсь, чтобы и печатаніе не остановилось, если не буду здоровѣе. За семейство мое

благодарю Бога. Кажется, что жена беременна: молюсь объ ея здоровьи усерднѣе, нежели о своемъ. Живемъ теперь просторнѣе въ такомъ домѣ, котораго хозяйка намъ другъ искренній: можно сказать, что она балуетъ насъ своими ласками. О возвращеніи нашемъ въ Москву не можетъ думать прежде августа. Надобно кончить типографское дѣло. Приближающаяся старость склоняетъ меня къ тихой жизни: иначе я не легко бы выѣхалъ изъ Петербурга, который, безъ сомнѣнія, есть пріятнѣйшій городъ въ Россіи. *Молодецъ* ищетъ здѣсь мѣста и, вѣроятно, найдетъ его по благосклонному къ нему расположенію нѣкоторыхъ здѣшнихъ вельможъ. Вы, безъ сомнѣнія, будете тѣмъ довольны.

Государь изволилъ намъ сказать въ Царскомъ Селѣ, что онъ возвратится къ Рождеству; но здѣсь ожидаютъ его ранѣе.

149.

С.-Петербургъ, 19 декабря 1818.

Сердечно благодарю васъ за дружеское письмо, спѣшу сказать вамъ въ отвѣтъ, что деньги моей любезной племянницы, 10,000 р., лежатъ давно въ здѣшнемъ ломбартѣ; слѣдственно извольте прислать съ братомъ Ѳедоромъ Михайловичемъ заемное письмо; я возьму и отдамъ ему деньги, а онъ возвратитъ намъ наше обязательство.

Мы привязаны теперь къ Петербургу вторымъ изданіемъ Исторіи. Это мнѣ грустно. Люблю быть свободнымъ. Не перестаю думать о Москвѣ. Впрочемъ отдаю себя во власть Божію. Если мнѣ опредѣлено не умереть въ Петербургѣ, то, безъ сомнѣнія, выѣду изъ него.

Моя жена очень безпокоила меня своимъ сильнымъ кашлемъ, а дочь Катенька простудною горячкой; теперь я спокойнѣе, благодаря Бога, хотя Катенька все еще въ постелѣ. Мое здоровье и такъ и сякъ. Не работа для меня опасна, а всякое внутреннее волненіе! Нервы у меня такъ раздражены, какъ у женщины въ родахъ! Черезъ 3 дня ожидаютъ Государя. Люблю его всею душею, но не позволяю себѣ мечтать о продолженіи его милостей. Я уже старъ для Двора. Ни съ кѣмъ изъ ближнихъ людей государевыхъ у меня нѣтъ ни малѣйшей связи. Одинъ добрый, умный графъ Каподистрія доказывалъ мнѣ пріязнь свою. И тотъ ѣдетъ, какъ слышно, лѣчиться теплымъ климатомъ своего отечества.

150.

С.-Петербургъ, 27 января 1819.

Спѣшу васъ извѣстить, что бывшій вашъ губернаторъ опредѣленъ здѣсь въ члены главнаго Училищъ Правленія, подъ начальствомъ ми-

нистра просвѣщенія. Говорятъ, что будетъ у васъ губернаторомъ Лубяновскій, бывшій статсъ-секретарь при Ольденбургскомъ принцѣ.

Внезапная кончина любезной королевы Виртембергской огорчила насъ душевно; я еще недавно получилъ отъ нее письмо, ласковое и милое.

Жаль, если не увидимъ брата Ѳедора Михайловича. Деньги, по вашей волѣ, останутся въ ломбартѣ, и съ процентами.

Жена моя все нѐ очень здорова. Молю Бога, чтобы она родила благополучно, а тамъ буду думать о томъ, чтобы скорѣе раздѣлаться съ типографіей и ѣхать въ Москву. Я уже старъ и лѣнивъ для Петербурга.

Здѣсь много говорятъ объ учрежденіи областныхъ начальствъ, а теперь замолчали. Голосъ публики назначалъ А. А. Балашева въ низовыя губерніи.

(До слѣдующей книжки.)

Въ № 25, стран. 597, на второй строкѣ сверху, по недосмотру, напечатано: плотскимъ, вмѣсто: нѣжнымъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

НѢЧТО О МЕТОДАХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ. . . . . М. П. ПОГОДИНА.
МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II. Изъ записокъ . . . . А. В. ХРАПОВИЦКАГО.
ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ. *(Оконч.)* . . . . . К. К. ГЁРЦА.
ПЕРЕПИСКА. *(Продолж.)* . . . . . Н. М. КАРАМЗИНА.

Являясь еженедѣльно книжками, отъ *трехъ* до *пяти* листовъ въ каждой, АТЕНЕЙ будетъ сообщать:

1. Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной литературы;
2. Хронику важнѣйшихъ новостей въ общественной и государственной жизни современныхъ народовъ,
и 3. Статьи историческаго содержанія, записки (mémoires), путешествія, разказы, литературныя замѣтки, ученыя и художественныя извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ конторѣ *Атеней*, при книжномъ магазинѣ Н. Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина, и у книгопродавцевъ: Ѳ. О. Свѣшникова, въ домѣ университетской типографіи, и И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

У книгопродавца С. А. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгартъ.

ВЪ ПАРИЖѢ

Въ конторѣ Русскаго Агентства газеты Le Nord, boulevard de la Madelaine, 5.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ контору *Атенея*, въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 52-хъ книжекъ, *десять* рублей, съ пересылкою *одиннадцать рубл. съ полтиною.*

Печатать дозволяется. Іюня 28-го, 1858 года.
Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 27.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРНСТА БАРФКНЕХТА И К°

1858.

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

подъ редакціею Е. Корша.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МАЙ и ІЮНЬ 1858 года.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРНСТА ЛАРФЕЛЬДТА И КОМП.

1858.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

—

		Стр.
Изъ записокъ	М. С. Щепкина.	3
Испанская литература и современный представитель ея, Сорилья.	С. В. Костарева.	15
Записки Гизо.	Z.	38
— —	—	108
Новости по физикѣ.	Я. И. Вейнберга.	51
Русскій человѣкъ на rendez-vous. Размышленія по прочтеніи повѣсти г. Тургенева «Ася».	Н. Г. Чернышевскаго.	65
Эмануилъ Гейбель.	А. Ѳ. Фонъ-Видерта.	90
Изъ записокъ	П. Ил. Сафонова.	130
Русскіе Подлинники въ литературномъ отношеніи. Изъ лекцій объ исторіи русской словесности. . . .	Ѳ. И. Буслаева.	137
Моцартъ.	А. И. Кронеберга.	173
—	— —	227
—	— —	315
Переписка	Н. М. Карамзина.	192
— —	— —	244
— —	— —	339
— —	— —	417
— —	— —	474
— —	— —	532
— —	— —	598
— —	— —	652
Морскія силы Англіи и Франціи.	(Съ нѣмецк.)	205
— — — —	— —	260
Стихотворенія А. Н. Майкова.	М. Н. Лонгинова.	217
Замѣтка объ А. С. Хвостовѣ.	Ал. Х.	278

Стр.

Мысли объ общественномъ воспитаніи. . . . . М. Ѳ. Де-Пуле. 282
Значеніе ощущеній боли у человѣка и животныхъ. . . А. М. Зенина. 305
Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи М. П. Погодина. . . . . Ивана Земца. 345
Синьіоръ Петруччіо. Разказъ туриста. . . . . М. Бибикова. 378
— — — — 443
Путешествія и открытія доктора Барта въ Африкѣ. М—ра. 401
— — — — — 461
— — — — — 517
«Не мѣсто краситъ человѣка — человѣкъ мѣсто». Комедія Н. М. Львова. . . А. М. Пальховскаго. 428
Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій. Географическій Сборникъ Н. Фролова. Томъ V. . . . . А. И. Кронеберга. 433
Еще о женскомъ трудѣ. По поводу журнальныхъ толковъ объ этотъ вопросѣ. А. М. Пальховскаго. 487
Кристаллъ и растеніе. . . . Г. Леонгарда. 504
О вліяніи крестовыхъ походовъ на западную цивилизацію. 541
Очеркъ исторіи русской поэзіи. А. Милюкова. Второе, дополненное изданіе. Спб. 1858. . . . . А. Н. Пыпина. 543
Леонардо да Винчи. . . . . К. К. Гёрца. 562
— . . . — . . . — — 626
О числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи. 586
Стихотвореніе Пушкина. Библіографическая замѣтка. Н. К. 596
Нѣчто о методахъ историческихъ изслѣдованій. По поводу статьи Ивана Земца. . . . . М. П. Погодина. 608
Мысли и замѣчанія Императрицы Екатерины II. Изъ записокъ . . . . . А. В. Храповицкаго. 622

ИСТОРІЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Н. Устрялова. 3 тома.

Статья первая (I-й томъ).

—

Давно съ нетерпѣніемъ ожидаемая книга г. Устрялова наконецъ появилась, и мы должны сказать, что наши ожиданія вполнѣ оправдались: г. Устряловъ, какъ историческій писатель, нашъ давній знакомый, и потому мы хорошо знали, съ кѣмъ должны встрѣтиться; и взглядъ его на эпоху, которой онъ посвятилъ свою ученую дѣятельность въ послѣднее время, былъ также хорошо извѣстенъ; притомъ онъ уже напечаталъ нѣсколько значительныхъ открывковъ, изъ которыхъ мы увидали, что встрѣтимся съ старымъ знакомымъ. Мы ждали, что г. Устряловъ сообщитъ намъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній по источникамъ, которые были неизвѣстны прежнимъ писателямъ о Петрѣ, — и не обманулись; мы ждали, что г. Устряловъ разберется въ многочисленныхъ и разнорѣчивыхъ извѣстіяхъ о великомъ историческомъ лицѣ, о которомъ такъ много и такъ многими писалось, — что онъ хотя сколько-нибудь освѣтитъ критикою этотъ хаосъ, —и здѣсь мы не ошиблись. Однимъ словомъ, важность книги г. Устрялова въ нашей исторической литературѣ безспорна; эта-то важность и побуждаетъ насъ посвятить ей подробный разборъ.

Первая обязанность историка, приступающаго къ изображенію какой-нибудь эпохи въ жизни историческаго народа, состоитъ въ показаніи отношенія избранной эпохи ко времени предшествовавшему, въ показаніи, какъ эта эпоха вытекла изъ предшествовавшей. Сознавая эту обязанность, г. Устряловъ въ началѣ своей книги посвящаетъ нѣсколько страницъ

рѣшенію вопроса объ отношеніи древней и новой Россіи. Приводя слова Неплюева: «На что̀ въ Россіи ни взгляни, все его (Петра) началомъ имѣетъ, и что̀бъ впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ» — г. Устряловъ возражаетъ Карамзину, по мнѣнію котораго «царствованіе Романовыхъ, Михаила, Алексѣя, Ѳеодора, способствовало сближенію Россіянъ съ Европою, какъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, такъ и въ нравахъ, отъ частыхъ государственныхъ сношеній съ ея дворами, отъ принятія въ нашу службу многихъ иноземцевъ и поселенія другихъ въ Москвѣ. Еще предки наши усердно слѣдовали своимъ обычаямъ; но примѣръ начиналъ дѣйствовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верхъ надъ старымъ навыкомъ въ воинскихъ уставахъ, въ системѣ дипломатической, въ образѣ воспитанія или ученія, въ самомъ свѣтскомъ обхожденіи, ибо нѣтъ сомнѣнія, что Европа отъ XIII до XVII вѣка далеко опередила насъ въ гражданскомъ просвѣщеніи. Сіе измѣненіе дѣлалось постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возрастаніе, безъ порывовъ и насилія. Мы заимствовали, но какъ бы нехотя, примѣняя все къ нашему и новое соединяя съ старымъ. Явился Петръ, сквозь бури и волны устремился къ своей цѣли; достигъ, и все перемѣнилось. Сею цѣлію было не только новое величіе Россіи, но и совершенное присвоеніе обычаевъ Европейскихъ.» Г. Устряловъ никакъ не хочетъ согласиться съ мнѣніемъ Карамзина, что древняя Россія обнаруживала очевидное стремленіе къ благоустройству и образованію, знакомилась, сближалась съ Европою, и хотя медленно, зато твердымъ и вѣрнымъ шагомъ подвигалась къ той же цѣли, къ которой такъ насильственно увлекъ ее Петръ Великій, не пощадивъ ни нравовъ, ни обычаевъ, ни основныхъ началъ народности. По мнѣнію г. Устрялова, до Петра не сами Русскіе заводили связи съ образованными Европейцами, чтобъ извлечь изъ этихъ связей пользу для своей промышленности и образованія, а предпріимчивые Голландцы, Англичане, Датчане, Шведы посылали къ нимъ своихъ пословъ и агентовъ; что вообще для русскихъ людей до Петра еще недоступна была идея о необходимости образованія. Они коснѣли въ старыхъ понятіяхъ, которыя переходили изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ. «Мы, говоритъ г. Устряловъ, спѣсиво и съ презрѣніемъ смот-

рѣли на все чужое, иноземное; ненавидѣли все новое, и въ какомъ-то чудномъ самозабвеніи воображали, что православный Россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а святая Русь первое государство. Безспорно, привязанность къ родному, національному, также необходима для благоденствія обществъ, какъ и самое образованіе. Но если это благородное чувство переходитъ въ закоренѣлый предразсудокъ, отвергающій всякую новую мысль, ужели государство, имъ зараженное, можетъ благоденствовать! Вотъ, противъ чего такъ грозно, такъ могущественно, со всею пылкостью своего огненнаго характера, со всею крѣпостью своей желѣзной воли, вооружался Петръ Великій. Онъ хотѣлъ преобразовать полуазіятскую Россію въ государство, цвѣтущее промыслами, искусствами, науками, съ необходимымъ политическимъ вѣсомъ въ Европѣ».

Для каждаго, думаемъ, ясно, что мнѣніе Карамзина, какъ бы оно ни было невѣрно въ другихъ отношеніяхъ, выигрываетъ передъ мнѣніемъ г. Устрялова тѣмъ, что объясняетъ намъ явленіе Петра: Русскіе люди до Петра сближались съ Европою, какъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, такъ и въ нравахъ: отсюда естественно, что великій человѣкъ, родившійся и воспитавшійся во время этого сближенія, въ силу обстоятельствъ и условій своей природы, ускоряетъ это сближеніе. Но предположимъ, что наши предки до Петра не имѣли еще идеи о необходимости образованія, коснѣли въ старыхъ понятіяхъ, спѣсиво смотрѣли на все чужое, ненавидѣли все новое, смотря на себя какъ на совершеннѣйшихъ гражданъ въ мірѣ — и вдругъ среди такихъ людей является человѣкъ, который начинаетъ смотрѣть совершенно противоположно и заставляетъ всѣхъ неволею смотрѣть по-своему! Г. Устряловъ старательно отстраняетъ отъ своего повѣствованія все чудесное; а между тѣмъ въ основѣ сочиненія лежитъ чудесное. Какъ могъ явиться тотъ мужъ, котораго воспѣваетъ г. Устряловъ? — остается загадкою. И что это за общество, которое нисколько не участвуетъ въ образованіи своихъ великихъ дѣятелей, въ которомъ эти дѣятели являются и дѣйствуютъ совершенно безъ спросу съ обществомъ?

Но, съ своей стороны и Карамзинъ, давая ключъ къ уразумѣнію возможности явленія Петра, ставитъ дѣятельность послѣдняго въ разрывъ съ стремленіями и характеромъ общества,

среди котораго дѣйствовалъ Петръ, бывшій полнымъ представителемъ этого общества, произведеніемъ Руси XVII-го вѣка; и Карамзинъ, признавая развитіе Руси XVII-го вѣка правильнымъ, естественнымъ, упрекаетъ Петра въ насильственномъ ускореніи движенія, упрекаетъ Петра въ томъ, что онъ отнялъ у Русскихъ ихъ нравы, обычаи, народность; и въ этомъ взглядѣ слѣдовательно народъ нашъ низводится на степень народовъ неисторическихъ, которыхъ можно попроизволу двигать туда и сюда, у которыхъ это движеніе не вытекаетъ изъ внутреннихъ потребностей, не истекаетъ изъ предыдущаго движенія. Подобные взгляды происходятъ вслѣдствіе невниманія къ законамъ развитія какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлыхъ обществъ, цѣлыхъ народовъ. «Еще предки наши, говоритъ Карамзинъ, усердно слѣдовали своимъ обычаямъ; но примѣръ начиналъ дѣйствовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верхъ надъ старымъ навыкомъ въ воинскихъ уставахъ, въ системѣ дипломатической, въ образѣ воспитанія или ученія, въ самомъ свѣтскомъ обхожденіи, ибо нѣтъ сомнѣнія, что Европа отъ XIII до XVII-го вѣка, далеко опередила насъ въ гражданскомъ просвѣщеніи. Сіе измѣненіе дѣлалось постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возрастаніе, безъ порывовъ и насилія. Мы заимствовали, но какъ бы нехотя, примѣняя все къ нашему и новое соединяя съ старымъ».

Даже и безъ знанія фактовъ всякій усомнится въ правильности этого изображенія нашихъ предковъ XVII-го вѣка. Усердно слѣдовать своимъ обычаямъ и въ то же время понимать превосходство чужихъ и принимать эти чужіе обычаи, и перечисленіе сферъ, въ которыхъ вводились эти новые обычаи таково, что оно исчерпываетъ все, ибо касается не одной государственной жизни, но и частной. Но естественно ли это? Страненъ былъ бы народъ, въ которомъ подобное явленіе, измѣненіе обычаевъ во всѣхъ сферахъ, могло произойдти постепенно, тихо, едва замѣтно! Исторія знаетъ, что̀ происходитъ, когда одинъ какой-нибудь народъ сталкивается съ другимъ, превосходящихъ его гражданственностью. Если народъ неисторическій, неспособный, еще не созрѣвшій для развитія, сталкивается съ народомъ цивилизованнымъ, но одряхлѣвшимъ уже, или еще слишкомъ юнымъ въ цивилизаціи, то разоривъ, опустошивъ все

произведенное цивилизаціей, удаляется въ свои степи и продолжаетъ прежній образъ жизни: отъ столкновенія съ цивилизаціею для него не происходитъ ничего. Таково было столкновеніе кочевыхъ азіатскихъ ордъ съ европейскими народами. Если же слабый и не созрѣвшій для цивилизаціи народъ сталкивается съ народомъ цивилизованнымъ и сильнымъ, который принуждаетъ варварскій народъ къ принятію плодовъ цивилизаціи, то эта насильно даваемая и несвойственная несозрѣвшему организму пища производитъ разрушительное дѣйствіе: несчастныя племена исчезаютъ, повидимому никѣмъ неистребляемыя: таково печальное явленіе, которое мы видимъ на островахъ Океаніи. Если племя, созрѣвшее для цивилизаціи, но слабое въ государственномъ и народномъ отношеніяхъ, не достигло до сознанія своей народности и не имѣетъ средствъ къ ея поддержанію и защитѣ, — если такое племя сталкивается съ племенемъ болѣе цивилизованнымъ, обладающимъ бо́льшими государственными средствами, то подчиняясь ему въ государственномъ отношеніи, принимаетъ его народность: такъ онѣмечились разрозненныя племена западныхъ Славянъ, также Литовское племя Пруссы. Наконецъ, если народъ, созрѣвшій для цивилизаціи и значительно окрѣпшій въ государственной жизни, долго жившій ею, хотя и особнякомъ, богатый средствами, сталкивается съ народами, обладающими высшею цивилизаціей, то сначала происходитъ борьба между старымъ и новымъ, между своимъ, то-есть тѣмъ, что̀ считается своимъ, и чужимъ, которое должно стать своимъ; борьба, болѣе или менѣе продолжительная, оканчивается торжествомъ новаго: но какъ же принимается это новое? Сначала новое сопоставляется съ старымъ, механически, такъ-сказать, соединяется съ нимъ; это самое непривлекательное состояніе общества, ибо представляетъ странное, непріятное смѣшеніе и колебаніе, представляетъ новыя заплаты, нашитыя на ветхомъ рубищѣ; этотъ наплывъ новаго, наплывъ новыхъ понятій, которыя никакъ еще не перевариваются, не превращаются въ плоть и кровь, въ жизненное достояніе народа,—такой наплывъ новыхъ понятій и внѣшнее, механическое сопоставленіе ихъ съ старыми отражается всего яснѣе въ языкѣ, который наполняется чуждыми словами и цѣлыми рѣченіями иностранными; наконецъ новое, чужое, повидимому, беретъ окончатель-

но верхъ, старыя формы исчезаютъ, чуждый языкъ господствуетъ; но здѣсь-то, если народность сильна, живуща, и происходитъ химическое соединеніе стараго съ новымъ, своего съ чужимъ, вслѣдствіе чего свое, народное, возбужденное къ жизни соединеніемъ съ чужимъ, пріобрѣтшее чрезъ это плодотворное соединеніе новыя силы, обнаруживается во всей своей полнотѣ. Само собою разумѣется, что указать грани эпохъ, когда оканчивается одинъ процессъ и начинается другой, невозможно; у одного народа все это дѣлается скорѣе, у другаго медленнѣе вслѣдствіе разныхъ условій. Само собою разумѣется также, что подобныя явленія не могутъ происходить безъ борьбы, не могутъ происходить постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ говоритъ Карамзинъ. Московское государство уже давно начало страдать подъ этимъ новымъ, чуждымъ вліяніемъ, давно обнаруживалось въ извѣстной части народонаселенія это неудержимое стремленіе принять новое, сначала преимущественно во внѣшности. Еще при Борисѣ Годуновѣ иностранцы удивлялись страсти Русскихъ людей подражать иноземнымъ обычаямъ; въ послѣдующія царствованія эта страсть не ослабѣвала; она встрѣтила противодѣйствіе; стороны образовались и вступили въ борьбу; правительство колебалось; царь Алексѣй Михайловичъ, въ глазахъ котораго дядя Никита Ивановичъ Романовъ, любимецъ Матвѣевъ были приверженцами новыхъ обычаевъ, царь Алексѣй то приказывалъ шить своимъ дѣтямъ нѣмецкое платье, то вдругъ подъ вліяніемъ стороны противной, выдавалъ строгіе указы противъ нововведеній. До какой степени къ концу XVII-го вѣка дошла страсть подражать иноземнымъ обычаямъ, и прежде всего бритью бороды, видно изъ посланія патріарха Адріана, который вооружается противъ этого нововведенія, какъ дѣла богопротивнаго. Любопытно, что г. Устряловъ самъ приводитъ это посланіе Адріана и въ то же время о приказѣ Петра брить бороды говоритъ слѣдующее: «Этотъ первый шагъ къ перерожденію Россіи былъ самый трудный. Ничѣмъ такъ не гордился Русскій народъ предъ Нѣмцами и ничѣмъ въ своихъ обычаяхъ такъ не дорожилъ онъ, какъ бородою. Обрить ее казалось грѣхомъ смертнымъ не только въ понятіяхъ простолюдина, но и въ глазахъ самаго разумнаго вельможи, даже пастырей церковныхъ.» Но спрашивается, если всѣ Русскіе въ XVII вѣкѣ

смотрѣли на бороду такъ, какъ хочетъ г. Устряловъ, чтобъ они смотрѣли, то противъ кого же вооружается патріархъ Адріанъ? Не боролся же онъ съ призракомъ своего воображенія! Теперь уясняется для насъ положеніе Петра относительно тогдашняго русскаго общества: онъ былъ вождемъ, представителемъ стороны, смотрѣвшей впередъ, стремившейся къ новому,—стороны, не имъ созданной, но до него образовавшейся; Петръ, по своему положенію, какъ царь, и по своимъ личнымъ средствамъ, какъ человѣкъ геніальный, только далъ побѣду своей сторонѣ, далъ торжество тому началу, подъ вліяніемъ котораго уже давно находилась Россія, котораго необходимость, котораго нахожденіе на очереди она признавала.

Теперь слѣдовательно первый вопросъ для историка Петра Великаго, для историка такъ-называемой эпохи преобразованія состоитъ въ томъ, какъ воспитался Петръ, какъ приготовился къ тому, чтобъ стать въ челѣ стороны движенія къ новому, ибо однихъ природныхъ способностей и влеченій еще недостаточно для объясненія явленія: развитіе природныхъ способностей и влеченій могло быть замедлено или ускорено извѣстными условіями. Первыя страницы своего разказа о младенчествѣ Петра г. Устряловъ посвящаетъ опроверженію извѣстій о разныхъ предсказаніяхъ великой участи, ожидавшей младенца, предсказаніяхъ, которыя приписываются Симеону Полоцкому и Димитрію Ростовскому. Понятно, что мы не станемъ защищать этихъ извѣстій противъ г. Устрялова; но мы думаемъ, что нельзя здѣсь не замѣтить одного *знаменія времени*, которое важнѣе для историка всѣхъ предсказаній Симеона Полоцкаго, еслибъ даже они и были на самомъ дѣлѣ, это именно появленіе самого Симеона Полоцкаго у колыбели Петра. Что это за лицо? Бывали прежде такія при дворѣ царей русскихъ или нѣтъ? Симеонъ Полоцкій ученый Бѣлоруссъ, плодовитый литераторъ, богословъ, проповѣдникъ, виршеслагатель, человѣкъ изъ того же круга, къ которому принадлежали Димитрій Ростовскій, Яворскій, Прокоповичъ, и другіе, передній человѣкъ въ той колоніи западно-русскихъ ученыхъ духовныхъ, которые такъ долго были необходимы для великороссійской Церкви. Что же это за явленіе — старое или новое? Это явленіе новое, бывшее слѣдствіемъ тѣхъ новыхъ потребностей, которыя почув-

но веру-
ствуе
исх
чу
г

ствовало общество въ XVII вѣкѣ. Симеонъ Полоцкій явился
при дворѣ царя Алексѣя Михайловича въ качествѣ воспитателя
для царевичей; эти царевичи—Алексѣй и Ѳеодоръ—были воспи-
таны вовсе не такъ, какъ отецъ ихъ, это были люди ученые
своего времени. Какъ же послѣ того можно сказать, что рус-
скимъ людямъ XVII вѣка еще недоступна была идея о необхо-
димости образованія? Видѣлъ ли Симеонъ Полоцкій звѣзду пре-
свѣтлую, предвозвѣщавшую зачатіе Петра — это нейдетъ къ
дѣлу; но напрасно г. Устряловъ ~устилъ извѣстіе о томъ, что
послѣ рожденія Петра Симеонъ Полоцкій вмѣстѣ съ Грекомъ
Епиѳаніемъ поднесъ царю Алексѣю *прогностикъ* въ виршахъ;
въ этомъ прогностикѣ приглашаются къ веселію Константи-
нополь и св. Софія, потому что рожденіемъ Петра положилось
начало ихъ спасенію; Петръ называется Камнемъ счастія для
Россіи, точащимъ воду живу, и проч. Здѣсь любопытна и го-
сподствующая мысль тогдашнихъ ученыхъ людей, которую они
выставили передъ государемъ, мысль объ освобожденіи Кон-
стантинополя. Любопытно и такое возвеличеніе *третьяго* сына
царскаго; Полоцкій былъ человѣкъ ловкій, зналъ откуда вѣтеръ
дуетъ.

Что ни лицо подлѣ маленькаго Петра, то знаменіе времени.
Мать, Наталья Кирилловна Нарышкина, воспитанница Матвѣе-
ва. Г. Устряловъ приводитъ извѣстіе объ ней иностранца Рей-
тенфельса, который имѣлъ случай видѣть Наталью Кирилловну
до замужства. Это что̀ за новость! Слыханое ли дѣло, чтобъ
чужой мущина, да еще поганый Нѣмецъ могъ видѣть порядоч-
ную русскую дѣвушку, до замужства? А между тѣмъ такъ было;
самъ г. Устряловъ говоритъ: «Матвѣевъ умный, образованный,
выше предразсудковъ своего вѣка, не скрывалъ ни жены, ни
своей воспитанницы отъ взоровъ постороннихъ, какъ того тре-
бовалъ обычай.» Вотъ уже подлѣ Петра является и *образован-
ный* человѣкъ, Матвѣевъ, который не слѣдовалъ принятому обы-
чаю: «Матвѣевъ, говоритъ далѣе г. Устряловъ, имѣлъ прекра-
сный домъ въ Москвѣ съ картинами и дорогими часами, что̀
было въ его время рѣдкостью. Тамъ любилъ проводить время
благодушный царь Алексѣй Михайловичъ въ бесѣдѣ съ другомъ
своимъ, *Сергѣичемъ*. Тамъ находили радушный привѣтъ ино-
странцы, пріѣзжавшіе въ Москву; тамъ было и святилище нау-

ки: десятилѣтній сынъ Матвѣева, Андрей, учился языкамъ греческому и латинскому, подъ руководствомъ переводчика Посольскаго Приказа, Спафарія. Отецъ не рѣдко присутствовалъ при урокахъ сына.» Вотъ уже нашлось и святилище науки! А все русскимъ людямъ не доступна была идея образованія! Но Матвѣевъ представлялъ не исключительное явленіе въ этомъ отношеніи; можно было указать на Голицыныхъ, Ордина-Нащокина, Ртищева. Да еслибы даже Матвѣевъ представлялъ и исключительное явленіе: то вѣдь здѣсь для Петра семейный духъ, семейное преданье.

Сказавши о рожденіи и крещеніи Петра, г. Устряловъ переходитъ къ разказу о его воспитаніи, и тутъ прежде всего приводитъ извѣстіе Котошихина о воспитаніи царевичей; но это извѣстіе относится къ воспитанію царевичей до Алексѣя Михайловича (какъ царевича) включительно, но никакъ не можетъ относиться къ воспитанію дѣтей царя Алексѣя Михайловича, ибо мы знаемъ, что это воспитаніе было иное, что у дѣтей царя Алексѣя Михайловича учителемъ былъ не посольскій подъячій, а Симеонъ Полоцкій. Но теперь раждается вопросъ: младшій сынъ царя Алексѣя, Петръ, такъ ли былъ воспитанъ какъ его старшіе братья, былъ ли при немъ кто-нибудь въ родѣ Симеона Полоцкаго? Нѣтъ, не было никого; отъ чего же это произошло? Отъ того, что Петръ на четвертомъ году лишился своего отца, и начинается для малютки время бѣдъ, гоненій; при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ приставили къ нему для наученія чтенію и письму ограниченнаго и раболѣпнаго подъячаго Зотова, а послѣ смерти Ѳеодора въ правленіе Софьи, если мы не примемъ извѣстія, что Петру нарочно хотѣли дать дурное воспитаніе, то, по крайней мѣрѣ, уже нисколько не заботились объ этомъ воспитаніи, не давали никакихъ средствъ; и вотъ Петръ, при своей геніальности, при жгучей жаждѣ къ пріобрѣтенію познаній, предоставленъ совершенно самому себѣ, долженъ быть самоучкою, нахватывать познаній здѣсь и тамъ, по поводу каждаго новаго предмета, попадающагося ему въ глаза. Но обстоятельство, что Петръ лишился отца въ младенчествѣ и съ тѣмъ лишился средствъ домашняго воспитанія, средствъ правильнаго научнаго образованія, которое хотя бы сколько-нибудь сосредоточивало, направляло и сдерживало его

нравственныя и умственныя силы, что онъ во время своего малолѣтства былъ царь, такъ-сказать *опальный*, былъ гонимъ скукою изъ дворца, гдѣ кромѣ грустной и раздраженной матери не было для него ничего привлекательнаго, гдѣ не было никакого предмета для его дѣятельности, и онъ долженъ былъ искать себѣ развлеченій и занятій въ шумной толпѣ потѣшныхъ или въ живой и шумной бесѣдѣ обитателей Нѣмецкой слободы, — это обстоятельство имѣетъ огромное значеніе въ исторіи Петра. Г. Устряловъ, не признавши въ допетровской Россіи никакой идеи о необходимости образованія, позабывъ, что старшіе братья Петра были люди образованные не менѣе иного тогдашняго потентата западной Европы, предположивши, что Петръ и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ не могъ получить другаго воспитанія, какъ то, которое описываетъ Котошихинъ, такъ небрежно и коротко обработалъ статью о воспитаніи, что даже призваніе Зотова отнесъ ко времени царя Алексѣя Михайловича: такъ по крайней мѣрѣ долженъ понять читатель.

Малолѣтство Петра Великаго было для него временемъ бѣдствій по тѣмъ же причинамъ, по какимъ малолѣтство было бѣдственно для двухъ другихъ знаменитыхъ людей нашей исторіи — Никона и Ломоносова, именно по смутамъ семейнымъ: маленькій Никита (Никонъ), маленькій Ломоносовъ терпѣли бѣды отъ мачихъ; маленькій Петръ терпѣлъ отъ того, что былъ сыномъ второй жены царя Алексѣя, что дѣти отъ первой жены боролись противъ мачихи и дважды одолѣли ее — по вступленіи на престолъ Ѳеодора и послѣ Стрѣлецкаго бунта. Чтобъ понять смыслъ событій въ малолѣтство Петра и ихъ слѣдствій, не должно упускать изъ вниманія этихъ семейныхъ отношеній: такъ мы видимъ, что ненависть Софьи и ея приверженцевъ обращена не на Петра, но преимущественно на его мать, на мачиху Софьи и сестеръ ея. Но для чего мы должны упоминать здѣсь женскія имена? Опять и здѣсь знаменіе времени, опять новое. «Никакой монастырь, говоритъ г. Устряловъ, не могъ быть скромнѣе и благочестивѣе царскихъ теремовъ, гдѣ въ глубокомъ уединеніи, частію въ молитвѣ и постѣ, частію въ занятіяхъ рукодѣліемъ и въ невинныхъ забавахъ съ сѣнными дѣвушками, проводили дни благовѣрныя царевны, дочери Михаи-

ла и Алексѣя. Никогда посторонній взоръ не проникалъ въ ихъ хоромы: только патріархъ и ближніе сродники царицы могли имѣть къ нимъ доступъ. Самые врачи приглашались развѣ въ случаѣ тяжкаго недуга, и не должны были видѣть лица больной царевны. Въ церковь онѣ выходили скрытыми переходами, и становились въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не были никѣмъ зримы. Если же отправлялись въ святыя обители, внѣ дворца, для молитвы, или въ окрестныя дворцовыя села, что случалось впрочемъ рѣдко, то выѣзжали въ колымагахъ и рыдванахъ, отвсюду закрытыхъ. Не было при дворѣ ни одного праздника или торжества, на которые являлись бы царевны. Только погребеніе отца или матери вызывало ихъ изъ терема: онѣ шли за гробомъ въ непроницаемыхъ покрывалахъ. Царевны никогда ни въ какомъ случаѣ не являлись на поприщѣ политическомъ, и менѣе всего можно было ожидать бури изъ ихъ тихаго терема. Вышло иначе.» Читатель ждетъ объясненія, почему же вышло иначе, и не дождется. Авторъ какъ-будто бы находитъ особенное удовольствіе въ томъ, чтобъ представить картину извѣстныхъ общественныхъ отношеній, и потомъ вдругъ представить явленіе, совершенно противорѣчащее этимъ отношеніямъ, никакъ не могущее произойдти изъ нихъ. Какъ-будто нѣтъ извѣстій, что новое проникло уже въ теремъ къ дочерямъ царя Алексѣя Михайловича, что онѣ жили не по прежнему и что самая даровитая изъ нихъ, Софья, больше другихъ сестеръ воспользовалась новыми условіями, что ей, при новомъ свѣтѣ, тяжеле чѣмъ другимъ, показалось старое безвыходное положеніе. Если эти извѣстія казались автору подозрительными, то для чего онъ не подвергнулъ ихъ критикѣ: вѣдь эти извѣстія гораздо важнѣе, чѣмъ извѣстія о предсказаніяхъ. Вотъ какъ г. Устряловъ описываетъ Софью: «Вопреки общему мнѣнію, не красавица собой, нестройная станомъ отъ излишней тучности, съ лицемъ суровымъ, она казалась нѣсколькими годами старѣе, чѣмъ была дѣйствительно, и въ 25 лѣтъ смотрѣла пожилою женщиною. Грудь ея пылала властолюбіемъ и сладострастіемъ; въ головѣ таились отважные замыслы; ей душно было въ скромномъ теремѣ: ее плѣняла завидная участь принцессъ, жившихъ на свободѣ, располагавшихъ судьбою царствъ, и героинею ея воображенія была Греческая царевна Пульхерія, которая, какъ

гласили ей хронографы, взявши власть изъ слабыхъ рукъ брата своего, Өеодосія, такъ долго и славно царствовала въ Византіи. Софія захотѣла быть русскою Пульхеріею.» Сейчасъ же читатель видитъ, что прежнее изображеніе жизни царевенъ, сдѣланное авторомъ невѣрно: тамъ было сказано, что царевны проводили время частію въ молитвѣ и постѣ, частію въ занятіяхъ рукодѣліемъ и въ невинныхъ забавахъ съ сѣнными дѣвушками; а тутъ видимъ, что Софья читаетъ хронографы, что героинею ея воображенія становится извѣстное историческое лицо. Въ изображеніи жизни царевенъ говорится, что мущины не могли ихъ видѣть, а потомъ говорится, что Софья, будучи постоянно при братѣ Өеодорѣ, сблизилась съ сильными вельможами. Въ изображеніи жизни царевенъ говорится, что онѣ шли за гробомъ отца или матери въ непроницаемыхъ покрывалахъ: Софья, въ день погребенія брата Өеодора, пришла въ Архангельскій соборъ, гдѣ не было ни одной ея сестры. Софья *захотѣла* быть русскою Пульхеріею, говоритъ г. Устряловъ, Софья *захотѣла* быть при братѣ, сближаться съ его вельможами, присутствовать при его погребеніи: но еслибъ былъ крѣпокъ старый обычай, были во всей силѣ старыя понятія о приличіяхъ, то развѣ этому *хотѣнію* далибъ мѣсто? Не ясно ли, что всѣ эти явленія могли произойдти только вслѣдствіе того, что старое было поколеблено?

Софья хотѣла быть русскою Пульхеріею. Дѣйствительно Русское царство было похоже на Византійское въ это время тѣмъ, что закона о престолонаслѣдіи не было. На фактѣ царствующій государь назначалъ себѣ преемника: «Кому хочу, тому и дамъ княжество», говорилъ Иванъ III; Петръ Великій правдою воли монаршей только подтвердилъ древній обычай Русскаго царства. Но если преемникъ не былъ назначенъ, то должно было выбирать. По смерти Өеодора Алексѣевича, патріархъ спросилъ: кому изъ двоихъ царевичей вручить скипетръ? Святители и бояре опредѣлили: быть избранію общимъ согласіемъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства. Что же разумѣлось подъ всѣми чинами Московскаго государства? Патріархъ велѣлъ народу собраться на площади и спрашивалъ: кому быть на царствѣ? Народныя толпы, говоритъ г. Устряловъ, завопили въ одинъ голосъ: «быть царемъ царевичу Петру Алексѣевичу!»

Одна Москва, значитъ, рѣшила дѣло. Но дѣйствительно ли народныя толпы завопили въ одинъ голосъ? Неужели Софья съ Милославскимъ и другими своими приверженцами не позаботилась привлечь на свою сторону, то-есть на сторону царевича Іоанна, хотя нѣсколько голосовъ? Есть извѣстіе, что Максимъ Исаевъ Сумбуловъ, собравшись въ Кремлѣ съ своими единомышленниками, кричалъ, что первенство принадлежитъ царевичу Ивану. По какимъ побужденіямъ дѣйствовалъ Сумбуловъ, открывается изъ слѣдующаго разказа: однажды Петръ Великій, будучи у обѣдни въ Чудовѣ монастырѣ, увидѣлъ монаха, не подошедшаго вмѣстѣ съ другими къ антидору; царь спросилъ, кто этотъ монахъ, и, получивши въ отвѣтъ, что Сумбуловъ, подозвалъ его къ себѣ и спросилъ, почему онъ не подошелъ къ антидору? Сумбуловъ отвѣчалъ, что онъ не смѣлъ пройдти мимо его и поднять на него глаза. Петръ спросилъ, по какой причинѣ онъ ему при выборѣ на царство не показался? Монахъ отвѣчалъ на это слѣдующее: «Іуда за 30 сребрениковъ продалъ Христа, будучи его ученикомъ; а я твоимъ, государь, ученикомъ никогда не бывалъ, то диво ли, что я тебя продалъ, будучи мелкимъ дворяниномъ, за боярство.» Несправедливъ этотъ разказъ — надобно было доказать его несправедливость; опять повторяемъ, что подобныя извѣстія гораздо важнѣе преданій о предсказаніяхъ или о томъ, что маленькій Петръ боялся воды: однако г. Устряловъ удостоилъ послѣднія опроверженіемъ.

Когда не удалось посредствомъ Сумбулова съ товарищи помѣшать избранію Петра, то прибѣгнули къ стрѣльцамъ. Въ описаніи Стрѣлецкихъ бунтовъ мы остановимся на двухъ мѣстахъ, изъ которыхъ видно, какъ привычка нѣкоторыхъ бытописателей употреблялъ эпитеты вредитъ впечатлѣнію разказа. «Смятеніе на минуту затихло; но многіе еще требовали головы Ивана Нарыцкина, за то, что онъ надѣвалъ на себя царскую корону. Матвѣевъ вмѣстѣ съ патріархомъ сошелъ съ крыльца за рѣшетку, напомнилъ стрѣльцамъ прежнюю вѣрность ихъ, особенно во время Коломенскаго бунта, стыдилъ ихъ въ нелѣпомъ заблужденіи, и разумными словами укротивъ ярость ихъ, возвратился къ трепещущей царицѣ. Патріархъ остался внизу, продолжая увѣщаніе. Въ то самое время начальникъ Стрѣлецкаго Приказа, князь Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій, человѣкъ

смѣлый и рѣшительный, грозно крикнулъ на стрѣльцовъ и велѣлъ имъ немедленно удалиться. Они разсвирѣпѣли, рванулись мимо патріарха на крыльцо, схватили Долгорукаго и сбросили его внизъ.» Смѣлый, рѣшительный и прежде всего умный Матвѣевъ укротилъ стрѣльцовъ, что̀ и было необходимо для разрушенія замысловъ Софьи, для того, чтобъ выиграть время, принять мѣры, найдти на что̀ опереться противъ вооруженной силы, единственной въ городѣ: и вотъ человѣкъ, который былъ обязанъ быть смѣлымъ и рѣшительнымъ прежде, какъ начальникъ Стрѣлецкаго Приказа, и который однако не былъ смѣлъ и рѣшителенъ, когда стрѣльцы волновались, и сталъ теперь смѣлъ и рѣшителенъ, когда они утихли, благодаря разумнымъ увѣщаніямъ другаго, крикнулъ и испортилъ все дѣло. У читателя готовъ эпитетъ дѣлу и человѣку; но историкъ считаетъ своею обязанностью подставить свой эпитетъ: «человѣкъ смѣлый и рѣшительный». Другое мѣсто: картина страшная, раздирающая: царица Наталья убѣждена въ необходимости выдать на мучительную смерть роднаго брата, съ горькимъ рыданіемъ упала къ нему на грудь; вдругъ является господинъ, который говоритъ: «Сколько вамъ, государыня, не жалѣть, а разстаться надобно. Ты же, Иванъ, скорѣе иди отсюда (на смерть), чтобъ за тебя одного всѣмъ намъ не погибнуть.» Эпитетъ для этого господина у читателя готовъ; но историкъ подставляетъ свои: «мужъ честный, но боязливый».

За Стрѣлецкимъ бунтомъ послѣдовалъ мятежъ раскольничій. Г. Устраловъ говоритъ: «общая зараза (расколъ), проникавшая даже въ св. обители, распространилась и въ слободахъ стрѣлецкихъ. Посады Москвы также были наполнены раскольниками, выжидавшими благопріятнаго случая, отмстить за неоднократное гоненіе ихъ братій. Въ такихъ обстоятельствахъ, при явномъ раздраженіи умовъ, правительство должно было дѣйствовать съ величайшею осторожностью, чтобъ предупредить въ самой Москвѣ повтореніе исторіи Соловецкаго монастыря. Софія распорядилась совершенно иначе. Зная безъ сомнѣнія о наклонности стрѣльцовъ къ расколу, она назначила имъ въ начальники закоренѣлаго старовѣра, князя Ивана Андреевича Хованскаго, и скоро увидѣла плоды своей неосторожности. Съ ограниченнымъ умомъ князь Хованскій соединялъ без-

предѣльное честолюбіе, хотѣлъ господствовать въ Москвѣ, и сколько для исполненія преступнаго замысла, столько и по убѣжденію суевѣрія, тайно подстрекалъ стрѣльцовъ къ явному возстанію на православную Церковь.» — Здѣсь мы находимъ преувеличеніе: раскольниковъ вовсе не было такъ много въ Москвѣ, какъ можно подумать по описанію г. Устрялова: еслибы ихъ было такъ много, еслибы московскіе посады были ими наполнены, то дѣло, поднятое Никитою Пустосвятомъ съ товарищи,кончилось бы иначе; иначе кончилось бы оно, еслибъ стрѣльцы, какъ выражается г. Устряловъ, были наклонны къ расколу. При описаніи религіозныхъ движеній конца XVII вѣка мы должны употреблять слово: *раскольникъ* съ осторожностью, именно не должны употреблять его съ такою опредѣленностью, съ какою теперь употребляемъ: шелъ вопросъ, какъ тогда выражались, о старой и новой вѣрѣ; какой-нибудь Никита Пустосвятъ могъ поднять большую толпу народа, вооруженнаго и невооруженнаго, пригласивъ его присутствовать при рѣшеніи важнаго спора, какая вѣра правѣе, старая или новая, требовать торжественнаго спора у послѣдователей новой вѣры, у властей церковныхъ; но люди, которые могли поддерживать Никиту и товарищей его при этомъ требованіи по тѣмъ или другимъ побужденіямъ, еще не были раскольники въ настоящемъ значеніи этого слова; возстановлялось спокойствіе вслѣдствіе энергическаго движенія правительства, и эти самые люди слѣдовали исповѣданію большинства и правительства. Вотъ почему не слѣдуетъ обвинять Софью въ какой-то неосторожности, зачѣмъ она, зная о наклонности стрѣльцовъ къ расколу, дала имъ въ начальники человѣка, который былъ *наклоненъ* къ расколу: вотъ слово, которое, по нашему мнѣнію, можетъ-быть употреблено относительно Хованскаго; *закоренѣлымъ же раскольникомъ* назвать его никакъ нельзя, ибо *закоренѣлые* въ чемъ-либо такъ не дѣйствуютъ, какъ дѣйствовалъ Хованскій. И если даже Софья и знала о нѣкоторыхъ невыгодахъ назначенія Хованскаго въ начальники стрѣльцовъ, то ей было нечего дѣлать: самъ г. Устряловъ говоритъ, что при царѣ Ѳеодорѣ она сблизилась съ первыми, или болѣе сильными вельможами, любимцами царя, съ кн. В. Н. Голицынымъ, И. М. Милославскимъ, съ кн. И. А. Хованскимъ; поневолѣ она дол-

жна была употребить Хованскаго, когда другихъ приверженцевъ у нея не было, хотя, при своемъ умѣ, она не могла не видѣть недостатковъ Хованскаго, среди которыхъ расположеніе къ расколу конечно не было главнымъ. Кстати по поводу характера кн. Хованскаго замѣтимъ, что напрасно г. Устряловъ не привелъ народнаго прозвища Хованскаго: *Тараруй*: извѣстно, какъ мѣтки бываютъ эти прозвища.

Г. Устряловъ, при описаніи раскольничьяго дѣла, счелъ за нужное воспользоваться извѣстнымъ сочиненіемъ Саввы Романова. Мы никакъ не будемъ возставать противъ побужденій, которыя заставили автора это сдѣлать; но замѣтимъ, что пользованіе подобными источниками представляетъ опасности, которыхъ не избѣжалъ и г. Устряловъ. Заподозривъ Савву въ умышленномъ искаженіи дѣйствій противниковъ, г. Устряловъ говоритъ: «Откинувъ всѣ умствованія и очевидно ложныя показанія, мы получимъ цѣлый рядъ подробностей неоцѣненныхъ.» Но въ такомъ случаѣ историкъ обязанъ показать основаніе, почему онъ одно извѣстіе считаетъ неоцѣненною подробностью, а другое показаніемъ очевидно ложнымъ, почему, напримѣръ, приходъ раскольниковъ къ патріарху съ требованіемъ спора онъ считаетъ драгоцѣнною подробностью и вноситъ въ свой разказъ, а разговоръ Саввы съ Нижегородскимъ митрополитомъ считаетъ показаніемъ очевидно ложнымъ и опускаетъ его? Подобные памятники, при всей невѣрности нѣкоторыхъ подробностей, представляютъ такое живое и любопытное явленіе въ извѣстную эпоху, что историкъ обязанъ излагать ихъ вполнѣ, не принимая на себя отвѣтственности за непогрѣшительность всѣхъ содержащихся въ нихъ извѣстій; самыя невѣрныя показанія въ нихъ драгоцѣнны, потому что въ нихъ часто выражаются главныя пружины дѣйствій. Развѣ Іоаннъ Грозный и Курбскій въ своей знаменитой перепискѣ все правду говорятъ? Но чтоже бы мы знали живаго въ исторіи знаменитой борьбы, еслибъ не дошла до насъ эта драгоцѣнная переписка?

При описаніи спора въ Грановитой палатѣ, г. Устряловъ говоритъ, что Софья, раздраженная буйствомъ раскольниковъ, сказала: «Намъ ничего больше не остается, какъ оставить царство!» и сошла съ трона. Въ мятежной толпѣ заговорили:

«Пора, государыня, давно вамъ въ монастырь; полно да царствомъ мутить; намъ бы здоровы цари государи были, а безъ васъ да пусто не будетъ.» Но всѣ бояре и выборные стрѣльцы, окруживъ царевну, клялись положить свои головы за царскій домъ, и уговорили ее возвратиться на прежнее мѣсто.» — Г. Устряловъ слѣдуетъ здѣсь Саввѣ Романову; но есть другія описанія дѣла, болѣе подробныя, въ которыхъ слова Софьи читаются иначе; а именно: «Если намъ приходится быть въ такомъ порабощеніи, то благочестивымъ царямъ и намъ уже здѣсь больше жить нельзя, пойдемъ въ иные города объявлять всему народу о такомъ непослушаніи и раззореніи.» Понятно, какъ эти слова должны были испугать стрѣлецкихъ выборныхъ и заставить ихъ упрашивать Софью не уѣзжать изъ Москвы. Стрѣльцы, по наущенію изъ дворца отъ Софьи, взбунтовались, перебили указанныхъ и не указанныхъ имъ людей, позволили себѣ неистовства, но при этомъ сочувствія себѣ и своему дѣлу въ московскомъ народонаселеніи не нашли; въ народѣ слышались противъ нихъ замѣчательныя слова, которыхъ, къ сожалѣнію, не находимъ въ разказѣ г. Устрялова: «Русская земля велика: вамъ ею не овладѣть!» Москва была въ рукахъ стрѣльцовъ, въ ней они дѣлали что̀ хотѣли, опираясь на дворцовую крамолу, которая взяла теперь въ руки правительство; но они сильно боялись народнаго негодованія, отсюда стараніе оправдать себя, требованіе, чтобъ правительство ихъ оправдало, вслѣдствіе чего и былъ поставленъ столпъ на Красной площади съ оправдательными листами; пока правительство, то-есть Софья была за стрѣльцовъ, до тѣхъ поръ они были спокойны, не боялись русской земли, которая безъ приказа правительства на нихъ не двинулась бы; но какъ скоро дворъ, раздраженный стрѣльцами, выѣхалъ бы изъ Москвы и призвалъ на свою защиту служилыхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ, то стрѣльцы погибли бы, какъ ничтожная горсть предъ огромною вооруженною массой, что̀ послѣдующая исторія два раза ясно показала. Вотъ почему стрѣльцы такъ должны были испугаться словъ Софьи, что она пойдетъ въ другіе города объявлять всему народу о безчинствахъ московскихъ; они говорили ей: «Мы великимъ государямъ и государынямъ какъ прежде сего служили, такъ и теперь служить рады, за православную вѣру и за цар-

ское величество головы свои складывать, и по указу вашему все творити. Только вы, государыни, сами теперь видите, что народъ мятется, у палатъ вашихъ стоитъ множество людей; теперь бы намъ только какъ день этотъ проводить, чтобъ не пострадать отъ нихъ; *а великимъ государямъ и вамъ государынямъ изъ царствующаго града идти не надобно.*» Этихъ словъ у г. Устрялова мы не находимъ; по его разказу выходитъ, что Софья грозилась оставить царство, то-есть правленіе, раскольники кричали: «и давно пора!» Но бояре и выборные стрѣльцы уговорили ее возвратиться на прежнее мѣсто!! Переждали день и все было кончено: новаго возстанія не было въ пользу старой вѣры, когда государи указу своего не сказали; мало того, возстанія не было, когда казнили Никиту Пустосвята, а сообщниковъ его заточили: такъ ничтожны были средства раскольниковъ въ Москвѣ! А Хованскій, *закоренѣлый раскольникъ?* И онъ ничего не сдѣлалъ.

Послѣ описанія смутъ стрѣлецкихъ и раскольничьихъ авторъ обращается къ правительственной дѣятельности Софьи, и говоритъ: «Въ понятіяхъ современниковъ царевна Софія обладала необыкновеннымъ искусствомъ въ управленіи государствомъ. Не столь пышно изображаютъ ее историки позднѣйшіе; но почти всѣ единогласно повторяютъ мысль Карамзина, что «по уму и свойствамъ души своей, она достойна была назваться сестрою Петра Великаго, и только безпредѣльное властолюбіе наложило на историка печальный долгъ быть ея обвинителемъ.» Въ такомъ же смыслѣ отзываются современники и потомки о великомъ государственномъ умѣ перваго министра и наперстника царевны, друга сердца ея, князя Василія Васильевича Голицына. Знаменитый родомъ, умный, образованный, искусный въ дѣлахъ дипломатическихъ, привѣтливый къ иноземцамъ, онъ, по общему мнѣнію, возвысилъ достоинство Россіи въ глазахъ всей Европы, и рѣшительно утвердилъ перевѣсъ ея надъ Польшею.» Г. Устряловъ не согласенъ съ общимъ мнѣніемъ относительно Софьи и Голицына; по его словамъ «дѣла и событія того времени далеко не соотвѣтсвуютъ столь высокому понятію о талантахъ Софіи и ея совѣтниковъ въ искусствѣ государственнаго управленія.» Разсмотримъ это положеніе автора.

«Въ понятіяхъ современниковъ, говоритъ онъ, царевна Со-

фія обладала необыкновеннымъ искусствомъ въ управленіи государствомъ: украшенная, *по словамъ ея приверженцевъ*, семью дарами духа.» Остановимся здѣсь и спросимъ: развѣ общее мнѣніе о способностяхъ Софьи основано на словахъ ея приверженцевъ? Развѣ самые злые враги ея не свидѣтельствуютъ то же самое? напр. Андрей Матвѣевъ, который такъ описываетъ Софью: «великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проницательствъ, больше мужеска ума исполненная дѣва.» Г. Устряловъ не находитъ ничего особенно важнаго въ ея внутреннихъ распоряженіяхъ; но иначе и быть не могло, когда Софья и ея совѣтники были заняты страшною борьбой, отъ исхода которой зависѣла вся ихъ будущность. Г. Устряловъ высчитываетъ нѣсколько распоряженій Софьи и говоритъ: «законодательство царевны Софіи ограничивалось почти исключительно мѣрами къ искорененію разныхъ безпорядковъ, порожденныхъ въ Россіи цѣлымъ рядомъ смутъ, слѣдствіемъ ея властолюбія.» При чтеніи этихъ словъ можно подумать, что Софья подставила самозванцевъ, которые разнесли смуту по всѣмъ концамъ Россіи, тогда какъ Стрѣлецкій бунтъ и его слѣдствія касались одной Москвы; какъ, напримѣръ, слѣдствіемъ Стрѣлецкаго бунта могло быть распоряженіе о повсемѣстномъ сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ, о возобновленіи писцовыхъ книгъ! Но перечисленіе распоряженій Софьи, сдѣланное г. Устряловымъ, далеко не исчерпываетъ предмета: такъ мы не найдемъ указа о чиненіи, вмѣсто смертной казни, наказанія кнутомъ за произношеніе возмутительныхъ словъ, о рѣзаніи у преступниковъ ушей вмѣсто отсѣченія пальцевъ; объ учрежденіи крѣпкихъ заставъ для прегражденія перехода въ Сибирь, куда толпами шли крестьяне; въ Москвѣ никому не велѣно было держать пришлыхъ и гулящихъ людей безъ поручныхъ записей; запрещено оставлять на улицахъ навозъ и мертвечину и всякій соръ, въ домахъ запрещено стрѣлять изъ ружей; опредѣлено, какъ отдавать должниковъ заимодавцамъ въ заживъ: мужей не разлучать съ женами и наоборотъ, работать — мущинѣ за годъ по 5 рублей, женщинѣ вполовину, и по тѣхъ людяхъ кому они отданы будутъ, брать поручныя записи, что имъ тѣхъ людей не убить и не изувѣчить; запрещено взыскивать со вдовъ и сиротъ долги, если послѣ умершаго никакихъ пожитковъ не осталось; запрещено

ское р
твор
род
пе
с

мужьевъ, велѣно отсѣ-
быть въ Вятской области подъячимъ
по мірскимъ выборамъ, и т. д. Говоря о внутреннихъ распоря-
женіяхъ Софьи, не мѣшало бы автору привести указы и су-
дебные приговоры, которые даютъ понятіе о нравственномъ
состояніи общества; это было бы нужно и для объясненія дѣя-
тельности Петра Великаго, ибо дѣятельность историческаго
лица объясняется состояніемъ общества, среди котораго оно
дѣйствуетъ, котораго является представителемъ. Наконецъ
г. Устряловъ упрекаетъ Софью въ воздвигнутіи гоненія на рас-
кольниковъ: но развѣ гоненіе воздвигнуто ею, развѣ Аввакумъ
и Лазарь при ней сожжены? и развѣ это гоненіе кончилось
тотчасъ послѣ нея?

Отозвавшись неуважительно о внутреннихъ распоряженіяхъ Софьи, г. Устряловъ говоритъ: «Не блистательнѣе была и внѣшняя политика.» Чтобъ подкрѣпить это положеніе свое, г. Устряловъ старается набросить тѣнь на заключеніе вѣчнаго мира съ Польшею: «По кончинѣ Ѳеодора, говоритъ онъ, главными предметами политики нашего двора были издавна тянувшіяся распри съ Польшею и вновь возникшія несогласія съ Швеціей. Тѣ и другія проистекали изъ одного источника: изъ постоянной мысли о необходимости исхитить изъ чужеземной власти старинныя русскія владѣнія. Оттого какъ Алексѣй, такъ и Ѳеодоръ уклонялись отъ вѣчнато мира съ Польшею и заводили споры съ Швеціей: Софія не слѣдовала политикѣ отца и брата, и рѣшилась, во что бы то ни стало, прекратить всѣ несогласія съ обѣими державами».

Здѣсь прежде всего замѣтимъ, что ни Алексѣй, ни Ѳеодоръ не уклонялись отъ вѣчнаго мира съ Польшею, были всегда очень рады заключить его, но неодолимымъ препятствіемъ къ тому служилъ теперь Кіевъ, какъ прежде служилъ Смоленскъ. По Андрусовскому перемирію Кіевъ только на время былъ уступленъ Москвѣ; возвратить его Польшѣ и этимъ купить вѣчный миръ Москва могла только въ крайней необходимости; равнымъ образомъ и Польша могла уступить Кіевъ навѣки Москвѣ только въ крайней необходимости. Эта необходимость для нея наступила, когда Собѣскій, не смотря на все свое геройство, не могъ одинъ сладить съ Турками; только

вступивъ съ нимъ въ союзъ противъ Турокъ, московское правительство могло заставить его отказаться навсегда отъ Кіева. Софья воспользовалась благопріятными обстоятельствами: заключила вѣчный миръ съ Польшею, пріобрѣла Кіевъ, послѣ чего въ союзѣ съ Польшею, въ одно время съ Австріею и Венеціею, начала войну съ Турками, врагомъ, который съ недавняго времени сталъ для Россіи опаснѣе всѣхъ другихъ: Польши нечего было болѣе бояться, безразсудно было отдавать ее на жертву Туркамъ, позволить, чтобъ послѣдніе утвердились въ Подоліи, ибо это было бы гибельно для новой Московской Украйны. Все вниманіе московскаго правительства слѣдовательно должно было сосредоточиться теперь на Турціи, и теперь наступало самое благопріятное время для борьбы съ нею, для избавленія себя отъ унизительныхъ условій Бакчисарайскаго договора; съ однѣми собственными силами Москва не могла сладить съ Турціей, но она могла заключить съ нею выгодный миръ въ союзѣ съ Польшей, Австріей и Венеціей. Такимъ образомъ умѣнье воспользоваться обстоятельствами, вынудить у Польши вѣчный миръ съ уступкою Кіева и начать войну съ Турціей вмѣстѣ съ другими европейскими державами — есть неоспоримо блистательное дѣло московской политики въ концѣ XVII вѣка, и славу этого дѣла у Софьи и ея совѣтниковъ отнять никакъ нельзя. Лучшимъ доказательствомъ, какъ выгоденъ былъ для Москвы вѣчный миръ съ Польшей служитъ то, что Собѣскій не могъ безъ слезъ подписать договора. Изъ желанія набросить тѣнь на всѣ распоряженія Софьи, г. Устряловъ и присоединеніе Кіевской митрополіи къ Московскому патріархату хочетъ выставить дѣломъ неблагоразумнымъ: «царевна и министры ея, говоритъ онъ, едва не вовлекли Россіи въ раздоръ со Вселенскою церковію, который, безъ благоразумной снисходительности царяградскаго патріарха, могъ имѣть пагубныя послѣдствія.» Какъ-будто бы въ Москвѣ не были убѣждены въ этой благоразумной снисходительности! какъ-будто бы протестъ одного Досиѳея, протестъ собственно и не касавшійся дѣла, могъ быть опасенъ!

Противъ разказа о первомъ Крымскомъ походѣ Голицына мы не имѣемъ ничего замѣтить; остановимся только на эпизодѣ сверженія гетмана Самойловича и избранія Мазепы. Г. Устря-

ловъ говоритъ, что «плодомъ перваго крымскаго похода было низложеніе добродѣтельнаго мужа, преданнаго Россіи, и избраніе новаго гетмана, готоваго измѣнить ей при первомъ удобномъ случаѣ.» По какому же поводу былъ сверженъ добродѣтельный мужъ? «Распространился слухъ, говоритъ г. Устряловъ, что степь выжгли не Татары, а казаки съ вѣдома, если не по приказанію, самого гетмана, чтобъ не допустить Русскихъ до разоренія Крыма. Говорили, что казаки, опасаясь за свои права отъ властолюбія московскаго, смотрѣли на Татаръ, какъ на своихъ естественныхъ союзниковъ, къ которымъ въ случаѣ надобности могли прибѣгнуть; а гетманъ всегда оказывалъ къ нимъ явное расположеніе, радовался успѣхамъ опустошительныхъ набѣговъ ихъ на Волынь, досадовалъ на побѣды христіанъ, и при размѣнѣ плѣнныхъ, велъ съ ханомъ крымскимъ переговоры о взаимной оборонѣ. Виновникомъ этой молвы былъ человѣкъ облагодѣтельствованный Самойловичемъ» (Мазепа). — Читатель, встрѣчая такое рѣшительное утвержденіе, убѣжденъ, что Мазепа выдумалъ и распустилъ эти слухи, что извѣстіе объ этомъ почерпнуто изъ достовѣрныхъ источниковъ. Но ничего подобнаго нѣтъ; да и слухи эти, которымъ вѣрилъ Гордонъ (а Гордону вѣритъ г. Устряловъ),—слухи эти не имѣли никакого значенія въ дѣлѣ, ибо не вѣрилъ имъ Голицынъ, не вѣрила имъ Софья, и главное, не старались они никого увѣрять. Дѣло было такъ: на гетмана подали доносъ, подъ которымъ подписалась вся старшина малороссійская; г. Устряловъ приводитъ статьи доноса въ извлеченіи, но опускаетъ самое главное: доносчики, прося царей перемѣнить гетмана, прибавляютъ: «Если же на то не будетъ воли вашихъ царскихъ величествъ, то войско запорожское отнюдь его, яко явнаго недоброхота, соблюдая къ Вамъ, Великимъ Государямъ, свою вѣрную службу, не потерпитъ, по своимъ войсковымъ правамъ и обычаямъ съ нимъ поступить въ скоромъ времени понуждено будетъ, за что̀ дабы вашъ царскій престолъ на насъ не досадовалъ, всепокорно Вашему царскому величеству бьемъ челомъ со всѣмъ войскомъ.» Ясно, что старшина ненавидѣла Самойловича и грозила, что въ случаѣ, если цари его не смѣнятъ, то все войско его смѣнитъ по своимъ правамъ и обычаямъ. Что̀ долженъ былъ дѣлать Голицынъ въ такихъ обстоятельствахъ?

удостовѣриться, дѣйствительно ли старшина имѣетъ основаніе ненавидѣть Самойловича и дѣйствительно ли все войско и вся страна раздѣляетъ эту ненависть, дѣйствительно ли Самойловичъ дурной правитель, возбудившій всеобщее негодованіе, дѣйствительно ли предстоитъ опасность, что все войско его свергнетъ въ случаѣ отказа царскаго? Что Голицынъ долженъ былъ удостовѣриться въ невозможности поддерживать Самойловича, навлекшаго всеобщее негодованіе, это видно изъ словъ малороссійскаго лѣтописца: «Такимъ образомъ кончилось гетманство Ивана Самойловича. Этотъ поповичъ сначала былъ очень покорнымъ и ласковымъ, но когда разбогатѣлъ, то уже очень гордъ сталъ, не только противъ казаковъ, но и противъ духовенства. Пришедши къ нему, старшина должна была стоять, никто не смѣлъ придти къ нему съ палкою, также и священники должны были стоять съ непокрытою головою; въ церкви никогда не ходилъ самъ за дарами, священникъ долженъ былъ ихъ къ нему приносить; такъ же и сыновья его поступали; *здирства* всякими способами вымышляли, какъ самъ гетманъ, такъ и сыновья его, на людей трудность великая была отъ великихъ вымысловъ, не могъ насытиться Самойловичъ сокровищами; людей военныхъ мало жаловалъ для того, чтобъ панство его и сыновей его ширилось; сыновья его уже не полковниками, а панами назывались, думали, что перемѣны панству ихъ не будетъ, надѣялись на людей наемныхъ, казаковъ къ себѣ во дворы не пускали, у дворовъ ихъ стояла стража сердюцкая, которой давали ежегодное жалованье, священникъ и въ нѣсколько дней не могъ къ нимъ во дворъ допроситься, и вообще всѣхъ людей ни зачто почитали.» Самъ г. Устряловъ говоритъ: «Казаки, съ своей стороны, не любили Самойловича за высокомѣріе, спесь, недоступность, а болѣе всего за введеніе въ Малороссіи монополіи на вино, медъ, пиво.» Позволяемъ себѣ вопросъ: на какихъ основаніяхъ человѣкъ высокомѣрный, спесивый, недоступный, алчный монополистъ можетъ назваться *добродѣтельнымъ мужемъ*, какъ величаетъ Самойловича г. Устряловъ?

Доносъ на Самойловича Голицынъ отправилъ въ Москву, и скоро получилъ отвѣтъ; г. Устряловъ счелъ за нужное упомянуть объ этомъ отвѣтѣ въ трехъ строкахъ: «царскимъ указомъ

велѣно Голицыну взять Самойловича со всѣмъ семействомъ подъ стражу и отправить въ Россію, вмѣсто его избрать другаго гетмана.» Мы считаемъ за нужное сказать объ этомъ отвѣтѣ Софьи нѣсколько подробнѣе, въ немъ говорилось: «Созвать старшинъ, сказать имъ великихъ государей указъ, что мы, великіе государи, по тому ихъ челобитью, Ивану Самойлову, *буде онъ имъ старшинѣ и всему войску малороссійскому негоденъ*, быть гетманомъ не указали, и указали послать его въ наши великороссійскіе города за крѣпкою стражею, а на его мѣсто гетманомъ учинить, кого они старшина со всѣмъ войскомъ малороссійскимъ излюбятъ.» Изъ этой граматы ясно видно, что московское правительство смотрѣло на дѣло Самойловича какъ на чисто малороссійское, не убѣждалось доносомъ въ измѣнѣ его Москвѣ, но единственно уступало желанію старшинъ и войска: если онъ вамъ неугоденъ, то мы, снисходя на ваше челобитье, смѣняемъ его, выбирайте другаго «чтобъ, чего Боже сохрани, во всей Малороссіи не учинилось какого замѣшанія, бунта и кровопролитія», какъ сказано въ той же граматѣ. Г. Устряловъ упрекаетъ Голицына, зачѣмъ онъ не произвелъ никакого слѣдствія о взводимыхъ на Самойловича преступленіяхъ? Но, спрашиваемъ, въ какихъ преступленіяхъ, если гетманъ смѣнялся не какъ измѣнникъ государямъ, а какъ дурной правитель, навлекшій на себя всеобщее негодованіе? Въ этомъ отношеніи нельзя г. Устрялову требовать слѣдствія, когда онъ самъ уже подписалъ приговоръ добродѣтельному мужу, назвавши его недоступнымъ гордецомъ и алчнымъ монополистомъ. Если же производить слѣдствіе по дѣлу объ измѣнѣ, то г. Устряловъ знаетъ, какъ должно было его *тогда* производить: схватить Самойловича, гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра войска запорожскаго, схватить всѣхъ старшинъ этого войска и всѣхъ *пытать*. Такого слѣдствія требовали въ Москвѣ недоброжелатели Голицына, и онъ имъ отвѣчалъ: «А о гетманѣ, какъ учинилось, и о томъ писалъ я въ отпискахъ своихъ и въ грамотахъ, изъ которыхъ о всемъ можешь выразумѣть. А пристойнѣе того и болѣе учинить не возможно. А что про него розыскивать, и такого образца николи не бывало: извольте посмотрѣть въ старыхъ дѣлахъ, каковы они были противъ нынѣшнихъ поступокъ и каково съ нынѣшнимъ нашимъ дѣломъ. А

что отъ котораго лица какое злословіе, и то Богу вручаю: Онъ то можетъ разсудить, какая въ томъ наша правда. Мы чаяли, что тѣ лица воздадутъ хвалу Господу Богу и намъ милость, какъ то учинилось безо всякія помѣшки и кровопролитія и замѣшанія. Коли ужь разсудить не могутъ, и онибъ взяли себѣ въ примѣръ Турскаго салтана, который то учинилъ назадъ тому два года: однимъ лѣтомъ перемѣнилъ двухъ хановъ по Татарскому челобитью, не розыскивая; только тому радъ былъ, что они были у него въ послушаніи и бунта никакого не учинили. Не мудробъ и намъ не перемѣнить, только посмотрѣли бъ, что̀ изъ того родилось.»—Страшное ожесточеніе, обнаруженное старшиною и казаками противъ Самойловича при его низложеніи, вполнѣ оправдываетъ Голицына.

Касательно втораго Крымскаго похода г. Устряловъ приводитъ слова самого князя Голицына о причинахъ отступленія отъ Перекопа: «До самаго Колончака цѣлые четыре дня не было воды; люди и лошади истощали; отъ Колончака до Перекопа шли мы двое сутокъ безъ воды же; люди еще болѣе утрудились. У Перекопа стояли въ безводной степи, вездѣ вода соленая, а колодцевъ нѣтъ. При томъ же во всѣхъ полкахъ обнаружился недостатокъ хлѣба: солдаты ходили по міру. Лошади подъ нарядомъ пали, люди обезсилили» и т. д. Какъ намъ повѣрить справедливость этого объясненія? слухами народными? но самъ г. Устряловъ ихъ отвергаетъ; нѣтъ ли современныхъ извѣстій очевидца? есть извѣстіе знаменитаго Гордона въ письмѣ его къ графу Ерролю, Гордона, которому такъ вѣритъ г. Устряловъ; что̀ же пишетъ Гордонъ? «20-го мы пришли къ Перекопи, гдѣ завели сношенія съ Татарами, не имѣвшія послѣдствій, потому что наши требованія были слишкомъ велики, а они соглашались только возстановить миръ на прежнихъ условіяхъ; будучи не въ состояніи оставаться здѣсь по недостатку воды, травы и дерева для такого многочисленнаго войска, какое было у насъ, и не находя никакой выгоды брать Перекопь, на слѣдующій день мы отступили.» Что̀ же остается историку послѣ этихъ двухъ извѣстій? Разумѣется принять объясненіе, въ нихъ заключающееся, тѣмъ болѣе, что это объясненіе не заключаетъ въ себѣ ничего такого, надъ чѣмъ бы можно было съ подозрѣніемъ остановиться: мѣстныя условія

намъ очень хорошо извѣстны; извѣстны намъ степные походы Миниха и то, чего они стоили, извѣстно также различіе между войскомъ Миниха и войскомъ Голицына. Но г. Устряловъ, которому нужно во что бы то ни стало принести Голицына въ жертву тѣни Петровой, хотя великая тѣнь вовсе не нуждается въ подобномъ жертвоприношеніи,—г. Устряловъ говоритъ, что *малодушіе* главнаго предводителя, столь же неспособнаго, какъ и самовластнаго, принудило войско къ постыдному отступленію! И какія средства употребляетъ историкъ, чтобъ заставить читателя смотрѣть въ свои очки? За 50 лѣтъ до Крымскихъ походовъ, по извѣстію Боплана, Перекопъ былъ ничтожный городишка, безъ укрѣпленій, окопанный полуобвалившимся рвомъ; защитою ему служилъ каменный зáмокъ. «Лѣтъ черезъ 50 послѣ Крымскихъ походовъ, говоритъ г. Устряловъ, Перекопъ имѣлъ другой видъ: отъ Гнилаго до Чернаго моря, на пространствѣ 7 верстъ, проведенъ былъ ровъ въ 6 саженей отвѣсной глубины и до 12 шириною. За рвомъ находился высокій валъ съ 6 каменными башнями; зáмокъ, хорошо вооруженный, былъ наполненъ многочисленнымъ гарнизономъ; по свидѣтельству очевидцевъ, штурмовавшихъ Перекопскія линіи въ царствованіе Императрицы Анны, не легко было овладѣть ими. Но въ такое положеніе онѣ были приведены многолѣтнимъ трудомъ нѣсколькихъ тысячъ невольниковъ; въ исходѣ же XVII столѣтія Перекопъ находился, *по всей вѣроятности*, не въ лучшемъ состояніи, какъ и за 50 лѣтъ предъ тѣмъ, во времена Боплана.»—Но что̀ если кто-нибудь, изъ страсти къ противорѣчію, скажетъ, что *по всей вѣроятности* Перекопъ чрезъ 50 лѣтъ послѣ Боплана не находился въ такомъ состояніи какъ при немъ? Кто рѣшитъ этотъ споръ между г. Устряловымъ и этимъ охотникомъ противорѣчить? А если явится другой охотникъ до споровъ и скажетъ: «Бопланъ говоритъ, что Перекопъ былъ ничтожный городишка безъ укрѣпленій; но Бопланъ же говоритъ, что защитою ему служилъ каменный зáмокъ, который былъ и 100 лѣтъ спустя, тогда онъ былъ хорошо вооруженъ, былъ наполненъ многочисленнымъ гарнизономъ: что̀ же мѣшало ему находиться въ такомъ же положеніи и въ концѣ XVII вѣка, во время походовъ Голицына?» Но мы не принадлежимъ къ такимъ охотникамъ до противорѣчій; мы готовы

согласиться съ г. Устряловымъ; что Перекопъ въ 1689 году былъ плохо укрѣпленъ; но пусть позволитъ онъ намъ согласиться также и съ Гордономъ, что не было никакой выгоды брать Перекопъ; *по всей вѣроятности* Гордонъ не счелъ нужнымъ прибавить, что отчаянное положеніе войска чрезъ это взятіе ни сколько бы не улучшилось.

С. Соловьевъ.

РОБЕРТЪ БРОУНЪ.

Некрологъ.

—

12 іюня н. ст. скончался въ Лондонѣ знаменитый ботаникъ Робертъ Броунъ на восемьдесятъ пятомъ году отъ роду. Не пользуясь такой популярной извѣстностью, какъ многіе изъ современныхъ ему ученыхъ, онъ, по единогласному свидѣтельству людей, способныхъ цѣнить его заслуги, былъ главнымъ вождемъ своей науки въ теченіе нашего столѣтія. Это мѣсто принадлежитъ ему не столько по обширности его наблюденій надъ строеніемъ и образомъ жизни растеній, сколько по глубокомысленному взгляду и умѣнью прилагать дознанные факты одного даннаго случая къ объясненію сомнительныхъ явленій въ цѣломъ обширномъ классѣ или разрядѣ другихъ. Ботаника едва ли имѣла до него собственно научную основу. Она состояла изъ множества плохихъ и плохо между собою связанныхъ наблюденій. Броунъ произвелъ въ ней совершенный переворотъ употребленіемъ микроскопа и убѣжденіемъ въ необходимости изучать исторію развитія растеній для опредѣленія настоящаго ихъ устройства и физіологическихъ особенностей. Онъ далъ жизнь и значеніе тому, что̀ было прежде мертво и безцѣльно. Вліяніе его почувствовалось вездѣ: микроскопъ сдѣлался необходимымъ инструментомъ въ рукахъ ботаниста-изслѣдователя, а исторія развитія стала основою всѣхъ усовершенствованій въ классификаціи растеній. Вліяніе это не остановилось на растительномъ царствѣ, оно простерлось и на міръ животныхъ. Наблюденія Броуна побудили Шлейдена къ изслѣдованію клѣтчатки растеній, а Шлейденовы навели Швамма на его разъисканія о клѣтчаткѣ животныхъ, такъ что нынѣшнее состояніе животной физіологіи находится въ прямой связи съ тѣмъ необы-

чайшымъ вліяніемъ, какое труды Броуна имѣли на уясненіе законовъ организаціи. Дѣйствительно, въ началѣ текущаго столѣтія, онъ первый изъ спеціалистовъ схватился за великія идеи роста и развитія, (на которыя указывалъ геніальный Гёте) и которыя сдѣлались теперь главнымъ свѣточемъ всякаго біологическаго изслѣдованія, въ области какъ растительнаго, такъ и животнаго царства.

Однакожь, при такомъ обширномъ вліяніи, сочиненія его были такого рода, что не могли доставить ему общеизвѣстности, не могли сдѣлать имя его популярнымъ среди читающей публики. Они нашли себѣ мѣсто въ запискахъ англійскихъ ученыхъ обществъ, въ ученыхъ прибавленіяхъ къ тяжелымъ квартантамъ путешествій или въ латинскихъ описаніяхъ различныхъ порядковъ, родовъ и видовъ растеній. Въ Англіи не на столько интересовались трудами знаменитаго ботаника, чтобы потребовалось отдѣльное ихъ изданіе; но въ Германіи они перепечатаны въ пяти томахъ. Притомъ онъ былъ человѣкъ недовѣрчивый къ самому себѣ и застѣнчивый, онъ не любилъ ничего выказнаго и избѣгалъ обращать на себя вниманіе. Вотъ почему и могло случиться, что одинъ изъ величайшихъ изслѣдователей природы прожилъ цѣлую жизнь, не обративъ на себя никакого вниманія, и что многіе только по случаю смерти Броуна услышали объ его имени. Но за нимъ останется безсмертная слава, которая должна рости по мѣрѣ того, какъ великая наука жизни будетъ распространяться между нами.

Робертъ Броунъ былъ сынъ шотландскаго епископальнаго священника и родился въ Монтрозѣ 21 декабря 1773 года. Онъ сначала учился въ Абердинѣ, а потомъ слушалъ медицинскій курсъ въ Эдинбургѣ и окончилъ его въ 1793 г. Тогда же поступилъ онъ лѣкарскимъ помощникомъ въ шотландскій полкъ, съ которымъ отправился въ Ирландію и пробылъ тамъ до 1800 г. Своей страстью къ ботаническимъ изслѣдованіямъ онъ снискалъ себѣ расположеніе знаменитаго тогда англійскаго натуралиста сэръ-Джозефа Банкса, и его ходатайствомъ получилъ мѣсто естествовѣда при экспедиціи капитана Флейндерса для съемки и описи Новой Голландіи. Въ теченіе этого путешествія обойденъ кругомъ весь Австральскій материкъ, осмотрѣны многія части берега, и надо было такъ случиться, чтобъ судно, на ко-

торомъ отправилась экспедиція, пришлось въ 1803 году покинуть въ Портъ-Джаксонѣ какъ уже негодное къ морской службѣ. Робертъ Броунъ остался въ Новой Голландіи, посѣтилъ разныя части колоніи Новаго Южнаго Вельса и Вандименову Землю, и только въ 1805 году воротился въ Англію, привезши съ собой до 4,000 видовъ растеній. Австралія была тогда непочатымъ рудникомъ для ботаническихъ изслѣдованій. Вскорѣ потомъ Броунъ былъ опредѣленъ библіотекаремъ при Линнеевскомъ обществѣ въ Лондонѣ. Здѣсь онъ спокойно разсматривалъ свои растенія, вырабатывая съ осторожностью и терпѣніемъ настоящаго изслѣдователя тѣ глубокіе взгляды на науку, которымъ суждено было имѣть на нее такое обширное и прочное вліяніе. Одна изъ первыхъ его статей была напечатана въ Запискахъ эдинбургскаго Вернеровскаго общества и посвящена имъ семейству растеній, которыя онъ назвалъ «Асклепіадами», или ласточниковыми. Характеръ его ума или, точнѣе, его научныхъ пріемовъ, уже хорошо въ ней виденъ. Тутъ употребленъ былъ въ дѣло микроскопъ, тщательно прослѣженъ весь процессъ развитія, обнаруженъ цѣлый рядъ новыхъ фактовъ, играющихъ важную роль въ законахъ органическаго воспроизведенія, и установленъ новый порядокъ или классъ растительнаго царства. Таковы большею частію были и послѣдующія его статьи, сообщаемыя Линнеевскому и такъ-называемому Королевскому обществу. Таковъ же былъ характеръ и большаго его труда о Новоголландскихъ растеніяхъ, обнародованнаго въ 1810 году, подъ заглавіемъ Prodromus Florae Novae-Hollandiae et insulae Van Diemen. Сочиненіе это заключало въ себѣ описаніе не только тѣхъ растеній, которыя самъ онъ собралъ въ Австраліи, но и тѣхъ, которыя были собраны сэръ-Джозефомъ Банксомъ въ первое Куково путешествіе вокругъ свѣта. Книга эта была обильна новыми фактами и новыми порядками растеній. Она явилась въ качествѣ первой части, но читатели никогда не дождались второй, хотя таково повидимому и было первоначальное намѣреніе автора. Въ то время, когда вышелъ этотъ трудъ, англійскіе ботаники иначе не располагали растеній, какъ по искусственной методѣ Линнея, и Броуновъ Prodromus былъ первою англійскою книгой, посвященной научной и разумной классификаціи растительныхъ существъ. Хотя система Линнея

и пережила еще нѣсколько времени появленіе этого важнаго труда, она однакожь окончательно уступила тѣмъ началамъ распредѣленія, которыя такъ мастерски проведены были Броуномъ на практикѣ и важность которыхъ была признана не только англійскими ботанистами, Реемъ и Адамсономъ, но и самимъ Линнеемъ.

Въ 1814 году капитанъ Флейндерсъ издалъ описаніе своего путешествія, присовокупивъ къ нему дополненіе Броуна, подъ заглавіемъ: «Общія географическія и систематическія замѣчанія о ботаникѣ Австральской земли.» Въ послѣдующіе годы явились въ Запискахъ Линнеевскаго общества многія важныя для науки статьи Броуна, каковы напримѣръ: «О естественномъ порядкѣ растеній, называемыхъ серебряковыми, proteaceae», — «Замѣтки о естественной семьѣ растеній, называемыхъ дождевиковыми грибами, compositae», — «О новомъ родѣ растеній, называемомъ раффлезія, Rafflesia» *. Въ 1828 году напечаталъ онъ отдѣльно «Краткій отчетъ о микроскопическихъ наблюденіяхъ надъ частицами, содержащимися въ плодотворной пыли растеній, и о существованіи дѣятельныхъ молекулъ въ органическихъ и неорганическихъ тѣлахъ вообще». Онъ первый указалъ на движенія этихъ частицъ, — движенія, которыхъ всю важность мы теперь еще не постигаемъ, но которыя конечно уяснятся для насъ въ будущемъ. Этотъ замѣчательный феноменъ обыкновенно и называется «Броуновскимъ движеніемъ». Броуну же принадлежатъ ботаническія прибавленія къ путешествіямъ Росса и Парри въ арктическія страны, къ экспедиціи Туки (Tuckey) въ Конго, и къ изслѣдованіямъ Удни, Денгама и Клаппертона въ центральной Африкѣ. Съ помощію Беннета описалъ онъ сверхъ того рѣдкія растенія, собранныя докторомъ Горсфильдомъ въ бытность его на островѣ Явѣ.

Въ 1810 году, по смерти Дреяндера, Броуну поручено было храненіе богатой библіотеки и собраній сэръ-Джозефа Банкса, который даже завѣщалъ ихъ ему въ пожизненное владѣніе. Въ 1827 году, съ его согласія, они были переведены въ Британскій

* Въ честь извѣстнаго сэръ-Томаса Стамфорда Раффльза, бывшаго губернаторомъ острова Явы въ тотъ періодъ времени, когда Англичане завладѣли, по поводу революціонныхъ войнъ, всѣми колоніями Голландцевъ.

музей, и Броунъ добровольно принялъ на себя званіе хранителя ботанической части этого учрежденія. Въ 1811 онъ избранъ въ члены Королевскаго общества и былъ неоднократно назначаемъ присутствующимъ въ его совѣтъ. Въ 1832 г., вмѣстѣ съ Дальтономъ, Брустеромъ и Фарадеемъ, получилъ онъ почетный докторскій дипломъ отъ Оксфордскаго университета. Въ 1833 г. онъ удостоился чести поступить въ число осьми иностранныхъ членовъ Французскаго Института, который при этомъ случаѣ отдалъ ему преимущество передъ такими соискателями, какъ Бессель, фонъ-Бухъ, Фарадей, Гершель, Якоби, Плана, Мичерлихъ и Эрстедъ. Въ 1839 Броунъ получилъ отъ Королевскаго общества большую Коплееву медаль за открытія по ботанической части; въ 1849 былъ избранъ въ президенты Линнеевскаго общества, но отказался отъ этого званія въ 1853 г. Сверхъ жалованья по мѣсту въ Британскомъ музеѣ, сэръ-Робертъ Пиль испросилъ ему по 200 фунтовъ стерл. пенсіи въ награду за ученые труды. По ходатайству друга своего Гумбольдта, Броунъ получилъ сверхъ того прусскій орденъ «за заслуги» (pour le mérite); но что̀ еще важнѣе этого, Гумбольдтъ давно уже назвалъ его «чуть ли не первымъ ботанистомъ въ свѣтѣ» (botanicorum facile princeps), и этотъ титулъ остался неоспоримымъ его достояніямъ.

Онъ умеръ 13 іюня н. ст., окруженный своими коллекціями въ той самой комнатѣ, которая была прежде библіотекой сэръ-Джозефа Банкса. Какъ частный человѣкъ, онъ пользовался любовью многочисленнаго круга друзей, уважавшихъ въ немъ необыкновенную здравость мысли, замѣчательную простоту нравовъ и истинное благодушіе.

(Изъ Athenaeum.)

ГАРЕМЫ ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ И БРАЧНЫЯ ОТНОШЕНІЯ МУСУЛЬМАНЪ.

(Статья Л. А. Франкля).

—

Докторъ Ф., имѣющій практику и во многихъ магометанскихъ домахъ, доставилъ мнѣ удовольствіе посѣтить гаремъ, удовольствіе, о которомъ у насъ на Западѣ обыкновенно говорятъ съ живѣйшимъ любопытствомъ и аппетитною улыбкой. Такъ какъ мнѣ удалось благополучно вырваться изъ рукъ бѣлыхъ, оливковыхъ и черныхъ женъ и рабынь, и возвратиться изъ гаремовъ, не возбудивъ турецкой ревности, то я намѣренъ описать это мусульманское раздолье и выдать нѣкоторыя изъ его тайнъ.

Безъ доклада вошли мы въ домъ богатаго эффенди Фаэди. Изъ узкихъ, темныхъ сѣней мы взошли по лѣстницѣ на открытую террасу, гдѣ застали хозяина, прохаживающагося взадъ и впередъ. Онъ принялъ насъ самымъ дружескимъ образомъ и повелъ въ женскіе покои, этажемъ выше.

Вверху, на небольшой площадкѣ передъ дверью, стояло нѣсколько паръ деревянныхъ сандалій и желтыхъ туфель, оставляемыхъ женщинами, чтобы не затоптать комнатныхъ ковровъ.

Не столько старая, сколько старообразая жена сидѣла въ кругу четырехъ замужнихъ дочерей, изъ которыхъ одна, жившая прежде въ Наплузѣ, овдовѣла и возвратилась въ родительскій домъ. Доктора Ф. встрѣтили, какъ встрѣчаютъ домашнихъ друзей въ Европѣ, весьма привѣтливо, и чуть не бросились ему на шею. Насъ усадили на диванъ.

Бесѣда шла на арабскомъ языкѣ и касалась предметовъ и отношеній, мнѣ незнакомыхъ, а потому я имѣлъ полный досугъ наблюдать сцену и дѣйствующія лица.

Въ горницѣ было четыре окна, не съ стеклами, а съ деревянными рѣшетками, сквозь которыя можно свободно глядѣть на улицу, но съ улицы вверхъ не видно ничего. По стѣнамъ стояли широкіе диваны, не выше одного фута, обтянутые пестрымъ ситцемъ; на каменномъ полу былъ разостланъ коверъ. Нишъ, обращенный въ шкафъ съ пестро-размалеванною дверью, прерывалъ однообразную наготу одной изъ стѣнъ.

Одежда на женщинахъ была широкая, большею частью яркополосатая и открытая спереди, такъ что груди просвѣчивали сквозь свѣтло-розовую, тончайшую фату. Головное украшеніе составлялъ тарбушъ. Брови, губы и щеки—все было подцвѣчено. Въ чертахъ лица не было ничего такого, что̀ придавало бы имъ особенное значеніе или заставляло бы обратить на нихъ вниманіе, хотя и нельзя было отказать имъ въ пріятности.

Ногти и ладони были окрашены желтою краской. По временамъ эти дамы стягивали фату на подбородкѣ, но тотчасъ же опять опускали ее, такъ что въ этомъ жестѣ болѣе выражалась безотчетная привычка, нежели преднамѣренное дѣйствіе. По всему замѣтно было, что и здѣсь, какъ мы уже часто видимъ теперь на всемъ Востокѣ, не соблюдается во всей строгости законъ пророка: «И повѣдай правовѣрнымъ женамъ, да потупляютъ очи свои и да хранятъ цѣломудріе, да не обнажаютъ прелестей своихъ, да скрываютъ перси свои подъ фатою и да не узритъ ихъ никто, кромѣ мужа, и проч.»

Молодая абиссинская рабыня, поразившая меня своими роскошными формами, съ обычнымъ безмолвнымъ поклономъ принесла лимонадъ и кальяны. Волосы ея, нѣсколько кудреватые, свободно вились вокругъ смуглаго, бронзоваго лица; свѣтло-сѣрые глаза горѣли какимъ-то особеннымъ блескомъ; небольшой носъ отличался изяществомъ формы; только нѣсколько вздутыя губы и цвѣтъ лица напоминали о чуждомъ ея происхожденіи, но въ то же время возвышали ослѣпительную бѣлизну великолѣпныхъ зубовъ. Хозяинъ, кажется, замѣтилъ, что взоръ мой съ особеннымъ вниманіемъ остановился на рабынѣ, и, узнавъ впослѣдствіи, что я намѣренъ взять съ собой чер-

наго мальчика, онъ чрезъ нѣсколько дней съ дипломатическою тонкостью велѣлъ спросить меня, не пожелаю ли я лучше взять чернокожую дѣвушку.

Вдова оказалась самою веселою изо всѣхъ дамъ; шуткамъ ея съ докторомъ не было конца. Обратившись ко мнѣ, она спросила меня чрезъ него, почему я не уговорю своего друга жениться и женатъ ли я самъ? Получивъ на послѣднее утвердительный отвѣтъ, она пожелала знать, сколько у меня женъ.

— Намъ, жителямъ Запада, не позволяется имѣть болѣе одной жены.

— Бѣдняжки! сказала она тономъ, въ которомъ выражалось непритворное сожалѣніе, но тотчасъ же продолжала прежнимъ веселымъ голосомъ: — Есть ли на свѣтѣ что-нибудь лучше жены?

— *Четыре* жены! отвѣчалъ я шутя,—какъ твой пророкъ разрѣшаетъ каждому мусульманину.

Дамы засмѣялись, а хозяинъ дома замѣтилъ: «Ты умный франджи (франкъ), и я изумляюсь твоей учености. Но вы, жители Запада, ошибаетесь на нашъ счетъ. У насъ рѣдко бываетъ болѣе одной жены; мы только имѣемъ право прогонять нашихъ женъ, когда ими недовольны, и брать на ихъ мѣсто другихъ».

Дамы почтительно выслушали слова хозяина, не спуская съ него глазъ, и каждый разъ, когда онъ начиналъ говорить, выражали такое же подобострастіе.

Потомъ вдова спросила меня, строго ли мы стережемъ своихъ женъ, и когда я замѣтилъ ей на это, что у насъ жены сами обязаны охранять свою собственную честь и честь своихъ мужей и что у насъ не можетъ быть рѣчи о стереженіи иначе, какъ только въ смыслѣ защиты, то она возразила: «Самое лучшее доказательство любви мужа къ женѣ въ томъ, чтобы онъ какъ можно строже стерегъ ее.»

Побесѣдовавъ такимъ образомъ съ часъ, мы распрощались къ общему сожалѣнью, и когда дамы узнали, что я также врачъ, то убѣдительно просили насъ навѣстить ихъ опять въ непродолжительномъ времени. На прощанье, онѣ, по прекрасному англійскому обычаю, дружески пожали намъ руки и про-

водили насъ до дверей комнаты. Самъ хозяинъ, провожая насъ, шелъ впереди до самой наружной двери.

Отсюда мы пошли въ другой домъ навѣстить жену одного магометанина, заболѣвшую лихорадкой. Она лежала на полу, въ углу комнаты, похожей на вышеописанную. Постели въ магометанскихъ домахъ стелятся такимъ образомъ каждый вечеръ, а утромъ опять убираются съ глазъ долой.

Больная, женщина лѣтъ пятнадцати, мать двоихъ дѣтей, была очень красива собой; щеки ея горѣли отъ лихорадочнаго жара; она жаловалась на острую боль въ печени и нѣсколько разъ самымъ плачевнымъ тономъ обращалась къ намъ съ просьбою: «Вылѣчи меня для моего мужа». Насъ провела къ ней рабыня. Увидѣвъ въ первый разъ меня, совершенно незнакомаго ей человѣка, она нисколько не смутилась, можетъ-быть потому, что болѣзнь очень одолѣвала ее, и когда я былъ отрекомендованъ ей, какъ врачъ, она тотчасъ же протянула мнѣ руки, съ тѣмъ, чтобы я пощупалъ пульсъ на обѣихъ вдругъ.

Болѣе богатства и совершенно неожиданное зрѣлище встрѣтили мы въ домѣ эффенди Мугамеда Али. Маленькая дверь вела въ темный переходъ со сводомъ, гдѣ стояли на привязи лошадь и оселъ. Поднявшись нѣсколько ступеней вверхъ, мы вышли оттуда на большой дворъ. Здѣсь росли миндальныя деревья, усѣянныя красными цвѣтами, и двѣнадцать рабовъ всякаго пола и возраста, громко разговаривая между собой, занимались разными легкими работами. Женщины, въ однѣхъ длинныхъ рубахахъ, чистили у водоема мѣдную посуду, жаровни, тазы, подкальянники; мущины, полуодѣтые, прочищали чубуки, таскали дрова небольшими вязанками, а дѣти вертѣлись у нихъ подъ ногами.

Посреди ихъ, покуривая папироску, расхаживала хозяйка дома, одѣтая въ пестрое платье. Когда мы вошли, она закрыла свое лицо чернымъ, непроницаемымъ покрываломъ, раскланялась съ докторомъ, изъявила сожалѣніе, что ея господина нѣтъ дома, однакожь просила насъ войдти, а сама тотчасъ же удалилась въ женскіе покои.

Докторъ замѣтилъ мнѣ, что она закрылась покрываломъ и ушла собственно ради меня и потому, что мужа не было дома. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ принималъ у нея близнецовъ,

и съ тѣхъ поръ она питала къ нему особенную благодарность и уваженіе. Вообще онъ испыталъ, что признательность составляетъ отличительную черту въ характерѣ магометанъ.

Два прекрасные мальчика, лѣтъ семи, выбѣжали изъ покоевъ, куда удалилась хозяйка, и бросились навстрѣчу доктору.

—Видите ли! мать выслала ко мнѣ дѣтей, въ знакъ особеннаго вниманья. Теперь послушайте, что̀ они будутъ отвѣчать на мой вопросъ. Скажите-ка мнѣ, милые, кто я такой?

Въ одинъ голосъ отвѣчали мальчики: — Ты нашъ второй отецъ.

Они водили насъ по дому. Въ бель-этажѣ мы вошли въ большой залъ съ множествомъ оконъ, закрытыхъ рѣшетчатыми деревянными ставнями (жалузи). Диваны были обтянуты ярко-пунцовою шерстяною матеріей съ золотой бахрамой; на нихъ лежали такія же пунцовыя подушки съ тиснеными золотыми узорами. Ни одной люстры, ни одного зеркала! Рѣшетки въ окнахъ, шкафы, сдѣланные въ нишахъ стѣнъ, и двери не были окрашены никакою краской.

«Вотъ вамъ и пресловутое восточное великолѣпіе!» замѣтилъ докторъ.

Разными террасами, арками и дворами, гдѣ царствовалъ невыразимый хаосъ всѣхъ возможныхъ архитектурныхъ стилей, мы перебрались въ другую половину дома и вошли въ только что отдѣланный залъ съ боковыми комнатами.

На Западѣ много толкуютъ о многоженствѣ, о гаремной жизни, о рабыняхъ; но рѣдко, даже между образованными людьми, встрѣтишь вѣрныя понятія обо всѣхъ этихъ учрежденіяхъ и отношеніяхъ. Сообщаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ въ самыхъ общихъ чертахъ.

Законъ дозволяетъ мусульманину имѣть четырехъ женъ и столько наложницъ, сколько ему угодно. Коранъ гласитъ: «Берите въ супружество изъ женъ, которыя вамъ нравятся, двухъ, трехъ, или четырехъ; если же боитесь, что это не хорошо, то берите одну, или тѣхъ, кого пріобрѣла десница ваша, то-есть вашихъ рабынь.»

Большею частью, однакожь, магометане живутъ теперь въ одноженствѣ, потому что жены рѣдко уживаются между собой, и для каждой надо заводить особое хозяйство, а это сопряжено

съ большими издержками. Такое неудобство они обходятъ тѣмъ, что мѣняютъ женъ одну за другою. Есть мужья, которые смѣняли на своемъ вѣку до тридцати женъ и болѣе, и есть молодыя жены, уже успѣвшія перебывать въ рукахъ цѣлой дюжины мужей.

Нѣтъ ничего легче, какъ развестись съ женой: стóитъ только сказать ей при свидѣтеляхъ: «ты отвергнута!» и дѣло кончено. На оставленной женѣ можно снова жениться, но, законнымъ образомъ, только въ такомъ случаѣ, если она еще не была изгнана изъ дому три раза, или, во время развода, не была женой другаго. Чтобы обойдти и это правило, мусульманинъ покупаетъ чернаго раба, который, по предварительному условію, женится на трижды изгнанной женѣ. На другой день онъ даритъ раба его же собственной половинѣ, и этимъ самымъ бракъ расторгается, потому что женщина не можетъ быть женой своего раба, хотя, впрочемъ, ей предоставляется право тотчасъ же отпустить его на волю и остаться его женой. Такой черный рабъ можетъ служить отличнымъ героемъ для романиста, одареннаго пылкимъ воображеніемъ, и мы спѣшимъ рекомендовать его въ этомъ смыслѣ нашимъ поэтамъ. Между бѣднѣйшими классами, гдѣ жены должны сами пріобрѣтать деньги, у одного мужа чаще встрѣчается по двѣ жены. Если жена безплодна, то мусульманинъ женится на другой, а если и эта не принесетъ въ его домъ благословенія, то на третьей и на четвертой. Когда нѣсколько женъ живутъ вмѣстѣ, то первая пользуется преимуществомъ передъ прочими; она называется эсъ-ситтъ, главною женой. Законъ обязываетъ мужа быть безпристрастнымъ и равно благосклоннымъ ко всѣмъ женамъ; не смотря на то, онѣ живутъ въ вѣчной враждѣ и взаимной ревности, хотябъ даже имѣли отдѣльные покои и кухни. Бываютъ также случаи, что жена сама приводитъ мужу свою рабыню. Но если мужъ приживетъ съ невольницей ребенка, не получивъ ее въ подарокъ отъ жены, то ребенокъ остается въ рабствѣ. Въ избѣжаніе этого жена можетъ подарить мужу беременную отъ него рабыню, пока она еще не родила.

Приживъ ребенка съ рабынею, господинъ лишается права продавать или дарить ее; послѣ смерти его, она получаетъ свободу. Иногда господинъ отпускаетъ на волю рабыню, родив-

шую ему ребенка; но если онъ послѣ этого захочетъ продолжать съ нею связь, то долженъ взять ее въ жены.

Судьба рабыни едва ли не лучше судьбы жены. Послѣднюю мусульманинъ можетъ прогнать и обязывается въ такомъ случаѣ обезпечить ея существованіе только на время. Отверженная жена можетъ опять выйдти за мужъ не ранѣе трехъ мѣсяцевъ послѣ развода, а если она беременна, то не ранѣе сорока дней послѣ родовъ.

Невольницу онъ не можетъ прогнать, но обязанъ пещись объ ней и выдать ее замужъ. Признанный отцомъ ребенокъ невольницы свободенъ, а непризнанный обращается въ рабство. Господинъ можетъ выдать рабыню или женить раба какъ ему угодно, но расторгнуть ихъ бракъ не имѣетъ права. При покупкѣ рабынь всего выше цѣнятся бѣлыя; за ними слѣдуютъ Абиссинки, бронзоваго цвѣта, отличающіяся нѣжнымъ складомъ, свѣтлыми глазами и тонкою, какъ атласъ, кожей; негритянки дешевле всѣхъ. Покупаемыя рабыни предварительно отдаются на испытаніе въ гаремъ. Если окажется, что онѣ во снѣ скрежещутъ зубами, говорятъ или храпятъ, ихъ обыкновенно возвращаютъ продавцу.

Когда дѣвушка достигнетъ совершеннолѣтія, то вступленіе въ бракъ зависитъ отъ ея собственной воли; въ противномъ же случаѣ отецъ или опекунъ выдаютъ ее замужъ и берутъ за нее съ мужа предварительно условленную плату. Такимъ же образомъ женятъ и молодыхъ мальчиковъ; только они сохраняютъ право разводиться съ своими женами.

Наименьшая плата за жену десять диргемовъ (около 1 рубл. 50 коп. сер.)

Если жена не повинуется мужу, онъ приноситъ на нее жалобу кади. Если жалобу эту подтвердятъ два свидѣтеля, то жена отмѣчается, какъ непокорная, а мужъ освобождается отъ обязанности обезпечивать ея существованье; между тѣмъ ихъ не разводятъ, и черезъ это жена лишается права вступить въ другой бракъ.

Мусульманинъ можетъ жениться на іудейкѣ и на христіанкѣ, если объявитъ, что непреодолимая сила любви влечетъ его къ этому; но дѣти ихъ всегда воспитываются въ вѣрѣ ислама.

Когда христіанинъ женится на іудейкѣ, то, по мусульманскому закону, дѣти отъ такого брака, если не захотятъ быть магометанами, должны оставаться при «лучшей вѣрѣ».

Магометанкамъ воспрещается вступать въ бракъ съ людьми другихъ исповѣданій.

ВОДА И ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ЭКОНОМІИ ПРИРОДЫ.

Das Wasser. — Von C. A. Rossmässler. Leipzig, 1858.

—

Передъ нами лежитъ трактатъ извѣстнаго *Росмеслера*, роскошно изданный томъ въ большую осьмушку, слишкомъ въ 500 страницъ, съ 8-мью великолѣпными хромо-литографическими рисунками. Росмеслеръ знакомитъ въ своемъ сочиненіи образованную публику съ тою громадною ролью, которую играетъ вода на земномъ шарѣ. Онъ разсматриваетъ воду со стороны ея химическихъ и физическихъ свойствъ, какъ составную часть атмосферы, какъ главный элементъ, отъ котораго зависитъ климатъ, какъ образовательную силу земнаго шара, разсматриваетъ море и воды материка, говоритъ о водѣ какъ о пищѣ, какъ о мѣстѣ жительства животныхъ и растеній, о значеніи воды въ торговлѣ и ремеслахъ, наконецъ о ея поэтическомъ и художественномъ значеніи. Предметъ богатый, и талантливому писателю есть гдѣ развернуться. Первому отдѣлу, о химическихъ и физическихъ свойствахъ воды, посвящено всего 30 страницъ, такъ что главный предметъ сочиненія составляетъ вода въ томъ видѣ и въ той массѣ, какъ она встрѣчается въ природѣ непосредственно. Понятно, что автору безпрестанно приходится чертить *картины природы:* въ нихъ лежитъ богатый поэтическій элементъ, которымъ Росмеслеръ мастерски воспользовался, чтобы придать своему сочиненію увлекательность. Но одной увлекательности мало. Въ этихъ картинахъ должны быть обозначены общими, но яркими чертами главные результаты науки; должно поставить читателя на ту точку зрѣнія, съ которой смотритъ на эти картины знающій естествоиспытатель. Многіе думаютъ, что та-

кая точка зрѣнія пагубна для поэтическаго элемента, что простой человѣкъ, напримѣръ, восхищается красотою женщины, а физіологъ видитъ въ ней только сложную машину, родъ ходячей лабораторіи. Это мнѣніе несправедливо; знаніе не вредитъ поэзіи; еслибы дѣйствительно было такъ, то и тогда слѣдовало бы предварительно рѣшить, что́ надо предпочесть: ложный, но поэтическій взглядъ на предметъ или лишенный поэзіи истинный? Но повторяемъ, знаніе не вредитъ поэзіи; только знающій человѣкъ будетъ смотрѣть на предметъ съ другой точки зрѣнія и найдетъ, можетъ-быть, поэтическій элементъ совершенно не тамъ, гдѣ найдетъ его другой, и если автору популярнаго сочиненія удастся поставить читателя на эту точку зрѣнія, онъ принесетъ ему существенную пользу.

Безъ сомнѣнія, эта задача не легка; во всѣхъ описаніяхъ авторъ долженъ оставаться вѣрнымъ современной наукѣ въ обширномъ смыслѣ слова, на сколько она имѣетъ вліяніе на избранный имъ предметъ, онъ долженъ останавливаться преимущественно на тѣхъ сторонахъ предмета, въ которыхъ видно современное состояніе науки, и вмѣстѣ съ тѣмъ не вдаваться въ частности, которыя могутъ затемнить картину для человѣка, не знакомаго съ наукой. — Росмеслеръ удовлетворительно рѣшилъ эту задачу. Многія мѣста въ его сочиненіи написаны чрезвычайно увлекательно; можно замѣтить только, что онъ предполагалъ въ читателѣ слишкомъ мало свѣдѣній, и особенно въ первыхъ главахъ вдается въ такія элементарныя подробности, которыя извѣстны всякому образованному человѣку.

Мы не намѣрены дѣлать полное извлеченіе изъ толстаго тома, а лучше обратимъ вниманіе читателей на нѣкоторыя отдѣльныя главы и остановимся на нихъ предпочтительно.

Объяснивъ химическій составъ воды и ея физическія свойства, разсмотрѣвъ роль воды въ атмосферѣ, описавъ различные виды водяныхъ метеорическихъ явленій, Росмеслеръ приступаетъ къ статьѣ о вліяніи воды на климатъ. Чтобы тотчасъ показать читателю, какъ важно это вліяніе и какъ дѣйствуетъ оно на образъ жизни и обычаи жителей, онъ приводитъ извлеченіе изъ статьи Дезора о климатѣ Соединенныхъ Штатовъ. Нѣмецъ или Швейцарецъ, пишетъ Дезоръ, пріѣхавъ въ Нью-Іоркъ, вовсе не замѣтитъ разницы между климатомъ Америки и свое-

го отечества; сѣверные Соединенные Штаты и средняя Европа лежатъ подъ одною широтой, изотермическія линіи — линіи равной температуры — здѣсь и тамъ идутъ совершенно одинаково, зима въ Нью-Іоркѣ или Бостонѣ такъ же холодна, лѣто такъ же жарко, какъ во Франкфуртѣ или Базелѣ. И не смотря на такое согласіе, переѣхавшій въ Нью-Іоркъ Европеецъ чрезъ нѣсколько времени долженъ измѣнить свои привычки, пріемы, съ которыми онъ уже сроднился въ отечествѣ при отправленіи своего ремесла или художества, онъ долженъ здѣсь бросить ихъ и замѣнить другими. Такъ напримѣръ бѣлье сохнетъ въ Нью-Іоркѣ вдвое скорѣе, нежели въ Европѣ, даже зимою; хлѣбъ черствѣетъ съ необыкновенной быстротой, и Нѣмки, привыкшія дома запасаться хлѣбомъ на недѣли, должны здѣсь печь ихъ каждый день или по крайней мѣрѣ черезъ день: зато погреба въ Соединенныхъ Штатахъ превосходны, нѣтъ въ нихъ ни плѣсени, ни затхлости. На окнахъ зимою нѣтъ тамъ тѣхъ фантастическихъ снѣжныхъ и ледяныхъ узоровъ и ладшафтовъ, которыми покрыты они у насъ въ Европѣ, и въ которыхъ многіе думаютъ видѣть изображеніе листьевъ и вѣтвей того растенія, изъ золы котораго сдѣлано стекло: мысль, вѣроятно порожденная чтеніемъ Ключа къ таинствамъ натуры Эккартсгаузена или другими мистическими трактатами о палингенезіи.

Понятно, что сухость воздуха должна имѣть вліяніе на жизнь и здоровье людей, но до какой степени это вліяніе могущественно, какъ дѣйствуетъ оно на обычаи, привычки, на ремесла и художества, объ этомъ не всякій давалъ себѣ ясный отчетъ. Взглянемъ на Соединенные Штаты и увидимъ изъ сравненія, какъ отсутствіе влажности въ воздухѣ заставляетъ, напримѣръ, молодыхъ Нѣмчиковъ, дома съ презрѣніемъ смотрѣвшихъ на помаду, отбросить философскій стыдъ и маслить голову каждый день. Тамъ не знаютъ сырости въ домахъ и только что отстроенный домъ заселяютъ тотчасъ жильцами; масляныя краски сохнутъ гораздо скорѣе, нежели у насъ; зато столяры должны обращать тщательное вниманіе на выборъ и сушку дерева: совершенно сухое для Европы, оно лопнуло бы въ Америкѣ.

Всѣ эти явленія очевидно доказываютъ сухость воздуха. Какъ согласить это съ тѣмъ фактомъ, что количество ежегодно падающей дождевой воды въ Соединенныхъ Штатахъ не толь-

ко не менѣе, но даже въ иныхъ мѣстахъ болѣе, нежели въ Европѣ? Такъ въ Бостонѣ ежегодно падаетъ 38 дюймовъ, въ Филадельфіи 45, между тѣмъ какъ среднее количество ежегодной дождевой воды для Англіи — 32 д., для Франціи — 25, для средней Германіи — 20, для Венгріи всего 17 дюймовъ. Количество дождливыхъ дней въ Америкѣ также не менѣе, чѣмъ въ Европѣ, а между тѣмъ вообще климатъ Соединенныхъ Штатовъ гораздо суше европейскаго. Это мнимое противорѣчіе объясняется очень просто: въ хорошую погоду американская атмосфера заключаетъ въ себѣ гораздо менѣе водяныхъ паровъ, нежели европейская. Извѣстно, что при данной температурѣ въ опредѣленномъ объемѣ воздуха можетъ заключаться не болѣе опредѣленнаго количества водянаго пара, излишекъ его тотчасъ превращается въ воду, и въ видѣ дождя, снѣга, и проч. выдѣляется, осѣдаетъ. Европейскій воздухъ всегда носитъ въ себѣ количество паровъ, очень близкое къ этому предѣлу, къ точкѣ насыщенія, между тѣмъ какъ въ Америкѣ при хорошей погодѣ это количество несравненно меньше. Причина сухости американскаго воздуха очевидна. Въ Америкѣ, какъ и въ Европѣ, преобладаютъ западные вѣтры. Но въ Европу они входятъ прямо съ океана, насыщенные его испареніями; въ Соединенные же Штаты достигаютъ, перешедши поперекъ всего материка и израсходовавъ надъ нимъ почти весь запасъ влажности.

Сухость климата имѣетъ важное вліяніе на растительность, на животное царство, на самого человѣка. Прошло всего 230 лѣтъ, какъ Англичане стали заселять Америку, а ужь англійскій типъ совершенно преобразился въ новый, типъ Янки. Этотъ типъ въ физіологическомъ отношеніи отличается худобою и необыкновенною длиной и тонкостью шеи. Климатъ Соединенныхъ Штатовъ ощутительно дѣйствуетъ не только на поколѣнія, но даже на отдѣльныя лица.

Океанъ, разогрѣваемый у экватора вертикальными лучами солнца, сильно испаряется, и пары эти, вмѣстѣ съ раскаленнымъ воздухомъ, стремятся вверхъ, образуя такимъ образомъ вокругъ земнаго шара вѣчно насыщенный поясъ, котораго положеніе параллельно съ экваторомъ и смотря по времени года подвигается то къ сѣверу, то къ югу, не выходя изъ предѣловъ

между 5° южн. и 15° сѣв. шир.; спускаясь потомъ къ югу и къ сѣверу, онъ выдѣляетъ бо́льшую часть своихъ паровъ въ видѣ тропическихъ дождей, но не смотря на то «остается главнымъ движущимъ колесомъ всей климатической машины земнаго шара — атмосферы». Ежегодно испаряется между тропиками слой воды въ 16 футовъ глубины, преимущественно въ Тихомъ океанѣ. По вычисленію Джонстона на землѣ ежегодно падаетъ 1,910 географическихъ кубич. миль дождя: три четверти этой массы даютъ Тихій и Индѣйскій океаны. Чтобы яснѣе понять всю громадность такого процесса, не надо забывать, что эти 1,910 куб. миль воды носятся сначала въ воздухѣ въ видѣ пара, слѣдовательно занимаютъ въ 1,700 разъ болѣе мѣста, то-есть всего 3¼ милліона куб. миль. Въ такихъ размѣрахъ испареніе и выдѣленіе воды образуютъ въ атмосферѣ и въ океанѣ множество различныхъ теченій, о которыхъ рѣчь впереди. Сравнительно съ испареніями океана, испаренія другихъ частей земнаго шара незначительны. Въ нѣкоторыхъ странахъ испареніе и выдѣленіе уравновѣшиваются, такъ напримѣръ близь Каспійскаго моря. Его постоянный уровень доказываетъ, что оно получаетъ сполна назадъ всю испаряющуюся воду, а отсутствіе рѣкъ, — что количество упадающей воды не имѣетъ излишка.

Образовавшись въ области юго-восточнаго пассата, частица пара, по указанію Мори, поднимается выше и выше вмѣстѣ съ приближеніемъ къ экватору; перешедши чрезъ него, начинаетъ опускаться или ближе или далѣе, смотря по времени года и другимъ обстоятельствамъ, и снова достигаетъ нижнихъ слоевъ атмосферы, продолжая свое движеніе, пока не превратится въ воду. Частица пара, образовавшаяся въ сѣверномъ полушаріи, подъ тропикомъ, держитъ путь въ противоположную сторону. Такое движеніе, раздѣляемое парами съ атмосферою, производитъ постоянный обмѣнъ, непрерывныя теченія въ атмосферѣ. Разгоряченный и насыщенный парами воздухъ стремится къ сѣверу и югу по верхнимъ слоямъ атмосферы, между тѣмъ какъ подъ нимъ дуютъ сѣверо и юго-восточный пассаты; при этомъ движеніи направленіе верхнихъ, разогрѣтыхъ частицъ склоняется мало-по-малу къ востоку, а сами частицы начинаютъ спускаться. Вскорѣ спускаются онѣ до той высоты, гдѣ ду-

етъ пассатъ, — потокъ болѣе холоднаго воздуха, стремящійся наполнить пустоту, образовавшуюся у экватора; тутъ происходитъ штиль, начинается борьба между двумя потоками, и наконецъ они мѣняются мѣстами: экваторіальное теченіе занимаетъ нижніе слои атмосферы, полярное верхніе. — Разумѣется, эта система воздушныхъ теченій есть только теорія. Опыты и наблюденія часто, почти всегда, разногласятъ съ теоріею въ естественныхъ наукахъ, потому что на дѣлѣ на всякое явленіе дѣйствуетъ множество факторовъ, опущенныхъ изъ вида при теоретическомъ изъясненіи его. Если мы можемъ сдѣлать для каждаго частнаго случая поправку, если мы можемъ въ точности указать на причины разногласія наблюденій съ теоретическими выводами и опредѣлить ихъ степень и значеніе, тогда теорія оказывается вѣрна. Но въ нашемъ случаѣ этихъ частныхъ факторовъ такое множество, дѣйствіе ихъ такъ разнообразно и такъ мало изслѣдовано, что мы еще никакъ не можемъ основать на нихъ какую бы то ни было поправку. Мы можемъ сказать только вообще, что бо́льшая часть дождей сѣвернаго полушарія въ умѣренномъ и холодномъ поясѣ образуется изъ паровъ южной области пассатовъ.

Въ числѣ разнообразныхъ факторовъ, горы имѣютъ большое вліяніе на климатъ страны и на ея гидрометрическія свойства. Юго-восточный пассатъ, насыщенный парами, выдѣляетъ бо́льшую часть ихъ, проходя надъ покатостью Бразиліи, доходитъ до Андскаго хребта, уже почти лишенный влажности, осаждаетъ послѣдніе остатки ея на его снѣжныхъ вершинахъ съ восточной стороны, а по западному его склону сухой и охлажденный воздухъ стремится въ территорію Перу и Чили, лишенную дождей, гдѣ богатая растительность возможна только по берегамъ небольшихъ рѣкъ, берущихъ начало въ Андахъ.

Воздушный потокъ, встрѣчая на пути гору, если гора эта достаточно высока, измѣняетъ свое направленіе; если температура горы ниже температуры потока, то часть находящихся въ немъ паровъ спустится, и въ видѣ росы или дождя упадетъ на землю. При этомъ произойдутъ совершенно различныя явленія, смотря потому, покрыта ли гора растеніями, или нѣтъ. Если склонъ ея покрытъ лѣсомъ, то совокупность листвы представляетъ огромную поверхность, безпрестанно выдыхаю-

щую влажность; вѣтеръ ускоряетъ испареніе этой влаги, быстро замѣняя насыщенный ею воздухъ новымъ, а при всякомъ испареніи происходитъ холодъ. Изъ этого слѣдуетъ, что присутствіе лѣса сильно способствуетъ осажденію паровъ, вслѣдствіе холода, производимаго испареніями листвы. Постоянно происходитъ это превращеніе воды въ паръ и паровъ въ воду, и результатомъ его получаются источники и ручьи.

Но не одинъ лѣсъ важенъ при образованіи источниковъ. Ничтожная травка, мохъ, которымъ покрыта подлѣсная почва, играютъ важную роль, на которую Росмеслеръ указалъ въ другомъ своемъ сочиненіи, Flora im Winterkleide.

«Мохъ, говоритъ онъ, обусловливаетъ обитаемость цѣлыхъ областей: такъ велико его значеніе! Надо взойдти на вершины германскихъ лѣсистыхъ горъ, чтобы понять это. Слой мха, покрывающій почву этихъ горъ, поддерживаетъ существованіе берущихъ тамъ начало потоковъ и ручьевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживаетъ жизнь растеній, животныхъ и человѣка. Можетъ-быть это покажется кое-кому преувеличеньемъ. Онъ согласится съ нами, если случится ему когда-нибудь подвергнуться проливному дождю въ живописномъ ущельи Гарца, Шварцвальда, или Рудныхъ горъ. Желалъ бы я повесть его на крутизну, подъ которой стремится потокъ, гдѣ старыя сосны и ели пустили корни въ разсѣлины горы, гдѣ все покрыто роскошными коврами мховъ.... Тамъ заставилъ бы я его выдержать сильный ливень, промокнуть до костей. И потомъ спросилъ бы я его: замѣчаетъ ли онъ какую-нибудь перемѣну? Ручей внизу едва, едва увеличился; на склонѣ, гдѣ мы пріютились и на противоположномъ, все осталось, какъ было до дождя, а дождь былъ силенъ. Не будь эта крутизна покрыта мхомъ, стремительные потоки дождевой воды разрыли бы почву, снесли бы одно за другимъ деревья и превратили бы весь роскошный ландшафтъ въ пустыню.»

Такъ мелкая травка и мохъ задерживаютъ дождевую воду, по каплямъ сочится она между ними и уравновѣшиваетъ уровень потока. Раскалятъ ли лѣтніе лучи солнца голую почву, глубоко проникнетъ жаръ и высушитъ землю; упадутъ эти лучи на мохъ, онъ не допуститъ ихъ изсушить ее и сохранитъ пріобрѣтенный капиталъ для доставленія отчасти ключамъ, отчасти на пищу

растеніямъ. Растительность играетъ здѣсь роль маховика, регулятора въ машинѣ. Она запасаетъ капиталъ и уравномѣриваетъ расходъ его. Въ доказательство можно привести замѣчательный фактъ. Въ Попайанѣ, провинціи Новой Гренады, есть горный заводъ Мармато, котораго машины приводились въ дѣйствіе водою небольшой рѣчки, образуемой множествомъ ручейковъ. На постройки и на заводское дѣйствіе истребленъ былъ весь сосѣдній лѣсъ: рѣка изсохла и машины остановились. Сначала приписывали это явленіе уменьшенію количества ежегодной дождевой воды; но наблюденія два года сряду дали то же количество, и даже большее. Дѣло въ томъ, что вся вода быстро стала стекать по мѣрѣ образованія, не управляемая и не задерживаемая лѣсомъ.

Таково вліяніе лѣсовъ на климатъ. Можно себѣ представить, какая участь предстоитъ странѣ, гдѣ ихъ уничтожаютъ безъ разбора.

Извѣстно раздѣленіе климата на *приморскій* и *материковый*. Вода гораздо медленнѣе нагрѣвается и охлаждается нежели земля; оттого въ странахъ приморскихъ разность между крайними температурами менѣе этой же разности въ странахъ, лежащихъ далеко отъ моря. Теплѣе или холоднѣе средняя температура приморскаго мѣста,—это зависитъ отъ температуры морской воды. Вода океана, какъ и все въ природѣ, находится въ вѣчномъ движеніи; сверхъ прилива и отлива въ ней существуютъ потоки, зависящіе отъ ея температуры. Не вся масса морской воды, отъ поверхности до дна, движется въ одну сторону; въ океанѣ водяномъ, какъ и въ океанѣ воздушномъ, верхній слой движется по одному направленію, между тѣмъ какъ подъ нимъ, на извѣстной глубинѣ, можетъ находиться другой потокъ, движущійся совершенно по другому. Направленіе и скорость морскаго теченія зависятъ отъ многихъ причинъ: отъ очертанія береговъ, отъ прилива прѣсной воды, отъ температуры и даже отъ растительности прибрежныхъ странъ, и пр. Одно изъ замѣчательнѣйшихъ морскихъ теченій есть такъ-называемый Гольфштромъ. Прежде думали, что его производитъ вторженіе въ Мексиканскій заливъ массы прѣсныхъ водъ Миссиссипи; но количество этой воды такъ ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, которое выходитъ изъ Мексиканскаго залива въ Гольф-

штромѣ, что такое объясненіе очевидно ложно. Геніальный Мори объяснилъ происхожденіе этого теченія, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: область сѣверо-восточнаго пассата Атлантическаго океана занимаетъ до трехъ милліоновъ англійскихъ квадратныхъ миль, и на этомъ пространствѣ испаряется ежегодно слой воды толщиною въ 15 футовъ: соль, находившаяся въ ней, остается на мѣстѣ, и дѣлаетъ морскую воду тяжеле и плотнѣе прежняго. Масса остающейся такимъ образомъ лишней соли въ сухомъ видѣ могла бы покрыть всю Великобританію почти на 6 аршинъ вышины. Вслѣдствіе образовавшейся разности въ удѣльномъ вѣсѣ воды равновѣсіе нарушается, и океанъ приходитъ въ движеніе. Начинаясь въ Мексиканскомъ заливѣ, Гольфштромъ идетъ вдоль берега Америки къ сѣверозападу и до береговъ Каролины своимъ темно-синимъ цвѣтомъ рѣзко отличается отъ остальной воды океана; вступая въ Атлантическій океанъ, близъ Флориды, простирается онъ на 6 миль въ ширину, а въ широтахъ южной Европы расширяется до 300 миль. Скорость его мѣняется отъ одной до 52 англійскихъ миль въ часъ. Гольфштромъ соотвѣтствуетъ верхнему, жаркому воздушному теченію: на поверхности его температура воды $+21^{\circ}$ по Реомюру, въ нижней части едва $+3^{\circ}$; но подъ нимъ проходитъ другое теченіе, соотвѣтствующее полярному теченію атмосферы: это слой очень холодной воды, идущій отъ сѣвера къ югу. Существованіе такого нижняго теченія доказывается движеніемъ полярныхъ льдовъ на югъ, противъ направленія Гольфштрома: глубоко сидя въ водѣ, ледяныя массы своими нижними частями находятся въ этомъ потокѣ и слѣдуютъ его напору.

Гольфштромъ достигаетъ Великобританіи и Норвегіи и оказываетъ благодѣтельное вліяніе на климатъ этихъ странъ. Всѣ изохименныя линіи, то-есть линіи, соединяющія мѣста одинаковой зимней температуры, у береговъ Норвегіи сильно изгибаются къ сѣверу, образуя родъ языковъ, направленныхъ на сѣверо-востокъ: пусть извинитъ читатель за сравненіе. Такъ напримѣръ линія зимней температуры въ -4° проходитъ близъ Астрахани, изгибается мало-по-малу къ сѣверу, пересѣкаетъ Рижскій заливъ и отъ береговъ Норвегіи изгибается къ сѣверовостоку, доходитъ до Нордъ-Капа, потомъ круто поворачи-

ваетъ къ западу и пересѣкаетъ пополамъ Исландію, точно будто бы Гольфштромъ силою своего теченія гналъ ее впередъ.

Но изъ того, что въ Норвегіи и Астрахани зима одинакова, не слѣдуетъ заключать, чтобы у нихъ былъ одинаковый климатъ, чтобы напримѣръ въ Норвегіи могъ рости виноградъ: одинаковая зима не обусловливаетъ одинаковость климата. Для созрѣванія винограда нужна значительная теплота лѣта, — а лѣто въ Норвегіи такое же, какъ въ средней Сибири.

Морскія теченія, не будучи заключены въ твердыхъ, неподвижныхъ берегахъ, никогда не бываютъ такъ бурны, какъ земные потоки прѣсной воды въ узкомъ руслѣ. Расширилось русло, разлился потокъ вправо и влѣво, — и гдѣ дѣвалась его бурливость? Чистымъ зеркаломъ стоитъ вода у береговъ, только узкой полосой, легко и быстро, но мирно, течетъ прежній стремительный потокъ по водяному дну. Таковы и морскія теченія. Ихъ гидравлическая сила страшна, но не встрѣчаютъ они на пути препятствія, и текутъ по своимъ жидкимъ русламъ, то горизонтально, то наклонно, то снизу вверхъ (потому что ихъ двигатель—теплота), суживаясь или расширяясь, какъ мы видѣли въ Гольфштромѣ: и онъ также течетъ снизу вверхъ, и сопротивленіе морской воды, которую онъ долженъ пересѣкать, такъ велико, что производитъ на поверхности его родъ выпуклости, покатой къ востоку и къ западу и сгоняющей все, что плаваетъ по Гольфштрому, къ его краямъ. Между островами Азорскими, Канарскими и Зеленаго мыса находится извѣстное Саргассо, напугавшее когда-то спутниковъ Колумба: здѣсь, на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ миль, скопляются водяныя поросли, вырванныя со дна моря, и составляютъ центръ гигантскаго водоворота, отъ котораго и Гольфштромъ частью отдѣляется къ сѣверу.

Очертаніе береговъ, очертаніе дна морскаго, безъ сомнѣнія очень важны относительно образованія морскихъ теченій, но мы скорѣе можемъ, зная теченіе, заключать о профилѣ дна, нежели наоборотъ. Вліяніе атмосфернаго движенія на морскія теченія очень ничтожно: скользя по поверхности морской, воздухъ можетъ произвести громадныя волны, но самое ничтожное поступательное движеніе. Волны на водѣ образуются совершенно такъ же, какъ на волнующейся нивѣ, или какъ

на скатерти, которую, положивъ на столъ, мы станемъ трясти за одинъ конецъ. Вся скатерть покроется волнами, но будетъ оставаться на томъ же мѣстѣ, гдѣ была. Впрочемъ между тропиками вѣчное движеніе воздуха въ одну и ту же сторону должно наконецъ подѣйствовать на частицы воды и ускорять ихъ ходъ къ западу. Очень трудно съ точностью опредѣлить направленія морскихъ теченій, еще мало было сдѣлано наблюденій надъ ними, и потому на картахъ разныхъ издателей можно видѣть совершенно различныя показанія на этотъ счетъ. Мори, пользующійся вполнѣ заслуженнымъ авторитетомъ, какъ гидрографъ и гидрологъ, издалъ послѣднія и лучшія карты морскихъ теченій. Всѣ они, подобно Гольфштрому, вначалѣ узки, сжаты, а далѣе мало-по-малу расширяются. Прежде всего бросается въ глаза экваторіальное теченіе, идущее то южнѣе, то сѣвернѣе экватора, но сохраняющее главное направленіе отъ востока на западъ. Часть этого теченія, отъ Африки къ Южной Америкѣ, называется по преимуществу великимъ экваторіальнымъ теченіемъ. Начинаясь у поворотнаго круга Рака, идетъ оно къ юго-западу по берегу Африки, достигаетъ самой восточной оконечности Америки, мыса Рока, и тутъ раздваивается: одна часть слѣдуетъ прежнему юго-западному направленію, мало-по-малу склоняясь совершенно къ югу и широко разстилаясь у береговъ Бразиліи до Фальклaндскихъ острововъ; другая вѣтвь обращается къ сѣверо-западу, доходитъ по берегу Америки до Карибскаго моря, огибаетъ весь Мексиканскій заливъ и въ видѣ Гольфштрома идетъ по извѣстному уже намъ пути. Восточная сторона все болѣе расширяющагося Гольфштрома поворачиваетъ къ востоку, наконецъ къ югу, и снова достигаетъ исходной точки великаго экваторіальнаго теченія, замыкая такимъ образомъ громадный водоворотъ. Вода на всемъ его протяженіи сохраняетъ высокую температуру до +24° Реом. Въ тропическихъ странахъ встрѣчается такъ много частныхъ, побочныхъ, перемѣнныхъ теченій, что до сихъ поръ нельзя было найдти законъ, по которому они совершаются.

Въ Индѣйскомъ океанѣ, огражденномъ съ сѣвера Африканскимъ и Азіатскимъ материками, образуется подъ экваторомъ также значительная масса сильно разогрѣтой воды, которая должна найдти себѣ исходъ: и дѣйствительно, мы видимъ здѣсь

повтореніе прежняго явленія. Между островами Суматрой, Борнео и полуостровомъ Малаккою выходитъ теченіе, подобное Гольфштрому, и направляется по берегамъ Китайской Имперіи до Японіи, играющей здѣсь роль Нью-Фоундленда. Въ климатическомъ отношеніи западные берега Америки подобны западнымъ берегамъ Европы. Въ Тихомъ океанѣ, ближе къ экватору нежели въ Атлантическомъ, находится начало экваторіальнаго теченія, въ заливѣ центральной Америки. Въ 30-ти градусахъ отъ своего начала, оно значительно расширяется и этой расширенной частью склоняется къ югу, между тѣмъ какъ сѣверный край его сохраняетъ направленіе къ западу и у Моллукскихъ острововъ совпадаетъ съ азіатскимъ Гольфштромомъ.

Таковы главныя поверхностныя теченія океановъ. Что̀ касается до теченій исподнихъ, то они еще не изслѣдованы вполнѣ: объ одномъ изъ нихъ мы уже впрочемъ говорили. Спускаясь по берегамъ Норвегіи къ юго-западу, оно увлекаетъ массы полярнаго льда, преодолѣвая напоръ верхнихъ слоевъ Гольфштрома, и доноситъ ихъ до Нью-Фоундленда, гдѣ онѣ растаиваютъ, выдѣляя захваченные у полюсовъ камни и земли и образуя тамъ подводныя мели, банки.

Вопросъ о дѣйствительной величинѣ и силѣ морскихъ волнъ очень важенъ для мореплавателей, но его можетъ рѣшить только морякъ посредствомъ наблюденій на морѣ во время бури: а до наблюденій ли ему тогда? Въ наше время гигантскіе пароходы Great-Eastern и Левіаѳанъ, по мнѣнію ихъ строителей, должны, при своей громадности, быть независимы отъ длины каждой отдѣльной волны. Знаменитый смѣльчакъ-китоловъ Скоресби имѣлъ твердость духа во время сильнѣйшей бури спокойно измѣрять величину валовъ. Изъ немногихъ существующихъ наблюденій оказывается, что высота всей волны рѣдко превышаетъ 22 фута. Разстояніе между двумя валами бываетъ различное: иногда до 450 футовъ. Но сила удара и скорость ихъ гораздо удивительнѣе. Надо удивляться прочности береговыхъ скалъ и маяковъ, выдерживающихъ ихъ натискъ, когда мы узнаемъ, что каждый квадратный футъ поверхности волны одаренъ силою въ 6000 фунтовъ при самомъ сильномъ вѣтрѣ. Встрѣчая на пути скалу, маякъ или вообще какое-нибудь препятствіе,

валъ прядаетъ вверхъ иногда до ста футовъ. Сила валовъ въ особенности разрушительна во время землетрясеній. Въ 1755 г., въ день гибели Лиссабона, уровень моря вдругъ поднялся на 40 футовъ, потомъ также быстро опустился, и это явленіе повторилось нѣсколько разъ; 28 октября 1746 г. городъ Лима былъ также разрушенъ землетрясеніемъ: вечеромъ этого дня, въ ближней гавани Каллао, море внезапно поднялось на 80 футовъ и смыло съ лица земли въ одно мгновеніе и городъ, и жителей. Въ гавани стояло 23 корабля: 19 изъ нихъ потонули, а 4 остальные выброшены были на твердую землю, на 4 версты отъ берега!

Быстрота валовъ, — быстрота кажущаяся, потому что она образуется изъ послѣдовательнаго вертикальнаго движенія частицъ вверхъ и внизъ, — достигаетъ при сильномъ вѣтрѣ 89 англійскихъ миль въ часъ; разстояніе между двумя такими волнами, по наблюденію Джемза Росса, простирается до 1900 футовъ.

«Воздушное море, говоритъ Росмеслеръ, на днѣ котораго кишитъ людской муравейникъ, до сихъ поръ смѣется надъ нашими слабыми, можетъ-быть совершенно неправильными, попытками подняться въ его массу. Водяное море также не всегда охотно терпитъ человѣка на своей поверхности и повелительно изгоняетъ насъ въ другую стихію, когда мы думаемъ проникнуть въ его глубину.....

«Можетъ-быть намъ никогда не приведется вполнѣ осуществить на океанѣ свой титулъ «владыки творенія», можетъ-быть вѣчно будемъ мы приносить жертву недремлющему демону; но опытъ и предусмотрительность, которые никогда не сдѣлаютъ и не могутъ сдѣлать родъ нашъ благоразумнѣе, приводятъ намъ на мысль сравненіе. Геркуланумъ, Помпея и Стабіи научили ли кого-нибудь своимъ примѣромъ? Только робкіе люди обращаютъ вниманіе на опасность, дѣйствіе которой испытали немногіе. Въ этомъ случаѣ получаетъ полное значеніе извѣстный упрекъ: après moi le déluge. Кто думаетъ только о собственной безопасности, тотъ не принимаетъ участія въ прогрессѣ человѣчества и не долженъ пользоваться его плодами. Всякое кораблекрушеніе — урокъ для спасшихся отъ него.»

А. Кронебергъ.

ПЕРЕПИСКА Н. М. КАРАМЗИНА

съ 1799 по 1826 годъ.

(Продолженіе.)

—

151.

С.-Петербургъ, 2 апрѣля 1819.

Винюсь, любезнѣйшій братецъ, передъ вами, что я не успѣлъ ранѣе отправить къ вамъ денегъ 3000 р., а на Страстной Недѣлѣ закрыли ломбардъ до Ѳоминой. Между-тѣмъ мы съ братомъ Ѳедоромъ Михайловичемъ посылаемъ къ вамъ свои деньги, кромѣ процентовъ, которые, получивъ на Ѳоминой недѣлѣ изъ ломбарда, немедленно къ вамъ отправлю.

Мы, слава Богу! здоровы. Думаемъ около мая переѣхать въ Царское Село.

Вашъ новый губернаторъ Умянцевъ, хорошій человѣкъ, какъ говорятъ и не молодой, тѣмъ лучше. Молодые люди бываютъ безразсуднѣе.

152.

Царское Село, 15 мая 1819.

26 апрѣля мы переѣхали сюда, и я тотчасъ занемогъ сильною простудой, которая еще и теперь не дозволяетъ мнѣ выходить изъ комнаты.

Мы уже простились съ братомъ Ѳедоромъ Михайловичемъ: онъ дня черезъ два ѣдетъ водою въ Симбирскъ, гдѣ надѣется быть около 20 іюня. Дай Богъ вамъ въ радости съ нимъ увидѣться. Онъ везетъ съ собой не мало всякой всячины.

Я послалъ къ вамъ 300 р. процентовъ. Кажется, что моихъ денегъ за 4 экз. *Исторіи* оставалось у васъ 220 р., за журналъ «*Сынъ Отечества*» 17 р., да за пересылку денегъ съ чѣмъ-то 45 р.

Съ безпокойствомъ ожидаю теперь родовъ жены, что̀ должно случиться около половины іюня.

Не скажу вамъ ничего объ новостяхъ, потому что никого не вижу и ничего не слышу. Лѣта учатъ насъ многому, но только не веселью.

Остаемся при прежнемъ намѣреніи возвратиться въ Москву на тотъ годъ, если Богъ дастъ. Зимою должно кончиться второе изданіе моей Исторіи.

153.

Царское Село, 10 іюня 1819.

Спѣшу извѣстить васъ, что моя жена родила благополучно сына Владиміра, но послѣ нѣсколько разъ тревожила меня своею слабостью. Теперь я нѣсколько спокойнѣе, но не совсѣмъ. Прежде она лучше справлялась послѣ родовъ. Впрочемъ надѣюсь на милость Божію. Здоровье жены для меня гораздо дороже моего собственнаго.— Буду писать къ вамъ, любезнѣйшій братецъ, на той почтѣ. Нетерпѣливо желаю узнать о пріѣздѣ къ вамъ брата Ѳедора Михайловича.

154.

Царское Село, 18 іюля 1819.

Прежде всего скажу вамъ о женѣ: она теперь, слава Богу, здорова; а новорожденный не совсѣмъ; впрочемъ надѣемся на милость Божію.

Мы безпокоимся о братѣ Ѳедорѣ Михайловичѣ, видя, что въ концѣ іюня его еще не было въ Симбирскѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ отъ васъ извѣстія объ его благополучномъ пріѣздѣ.

Здѣшняя жизнь наша въ главномъ не перемѣнилась. Государь на сихъ дняхъ отъѣзжаетъ въ Архангельскъ и въ Финляндію, а послѣ отправится въ Варшаву и возвратится не прежде 14 октября. Ежедневно ожидаютъ разрѣшенія отъ бремени Великой Княгини. Такимъ образомъ размножается наша Царская Фамилія.

Каково у васъ лѣто? а здѣсь удивительное, прекрасное, каково не помнятъ и старожилы. Между тѣмъ мы имѣемъ нехорошія извѣстія изъ нашей нижегородской деревни: градомъ выбило у насъ болѣе 100 десятинъ хлѣба, и въ ржаномъ множество бѣлыхъ колосьевъ. Но хлѣбъ, кажется, вездѣ не дорогъ.

Думаемъ, если Богъ дастъ, прожить въ Царскомъ Селѣ до сентября. Второе изданіе моей Исторіи кончится не прежде января. Послѣ того будемъ помышлять о Москвѣ.

155.

Царское Село, 5 сентября 1819.

Очень давно не имѣю отъ васъ писемъ, слѣдственно безпокоюсь. Мы благодаря Богу здоровы, хотя и несовершенно: жена моя все еще не оправилась, какъ должно, послѣ родовъ. Четвертый вашъ пле-

мянникъ не дуренъ и уже гуляетъ по саду. Теперь по милости Божіей мы богаты сыновьями; но не безъ грусти думаю, что они малы, а я уже старѣюсь. Утѣшаю себя только мыслію о Провидѣніи. Вчера видѣлъ я нашего добраго Государя, а въ нынѣшную ночь онъ ѣдетъ въ Варшаву, откуда возвратится къ 14 октября.—Думаемъ прожить въ Царскомъ Селѣ еще недѣли три. Здѣсь лѣто было прекрасное; никто такого не запомнитъ, а у насъ въ Арзамасѣ и у васъ въ Симбирскѣ, какъ сказываютъ, хлѣбъ не хорошъ. Наконецъ получилъ я письмо отъ брата Ѳедора Михайловича, но онъ не пишетъ благополучно ли довезены до мѣста всѣ его покупки. — Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ теперь у васъ въ губерніи. Жаль, если вы не увидитесь съ нимъ.

156.

С.-Петербургъ, 24 декабря 1819.

Сердечно благодарю васъ за дружеское письмо отъ 8 декабря. Мнѣ прискорбно, что вы, любезнѣйшій братецъ, объ насъ безпокоитесь, долго не получавъ отъ меня писемъ. Кажется, что я не такъ давно писалъ къ вамъ. Во всякомъ случаѣ винюсь передъ вами.

Грустно намъ также слышать о слабости вашего здоровья. Вы еще далеки отъ глубокой старости. Дай Богъ, чтобы жизнь ваша еще долго, долго продолжалась, къ сердечному утѣшенію вашихъ ближнихъ. И я начинаю крѣпко стариться и не безъ грусти смотрю на своихъ малютокъ, ожидающихъ воспитанія; но надѣюсь на Бога: они Его дѣти.

Сынъ брата Ѳедора Михайловича, слава Богу, выздоровѣлъ совершенно. Я безпокоюсь теперь о самомъ братѣ, который уже давно не пишетъ ни ко мнѣ, ни къ сыну.—Мы же по благости Божіей здоровы, не смотря на страшные морозы, которые здѣсь были и доходили до 30 градусовъ. Живемъ болѣе уединенно. Второе изданіе моей Исторіи приходитъ къ концу. Желаю, если можно дописать 9-й томъ лѣтомъ, издать его въ Петербургѣ и ждать смерти, гдѣ Богъ велитъ. Софья моя уже невѣста. Катенька почти невѣста, а сыновья малъ-мала меньше и всѣ обѣщаютъ быть не худыми. Иногда любуюсь ими; иногда, по человѣческой слабости, безпокоюсь о будущей судьбѣ ихъ.

Говорятъ, что областнымъ начальникомъ Низовыхъ губерній будетъ графъ Шуваловъ; но это не вѣрно. Москва еще не имѣетъ градоначальника.

157.

С.-Петербургъ, 26 марта 1820.

Отъ всего сердца поздравляю васъ съ наступающимъ Свѣтлымъ праздникомъ христіанскимъ: дай Богъ, чтобы вы провели его пріятно. Опять давно не имѣю отъ васъ писемъ. Мы живемъ по старому бла-

годаря Бога. Сидимъ дома и занимаемся своими малютками, которые иногда очень насъ тѣшатъ. Главные мои выѣзды бываютъ во дворецъ, обѣдать къ Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, которая ко мнѣ очень милостива: за этими обѣдами, въ ея кабинетѣ, бываетъ не болѣе четырехъ или пяти человѣкъ; разговариваютъ свободно, безъ всякаго принужденія, какъ въ партикулярномъ домѣ. Ѣзжу иногда къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Впрочемъ въ здѣшнихъ обществахъ почти совсѣмъ не бываю, отъ лѣни. — Дома пріятнѣе съ семействомъ и съ книгами. Все еще беру участіе въ происшествіяхъ Европы. Волненіе умовъ не утихаетъ, а прибавляется. Что̀ это будетъ съ Гишпаніею! по крайней мѣрѣ желаю, чтобъ не было войны.

Съ нѣкотораго времени опять пишу довольно прилежно: авось къ зимѣ, если Богъ дастъ, допишу девятый томъ.

158.

Царское Село, 25 мая 1820.

Послѣднее ваше письмо привело меня въ грусть вопервыхъ тѣмъ, что вы жалуетесь на слабость вашего драгоцѣннаго для меня здоровья, а вовторыхъ извѣщеніемъ о вашемъ безпокойствѣ, произведенномъ несправедливостью симбирской межевой конторы. Сдѣлайте одолженіе, пришлите мнѣ записку объ этой землѣ и о привязкахъ конторы: желаю знать всѣ обстоятельства, чтобы просить главнаго директора межевой канцеляріи, въ надеждѣ, что онъ уважитъ мою просьбу и святость вашей собственности. Можемъ быть увѣрены и въ добромъ содѣйствіи Сергѣя Сергѣевича Кушникова. Нетерпѣливо буду ждать этой записки.

Мы съ 7-го мая въ Царскомъ Селѣ, гдѣ 12-го числа едва было не сгорѣли. Пожаръ сдѣлался въ присутствіи Государя: сгорѣла третья часть дворца, и три раза кровля нашего домика готова была вспыхнуть. Убытокъ простирается за милліонъ.

Нынѣшній годъ думаемъ провести въ Петербургѣ; если Богъ дастъ зимою кончить мнѣ и напечатать 9-й томъ Исторіи, то можемъ въ слѣдующее лѣто отправиться въ Москву. Впрочемъ не дѣлаю плановъ. Живу день за день.

159.

Царское Село, 18 іюня 1820.

Съ сердечною радостью поздравляемъ васъ, любезнѣйшій братецъ, съ рожденіемъ милаго внука; поздравляемъ и любезныхъ родителей. Утѣшайтесь имъ ежедневно и будьте здоровы. Вечеръ жизни нашей имѣетъ свои удовольствія. Молимъ Бога, чтобы Онъ продлилъ вашу

жизнь до глубокой старости съ душевными пріятностями и безъ страданія тѣлеснаго.

Катерина Андреевна тревожитъ меня своимъ худымъ здоровьемъ, которое мнѣ во сто разъ дороже моего: она чувствуетъ какую-то слабость необыкновенную; хотѣла пить пирмонтскую воду, но остановилась за своею беременностью.

Я писалъ къ вамъ, любезнѣйшій братецъ, чтобы вы прислали мнѣ подробную записку о землѣ, которую симбирская межевая контора хочетъ отнять у васъ столь беззаконно. Какъ скоро получу эту записку, буду писать къ главному директору московской межевой канцеляріи.

Скоро мы останемся здѣсь въ уединеніи. Государь ѣдетъ въ Москву и въ Варшаву. Онъ обходился съ нами очень милостиво.

160.

С.-Петербургъ, 28 ноября 1820.

Съ самаго переѣзда нашего сюда изъ Царскаго Села у насъ въ домѣ болѣзни не переводятся: то мы съ женою, то дѣти нездоровы. Теперь я въ простудѣ, а третій сынъ нашъ Николай лежитъ въ жару.

Сергѣй Сергѣевичъ пишетъ ко мнѣ, что онъ не забываетъ о вашемъ дѣлѣ, и что оно по очереди еще не такъ скоро рѣшится. — Онъ увѣдомитъ меня, надобно ли вамъ подавать просьбу въ межевую канцелярію, или самъ напишетъ о томъ къ вамъ. Авось правосудіе будетъ правосудіемъ. — Книга о гемороидальной болѣзни куплена и послана къ вамъ черезъ почту. Бѣдному, который къ вамъ писалъ, отдано только 25-го числа, для того, что онъ болѣе наглъ, нежели бѣденъ, и здѣсь всѣмъ извѣстенъ своими письмами; а васъ прошу отдать за меня столько же рублей какому-нибудь симбирскому бѣдному.

Государь еще не такъ скоро возвратится: Австрія готовится атаковать Неаполь; а я грущу отъ сильнаго рекрутскаго набору, хотя и не предвидимъ войны для Россіи.

161.

С.-Петербургъ, 17 февраля 1821.

Спѣшу увѣдомить васъ, что жена моя родила благополучно дочь Елисавету. Имѣю только время прибавить, что всѣ мы обнимаемъ васъ нѣжно; будьте здоровы и благополучны.

162.

Царское Село, 24 мая 1821.

Мы переѣхали изъ города въ Царское Село, но вмѣсто того, чтобы наслаждаться лѣтомъ, безпрестанно зябнемъ отъ холода. Каково-

то у васъ лѣто? Давно не имѣю отъ васъ писемъ и начинаю безпокоиться. Здоровье моей жены опять меня тревожитъ, то-есть, у нее снова дѣлается одышка. Удовольствія жизни съ лѣтами уменьшаются, а работы и горе прибавляются для человѣка семейнаго. — Государя ожидаютъ сюда къ вечеру. Я долженъ вручить ему 9-й томъ своей Исторіи, который и вы, любезнѣйшій братецъ, получите немедленно. Пишу десятый томъ, хотя и не скоро. Работа для меня все еще необходима, если уже и менѣе пріятна. Глаза еще служатъ изрядно безъ очковъ, и не очень берегу ихъ, много читая при огнѣ.

163.

Царское Село, 26 іюля 1821.

Письмо ваше огорчило насъ до глубины сердца извѣстіемъ о кончинѣ милой сестры Марѳы Михайловны. Хотя мы жили розно, но больно думать, что уже намъ не видаться съ нею въ здѣшнемъ свѣтѣ. Она была столь добра и нѣжна къ роднымъ своимъ. Увѣдомьте, любезнѣйшій братецъ, какъ Никита Никитичъ сноситъ свое горе, и здоровъ ли онъ? Гдѣ ихъ большой сынъ? Я давно ничего не слыхалъ объ ихъ семействѣ. — Грустно было мнѣ также узнать, что вы страдали тяжкою болѣзнью, и еще чувствуете слабость, которая не дозволила вамъ и писать ко мнѣ собственной рукою. Нетерпѣливо желаю получить отъ васъ новое письмо, чтобы успокоиться насчетъ вашего здоровья. Какая была ваша болѣзнь? Вы не говорите о томъ ни слова, а мы сердечно къ вамъ привязанные желали бы знать всѣ подробности.

Наше семейство, слава Богу! здорово, не смотря на худую погоду: дожди насъ залили, сѣно и хлѣбъ гніютъ. Каково-то у васъ время?— Вся Европа занимается теперь Греками - Турками: ужасное рѣзанье, котораго слѣдствіемъ быть можетъ паденіе Отоманской Имперіи — надобно прибавить, *если Богу угодно*. Умъ человѣческій любитъ угадывать; но какъ часто ошибается! Политика Россіи весьма благоразумна: мы все еще удаляемся отъ войны до послѣдней возможности не лить крови.

164.

Царское Село, 10 сентября 1821.

Сердечно благодарю васъ за дружеское письмо отъ 14-го августа. Вы насъ утѣшили доброю вѣстью, что здоровье ваше поправилось. Лѣта ваши еще не принадлежатъ ко времени глубокой старости; а Богъ иногда и за 70 лѣтъ даетъ здоровье: чего вамъ отъ всей души желаемъ, любя васъ съ истинною братскою нѣжностью.

30-го августа Государь пожаловалъ нашей дочери Софьѣ вензель

фрейлины: мы не думали объ этой чести, но приняли ее съ искреннею благодарностью.

Чѣмъ кончится исторія Грековъ, извѣстно одному Богу. Англія, Франція, Австрія, кажется не благопріятствуютъ ихъ освобожденію и не хотятъ, чтобы мы воевали съ Турками, боясь могущества Россіи. Впрочемъ Богъ дѣлаетъ свое. — О рекрутскомъ наборѣ еще ничего не слышно; потому можно надѣяться, что и не будетъ его въ нынѣшнюю осень къ радости поселянъ.

Здѣсь никто не помнитъ такого дождливаго и холоднаго лѣта. Множество сѣна пропало, а яровое и даже рожь еще въ полѣ. По крайней мѣрѣ и во всей Европѣ такъ; никому не завидно.

Еще не думаемъ о переѣздѣ въ городъ. Императоръ на сихъ дняхъ ѣдетъ осматривать гвардію и возвратится черезъ 10 дней.

(До слѣдующей книжки.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОРІЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. . . . . С. М. СОЛОВЬЕВА.
РОБЕРТЪ БРОУНЪ. . . . . (Изъ Athenaeum.)
ГАРЕМЫ ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ И БРАЧНЫЯ ОТНОШЕНІЯ МУСУЛЬМАНЪ. . . . . Л. А. ФРАНКЛЯ.
ВОДА И ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ЭКОНОМІИ ПРИРОДЫ. . . . . А. И. КРОНЕБЕРГА.
ПЕРЕПИСКА. *(Продолж.)* . . . . . Н. М. КАРАМЗИНА.

Являясь еженедѣльно книжками, отъ *трехъ* до *пяти* листовъ въ каждой, АТЕНЕЙ будетъ сообщать:

1. Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной литературы;
2. Хронику важнѣйшихъ новостей въ общественной и государственной жизни современныхъ народовъ,
и 3. Статьи историческаго содержанія, записки (mémoires), путешествія, разказы, литературныя замѣтки, ученыя и художественныя извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ конторѣ *Атеней*, при книжномъ магазинѣ Н. Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина, и у книгопродавцевъ: Ѳ. О. Свѣшникова, въ домѣ университетской типографіи, и И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

У книгопродавца С. А. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгартъ.

ВЪ ПАРИЖѢ

Въ конторѣ Русскаго Агентства газеты Le Nord, boulevard de la Madelaine, 5.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ контору *Атенея*, въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 52-хъ книжекъ, рублей, съ пересылкою *одиннадцать рубл. съ полтиною*.

Печатать дозволяется. Іюля 5-го, 1858 года.
Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе*.

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 28.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРНСТА БАРФКНЕХТА И К°

1858.

ИСТОРІЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Н. Устрялова.

Статья вторая (Т. II и III.)

—

Первую главу втораго тома г. Устряловъ посвящаетъ рѣшенію любопытнаго вопроса о значеніи Лефорта въ отношеніи къ Петру. «Съ именемъ Петра, говоритъ г. Устряловъ, потомство привыкло вспоминать Лефорта. И жаркіе приверженцы, и строгіе судьи неумолимаго преобразователя старинныхъ нравовъ и обычаевъ нашихъ, равно утверждаютъ, что Лефортъ пробудилъ въ молодомъ царѣ, получившемъ самое ограниченное воспитаніе, любовь ко всему великому, прекрасному и полезному, какъ говорятъ одни, или страсть ко всему новому, чужеземному, какъ говорятъ другіе.» Г. Устряловъ старается опровергнуть это мнѣніе, и высказываетъ положеніе: «Все, что̀ разсказываютъ позднѣйшіе историки о началѣ привязанности Петра къ Лефорту, задолго до паденія Софіи, опровергается актами несомнительными.» Но здѣсь должно различать два вопроса: одинъ первой важности: имѣлъ ли Лефортъ сильное вліяніе на Петра, имѣлъ ли онъ большую долю участія въ томъ, что молодой царь сталъ въ челѣ движенія къ новому и всѣми своими средствами ускорилъ это движеніе? Второй вопросъ уже гораздо меньшей важности: когда Лефортъ сблизился съ Петромъ? Прежде всего нужно отвѣчать Карамзину, который говоритъ: «Сей государь (Петръ), худо воспитанный, окруженный людьми молодыми, узналъ и полюбилъ Женевца Лефорта, который отъ бѣдности заѣхалъ въ Москву и, весьма естественно, находя русскіе обычаи для него странными, говорилъ ему объ нихъ съ презрѣніемъ, а все Европейское возвышалъ до небесъ.»

Карамзинъ слѣдовательно вовсе не касается времени, когда началось вліяніе Лефорта. Но г. Устряловъ прежде всего старается опровергнуть мнѣніе, что Лефортъ былъ учителемъ Петра. Но учительство, какъ извѣстно, не всегда проводникъ вліянія; часто гораздо сильнѣе бываетъ вліяніе человѣка, который является не въ видѣ важнаго учителя, но въ видѣ пріятнаго собесѣдника и друга; Карамзинъ объ учительствѣ не говоритъ ни слова, онъ говоритъ только, что Петръ узналъ и полюбилъ Женевца Лефорта, который не училъ его наукамъ или языкамъ, а разказывалъ о чудесахъ цивилизаціи, противопоставляя бѣдность Россіи въ этомъ отношеніи. Поборовши мнѣніе объ учительствѣ Лефорта, мнѣніе, много много заслуживавшее нѣсколькихъ строкъ въ примѣчаніяхъ, г. Устряловъ обращается къ вопросу, когда сблизился Петръ съ Лефортомъ? и говоритъ: «Первый, главный вопросъ (о времени сближенія) разрѣшается сказаніемъ современника безпристрастнаго и пытливаго, имѣвшаго всѣ средства собрать въ Москвѣ свѣжія преданія, видѣвшаго Лефорта на высшей степени почестей, видѣвшаго и погребеніе его, секретаря цесарскаго посольства Корба. Съ нимъ согласны и другіе современные писатели, въ главномъ фактѣ, ошибаясь только въ лѣтосчисленіи и подробностяхъ событій, которыя они перемѣшали. Корбъ свидѣтельствуетъ, что по открытіи ужасныхъ замысловъ царевны Софіи, поднявшей преступную руку на державнаго брата, когда Петръ удалился въ Троицкій монастырь и не безъ трепета могъ видѣть около себя немногихъ приверженцевъ, среди общаго колебанія и недоумѣнія двора, войска, народа, Лефортъ одинъ изъ первыхъ отсталъ отъ царевны и явился въ Лавру, готовый пожертвовать жизнію за царя. Легко вообразить, съ какою признательностію встрѣтилъ его Петръ, умѣвшій цѣнить и не такія заслуги.» Дѣйствительно Корбъ выставляетъ приходъ Лефорта къ Троицѣ, какъ дѣло, съ котораго начинается его счастіе, за которое Петръ полюбилъ его, дѣло, которымъ онъ заслужилъ любовь царя и свое счастіе, въ чемъ должны согласиться и самые завистники Лефорта. Но могъ ли Корбъ иначе и смотрѣть на дѣло? Приходъ Лефорта къ Троицѣ въ глазахъ самого Петра и въ глазахъ всѣхъ другихъ, даже завистниковъ Лефорта, служилъ самымъ лучшимъ оправданіемъ того значенія, какое имѣлъ онъ

при Петрѣ; каждому новоприбывшему иностранцу на вопросъ: за что такія милости Лефорту, какія были его заслуги?—отвѣчали указаніемъ на приходъ Лефорта къ Троицѣ; отсюда и у другихъ иностранцевъ смѣшеніе извѣстій объ этой заслугѣ Лефорта съ извѣстіемъ о его прежнемъ знакомствѣ съ Петромъ, начиная съ 12-лѣтняго возраста. Развѣ Корбъ писалъ исторію Петра? Корбъ былъ секретарь цесарскаго посольства, пріѣхавшій въ Москву въ 1698 году, и ведшій дневникъ своего пребыванія здѣсь; онъ безпристрастно описывалъ событія, бывшія въ его время, передъ его глазами, довольствуясь ближайшими объясненіями явленій изъ прошедшаго, вовсе не проникая въ глубь этого прошедшаго. Генералъ Гордонъ также не могъ ничего сказать о раннихъ отношеніяхъ Лефорта къ Петру опять по характеру своего дневника, Гордонъ не говоритъ ничего и о приходѣ Лефорта къ Троицѣ. Гордонъ упоминаетъ только въ своемъ дневникѣ, что 15 сентября 1688 года у Лефорта обѣдалъ князь Б. А. Голицынъ, человѣкъ самый близкій къ Петру, главный участникъ, если не виновникъ Троицкаго событія. Г. Устряловъ говоритъ, что это извѣстіе не имѣетъ большаго вѣса, ибо Голицынъ бывалъ и у Гордона, который однако не былъ близокъ къ Петру до сентября 1689 года; но г. Устряловъ не обратилъ здѣсь вниманія на одно важное обстоятельство, на разницу между значеніемъ Гордона и значеніемъ Лефорта въ 1688 году. Г. Устряловъ замѣчаетъ, что еслибъ Лефортъ уже во время владычества Софіи пользовался такою довѣренностію Петра, то трудно понять, какъ она не обратила на него вниманіе, зная хорошо все, что̀ дѣлалось въ Преображенскомъ. — Но если кто-нибудь, смотрящій съ точки зрѣнія г. Устрялова, то-есть не видящій въ Лефортѣ ничего кромѣ развлекателя, скажетъ, что Софьѣ незачѣмъ было враждебно относиться къ Лефорту, что она была очень довольна тѣмъ, что подлѣ ея опаснаго брата находился такой развлекатель, — то что̀ отвѣчать ему? Наконецъ, самое появленіе Лефорта у Троицы прежде другихъ не доказываетъ ли лучше всего его прежнія, близкія отношенія къ Петру?

Но мы уже сказали, что для насъ вопросъ о времени, когда Петръ сблизился съ Лефортомъ, не имѣетъ вовсе большой важности; главный вопросъ въ степени и качествѣ вліянія Лефорта

на Петра, когда бы они ни сблизились. Мы вовсе не думаемъ, чтобъ Лефортъ вдохнулъ любознательность въ Петра; но кромѣ этого вдохновенія остается еще много кой-чего, въ чемъ могло обнаружиться вліяніе Лефорта. Г. Устряловъ опредѣляетъ такъ отношенія Лефорта къ Петру: «Петръ полюбилъ его за беззаботную веселость, столь плѣнительную послѣ тяжкихъ трудовъ, за природную остроту ума, доброе сердце, ловкость, смѣлость, а болѣе всего за откровенную правдивость и рѣдкое въ то время безкорыстіе, добродѣтели великія въ глазахъ монарха, ненавидѣвшаго криводушіе и себялюбіе. Долго помнилъ онъ Лефорта и по смерти его, тоскуя по немъ, какъ по веселомъ товарищѣ пріятельскихъ бесѣдъ, незамѣнимомъ въ искусствѣ устроить пиръ на славу.» И только! Стало-быть нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ о болѣе сильномъ вліяніи Лефорта на Петра, на его поступки. Развѣ нѣтъ извѣстій, что Лефортъ поощрилъ Петра къ предпріятію похода подъ Азовъ, былъ виновникомъ посольства, съ которымъ царь ѣздилъ за границу, что по его внушенію царь позволилъ иностранцамъ свободный въѣздъ и выѣздъ? И у кого же находятся подобныя извѣстія? У какого-нибудь баснописца Крекшина, которому *ни съ чемъ* не хочетъ вѣрить г. Устряловъ? Нѣтъ, у «современника безпристрастнаго и пытливаго, имѣвшаго всѣ средства собрать въ Москвѣ свѣжія преданія» по словамъ самого г. Устрялова, именно у Корба. Г. Устряловъ объ этомъ свидѣтельствѣ умалчиваетъ. Г. Устряловъ старается показать, что Лефортъ не былъ способенъ имѣть вліяніе на молодаго Петра, который и 17-ти лѣтъ былъ Петромъ Великимъ, что Лефортъ былъ только веселый собесѣдникъ: однако этого веселаго собесѣдника Петръ назначилъ однимъ изъ трехъ главныхъ вождей въ походѣ подъ Азовъ? Описывая смерть Лефорта, г. Устряловъ говоритъ: «Пишутъ современники, что царь горько заплакалъ, узнавъ о кончинѣ Лефорта, и въ сокрушеніи сердца воскликнулъ: «Друга моего не стало! Онъ одинъ былъ мнѣ вѣренъ. На кого теперь могу положиться?» «Нѣтъ сомнѣнія (продолжаетъ г. Устряловъ), что Петръ, искренно любившій Лефорта за его прекрасное сердце, за беззаботную веселость и смѣлую правдивость, огорченъ былъ глубоко: увидимъ въ послѣдствіи, что онъ долго и неутѣшно будетъ тосковать и не при такихъ потеряхъ; но при-

писываемыя ему слова едва ли справедливы. Трудно повѣрить, чтобъ онъ такъ жестко отозвался о своихъ боярахъ, въ числѣ которыхъ находились князь Михайло Алегуковичъ Черкаскій, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, Тихонъ Никитичъ Стрешневъ, доказавшіе ему, еще отроку, безграничную преданность, съ опасностію потерять свои головы на плахѣ, во время владычества Софіи, когда Лефортъ ласкался къ ея наперснику.» — Но дѣло въ томъ, что отъ младенчества Петра до смерти Лефорта прошло много времени, много событій важныхъ; Петръ сдѣлался уже существомъ историческимъ, съ его особой тѣсно связано было уже теперь извѣстное начало, извѣстное направленіе. Вѣрности къ одной своей особѣ было мало для Петра: «на кого теперь могу положиться», говоритъ Петръ, и этимъ выраженіемъ объясняетъ предшествующее: «онъ одинъ былъ мнѣ вѣренъ», то-есть онъ одинъ понималъ меня вполнѣ, одинъ сочувствовалъ мнѣ вполнѣ. Не о вѣрномъ слугѣ сожалѣлъ Петръ, но о вѣрномъ другѣ: здѣсь разница громадная! Читатели конечно замѣтили, что г. Устряловъ въ своемъ повѣствованіи старается представить намъ не великаго человѣка, а статую великаго человѣка, отлитую по извѣстнымъ понятіямъ о величіи; оттого у него Петръ, въ минуту страшной горести о потерѣ человѣка, съ которымъ однимъ онъ могъ *отводить душу*, не долженъ употребить выраженія, могшаго оскорбить извѣстныя лица. — Замѣтимъ также слова г. Устрялова о Лефортѣ, ласкающемся къ наперснику Софьи. Здѣсь г. Устряловъ основывается на томъ, что Лефортъ *чрезъ Женевскій сенатъ* выхлопоталъ себѣ чинъ у Голицына.

«Обрядъ погребенія, говоритъ г. Устряловъ, совершился съ такими почестями, какихъ не удостоивался никто изъ знатнѣйшихъ бояръ, не говоря уже о служилыхъ иноземцахъ; но высшею почестію усопшему были царскія слезы. Предъ выносомъ тѣла, государь приказалъ открыть гробъ и въ присутствіи всего двора, громко рыдая, долго лобызалъ холодный трупъ.» Мы ждали, что г. Устряловъ отвергнетъ это извѣстіе, скажетъ: трудно повѣрить, чтобъ Петръ такими почестями и слезами захотѣлъ оскорбить вѣрныхъ бояръ своихъ, изъ которыхъ никто ничего подобнаго не удостоивался.

«Въ реформатской церкви, продолжаетъ г. Устряловъ, въ присутствіи царя и всѣхъ вельможъ, пасторъ Стумпфіусъ сказалъ надгробное слово. Слышавшій это слово, секретарь цесарскаго посольства Корбъ замѣтилъ, что проповѣдникъ строго осуждалъ усопшаго за порочныя наклонности. Замѣчаніе его несправедливо: Стумпфіусъ, въ видѣ общаго поученія, убѣждалъ слушателей всегда хранить чистоту души и не осквернять ее грѣховнымъ смрадомъ; о Лефортѣ же отзывался съ любовью и искреннимъ сожалѣніемъ.»

Не понимаемъ, на какомъ основаніи г. Устряловъ предполагаетъ, что сказанное у Корба относится къ надгробному слову пастора? Вотъ слова Корба: «Исповѣдуя реформатскую религію, (Лефортъ) не могъ скрывать ненависти своей къ православнымъ (кажется, подъ Orthodoxos Корбъ разумѣетъ своихъ католиковъ); къ собственной женѣ былъ онъ такъ жестокъ, что только великое безпристрастіе царя, безпристрастіе, котораго нельзя достойно восхвалить, полагало предѣлъ этой жестокости. Реформатскій пасторъ Стумпфіусъ публично съ каѳедры нападалъ на его страсти (in ejusdem cupiditates publice ex cathedra invectus est). Впрочемъ Лефортъ, привлекая къ себѣ царя вѣрностью, равныхъ услужливостью, всѣхъ ласковостью, умѣренно пользовался своимъ могуществомъ.» — Кажется ясно, что пасторъ нападалъ на Лефорта при жизни его; если же, вопреки приличію и не опасаясь напести горестному царю самаго чувствительнаго оскорбленія, Стумпфіусъ и рѣшился порицать Лефорта въ надгробномъ словѣ, то кто поручится, что эти порицанія не выпущены изъ рукописи, которою пользовался г. Устряловъ? Наконецъ, если пасторъ ни за что не порицалъ Лефорта въ надгробномъ словѣ, и Корбъ именно разумѣетъ надгробное слово, то этотъ Корбъ дерзкій лжецъ, которому ни въ чемъ вѣрить нельзя: какъ же г. Устряловъ называетъ его современникомъ безпристрастнымъ и пытливымъ, имѣвшимъ всѣ средства собрать въ Москвѣ свѣжія преданія?

Мы уже имѣли случай замѣтить, что г. Устряловъ слѣдователь не безпристрастный относительно князя В. В. Голицына. При описаніи событій, окончившихъ правленіе Софьи, авторъ также старается обвинить Голицына всѣми винами: «Произведенный въ послѣдствіи розыскъ, говоритъ онъ, не обнаружилъ

соучастія Голицына въ посягательствѣ Софіи на царскую корону, не потому, чтобъ не нашлось ясныхъ противъ него уликъ, а потому, что главными слѣдователями его преступленій были близкіе родственники, которые, какъ свидѣтельствуетъ Гордонъ, всѣми силами старались спасти его отъ позорной казни, чтобъ не обезчестить своего рода. Софія ввѣряла ему самыя сокровенныя тайны своей души, въ присутствіи его не разъ подстрекала стрѣльцовъ къ бунту, и въ розыскномъ дѣлѣ много есть указаній, оставленныхъ безъ изслѣдованія, что онъ не чуждъ былъ ея замысла.» Читатель, конечно, имѣетъ полное право требовать, чтобъ историкъ указалъ на эти *многія указанія*; но ихъ нѣтъ. Шакловитый, изъ страха передъ второю пыткой, объявилъ все, и между прочимъ, что Голицынъ *не* совѣтовалъ царевнѣ вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ: князь былъ въ то время въ походѣ и, узнавъ объ ея намѣреніи, писалъ съ великимъ страхомъ о такомъ необычайномъ дѣлѣ. Сообщники Шакловитаго показывали, что когда послѣдній требовалъ вѣнчать царевну и стрѣльцы обнаруживали опасенія насчетъ согласія патріарха и бояръ, то Шакловитый говорилъ: «А о боярахъ не безпокойтесь: всѣ они отпадшее, зяблое дерево. Развѣ постоитъ до поры до времени одинъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ.» Въ показаніи Шакловитаго была статья, по которой не миновать было Голицыну смертной казни, именно выходка противъ царицы Натальи, но родственники, какъ говоритъ Гордонъ, то-есть князь Борисъ Алексѣевичъ, хлопотали о смягченіи наказанія. Самъ Голицынъ отвергалъ всѣ обвиненія «не взирая на многія очевидныя улики, даже самихъ царей, которые свидѣтельствовали, что никогда они не указывали писать сестру свою самодержицею.» Многихъ очевидныхъ уликъ мы не знаемъ, что̀ же касается до свидѣтельства царей, то Голицынъ былъ обвиненъ и сосланъ за то, что осмѣлился писать царевну самодержицею, хотя и оправдывался тѣмъ, что имя царевны упоминалось во всѣхъ докладахъ, которые слушали государи, и указа объ исключеніи его изъ титула отъ нихъ не было. Но, разумѣется, это явная увертка, на которую нельзя обращать вниманія. Приверженецъ падшей стороны, незаконнымъ способомъ присвоившей себѣ власть, Голицынъ не могъ ждать себѣ пощады, хотя и сдерживалъ свою сторону въ из-

вѣстныхъ стремленіяхъ, хотя и мечталъ о возможности согласить притязанія Софьи съ правами Петра. Петръ былъ малолѣтенъ, управлять государствомъ не могъ; онъ и послѣ паденія Софьи, по словамъ г. Устрялова, пять лѣтъ, по малоопытности своей, не занимался государственными дѣлами; нужно было регентство, правительницей должна была быть его мать, но падчерица отстранила мачиху, подставивши старшаго неспособнаго брата отъ одной съ нею матери: такъ какъ у Іоанна не было матери, то правительство приняла сестра, слѣдовательно вся борьба шла между двумя правительницами, между мачихой и падчерицей, цари были въ сторонѣ; по мнѣнію людей, приверженныхъ къ Софьѣ, считавшихъ ее правительницей если не законною, то болѣе способною, главнымъ препятствіемъ къ спокойствію, къ миру между братомъ, не могшимъ еще управлять, и сестрою способною къ правленію, были притязанія царицы Натальи, отчего и выходки противъ нея Голицына. Трудность рѣшенія вопроса о законности условливалась — отсутствіемъ закона и о престолонаслѣдіи, и о регентствѣ. Историкъ XIX вѣка не станетъ оправдывать *во всемъ* Голицына, но зачѣмъ же и обвинять его *во всемъ?* зачѣмъ становиться на сторонѣ личныхъ враговъ Голицына и требовать розыска? Историкъ долженъ радоваться, что ему приходится описывать одною пыткой, одною казнію меньше въ этой эпохѣ пытокъ и казней; чтобъ сталъ дѣлать историкъ, еслибы Голицынъ, менѣе стрѣльцовъ способный выносить кнутъ и встряску, насказалъ на себя съ пытки невѣдомо какія преступленія? Историкъ царствованія Петра долженъ помнить, что Искра и Кочубей съ пытки показали, что они взвели все на Мазепу ложно, по злобѣ, и были казнены какъ клеветники.

Началось настоящее царствованіе Петра; говоря о первыхъ сотрудникахъ молодаго царя, г. Устряловъ обращается къ иностранцамъ: «При явной, всѣмъ извѣстной привязанности Петра къ Тиммерману, Карштенъ-Бранту и другимъ Голландцамъ, съ которыми онъ трудился какъ простой плотникъ на Переславскомъ озерѣ, жившіе въ Россіи иноземцы безъ сомнѣнія радостно услышали о принятіи имъ кормила правленія, ожидая себѣ золотаго вѣка подъ державою царя, такъ страстно полюбившаго иноземное искусство, и можно вообразить себѣ ихъ

ужасъ, когда въ первые дни царствованія Петра, одинъ изъ обывателей Слободы былъ сожженъ живой въ Москвѣ на Болотѣ; въ слѣдъ за тѣмъ обнародованъ строжайшій указъ не впускать въ Россію ни одного иностранца безъ особаго царскаго повелѣнія; а спустя нѣсколько времени, распространился слухъ о намѣреніи правительства сломать всѣ кирхи въ Слободѣ, какъ нечестивыя капища. Въ самомъ дѣлѣ на иноземцевъ, жившихъ въ Россіи, поднялась сильная гроза, которую могла отвести только могучая воля Петрова.»

По нашему мнѣнію, сильной грозы тутъ не было, и могучей волѣ Петра отводить было нечего. Г. Устряловъ говоритъ: «Можно вообразить себѣ ихъ (Нѣмцевъ) ужасъ, когда одинъ изъ обывателей Слободы былъ сожженъ живой.» Дѣйствительно извѣстный мистикъ Квиринъ Кульманъ былъ сожженъ живой, но ужаса обывателей Нѣмецкой слободы мы при этомъ вообразить себѣ не можемъ, потому что если бы московское правительство не вмѣшалось въ дѣло, то Нѣмцы точно такъ же бы сожгли Кульмана живаго у себя въ Слободѣ, какъ въ разныхъ мѣстахъ Европы жгли людей, которымъ послѣдовалъ Кульманъ; двое пасторовъ Нѣмецкой слободы объявили Кульмана достойнымъ казни. Указъ о невпусканіи иностранцевъ въ Россію безъ особеннаго изслѣдованія и безъ царскаго повелѣнія не могъ также навести страха на Слободскихъ Нѣмцевъ, ибо имъ вовсе не нужно было имѣть среди себя новыхъ Кульмановъ. Слухъ о намѣреніи правительства сломать всѣ кирхи въ Слободѣ былъ или нѣтъ — мы не знаемъ, ибо не знаемъ, по какому побужденію освѣдомлялось правительство, когда и съ чьего разрѣшенія онѣ построены? Люторамъ и Кальвинамъ бояться было нечего, они продолжали пользоваться особеннымъ покровительствомъ въ сравненіи съ католиками. Странно, что г. Устряловъ, упоминая довольно подробно о дѣлѣ Кульмана, не касавшемся нисколько тогдашняго русскаго общества и очень мало общества Нѣмецкой слободы, ни слова не упоминаетъ объ изгнаніи іезуитовъ! Патріархъ билъ челомъ и просилъ у Великихъ Государей со всѣмъ освященнымъ соборомъ, что «они Езувиты живутъ на Москвѣ многое время безъ дѣла, а прежде сего изстари при предкахъ ихъ государскихъ римскіе Езувиты въ Московскомъ государствѣ никогда не бывали и не живали; а нынѣ живучи они

Езувиты на Москвѣ, чинятъ многую святой Церкви и догматамъ ея противность, печатными письмами и образами на полотнахъ и на роговой кости, также иными прелестями, а у святой восточной Церкви съ западнымъ Римскимъ кастёломъ многія несходства, и чтобъ они, Великіе Государи, больше сего имъ Езувитамъ за такими вышеупомянутыми препятствіями въ Московскомъ государствѣ жить не позволили. И Великіе Государи указали: Езувитовъ съ Москвы отпустить милостиво, и дать имъ жалованье и подводы до Литовскаго рубежа». — Съ іезуитами въ тѣсной связи находится дѣло дьякона Новомѣщанской слободы Петра Артемьева, о которомъ у г. Устрялова также ни слова, хотя оно гораздо важнѣе Кульмановскаго. На Петра Артемьева было донесено, что онъ послѣ Евангелія читалъ поученіе, въ которомъ похвалялъ въ вѣрѣ Поляки, Ляхи (!), Литву; носитъ на себѣ вмѣсто креста мошонку, а въ ней образокъ Латинянина Антонія Падвіянина (Падуанскаго) еретика суща, глаголетъ исхожденіе Духа Святаго отъ Отца и Сына, исповѣдовался и пріобщался у іезуитовъ, а съ иными іезуитами, изъ Москвы изгнанными, зело слезно разлучился. Дѣйствительно найдено, что Артемьевъ обратился въ католицизмъ; изъ переписки его оказывается, что это былъ человѣкъ нервный, восторженный, склонный къ мистицизму; по его натурѣ приходились какъ нельзя лучше сочиненія нѣкоторыхъ западныхъ религіозныхъ писателей. Любопытно видѣть, какъ хитро въ то время католики забрасывали свои сѣти на православныхъ; Петръ Артемьевъ такъ разказываетъ о своемъ отступничествѣ: онъ спрашивалъ у Латинянъ: «Повѣждь ми, лучше ли чѣмъ Римская церковь ваша надъ Греческую?» отвѣща: «Римская и Греческая церковь едина есть и никая надъ кую лучшествуетъ, токмо развѣ у насъ люди ученѣйшіе, чесому и азъ (Петръ) рекохъ аминь.» — «Идохъ къ причастію (продолжаетъ Петръ), по причащеніи же вопроси мя духовникъ, въ кіихъ де ты потребахъ недостаточествуешь, азъ де казначей монастырскій, и могу тебѣ что̀ даровати: отрекохся, да не ради дара будетъ мое съ ними соединеніе.» Петръ Артемьевъ оскорблялся гоненіемъ на раскольниковъ: «Въ Константиновкѣ (въ Константиновскомъ застѣнкѣ, гдѣ производились пытки) при дыбѣ предстоятъ учители нѣмые: вмѣсто Евангелія огнемъ и вмѣсто Апо-

стола кнутомъ просвѣщающе: о коль безполезно ихъ учительство!» Ему замѣчали: «Въ самомъ Римѣ таковъ есть законъ, аще кто рекъ папу не главу всея церкви, и тотчасъ бы того человѣка сожгли. Такъ праведно подобаетъ отъ противнаго и здѣ сотворити, аще кто противу св. отцемъ и противу восточной церкви имѣетъ и утверждаетъ папу себѣ за главу, подобаетъ ему свою потеряти главу, да живетъ о папинѣ главѣ.» — Такъ какъ католиковъ нельзя было оставить безъ священниковъ, то изданъ былъ указъ: «Великіе государи указали для братской дружбы съ его цесарскимъ величествомъ быть на Москвѣ при одномъ ксендзѣ и другому, только бы тѣ ксендзы, живучи въ Москвѣ, ни въ какія ненадлежащія и не въ свои дѣла не вступались и вѣрѣ Греческой никакой противности не чинили и Русскихъ людей не отвращали, и въ домы къ Русскимъ людямъ не ходили, а службу отправляли въ домахъ Римской вѣры у начальныхъ людей, также бы и чрезъ почты какъ вѣстовыхъ, такъ и затѣйныхъ никакихъ писемъ въ иныя государства отнюдь не писали и не посылали, и подъ именемъ тѣхъ ксендзовъ въ ихъ ксендзовскомъ платьѣ не жили бы на Москвѣ Езуиты, а былибъ тѣ ксендзы свѣтскіе плебаны, а не Езуиты, и буде вмѣсто тѣхъ плебановъ объявятся на Москвѣ Езуиты, и тѣ Езуиты, также и плебаны высланы будутъ съ Москвы вовсе и впредь имъ на Москвѣ жить будетъ не позволено.» Кстати замѣтимъ, что любопытныя подробности о борьбѣ между католиками и протестантами въ Москвѣ находятся въ книгѣ: Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, entrepris pour decouvrir un nouveau chemin à la Chine. Здѣсь говорится, что послы голландскій и бранденбургскій постарались, чтобъ былъ приговоренъ къ смерти Брабантецъ Рулье, молодой путешественникъ, который, будучи нафанатизированъ іезуитомъ Боволье, убилъ Нѣмца Шульца за то, что тотъ перемѣнилъ католицизмъ на лютеранство изъ страсти къ женщинѣ этого исповѣданія; бранденбургскій же посолъ уговорилъ московское правительство не пускать іезуитовъ (автора книги съ товарищами) въ Китай черезъ Сибирь, но выслать ихъ немедленно изъ Россіи. Всѣ эти извѣстія важны: они показываютъ, что нельзя разсматривать всѣхъ жителей Нѣмецкой слободы соединенно, не обращая вниманія на религіозное различіе, и въ этомъ соединеніи брать

отношенія ихъ къ правительству; такъ Лефортъ и Гордонъ не любили другъ друга: Лефорта отталкивало отъ Гордона то, что послѣдній сохранялъ въ своемъ характерѣ черты воспитанника іезуитовъ; Петръ далъ иностранцамъ свободу вѣроисповѣданія, но, подобно предшественникамъ своимъ, былъ не охотникъ до католиковъ; любопытно распоряженіе его, чтобъ живущіе въ Россіи католики брали себѣ священниковъ только изъ Французовъ; съ перваго раза это кажется страннымъ, ибо извѣстно, что Петръ не любилъ Французовъ; но дѣло въ томъ, что французскіе священники, какъ члены галликанской Церкви, были чужды ультрамонтанскихъ стремленій. Вообще бытъ Нѣмецкой слободы, имѣющей такое значеніе въ исторіи Петра, въ книгѣ г. Устрялова обслѣдованъ не вполнѣ удовлетворительно. Г. Устряловъ преувеличиваетъ и нерасположеніе московскихъ жителей къ иностранцамъ. Что особенная одежда иностранцевъ возбуждала насмѣшки, это очень естественно: и теперь мальчишки не пропустятъ Татарина безъ особеннаго привѣтствія; горе отъ берлинскихъ мальчишекъ тому русскому путешественнику, который въ сѣрый ненастный день вздумаетъ надѣть шинель и пройдтись въ ней по улицамъ; учтивые Парижане также не удержатся отъ разнаго рода восклицаній при видѣ иностранца, одѣтаго по-своему: но что же изъ этого? Г. Устряловъ думаетъ, что и прудъ, гдѣ жили Нѣмцы, отъ нихъ былъ прозванъ *поганымъ*, и что Нѣмецкая слобода получила презрительное прозваніе Кукуя; но что если явится опять охотникъ до споровъ и скажетъ, что прудъ не отъ Нѣмцевъ былъ прозванъ поганымъ и что не отъ Нѣмцевъ произошло прозваніе Кукуя? Любопытно, съ какими подтвержденіями своего мнѣнія выступитъ противъ него г. Устряловъ? Но отчего такія преувеличенія въ разбираемой книгѣ? Оттого, что автору непремѣнно нужно вездѣ показать, какія страшныя препятствія встрѣчалъ Петръ и въ людяхъ близкихъ, и въ цѣломъ народѣ, и всѣ эти препятствія однако преодолѣлъ своей непоколебимою волей. Отъ этого и царица Наталья Кирилловна выходитъ у него приверженною къ старинѣ: на какомъ основаніи? на томъ, что при избраніи патріарха она держала сторону Адріана, приверженца старины: но и самъ Петръ согласился на избраніе Адріана; значитъ были причины, заставлявшія предпочесть его,

причины, передъ которыми преклонилась и непоколебимая воля Петра. Далѣе, въ доказательство своего мнѣнія г. Устряловъ приводитъ то обстоятельство, что *сначала* царица въ торжественные дни не допускала къ себѣ иностранцевъ къ рукѣ, а *потомъ* допускала: что̀ если охотникъ до споровъ захочетъ видѣть здѣсь естественное, требуемое обстоятельствами измѣненіе придворнаго обычая, измѣненіе, возможное потому, что не находило для себя никакого препятствія въ характерѣ лица, отъ котораго зависѣло? Охотникъ до споровъ въ самомъ разказѣ г. Устрялова найдетъ черту, показывающую, что Петръ находилъ въ матери не припятствіе, а потаковничество своимъ намѣреніямъ: «Фейерверкъ заключился роскошнымъ ужиномъ. Царица Наталья Кирилловна, очень довольная искуснымъ изображеніемъ Геркулеса, въ награду за труды подарила вѣнценосному фейерверкеру, къ неизъяснимой радости его, полный сержантскій мундиръ, какъ сержанту Преображенскаго полка.»

Въ главѣ о потѣшныхъ походахъ Петра, мы находимъ важное мѣсто: «Такъ, въ военныхъ экзерциціяхъ, въ маневрахъ на сушѣ и на водѣ, въ фейерверкахъ и веселыхъ пирахъ, протекли первыя пять лѣтъ царствованія Петра до начала Азовскихъ походовъ. Въ это время не было издано ни одного замѣчательнаго закона, не было сдѣлано ни одного важнаго распоряженія ни по одной отрасли общественнаго благоустройства. *Очевидно*, царь, еще малоопытный въ искусствѣ государственнаго управленія, исключительно преданный задушевнымъ мыслямъ своимъ, предоставилъ дѣла обычному теченію въ приказахъ, и едва ли находилъ время для продолжительныхъ совѣщаній съ своими боярами.» Въ самомъ дѣлѣ *очевидно*, что царь, (не скажемъ: малоопытный въ искусствѣ государственнаго управленія, ибо малоопытный упражняется для пріобрѣтенія опытности),—*очевидно*, что царь, еще очень молодой, не могъ охотно заниматься дѣлами государственнаго управленія, не подходящими къ его возрасту, скучными, а занимался тѣмъ, что̀ было доступнѣе, повеселѣе; самъ Петръ говоритъ: «Хотя въ ту пору, какъ осенью, въ продолженіе пяти недѣль трудились мы подъ Кожуховымъ въ марсовой потѣхѣ, *ничего болье, кромѣ игры на умѣ не было.*» Очевидно, что эти пять лѣтъ были временемъ приготовительнымъ къ дѣятельности Петра, временемъ вос-

питанія; очевидно, что до этого времени нельзя смотрѣть на Петра, какъ на человѣка уже созрѣвшаго, сознательно окрѣпшаго въ своихъ стремленіяхъ, уже не нуждающагося ни въ чьихъ указаніяхъ и руководствахъ; очевидно, что въ эти важныя пять лѣтъ историкъ долженъ обращать особое вниманіе на то, кѣмъ окруженъ Петръ, кому особенно преданъ, ибо это окруженіе должно отпечатлѣться самыми рѣзкими чертами на мягкомъ существѣ юноши; и если несомнѣнныя извѣстія намъ говорятъ, что самымъ близкимъ человѣкомъ въ это время къ Петру былъ Лефортъ, если современники безпристрастные и пытливые намъ говорятъ, что Лефортъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на предпріятія молодаго Петра, то есть ли какая возможность отвергнуть это вліяніе? И къ чему послѣ этого хлопоты, стараніе доказать, что Петръ ранѣе отъѣзда къ Троицѣ не сближался съ Лефортомъ?

Описывая приготовленія Петра къ путешествію по Европѣ, г. Устряловъ говоритъ, что управленіе государствомъ на время своего отсутствія, онъ ввѣрилъ тремъ знатнѣйшимъ вельможамъ: боярину Льву Кирилловичу Нарышкину, князю Борису Алексѣевичу Голицыну и князю Петру Ивановичу Прозоровскому, и въ примѣчаніи прибавляетъ: «одинъ только Перри въ сочиненіи The state of Russia говоритъ опредѣлительно о назначеніи правительства изъ трехъ вельможъ.» Но точно такъ же опредѣлительно говоритъ объ этомъ и Корбъ, прибавляя, что мысль о назначеніи троихъ внушилъ Петру Гордонъ; только, по добросовѣстности своей, Корбъ прибавилъ: *говорятъ*, тогда какъ разказывая о внушеніяхъ Лефорта, этого слова не прибавляетъ. То же самое *говорятъ* Корбъ прибавилъ и къ разказу о смерти Лефорта, и кромѣ того замѣтилъ: «Послѣ его смерти ходило много разныхъ слуховъ: сомнѣваюсь, достаточно ли они справедливы.» Но г. Устряловъ ничѣмъ не оговорился при описаніи подробностей, позволивъ себѣ только удивительную вольность въ переводѣ; пусть читатель повѣритъ наши слова: у г. Устрялова: «Призвали врача духовнаго: реформатскій пасторъ Стумпфіусъ явился, чтобъ приготовить страждущаго къ переселенію въ жизнь вѣчную. Лефортъ слушалъ его сначала съ кротостію и смиреніемъ; по потомъ въ непрерывномъ бреду, отгонялъ прочь, требуя вина и музыкантовъ,»

Корбъ: Cum admissus ad eundem reformatorum pastor Stumpfius, multa de conversione ad Deum moneret, nihil aliud respondisse dicunt, quam: ne multa verba faceret.» (То-есть, когда допущенный къ нему реформатскій пасторъ Стумпфіусъ много говорилъ ему о необходимости обращенія къ Богу, то *говорятъ* Лефортъ отвѣчалъ одно, чтобъ не плодилъ словъ.) Въ другомъ же случаѣ, именно при описаніи стрѣлецкаго розыска, г. Устряловъ отвергаетъ показанія Корба именно на томъ основаніи, что онъ писалъ по слухамъ: но развѣ не самъ г. Устряловъ сказалъ, что Корбъ былъ современникъ безпристрастный и пытливый, имѣвшій всѣ средства собрать въ Москвѣ свѣжія преданія? И развѣ безпристрастіе и пытливость Корба не доказывается тѣмъ, что о событіи, случившемся напримѣръ 10-го октября, онъ говоритъ положительно, но о подобномъ же событіи, случившемся 17-го, прибавляетъ multis vulgabatur? Развѣ Корбъ похожъ на человѣка, собирающаго всякіе слухи безъ различія? Имѣемъ слѣдовательно полное право отвергать слухъ, въ справедливости котораго не увѣренъ Корбъ, и принимать тотъ, въ справедливости котораго онъ удостовѣряетъ. Если разъ случилось, что Корбъ смѣшалъ имена (да и то еще сомнительно — смѣшалъ ли?), если его показанія числа казненныхъ стрѣльцовъ разнятся съ оффиціальными показаніями, то это нисколько не можетъ заподозривать другихъ его извѣстій, ибо иностранцу легко было смѣшать имена царскихъ сестеръ, очевидцу при видѣ толпы, выводимой на казнь, легко было преувеличить, ибо основаніе преувеличенія для Корба и для всякаго другаго лежало здѣсь въ характерѣ самого явленія. Пусть историкъ не рѣшается принимать нѣкоторыхъ извѣстій, дѣйствительно странныхъ, пусть отвергаетъ ихъ, не умалчивая однако о нихъ; но не понимаемъ, на какомъ основаніи г. Устряловъ прошелъ молчаніемъ извѣстіе Корба о томъ, что царевна Софья была судима выборными изъ разныхъ чиновъ людьми: «Сегодня, говоритъ Корбъ (стр. 87), царь изъ всѣхъ своихъ подданныхъ, бояръ, окольничихъ, сановниковъ военныхъ, стольниковъ, дьяковъ, гостей и черныхъ сотенъ, изъ каждой сотни по двое, созвалъ соборъ, которому поручилъ изслѣдовать злоумышленіе Софьи и опредѣлить, какому наказанію она

должна быть подвергнута.» Вѣдь такого извѣстія иностранцу ни смѣшать, ни выдумать было нельзя.

Но оставимъ Корба съ его печальною хроникой, и скажемъ нѣсколько словъ о болѣе веселыхъ главахъ повѣствованія г. Устрялова, о тѣхъ главахъ, гдѣ разказывается путешествіе Петра по западной Европѣ. Въ Коппенбергѣ нашъ путешественникъ познакомился съ двумя умными и образованными женщинами, курфюрстиною ганноверскою и курфюрстиною бранденбургскою, которыя оставили намъ описаніе великаго царя, описаніе въ высшей степени любопытное. Наивно, безъ старанія объяснять, сглаживать для себя и другихъ рѣзкія противоположности, обобщать черты изъ боязни изобразить что-нибудь непонятное для большинства, — записано впечатлѣніе, произведенное Петромъ, произведенное этою *двойственностію* его, которую онъ раздѣлялъ съ своимъ народомъ, какъ полный представитель послѣдняго въ извѣстное время; впослѣдствіи, въ силу дальнѣйшаго образованія, эта двойственность сглаживалась у Русскихъ людей, или по крайней мѣрѣ, нужно было тереть, стирать лоскъ образованности, чтобъ увидать другую-то сторону, которую особенно скрывали передъ чужими. Но Петръ и современники его еще не умѣли скрывать этой стороны своей передъ иностранцами. Г. Устряловъ такъ передаетъ отзывъ одной изъ курфюрстинъ о Петрѣ: «Нельзя ни описать, ни вообразить себѣ этого необыкновеннаго человѣка, не видавъ его собственными глазами. Онъ имѣетъ доброе сердце и возвышенныя чувства, но сердитъ. Еслибъ его лучше воспитали, онъ былъ бы примѣромъ совершенства.» Думаемъ, читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы приведемъ это описаніе нѣсколько подробнѣе. «Pour ces grimaces, je me les suis imaginées pires que je ne les lui ai trouvées et quelques unes ne sont pas en son pouvoir de les corriger. L'on voit aussi qu'il n'a pas eu de maître pour apprendre manger proprement, mais il y a un air naturel et sans contrainte dans son fait qui m'a plu. — Le czar est fort grand; sa physionomie est très belle et sa taille fort noble. Il a une grande vivacité d'espit, la repartie prompte et juste. Mais avec tous les avantages dont la nature l'a doué il seroit à souhaiter que ses moeurs fussent un peu moins agrestes. C'est un prince à la fois très bon et très méchant: il a tout-à-

fait les moeurs de son pays. S'il avait reçu une meilleure éducation, ce seroit un homme accompli, car il a beaucoup de bonnes qualités et infiniment d'esprit naturel.»

Не считаемъ себя въ правѣ умолчать о VII-й главѣ III тома, въ которой описывается возвращеніе Петра изъ-за границы. Въ началѣ главы г. Устряловъ говоритъ: «Только флотомъ сильнымъ, хорошо устроеннымъ, думалъ онъ (Петръ) взять перевѣсъ въ войнѣ съ Турціею, разгромить Татаръ Крымскихъ и Кубанскихъ, вытѣснить господство Турокъ съ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, раздвинуть предѣлы Россіи до безопаснаго рубежа и, укротивъ негостепріимный понтъ, открыть своему народу широкій путь въ югозападную Европу, не безъ надежды освободить со временемъ единовѣрную Грецію отъ ига варваровъ. Мысль его ясно выражается въ письмѣ къ патріарху Адріану изъ Амстердама: «Послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, мы трудимся; что̀ чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Іисусъ Христа побѣдителями, а христіанъ, тамо будущихъ, свободителями, благодатію Его, быть.» Турецкая война (продолжаетъ г. Устряловъ) такъ озаботила его, такъ много обѣщала ему выгодъ, что онъ всѣ мысли и желанія устремлялъ на югъ, на берега Черноморскіе, не хотѣлъ развлекать своихъ силъ ни на западѣ, ни на сѣверѣ и, сколько ни убѣждалъ его Курфюрстъ Бранденбургскій, рѣшительно отказался отъ союза противъ Швеціи, уже послѣ Рижскаго оскорбленія. *Однимъ словомъ, по всѣмъ признакамъ, Петръ не думалъ воевать съ Швеціею до пріѣзда въ Вѣну*... Изъ Вѣны обратилъ свой взоръ съ юга на сѣверъ, съ береговъ Черноморскихъ на берега Балтійскіе. Рано или поздно война съ Швеціею для Россіи была неизбѣжна. Шведы такъ безсовѣстно, съ такимъ наглымъ насиліемъ отняли у насъ многія принадлежавшія намъ земли, что мы никогда не могли забыть оскорбительной утраты. Тѣмъ менѣе могъ забыть Петръ невознаградимую утрату старинныхъ Русскихъ владѣній при Балтійскомъ морѣ, послѣ путешествія по западной Европѣ. Тамъ увидѣлъ онъ въ полномъ блескѣ все, чего неутомимо искалъ, къ чему постоянно стремился его геній, что̀ украшаетъ и облагороживаетъ человѣка, чѣмъ Европа такъ возвысилась

надъ прочими частями свѣта, восхитительные плоды труда, знанія, искусства... Оторвать Россію отъ востока, отъ грубой Татарщины, сблизить ее съ Европою и включить въ семейство государствъ образованныхъ, вотъ мысль, которая вспыхнула въ умѣ Петра послѣ того, какъ увидѣлъ онъ во всемъ блескѣ науку и искусство. Двумя путями задумалъ онъ приготовить Россію къ новой жизни. Съ одной стороны рѣшился исхитить изъ власти Шведовъ свою старинную Водьскую пятину, чтобъ прорубить здѣсь окно изъ темной Азіи въ свѣтлую Европу. Съ другой стороны вознамѣрился сгладить внѣшнее отличіе Русскаго народа отъ народовъ западныхъ.»

Признаемся, мы не очень ясно понимаемъ главную мысль, цѣль этого разсужденія. Что Петръ не думалъ воевать съ Швеціей до окончанія войны Турецкой, въ этомъ никто не можетъ сомнѣваться; что до окончанія Турецкой войны, все вниманіе Петра было обращено на берега Чернаго моря, это также не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но чтобъ Петръ въ послѣдніе годы XVII-го вѣка имѣлъ относительно Турціи тѣ планы, какіе приписываетъ ему г. Устряловъ, это болѣе чѣмъ сомнительно, и прежде всего самъ г. Устряловъ заставляетъ читателя сомнѣваться въ этомъ: онъ говоритъ, что Петръ, увидавши въ западной Европѣ то, къ чему стремился его геній, рѣшился сблизить Россію съ Европою, сблизить двумя путями: прорубить окно въ свѣтлую Европу, и сгладить внѣшнее отличіе своего народа. Теперь спрашивается: гдѣ же онъ прельстился чудесами европейской цивилизаціи? въ Вѣнѣ только, на цесарскомъ маскерадѣ? Если же онъ прельстился европейскою цивилизаціей въ сѣверной Германіи и преимущественно въ Голландіи и Англіи, то въ это же время и должна была у него родиться мысль овладѣть берегами Балтійскаго моря, чтобъ здѣсь прорубить окно въ свѣтлую Европу, а не разрушать Турецкую Имперію, чтобъ изъ Азова сообщаться—съ Испаніею! Но главное, зачѣмъ историку принимать на себя безполезный трудъ строить предположенія, когда историческому лицу могла придти та или другая мысль, имъ впослѣдствіи осуществленная? Прекрасно, если само историческое лицо въ письмѣ или запискахъ разкажетъ намъ объ этомъ или сдѣлаютъ это люди къ нему близкіе, но историку полтора-

ста лѣтъ спустя есть ли возможность опредѣлить моментъ рожденія извѣстной мысли? Трудъ его въ этомъ случаѣ будетъ похожъ на стараніе опредѣлить, кто была кормилица Ахиллеса?

Но если Петръ и очень поздно, въ Вѣнѣ только, задумалъ воевать съ Швеціей, все же мысль о Сѣверной войнѣ принадлежитъ ему — въ томъ порука г. Устряловъ. «Во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ, вопреки общему мнѣнію, не мстительность Паткуля, не властолюбіе Августа воспламенили великую Сѣверную войну: первая мысль о ней родилась въ умѣ царя, какъ плодъ глубоко обдуманнаго плана для величія Россіи.» Въ этомъ странномъ спорѣ о томъ, кому первому пришла въ голову мысль о Сѣверной войнѣ, мы охотнобъ взяли сторону г. Устрялова, еслибъ онъ не объявилъ, что Петръ до Вѣны не думалъ о войнѣ со Швеціей: въ такомъ случаѣ очевидность заставляетъ насъ отдать первенство кому угодно, только не Петру. Къ счастью, всѣ эти споры будутъ не нужны, если мы отрѣшимся отъ взгляда г. Устрялова, что въ исторіи великіе дѣятели велики не потому, что приводятъ въ исполненіе мысли вѣковъ, а потому, что вздумаютъ, возьмутъ да и сдѣлаютъ. Мысль о Сѣверной войнѣ, то-есть о необходимости для Россіи пріобрѣсть балтійскіе берега была именно мыслью вѣковъ; великая Сѣверная война была уже и прежде, въ XVI вѣкѣ, и тогда она велась тѣми же государствами, Россіею, Польшею, Швеціею, Даніею, велась за то же, за балтійскіе берега; тогда начало ея шло прямо отъ Россіи, изъ Москвы, она была начата Іоанномъ IV; кончилась она въ пользу Польши и отчасти Швеціи; но мысль о необходимости ея возобновленія не умерла съ Іоанномъ; она жила въ Годуновѣ, по успокоеніи отъ смутнаго времени она воскресла въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и его министрахъ и досталась въ наслѣдство Петру какъ вѣковое преданіе: это Петръ самъ ясно сознавалъ и признавалъ, гордясь великимъ значеніемъ совершителя того, что̀ было начато, чего такъ сильно желали предшественники. А съ другой стороны, одновременно, но совершенно независимо отъ интересовъ и мыслей русскаго царя, Данія, по своимъ отношеніямъ хотѣла войны со Швеціею, Августъ II при избраніи своемъ въ короли польскіе обязался возвратить Польшѣ Ливонію, а тутъ явился Паткуль, какъ поджигатель всѣхъ этихъ независимо отъ него

происшедшихъ желаній, согласитель всѣхъ интересовъ противъ Швеціи. Тучи родились въ разныхъ мѣстахъ и заходили одновременно съ разныхъ сторонъ, сошлись — разразилась гроза. И потомъ, гдѣ это общее мнѣніе, съ которымъ борется г. Устряловъ, по которому мстительность Паткуля и властолюбіе Августа были причиной Сѣверной войны? Беремъ извѣстную монографію: Der Livländer Ioh. Reinh. von Patkul und seine Zeitgenossen, von. O. A. Wernich, Berlin, 1849; здѣсь читаемъ слѣдующія строки о значеніи Паткуля въ Сѣверной войнѣ: «Carl, Peter, August, Christian waren die verborgenen Minen und Patkul der Schwefelfaden, welcher, nachdem ihn Carl der XI entzündet hatte, willenlos das Feuer überall hintrug, wo es dann andere so lange schürten, bis, nach und nach der ganze Norden in Flammen stand.»

Но пора кончить нашъ разборъ. Мы не станемъ разсуждать о томъ, къ какому роду сочиненій принадлежитъ книга г. Устрялова — исторія ли это, или біографія, или что-нибудь другое: если она названа исторіею, то пусть и останется такою, значитъ самъ авторъ такъ понималъ свое дѣло. Мы желаемъ только, чтобъ «Исторія царствованія Петра Великаго» заключила собой рядъ сочиненій, начатый Крекшинымъ, который считалъ своей обязанностью только «прославлять блаженныя дѣла, а не дерзать писать образомъ исторіи». Петръ нуждается въ исторіи, а не въ панегирикахъ.

С. Соловьевъ.

27-го іюня.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

Восточный вопросъ.

—

Не смотря на недавность Восточной войны, наше время все-таки можно по преимуществу назвать временемъ переговоровъ и дипломатическихъ сдѣлокъ. Идея политическаго равновѣсія никогда такъ не сливалась съ общежитіемъ европейскихъ народовъ, никогда не требовала себѣ такихъ вольныхъ и невольныхъ уступокъ, какъ теперь. При нынѣшнемъ состояніи просвѣщенія и при той огромной важности, какую имѣетъ матеріальное благосостояніе народовъ, правительства, чутко прислушиваясь къ общественному мнѣнію, стараются врачевать больныя мѣста современной международной политики по взаимному соглашенію, устраняя, на сколько можно, исключительный перевѣсъ одной какой бы то ни было стороны, одного какого бы то ни было голоса надъ другими. Въ настоящее время такихъ больныхъ мѣстъ два: Италія и Турція; обѣ не въ нормальномъ положеніи, но внутреннее состояніе Турціи, послѣ Восточной войны, выдвинуло ее на первый планъ, заставивъ на время забыть объ итальянскомъ вопросѣ. Общественное мнѣніе Европы и все вниманіе европейскихъ правительствъ, которыхъ уполномоченные собрались теперь для совѣщаній въ Парижѣ, исключительно обращено на восточный вопросъ, требующій серьёзнаго и безотлагательнаго разрѣшенія. Событія, совершившіяся въ Турціи въ теченіе послѣдняго года, вполнѣ оправдываютъ общую озабоченность въ этомъ отношеніи. Съ тѣхъ поръ какъ состоялся парижскій миръ, прошло не болѣе двухъ лѣтъ, но этихъ двухъ лѣтъ оказалось достаточнымъ, чтобы довести Турцію до важнаго кризиса. Предпринимая Во-

сточную войну, западныя державы имѣли въ виду неприкосновенность и цѣлость Оттоманской имперіи; но кромѣ этого вопроса, оставался еще другой и не менѣе важный вопросъ о внутреннемъ преобразованіи страны, которая очевидно не могла существовать въ прежнихъ условіяхъ своего государственнаго и административнаго устройства.

Извѣстно, что 9-я статья парижскаго трактата признаетъ высокую важность *гатти-гумаюна* 1856 года, какъ офиціальнаго акта, имѣющаго цѣлію уничтожить всякое различіе между подданными султана, къ какой бы вѣрѣ, къ какому бы племени они ни принадлежали. Этотъ важный актъ долженъ былъ произвести рѣшительный переворотъ въ странѣ, въ которой политическое и административное устройство основано именно на племенномъ и религіозномъ разъединеніи. Въ сущности, государственный бытъ Турціи до сихъ поръ основывался на господствѣ мусульманъ и рабствѣ христіанскихъ подданныхъ: гатти-гумаюнъ 1856 году долженъ былъ разрушить эту систему во имя справедливости и просвѣщенія и въ интересахъ самой Турціи, для которой перемѣна системы остается единственнымъ средствомъ спасенія. Требуя серьёзнаго исполненія гатти-гумаюна, Европа должна была содѣйствовать султану и его совѣтникамъ къ устраненію важныхъ препятствій, которыя неминуемо должны были представиться въ такомъ дѣлѣ; поддерживать начинавшійся переворотъ, признавать и защищать лишь новую, преобразованную Турцію, торжественно отрекаясь отъ старой.

Къ сожалѣнію, старая Турція нашла себѣ сильную поддержку въ двухъ великихъ державахъ—Австріи и Англіи, явно ободрявшихъ мусульманскую реакцію. Вмѣсто реформъ, провозглашенныхъ въ гатти-гумаюнѣ, Турція подъ вліяніемъ этихъ державъ выставила цѣлый рядъ неумѣренныхъ притязаній: въ Дунайскихъ княжествахъ и Черногоріи она присвоивала себѣ права, которыми не могла пользоваться на основаніи трактатовъ и преданій. Можно только угадывать тайную мысль, руководящую тѣхъ, кто поддерживаютъ подобныя притязанія; но какова бы ни была она, представители Англіи и Австріи въ Константинополѣ, конечно, очень хорошо знали, что для Турціи нѣтъ спасенія внѣ гатти-

гумаюна. Правда, нѣкоторые думаютъ, что Оттоманской имперіи остается только выборъ между смертью безъ гатти-гумаюна и смертью съ гатти-гумаюномъ; но подобныя рѣзкости не приняты въ дипломатіи. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время дипломатія ищетъ средства продлить жизнь Турціи, которая не можетъ умереть, пока имѣетъ мѣсто на парижскомъ конгрессѣ. Конгрессъ, разумѣется, не придастъ ей жизненныхъ силъ, но можетъ съ помощію врачей и лѣкарствъ поддержать своего паціента.

Однимъ изъ такихъ лѣкарствъ былъ гатти-гумаюнъ, одобренный конгрессомъ 1856 года. Этотъ актъ представляется единственнымъ средствомъ улучшить положеніе христіанскаго населенія, безъ содѣйствія и удовлетворенія котораго Турція обойдтись не можетъ. Указаніе на многочисленность христіанскаго населенія относительно мусульманскаго въ Европейской Турціи сдѣлалось общимъ мѣстомъ, а между тѣмъ Европа до послѣдняго времени знала только Турцію и Турокъ. Одна Россія, да въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ Франція не упускали изъ виду христіанскаго населенія, и теперь, только вслѣдствіе Восточной войны, вопросъ о положеніи христіанъ въ Турціи сдѣлался обще-европейскимъ вопросомъ.

Естественно, что гатти-гумаюнъ 1856 года, серьёзно понятый Европою, былъ еще серьёзнѣе понятъ христіанскимъ населеніемъ Турціи: для этого населенія онъ былъ по справедливости единственнымъ средствомъ къ дальнѣйшему существованію. Христіане не могутъ долѣе переносить прежняго порядка вещей, особенно когда увидѣли, что злоупотребленія турецкой системы въ послѣднее время только усугубились. Они очень хорошо понимаютъ, что послѣ такого акта, каковъ гатти-гумаюнъ, одобренный Европейскимъ конгрессомъ, время пустыхъ обѣщаній прошло и наступила пора дѣйствительныхъ обезпеченій. А между тѣмъ тѣнь обезпеченья существуетъ для нихъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть европейскіе консулы, да и ихъ присутствіе нерѣдко оказывается недѣйствительнымъ. Въ Европѣ надѣялись нѣкоторое время, что допущеніе христіанъ въ турецкую армію измѣнитъ устройство послѣдней, доставитъ каждому подданному султана возможность носить оружіе и получать офицерскій чинъ, и что оружіе и эполеты послужатъ нѣкоторою гарантіей для ос-

тальнаго населенія; но извѣстно, что Порта превратила право носить оружіе въ новый налогъ на христіанъ, одновременно лишая ихъ такимъ образомъ предоставленнаго имъ права и обременяя налогомъ. Гатти-гумаюнъ не признаетъ никакихъ различій между подданными султана; а на дѣлѣ выходитъ, что по коренному религіозному различію они раздѣлены на вооруженныхъ и неподатныхъ съ одной стороны, и на безоружныхъ и обремененныхъ налогами съ другой. Неудивительно, что христіанское населеніе, не видя для себя никакого другаго исхода, само вооружилось въ Герцеговинѣ и на островѣ Кандіи. Возстанія въ этихъ мѣстахъ, въ соединеніи съ затруднительнымъ положеніемъ Турціи относительно Черногоріи, Дунайскихъ княжествъ и наконецъ относительно парижскаго конгресса, могутъ служить образцомъ того внутренняго и внѣшняго состоянія, въ какое поставляетъ себя эта держава, обходя гатти-гумаюнъ.

Мы не будемъ излагать здѣсь подробностей упомянутыхъ возстаній и ограничимся только указаніемъ на одинаковость ихъ характера, въ томъ смыслѣ, что онъ вездѣ является чисто мѣстнымъ, что возстанія происходятъ не подъ вліяніемъ какого-нибудь общаго, заранѣе обдуманнаго плана: цѣлыя селенія поднимаются сами собою, безъ всякаго предварительнаго соглашенія, единственно подъ вліяніемъ невыносимыхъ ужасовъ турецкаго гнета. Образцомъ этихъ ужасовъ могутъ служить поступки, изложенные въ жалобѣ, которую подали жители Босніи князю Каллимаки, турецкому посланнику въ Вѣнѣ. Надобно замѣтить, что въ Босніи и Албаніи тоже господствуетъ сильное волненіе, которое впрочемъ еще не обнаружилось такъ рѣшительно, какъ въ Герцеговинѣ. Жители Босніи жалуются, что необезпеченные относительно жизни, имущества, труда, они предоставлены вполнѣ на произволъ турецкихъ начальствъ, откупщиковъ, собирающихъ налоги, и беевъ, въ особенности послѣднихъ, которые требуютъ съ нихъ третью часть всѣхъ произведеній земли, даже цвѣтовъ, и предпочитая брать деньги, оцѣниваютъ эти произведенія такъ высоко, что христіанамъ приходится платить весь доходъ, приносимый землею. Нищета доводитъ ихъ иногда до необходимости продавать собственныхъ дѣтей для спасенія цѣлаго семейства отъ голодной

смерти. При такомъ бѣдственномъ положеніи, населеніе поднимается само собой, безъ всякаго вліянія извнѣ; но Порта нашла нужнымъ приписать возстаніе вліянію Черногоріи и кстати предъявить свои права на обладаніе этою страной. Въ концѣ января 1858 года, Турки напали на Черногорію со стороны Албаніи, хотя въ этой сторонѣ не было никакого возстанія. Одинъ священникъ, высланный Черногорцами для переговоровъ, былъ обезглавленъ. Когда Турки заняли главныя позиціи, господствующія надъ сообщеніями Черногоріи съ Албаніей, Черногорцы принуждены были сдѣлать демонстрацію со стороны Герцеговины, куда безпрестанно подвозились на корабляхъ Турецкія войска изъ Константинополя. Европейскіе консулы предложили свое посредничество, совѣтуя Туркамъ прекратить нападенія на Черногорію; но Турки тѣмъ не менѣе повторили нападеніе и были разбиты на голову при Граховѣ. Съ тѣхъ поръ обѣ стороны остаются въ оборонительномъ положеніи, съ тою разницей, что число турецкихъ войскъ около Черногоріи постоянно увеличивается.

Турція не въ первый разъ предъявляетъ свои права на Черногорію; тѣмъ не менѣе этотъ клочекъ земли, обороняемый воинственнымъ населеніемъ, до послѣдняго времени умѣлъ сохранить свою независимость, купленную дорогою цѣной крови. Сами Турки въ офиціальныхъ актахъ называли правителя Черногорцевъ *владыкой независимой Черногоріи*. Но реформы, произведенныя нынѣшнимъ княземъ Даніиломъ, и связи, пріобрѣтенныя имъ въ Европѣ, не понравились ни Турціи, ни Австріи. Получивъ управленіе Черногоріей по завѣщанію своего дяди, владыки Петра, въ 1851 году, князь Даніилъ въ слѣдующемъ же году предложилъ народу возвратиться къ существовавшему прежде свѣтскому правленію и получилъ его согласіе. * Признанный въ этомъ новомъ званіи

* Въ началѣ XVI-го вѣка князь Георгій Черноевичъ, женатый на Венеціанкѣ изъ дома Мочениго, удалился съ нею, на старости лѣтъ, въ Венецію, и передалъ вѣтскую власть въ руки духовнаго владыки, Цетинскаго митрополита Германа. Въ концѣ XVII-го столѣтія обѣ соединенныя власти перешли въ родъ Нѣгушей, которые управляютъ Черногоріей и до сихъ поръ. Каждый владыка назначалъ себѣ преемника заживо, и выборъ его утверждался народомъ. Уставъ 1855 года опредѣляетъ для княжескаго сана наслѣдственность по праву первородства. Это династиче-

Россіею, князь Даніилъ, получившій воспитаніе въ западной Европѣ, приступилъ къ серьёзнымъ реформамъ. Эти преобразованія не лишены интереса, тѣмъ болѣе что о нихъ почти не знаютъ у насъ.

Въ прежнее время вся Черногорія была раздѣлена между членами Сената, которые управляли своими участками по произволу. Злоупотребленія при сборѣ налоговъ и повинностей были не рѣдки. Князь Даніилъ отрѣшилъ нѣсколькихъ сенаторовъ, принималъ апеляціи народа на приговоры мѣстныхъ судей, и ежедневно присутствовалъ въ засѣданіяхъ Сената. По его распоряженію собраны были обычаи разныхъ округовъ, и на основаніи какъ этихъ обычаевъ, такъ и законовъ царя Душана и нѣкоторыхъ владыкъ, составленъ и обнародованъ въ 1855 году небольшой сводъ изъ 93 статей, заключающихъ въ себѣ основныя положенія новаго политическаго, гражданскаго и уголовнаго законодательства. Каждому судьѣ вмѣнено въ обязанность указывать, на какой именно статьѣ закона онъ основываетъ свой приговоръ. Сводъ, напечатанный въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ, былъ розданъ во всѣхъ селеніяхъ, и каждому священнику велѣно имѣть у себя по экземпляру. Въ предисловіи къ своду князь Даніилъ совѣтуетъ каждому Черногорцу, знающему грамотѣ, собирать по воскресеньямъ и другимъ праздникамъ своихъ родныхъ и друзей, для слушанія законовъ. Еще предшественникъ его пытался уничтожить кровную месть между семействами; но князь Даніилъ объявилъ всякое покушеніе на жизнь Черногорца уголовнымъ преступленіемъ, за которое виновный подвергается законному наказанію, и отнюдь не денежной пенѣ. Въ Цетинѣ основана публичная школа, въ которой преподается краткій обзоръ сербской исторіи, священная исторія, церковное пѣніе и основныя понятія логики и вѣроученія. Сверхъ того, учреждены школы въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Цетинская типографія, въ которой прежній владыка напечаталъ часть своихъ сочиненій, су-

---

ское стремленіе не могло понравиться ближайшимъ сосѣдямъ Черногорья, особенно Турціи, которая не перестаетъ смотрѣть на этотъ край, какъ на подвластный ея державѣ.

ществовала до нападенія Омеръ-паши въ 1853 году. Въ то время недостатокъ въ свинцѣ заставилъ Черногорцевъ употребить литеры на ядра; въ прошломъ году князь Даніилъ завелъ новую типографію.

Водворяя законъ и порядокъ внутри Черногоріи, князь Даніилъ естественно долженъ былъ опредѣлить и свои внѣшнія отношенія, главнымъ образомъ къ Турціи. Вслѣдствіе разговора о Черногоріи на парижскомъ конгрессѣ 1856 года, и замѣчанія уполномоченнаго Турціи, Али-паши, что Порта не отказывается отъ своихъ притязаній на эту землю, князь Даніилъ обратился, 6-го мая 1856 года, съ особенною запиской къ кабинетамъ, въ которой протестовалъ противъ замѣчанія Али-паши и молчанія другихъ уполномоченныхъ, и доказывалъ права Черногоріи на независимость. Онъ требовалъ также возвращенія нѣкоторыхъ земель, за обладаніе которыми сражались и онъ, и его предки, опредѣленія границъ между Черногоріею и Турціею, наконецъ пріобрѣтенія какъ узкой приморской полосы, простирающейся отъ границъ Австріи до порта Антивари, такъ и этого города. Франція, благосклонно принявшая его записку, сдѣлалась посредницей между Турціею и Черногоріей. Съ тѣхъ поръ продолжались переговоры о взаимныхъ уступкахъ для прекращенія разногласій, и въ началѣ прошлаго года князь Даніилъ даже ѣздилъ въ Парижъ, чтобъ ускорить развязку. Повидимому, Франція не приняла на себя офиціальнаго обязательства побудить Порту къ признанію независимости Черногоріи, но обѣщала свое покровительство для удержанія Турокъ отъ вторженій въ Черногорію на будущее время. Не высказываясь относительно другихъ требованій князя, французское правительство обязалось содѣйствовать къ точному опредѣленію границъ между Турціею и Черногоріей. Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что отнынѣ судьба послѣдней уже не зависитъ отъ какой-нибудь удачной экспедиціи Турокъ, но отъ совокупной воли европейскихъ державъ, представители которыхъ уже собрались въ настоящее время въ Рагузѣ для разрѣшенія турецко-черногорскаго несогласія.

Кому неизвѣстно, что главная забота Австріи заключается въ предохраненіи подвластнаго ей Славянскаго населенія отъ всякаго вліянія извнѣ, могущаго возбудить въ немъ волненія,

Съ этой цѣлью приняла она Черногорцевъ подъ свою защиту въ 1853 году, отправивъ въ Константинополь графа Лейнингена съ настоятельнымъ требованіемъ, чтобы турецкія войска прекратили непріязненныя дѣйствія противъ Черногоріи. Въ настоящее время обстоятельства измѣнились. Съ неудовольствіемъ взирая на волненія въ Герцеговинѣ и сосредоточивая на границахъ войско, въ интересахъ Турціи, Австрія уже не поддерживаетъ Черногорцевъ. Австрійскіе журналы, съ своей стороны, прямо враждебны дѣлу этого народа. Но признаніе послѣднимъ верховной власти Порты, при содѣйствіи вѣнскаго кабинета, произвело бы крайне-неблагопріятное впечатлѣніе на христіанское населеніе Турціи, неблагопріятное какъ для князя Даніила, такъ и для самой Австріи. Вѣнскій кабинетъ очень хорошо понималъ это въ 1853 году, когда, черезъ посредство графа Лейнингена, доказывалъ Турціи опасность вторженія въ Черногорію и возстановилъ миръ между ними. Нынѣ же, при тѣсномъ союзѣ Австріи съ Турціей по всѣмъ дѣламъ, касающимся восточнаго вопроса, прежняя роль Австріи перешла къ Франціи *.

Мы затрудняемся сказать что-нибудь положительное о другихъ сторонахъ восточнаго вопроса, разсматриваемыхъ теперь на парижскомъ конгрессѣ, который уже имѣлъ девять засѣданій. Совѣщанія уполномоченныхъ остаются пока тайной для публики, и мы можемъ только напомнить въ нѣсколькихъ словахъ, въ какомъ положеніи находилось дѣло конгресса передъ вторичнымъ его открытіемъ.

Извѣстно, что обсужденіе вопросовъ о будущемъ устройствѣ Дунайскихъ княжествъ и судоходствѣ по Дунаю было поручено особымъ международнымъ коммиссіямъ, которыя должны были представить свои заключенія конгрессу. — Говорятъ, что коммиссары по устройству Дунайскихъ княжествъ встрѣтили не слишкомъ удовлетворительное содѣйствіе со стороны дивановъ, созванныхъ для выраженія желаній населенія. Число лицъ, ос-

---

* Намъ отрадно было прочесть сообщенное въ Ostdeutsche-Post извѣстіе о прибытіи русскаго консула въ Цетинье 27-го іюня съ субсидіями для Черногоріи за три истекшіе года, въ теченіе которыхъ выдача субсидій была пріостановлена.

новательно изучившихъ административные вопросы, не велико въ обоихъ княжествахъ, и потому они составляли весьма слабое меньшинство въ диванахъ, да и не пользовались никакимъ вліяніемъ, большею частью уронивъ себя въ общественномъ мнѣніи во время прежней борьбы партій. Диваны ограничились общими указаніями и высказали весьма мало практическихъ соображеній, которыя могли бы облегчить дѣло коммиссіи, предоставляя ей самой изучить мѣстные законы и администрацію и найдти средства къ ихъ улучшенію. Этому обстоятельству приписываютъ замедленіе въ составленіи доклада коммиссіи.

Въ самомъ дѣлѣ, преобразованія должны быть произведены не въ одномъ только политическомъ отношеніи, но и въ общественномъ. Въ 1848 году Австрія вполнѣ освободила свои сельскія населенія; Россія въ настоящее время тоже приступила къ освобожденію крестьянъ. Находясь между освобожденнымъ венгерскимъ крестьяниномъ и освобождаемымъ русскимъ, волохскій крестьянинъ не можетъ оставаться въ теперешнемъ крѣпостномъ состояніи. Византійскій характеръ боярства тоже возбуждаетъ сильныя возраженія. Мнѣніе коммиссаровъ объ этихъ вопросахъ еще неизвѣстно; но для всякаго ясно, что разрѣшеніе ихъ должно послужить основаніемъ очень важной реформы. Что̀ касается до политическаго соединенія княжествъ, то, сколько извѣстно изъ переговоровъ, предшествовавшихъ вторичному открытію конгресса, Турція, Австрія и Англія, въ особенности двѣ первыя державы, рѣшительно отвергали необходимость и пользу такой мѣры.

По всей вѣроятности, парижскій конгрессъ займется также актомъ о судоходствѣ по Дунаю, составленнымъ въ Вѣнѣ представителями державъ, которыхъ владѣнія находятся на этой рѣкѣ. Не смотря на состоявшуюся уже ратификацію помянутаго акта правительствами, непосредственно заинтересованными въ этомъ вопросѣ, парижскому конгрессу все-таки принадлежитъ право пересмотрѣть его, ибо въ немъ заинтересована и вся остальная часть Европы. Конгрессу вѣроятно предстоитъ сдѣлать свои замѣчанія въ пользу общаго судоходства, котораго интересы повидимому не были достаточно приняты въ соображеніе вѣн-

скою коммиссіей, опасавшейся соперничества со стороны другихъ, неприбрежныхъ державъ.

Въ слѣдующемъ нумерѣ «Атенея» мы перейдемъ къ другимъ политическимъ вопросамъ.

В. К.

СООТНОШЕНІЕ И ВЗАИМНОДѢЙСТВІЕ ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ.

Des relations mutuelles des forces physiques, par L. de la Rive. Bibliothèque universelle. Janvier 1858.

Wechselseitige Wirkung der physischen Kräfte, von Rollman, Westermanns illustrirte Monatshefte, 1857.

Liebig, über die Metamorphose der Kraft. Allgem. Zeitung 3 April 1858.

—

> La courbe décrite par une simple molécule d'air ou de vapeur est réglée d'une manière aussi certaine, que les orbites planétaires; il n'y a de différence entre elles que celle qu'y mette notre ignorance. *
>
> LAPLACE.

Что̀, повидимому, общаго между силою, заставляющей камень падать на землю, и силою, поднимающей въ растеніяхъ соки изъ земли на огромную высоту? Что̀ общаго между звукомъ и свѣтомъ, между магнитною стрѣлкой, смиренно обращающейся концами на сѣверъ и югъ, и молніею, зажигающей въ одно мгновеніе все встрѣчаемое на пути? По причинѣ этого очевиднаго различія между явленіями, физика давно распалась на отдѣльныя части, изучающія каждая отдѣльную группу явленій, и появились такимъ образомъ особыя ученія *о тяжести*, *звукѣ*, *свѣтѣ*, *теплотѣ и электричествѣ*.

Но вмѣсто того, чтобы по мѣрѣ распространенія нашихъ познаній, по мѣрѣ накопленія фактовъ, относящихся къ различнымъ отраслямъ

---

* Кривая, описываемая простою частицею воздуха или пара, такъ же точно опредѣленна въ своемъ направленіи, какъ и планетныя орбиты: между ними лишь на столько разницы, на сколько полагаетъ ея наше невѣдѣнье.

ЛАПЛАСЪ.

физики, каждая изъ этихъ отраслей все болѣе отдѣлялась отъ другой, какъ думали при самомъ началѣ, обнаружилась неожиданная связь между отдѣльными явленіями, а слѣдовательно и между силами, которыя ихъ причиняютъ. Такимъ образомъ узнали, что звукъ есть не что иное, какъ сотрясенье частицъ воздуха, выведенныхъ изъ первоначальнаго своего положенія колебаніемъ упругаго тѣла, что сотрясеніе воздушныхъ частицъ подчиняется законамъ механики и что для объясненія явленій звука нѣтъ нужды прибѣгать къ особымъ потаеннымъ силамъ, какъ прежде полагали. Оказалось, что подобно звуку, и явленія свѣта можно объяснить сотрясеніями весьма упругой, невѣсомой матеріи—эѳира, а такъ какъ свѣтъ имѣетъ много сходнаго съ теплотой, то послѣдняя также можетъ быть приписана колебанью матеріальныхъ частицъ тѣла, и такимъ образомъ открывается связь между тремя явленіями: звукомъ, свѣтомъ и теплотою. Съ другой стороны, электричество всегда почти сопровождается свѣтомъ, теплотою и химическимъ разложеніемъ, оно оказываетъ вліяніе на магнитную стрѣлку, и самый гальваническій токъ можетъ быть произведенъ посредствомъ магнитизма. Очевидно, что всѣ явленія эти должны зависѣть отъ одной общей силы, и что силы частныя, причиняющія каждое изъ нихъ составляютъ только часть цѣлаго, суть вѣтви одного и того же величественнаго дерева, насажденнаго десницею Того, Кому нѣтъ конца и начала. . .

Когда открыты были эти факты, когда наукой усвоены были звенья, долженствующія если не окончательно связать, то по крайней мѣрѣ значительно сблизить между собой отдѣльныя явленія, тогда мало-по-малу родилась великая и въ высшей степени плодотворная мысль *о соотношеніи физическихъ силъ* (corrélation des forces physiques). Высказанная сперва робко, мысль эта, по мѣрѣ успѣховъ новѣйшаго естествознанія, нашла себѣ болѣе и болѣе поборниковъ, и если задача объ открытіи взаимной фактической связи между физическими силами не можетъ считаться теперь вполнѣ рѣшенною, то по крайней мѣрѣ надо согласиться, что въ короткое время сдѣлано много на этомъ поприщѣ и, держась извѣстнаго правила: «хорошо поставленный вопросъ на половину разрѣшенъ», можно смѣло надѣяться дальнѣйшихъ успѣховъ въ будущемъ.

Что дѣйствительно физическія силы должны имѣть много между собой общаго, должны переходить одна въ другую, доказываетъ намъ слѣдующее простое разсужденіе: мы знаемъ, что матеріи самой по себѣ такъ же невозможно уничтожиться, сколько и созидаться; если и кажется намъ, что вещество уничтожилось, то это потому только, что оно приняло другой видъ. Когда растеніе произрастаетъ вновь,

мы убѣждены, что вещество, изъ котораго состоитъ оно, существовало и прежде, хотя въ другомъ видѣ — въ жидкомъ и газообразномъ. Уничтожилось дерево пламенемъ и оставило послѣ себя горсть пепла,— мы опять убѣждены, что матерія не уничтожилась: твердыя части перешли въ газы, ибо вещество теряться не можетъ. Съ другой стороны, матерія никогда не показывается намъ иначе, какъ въ извѣстной формѣ, то-есть при содѣйствіи извѣстныхъ формирующихъ силъ, которыя однѣ способны обнаружить намъ ея присутствіе; слѣдовательно переходъ вещества изъ одного состоянія въ другое долженъ сопровождаться преобразованіемъ одной физической силы въ другую, и исчезновеніе одной силы необходимо должно имѣть слѣдствіемъ появленіе другой. Скажемъ иначе: въ силахъ, обнаруживающихъ намъ присутствіе матеріи, или все равно въ матеріи, подверженной дѣйствію извѣстныхъ силъ, ничто не созидается вновь, но ничто и не пропадаетъ безслѣдно, а происходитъ одно только преобразованіе.

Такимъ образомъ мысль о соотношеніи физическихъ силъ находитъ себѣ подтвержденіе à priori; наблюденія же и изслѣдованія, произведенныя въ новѣйшее время, блистательно оправдываютъ ее на дѣлѣ, и преслѣдованіе этой мысли оказываетъ благодѣтельное вліяніе на самую науку, ибо послѣдняя приближается такимъ образомъ къ тому единству, которое составляетъ существенную потребность нашего ума и необходимое условіе всякаго пониманія. Единство мысли, съ одной стороны, и безконечное разнообразіе явленій съ другой, лишь медленно и постепенно сближались и роднились другъ съ другомъ. Нашему времени принадлежитъ честь перваго яснаго уразумѣнія этихъ отношеній.

Не далѣе какъ въ 1844 году, докторъ Мейеръ въ Гейльбронѣ, вѣроятно по поводу писемъ Либига о химіи, послалъ къ послѣднему статью, для помѣщенія въ журналѣ: Chemische Annalen. Въ этой статьѣ авторъ доказывалъ, что сила и ея дѣйствіе исчезать никогда не могутъ, а могутъ только принимать другой видъ. Идея Мейера нашла послѣдователей въ Англіи и Германіи: въ Англіи ею особенно занимались знаменитый Фарадэ и Гровъ, написавшій по этому поводу извѣстное сочиненіе: «*О соотношеніи физическихъ силъ*»; въ Германіи мысль эта также нашла сочувствіе во многихъ ученыхъ, особенно въ Либигѣ, посвятившемъ этому предмету одну изъ лекцій, читанныхъ имъ нынѣшнею зимою въ мюнхенской лабораторіи.

Посмотримъ теперь, какое соотношеніе открыто до сихъ поръ между физическими силами и на сколько этотъ вопросъ остается еще задачею для будущихъ временъ.

Сила притяженія.

Сила эта причиняетъ паденіе камня на землю, она же обусловливаетъ движеніе планетъ около солнца, и открытіе простаго закона, по которому она дѣйствуетъ, обезсмертило имя Ньютона. Однакоже, изъ всѣхъ силъ природы ни одна не стоитъ такъ отдѣльно отъ прочихъ, какъ именно сила тяжести. Сообщая всѣмъ земнымъ тѣламъ стремленіе къ центру земли, слѣдовательно давленіе на встрѣчаемое ими препятствіе, или такъ-называемый вѣсъ, она однакожь не оказываетъ никакого дѣйствія на другія физическія силы. Всѣ опыты, производимые до сихъ поръ для обнаруженія связи между тяжестью и остальными физическими дѣятелями остались безуспѣшны. Въ 1851 году Фарадэ обнародовалъ свои разысканія касательно связи между тяжестью и электричествомъ. Во введеніи читаемъ слѣдующее: «Будучи долговременно и постоянно убѣжденъ, что всѣ силы природы зависятъ одна отъ другой, имѣютъ одно происхожденіе, или лучше сказать, суть различныя проявленія одной и той же основной силы, я часто попадалъ на мысль о возможности доказать путемъ опыта связь тяжести съ электричествомъ и такимъ образомъ обнаружить отношеніе между тяжестью и между магнитизмомъ, химическими силами и теплотою, столь тѣсно связанными между собой.» Показавъ потомъ безуспѣшность своихъ изслѣдованій, Фарадэ въ заключеніе говоритъ: «Этимъ оканчиваются мои опыты, и хотя они привели къ отрицательному результату, но я не теряю внутренней увѣренности насчетъ соотношенія, которое должно существовать между тяжестью и электричествомъ.»

При поднятіи жидкости внутри узкихъ трубочекъ или при такъ-называемыхъ волосныхъ явленіяхъ, зависящихъ отъ притяженія, оказываемаго стѣнками трубочки на частицы жидкой массы, обнаруживается слабое электричество, но источникъ его, по всѣмъ вѣроятностямъ, должно искать въ измѣненіи плотности, происходящемъ въ различныхъ частяхъ жидкаго столба, также и въ треніи жидкости объ стѣнки трубки.

Движеніе.

Можно безошибочно сказать, что наблюденіямъ, произведеннымъ надъ преобразованіемъ и различнымъ видоизмѣненіемъ движенія, физика обязана мыслію о взаимной связи, существующей между отдѣльными силами. Въ самомъ дѣлѣ, взгляните какъ происходитъ движеніе на землѣ и увидите, что одно и то же движеніе измѣняется многоразлично, такъ что иногда вамъ покажется, что первоначальное движеніе исчезло, уничтожилось, тогда какъ въ сущности оно продолжаетъ существо-

вить, хотя и преобразилось, произвело другаго рода движеніе, перемѣнило, такъ-сказать, свою наружность. Какъ послѣ этого не вѣрить, что явленія, повидимому вовсе между собою разнородныя, могутъ имѣть одну общую причину, могутъ произойдти одно отъ другаго посредствомъ извѣстнаго рода преобразованій? Когда неупругій шаръ при движеніи своемъ встрѣчаетъ другой шаръ неподвижный, то первый отъ удара теряетъ часть своей скорости; но потеря только видимая, въ самомъ же дѣлѣ она служила къ тому, чтобы привести въ движеніе другой шаръ и сообщить ему извѣстную скорость, зависящую отъ его массы. Чѣмъ болѣе масса ударяемаго шара, тѣмъ менѣе будетъ скорость его, ибо одно и то же количество движенія, потерянное другимъ шаромъ, дѣйствуетъ въ такомъ случаѣ на большее число частей. Вы махнули рукою по воздуху — весь воздухъ сотрясается, колебаніе частицъ, непосредственно приведенныхъ въ движеніе, передается окружающимъ частицамъ, и это продолжается до безконечности; вамъ покажется, что движеніе исчезло: нѣтъ, оно существуетъ, только передаваясь огромному числу воздушныхъ частицъ, оно сдѣлалось столь незначительнымъ, что не можетъ быть вами ощущаемо. Итакъ движеніе не потерялось, но только распространилось далѣе, подраздѣлилось, сдѣлалось по причинѣ дробности своей, такъ-сказать, неуловимымъ. Взгляните на часы, что̀ заставляетъ ихъ двигаться? — упругость пружины или же маятникъ; но кто завелъ пружину, кто поднялъ на извѣстную высоту гирю, заставляющую маятникъ двигаться безъ остановки долгое время?—рука ваша; слѣдовательно движеніе вашей руки вызвало движеніе въ другомъ родѣ, на болѣе или менѣе продолжительное время, смотря по первоначальному усилію руки. Дѣйствительно, чѣмъ выше поднимаемъ гирю или чѣмъ намъ труднѣе бываетъ заводить пружину, тѣмъ часы заведены будутъ на болѣе продолжительное время.

Иногда покажется вамъ, что движеніе потеряно безплодно, безъ всякихъ послѣдствій. Молотъ ударяетъ о металлъ; оба послѣ удара остаются въ покоѣ, слѣдовательно, заключаете вы, движеніе потеряно. Опять ошибка, опять таки потери движенія никакой нѣтъ, а если оно и не повлекло за собою движеніе другаго тѣла, то, въ замѣнъ, оно произвело въ немъ новыя явленія или, точнѣе говоря, движеніе преобразилось въ новыя силы: такъ ударъ молота, треніе производятъ теплоту, свѣтъ, электричество. Мейеръ въ вышеупомянутой статьѣ своей доказалъ, что существуетъ опредѣленное отношеніе между движеніемъ, потеряннымъ при ударѣ, и произведенною имъ теплотой; онъ и показалъ, какъ измѣрять эту теплоту и нашелъ постоянное отношеніе ея къ механической работѣ. Желѣзная полоска отъ удара молота нагрѣвается и, обратно, теплота производитъ такое же число ударовъ

молота, какимъ она сама была вызвана: — 13,500 ударовъ десятифунтоваго молота, поднятаго на одинъ футъ и падающаго на желѣзный брусокъ, производятъ количество теплоты, какое потребно, чтобы одинъ фунтъ воды отъ точки замерзанія довести до точки кипѣнія. Обратно, посредствомъ теплоты, нагрѣвающей одинъ фунтъ воды на одинъ градусъ, можно поднять 1,350 фунтовъ на высоту одного фута.

При треніи двухъ тѣлъ освобождается равнымъ образомъ извѣстное количество теплоты, ибо при этомъ въ каждый мигъ уничтожается и переходитъ въ теплоту извѣстное количество движенія. Переходъ этотъ совершается до того правильно, что можно вычислить количество теплоты, соотвѣтствующее извѣстному количеству движенія, потерянному при треніи, то-есть, при извѣстной механической работѣ. Отношеніе между этими величинами называется *эквивалентомъ теплоты;* для тренія количество это можно опредѣлить, заставляя лопатчатое колесо быстро вращаться внутри сосуда, наполненнаго водой, и измѣрять количество теплоты, освобождающейся при послѣдовательныхъ ударахъ лопатокъ о воду, измѣряя въ то же время и силу, движущую колесо.

Если теплота, развиваемая при треніи, бываетъ весьма значительна, то переходитъ въ свѣтъ: такъ дикіе добываютъ огонь посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева. Здѣсь видимъ переходъ движенія въ теплоту и свѣтъ. Когда трутся другъ о друга два тѣла, составленныя изъ одного вещества, то большею частью освобождается теплота; когда же тѣла бываютъ разнородныя, то является электричество: такъ послѣднее получается при натираніи куска сургуча о сукно. Электрическая машина, состоящая изъ стекляннаго круга, трущагося о кожаныя подушки, какъ справедливо замѣчаетъ г. Деларивъ, можетъ быть разсматриваема какъ рядъ зацѣпленій, посредствомъ которыхъ вращеніе ручки колеса преобразовывается въ электричество. Нѣкоторые кристаллы отъ сжатія и удара также пріобрѣтаютъ электричество.

Изъ сказаннаго здѣсь видно, какимъ образомъ движеніе переходитъ въ теплоту, свѣтъ и электричество, а посредствомъ послѣдняго производитъ магнитизмъ и химическія разложенія. Итакъ можно сказать, что гдѣ бы ни находился человѣкъ, онъ всегда подчиняется дѣйствію этихъ силъ, и избѣгнуть вліянія ихъ не можетъ: не можетъ онъ протянуть руки своей, не вызвавъ ихъ посредственно или непосредственно, между тѣмъ какъ прежде онѣ, повидимому, вовсе не существовали или по крайней мѣрѣ явно не обнаруживали своего присутствія. А если такъ, то невольно приходитъ на мысль, что источникъ этихъ силъ долженъ заключаться въ одномъ общемъ началѣ.

Общее начало до сихъ поръ для насъ недосягаемо, но тѣмъ не менѣе мы подмѣтили какъ бы цѣпь, обнимающую равно всѣ физическія силы,— это законъ, которому подчиняются онѣ при дѣйствіи на большихъ разстояніяхъ. Законъ этотъ состоитъ въ томъ, что дѣйствіе ихъ *прямо пропорціонально массѣ и обратно пропорціонально квадрату разстоянія*, то-есть, на вдвое большемъ разстояніи дѣйствіе уменьшается въ четверо, на втрое меньшемъ увеличивается въ девять разъ, и т. д.— Этотъ знаменитый законъ, впервые доказанный Ньютономъ въ 1682 году для силы тяготѣнія, остается справедливымъ и относительно распространенія звука, свѣта, теплоты, электричества и магнитизма. Когда же мы заставимъ силу слѣдовать по ограниченному пути, то законъ Ньютона перестаетъ быть вѣрнымъ: напримѣръ, при распространеніи гальваническаго тока по разобщенной телеграфической проволокѣ, также при распространеніи звука по одному, опредѣленному направленію; такъ Біо слышалъ малѣйшій шопотъ на разстояніи $^1/_8$ мили, прикладывая ухо къ чугунной трубѣ.

Звукъ.

Всѣмъ извѣстно, что звукъ происходитъ отъ дрожанія упругаго тѣла, и дрожаніе это передается нашему уху посредствомъ упругой среды, находящейся между нами и тѣломъ. Поэтому *звукъ есть движеніе* и, по всѣмъ вѣроятностямъ, обратное предложеніе также оправдывается, то-есть: каждое движеніе должно сопровождаться извѣстнымъ звукомъ. Чѣмъ большее число колебаній звучащее тѣло совершаетъ въ единицу времени, тѣмъ тонъ становится выше. Впрочемъ, чтобы ухо наше могло ощущать тонъ, потребно ограниченное число колебаній, отъ 32 до 16,000 въ секунду; выше этого предѣла, ухо наше слышитъ только жужжаніе. Наконецъ при большемъ числѣ колебаній звукъ исчезаетъ для насъ совсѣмъ. Но изъ этого нельзя еще заключить, будто бы онъ вовсе не существуетъ, — нѣтъ, звучащее тѣло продолжаетъ колебаться, только звукъ не осязаемъ для нашего уха: такъ, напримѣръ, есть люди, для которыхъ чириканье сверчка не бываетъ слышно, и почти нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя животныя могутъ слышать звуки, недоступные человѣческому уху. Если число колебаній увеличится чрезвычайно, то, вѣроятно, звукъ переходитъ въ теплоту и даже въ свѣтъ; теперь однакожь мы не въ состояніи прослѣдить этого перехода, мы убѣждены въ одномъ, что движеніе теряться не можетъ, а можетъ только преобразовываться. Лапласъ доказалъ, что при распространеніи звука по воздуху, освобождается теплота и что при вычисленіи скорости его должно обращать вниманіе на это обстоятельство.

Если нѣтъ прямаго доказательства, что звукъ, при извѣстныхъ условіяхъ, переходитъ въ теплоту, свѣтъ и электричество, то въ замѣнъ можно доказать, что теплота и электричество переходятъ въ звукъ. Такъ, напримѣръ, отворенныя дверцы печки при остываніи издаютъ звукъ; такъ-называемая химическая гармоника есть не что иное, какъ восхожденіе теплаго потока воздуха, смѣшаннаго съ водяными парами, внутри узкой и длинной стеклянной трубочки. Потокъ этотъ восходитъ толчками, что̀ причиняетъ довольно рѣзкій звукъ. Но гораздо любопытнѣе звукъ, обусловливаемый электричествомъ: въ Комбервелѣ, въ Соррейскомъ графствѣ въ Англіи, 1-го августа 1846 года была весьма сильная гроза. Во время грозы башенные часы остановились; по прошествіи ея замѣтили, что звукъ колокола, изъ чистаго, пріятнаго и довольно высокаго, сдѣлался непріятный для слуха и ниже тономъ. Начали дѣлать пробы надъ этимъ колоколомъ, и послѣ многихъ ударовъ прежній звукъ сталъ возвращаться и, наконецъ, возстановился вполнѣ. Августа 4-го вторая гроза не остановила часовъ, но опять измѣнила звукъ колокола, и послѣ этого уже никакими средствами не могли возвратить ему прежняго тона. Повидимому онъ совершенно потерялъ свою звонкость, хотя, по тщательномъ осмотрѣ, никакихъ наружныхъ перемѣнъ, ни малѣйшихъ трещинъ въ немъ не оказалось.

Въ 1837 году Пажъ замѣтилъ, что если между полюсами подковообразнаго магнита будетъ помѣщена плоская спираль, по которой движется гальваническій токъ, то при каждомъ перерывѣ тока магнитъ издаетъ особый звукъ, который не должно смѣшивать съ звукомъ, издаваемымъ электрической искрой при каждомъ перерывѣ и замыканіи тока. Впослѣдствіи Августъ Деларивъ и Вертгеймъ доказали, что звукъ происходитъ каждый разъ, когда стальной брусокъ находится внутри металлической спирали, по которой движется токъ, также когда токъ пропускается непосредственно сквозь брусокъ. Свойство издавать при этомъ звукъ не принадлежитъ одному только желѣзу и стали, но и нѣкоторымъ другимъ веществамъ, хотя въ гораздо меньшей степени, напримѣръ: платинѣ, серебру, мѣди, свинцу, олову и цинку. Далѣе увидимъ, что гальваническій токъ, равно какъ и магнитизмъ, производятъ измѣненіе въ расположеніи атомовъ и въ упругости тѣлъ. Изъ приведенныхъ здѣсь опытовъ явствуетъ, что звукъ можетъ быть производимъ электричествомъ и магнитизмомъ; но мы не имѣемъ еще доказательствъ обратнаго дѣйствія.

Свѣтъ.

До сихъ поръ удалось открыть весьма немногія явленія, связывающія свѣтъ съ остальными физическими силами. По мнѣнію г. Дела-

рева, это происходитъ оттого, что сила, производящая свѣтъ, при переходѣ своемъ въ другія силы дѣлается столь незначительною, что не можетъ быть нами замѣчена. Если мы не имѣемъ фактовъ, связывающихъ свѣтъ съ прочими физическими дѣятелями, то по крайней мѣрѣ новѣйшей наукѣ удалось эту силу подвести подъ общіе законы движенія, строго изслѣдываемые высшимъ анализомъ. Подобно какъ звукъ есть сотрясеніе воздуха, причиняемое колебаніемъ звучащаго тѣла, такъ и свѣтъ, по новѣйшей теоріи, есть не что иное какъ дрожаніе эѳира, приводимаго въ сотрясеніе вліяніемъ свѣтящихъ тѣлъ. Разница заключается только въ томъ, что колебанія эѳира, по причинѣ чрезвычайной тонкости, упругости и невѣсомости его, передаются несравненно скорѣе, чѣмъ сотрясенія частицъ воздуха. Новѣйшая теорія свѣта представляетъ собою явленіе любопытное и въ высшей степени поучительное. Она принята была не для того только, чтобы связать явленія свѣта съ явленіями звука; идея о взаимномъ дѣйствіи физическихъ силъ не лежала въ основаніи этой теоріи, — нѣтъ, она принята была какъ необходимая, могущая одна только объяснять всѣ замѣченныя оптическія явленія. Тогда какъ многія особенности, представляемыя свѣтомъ, оставались совершенно необъяснимыми по теоріи истеченія Ньютона, по которой свѣтъ есть не что иное, какъ истеченіе изъ свѣтящаго тѣла безконечно тонкихъ частицъ свѣтящей матеріи; тогда какъ теорія эта для объясненія означенныхъ явленій должна была прибѣгать къ новымъ гипотезамъ, тѣ же самыя явленія совершенно удовлетворительно объяснялись по теоріи сотрясенія эѳира, какъ прямыя слѣдствія, безъ всякой натяжки. Тогда только существовавшая дотолѣ теорія признана была неудовлетворительной и надлежало допустить новую, которая въ одно и то же время связывала теорію звука съ теоріею свѣта, какъ подлежащія обѣ законамъ движенія, изслѣдуемымъ въ механикѣ. Итакъ можно сказать, что новѣйшія изслѣдованія въ оптикѣ много подвинули впередъ идею о взаимнодѣйствіи физическихъ силъ.

Самая тѣсная связь существуетъ, повидимому, между свѣтомъ и теплотою: кому неизвѣстно, что свѣтъ, въ большей части случаевъ, сопровождается теплотой, и что, обратно, накаленное тѣло начинаетъ свѣтить? Однако уже въ 1777 году Шеле замѣтилъ разницу между лучами свѣта и лучами теплоты. Если, говоритъ онъ, сквозь стекло смотрѣть на огонь, то стекло задерживаетъ жаръ, а между тѣмъ лучи свѣта до насъ доходятъ, мы видимъ огонь. Стекло также отражаетъ лучи свѣта и само отъ этого нагрѣвается, но въ отраженномъ свѣтѣ мы не замѣчаемъ ни малѣйшей теплоты; обратно, полированная металлическая пластинка не нагрѣвается, но равно отражаетъ лучи

свѣта и лучи теплоты. Отсюда слѣдуетъ, что лучи свѣта, хотя сопровождаются теплотой, но оба эти луча не тождественны между собою. Джонъ Гершель пошелъ далѣе: онъ доказалъ неопровержимыми опытами, что солнечный лучъ состоитъ изъ троякаго рода лучей: свѣтовыхъ, теплородныхъ и химическихъ; первые находятся выше красной полосы спектра, химическіе же находятся въ фіолетовой. Поэтому мы должны заключить, что теплородные лучи обладаютъ меньшею, химическіе же большею преломляемостью, чѣмъ собственно свѣтовые. Ученіе Гершеля распространено было блистательными открытіями Меллони; новѣйшая наука усвоила себѣ какъ истину непреложную, что лучи свѣта и теплоты, хотя большею частію являются совокупно, но имѣютъ разныя свойства. Подобно какъ относительно свѣта существуютъ тѣла прозрачныя и непрозрачныя, такъ и относительно теплоты бываютъ тѣла *теплопрозрачныя* (corps diathermanes) и *нетеплопрозрачныя* (corps athermanes). Нѣкоторыя тѣла пропускаютъ лучи свѣта, не пропуская теплоты, напримѣръ квасцы; другіе же обратно, непрозрачны для свѣта, но пропускаютъ теплоту, напримѣръ черное стекло. По мнѣнію Араго, теплородные и химическіе лучи бываютъ для насъ незримы по причинѣ весьма малой и весьма большой своей преломляемости и поэтому для обнаруженія ихъ потребны особаго рода приборы.

Посмотримъ, какая связь существуетъ между свѣтомъ и магнитизмомъ. Морикини (Morichini) первый доказалъ, что если подвергнуть стальную иголку вліянію фіолетовыхъ лучей солнечнаго спектра, то игла намагничивается; долгое время открытіе это оставалось сомнительнымъ, пока г-жа Соммервиль не доказала его справедливость. Для намагничиванія должно подвергнуть фіолетовымъ лучамъ не всю иглу, но только ту ея половину, которую желаешь сдѣлать сѣвернымъ полюсомъ, а другую прикрывать бумагой; то же самое дѣйствіе оказываютъ голубые и зеленые лучи спектра, хотя и въ меньшей степени. Подобный результатъ получимъ, если обвернемъ половину иглы зеленой или голубой лентой и выставимъ ее на дневной свѣтъ; тогда какъ лучи желтые, оранжевые и красные оказываются совершенно недѣйствующими, даже если продолжимъ опытъ три дня сряду! Изъ этихъ опытовъ мы видимъ возбужденіе магнитизма дѣйствіемъ свѣта; съ другой же стороны, магнитизмъ оказываетъ вліяніе на свѣтъ, какъ увидимъ послѣ изъ замѣчательныхъ опытовъ Фарадэ.

Не упоминая пока о тѣсной связи, существующей между свѣтомъ и электричествомъ, перейдемъ къ вліянію, оказываемому свѣтомъ на химическое сродство. Дѣйствіемъ свѣта частицы разнородныхъ веществъ соединяются между собой, образуя новое тѣло, и, обратно, сложное тѣло разлагается на составныя свои части. Смѣсь равнаго

объема хлора и водорода въ стеклянной банкѣ подъ вліяніемъ дневнаго свѣта соединяется медленно, образуя хлоро-водородную кислоту; если же выставить ее на солнце, соединеніе происходитъ внезапно, съ трескомъ. То же самое получится, если сосудъ состоитъ изъ фіолетоваго стекла; напротивъ того, красный цвѣтъ не оказываетъ здѣсь никакого дѣйствія. Вода, насыщенная хлоромъ, подъ вліяніемъ свѣта освобождаетъ кислородъ, ибо хлоръ отнимаетъ у воды водородъ, образуя хлоро-водородную кислоту.

Во многихъ случаяхъ свѣтъ, напротивъ того, дѣйствуетъ какъ средство разлагающее: такъ хлористое серебро (роговое), сначала бѣлое, вліяніемъ свѣта сперва пріобрѣтаетъ фіолетовый, а потомъ черный цвѣтъ, ибо часть хлора дѣлается свободнымъ. При свѣтѣ азотная кислота издаетъ оранжевые пары, потому что часть кислорода освобождается и азотная кислота переходитъ въ низшую степень окисленія — азотистую кислоту, поднимающуюся на воздухъ. Многія металлическія окиси также дѣйствіемъ свѣта освобождаютъ кислородъ и переходятъ въ низшую степень окисленія. Вообще же оказывается, что красные лучи спектра обладаютъ свойствомъ *окисляющимъ*, въ противоположность съ лучами фіолетовыми, которые, наоборотъ, *раскисляютъ*.

Изъ этихъ примѣровъ опять видимъ преобразованіе одной силы въ другую: повидимому свѣтъ уничтожается, поглощается, но, въ замѣнъ того, оно исполнилъ извѣстную работу, онъ является какъ сила соединяющая или разлагающая, и опять таки сила природы не теряется, а только переходитъ въ другую форму — въ новое химическое соединеніе. Ту же истину подтверждаетъ намъ и дагерротипъ: если подвергнемъ серебряную пластинку парамъ іода, то образуется новое соединеніе, іодистое серебро, имѣющее свойство разлагаться отъ вліянія свѣта болѣе или менѣе, смотря по его силѣ. Итакъ, если на подобную пластинку упадетъ изображеніе какого-нибудь предмета, то частицы іодистаго серебра разложатся болѣе или менѣе, смотря потому, нали на нихъ сильно освѣщенныя части предмета или тѣнь, и такимъ образомъ изображеніе *отпечатлѣвается* на пластинкѣ. Свѣтъ же, произведшій химическое разложеніе, дѣйствительно пересталъ существовать: онъ не проходитъ сквозь пластинку и не отражается отъ нея.

Теплота.

Подъ теплотою мы вообще разумѣемъ силу, заставляющую частицы тѣла удаляться одна отъ другой и увеличивающую его размѣры. При этомъ теплота участвуетъ какъ сила, прямо противоположная силѣ притяженія, — какъ сила отталкивающая, и состояніе самаго тѣла нахо-

дится въ зависимости отъ преобладанія одной изъ этихъ силъ или другой. Въ твердомъ тѣлѣ сила притяженія преобладаетъ надъ силою отталкивающей, въ жидкихъ тѣлахъ мы должны принимать равновѣсіе обѣихъ силъ, въ газообразномъ же сила отталкивающая преобладаетъ надъ силою притяженія. Самое распространеніе теплоты бываетъ двоякое: или внутри самаго тѣла, отъ одной частицы тѣла къ другой — такъ-называемая *теплопроводность*, или же тепло переходитъ отъ одного тѣла къ другому въ видѣ лучей — это *лучистая теплота*. Послѣдній способъ распространенія теплорода до такой степени подобенъ распространенію свѣта и до того подчиняется тѣмъ же самымъ законамъ относительно распространенія, отраженія, преломленія и поляризаціи, что невольно наводитъ на мысль о тождественности причины лучистой теплоты и свѣта, — причины, которая и тамъ и здѣсь должна заключаться въ колебаніи упругой матеріи, приводимой въ сотрясеніе нагрѣтымъ тѣломъ, и такимъ образомъ звукъ, свѣтъ и теплота связываются воедино, подчиняясь однимъ и тѣмъ же законамъ механики. Какъ съ перваго раза ни кажется подобная мысль справедливой и логичной, но до сихъ поръ еще наукѣ не удалось построить относительно теплоты такой же теоріи, какъ относительно свѣта; до сихъ поръ мы еще не въ состояніи, основываясь на извѣстныхъ данныхъ, предсказать и вычислить явленія, какія долженъ представлять теплородъ.

Обыкновенно принимаютъ теплородъ за невѣсомую матерію, проникающую всѣ тѣла; гипотеза эта довольно хорошо объясняетъ многія явленія, напримѣръ: теплоёмкость тѣлъ, скрытый теплородъ и теплопроводность, и потому вошла во всеобщее употребленіе при объясненіяхъ явленій теплоты. Но есть нѣкоторыя явленія, совершенно несовмѣстныя съ этой гипотезой, напримѣръ лучистый теплородъ и возбужденіе теплоты отъ тренія; наконецъ допущеніе особаго рода невѣсомой, теплородной матеріи представляетъ очевидно одну уловку для объясненія необъяснимаго. Мы замѣняемъ одно неизвѣстное другимъ, столь же неизвѣстнымъ и гипотетическимъ, и думаемъ что задача рѣшена!

По этой причинѣ уже давно физики старались объяснить явленія теплоты, не прибѣгая къ новымъ силамъ. Такая попытка сдѣлана была нашимъ Ломоносовымъ въ 1756 году и послѣ возобновлена Румфордомъ. Причина теплоты, по этой теоріи, заключается въ движеніи, и теплота есть не что иное, какъ вращательное движеніе частицъ, происходящее внутри самаго тѣла. Выходя изъ этого начала, Ломоносовъ объясняетъ нагрѣваніе какъ сообщеніе вращательнаго движенія отъ одного тѣла къ другому, по закону удара; чѣмъ быстрѣе это вра-

щенія, тѣмъ выше и температура. Наконецъ оно можетъ усилиться до того, что центробѣжная сила нарушитъ связь частей, и тогда твердое тѣло переходитъ въ жидкое, а жидкое въ газообразное. Способность тѣлъ проводить теплоту зависитъ отъ формы ихъ частицъ, болѣе или менѣе способной принимать вращательное движеніе; а быстрота теплопроводности — отъ разстоянія между частицами. Наконецъ причина распространенія теплоты въ видѣ лучей заключается въ распространеніи вращательнаго движенія внутри эѳира, какъ вещества наиболѣе тонкаго и упругаго. Такимъ образомъ теплота связывается съ свѣтомъ и звукомъ и заключается, подобно имъ, въ движеніи. Если же будемъ искать причину теплоты не въ вращательномъ движеніи частицъ, а въ ихъ колебаніи, подобномъ колебанью эѳира при распространеніи свѣта, то должны будемъ допустить, что температура тѣла увеличивается съ размѣромъ (амплитудой) этихъ колебаній, чрезъ что объясняется и самое расширеніе тѣла отъ теплоты. При переходѣ тѣла изъ твердаго состоянія въ жидкое и изъ жидкаго въ воздухообразное, число колебаній увеличивается, а такъ какъ при одинаковомъ количествѣ движенія увеличеніе числа колебаній возможно только при уменьшеніи ихъ амплитуды, то этимъ объясняется и скрытый теплородъ. Какъ бы то ни было, но весьма вѣроятно, что всѣ явленія теплоты обусловливаются колебаніемъ частицъ тѣла, хотя не удалось еще объяснить по этой гипотезѣ всѣ явленія, и нынѣшнее поколѣніе завѣщаетъ потомству рѣшеніе этого любопытнаго и для единства силъ весьма важнаго вопроса.

Оставляя вопросъ о сущности теплоты, обратимся къ связи ея съ другими физическими дѣятелями. Кажется, ни одна изъ силъ не даетъ намъ столь блистательнаго подтвержденія великой истины, что въ мірозданіи ничего не теряется, но ничего и не созидается вновь; все новое существовало и прежде, хотя въ другой формѣ; все то, что̀ видимо перестало существовать, на дѣлѣ не исчезаетъ, не уничтожается, а только принимаетъ другой, отличный отъ прежняго, видъ.

Возьмите кусокъ льда и смѣшайте его съ горячей водой, увидите, что ледъ растаялъ, обратился въ воду, температура же воды понизилась. Куда дѣвалась теплота? — не уничтожилась она, а исполнила дѣйствіе — превратила тѣло твердое въ жидкость. Вы не замѣчаете теплоты, термометръ не показываетъ ея присутствія, но она все-таки существуетъ между частицами тѣла и разъединяетъ ихъ; теплота спряталась для вашихъ чувствъ, сдѣлалась *скрытой* для вашего термометра, а все-таки она существуетъ! Нагрѣйте воду въ сосудѣ, въ которомъ находится термометръ: вода нагрѣвается, термометръ идетъ вверхъ; ясно, что теплота прибываетъ, входитъ въ жидкость. Скоро

ртуть въ термометрѣ достигаетъ извѣстной точки, вода закипаетъ, ртуть перестала повышаться, не движется съ мѣста. Поставьте термометръ въ поднимающихся парахъ, онъ показываетъ ту же температуру, что и вода, а между тѣмъ вода нагрѣвается, теплота продолжаетъ прибывать: отчего же термометръ не показываетъ ея присутствія?... Опять-таки теплота не уничтожилась, но скрылась, такъ-сказать, въ частицахъ пара, и потому вода изъ жидкаго состоянія перешла въ газообразное; теплота тутъ исполняетъ извѣстное дѣйствіе, не мудрено, что она отказывается исполнить въ то же время другое — повышать ртуть термометра! Вы этому не вѣрите? Дѣлайте жь такъ, чтобы теплота не могла дѣйствовать какъ сила отталкивающая, чтобы частицы пара не могли принимать большій и большій объемъ — закройте сосудъ: въ то же мгновеніе термометръ быстро начинаетъ повышаться, и вмѣстѣ съ тѣмъ теплота заставляетъ пары произвести огромное давленіе на стѣнки сосуда, которое увеличивается по мѣрѣ возвышенія температуры и дѣлается наконецъ столь сильнымъ, что разрываетъ сосудъ. Освобождаются пары, принимаютъ большій объемъ, но что̀ сдѣлалось съ теплотою? термометръ внезапно понизился, теплота сдѣлалась опять скрытою! Опять преобразованіе: сила не теряется, она только проявляется въ другомъ видѣ!

Что̀ такое паровая машина, какъ не преобразованіе теплоты въ давленіе на поршень, препятствующій расширенію паровъ? Здѣсь уже теплота переходитъ въ движеніе, исполняетъ механическую работу. Вмѣстѣ съ поднятіемъ поршня, температура паровъ уменьшается по причинѣ увеличенія ихъ объема, и теплота, существовавшая въ нихъ явно въ огромномъ количествѣ, опять дѣлается скрытою. И здѣсь существуетъ извѣстное отношеніе между количествомъ теплоты и производимою работой; если отношеніе это менѣе вышеупомянутаго нами эквивалента теплоты, то причина заключается не въ невѣрности теоріи, а въ потерѣ силы, употребленной для преодолѣванія треній и вредныхъ сопротивленій. Оказывается къ сожалѣнію, что въ паровыхъ машинахъ теряется огромное количество теплоты, — теряется, то-есть не производитъ полезнаго дѣйствія. Впрочемъ, по мѣрѣ усовершенствованія снарядовъ, потеря эта дѣлается меньше и меньше, и количество произведенной полезной работы постепенно возрастаетъ.

Выше мы упомянули о взаимности, существующей между звукомъ, свѣтомъ и теплотою. Если опустимъ поршень въ трубку, закрытую съ противоположнаго конца, то воздухъ сжимается; отъ сжатія скрытая теплота дѣлается явною, поршень нагрѣвается до того, что трутъ, къ нему прикрѣпленный, зажигается. Обратно, при подъемѣ поршня, воздухъ расширяется и температура упадаетъ. Подобныя расшире-

нія и сгущенія, сопровождаемыя теплотой, происходятъ въ атмосферѣ отъ дрожанія упругаго тѣла и причиняютъ звукъ. Теплота переходитъ въ свѣтъ, если тѣло нагрѣто будетъ до извѣстной степени, хотя обстоятельства, сопровождающія подобный переходъ, не вполнѣ еще намъ извѣстны. Если въ газъ, сильно нагрѣтый и издающій довольно слабый свѣтъ, внесемъ металлическую проволоку, то послѣдняя издаетъ весьма сильный свѣтъ, хотя температура ея не выше температуры окружающаго газа.

Прослѣдимъ далѣе явленія, представляемыя теплотой, и прійдемъ къ тому заключенію, что она бываетъ причиной не только свѣта, но и электричества. М. Беккерель доказалъ, что изъ двухъ кусковъ одного и того же вещества, болѣе нагрѣтое пріобрѣтаетъ отрицательное, а менѣе нагрѣтое — положительное электричество; нѣкоторые кристаллы, напримѣръ турмалинъ, чрезъ нагрѣваніе также пріобрѣтаютъ электричество. Оно также происходитъ при испареніи воды: Пулье, испаряя нечистую воду въ металлическомъ сосудѣ, сообщенномъ съ электроскопомъ, убѣдился, что сосудъ пріобрѣтаетъ отрицательное электричество, слѣдовательно восходящіе пары имѣютъ электричество положительное. Если же въ сосудѣ налита будетъ химически-чистая вода, то не замѣчается ни малѣйшаго слѣда электричества. Такъ какъ на землѣ испареніе происходитъ безпрестанно и вода никогда не бываетъ совершенно чиста, то въ испареніи заключается обильный источникъ электричества и составляетъ, если не единственную, то по крайней мѣрѣ одну изъ главнѣйшихъ причинъ электричества атмосферы. Что оно возрастаетъ вмѣстѣ съ теплотой, это доказывается тѣмъ, что грозы во время зимы въ нашихъ широтахъ принадлежатъ къ весьма рѣдкимъ явленіямъ; у тропиковъ же, гдѣ по причинѣ сильнаго жара, испареніе происходитъ въ огромныхъ размѣрахъ, гроза составляетъ явленіе весьма обыкновенное и происходитъ съ особенною силой.

Въ новѣйшее время открыты другіе факты, болѣе любопытные, подтверждающіе заключеніе объ освобожденіи электричества дѣйствіемъ теплоты. Въ 1840 году, англійскій работникъ, держа одну руку противъ паровъ, выходящихъ изъ предохранительнаго клапана пароваго котла, дотронулся другою рукой до самаго котла, при чемъ получилъ сильный ударъ, какъ отъ лейденской банки. Этимъ случайнымъ открытіемъ воспользовался Армстронгъ для устройства своей гидро-электрической машины. Пары, образовавшіеся въ разобщенномъ паровикѣ, выходятъ оттуда сквозь многія загнутыя узкія трубки, и ударяясь о металлическую рамку, усѣянную остріями, передаютъ ей свое положительное электричество, которое уводится въ землю; отрицательное же электричество паровика накопляется на особенно къ нему придѣ-

ланномъ, изолированномъ кондукторѣ. Освобожденію электричества въ гидро-электрической машинѣ способствуютъ двѣ причины: испареніе воды, также и треніе капель воды, увлекаемыхъ парами, о стѣнки загнутыхъ трубочекъ.

Теплота производитъ не одно только электричество статическое, но и динамическое, или такъ-называемый гальваническій токъ, который, въ отличіе отъ тока, получаемаго обыкновеннымъ путемъ, называется термо-электрическимъ и открытъ Зеебекомъ въ 1822 году. Если возьмемъ висмутовую пластинку и припаяемъ къ ней пластинку мѣдную, такъ что обѣ пластинки образуютъ собою прямоугольникъ, внутри котораго на остріѣ повѣсимъ магнитную стрѣлку, то увидимъ, что стрѣлка не показываетъ отклоненія, ибо хотя отъ взаимнаго прикосновенія двухъ разнородныхъ металловъ и раждается токъ, но очевидно, что въ этомъ случаѣ токи, происходящіе при спайкахъ, имѣютъ противоположное направленіе и уничтожаютъ другъ друга. Если же одну изъ спаекъ станемъ нагрѣвать, оставляя другую при обыкновенной температурѣ, то замѣтимъ отклоненіе стрѣлки, слѣдовательно и присутствіе тока, который продолжается до тѣхъ поръ, пока существуетъ разница между температурами обѣихъ спаекъ. Когда мы одну изъ спаекъ охладимъ, а другую оставимъ при обыкновенной температурѣ, то опять замѣтимъ присутствіе гальваническаго тока, но движущагося по направленію противоположному, ибо вторая спайка относительно первой имѣетъ высшую температуру. Изъ этого опыта мы видимъ, что теплота производитъ токъ и, обратно, уголъ отклоненія стрѣлки посредствомъ подобнаго тока можетъ служить намъ для измѣренія теплоты или термометромъ. Этимъ воспользовался въ новѣйшее время Меллони, и въ его рукахъ термо-электрическій столбъ сдѣлался самымъ чувствительнымъ термометромъ, способнымъ показать намъ малѣйшее измѣненіе температуры. При такихъ опытахъ теплота вѣроятно дѣйствуетъ какъ сила, измѣняющая расположеніе атомовъ тѣла, и тѣмъ самымъ производитъ явленіе электричества.

Огромное вліяніе оказываетъ теплота также и на химическое сродство. Тѣло, нагрѣтое до извѣстной степени, загорается, то-есть соединяется съ кислородомъ воздуха; слѣдовательно теплота способствуетъ химическому соединенію — горѣнію, которое опять, въ свою очередь, производитъ теплоту и свѣтъ. Теплота бываетъ причиною множества соединеній и разложеній, и въ химіи безпрестанно говорится о соединеніяхъ, совершающихся при высокой температурѣ. Такъ многіе металлы, напримѣръ желѣзо, при накаливаніи соединяются съ кислородомъ воздуха и переходятъ въ окись. Сѣра весьма медленно соединяется съ ртутью посредствомъ тренія, даже при тем-

пературѣ плавленія сѣры; при дальнѣйшемъ же накаливаніи оба металла соединяются скоро и совершенно. То же самое можно сказать и о соединеніи сѣры съ углеродомъ.

Даже самыя легко-воспламеняемыя смѣси, какова смѣсь кислорода съ водородомъ, для химическаго своего соединенія требуютъ весьма высокой температуры. — Съ другой стороны, теплота дѣйствуетъ какъ средство разлагающее: такъ раскаленное желѣзо разлагаетъ водяные пары и соединяется съ кислородомъ воды, водородъ же дѣлается свободнымъ. Соединеніе сѣры и ртути (киноварь) отъ теплоты разлагается, также бо́льшая часть колчедановъ. Подобнымъ образомъ, подъ вліяніемъ высокой температуры, мышьякъ выдѣляется изъ ртути, угольная кислота отдѣляется отъ мѣла, который переходитъ въ известь, бо́льшая часть металлическихъ окисей разлагается и металлъ получается въ чистомъ видѣ, и т. д. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ теплота производитъ химическое соединеніе, она вѣроятно служитъ причиной, нарушающей равновѣсіе частицъ каждаго отдѣльнаго тѣла, и только за тѣмъ уже химическое сродство производитъ полное свое дѣйствіе.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

ПЕРЕПИСКА Н. М. КАРАМЗИНА

съ 1799 по 1826 годъ.

(Окончаніе.)

—

165.

Царское Село, 30 сентября 1821.

Не знаю, куда надписать письмо къ нашему горестному зятю, Никитѣ Никитичу, посылаю его къ вамъ, прося отправить къ нему.

На послѣднее письмо мое еще не имѣю отъ васъ отвѣта. Мы, слава Богу, здоровы, не смотря на худую погоду. Провели лѣто хорошо и думаемъ возвратиться въ городъ 20-го октября. Милость Государева къ намъ доселѣ не измѣнилась. Я писалъ къ вамъ, что 30-го августа ему угодно было сдѣлать нашу дочь Софью фрейлиною, о чемъ мы ни когда не мыслили, желая любить Царя безкорыстно.

166.

С. Петербургъ, 16 января 1822.

Дай Богъ, чтобъ наступившій годъ благопріятсвовалъ вашему драгоцѣнному для насъ здоровью и спокойствію. Я началъ новый годъ простудою; но впрочемъ не могу жаловаться на свое здоровье: благодарю Бога и за жену, и за дѣтей. Дочери невѣсты и сыновья ростутъ, обѣщая много хорошаго. — Жизнь наша не перемѣняется: дай Богъ, чтобъ и не перемѣнилась пока я живъ. (Иногда будущее заботитъ меня, но слегка: вѣрю Провидѣнію). — Вы весьма здраво судите о дѣлахъ греческихъ: сколько бѣдствія! Признаюсь, что не желаю войны, хотя европейская публика, вопреки кабинетамъ, подбиваетъ насъ вступиться за Грековъ. Въ этомъ случаѣ политика нашего Императора достойна хвалы всѣхъ добрыхъ Россіянъ. Въ Америкѣ раждаются новыя государства: Мексика и Перу могутъ со временемъ быть великими державами, богатыми и пріятнѣйшими для жизни; но это еще далеко. Между тѣмъ видимъ Испанію въ судорогахъ разрушенія. — Наше время заставляетъ болѣе мыслить, нежели веселиться.

Не знаете ли вы, любезнѣйшій братецъ, Ашанина, Дмитрія Николаевича, если не ошибаюсь? Онъ симбирскій дворянинъ, не богатый и больной; взялъ у меня 700 рубл. и года два молчитъ. Если умеръ, то Богъ съ нимъ; если бѣденъ, то опять Богъ съ нимъ. — Сынъ брата Ѳедора Михайловича выходитъ изъ пажескаго корпуса въ армейскіе прапорщики, потому что не очень прилежно учился. Жаль и для него, и для брата.

167.

Царское Село, 15 августа 1822.

Давно не имѣю объ васъ извѣстія, получивъ только одно письмо отъ васъ со времени нашего пребыванія въ Царскомъ Селѣ. Мы, слава Богу, здоровы. Живемъ здѣсь въ другомъ домѣ, но по старому. Лѣто было у насъ очень хорошо для гулянья, но слишкомъ сухо для хлѣба и травы: отчего цѣна сѣна возвысилась. За семейственную нашу жизнь благодаримъ Бога. Дѣтьми мы довольны. Не имѣемъ достаточныхъ средствъ на воспитаніе, какое хотѣлось бы имъ дать; но надѣемся на Провидѣніе, что оно ихъ не оставитъ. Иногда не безъ грусти думаю, что нашимъ не богатымъ дочерямъ, а къ тому же и не красавицамъ, придется, какъ вѣроятно, доживать вѣкъ въ дѣвицахъ. Такъ и быть: всякому своя доля. — Государь отправился на конгресъ и не можетъ возвратиться прежде декабря. Тамъ будутъ заниматься дѣлами турецкими, итальянскими и гишпанскими, какъ вѣроятно. Для насъ всего лучше то, что и нынѣшній годъ, можетъ-быть, обойдется безъ рекрутовъ: это большое благодѣяніе для Россіи.

168.

С. Петербургъ, 16 января 1823.

Всѣмъ семействомъ душевно поздравляемъ васъ съ Новымъ годомъ! дай Богъ вамъ здоровья и спокойствія. Живите еще долго къ утѣшенію тѣхъ, которые любятъ васъ столь искренно и сердечно, какъ мы! — Я давно не писалъ къ вамъ и за то наказываюсь вашимъ долговременнымъ молчаніемъ. Отъ лѣтъ приходитъ какая-то лѣнь въ перепискѣ съ людьми самыми милыми, которые не выходятъ изъ памяти нашего сердца. Все собираешься и все откладываешь, а дни летятъ и на старости: ибо я крѣпко старѣюсь, хотя и не могу съ нѣкотораго времени жаловаться на свое здоровье. Иногда безпокоюсь только о женѣ. Дѣти, слава Богу, здоровы.

Сію минуту, любезнѣйшій братецъ, я получилъ ваше дружеское письмо отъ 8-го января, за которое благодарю васъ сердечно. — Грустно намъ знать, что вы были очень нездоровы и теперь еще не совсѣмъ оправились: да поддержитъ васъ Богъ своею милостію! Могу пока же-

лать вамъ моего здоровья, которое укрѣпилось здѣшнимъ климатомъ, или чѣмъ другимъ. Работаю довольно и хожу пѣшкомъ. 10-й томъ моей Исторіи готовъ, но я отложилъ печатать его до будущей осени, чтобы кончить всю исторію Лжедимитрія. Здѣсь теперь главная новость есть прибытіе Государя, вчера къ обѣду. — Я еще не имѣлъ счастія видѣть его. — На сихъ дняхъ отправился домой Н. Г. Ждановъ: я усердно хлопоталъ о его правомъ дѣлѣ, зная какъ оно важно и для брата Ѳедора Михайловича. — Слава Богу Общее Собраніе Сената рѣшило въ пользу справедливости.

169.

С. Петербургъ, 26 апрѣля 1823.

Христосъ воскресе! сердечно поздравляемъ васъ всѣмъ семействомъ съ свѣтлымъ праздникомъ: Дай Богъ, чтобы вы провели его пріятно и были совершенно здоровы! Мы по милости Божіей живемъ спокойно, за исключеніемъ безпокойствъ, неразлучныхъ съ жизнію человѣческою и на которыя грѣхъ жаловаться.

Единогласное въ Сенатѣ рѣшеніе Жданова дѣла, извѣстнаго и Государю, рѣшило судьбу всѣхъ земель Ляховскихъ: онѣ остаются неприкосновенными во владѣніи покупщиковъ. Теперь весь Петербургъ говоритъ объ увольненіи графа Гурьева: на его мѣсто опредѣленъ въ министры финансовъ, какъ слышно, Канкринъ, членъ Совѣта; но указъ еще не вышелъ.

У насъ всякій день снѣгъ и дождь, и сыро и холодно. Однакожь помышляемъ о Царскомъ Селѣ, и желаемъ переѣхать туда дней черезъ десять, если будетъ теплая погода.

Французская армія уже заняла въ Гишпаніи всю Бискаію и часть Наварры: народъ, кажется, вездѣ пристаетъ къ Французамъ и роялистамъ. Дай Богъ добраго конца, и скорѣе! Это нужно для спокойствія Европы.

170.

Царское Село, 6 августа 1823.

Съ сердечнымъ умиленіемъ читалъ я ваше дружеское письмо, жалѣя о безпокойствѣ, которое вы имѣли, по любви своей ко мнѣ, узнавъ о моей болѣзни. Я былъ дѣйствительно при дверяхъ гроба отъ злой горячки, которая, видно, давно во мнѣ готовилась, хотя и нечувствительно: ибо я въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ хвалился своимъ здоровьемъ. Я умеръ бы легко, не чувствуя смерти; но Богъ услышалъ молитву жены моей и оставилъ меня еще жить до времени. Государь и обѣ Императрицы оказали въ этомъ случаѣ трогательное ко мнѣ благорасположеніе; ихъ медики лѣчили меня съ особен-

мою ревностію. Теперь я оправляюсь, но все еще имѣю нѣкоторую слабость. Нѣжно обнимаю васъ, любезнѣйшій братецъ.

Нынѣшнее лѣто не такъ для насъ счастливо, какъ прежнія семь, проведенныя нами въ Царскомъ Селѣ. Я выздоравливаю, а дѣти занемогаютъ жестокою болѣзнью коклюшемъ. Этотъ злой кашель продолжается обыкновенно мѣсяца два; впрочемъ дай Богъ только, чтобы они остались живы: не будемъ жаловаться. Въ здѣшнемъ свѣтѣ надобно терпѣть.

Государь 16-го августа ѣдетъ въ Москву, въ нижнія губерніи и въ армію для ея осмотра и возвратится къ ноябрю.

171.

С. Петербургъ, 1 декабря 1823.

Сердечно благодарю васъ за дружеское письмо. Мы наконецъ переѣхали въ городъ, гдѣ живемъ на *Моховой*, въ домѣ г. *Межуева*. Дѣти наши, слава Богу! почти совсѣмъ здоровы; кашляютъ уже рѣдко и не крѣпко. Эта несносная болѣзнь не можетъ пройдти скоро.

Теперь я занимаюсь печатаніемъ двухъ новыхъ томовъ моей Исторіи, 10-го и 11-го. Хорошо, если они такъ же разойдутся какъ 9-й томъ. Кромѣ авторскаго честолюбія, это могло бы поправить и наши экономическія обстоятельства. У насъ сгорѣла деревня, и мы лишились шести тысячъ дохода.

Здѣсь всѣ готовятся къ праздникамъ по случаю бракосочетанія Великаго Князя Михаила Павловича. Невѣста прелюбезная. По своимъ лѣтамъ и меланхолическимъ мыслямъ, я уже совсѣмъ не праздничной человѣкъ. Люблю сидѣть дома, или бродить пѣшкомъ по улицамъ. Сердце мое охладѣло и къ удовольствіямъ общества.

Кончилась ли ваша непріятная тяжба о заплатѣ долга?

Дѣло Жданова о землѣ теперь въ Совѣтѣ: было въ департаментѣ его и перейдетъ въ Общее Собраніе. Болотниковъ подалъ голосъ противъ Жданова; но большинство голосовъ въ департаментѣ согласилось съ рѣшеніемъ Сената. Увидимъ, что̀ будетъ въ Общемъ Собраніи, и что̀ утвердитъ Государь.

Ожидаемъ на сихъ дняхъ въ Петербургъ С. С. Кушникова.

172.

С.-Петербургъ, 17 марта 1824.

Посылаю вамъ два новые тома моей Исторіи, то-есть, 10-й и 11-й, и желаю, чтобы вы могли читать ихъ съ удовольствіемъ.

Зная, что вы принимаете участіе въ дѣлѣ о земляхъ А. Г. Жда-

нова, спѣшу васъ извѣстить, что Государь утвердилъ большинство голосовъ Совѣта и единогласное рѣшеніе Общаго Собранія Сената въ пользу Андрея Гавриловича и всѣхъ другихъ владѣльцевъ: то-есть, сіи земли на вѣкъ остаются ихъ неприкосновенною собственностію (о чемъ пишу и къ брату Ѳедору Михайловичу). Слава Богу, что я въ дѣлѣ правомъ не безполезно хлопоталъ за моихъ собратьевъ — дворянъ оренбургскихъ! Они вѣрно не болѣе моего обрадуются. На нихъ возставали Межевой департаментъ Сената, бывшій министръ финансовъ и два члена Совѣта, г. Болотниковъ и князь Куракинъ; но Богъ всѣхъ сильнѣе и правда въ глазахъ нашего любезнаго Монарха, которому единственно должны остаться благодарными оренбургскіе дворяне.

Нынѣшній годъ для насъ тяжелъ: у насъ не переводятся больные въ семействѣ. Теперь вторая дочь наша, Катенька, въ лихорадкѣ. Все это приводитъ меня въ грусть. Также и экономическія обстоятельства наши не хороши: крестьяне худо платятъ оброкъ, а Исторія моя продается туго. Помышляю иногда о Москвѣ; но не хотѣлось бы на старости перемѣнять мѣста, тѣмъ болѣе, что и сыновья подрастаютъ.

173.

Царское Село, 13 іюня 1824.

Сердечно благодарю васъ за дружеское письмо и поздравленіе. Въ мои лѣта чины уже не очень веселятъ. * Впрочемъ всякій знакъ Государева благоволенія лестенъ для добраго подданнаго.

Императоръ къ вамъ дѣйствительно будетъ въ исходѣ лѣта или осенью: я слышалъ это отъ *самого царскосельскаго хозяина* и очень желаю, чтобы вы ему представились вмѣстѣ съ другими почетными дворянами симбирскими. О новыхъ повелѣніяхъ ничего не знаю. Государь желаетъ видѣть восточный край Россіи: будетъ въ Пензѣ, Симбирскѣ, Оренбургѣ, Саратовѣ, Казани, и проч.

Сердечно радуемся помолвкѣ любезной Юліи Ѳедоровны. Братъ Ѳедоръ Михайловичъ не писалъ къ намъ въ отвѣтъ на два письма, въ которыхъ я извѣщалъ его о рѣшеніи Ждановскаго дѣла. Дай Богъ ему пристроить и другихъ милыхъ дочерей.

Мы уже мѣсяцъ живемъ здѣсь, сперва въ холодѣ, а теперь въ пыли отъ страшной засухи. Каково-то у васъ время? Мы будемъ безъ сѣна и безъ яроваго хлѣба.

Благодаря Бога, мои теперь почти всѣ здоровы. Живемъ, какъ обыкновенно, въ тишинѣ.

---

* Карамзинъ получилъ въ этомъ году чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Ему было тогда 59 лѣтъ.

174.

Царское Село, 17 августа 1824.

Спѣшу извѣстить васъ, что Государь будетъ въ Симбирскѣ 5-го сентября, и что онъ желаетъ васъ видѣть: прощаясь со мною, сказалъ: *Что приказываешь къ своему брату? Вѣроятно, что я увижу его въ Симбирскѣ, гдѣ пробуду три дня.* — Увидите, какъ онъ милостивъ, и въ сердцѣ вашемъ останется пріятное воспоминаніе. Мы безпокоимся, давно не имѣя отъ васъ писемъ. Здоровы ли вы, любезнѣйшій братецъ? Мы, слава Богу, почти совсѣмъ здоровы.

175.

Какъ намъ грустно было видѣть въ письмѣ вашемъ не вашу руку! Дай Богъ, чтобы драгоцѣнное ваше здоровье еще поправилось! Вотъ желаніе моего сердца, исполненнаго къ вамъ любви братской съ самыхъ первыхъ лѣтъ жизни! Ни время, ни разлука не уменьшили, не охладили ее. Изъ всѣхъ нашихъ ближнихъ вы были всегда ближайшимъ мнѣ по душѣ. (Вѣря безсмертію, надѣюсь, что и въ другой сферѣ бытія мы останемся ближними.) Мысленно васъ обнимаю со всею нѣжностію моего сердца. Сдѣлайте милость, увѣдомьте меня, какъ вы себя чувствуете. Нетерпѣливѣе прежняго жалаю вашихъ писемъ.

Жаль, что вы, любезнѣйшій братецъ, не могли представиться Государю, столь доброму и милостивому. Таковъ онъ былъ къ намъ въ теченіи девяти лѣтъ, и чувство живѣйшей признательности, соединенной съ искреннѣйшею любовію, не должно измѣниться въ сердцѣ моемъ до гроба. Вчера въ 9 часовъ вечера Государь возвратился: мы еще не имѣли счастія видѣть его. — Думаемъ дней черезъ десять переѣхать въ городъ. Мы, слава Богу! здоровы. Утѣшьте насъ хорошими вѣстями о вашемъ здоровьи. По обыкновенію еще занимаюсь своею работою: описываю мятежное царствованіе Шуйскаго; но 12-й томъ долженъ быть уже послѣднимъ. Если Богъ дастъ мнѣ описать воцареніе Михаила Ѳедоровича, то заключу мою Исторію обозрѣніемъ новѣйшей до самыхъ нашихъ временъ.

176.

С.-Петербургъ, 29 декабря 1824.

Вы безъ сомнѣнія уже много читали и слышали о здѣшнемъ наводненіи: въ это время мы были еще въ Царскомъ Селѣ и не видали этого несчастія, котораго слѣды для глазъ изгладились, но память надолго останется съ ужасными картинами гибели.

Утонцихъ менѣе шести сотъ, но убытокъ неисчислимъ. Въ теченіе

шести недѣль мы были почти ежедневно угрожаемы новымъ наводненіемъ; красные флаги развѣвались на Адмиралтействѣ; стрѣляли изъ пушекъ. Наконецъ вода опустилась и въ Невѣ, и въ заливѣ. Авось конецъ Нептуновымъ угрозамъ.

Послѣднее ваше письмо тронуло меня до слезъ, любезнѣйшій братецъ, грустнымъ описаніемъ вашихъ недуговъ: вотъ судьба человѣческая! Но дай Богъ, чтобъ старость была для васъ какъ можно менѣе тягостна, и чтобы вы еще долго, долго жили къ утѣшенію вашихъ ближнихъ! (Свою жизнь предаю въ волю Всевышняго); но ежедневно молю Его, чтобы мнѣ уже не оплакивать милыхъ. (Боюсь смерти только за другихъ и стараюсь укрѣпить свою душу мыслію о Богѣ, смотря на здѣшній свѣтъ, какъ на гостинницу.) И въ заключеніе обнимаю васъ нѣжно.

Мы были въ великомъ безпокойствѣ о здоровьи Императрицы Елисаветы, которую очень люблю. Слава Богу, ей лучше. Мои домашніе также, слава Богу, почти здоровы.

177.

Царское Село, 22 іюня 1825.

Мы всѣмъ семействомъ душевно обрадовались вашему милому письму, но скорбимъ о слабости вашего здоровья и молимъ Бога, чтобы оно укрѣпилось въ теченіе лѣта. Лихорадка въ наши лѣта всегда оставляетъ слѣдствія долговременныя: изнуреніе силъ, которое стоитъ болѣзни. Я также не могу похвалиться здоровьемъ: всю зиму хилѣлъ, и все еще не оправился. Катерина Андреевна хотѣла везти меня въ Ревель, чтобы купаться въ морѣ; но я поупрямился, желая посвятить нынѣшній годъ работѣ. Кажется, однакожь, что немного напишу, часто недомогая. Хотѣлось бы скорѣе кончить, прежде охлажденія душевнаго. Впрочемъ какъ Богу угодно!

Дѣти наши цвѣтутъ и растутъ. Дочери умны, любезны... Сыновей кое-какъ учимъ дома. Андрей, старшій, имѣетъ необыкновенныя способности. Вручаю судьбу ихъ Богу, съ надеждою на Его милость.

Государь возвратился изъ Варшавы съ прежнимъ добрымъ къ намъ расположеніемъ, а мы встрѣтили его съ прежнею любовью. — Въ искреннѣйшей привязанности къ нему и къ обѣимъ Императрицамъ нахожу сердечное услажденіе.

Чьею рукою писано ваше письмо, любезнѣйшій братецъ? Грустно, что не вашею; но какая прекрасная рука!

Насъ заливаютъ дожди: каково-то у васъ лѣто? и какъ идетъ ваша деревенская экономія? Наши мужики худо платятъ оброкъ. Думаю, что и въ Симбирской губерніи доходы помѣщиковъ уменьшаются.

178.

С.-Петербургъ, 10 января 1825 года.

Простите мнѣ мое долговременное молчаніе. Все лѣто былъ я хилъ здоровьемъ; осенью поправился и хотѣлъ писать къ вамъ уже изъ города, переѣхавъ сюда изъ Царскаго Села 15 ноября: но черезъ два дни узнали мы о болѣзни Государя, и съ той минуты я уже не могъ ни чѣмъ спокойно заниматься.

Александра любилъ я какъ человѣка, какъ искренняго, добраго, милаго пріятеля, если смѣю такъ сказать: онъ самъ называлъ меня своимъ *искреннимъ*. Его величіе и слава, конечно, давали этой связи еще особенную для меня прелесть. — Не думалъ я пережить его и надѣялся оставить въ немъ покровителя моимъ дѣтямъ. Да будетъ воля Божія! Привязанность моя къ нему осталась безкорыстною. Новый Государь Россіи не можетъ знать и цѣнить моихъ чувствъ, какъ зналъ и цѣнилъ ихъ Александръ. Я слишкомъ для него старъ и думаю только кончить, если дастъ Богъ, 12-й томъ Исторіи, чтобы куда-нибудь удалиться отъ Двора, въ Москву ли или въ Нѣмецкую землю для воспитанія сыновей; здѣсь ученье дорого и не такъ легко. Впрочемъ предаюсь и тутъ въ волю Божію. Нынѣ мы живы, а завтра гдѣ будемъ? Если не Александръ, то Небесный Отецъ нашъ не покинетъ моего семейства, какъ надѣюсь.

Я, жена и дѣти, благодаря Бога, довольно здоровы, не смотря на искреннѣйшую горесть. Здѣшнія происшествія вамъ, любезнѣйшій братецъ, извѣстны по газетамъ. Императоръ Николай оказалъ уже много разума и твердости. Дай Богъ счастія ему и Россіи, — а вамъ здоровья и спокойствія драгоцѣннаго. Пишу рѣдко, но люблю васъ со всею братскою горячностію. Въ концѣ жизни мы оба не перемѣнимся: я съ самаго дѣтства былъ особенно къ вамъ привязанъ. Любите также вашего вѣрнаго покорнѣйшаго брата.

179.

С.-Петербургъ, 1825 г. *

..... Разговоры съ самимъ собою занимаютъ меня теперь гораздо болѣе всѣхъ разговоровъ въ обществѣ: они сохраняютъ теплоту моей души, которая мнѣ еще нужна для моего милаго семейства, для моихъ друзей, для моей Исторіи, подвигающейся къ окончанію (даръ отъ меня потомству, если оно его приметъ, если же нѣтъ, то нѣтъ!) Такъ! я старѣюсь, не уставая (быть-можетъ придетъ и то). О, какъ я люблю еще моихъ товарищей путешествія! какъ трогаетъ меня ихъ бѣдная

* Это отрывокъ изъ письма Карамзина къ его другу, графу Каподистріи, знаменитому президенту Греціи.

участь! какъ вся душа моя полна жалости для столькихъ ближнихъ, для столькихъ народовъ...

Мы на сихъ дняхъ переѣхали въ Петербургъ изъ Царскаго Села, гдѣ прожили болѣе двухъ мѣсяцевъ въ ненарушимомъ уединеніи: какъ далека была отъ меня скука въ тѣ минуты, когда я не страдалъ физически; сколько глубокихъ наслажденій находилъ я въ этомъ ежедневномъ досугѣ, въ кругу моего семейства, иногда одинъ совершенно. Работа, чтеніе, осеннія, нерѣдко ночныя прогулки имѣли для меня прелесть неизъяснимую. Не слишкомъ боясь смерти, иногда смотря на нее съ какимъ-то радушіемъ и любя повторять съ Ж. Ж. Руссо, что засыпающій на рукахъ отца беззаботенъ о своемъ пробужденіи, я допиваю по каплямъ сладкое бытіе земное; я радуюсь имъ по-своему, не примѣтно для зависти. Подходя къ концу жизни, я благодарю Бога за все, что Онъ мнѣ даровалъ въ ней; можетъ-быть ошибаюсь, но совѣсть моя спокойна: милое отечество ни въ чемъ не упрекнетъ меня; я всегда былъ готовъ служить ему, сохраняя достоинство своего характера, за который ему же обязанъ отвѣтствовать: и что же? Я могъ описать одни только варварскія времена его исторіи; меня не видали ни на полѣ сраженія, ни въ совѣтахъ государственныхъ; зная однако, что я не трусъ и не лѣнивецъ, говорю самому себѣ: «такъ было угодно Богу», и не имѣя смѣшной авторской спеси, вхожу не стыдясь въ общество нашихъ генераловъ и нашихъ министровъ... Но довольно! Я заговорился, и кажется слишкомъ много.

180.

С.-Петербургъ. 1826 г. *

Списываю вторую главу Шуйскаго: еще главы три съ обозрѣніемъ до нашего времени, и поклонъ всему міру, не холодный, но съ движеніемъ руки навстрѣчу потомству, ласковому или спесивому, какъ ему угодно. Признаюсь, желаю довершить съ нѣкоторою полнотою духа, правотою сердца и воображенія. Близко, близко, но еще можно не доплыть до берега. Жаль, если захлебнусь съ перомъ въ рукѣ, до пункта, или перо выпадетъ изъ руки отъ какого-нибудь удара. Но да будетъ воля Божія.

КОНЕЦЪ.

---

* Строки эти писалъ Карамзинъ за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, къ Ив. Ив. Дмитріеву.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОРІЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. . . . . С. М. СОЛОВЬЕВА.
СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ. . . . . В. К.
СООТНОШЕНІЕ И ВЗАИМНОДѢЙСТВІЕ ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ. . . . . Я. И. ВЕЙНБЕРГА.
ПЕРЕПИСКА. *(Окончаніе)* . . . . . Н. М. КАРАМЗИНА.

Являясь еженедѣльно книжками, отъ *трехъ* до *пяти* листовъ въ каждой, АТЕНЕЙ будетъ сообщать:

1. Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной литературы;
2. Хронику важнѣйшихъ новостей въ общественной и государственной жизни современныхъ народовъ,
и 3. Статьи историческаго содержанія, записки (mémoires), путешествія, разказы, литературныя замѣтки, ученыя и художественныя извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ конторѣ *Атенея*, при книжномъ магазинѣ Н. Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина, и у книгопродавцевъ: Ѳ. О. Свѣшникова, въ домѣ университетской типографіи, и И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

У книгопродавца С. А. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгартъ.

ВЪ ПАРИЖѢ

Въ конторѣ Русскаго Агентства газеты Le Nord, boulevard de la Madelaine, 5.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ контору *Атенея*, въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 52-хъ книжекъ, *десять* рублей, съ пересылкою *одиннадцать рубл. съ полтиною*.

Печатать дозволяется. Іюля 12-го, 1858 года.
Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе*.

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 29.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРНСТА БАРФКНЕХТА И К°.

—

1858.

ГЕЙНЕ.

Пѣсни Гейне, въ переводѣ М. Л. Михайлова. Санктпетербургъ 1858.

—

Никого изъ нѣмецкихъ, и вообще иностранныхъ, поэтовъ не переводили у насъ такъ часто, какъ Гейне. Особенно въ новѣйшее время переводы изъ Гейне до того расплодились, что даже «Аугсбургская газета» узнала объ этомъ и высказала свое мнѣніе, не очень лестное для переводчиковъ, однако и не основательное. До нея дошли только слухи, что этого поэта, надѣлавшаго столько шуму въ Европѣ, стали многократно переводить по русски, и она выводитъ отсюда заключеніе, будто бы переводчики обращаются къ нему съ тѣмъ, чтобы пріобрѣсти съ помощью знаменитаго имени оригинала быструю извѣстность. Это — предположеніе, и больше ничего. Скорѣе можно было бы заключить, что иные, переводя Гейне, словно сговорились уронить знаменитаго поэта въ общественномъ мнѣніи. И нѣкоторые переводы дѣйствительно заставляютъ удивляться, какъ это Европа могла прельщаться такимъ блѣднымъ вторымъ изданіемъ Вертера, такимъ слабымъ, трусливымъ недорослемъ между стихотворцами. Есть, правда, и много отлично переведенныхъ піэсъ Гейне, но онѣ до того разбросаны въ повременныхъ изданіяхъ, что, читая ихъ врознь, все-таки не получаешь полнаго понятія объ оригиналѣ. Къ тому же отдѣльныя стихотворенія его, не въ связи съ другими, часто говорятъ противоположное тому, что̀ именно составляетъ особенность Гейне. Однимъ словомъ, не смотря на частые и многочисленные переводы, не смотря на то, что лучшіе наши поэты вдохновлялись имъ, рус-

скіе читатели не виноваты, если они до сихъ поръ не знаютъ, въ чемъ состоитъ «обаятельная сила» Гейне.

Г. Михайловъ первый изъ заслуженныхъ литераторовъ, который собралъ цѣлую книжку переведенныхъ имъ стихотвореній Гейне и, какъ извѣстно, намѣревается познакомить русскую публику со всѣми замѣчательнѣйшими его произведеніями. Тогда, безъ сомнѣнія, обнаружатся всѣ стороны поэта и окажется опредѣленный объемъ его лиризма и сила его. Ручательствомъ за то, что почтенному переводчику удастся выполнить предпринятый трудъ, можетъ послужить вышеозначенная книга. Въ ней видно, что онъ сочувствуетъ своему поэту, что онъ съ любовью взялся за дѣло переводчика. Она-то и согрѣваетъ трудъ его и продиктовала ему нѣкоторыя весьма удачныя стихотворенія. Эта книга даже будетъ служить необходимымъ дополненіемъ обѣщанныхъ имъ остальныхъ переводовъ; но отдѣльно, не въ связи съ ними, портретъ Гейне выходитъ по ней еще очень блѣденъ и даже вовсе не имѣетъ сходства съ оригиналомъ. Переводчикъ, съ одной стороны, выказываетъ разборчивость, не сообщая намъ такихъ стихотвореній, въ которыхъ поэтъ возбуждаетъ интересъ къ иллюзіямъ и умиленіе для того только, чтобы потомъ потѣшаться надъ легковѣріемъ и довѣрчивостью читателя, — хотя это все-таки характеристическая черта Гейне, который, если не въ одномъ и томъ же стихотвореніи, то непремѣнно немного подальше, въ другой пѣсенкѣ, осмѣиваетъ предшествовавшія свои мечты и слёзы. Не говоря о томъ, что книга г. Михайлова лишена этого противорѣчія, безусловное сочувствіе увлекало автора, съ другой стороны, въ такую неразборчивость, что онъ перевелъ больше незрѣлыхъ опытовъ, чѣмъ образцовыхъ произведеній и даже, не обращая вниманія на постепенное развитіе Гейне, перемѣшалъ всѣ періоды. Однако и тутъ можно было бы предоставить читателю оріентироваться, какъ самъ знаетъ, и любоваться тѣми стихотвореніями, которыя найдутъ въ немъ отголосокъ, еслибъ переводчикъ не указалъ въ своемъ предисловіи, какъ слѣдуетъ смотрѣть на поэта. Указаніе это можетъ дать противоположное понятіе объ Гейне тѣмъ болѣе, что оно весьма точно подходитъ къ тѣмъ изъ переведенныхъ г. Михайловымъ стихотвореній, которыя принадлежатъ первоначальному, приготовительному

періоду поэта. Въ самомъ дѣлѣ кажется, что авторъ смотритъ на Гейне съ той точки зрѣнія, когда онъ еще не сказалъ и не имѣлъ права сказать:

Dass ich genossen des Wissens Frucht,
Das kannst du nicht mehr ändern, *

когда онъ еще блуждалъ въ темномъ царствѣ сказокъ, въ мірѣ сновъ и всей душой вѣрилъ преданіямъ и всему тому, въ чемъ его увѣряли старые гномы и прекрасныя эльфы, такъ что Гейне является у г-на Михайлова поэтомъ не новаго, а предыдущаго періода, не преобразователемъ нѣмецкой поэзіи, а послушнымъ ученикомъ романтической школы, не юмористомъ, комикомъ и сатирикомъ, а пѣвцомъ нѣжнѣйшихъ чувствъ, не заслуживающимъ никакого порицанія. Авторъ, такъ-сказать, только любуется своимъ поэтомъ, субъективно сливается съ нимъ и ни за что не отнесъ бы къ нему изреченіе: Les paroles sont faites pour cacher nos pensées. Не то, чтобъ онъ не подозрѣвалъ въ Гейне задней мысли или затѣи, но онъ прощаетъ ему такіе маленькіе капризы и боится повредить ему, упомянувъ о нихъ. Гейне, въ смѣшномъ костюмѣ, дѣйствительно лишился бы умилительнаго своего вида, но нельзя не сказать также, что онъ часто съ успѣхомъ умилялъ и вдоволь потѣшался надъ тѣми читателями, которые ему вѣрили. А подъ конецъ жизни, когда онъ въ самомъ дѣлѣ могъ возбудить искреннее сожалѣніе, онъ вовсе сбросилъ сантиментальные листочки и цвѣточки, прикрывавшіе его иронію. Напримѣръ, даже въ «Оглядкѣ на прошлое» (стр. 130):

Благоуханій кухни дольной
Понюхалъ вволю я, друзья!
Земная жизнь была привольной,
Блаженной жизнью для меня.
Я кофе пилъ и ѣлъ пастеты,
Прекрасной куколкой игралъ,
Носилъ атласные жилеты,
Въ тончайшемъ фракѣ щеголялъ;
Въ карманахъ бряцали червонцы...
А что̀ за конь! а что̀ за домъ!
Я жилъ безпечнымъ богачемъ...
Подъ золотою лаской солнца
Въ Долинѣ Счастья я лежалъ.
Вѣнокъ лавровый обвивалъ

* Тебѣ уже не измѣнить того, что я отвѣдалъ плода познанья.

Мое чело; благоухая,
Онъ погружалъ въ отрадный сонъ,
И въ область розъ, въ отчизну нам
Тѣмъ сномъ я былъ переселенъ.
Всѣ чувства сладостно дремали...
Блаженъ, безъ думъ и безъ заботъ,
Я плѣлъ... и сами мнѣ влетали
Бекасы жареные въ ротъ.
Порой какой-то чудный геній
Уста шампанскимъ мнѣ кропилъ...
То были грёзы, рой видѣній!
Они исчезли. *Старъ и хилъ,*
Лежу теперь въ травѣ росистой.
Какъ я озябъ! Какъ воздухъ мглистой
Мнѣ давитъ грудь!... Не встану я:
Недугъ убилъ во мнѣ всѣ силы,
И, чуя близкій зовъ могилы,
Устыжена душа моя... [1])
За радости — за мигъ ихъ каждый —
Досадой горькой я платилъ;
Томясь и голодомъ, и жаждой,
Я ѣлъ полынь и уксусъ пилъ;
Мой день заботы отравляли
Пустой и мелкой суетой,
И комары всю ночь жужжали
Надъ горемычной головой. [2])
Мнѣ поневолѣ приходилось
И лгать, и деньги занимать,
И чуть ли даже не случилось
Съ сумою по міру сбирать.
Теперь усталъ я отъ тревоги,
Усталъ отъ бѣдъ и отъ скорбей, [3])
И, протянувъ въ могилѣ ноги,
Желалъ бы выспаться скорѣй...
Прощайте! Тамъ, за гробомъ, братья,
Я васъ приму въ свои объятья!

---

[1]) Въ подлинникѣ сказано только:

Jetzt lieg ich auf feuchtem Rasen,
Die Glieder sind mir rheumatisch gelähmt
Und meine Seele ist tief beschämt.

(Теперь лежу въ травѣ сырой, изувѣченный ревматизмомъ, и душа моя устыжена глубоко.)

[2]) Въ подлинникѣ такъ:

Und grausam von den Wanzen gebissen.
(И клопы меня жестоко кусали.)

[3]) Въ подлинникѣ такъ:

Jetzt bin ich müd vom Rennen und Laufen.
(Теперь я усталъ отъ рысканья и бѣготни.)

Послѣднее мнѣніе подтверждается въ оригиналѣ увѣреніемъ: Ja, das versteht sich (Да, разумѣется). А прибавленная переводчикомъ строка: «И чуя близкій зовъ могилы», противорѣчитъ не только ироніи Гейне, но и одной изъ основныхъ мыслей всей его поэзіи. Душа поэта устыжена только потому, что онъ употреблялъ такія унизительныя средства на достиженіе счастья: «ему приходилось лгать, занимать деньги и чуть ли даже не просить милостыни.»

Въ предисловіи г. Михайловъ разказываетъ, между прочимъ, содержаніе другаго стихотворенія того же періода: «Больному воображается иногда, что онъ уже умеръ, и схоронили его безъ надгробныхъ рѣчей и похороннаго пѣнія. Но погода хороша, и Матильда идетъ съ Полиною гулять на Монмартръ. Она приходитъ къ могилѣ мужа, украшаетъ ее вѣнкомъ изъ иммортелей, со вздохомъ говоритъ: Pauvre homme! и глаза ея увлажаются печалью.» Это трогательно. Но въ подлинникѣ еще двѣ строфы:

Leider wohn' ich viel zu hoch,
Und ich habe meiner Süssen
Keinen Stuhl hier anzubieten;
Ach sie schwankt mit müden Füssen.

Süsses dickes Kind, du darfst
Nicht zu Fuss nach Hause gehen;
An dem Barriere-Gitter
Siehst du die Fiaker stehen. *

Дѣло, разумѣется, не въ томъ, какія свойства Гейне заслуживаютъ похвалы и какія — порицанія, а въ томъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Впрочемъ, почтенный переводчикъ и не намѣревается критиковать Гейне, а только выставить одну его миловидность и убѣдить, что такой поэтъ достоинъ полнаго довѣрія. Книга г. Михайлова заставляетъ вооружаться не противъ Гейне, а противъ тѣхъ, которые назвали его отрицателемъ и врагомъ искусства. Читатель можетъ только предполагать, что дурными свойствами Гейне запечатлѣна та сторона его, отъ которой авторъ отворачивается оговоркой: «Но по-

* Къ сожалѣнію, я живу слишкомъ высоко и не могу предложить возлюбленной своей стула. Ахъ! она, бѣдная, едва держится на усталыхъ ногахъ. Милый толстый ребенокъ, ты не должна идти домой пѣшкомъ, у заставы стоятъ извощики.

смотримъ на Гейне не какъ на человѣка извѣстной партіи, а какъ на лирическаго поэта, пѣвца любви и природы.» Не выходя изъ границъ этого лиризма, замѣтимъ только, что Гейне, какъ «человѣкъ извѣстной партіи», отражается въ слѣдующихъ превосходныхъ стихахъ Некрасова:

... Но нѣтъ пощады у судьбы
Тому, чей благородный геній
Сталъ обличителемъ толпы,
Ея страстей и заблужденій.
Питая ненавистью грудь,
Уста вооруживъ сатирой,
Проходитъ онъ тернистый путь
Съ своей карающею лирой;
Его преслѣдуютъ хулы:
Онъ ловитъ звуки одобренья
Не въ сладкомъ ропотѣ хвалы,
А въ дикихъ крикахъ озлобленья.
И вѣря и не вѣря вновь
Мечтѣ высокаго призванья,
Онъ проповѣдуетъ любовь
Враждебнымъ словомъ отрицанья.

Гейне поэтъ и лирикъ не потому, что пробуждаетъ самосознаніе и силу духа, а потому, что усыпляетъ чувства читателя обаятельными сновидѣніями, не потому, что онъ «обличитель страстей и заблужденій толпы», а потому, что «въ пѣсняхъ его слышны щебетаніе птицъ и перешептываніе цвѣтовъ между собою». Гейне, въ сантиментальности своей, доходитъ даже до того, что самъ желалъ бы быть птичкой:

Ich steh' auf des Berges Spitze
Und werde sentimental.
«Wenn ich ein Vöglein wäre!»
Seufz' ich viel tausendmal. (Lyr. Interm.) *

Какъ интересны и умилительны вздохи его, которые превращаются въ хоръ соловьевъ! «И цвѣты сострадательно смотрятъ на него, и деревьямъ жаль его, бѣднаго, когда, грустенъ и блѣденъ, бродитъ онъ съ тоской по саду и по лѣсу». «Видя печаль его, сѣрый дроздъ спрашиваетъ его о горѣ», и получаетъ блѣдный отвѣтъ: «ласточки, сестры твои, все тебѣ разкажутъ». Не только поэтъ и его пѣсни блѣдны, но и возлюбленная блѣдна и печальна, все блѣднѣетъ и меркнетъ, не говоря о

* Стою на верхушкѣ горы и становлюсь сантиментальнымъ. «Ахъ, еслибъ я былъ птичкой!» вздыхаю я тысячу разъ.

мѣсяцѣ, наядахъ и привидѣніяхъ, которымъ иначе и быть нельзя. Даже Мефистофель отличается этимъ интереснымъ цвѣтомъ лица:

Blass ist er etwas, doch ist es kein Wunder:
Sanscrit und Hegel studiert er jetzunder. *

Впрочемъ, тотъ поэтъ, о которомъ говоритъ г. Михайловъ, кажется, ничего не имѣетъ общаго ни съ Мефистофелемъ, ни съ Гегелемъ. Это такой невинный лирикъ, что нѣтъ ему подобнаго въ исторіи, поэтъ, который «знаетъ много тайнъ», а именно, что «бабочка влюблена въ розу»; если же онъ обнаруживаетъ любознательность, то она заключается въ томъ, что «ему очень хотѣлось бы провѣдать, въ кого влюблена роза въ свою очередь». Гейне, собственно говоря, ничего не знаетъ и знать ничего не добивается, а только вѣритъ, надѣется, любитъ и запрещеннаго плода не вкушалъ.

Надо сказать, что авторъ не идеализировалъ своего поэта. Гейне съ одной стороны въ самомъ дѣлѣ такъ милъ и нарядѣнъ, что ему только оказываешь полную справедливость, характеризируя его первой половиной вышеприведеннаго русскаго стихотворенія:

Блаженъ незлобивый поэтъ,
Въ комъ мало желчи, много чувства, —
Ему такъ искрененъ привѣтъ
Друзей спокойнаго искусства.
Ему сочувствіе въ толпѣ
Какъ ропотъ волнъ ласкаетъ ухо;
Онъ чуждъ сомнѣнія въ себѣ —
Сей пытки творческаго духа.
Любя безпечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Онъ прочно властвуетъ толпой
Съ своей миролюбивой лирой.

Даже враги Гейне, какъ бы имъ ни хотѣлось позорить его, не могутъ лишить его этого праздничнаго вида, а доброжелатели выказываютъ хорошій вкусъ, если изящность имъ больше нравится чѣмъ неряшество. Непринадлежащіе же ни къ тѣмъ, ни къ другимъ должны сказать, что безъ этой праздничной, милой, ласкающей, вкрадчиво-невинной задушевности, Гейне

* Онъ нѣсколько блѣденъ, но это не удивительно: онъ нынче корпитъ надъ Гегелемъ и санскритскимъ языкомъ.

можетъ-быть и не оскорбилъ бы друзей спокойнаго искусства. Это-то и есть особенность Гейне, что онъ отражается какъ въ одной, такъ и въ другой половинѣ русскаго стихотворенія, которое двумя своими контрастами изображаетъ двухъ различныхъ, противоположныхъ другъ другу поэтовъ. О томъ, что Гейне охотникъ до безпечности и покоя, самъ онъ говоритъ:

«Натура моя клонится къ нѣкоторому dolce far niente, и я люблю лежать на цвѣтущихъ нивахъ, смотрѣть на тихое шествіе облаковъ и любоваться ихъ освѣщеніемъ; но—прибавляетъ онъ — случаю угодно было, чтобъ меня изъ этихъ уютныхъ мечтаній очень часто пробуждали жестокіе толчки судьбы, и я принужденъ былъ принимать участіе въ горестяхъ и бореніяхъ времени.»

Мы уже отказались отъ той стороны Гейне, которою онъ участвуетъ въ этихъ бореніяхъ. Да и нѣтъ нужды касаться ея, чтобы получить понятіе объ отрицателѣ. Достаточно одного невиннаго, миловиднаго, унылаго пѣвца любви, чтобы познакомиться съ самосознательнымъ, не казистымъ, ироническимъ Гейне.

Переводъ г. Михайлова раздѣляется на шесть отдѣловъ: 1) Грёзы, 2) На Гарцѣ, 3) Пѣсни, 4) Думы, 5) Романсы и Баллады, 6) На смертномъ одрѣ.

Въ «Грёзахъ» поэтъ говоритъ, что ему «снились унылые напѣвы сумрачныхъ пѣсенъ»; онъ «лежитъ (во снѣ же) въ сырой землѣ и такъ много плакалъ, что горючая слеза выжгла глаза его»; ему «грезился зловѣщій сонъ», въ которомъ онъ три раза видѣлъ одну и ту же дѣвушку: 1) она моетъ его гробовой покровъ, 2) рубитъ ему гробъ, 3) роетъ для него могилу *.

«На Гарцѣ» становится свѣжо и свѣтло. Чуешь если не присутствіе, то предвѣстіе Гейне, автора «Reisebilder». Кромѣ «Горной идилліи», которая въ русскомъ переводѣ все еще не является въ своей трилогической цѣлости, въ этомъ отдѣлѣ

* Первое, третье и четвертое стихотворенія этого отдѣла написаны поэтомъ въ ранней молодости, но второе (стр. 8) и пятое (стр. 17) несправедливо поставлены переводчикомъ на одну доску съ Грёзами: онѣ принадлежатъ тому періоду, когда Гейне, переселившись въ Парижъ, тосковалъ по минувшей юности и покинутой родинѣ.

содержится еще одно стихотвореніе, переведенное, кажется, въ первый разъ; вотъ оно:

Фраки, бѣлые жилеты,
Тальи, стянутыя мило,
Комплименты, поцалуи...
Еслибъ въ васъ да сердце было.
И любви хотя немножко
Было бъ въ сердцѣ!... Тошны, право,
Ваши вопли и стенанья:
Развѣ жизнь вамъ не забава?
Ухожу отъ васъ я въ горы,
Гдѣ живутъ простые люди,
Гдѣ свободный вѣетъ воздухъ,
И дышать просторно груди...
Въ горы, гдѣ темнѣютъ ели —
Шумны, зелены, могучи,
Воды плещутъ, птицы свищутъ,
И по волѣ мчатся тучи.
Полированные залы...
Полированные гости...
Въ горы! въ горы! Я оттуда
Улыбнуся вамъ безъ злости *.

Это мѣстами очень удачно переведенное стихотвореніе служитъ въ подлинникѣ прелюдіей «Harzreise» и того комическаго, безцеремоннаго поэтическаго рода вообще, который прославилъ Гейне и заставилъ нѣмецкую поэзію сбросить личину притворной миловидности и жеманной, натянутой парядности. Русскій переводъ, къ сожалѣнію, ограничился однимъ этимъ намёкомъ и вслѣдъ за тѣмъ отличается именно тѣми «воплями и стенаніями», которые тошны автору прелюдіи. Переводчикъ даже какъ-будто старался придать всему своему собранію какое-то могильное единство: оно начинается гробовыми стенаніями, оканчивается на смертномъ одрѣ и наполнено въ срединѣ унылыми воплями и слезами. Въ цѣломъ, Гейне выходитъ плаксою и пассивнымъ страдальцемъ, который грустно смотритъ на небо, между тѣмъ какъ меланхолія понемножку его убиваетъ. Не она ему подвластна, а онъ, бѣдный, слабый, самъ у нея въ рукахъ.

«Оглядку на прошлое» переводчикъ справедливо назвалъ грустнымъ отвѣтомъ на вопросъ: какъ прожита жизнь? Можно

* Строки «Развѣ жизнь вамъ не забава»? и послѣднихъ словъ «безъ злости» нѣтъ въ подлинникѣ.

было бы согласиться съ нимъ даже въ томъ случаѣ, еслибъ переводъ его не заслонилъ нѣсколько сатиру оригинала. Какъ въ этомъ стихотвореніи, такъ и вездѣ, у Гейне подъ смѣхомъ кроется грусть и не рѣдко та самая грусть, которая въ юношескихъ его опытахъ съ такою навязчивостью преслѣдуетъ читателя на каждомъ шагу. Можно даже сказать, что всѣ поэтическіе плоды Гейне рождены и воспитаны ею и что поэтъ, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Левальду, болѣе многихъ эстетиковъ имѣлъ право сказать: «Художникъ—это тотъ ребенокъ, про котораго народная сказка говоритъ, что его слезы сущія перлы. Ахъ! злая мачиха-вселенная бьетъ бѣднаго ребенка тѣмъ безжалостнѣе, чтобъ онъ побольше проливалъ такихъ слезъ!»

Не малою частью своей славы Гейне обязанъ искусству оцѣнки слёзъ; онъ неподражаемымъ образомъ умѣлъ различать перлы отъ воды. А доказательствомъ тому, что Гейне самъ обогатилъ поэзію слезами того и другаго рода, можетъ служить третій отдѣлъ нашей книги, а именно «Пѣсни». Особенно богаты онѣ тѣми слезами Гейне, которыя не скрываются, а наглядно, всѣмъ на показъ красуются на блѣдныхъ ланитахъ пѣвца любви, про котораго самъ Гейне сказалъ бы:

In seinem schönen Auge glänzt
Die Thräne, die stereotype. *

Этому третьему и самому большому отдѣлу книги г. Михайлова мы должны посвятить наибольшее вниманіе потому, что Гейне здѣсь исключительно является пѣвцомъ любви и что авторъ говоритъ въ предисловіи: «Едва ли не это титло даетъ Гейне право на долгую жизнь въ потомствѣ.»

Въ первой изъ этихъ «Пѣсенъ» (стр. 33) Гейне опять слышитъ стукъ гробовщика и проситъ мастера поторопиться, потому что ему, усталому поэту, пора спать. Если Гейне на семнадцатомъ или девятнадцатомъ году жизни усталъ жить, то бо́льшая часть слѣдующихъ пѣсенъ доказываетъ, что ему по крайней мѣрѣ не наскучило плакать и печалиться:

Стр. 34.
Изъ слёзъ моихъ много, малютка,
Родилось душистыхъ цвѣтовъ.

* Въ прекрасномъ глазу его блеститъ стереотипная слеза.

Стр. 35.

Скажи «люблю» — и самъ не знаю,
О чемъ я горько зарыдаю.

Стр. 36.

Щекою къ щекѣ ты моей приложись,
Пускай наши слёзы сольются.

Стр. 38.

На листахъ душистыхъ блещетъ
Чистыхъ слёзъ его роса,
И любовью онъ трепещетъ,
Грустно глядя въ небеса.

Стр. 41.

Какъ съ тобою разлучился
Я и плакать разучился. . .
Много сердцу горькихъ бѣдъ,
А слезы все нѣтъ какъ нѣтъ

Стр. 42.

Хочется слёзъ мнѣ горючихъ,
Въ нихъ мое горе потонетъ.

Стр. 45.

Во снѣ неутѣшно я плакалъ. . .
Проснулся; а все по ланитамъ
Слеза за слезою текла.

Стр. 48.

Громко въ лѣсу мои вопли звучали. . .

Стр. 49 и 50.

Не радуетъ весеннее солнце
Смущенную душу мою;
У старыхъ развалинъ, подъ липой,
Одинъ и печаленъ стою. . .
. . . . . Солдатикъ!
Прицѣлься ты въ сердце мое!

Стр. 51.

Печаленъ по рощѣ брожу. . .

Стр. 54 и 55.

Вдвоемъ на утесѣ крутомъ
Сидѣли мы въ грустномъ молчаньѣ. . .
Съ того безотраднаго дня
Я высохъ, и сердце изныло.

Стр. 56.

И самъ я невольно заплакалъ,
Заплакалъ, грустя и любя.

Всѣ эти прекрасныя слёзы и наружная печаль заключаются въ «Юныхъ страданіяхъ (1817 — 21), «Лирической интермедіи (1822 — 23) и «Возвращеніи на родину» (1823 — 24). Въ оригиналѣ даже осталось еще много этого богатства, нетрону-

таго переводчикомъ; а все-таки русскій Гейне, въ сравненіи съ нѣмецкимъ, гораздо безутѣшнѣе, терпѣливѣе, блѣднѣе и однообразнѣе. Даже въ «Юныхъ страданіяхъ», отличающихся плаксивостью и тоскливостью, уже мелькаетъ другой, враждебный сантиментальности элементъ, который разростается и наконецъ господствуетъ въ слѣдующихъ двухъ собраніяхъ. Но, переведенныя, пѣсни эти не даютъ понятія о Гейне, потому что онѣ почти вовсе лишены того элемента.

На поэтическій переводъ во всякомъ случаѣ надо смотрѣть какъ на самостоятельный трудъ. Переводчикъ имѣетъ тѣ же права, ту же свободу, что и поэтъ. Ни тому, ни другому нельзя предписывать правила. Намъ, конечно, легко требовать отъ перевода наибольшаго сходства съ оригиналомъ, мы даже не рѣдко хотѣли бы пересоздать оригиналъ, а переводчикъ и поэтъ все-таки не послушаются и хорошо сдѣлаютъ, потому что тому и другому удастся воспроизвести только то, чего онъ самъ захочетъ.

Мы уже сказали, что нашъ авторъ, кажется, старается выставить одну ту сторону Гейне, которая не заслуживаетъ порицаній. Къ тому же бо́льшая часть его переводовъ, какъ и предисловіе къ нимъ, написаны еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда г. Михайловъ находился подъ вліяніемъ трагической исторіи послѣднихъ лѣтъ и кончины Гейне. Вотъ почему переводчикъ, вопреки собственному таланту (который высказывается не въ нѣжныхъ, а скорѣе въ рѣзкихъ и выразительныхъ аккордахъ), обратился особенно къ тѣмъ пѣснямъ, гдѣ поэтъ еще подвластенъ своему горю, гдѣ его любовное горе, говоря языкомъ Гегеля, еще не сдѣлалось для него объектомъ, гдѣ Гейне не только не вооружаетъ противъ себя читателя, а кажется самъ нуждается въ сожалѣніи. Не ограничиваясь тѣми слезами, которыя поэтъ проливаетъ самъ, г. Михайловъ даже иногда старается придавать ему печальный, трогательный колоритъ противъ его собственнаго желанія. Уже въ «Оглядкѣ на прошлое» онъ насильно заставляетъ Гейне говорить, что «недугъ убилъ всѣ его силы», что у него «горемычная голова», что онъ «усталъ отъ бѣдъ и скорбей» и пр. Точно такъ же переводчикъ вмѣщаетъ безотрадность, напримѣръ, въ одной пѣснѣ, гдѣ Гейне просто говоритъ: завтра я снова отправлюсь

въ путь, тогда изъ окна выглянетъ моя блондинка, и я ласково (freundlich) поклонюсь ей. Это переведено слѣдующимъ образомъ:

Завтра снова мнѣ дорога:
Впереди осталось много
Безотраднаго пути.
Щелкнетъ бичъ у почтальіона,
Грустно глянешь ты съ балкона,
Грустно молвлю я: прости! (стр. 65).

Надежда, что она *грустно* глянетъ съ балкона, поставила бы поэта въ смѣшное положеніе тѣмъ болѣе, что въ слѣдующей пѣсенкѣ оказывается, что она *вовсе* не думала поджидать его отъѣзда, а спала, и что путникъ долженъ утѣшать себя вѣроятностью, что она видитъ его во снѣ.

Но не говоря о томъ, что поэзія Гейне вовсе не такъ печальна, какъ она здѣсь выходитъ, надо сказать, что слёзы поэта вообще посвящены не этой мимолетной любви, а той первой его любовной неудачѣ, отъ которой онъ никогда не могъ излѣчиться вполнѣ, и что несчастная любовь, зародившаяся въ немъ съ дѣтства, въ самомъ дѣлѣ была одною изъ счастливѣйшихъ темъ поэта. Многочисленныя стихотворенія, правда, свидѣтельствуютъ, что не одна, а многія красавицы сумѣли плѣнить впечатлительное сердце Гейне: Эвелина, Марія, Цецилія, Франческа, Юлія, Гертруда, Катерина, Вероника, Тереза, Матильда, и пр., не упоминая вовсе о русалкахъ, эльфахъ и нимфахъ. Гейне самъ сознавался: «Сердце мое всегда будетъ любить, пока будутъ женщины на свѣтѣ; только что остынетъ къ одной, оно тотчасъ же воспламеняется къ другой; какъ во Франціи король, такъ и королева въ сердцѣ моемъ никогда не умираетъ, и въ немъ тотчасъ раздаются крики: la reine est morte, vive la reine!» При всемъ томъ можно сказать, что только одна женщина, противъ собственной воли Гейне, продолжала господствовать надъ нимъ. Не смотря на всѣ его усилія отдаться власти другихъ красавицъ, забыться въ ихъ объятіяхъ, первая любовь по временамъ все-таки снова пробуждалась въ немъ и по прежнему точила его сердце. Правда, тихая, сладкая, нѣжная страсть превратилась наконецъ въ буйную, желчную, злую, любовь — въ ненависть. Но эта же ненависть къ возлюбленной была, подобно сатирическимъ выходкамъ Гейне противъ род-

наго края, не что иное какъ усиленное состояніе любви его. Многія предсмертныя стихотворенія поэта пропитаны этимъ рѣзкимъ чувствомъ двухъ крайностей, и онъ часто на смертномъ одрѣ жаловался на первую свою возлюбленную — въ слѣдующемъ родѣ:

O dass ich nie gesehen hätt'
Die Wasserfliege, die blaue Kokett'
Mit ihrer feinen Taille —
Die schöne falsche Canaille. . . . . [1])

Однако пѣвецъ любви обезсмертилъ себя не тѣмъ, что онъ такъ сердился на кокетку, не тѣмъ, что онъ не переставалъ оплакивать любовную неудачу, а тѣмъ, что у него достало силы не подчиниться своему горю и что онъ вообще запѣлъ въ другомъ тонѣ, послѣ того какъ сказалъ себѣ въ первой части Reisebilder:

Theurer Freund, was soll es nützen
Stets das alte Lied zu leiern? [2]) и пр. и пр.

О юморѣ, съ какимъ онъ во второмъ томѣ этого сочиненія разказываетъ самой возлюбленной исторію несчастной своей любви, намъ здѣсь распространяться нельзя, тѣмъ болѣе, что разкащикъ — одинъ изъ забавнѣйшихъ комиковъ. Смѣясь въ слухъ, душа его, можетъ-быть, продолжала тайкомъ тосковать. Но мы теперь имѣемъ дѣло съ такимъ пѣвцомъ любви, который всѣмъ на показъ выставляетъ прекрасныя свои слёзы.

Какъ журналы и книги съ вывѣскою «Юморъ», «Смѣхъ», и пр. производятъ часто грустное впечатлѣніе, такъ наружная печаль, наоборотъ, имѣла бы у Гейне смѣшную свою сторону и тогда даже, еслибъ самъ поэтъ не догадался вѣнчать ее дурацкимъ колпакомъ: возставая этимъ не только противъ притворства вообще, но и противъ своего собственнаго прежняго безвкусія, Гейне заслуживаетъ признательность за то и за другое.

Но нельзя не сказать также, что эта невинная унылая миловидность имѣетъ, кромѣ смѣшной своей стороны, еще и опасную. Именно въ тѣхъ мѣстахъ поэзіи Гейне, гдѣ она кажется райскимъ міромъ, а поэтъ — аркадскимъ пастушкомъ, скрываются

---

[1]) О еслибъ я никогда не видалъ стрекозу, эту голубую кокетку, съ ея тонкой таліей — прекрасную фальшивую мерзавку.

[2]) Любезный другъ, что толку бренчать все одну и ту же пѣсню?

змѣи и ядъ, о которыхъ упомянуто и въ русскомъ переводѣ (стр. 44); и если тутъ же (стр. 55) сказано, что возлюбленная отравила его своими слезами, то надо быть на готовѣ противъ слезливой поэзіи Гейне, потому что она такъ же миловидна, какъ возлюбленная поэта, о которой онъ въ одной изъ пѣсенъ «Лирической интермедіи» отзывается вотъ какъ: «Скажи мнѣ, милая, не созданіе ли ты сна, что̀ творитъ фантазія поэта въ жаркіе лѣтніе дни. Но нѣтъ, такой прелестный ротикъ и волшебный блескъ очей, такого милаго ребенка никогда не создать поэту. Василисковъ и вампировъ, драконовъ и разныя подобныя злыя чудовища можетъ произвесть поэтическое воображеніе. Но тебя и твое лукавство, твое милое личико и твои фальшивые скромные взгляды, ихъ не создать поэту.»

Послѣ этого Гейне имѣетъ основательную причину совѣтовать не поддаваться ангельской миловидности:

Hüt' dich mein Freund, vor grimmen Teufelsfratzen,
Doch schlimmer sind die sanften Engelsfrätzchen,
Ein solches bot mir einst ein süsses Schmätzchen,
Doch wie ich kam, da fühlt' ich scharfe Tatzen. *

Точно такъ же и поэзія Гейне, которая въ органической своей цѣлости отличается этими же контрастами, опасна не съ той стороны, гдѣ она прямо показываетъ свои острые когти отрицанія, а съ той, гдѣ поэтъ является милымъ, невиннымъ ребенкомъ, предлагающимъ сладкій поцѣлуй любви, гдѣ поэзія Гейне имѣетъ такое сходство съ его возлюбленной, гдѣ она такая же кокетка, какъ и его возлюбленная. — Въ началѣ кокетство это, конечно, самое безвредное. Поэтъ блѣденъ и грустенъ для того только, чтобъ возбудить интересъ; у него нѣтъ никакой задней мысли, исключая той, что ему хочется нравиться. Но съ того времени какъ поэту ребячество это показалось смѣшнымъ — возникло опасное свойство Гейне. Осмѣивая свое ребячество (die blöde süsse Jugendeselei), поэтъ начинаетъ щеголять смѣхомъ своимъ точно такъ же, какъ онъ кокетничалъ своими слезами. Никто изъ романтиковъ до него не умѣлъ казаться такимъ невиннымъ ребенкомъ, вѣрующимъ въ эльфы и пр.,

* Берегись, мой другъ, сердитыхъ дьявольскихъ рожъ, но опаснѣе — кроткія ангельскія личики; такое личико разъ предложило мнѣ сладкій поцалуй, а только подошелъ — сейчасъ почувствовалъ острые когти.

какъ Гейне, но онъ пользовался искусствомъ своимъ не съ той цѣлью, чтобы удержать читателя въ этомъ обаяніи, а чтобы тѣмъ разительнѣе разочаровать его. Ему было бы такъ легко выдавать свои цвѣты, звѣзды, слёзы, вздохи, и пр. за истинные, но разница между Гейне и прежними поэтами въ томъ и состоитъ, что онъ не только не закрашиваетъ поддѣльное, а даже искреннія свои чувства приноситъ въ жертву смѣху. Самопожертвованіе — отличительнѣйшая черта Гейне, принадлежитъ, какъ онъ самъ выражается, къ самымъ утонченнымъ его наслажденіямъ. Собственно говоря, Гейне вооружается только противъ регулярности дрессированнаго искусства, противъ театральности поэзіи, но выводя на сцену всегда самого себя, прицѣливаясь не въ объектъ, а въ собственное сердце, поэтъ, съ одной стороны, тѣмъ вѣрнѣе пробилъ направленію своему дорогу въ литературѣ, съ другой—тѣмъ болѣе навлекъ всю отвѣтственность, всѣ порицанія на самого себя. Направленіе его знаменитой маперы состоитъ не въ воспроизведеніи поэтическаго содержанія, а въ уничтоженіи его. Рѣчь у него идетъ о любви не какъ о содержаніи поэзіи, а напротивъ, объ освобожденіи отъ любви и поэзіи. Онъ любитъ и груститъ, но боится казаться влюбленнымъ и грустнымъ. Съ одной стороны онъ, подобно поэтамъ вообще, владѣетъ способностью углубляться въ темный міръ души и выводить на свѣтъ его сокровища, съ другой — хочетъ сказать, что только безумецъ погружается по уши въ любовь, восторгъ, поэзію. Его внутренній человѣкъ въ праздничномъ состояніи восторга—пьянъ, въ будничномъ онъ не такъ нарядѣнъ, но зато отличается разумной трезвостью. Поэты и сочинители вымышляютъ, сочиняютъ или, попросту сказать, лгутъ. Гейне, какъ поэтъ, имѣетъ такое же право лгать и объясняться въ разныхъ высокихъ и глубокихъ чувствахъ; но тогда онъ, какъ уже сказано, не въ своемъ видѣ: онъ стыдится его, какъ только приходитъ въ трезвое, сознательное состояніе. Онъ пробуждаетъ чувство только съ тѣмъ, чтобы послѣ осмѣять его; не то совершается, чего ожидалъ читатель, а совершенно другое, противоположное; онъ плѣняетъ для того только, чтобы потомъ сказать: я пошутилъ. Гейне играетъ съ чувствами, какъ кошка съ мышью; выпуститъ ихъ, опять поймаетъ, нѣжнѣйшимъ образомъ поласкаетъ и—умертвитъ. Когда поэзія Гейне предла-

гаетъ сладкій поцалуй—тутъ же почувствуешь острые когти, и съ этой стороны она производитъ на читателя такое же впечатлѣніе, какое возлюбленная произвела на поэта. Она возбуждаетъ къ себѣ любовь, подобно кокеткамъ, отличающимся красотой и умомъ, которыя, одержавъ побѣду, нисколько не думаютъ раздѣлять чувства обожателя, а лишь посмѣиваются надъ нимъ.

Доказательствомъ тому, что поэзія Гейне — власть, отъ вліянія которой трудно отдѣлаться, служитъ то, что въ нее слишкомъ часто влюблялись; а мы, съ своей стороны, узнали, что невинному, миловидному, унылому пѣвцу любви поддаваться не слѣдуетъ. Впрочемъ, упомянутая манера Гейне не что иное какъ одна изъ формъ той самой идеи, которая проникаетъ всю его поэзію. Пѣвецъ любви и природы не подчиняется своимъ чувствамъ, своему восторгу потому, что боится уронить личное свое достоинство. Честь самосознательной личности ему дороже своего поэтическаго созданія. Этой чести онъ жертвуетъ всѣми чувствами, всѣми тайнами своего сердца, всею поэзіей. Не вѣрить, не подчиниться даже разумнѣйшему и прекраснѣйшему и все озарять свѣтомъ самосознанія — этимъ правомъ пользуется Гейне какъ въ качествѣ «романтика», такъ и въ качествѣ «отрицателя». Прямымъ отрицателемъ, напримѣръ, является поэтъ въ слѣдующемъ переводѣ г. Михайлова:

Съ толпой безумною не стану
Я пляску дикую плясать,
И золоченому болвану,
Поддавшись гнусному обману,
Не стану ладонъ воскурять.
Я не повѣрю рукожатьямъ
Мнѣ яму роющихъ друзей;
Я не отдамъ себя объятьямъ
Надменныхъ наглостью своей
Прелестницъ... Шумной вереницей
Пусть за побѣдной колесницей
Своихъ боговъ бѣжитъ народъ!
Мнѣ чуждо идолослуженье;
Толпа въ слѣпомъ своемъ стремленьѣ
Меня съ собой не увлечетъ!

Я знаю, рухнетъ дубъ могучій;
А надъ послушнымъ камышомъ
Безвредно пронесутся тучи,
И прогудитъ сердитый громъ...

Но лучше пасть, какъ дубъ въ ненастье,
Чѣмъ камышомъ остаться жить,
Чтобы потомъ считать за счастье —
Для франта тросточкой служить.

Это стихотвореніе, помѣщенное авторомъ нашимъ въ отдѣлѣ, названномъ имъ «Думы», принадлежитъ къ тѣмъ девяти сонетамъ, которыми оканчиваются «Юныя страданія». Въ немъ высказывается намѣреніе сбросить съ себя иго, не ладящее съ его характеромъ, — намѣреніе, которое онъ исполнилъ тогда, когда силы его созрѣли, когда онъ уже не говорилъ: я не стану воскурять ладонъ, не увлекусь слѣпымъ стремленіемъ толпы, не поклонюсь, не повѣрю, и проч., а когда онъ все это доказалъ на дѣлѣ.

При всемъ томъ, это стихотвореніе больше даетъ понятіе о Гейне, чѣмъ весь предыдущій отдѣлъ «Пѣсенъ», вмѣстѣ съ «Грёзами». Сожалѣть о поэтѣ, конечно, не изъ-чего: тутъ нѣтъ ни вздоховъ, ни слёзъ, ни гробовыхъ стенаній. Онъ здѣсь можетъ обойдтись безъ посторонней поддержки и бодро, смѣло идетъ по тернистой дорогѣ сатирика.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, стихотвореніе это служитъ блистательнѣйшимъ примѣромъ таланта переводчика. Онъ даже хорошо сдѣлалъ, что передалъ стихотвореніе не въ сонетѣ, а въ другой, болѣе сообразной съ мыслью поэта, формѣ. (Гейне послѣ самъ навсегда отказался отъ сонета.) Можетъ-быть даже самая форма содѣйствуетъ тому, что русскій переводъ превосходитъ подлинникъ, но и помимо этого переводчикъ, нисколько не отступая отъ того, чего хотѣлъ оригиналъ, выразился гораздо опредѣленнѣе, сильнѣе, изящнѣе молодаго Гейне *. Сравнивая

---

* Вотъ подлинникъ:

— Ich tanz' nicht mit, ich räuch're nicht den Klötzen,
Die aussen goldig sind, inwendig Sand;
Ich schlag' nicht ein, reicht mir ein Bub' die Hand,
Der heimlich mir den Namen will zerfetzen.

— Ich beug' mich nicht vor jenen hübschen Metzen,
Die schamlos prunken mit der eig'nen Schand';
Ich zieh' nicht mit, wenn sich der Pöbel spannt
Vor Siegeswagen seiner eitlen Götzen.

этотъ переводъ съ «Пѣснями», нельзя не замѣтить, что даровитый переводчикъ, наперекоръ автору предисловія, больше сочувствуетъ человѣку извѣстной партіи, чѣмъ пѣвцу любви и природы, нѣжность и грацію котораго (не говоря о слабыхъ вещицахъ Гейне) ему вовсе не удалось передать.

Остальныя три піэсы «Думъ», которыя, какъ и первая, переведены г. Михайловымъ въ первый разъ, также свидѣтельствуютъ о прекрасномъ талантѣ переводчика, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о томъ, какую сторону Гейне ему лучше удается воспроизвести. Вотъ, напримѣръ, одна небольшая «Дума»:

Брось свои иносказанья
И гипотезы пустыя!
На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ прямые!
Отчего подъ ношей крестной,
Весь въ крови, влачится правый?
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?
Кто виной? Иль силѣ Правды
На землѣ не все доступно?
Иль она играетъ нами?
Это подло и преступно!
Такъ мы спрашиваемъ жадно
Цѣлый вѣкъ, пока безмолвно
Не забьютъ намъ рта землею...
Да отвѣтъ ли это полно?

Гейне здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, является человѣкомъ извѣстной партіи, и сверхъ того поэтомъ, отличающимся другою любознательностью, чѣмъ тотъ невинный аркадскій пастушокъ, которому очень хотѣлось бы провѣдать, въ кого влюблена роза. А замѣчательнѣе и лучше всего то, что переводъ г. Михайлова (хотя онъ на этотъ разъ нѣсколько отстаетъ отъ подлинника) во всякомъ случаѣ превосходнѣе переводовъ тѣхъ піэсъ, съ точки зрѣнія которыхъ авторъ предисловія смотритъ на Гейне. То же самое можно сказать о переводѣ его «Аффронтенбургъ» (стр. 83). Именно такіе рѣшительные, рѣзкіе звуки переводчику нашему лучше удается передать, чѣмъ мягкіе,

— Ich weiss es wohl, die Eiche muss erliegen,
Derweil das Rohr am Bach, durch schwankes Biegen
In Wind und Wetter stehn bleibt nach wie vor.
— Doch sprich, wie weit bringt's wohl am End' solch Rohr?
Welch Glück? als ein Spazierstock dient's dem Stutzer,
Als Kleiderklopfer dient's dem Stiefelputzer.

нѣжные. Стóитъ только сличить въ «Романсахъ и балладахъ» *Рыцаря Олафа* (стр. 105 — 110) съ *Кевлярскою легендой* (стр. 120 — 226), чтобы въ этомъ убѣдиться. У Гейне то и другое принадлежитъ къ образцовымъ, художественнымъ произведеніямъ. Согласны они между собою въ томъ, что предметъ того и другаго — несчастная любовь, но они противорѣчатъ другъ другу тѣмъ, что Гейне въ первой поэмѣ является во всей чувственной и реалистической своей силѣ, во второй — во всей сладости сенситивной и идеальной души своей. У г. Михайлова первое стихотвореніе — отличнѣйшій переводъ всего собранія, второе — самая неудачная попытка переводчика передать Гейне съ нѣжной и милой его стороны, съ той стороны его, къ которой поэтъ по натурѣ, можетъ-быть, особенно былъ склоненъ, но противъ которой возставали умъ и воля его.* Можно сказать, что вся поэзія Гейне представляетъ собою процессъ борьбы его убѣжденій съ романтизмомъ души. Если перевѣсъ его силы на первой сторонѣ, то нельзя отказать ему и въ прелести другой. Острота и сладость его поэзіи взаимно освѣжали цѣлую эпоху. Въ этомъ соединеніи контрастовъ Гейне неподражаемъ, и едва ли одинъ какой бы ни было перевод-

---

* Кевлярская легенда, впрочемъ, до того противорѣчитъ убѣжденіямъ и логикѣ Гейне, что примѣчаніе, приложенное къ ней самимъ поэтомъ, вѣроятно всякому будетъ любопытно: «Сюжетъ этого стихотворенія не принадлежитъ собственно мнѣ. Оно обязано существованіемъ своимъ воспоминанію рейнской родины. Когда я былъ малымъ мальчикомъ и получалъ во францисканскомъ монастырѣ въ Дюссельдорфѣ первую дрессировку, учась впервые складывать и сидѣть смирно, мнѣ приходилось сидѣть рядомъ съ другимъ мальчикомъ, который мнѣ часто разказывалъ, какъ маменька брала его съ собою въ Кевляръ, какъ она тамъ принесла въ даръ за него ногу изъ воску и какъ отъ этого выздоровѣла его собственная больная нога. Съ этимъ же мальчикомъ я опять столкнулся въ высшемъ классѣ гимназіи, и когда мы сидѣли рядомъ въ философской коллегіи у ректора Шальмейера, онъ со смѣхомъ напоминалъ мнѣ свой старый разказъ о чудѣ, а все-таки серьёзно прибавилъ: теперь я принесъ бы въ даръ Мадоннѣ восковое сердце! Послѣ узналъ я, что онъ страдалъ тогда несчастной любовью, и долго я объ немъ ничего не слыхалъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ» (стихотвореніе съ этимъ къ нему примѣчаніемъ въ первый разъ напечатано было въ 1822 году), «когда я между Бонномъ и Годесбергомъ прогуливался на берегу Рейна, я слышалъ издали знакомыя кевлярскія пѣсни, изъ которыхъ лучшая оканчивается припѣвомъ: «Хвала тебѣ, Мадонна!» и когда процессія приблизилась, я замѣтилъ между пилигримами моего товарища, съ его старушкой-матерью; она вела его подъ руку, и цвѣтъ лица его былъ очень блѣденъ и болѣзненъ.»

чикъ въ состояніи овладѣть поэтомъ до такой степени, чтобы дать о немъ равносильное оригиналу понятіе. Но такъ какъ г. Михайловъ въ этой книгѣ доказалъ, что онъ владѣетъ способностью воспроизвести именно ту сильную, острую и свѣтлую сторону поэта, которая внесла въ поэзію новый элементъ, то отъ обѣщанныхъ имъ переводовъ навѣрное можно ожидать, что они познакомятъ русскую публику именно съ самой замѣчательной и оригинальной стороною Гейне.

А. фонъ-Видертъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПОКОЙНИКА.

—

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.»
Грибоѣдовъ.

I.

Въ первыхъ числахъ іюня 1854 года, я былъ выпущенъ въ офицеры и назначенъ на службу въ 10-ю легкую батарею 30-й артиллерійской бригады.

Батюшка мой, степной помѣщикъ, заблаговременно выслалъ мнѣ, при весьма нравоучительномъ письмѣ и благословеніи, нужное количество денегъ и одного изъ самыхъ расторопныхъ дворовыхъ людей своихъ, Ѳедора, для исправленія, при моей особѣ, должности дядьки, деньщика, повара, — словомъ, всего, что̀ понадобится.

Быстро прошли двѣ недѣли со дня моего производства въ офицеры. Также быстро исчезали и присланныя деньги. Прогоны и подорожная были выданы. Приходилось ѣхать. Въ одно прекрасное утро, по данному съ вечера приказанію, Ѳедоръ разбудилъ меня очень рано, уложилъ всѣ вещи, и мы отправились на желѣзную дорогу. Цѣлое общество родственниковъ провожало меня до Москвы.

Какъ непривычно заныло сердце, когда, на другой день пріѣзда въ Москву, я впервые сѣлъ на перекладную и впервые понесся по звонкому шоссе! Сколько различныхъ думъ, полугрустныхъ, полувеселыхъ, смѣняли одна другую!.. Сколько честолюбивыхъ картинъ рисовало мое юное воображеніе! И всякій разъ кончалось тѣмъ, что ни съ того, ни съ сего, какая-то грусть начинала давить грудь, захватывала дыханье; слёзы, казалось, такъ и хлынутъ... Вдругъ проскачетъ навстрѣчу трой-

ка, или ямщикъ мой весело крикнетъ: «ой вы, соколики!» — телѣга покатится быстрѣе, и всѣ грустныя мысли разсѣятся.

Мало-по-малу я началъ свыкаться съ этою жизнью на телѣгѣ. Всѣ города, черезъ которые приходилось проѣзжать, стали похожи одинъ на другой. Новаго ничего не попадалось: ямщики, телѣги, лошади, все казалось какъ-будто то же, что̀ и на прошлой станціи. Привычка эта сдѣлалась наконецъ до того сильна, что когда я переходилъ по пловучему мосту черезъ Дунай и видѣлъ въ нѣсколькихъ саженяхъ десятка два-три неправильно разбросанныхъ палатокъ, среди которыхъ должна была начаться моя новая жизнь, мнѣ какъ-то не вѣрилось, что завтра я уже не буду подъѣзжать къ почтовымъ станціямъ, не буду слышать однообразнаго звука колокольчика и дремать подъ безпрерывные толчки нашего незатѣйливаго русскаго почтоваго экипажа. Я началъ вѣрить въ окончаніе странствованія только ожидая, у входа въ шалашъ батарейнаго командира, отправившагося съ докладомъ обо мнѣ писаря и глядя издали на возвращавшуюся по мосту почтовую телѣгу. Ямщикъ сидѣлъ уже на моемъ мѣстѣ, а лошаденки дружно постукивали по несколоченнымъ доскамъ.

Меня скоро ввели въ шалашъ. На одномъ концѣ складнаго походнаго стола сидѣлъ полный мущина лѣтъ 45-ти, съ совершенно круглымъ, полнымъ, лоснящимся лицомъ и съ маленькими усами, обстриженными вровень въ верхнею губой. На немъ надѣта была солдатская шинель, а на головѣ красная вышитая ермолка. По обѣ стороны отъ него сидѣли два офицера среднихъ лѣтъ, съ большими усами, а далѣе еще трое, вовсе безъ усовъ.

Я догадался, что господинъ въ ермолкѣ долженъ быть командиръ.

И точно, только что я вошелъ, ермолка встала и пошла мнѣ навстрѣчу.

— Г-нъ подполковникъ, честь имѣю явиться, — прапорщикъ N***, назначенный на службу въ 10-ю легкую батарею, проговорилъ я тѣмъ неизмѣннымъ тономъ, который принимаетъ каждый военный, являясь къ начальству.

— Весьма пріятно. Изъ какого вы корпуса?

Я отвѣтилъ.

За тѣмъ, Ѳеофанъ Петровичъ Ловицкій (такъ звали командира) предложилъ мнѣ пообѣдать, но я едва успѣлъ приняться за ѣду, какъ посыпались со всѣхъ сторонъ самые разнообразные вопросы. Что̀ говорятъ въ Петербургѣ? Что̀ думаютъ въ Кишиневѣ (тогдашней главной квартирѣ?) Что̀ дѣлаютъ въ Россіи? Казалось, что этотъ кружекъ людей былъ отрѣзанъ отъ всего живаго, что ни одно печатное или писанное слово не проникало къ нимъ.

Я отвѣчалъ на все, что̀ и какъ зналъ. Многаго сообщить я не могъ: въ Петербургѣ тогда не говорили,—почему, не знаю; въ Кишиневѣ не думали, по совершенному отсутствію привычки, утруждать свои умственныя способности и вслѣдствіе вкоренившагося во всѣхъ убѣжденія, что кругомъ дѣлалось всегда то, о чемъ никому бы и въ голову не могло придти, а въ Россіи, на всемъ громадномъ ея протяженіи, народъ ходилъ понуря голову, въ ожиданіи новыхъ рекрутскихъ наборовъ, повинностей и другихъ неизбѣжныхъ послѣдствій войны.

По окончаніи обѣда, офицеры отправились со мною на коновязь, показали всѣхъ лошадей, поспорили между собой о томъ когда и кѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ были куплены, потолковали еще о разныхъ вещахъ, ни сколько не менѣе для меня интересныхъ, и я былъ радъ-радёхонекъ, что Ѳедоръ успѣлъ уже приготовить палатку и тѣмъ далъ мнѣ возможность отдохнуть.

Прошло нѣсколько дней. Я сталъ сближаться съ офицерами, знакомиться съ солдатами, ходилъ ежедневно обѣдать къ командиру, — словомъ, начиналъ втягиваться въ эту жизнь. Офицеры дали мнѣ скоро довольно точное понятіе о личности Ѳеофана Петровича, и, говоря о немъ, высказывались, разумѣется, сами. Но отношенія ихъ къ командиру оставались для меня долго непонятными: они за глаза ругали его и продолжали быть съ нимъ въ пріязни, ходили обѣдать къ нему; знали всѣ гадости, которыя онъ дѣлалъ, и покойно смотрѣли на нихъ, продолжая служить съ нимъ и безпрекословно исполнять его приказанія, каковы бы они ни были. Неужели, думалъ я, ни въ одномъ изъ этихъ офицеровъ нѣтъ достаточно благородства, чтобы возстать противъ Ловицкаго, разбудить остальныхъ отъ овладѣвшей ими апатіи и вынудить его оставить батарею: вѣдь

мы же, бывало, въ корпусѣ выживали офицера, если онъ былъ дуренъ! Я думалъ такъ, и передо мной рисовалась самыми черными красками перспектива будущей моей жизни въ этомъ кружкѣ.

Однажды случилось мнѣ говорить объ этихъ отношеніяхъ съ штабсъ-капитаномъ, старшимъ офицеромъ нашей батареи, пользовавшимся репутаціею опытнаго и серьёзнаго служаки.

— Неужели все, что̀ разказываютъ о Ловицкомъ, правда? спросилъ я, не желая поставить вопросъ болѣе рѣзко.

— Гмъ!.. разумѣется правда, отвѣчалъ серьёзный офицеръ,— потому что сочинять на порядочнаго командира никто не станетъ. А васъ можетъ-быть удивляетъ: какъ мы служимъ у него? Такъ вотъ, какъ вы сами побольше послужите, увидите, что нельзя не служить. Знаете, по моему, это доказываетъ только, что здѣсь все порядочные офицеры... Еслибъ мы были народъ безсовѣстный, такъ давно бы перебрались въ другую батарею, а на мѣсто насъ прислали бы другихъ офицеровъ. У насъ всѣ служащіе въ одной бригадѣ — товарищи, такъ этого дѣлать не слѣдуетъ. Куда назначили, тамъ и служи... Хорошъ командиръ — хорошо, скверный — ну такъ чтожь дѣлать... Вы напрасно удивляетесь этому. Скорѣй бы вы спросили, какъ же всѣ ругаютъ командира, а ходятъ къ нему обѣдать, да кланяются съ нимъ. Такъ я бы и на это отвѣтилъ вамъ тоже, что иначе быть не можетъ. Если вы не будете ходить къ нему обѣдать, такъ, вопервыхъ, вы умрете съ голоду, потому что здѣсь нашему брату нѣтъ средствъ ни достать провизіи, ни возиться съ хозяйствомъ; а вовторыхъ, у насъ уже такъ принято, что если батарейный командиръ держитъ столъ для офицеровъ, то не пользоваться имъ считается для него обидой, а за обиду такой господинъ, какъ Ѳеофанъ Петровичъ, можетъ жестоко поднести вамъ по службѣ. Ну, у хорошаго командира дѣйствительно случается, что иногда офицеры недовольны чѣмъ-нибудь и согласятся не ходить обѣдать къ нему... Пройдетъ дня два, — смотришь, онъ самъ идетъ просить извиненія у офицеровъ: и все дѣло уладится. А у нашего попробуйте-ка! Онъ очень радъ будетъ, что уменьшатся расходы на хозяйство, а за обиду все-таки отмститъ, да пожалуй такъ, что вѣкъ не забудешь. Повѣрьте, батюшка, что на службѣ частенько прихо-

дится всѣ рыцарскія мысли и всякое самолюбіе укладывать въ карманъ и жить, какъ живутъ всѣ грѣшные. А не то, выходи въ отставку, и ступай жить въ деревню, коли она есть.

Мнѣ становилось досадно слушать штабсъ-капитана, а впослѣдствіи оказалось, что онъ во многомъ былъ правъ.

Ловицкій.

Ѳеофанъ Петровичъ произведенъ былъ въ офицеры въ тридцатыхъ годахъ, изъ воспитанниковъ какого-то кадетскаго корпуса. Какъ всѣ люди съ врожденной способностью идти, не стѣсняясь выборомъ дороги, твердою ногой къ предположенной однажды цѣли, онъ успѣлъ въ короткое время — насколько то было возможно — вполнѣ обезпечить свою служебную карьеру: начальство питало къ нему полное расположеніе. Правда, товарищи терпѣть не могли Ловицкаго, — да какое ему было до нихъ дѣло!

Въ полтора года службы подъ начальствомъ этого господина, я не могъ надивиться его способностямъ *обдѣлывать дѣлишки*. — Благоразумный человѣкъ изъ всего можетъ извлечь пользу, говаривалъ онъ въ минуты увлеченія, — надо только умѣть *примѣниться къ мѣстности*. — И едва ли кто-нибудь умѣлъ примѣняться къ ней лучше Ѳеофана Петровича. Замѣчательнѣе всего, что не будучи человѣкомъ особенно умнымъ и хитрымъ, слѣдовательно предусмотрительнымъ, онъ частенько, при малѣйшей перемѣнѣ обстоятельствъ, попадался въ просакъ, и что наглая способность не стѣсняться выборомъ средствъ для достиженія цѣли всегда выручала его.

Малѣйшая перемѣна обстановки сначала необыкновенно сильно дѣйствовала на него, но черезъ нѣсколько дней онъ совершенно успокоивался. Тогда можно было поручиться, что вся выгода, представлявшаяся изъ этой перемѣны, уже извлечена, или что Ѳеофанъ Петровичъ, по крайней мѣрѣ, ясно видитъ ее; а для него видѣть и осязать было одно и то же. Гдѣ бы батарею ни поставили и какъ бы другіе командиры ни были недовольны стоянкою, перемѣнять ее на новую приводило Ѳеофана Петровича въ отчаяніе; не знавшіе его коротко могли бы въ эти минуты опасаться за его жизнь. Проходило два-три дня, мно-

го недѣля, и вы невольно убѣждались, что Ѳеофану Петровичу опять очень недурно. Правда, онъ продолжалъ роптать, — это было его нормальное состояніе, но уже не тѣмъ тономъ, которымъ онъ встрѣчалъ вѣсть о какой-нибудь перемѣнѣ,—чуть не тономъ человѣка погибающаго и не видящаго никакого спасенія, а роптал точно такъ же, какъ роптал проигрывая въ карты или даже просто не выигрывая, какъ роптал на несчастье по службѣ или вообще на плохія обстоятельства. Способность *примѣняться къ мѣстности* одинако выручала его; мѣнялась ли стоянка батареи, назначался ли новый начальникъ, приходилось ли переходить съ мирнаго положенія на военное или наоборотъ, результатъ былъ одинъ: какая-нибудь выгода да представлялась.

На второй годъ службы Ѳеофана Петровича, его начальникомъ дивизіи назначенъ былъ генералъ Крутовъ, человѣкъ добрый, довѣрчивый и набожный до ханжества. Юноша тотчасъ же замѣтилъ дорожку, по которой слѣдовало идти, и немедленно принялся за дѣло. Не проходило ни одного маленькаго праздника, чтобъ онъ не былъ въ церкви, и всякій разъ, разумѣется, встрѣчался съ Крутовымъ. Этого было достаточно, чтобы понравиться ему: черезъ нѣсколько времени Ловицкій былъ назначенъ къ нему адъютантомъ. Тутъ на него посыпались всѣ блага нашей службы. Не проходило году, чтобъ онъ не получалъ награды. Дивизіи пришлось стоять въ Курской губерніи. Крутовъ выхлопоталъ, чтобы дивизіонный штабъ поставили къ нему въ имѣнье, и Ѳеофанъ Петровичъ сдѣлался тогда всѣмъ: и управляющимъ, и ключницей, и другомъ старика.

Ближайшій сосѣдъ Крутова, его другъ и сотоварищъ по прежней гвардейской службѣ, былъ нѣкто помѣщикъ Хвостинъ, богатый человѣкъ лѣтъ 60-ти и набожный, едва ли не болѣе самого Крутова. Года за три до прихода дивизіи умерла у него жена, отъ которой остались два сына; оба были въ корпусѣ. Тогда онъ выписалъ къ себѣ, подъ видомъ воспитанницы, воспитывавшуюся, кажется, въ Москвѣ, у какой-то родственницы, незаконную свою дочь. Ей было лѣтъ 18. Офицеры начали приволакиваться: она была недурна собой, да притомъ у отца было душъ 800, нигдѣ не заложенныхъ. Народъ былъ

все холостой. Начали частенько ѣздить къ нему, и кончилось тѣмъ, что старикъ пересталъ принимать гостей. Ловицкій же продолжалъ ѣздить туда съ генераломъ и до того сошелся съ старикомъ, что когда онъ, бывало, пріѣдетъ въ деревню, гдѣ расположенъ былъ штабъ, чтобъ повидаться съ Крутовымъ, непремѣнно зайдетъ и къ Ловицкому, который только что узнаетъ о пріѣздѣ сосѣда, давай молиться и класть земные поклоны. Хвостинъ войдетъ, увидитъ это,—у него и руки опустятся отъ радости: молодой, дескать, человѣкъ — и такой набожный.

Произвели Ѳеофана Петровича въ капитаны. Крутовъ началъ хлопотать какъ бы женить его и уговорилъ своего пріятеля выдать за него дочь. Дѣло скоро уладилось: старикъ далъ Ловицкому дочь и 300 душъ въ сосѣднемъ уѣздѣ.

Тутъ Ѳошенька (такъ звала Ѳеофана Петровича его невѣста) увидѣлъ, что адъютантомъ оставаться больше не разсчетъ, потому что въ чинѣ капитана надо было хлопотать, какъ бы получить батарею, а адъютантамъ, какъ и теперь, не такъ-то легко давали ее. Онъ подалъ переводъ во фронтъ.

Прошло года два. Крутова назначили сенаторомъ въ Москву, а дивизія по прежнему оставалась въ Курской губерніи. Ловицкій ладилъ съ Хвостинымъ какъ нельзя лучше. Имѣнье жены онъ устроилъ отлично: подѣлалъ тамъ фабрики, завелъ конный заводъ, ну, словомъ, любо! Тутъ началъ онъ уговаривать старика заложить остававшіяся у него 500 душъ.—Какъ можно, говорилъ, оставлять имѣнье не заложеннымъ, — это мертвый капиталъ. Посмотрите какъ у жены идетъ отлично хозяйство, оттого что послушалась меня, заложила имѣнье, а деньги пустила въ оборотъ.—Старикъ помялся, помялся и согласился. Самъ онъ ѣхать не могъ, потому что началъ часто болѣть, такъ ужь просилъ поѣхать зятя; а зятю только того и нужно было. Далъ старикъ довѣренность, а Ѳошенька все не ѣдетъ: то нельзя, говоритъ, отпускъ взять, то жена больна, то самъ нездоровъ. Наконецъ старикъ серьёзно заболѣлъ, потерялъ память, и доктора рѣшили, что онъ не проживетъ и недѣли. Ѳошенька сейчасъ на перекладную, и въ Питеръ. Получилъ деньги, пріѣхалъ назадъ, — а старикъ на столѣ. На другой день его похоронили, а объ деньгахъ не было ни слуху, ни

духу. Сыновья были въ корпусѣ, хлопотать было нѐкому; Ѳошенька же только и дѣлалъ, что жаловался всѣмъ и каждому, что покойникъ умеръ безъ завѣщанія, что отъ этого его Сашенька лишилась наслѣдства, что у старика были деньги, и что онъ неоднократно обѣщалъ раздѣлить ихъ между сыновьями и ею.

Александра Сергѣевна не могла имѣть на мужа никакого вліянія. Какъ существо неразвитое и до крайности безстрастное, она безсознательно подчинялась средѣ, въ которую бросала ее судьба. Живя въ Москвѣ, она рядилась, выѣзжала въ свѣтъ; переѣхавъ въ деревню, къ отцу, сдѣлалась необыкновенно набожною, и цѣлые дни проводила съ нимъ по церквямъ; а вышедши замужъ, попробовала было съ полгода увѣрять себя въ любви къ мужу, но потомъ облѣнилась, обрюзгла, стала рожать ежегодно дѣтей и быстро обратилась въ одну изъ тѣхъ женщинъ, какихъ на Руси такъ много и при видѣ которыхъ невольно овладѣваетъ вами какая-то тяжелая грусть. Лично я зналъ, впрочемъ, эту женщину очень мало.

Съ назначеніемъ Ѳеофана Петровича командиромъ батареи, открылось для дѣятельности его еще болѣе обширное поприще. Частенько, въ часы досуга, принимались офицеры разказывать мнѣ его выходки, и всякій разъ, точно не будучи въ состояніи пересказать всего что̀ знали, останавливались, говоря: «Да что много разказывать!... Сами увидите, какъ побольше послужите.» Дѣйствительно я увидѣлъ, и увидѣлъ такія вещи, въ возможность существованія которыхъ съ трудомъ вѣрило мое юное воображеніе.

II.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, всѣ офицеры собрались пить чай на барбетѣ одной изъ амбразуръ укрѣпленія, въ которомъ была расположена наша батарея. Я сидѣлъ у самой амбразуры. Наружное ея отверстіе выходило въ лощинку, образовавшуюся въ волнистомъ, незамѣтно понижавшемся берегѣ Дуная, который, сбросивъ золотистый отблескъ знойнаго дня, торопливо вился все темнѣвшей и темнѣвшей пышною лентой. За рѣкой виднѣлся бывшій русскій ея берегъ, плоскій, песчаный и голый,

такъ что глазу не на чемъ остановиться. Я невольно заглядѣлся на эту скучную гладь. Мысли мои стали уноситься все далѣе и далѣе. Я видѣлъ себя снова въ Петербургѣ, въ кругу родныхъ; въ корпусѣ, въ кругу товарищей. Вспомнилъ какъ радостно прыгала моя маленькая сестра, когда увидѣла меня въ первый разъ въ эполетахъ, и какъ потомъ плакала и сердилась на нихъ, когда мнѣ пришлось ѣхать. Вспомнилъ нашу степную деревню, нашего отца, этого добраго, заботливаго, сѣдаго старика... Мнѣ стоило только шевельнуть вѣками, и двѣ слезы, давно уже дрожавшія на нихъ, покатились бы по щекамъ.

Вдругъ послышался издали чей-то голосъ и, вслѣдъ за тѣмъ, въ нѣсколькихъ шагахъ показался нашъ отецъ-командиръ въ фуражкѣ, насквозь пропитанной какимъ-то саломъ, и въ солдатской шинели, изъ-подъ завороченныхъ обшлаговъ которой выглядывали грязные рукава рубахи.

— Александръ Ивановичъ! обратился онъ къ одному изъ моихъ сослуживцевъ, поручику Гримину, тономъ человѣка чѣмъ-то крайне разсерженнаго, — я васъ попрошу заняться завтра экзекуціей: нынѣшній разъ, кажется, ваша очередь. * Представьте себѣ, какіе мерзавцы эти солдаты! Имъ теперь дѣлать рѣшительно нечего, я и условился, что буду посылать тѣхъ, которые не заняты службой, косить сѣно, разумѣется, платя имъ за работу... Но вотъ уже третій день, какъ они начали заболѣвать: все лихорадка, да лихорадка, да 23 человѣка и скажись больными. Я попросилъ полковаго доктора освидѣтельствовать ихъ и отправить трудныхъ въ бригадный лазаретъ. Что же вы думаете?.. Одинъ только боленъ, остальные всѣ, канальи, здоровехоньки: имъ просто лѣнь. А Ященко да Алексѣевъ обругали еще фельдфебеля. Ихъ бы всѣхъ слѣдовало перепороть, но на первый разъ, такъ и быть, спущу. Этимъ же двумъ — ни за что! А я было еще хотѣлъ назначить Ященку ефрейторомъ. Хорошъ!.. Только прошу не щадить: вы всегда ужасно снисходительны...

Назначеніе это было, повидимому, поручику очень непріятно, но онъ выслушалъ молча, поклонился и сѣлъ на прежнее мѣсто.

* Не лишнимъ считаю замѣтить, что у насъ соблюдалась между офицерами очередь во всемъ: въ дежурствахъ, въ командировкахъ, въ представленіяхъ къ наградамъ и въ исполненіи всѣхъ приговоровъ надъ солдатами.

— Сашенька очень нездорова, продолжалъ Ѳеофанъ Петровичъ, нѣсколько успокоившись и обращаясь уже ко всему обществу. — Сегодня привезли письмо. Я было написалъ, чтобъ она пріѣзжала въ Кишиневъ; думалъ, если Богъ дастъ вернемся за Дунай, можно будетъ вмѣстѣ жить, а теперь не знаю какъ она выѣдетъ.

— Чѣмъ же *онъ* больны? спросилъ штабсъ-капитанъ.

— Да не пишетъ; говоритъ только, что послала за докторомъ въ Курскъ. Знаете, какая она слабенькая... Вѣрно не побереглась, какъ-нибудь простудилась. Я и то писалъ ей, чтобы не смѣла долго сидѣть въ саду: теперь въ Россіи по вечерамъ ужь холодно. Да вѣдь женщины и словъ не слушаютъ, гдѣ же письму-то помочь. Признаться, и лѣньтяевъ-то этихъ я простилъ только изъ-за Сашеньки: думаю, авось Богъ дастъ, ей будетъ легче... Но дайте только вернуться въ Россію, я ихъ приберу къ рукамъ!.. Имъ же вѣдь лучше, если сѣно теперь приготовятъ, — придутъ на зимнія квартиры на готовое, а другія батареи будутъ рыскать, да искать. Нѣтъ вѣдь, негодяи, — лѣнь! Къ тому же, за лѣто, лошади такъ перепали, что страшно смотрѣть; надо поправить хоть этимъ сѣномъ.

— Ну, а что̀ ваши кони? обратился онъ ко мнѣ. — Дорогонько, батюшка, изволили заплатить. А все оттого, что, молодые люди, на себя много надѣетесь. Что̀бы спросить у кого-нибудь совѣта? Такъ нѣтъ... все сами.

Надо замѣтить, что я успѣлъ, въ первый же мѣсяцъ по пріѣздѣ въ батарею, заслужить нерасположеніе Ѳеофана Петровича тѣмъ, что купилъ лошадей не у него, а на базарѣ, въ ближайшемъ отъ нашей стоянки турецкомъ городишкѣ. Офицеры предупредили меня, что этимъ путемъ я пріобрѣту хорошихъ лошадей за дешевую цѣну. Ѳеофанъ же Петровичъ продавалъ только дрянь, да и ту въ три-дорога. За это экономическое распоряженіе онъ очень серьёзно дулся на меня цѣлую недѣлю.

— А развѣ вы находите, что лошади не годятся? спросилъ я.

— Нѣтъ, лошади хороши, только дороги... Да теперь намъ, командирамъ, все равно, на чемъ офицеры ни выѣзжай: это не мирное время.

Разговоръ перешелъ къ повысившейся цѣнѣ на лошадей, къ партіи преферанса, которая составилась наканунѣ у бригаднаго

командира, потомъ рѣчь зашла еще о чемъ-то, но была прервана пришедшими съ рапортами: фельдфебелемъ, дежурными и прочими батарейными властями. Выслушавъ ихъ, Ѳеофанъ Петровичъ отправился сводить счеты съ фуражиромъ и артельщикомъ, а мы подозвали къ себѣ фельдфебеля и начали распрашивать его о томъ, что̀ случилось въ батареѣ.

— Да что, ваше благородіе, отвѣчалъ онъ: — просто измучился, мочи нѣту. Никакъ не сообразишь что̀ и дѣлать. Полковникъ приказали, чтобы непремѣнно 50 человѣкъ кажинный день ходили косить, а людей, хоть плачь, нѣту. Больныхъ, сами изволите знать, въ брихатномъ лазаретѣ человѣкъ 25... Теперь дежурный звотъ — безъ эвтого уже нельзя: строго на строго приказано. Опять же за Дунай въѣхали за фуражемъ, да за провіантомъ; 30 человѣкъ уголь жгутъ кажинный день, да лѣсъ рубятъ въ горахъ. А тутъ еще 23 человѣка заслабли. Полковникъ просили лѣкаря, изъ пѣхотныхъ, освидѣтельствовать ихъ. Тотъ пришелъ, посмотрѣлъ, да одного только и велѣлъ въ лазаретъ отправить. Прочіе, говоритъ, не трудны. Ну, полковникъ, извѣстно дѣло, и осерчали: стали кричать. Да такъ бы и кончилось все. А то, словно на грѣхъ, только они отошли, Алексѣевъ и Ященко подскочили ко мнѣ, да и давай ругаться. Ты, говорятъ, такой-сякой, кляузничаешь командиру: все, значитъ, полагаютъ, что я причиной. Полковникъ услыхали и пуще сбѣсились. Вотъ изъ-за чего все и вышло-то... Оно, признаться, ваше благородіе, и солдатъ-то много винить нельзя: жара одолѣваетъ; просто невозможно работать... Опять же имъ сказано, что за работу будутъ платить, а намѣсто того, сколько времени прошло, гроша не видали... Просто, не знаешь что̀ дѣлать: и солдатъ-то жаль, и начальство нельзя ослушаться. Я много разъ ужь хотѣлъ просить, чтобъ смѣнили меня, да все становился. Думаю, по крайности, иной разъ все-таки заступишься за солдата, сбережешь ему спину-то, а другаго на мое мѣсто назначутъ, пожалуй еще самъ ихъ дуть станетъ... Вонъ отъ Носкина и до сей поры половина батареи зубовъ не досчитывается.

— Finissez, messieurs; il ne faut jamais être si familier avec le soldat, сказалъ штабсъ-капитанъ ломанымъ французскимъ языкомъ. Офицеры ни слова не возразили на это милое замѣ-

чаніе, боясь повредить фельдфебелю, но штабсъ-капитанъ, кажется, скоро почувствовалъ, что сдѣлалъ глупость.

Ночь была дивная. Тишина ея нарушалась только отдаленнымъ фырканьемъ лошадей, да изрѣдка стукомъ колесъ ѣдущей по мосту телѣги. Вдали, едва-едва мерцая, виднѣлся огонёкъ въ кордонѣ, на русскомъ берегу. Долго и безсознательно смотрѣлъ я на этотъ огонёкъ: мысли мои были заняты этими солдатами.....

Опять приходится сдѣлать маленькое отступленіе.

Александръ Ивановичъ Гриминъ.

Странно, что судьба или случай — называйте какъ хотите — всегда торопятся разлучить насъ съ людьми, къ которымъ мы начинаемъ привязываться. Я, впрочемъ, можетъ-быть не правъ, говоря «насъ» — не знаю; но со мной этотъ случай или эта судьба всегда такъ распоряжались. Въ первое время пребыванія въ батареѣ, мнѣ удалось близко сойдтись съ однимъ изъ сослуживцевъ моихъ — Александромъ Ивановичемъ Гриминымъ, тѣмъ самымъ, которому Ѳеофанъ Петровичъ поручилъ исполненіе справедливаго приговора. Время и обстоятельства еще болѣе подружили насъ, но едва прошелъ годъ, намъ пришлось разстаться — и разстаться навсегда.

Александръ Ивановичъ былъ одна изъ тѣхъ личностей, къ которымъ, съ первыхъ же свиданій, чувствуешь необыкновенную симпатію, которую время только увеличиваетъ. Ничего въ немъ не поражало: все было покойно, естественно, но каждое движеніе, каждый звукъ голоса, — не говоря уже о поступкахъ, — обличали человѣка добраго, прямаго и безукоризненно честнаго, и обличали не смотря на то, что крайняя его сосредоточенность въ самомъ себѣ могла быть принята съ перваго взгляда за холодность, и что лицо еще было почти безобразно.

Лѣтъ за восемь до нашего знакомства, Александръ Ивановичъ служилъ юнкеромъ въ этой же батареѣ. Однажды на корпусномъ ученьи, въ торопяхъ, онъ понесъ зарядъ мимо стрѣлявшаго въ эту минуту орудія не въ сумѣ, какъ это указывается уставомъ, а просто въ рукахъ. Проходя сквозь густое облако дыму, онъ не замѣтилъ, какъ на зарядъ упалъ кусокъ обуглив-

шейся скорострѣльной трубки. Зарядъ вспыхнулъ у него въ рукахъ и значительно обжогъ ему лицо. Александру Ивановичу пришлось, разумѣется, выслушать длинную натацію разныхъ властей за неисполненіе правилъ устава и отправиться въ госпиталь. Послѣ долгаго лѣченья онъ совершенно выздоровѣлъ, но случайный фейерверкъ оставилъ по себѣ глубокую память: усы, брови и рѣсницы исчезли навсегда, и на всемъ лицѣ остались слѣды зажившихъ обжоговъ.

Отношенія наши въ первое время моей службы въ батареѣ были какъ-то неестественны, недовѣрчивы: я былъ очень молодъ, и это, казалось, удерживало Александра Ивановича отъ большаго со мною сближенія. Но дивизіонъ его, въ которомъ я командовалъ взводомъ, командированъ былъ скоро, въ прикрытіи баталіона В* полка, въ турецкую деревушку, верстъ за двацать отъ нашей стоянки. Полтора мѣсяца, проведенные въ одной саклѣ, въ теченіе которыхъ мы не видали никого, кромѣ нѣсколькихъ пѣхотныхъ офицеровъ (да и съ тѣми сходились очень рѣдко), — эти полтора мѣсяца сблизили насъ, окончательно подружили, и однажды, вечеромъ, за стаканомъ плохаго молдаванскаго вина, Гриминъ разказалъ мнѣ эпизодъ изъ своей жизни, имѣвшій, повидимому, самое рѣшительное вліяніе на развитіе его характера.

«Я былъ молодъ, началъ онъ, — только что произведенъ въ офицеры... Грустно, право, вспоминать это время... Батарея наша стояла въ Рославлѣ, Смоленской губерніи. Мнѣ пришлось квартировать въ домѣ тамошней мѣщанки Авдотьи Яковлевой... Старуха хозяйка, вдова, страдавшая уже нѣсколько лѣтъ какою-то глазною болѣзнью, жила продажею носковъ, которые вязала по цѣлымъ днямъ, сидя гдѣ-нибудь въ темномъ углу, да доходомъ съ половины развалившагося домишка, отдаваемой въ наймы какому-то жиду-торгашу. Въ другой половинѣ она жила сама. Мнѣ отвели лучшую изъ трехъ ея комнатъ... Жилъ я тихо, покойно, и черезъ нѣсколько времени старуха, принявшая меня сначала очень недружелюбно, казалось, успокоилась... Вся семья ея состояла изъ дочери, Аннушки, дѣвушки лѣтъ 22-хъ, стройной, ловкой и необыкновенно красивой собой... Всѣ офицеры мнѣ завидовали. — Экой счастливецъ этотъ Гриминъ! говорили они, — ему вѣчно доста-

нется квартира съ хорошенькой хозяйкой... Я можетъ-быть и не обратилъ бы вниманія на Аннушку, тѣмъ болѣе, что почти никогда не встрѣчался съ нею: она вѣчно возилась съ матерью, которая наконецъ совсѣмъ ослѣпла. Ну, а тутъ какъ начали меня подзадоривать, я и давай въ самомъ дѣлѣ за нею волочиться... Она долго не обращала на меня вниманія. Это бѣсило меня, затрогивало мое самолюбіе, и я сдѣлался еще настойчивѣй.

«Прошло съ полгода... Аннушка стала привязываться ко мнѣ... Женщинѣ, знаете, часто очень трудно отличить въ человѣкѣ, который за ней ухаживаетъ, истинную любовь къ ней отъ сильной любви къ самому себѣ... Я самъ часто не могъ понять, какое чувство возбуждала во мнѣ Аннушка. Иной разъ унесешься мыслями Богъ знаетъ куда, думаешь: я не обращу вниманія на говоръ надутой и чванной толпы, женюсь на Аннушкѣ и силою заставлю признать за ней права мои въ обществѣ. Я люблю ее, да, страстно люблю! И въ эти минуты, кажется, я дѣйствительно любилъ ее... А иной разъ, выведенный изъ терпѣнія ея равнодушіемъ, выдумываешь по цѣлымъ днямъ средство, какъ бы вынудить ее просто отдаться. — Ну, да ладно: такъ или иначе, а будешь ты моею! — скажешь и пойдешь увѣрять ее, по прежнему, въ страстной любви. Она же, начавъ привязываться ко мнѣ, стала охотнѣе вѣрить моимъ словамъ.

«Однажды, поздно вечеромъ, сидѣли мы на крыльцѣ нашего дома, выходившемъ въ маленькій садикъ. Сидѣли мы долго. Я безпрестанно обнималъ и цѣловалъ Аннушку; кровь моя сильно волновалась, и усталый, въ полузабытьи, я опустилъ голову на ея плечо.

«— Голубчикъ! Александръ Ивановичъ! говорила она, — не ласкайте меня Бога ради: я не стóю васъ. Когда узнаете меня хорошенько, вы не станете любить. — Чтò она говорила потомъ и чтò отвѣчалъ я ей, не помню. Помню только, какъ заливаясь слезами, она призналась мнѣ наконецъ, что 16-ти лѣтъ была уже въ связи съ какимъ-то гусарскимъ офицеромъ. Едва она высказала это, какъ я увидѣлъ и готовность ея отдаться мнѣ, и возможность впослѣдствіи бросить ее, не дѣлая себѣ ни малѣйшаго упрека... Вотъ, батюшка, какъ я понималъ тогда вещи!»

Тщетно старался Александръ Ивановичъ, съ самаго начала разказа, сдерживать свое волненіе, оно обнаруживалось во

всемъ: и въ дрожавшемъ голосѣ, и во влажныхъ глазахъ, окаймленныхъ темно-красными вѣками, и въ безпрерывныхъ судорожныхъ подергиваніяхъ губъ. Съ минуту мы оба молчали; Александръ Ивановичъ выпилъ залпомъ стаканъ вина, которое, казалось, нѣсколько облегчило его, и продолжалъ разказъ.

«Вы догадываетесь, какъ кончился этотъ вечеръ... Недѣли три я безвыходно сидѣлъ дома. Мнѣ не хотѣлось разстаться съ Аннушкой ни на минуту: чувство быть любимымъ, и любимымъ женщиной столь страстной, было ново и дѣйствовало тѣмъ сильнѣе; но видно ко всему можно привыкнуть!... Мало-помалу, я сталъ жить по прежнему; сталъ ѣздить на охоту, въ гости къ помѣщикамъ, ходилъ по воскресеньямъ къ Ловицкому и частенько засиживался у него за картами далеко за полночь. Офицеры то поздравляли меня съ побѣдой, то смѣялись, называя меня аркадскимъ пастушкомъ, Отелло, и обѣщали похитить мою Десдемону, а Mme Ловицкая, когда узнала о моей жизни, стала называть меня Paul, а Аннушку Virginie (именами героевъ единственнаго литературнаго произведенія, знакомаго ей, и то, кажется, только по наслышкѣ). При мужѣ, впрочемъ, Александра Сергѣевна не смѣла никогда и показывать виду, что знаетъ мою связь... Всѣ эти эпитеты начинали надоѣдать мнѣ; я сердился. Офицеры, которые прежде шутили и смѣялись, приняли серьёзный видъ и стали уговаривать меня разойдтись съ Аннушкой. — Полноте, Александръ Ивановичъ, говорили они, — бросьте это, право наплачетесь послѣ: пойдутъ дѣти, свяжутъ васъ по рукамъ и по ногамъ; что̀ вы тогда будете дѣлать?—Но было поздно: Аннушка мѣсяца три уже была беременна.

«Вы, кажется, довольно хорошо знаете меня, сказалъ Александръ Ивановичъ съ какою-то боязливою предупредительностью, — и не подумаете, что я хочу обвинить во всемъ, что̀ случилось, окружавшихъ меня? Боже меня избави! Я только хочу показать вамъ, до какой степени сильно дѣйствуютъ обстоятельства на слабыя, неразвитыя натуры, на людей безъ всякихъ убѣжденій и непривычныхъ къ самостоятельной мысли. Вѣрьте, что еслибъ мнѣ не говорили всего того, что̀ говорили по поводу моей связи, не рисовали бы черными красками картинъ будущаго, не угрожали потерей по службѣ и не надо-

ѣдали мнѣ всѣмъ этимъ безпрерывно, я бы преспокойно продолжалъ жить съ Аннушкой; жилъ бы долго, вѣроятно до конца своего земнаго поприща; въ минуту особенной заботливости о будущемъ, можетъ-быть женился бы на ней, а въ минуту какого-нибудь вышедшаго изъ границъ ревматизма, протянулъ бы ноги и оставилъ бы ее штабъ-офицершей, съ полутораста рублями пенсіи, съ дѣтьми на рукахъ и, смотря по обстоятельствамъ, съ долгами или безъ долговъ на плечахъ. Я твердо убѣжденъ, что еслибы она не была счастлива, то по крайней мѣрѣ прожила бы (по составленнымъ нами понятіямъ о покойной жизни) покойно свой вѣкъ. А теперь, посмотрите, что̀ вышло...

«Разумѣется, вся эта обстановка дѣйствовала на меня не съ разу, но постепенно, и тѣмъ сильнѣе. У окружавшихъ меня и принимавшихъ во мнѣ такое участіе не было достаточно энергіи, чтобъ или вынудить меня на разрывъ съ Аннушкой, или исключить изъ среды своей. Ни у кого изъ нихъ не хватило бы ни духу, ни силы на сколько-нибудь дѣйствительную и рѣшительную мѣру, которыхъ, при желаніи, можно было найдти бездну, и это самое помогло имъ. Всякую такую мѣру я счелъ бы за посягательство на свободу моихъ дѣйствій, возсталъ бы противъ нея, и намѣреніе ихъ осталось бы неисполненнымъ; а тутъ я безсознательно поддался ихъ вліянію, на помощь которому не замедлилъ явиться услужливый случай.

«Отецъ мой оставилъ мнѣ, съ братомъ, душъ 50 въ Симбирской губерніи... Имѣнье было очень разстроено, и мы не получали рѣшительно никакого доходу, особенно въ первые годы нашего владѣнья... Братъ, по выходѣ изъ университета, поступилъ куда-то на большую фабрику, и хотя мы и переписывались, но я года три ровно ничего не зналъ о ходѣ его дѣлъ... Вдругъ получаю однажды письмо, въ которомъ онъ предлагаетъ за мою долю имѣнья 4,500 рубл. сер. съ тѣмъ, что 4000 я получу сейчасъ, а 500 рублей не много погодя. Я, разумѣется, согласился, поздравилъ его съ положеніемъ, котораго онъ достигъ, пожелалъ такой же удачи на будущее время и черезъ нѣсколько недѣль получилъ деньги... Это было какъ разъ передъ тѣмъ, какъ кончились три года нашей стоянки въ Смоленской губерніи и приходилось идти въ Малороссію... Судьба Аннушки была рѣшена.

«Уйдти изъ Рославля и оставить ее съ ребенкомъ, безъ матери, которая не задолго до того умерла, и безъ всякаго имущества, кромѣ домишка, который ежеминутно грозилъ развалиться и задавить все живущее въ немъ, — я счелъ бы невозможнымъ, преступнымъ... На столько у меня было сердца... Какъ бы все это кончилось — не знаю, но Аннушка не одна бы переносила свое бѣдственное положеніе... Но теперь, когда явились эти проклятыя деньги, когда половиною ихъ я могъ почти обезпечить существованіе Аннушки и Саши, моего сына, я сталъ гораздо покойнѣе смотрѣть на предстоявшій походъ. Исправивъ четырьмя-пятью стами рублями ея домъ такъ, что половину его она могла довольно выгодно отдавать внаймы, и давъ ей, кромѣ того, тысячи полторы денегъ, я считалъ, что дѣлаю достаточно... Общественное мнѣніе гладило меня по головкѣ, говоря, что я рѣдкій примѣръ самопожертвованія, что едва ли кто-нибудь другой сдѣлалъ бы и половину этого и что Аннушкѣ остается благословлять минуту, когда она сошлась со мной. Это ободряло меня, и я рѣшился окончательно устроить судьбу бѣдной женщины.

«Я прежде часто встрѣчалъ у ея матери смотрителя Спасской станціи, одной изъ первыхъ отъ Рославля. Человѣкъ этотъ мнѣ хоть и не особенно нравился, но, казалось, былъ очень привязанъ къ старухѣ и еще болѣе къ дочери. Я началъ думать, что теперь оставалось устроить ея общественное положеніе и нашелъ, что самое лучшее было бы выдать ее за этого смотрителя. Она сначала не соглашалась, но я сталъ приводить ей какіе-то доводы и никакихъ возраженій больше не слыхалъ. — Смотритель былъ всегда не прочь жениться на ней, а тутъ, когда у нея были деньги, и подавно... Теперь только я ясно припоминаю страшно-болѣзненное выраженіе лица ея, когда ее везли къ вѣнцу...

«Я не понялъ Аннушки: она безропотно переносила свое горе, а я принималъ это за равнодушіе и тѣмъ меньше стѣснялся оставить ее... Ни разу, во все время, что̀ я провелъ съ нею, она не показала, что понимаетъ свое положеніе, что точно знаетъ степень моей привязанности къ ней и вліянія на меня моихъ сослуживцевъ... Несчастная женщина думала, что бо̀льшаго, чѣмъ она получила отъ меня, она не заслуживаетъ...

«Однако я усталъ, батюшка, говорить, сказалъ Александръ Ивановичъ, стараясь придать себѣ нѣсколько покойный видъ и вынимая изъ толстаго, стараго бумажника какое-то письмо. — Тяжело вспоминать подобныя вещи, и еще тяжеле сознавать, что вездѣ, гдѣ постоятъ войска, десятки женщинъ могутъ остаться въ подобномъ положеніи... Вотъ, прочтите, въ какомъ состояніи засталъ Аннушку, года два тому назадъ, мой братъ... Позднее раскаянье—страшная вещь, и не дай вамъ Богъ испытать его!...» Съ этими словами Александръ Ивановичъ поспѣшно вышелъ изъ хаты. Половина письма касалась денежныхъ дѣлъ, а вотъ другая:

«Ну теперь объ дѣлахъ довольно. Ты мнѣ далъ порученіе побывать на Спасской станціи — порученіе, которое я исполнилъ, но которое, признаюсь, произвело на меня глубоко грустное впечатлѣніе. Если бы кто-нибудь изъ пріятелей, встрѣтивъ меня на пути на станцію, спросилъ: куда ты ѣдешь? Я бы покойно и равнодушно отвѣчалъ: ѣду, молъ, на Спасскую станцію навѣстить, по просьбѣ брата, бывшую его любовницу, которую онъ выдалъ замужъ за тамошняго станціоннаго смотрителя, и везу денегъ ей и сынишкѣ ея. Все это казалось на мой взглядъ такъ просто, естественно, такъ говорило въ твою пользу, что я не подумалъ бы ни минуту, чтобъ дать подобный отвѣтъ. Ѣхавъ же назадъ, я бы навѣрное не сказалъ гдѣ былъ. Кто виноватъ? Судьба ли, ты ли? — не знаю. Но существованіе Аннушки навѣчно разбито въ дребезги.

«Въѣхавъ на дворъ станціи, я засталъ на крыльцѣ какую-то женщину, въ слезахъ прикладывавшую ледъ къ плечу оглашавшаго весь дворъ криками ребенка лѣтъ пяти-шести. Женщина эта была Аннушка, а ребенокъ — Саша. На всѣ вопросы мои: Какъ ушибся ребенокъ? Гдѣ смотритель? Его ли она жена? она отвѣчала какъ бы нехотя и всегда не впопадъ. Но когда ребенокъ нѣсколько унялся и я сказалъ ей, что я твой братъ и пріѣхалъ навѣстить ее по твоему порученію, она схватила меня за обѣ руки, нѣсколько мгновеній болѣзненно-пристально смотрѣла мнѣ въ глаза и почти безъ чувствъ упала мнѣ на грудь... Только послѣ долгихъ усилій удалось мнѣ привести ее въ себя.

«Распросамъ о тебѣ не было конца. Давая отвѣты, я думалъ какъ-нибудь вывѣдать кое-что объ ея положеніи; но трудно было добиться этого. Не смотря на то, что она была встревожена моимъ пріѣздомъ и страданьями ребенка, что ей видимо хотѣлось высказать все свое горе, она упорно старалась сдержать себя. Я твердо увѣренъ, что она и не сказала бы ничего, еслибъ нѣсколько унявшаяся сперва боль ребенка не начала опять видимо усиливаться. Плечо его стало быстро пухнуть и совершенно побагровѣло. — Матушка, матушка! кричала она, бросившись снова что-то прикладывать къ плечу ребенка, — прости тебя Господь Богъ! ... Ты одна виновата во всемъ...

«Я рѣшительно не способенъ передать тебѣ этой сцены; скажу только то, что̀ мнѣ удалось заключить изъ несвязной раздирающей душу рѣчи Аннушки. Положеніе ея ужасно. Мужъ каждый день пьянствуетъ, безпощадно бьетъ ее и ребенка, котораго настоящая болѣзнь — слѣдствіе побоевъ за какое-то разбитое блюдечко. Этотъ негодяй промоталъ уже всѣ ея деньги, и Аннушка иногда по два, по три дня, пока мужъ пьянствуетъ въ городѣ, ѣстъ съ сыномъ въ ямщичьей артели. Много есть женщинъ въ подобныхъ положеніяхъ, но, не знаю, почему мнѣ Аннушку особенно жаль; она, кажется, заслуживала бы лучшей участи. Въ порывахъ отчаянья, эта бѣдная женщина обвиняетъ во всемъ свою мать, которая воспользовалась ея красотой, чтобы имѣть возможность существовать. Старуха продала ее, а Аннушка никогда не могла рѣшиться сказать тебѣ это и теперь твердо убѣждена, что прежняя связь ея побудила тебя разойдтись съ ней. — Онъ бы не оставилъ меня, еслибъ этого не было, говорила она задыхаясь отъ слезъ. — Бѣдная! она вѣрно ошибается: ты, я думаю, просто сдѣлалъ то же, что̀ дѣлаютъ многіе, — позабавился и бросилъ ее... Кошкѣ игрушки, братъ, а мышкѣ слёзки... Жаль, ей-Богу жаль Аннушку, а помочь ей, кажется, трудно.

«До свиданья, преданный тебѣ братъ

Н. Г.

«P. S. Денегъ, которыя я хотѣлъ передать ей, она не взяла, говоря, что мужъ отыметъ и пропьетъ, и просила сберечь для Саши. — Я ихъ положу въ ломбардъ?»

Я впослѣдствіи никогда болѣе не говорилъ съ Александромъ Ивановичемъ объ Аннушкѣ: раскаянье слишкомъ сильно дѣйствовало на этого человѣка, и мнѣ всегда было больно смотрѣть на него, когда разговоръ какимъ-нибудь образомъ наводилъ его на старыя воспоминанья.

(До слѣдующей книжки.)

ШЕКСПИРЪ,

въ русскомъ переводѣ Н. Х. Кетчера. *

—

Можно отъ души поздравить большинство русскихъ читателей, лишенное возможности наслаждаться Шекспиромъ въ подлинникѣ, съ явившимся теперь продолженіемъ перевода, который былъ начатъ Н. Х. Кетчеромъ еще въ 1841 году, но по обстоятельствамъ прерванъ въ 1850-мъ. Обстоятельства — на долго ли, нѣтъ ли, — слава Богу, измѣнились къ лучшему; почтенному переводчику открылась возможность не только продолжать свой трудъ, но и предпринять второе изданіе четырехъ первыхъ частей, вышедшихъ прежде и давно уже раскупленныхъ.

Приступая вновь къ труду, покинутому имъ нѣкогда съ прикорбіемъ, Н. Х. Кетчеръ не безъ справедливой гордости можетъ ободрять себя мыслью, что не одна сотня людей на обширномъ пространствѣ Русской Земли впервые познакомилась, по его переводу, съ величайшимъ изъ драматурговъ, съ геніальнѣйшимъ изъ поэтовъ новаго времени, — и честь этого дѣла останется за нимъ навсегда. Посвящая ему многолѣтніе, добросовѣстные труды, русскій переводчикъ не разсчитывалъ и не могъ разсчитывать на обширность сбыта; постепенная распродажа 18-ти выпусковъ перваго изданія едва ли вознаградила

* Драматическія сочиненія Шекспира. Переводъ съ Англійскаго *Н. Кетчера*, выправленный и пополненный по найденному Пэнъ-Колльеромъ старому экземпляру in-folio 1632 года. Часть 5. Москва 1858.

его за издержки на бумагу и печать: не смотря на то, онъ поспѣшилъ воспользоваться первою возможностью довершить начатое дѣло. И надо сказать правду, время невольнаго роздыха не пропало даромъ ни для переводчика, ни для его читателей; вышедшій теперь пятый томъ свидѣтельствуетъ о постоянномъ, неослабномъ стараніи Н. Х. Кетчера слѣдить за всѣмъ, что̀ могло способствовать къ удовлетворительнѣйшему рѣшенію принятой имъ на себя задачи.

Надо особенно благодарить его за то, что онъ всего болѣе старался о возможно близкой и вѣрной передачѣ подлинника не только въ главныхъ его чертахъ, но и въ малѣйшихъ подробностяхъ, не заботясь при этомъ, всегда ли такая вѣрность придетъ по вкусу современному читателю, часто не готовому къ тѣмъ неожиданностямъ, своевольствамъ и странностямъ выраженія, съ которыми встрѣтится онъ у Шекспира на каждомъ шагу. Переводчики имѣютъ привычку все это посмягчить, повыправить и пообдѣлать, представить чудный языкъ Шекспира какъ можно болѣе подходящимъ къ употребительному теперь въ обществѣ и въ книжкахъ лучшихъ нынѣшнихъ *сочинителей*. Этотъ пріемъ, которымъ болѣе или менѣе одержимы почти всѣ переводчики дивнаго Британца, кажется намъ совершенно ложнымъ. Шекспиръ и для современнаго Англичанина представляетъ бездну странностей въ выраженіи, не говоря ужь объ устарѣлости языка. Чтожь, еслибъ, на этомъ основаніи, какой-нибудь англійскій *сочинитель* вздумалъ въ наше время переиначивать Шекспира на новый ладъ? Вы просто назвали бы его варваромъ? — Ну, такими же варварами кажутся намъ и переводчики, сглаживающіе въ послѣднемъ вкусѣ, au goût du jour, причуды и рѣзкости великаго подлинника. На такія вещи можно посягать только не понимая его хорошенько. Пожалуй, не обережешься грѣха и слѣдуя по пятамъ за переводимымъ поэтомъ, но лучше ужь грѣшить излишней близостью къ подлиннику, чѣмъ произвольнымъ переложеніемъ его особенностей на свой личный, въ этомъ случаѣ ни для кого не интересный вкусъ: главное все-таки языкъ и манера самого поэта, а не переводчика.

Въ изданномъ теперь томѣ помѣщены двѣ уже напечатанныя прежде піэсы: *Антоній и Клеопатра* и *Два Веронца*, обѣ

съ значительными поправками, и двѣ другія, которыя появляются еще въ первый разъ: *Тимонъ Аѳинскій* и *Юлій Цезарь*.

Пожелаемъ Н. Х. Кетчеру успѣха въ продолженіи его почтеннаго труда и воспользуемся этимъ случаемъ, чтобы въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ *Атенея* познакомить нашихъ читателей съ тѣмъ взглядомъ, который современная наука открываетъ на характеристическія особенности Шекспира, на отношеніе поэта къ окружавшему его обществу, и на его великое значеніе въ исторіи и въ литературѣ.

Е. К.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

Востокъ. Отношенія Франціи къ Піемонту и Англіи. Китайскія дѣла. Вопросы морскаго права.

—

Событія такъ быстро смѣняются одно другимъ на турецкомъ Востокѣ, обличая внутреннее безсиліе и распаденіе того самаго государства, поддержаніемъ котораго озабочена Европа, что мы принуждены возвратиться къ восточному вопросу. Возстаніе въ Герцеговинѣ, по послѣднимъ телеграфическимъ извѣстіямъ, кончилось; но неизвѣстно, сдѣланы ли какія-нибудь уступки христіанскому населенію, и если сдѣланы, то какія именно. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого обстоятельства должно быть удаленіе турецкихъ войскъ изъ окрестностей почти блокируемой ими Черногоріи, и мы не безъ удовольствія узнали сообщенную французскимъ Монитеромъ телеграмму о немедленномъ отправленіи турецкихъ войскъ изъ Герцеговины, частью моремъ въ Константинополь, частью въ Боснію. Впрочемъ, такой исходъ дѣла имѣетъ лишь чисто-мѣстное значеніе. Событія, случившіяся въ послѣднее время въ другихъ частяхъ Турецкой имперіи, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ предѣлахъ ея господствуетъ повсемѣстное броженіе, часто разрѣшающееся кровопролитіемъ. Не говоря уже о покушеніи на жизнь англійскаго консула въ Бѣлградѣ, одни волненія на островѣ Кандіи и въ Аравіи могутъ служить самыми убѣдительными признаками фанатическаго раздраженія мусульманъ. На островѣ Кандіи, гдѣ умы только что успокоились, благодаря нѣкоторымъ, впрочемъ еще не обнародованнымъ уступкамъ въ пользу христіанскаго населенія, достаточно было одного частнаго случая, чтобъ возбудить мусульманъ къ

открытому возстанію. Одинъ мусульманинъ былъ убитъ Грекомъ, который взятъ подъ стражу и приговоренъ къ смерти; но по распоряженію танзимата, то-есть «новаго устава» 1839 года, мѣстныя начальства не могли исполнить приговора, не дождавшись утвержденія его въ Константинополѣ. Мусульманское населеніе, которому такой законъ представляется въ подобныхъ случаяхъ совершенно ненужнымъ, тѣмъ болѣе что онъ не предписывается кораномъ, потребовало выдачи Грека; начальства не отважились воспротивиться такому требованію: Грека изуродовали, убили, влачили по улицамъ Канеи. Этотъ день былъ праздничнымъ днемъ для мусульманъ. Останавливаясь передъ домами европейскихъ консуловъ, фанатики объявляли съ торжествомъ, что и они умѣютъ добиться, чего требуютъ, называя Европейцевъ, по обыкновенію, «псами». Убійство мусульманина Грекомъ, буйное волненіе мусульманъ, самовольная расправа съ убійцей, котораго и безъ того ожидала законная казнь, безсмысленное волненіе черни — все это свидѣтельствуетъ о крайне-ненормальномъ, беззаконномъ порядкѣ вещей, который не можетъ продолжаться и рано или поздно потребуетъ прямаго вооруженнаго вмѣшательства Европейцевъ въ турецкія дѣла.

Впрочемъ, это вмѣшательство уже признано необходимымъ вслѣдствіе убійствъ, совершенныхъ мусульманами въ аравійскомъ городѣ Джеддѣ. По поводу тяжбы за права собственности на одно купеческое судно, стоявшее въ тамошнемъ портѣ, и постановленнаго англійскимъ консульствомъ рѣшенія въ пользу одной изъ тяжущихся сторонъ, мусульманское населеніе Джедды, подкрѣпленное содѣйствіемъ мѣстнаго судьи (кадія), который отмѣнилъ консульское рѣшеніе, 15-го іюня сорвало съ спорнаго судна англійскій флагъ и выставило турецкій. Пользуясь присутствіемъ въ портѣ англійскаго фрегата «Циклопъ», вице-консулъ Педжъ, не добившійся удовлетворенія отъ губернатора, велѣлъ командѣ фрегата снять турецкій флагъ и замѣнить его англійскимъ. Это окончательно раздражило толпу. Она бросилась сначала въ англійское, потомъ во французское консульство, и умертвила обоихъ консуловъ и другихъ Европейцевъ. Число убитыхъ простирается, какъ говорятъ, до 24 человѣкъ. Остальная часть европейской колоніи едва успѣла спастись

вплавь на фрегатъ «Циклопъ». По требованію Франціи и Англіи, Порта отправила въ Джедду коммиссара, съ неограниченною властью судить виновныхъ военнымъ судомъ и исполнять приговоры послѣдняго, не дожидаясь утвержденія ихъ въ Константинополѣ. Франція и Англія, съ своей стороны, послали въ Джедду нѣсколько военныхъ судовъ, которыя при случаѣ могутъ оказать дѣятельную помощь турецкому коммиссару. Правда, по словамъ Times, Порта признала необходимымъ отправить въ Джедду 2,000 человѣкъ войска, чтобы собственными средствами наказать виновныхъ, не прибѣгая на глазахъ мусульманскаго населенія къ помощи Европейцевъ; но дѣло едва ли обойдется безъ содѣйствія и прямаго вмѣшательства послѣднихъ.

Положеніе турецкаго султана относительно изувѣрныхъ мусульманъ почти независимой Аравіи еще болѣе шатко, нежели относительно христіанскихъ его подданныхъ въ Европѣ. Для послѣднихъ онъ слишкомъ восточенъ, а для первыхъ черезъчуръ западенъ, не вѣренъ священнымъ завѣтамъ пророка и безукоризненной чистотѣ преданія. Кромѣ того, Арабы, стоявшіе такъ долго во главѣ мусульманскаго міра, никогда не могутъ примириться съ верховнымъ господствомъ варваровъ-Турокъ, которое теперь уже слишкомъ слабо для того, чтобы внушать къ себѣ уваженіе. Въ Джеддѣ, средоточіи турецкаго управленія такъ-называемымъ габешскимъ (абиссинскимъ) эялетомъ, къ которому принадлежитъ весь Гиджазъ, съ священными городами Меккой и Мединою, — въ Джеддѣ, мѣстопребыванія губернатора многихъ провинцій, едва наберется нѣсколько сотъ солдатъ, которыхъ жалованье зависитъ притомъ отъ весьма ненадежныхъ сборовъ турецкой таможни. Съ этою ничтожной силой губернаторъ долженъ противостоять фанатизму мѣстныхъ жителей, раздражаемому уже однимъ присутствіемъ чуждыхъ имъ Турокъ, не говоря объ уступкахъ, которыя тѣ же Турки вынуждаютъ дѣлать въ пользу христіанъ. Въ послѣднее время развитіе въ тѣхъ мѣстахъ англійской торговли и особенно присвоеніе англійскими судами перевозки богомольцевъ, которые съ африканскаго берега переправляются въ Джедду для слѣдованія къ священнымъ городамъ, — два эти обстоятельства еще

болѣе возбудили ненависть Арабовъ, которые терпятъ отъ этого и въ религіозномъ, и въ денежномъ отношеніи.

Въ Джеддѣ не болѣе 15,000 жителей: можно себѣ представить, какъ дѣйствуетъ на нихъ ежегодное стеченіе отъ 50 до 60,000 богомольцевъ, большею частію фанатиковъ, собирающихся сюда изъ всѣхъ странъ свѣта, гдѣ только существуетъ исламъ. Ѳеократическій глава Мекки, такъ-называемый великій шерифъ, пользуется общимъ уваженіемъ Арабовъ, особенно гиджазскихъ. Прилежнымъ читателямъ газетъ должно быть еще памятно недавнее столкновеніе его съ турецкимъ пашою въ Джеддѣ. Въ 1852 году Порта рѣшилась было смѣнить шерифа Эмиръ-Ибнъ-Ауна; весь Гиджазъ пришелъ тогда въ волненіе, и послѣ четырехлѣтнихъ смутъ и кровопролитій, султанъ вынужденъ былъ кончить тѣмъ, что въ апрѣлѣ 1856 года опять возвратилъ Арабамъ любезнаго имъ шерифа, который все это время содержался въ Константинополѣ, вмѣстѣ съ двумя изъ своихъ сыновей. Такая важная уступка, сдѣланная вслѣдствіе явнаго возстанія противъ распоряженій султана, конечно не могла внушить Арабамъ духа повиновенія къ турецкимъ властямъ, и собственно отъ нихъ нечего ожидать управы по дѣлу о недавнихъ убійствахъ въ Джеддѣ. Франціи и Англіи необходимо самимъ вступиться за своихъ подданныхъ и обезпечить ихъ на будущее время отъ варварства изступленныхъ мусульманъ.

Въ жизни народа, въ данную эпоху, нерѣдко приходится различать два направленія, смѣшеніе которыхъ можетъ повести къ самымъ страннымъ ошибкамъ и недоразумѣніямъ. Одно направленіе, вытекающее изъ характера и всей исторіи народа, общее, преобладающее, выражается по возможности во всѣхъ важныхъ политическихъ вопросахъ; другое — частное, временное направленіе, вызываемое внутренними обстоятельствами, не всегда совпадаетъ съ первымъ и потому требуетъ особенной осмотрительности и тонкости въ сужденіяхъ о томъ или другомъ явленіи политическаго міра. При неблагопріятныхъ, внутреннихъ обстоятельствахъ, разумѣется, временныхъ, общее направленіе народнаго характера и народной исторіи, скромно высказываясь относительно вопросовъ внутренней по-

литики, тѣмъ съ большею силой выражается въ политикѣ внѣшней, служащей такимъ образомъ естественнымъ исходомъ народнымъ стремленіямъ. Такова въ настоящее время политика Франціи относительно восточнаго вопроса, пользующаяся почти всеобщимъ сочувствіемъ на материкѣ Европы и совершенно согласная съ рыцарскимъ и демократическимъ характеромъ французскаго народа и его исторіи. Указавъ на безукоризненный образъ дѣйствій французской политики относительно христіанскаго населенія Турціи, мы должны указать теперь на другое, частное и временное ея направленіе, обусловленное внутренними обстоятельствами. Покушеніе 14-го января, о которомъ такъ много говорили всѣ газеты, имѣло слѣдствіемъ возбужденіе нѣсколькихъ весьма щекотливыхъ вопросовъ въ дипломатической перепискѣ французскаго правительства съ правительствами Швейцаріи, Піемонта и Англіи. Швейцарія должна была удалить нѣкоторыхъ политическихъ изгнанниковъ изъ пограничныхъ съ Франціей кантоновъ; въ Піемонтѣ министерство было поставлено въ необходимость предложить палатамъ законъ противъ покушеній на жизнь иностранныхъ государей и противъ злоупотребленій тисненія. Наконецъ, что всего важнѣе, дружественныя отношенія между правительствами Франціи и Англіи едва не поколебались вслѣдствіе требованій французскаго правительства касательно мѣръ противъ французскихъ изгнанниковъ, пользующихся гостепріимствомъ Англіи. Мы остановимъ вниманіе нашихъ читателей на отношенія Франціи къ этой державѣ и къ Піемонту.

Начнемъ съ Піемонта. Политическое значеніе этого небольшаго государства, доказывающаго своимъ поучительнымъ примѣромъ стремленіе и способность Италіи къ независимости и законной свободѣ, требуетъ постояннаго союза съ Франціей, которая одна, какъ по своему народному характеру, такъ по историческимъ преданіямъ и близкому сосѣдству, можетъ при случаѣ оказать ему дѣятельную помощь противъ извѣстнаго его соперника. «Союзъ съ Франціей существенно необходимъ для Піемонта», справедливо замѣтилъ графъ Кавуръ въ одной изъ недавнихъ рѣчей своихъ. Слабое государство, имѣющее сильнаго соперника, нуждается въ союзникахъ, и Піемонтъ поддерживаетъ союзническія отношенія съ Англіей и Франціей.

Но государственнымъ людямъ Піемонта очень хорошо извѣстно, что союзъ съ Англіей никогда не надеженъ, что въ послѣднее время она замѣтно сблизилась съ Австріей и что, строго говоря, они могутъ разсчитывать только на союзъ Франціи, которая даже при самыхъ неблагопріятныхъ внутреннихъ обстоятельствахъ не можетъ потерпѣть усиленія Австріи въ Италіи. Вотъ почему министерство графа Кавура представило палатамъ законъ, направленный противъ покушеній на жизнь иностранныхъ государей и противъ восхваленія политическаго убійства, предлагая измѣнить въ то же время приложеніе суда присяжныхъ. Коммиссія, назначенная палатою депутатовъ, преимущественно изъ членовъ лѣвой стороны, для разсмотрѣнія министерскаго проекта, предложила отвергнуть послѣдній. Но палата рѣшила иначе. Конечно, доводы противниковъ проекта, составлявшихъ большинство Коммиссіи, вытекали изъ благороднаго источника и заслуживали полнаго уваженія; большинство Коммиссіи ссылалось на трудность опредѣлить въ точности виды новаго разряда преступленій и установить наказаніе согласно съ интересами другаго государства, скрывая за этими доводами опасеніе уступить иностранному вліянію и тѣмъ нарушить собственное достоинство. Но доводы защитниковъ проекта были не менѣе важны: если въ піемонтскихъ законахъ, говорили они, положено наказаніе за покушеніе на жизнь иностранныхъ государей, то новый законъ не нуженъ; если же нынѣшніе піемонтскіе законы недѣйствительны и неполны, то дополнить ихъ вовсе не значитъ уронить собственное достоинство; къ тому же союзъ съ Франціей необходимъ для Піемонта; при всемъ разногласіи между обѣими державами относительно внутреннихъ дѣлъ, этотъ союзъ наиболѣе соотвѣтствуетъ цѣлямъ піемонтской политики; главная забота послѣдней должна состоять въ томъ, чтобъ сохранить этотъ союзъ, не умаляя либеральнаго характера внутреннихъ учрежденій. Представляя законъ, направленный противъ покушеній, министерство, какъ сказалъ графъ Кавуръ во время преній объ этомъ законѣ, только извлекло изъ приготовленнаго имъ уголовнаго кодекса нѣкоторыя статьи, побуждаемое къ тому, независимо отъ вліянія Франціи, возрастающей дѣятельностью политическихъ сектъ, усиленіемъ революціонныхъ страстей,

угрожающихъ даже королю Виктору-Эммануилу, и систематически-пристрастными рѣшеніями присяжныхъ, съ нѣкотораго времени оправдывавшихъ журналы за неприличныя похвалы политическимъ убійствамъ. На основаніи этихъ соображеній, законъ принятъ въ палатѣ значительнымъ большинствомъ, и отношенія Піемонта къ Франціи не измѣнились.

Гораздо труднѣе было провести такой законъ въ Англіи, хотя во главѣ англійскаго министерства стоялъ въ то время лордъ Пальмерстонъ, извѣстный своимъ сочувствіемъ и уступчивостью къ императору Французовъ. Въ Англіи введеніе новаго противъ заговоровъ закона, или лучше подтвержденіе старыхъ и забытыхъ постановленій, подъ вліяніемъ другой державы, было тѣсно связано съ двумя весьма важными для нея вопросами: дѣло шло, вопервыхъ, объ отношеніяхъ ея къ Франціи, вовторыхъ— о существованіи министерства лорда Пальмерстона, а съ нимъ и той рутинной внутренней политики, которой представителемъ былъ этотъ государственный человѣкъ. Вотъ причина той парламентской коалиціи, вслѣдствіе которой законъ о заговорахъ противъ иностранныхъ государей былъ отвергнутъ нижнею палатой, и министерство лорда Пальмерстона уступило мѣсто торійскому министерству графа Дерби. Отношенія между Франціей и Англіей приняли на нѣкоторое время характеръ серьёзной размолвки, но вскорѣ болѣе важныя причины и побужденія, вызвавшія союзъ между ними, взяли верхъ надъ другими соображеніями, и въ настоящее время послѣдуетъ въ Шербурѣ новое свиданіе императора Французовъ съ королевою Викторіей. Въ самомъ дѣлѣ, Франція и Англія могутъ расходиться въ нѣкоторыхъ, даже очень важныхъ вопросахъ; но и та и другая очень хорошо понимаютъ всю важность и опасность дѣйствительнаго разрыва. Сверхъ того, возникаетъ и можетъ возникнуть не одинъ вопросъ, по которому Франціи и Англіи, какъ передовымъ державамъ, всего лучше дѣйствовать соединенными силами: несогласныя между собой относительно нѣкоторыхъ сторонъ восточнаго вопроса, въ которомъ играетъ столь важную роль идея политическаго равновѣсія, и вопроса о снабженіи колоній свободными рабочими, въ которомъ такъ сильно замѣшаны притязанія Англіи на повсемѣстное господство на моряхъ

и ея желанія мѣшать успѣху французскихъ колоній, онѣ являются настоящими союзниками въ Неаполѣ и Китаѣ. Извѣстно, что офиціальныя дипломатическія сношенія Франціи и Англіи съ Неаполемъ были прерваны вскорѣ послѣ парижскаго мира. Мы не будемъ также разказывать здѣсь подробностей столкновенія, возникшаго между неаполитанскимъ правительствомъ съ одной стороны, и піемонтскимъ и англійскимъ — съ другой, по дѣлу парохода *Кальяри*. Дѣло это кончено въ настоящую минуту: настоятельныя требованія Англіи, поддерживаемыя совѣтами французскаго двора, побудили неаполитанское правительство согласиться на уступку: освободить двоихъ англійскихъ механиковъ и возвратить Сардиніи принадлежавшій ей пароходъ съ экипажемъ. Но китайскій вопросъ въ настоящее время на очереди, и мы должны сказать о немъ нѣсколько словъ.

Во всякое другое время этотъ вопросъ, по своей огромной важности, былъ бы предметомъ особеннаго вниманія въ Европѣ; но теперь турецкія и остъ-индскія дѣла отодвинули его на третій планъ. А между тѣмъ съ этимъ вопросомъ соединяется вопросъ о будущности и цивилизаціи сотенъ милліоновъ людей, составляющихъ населеніе обширной Китайской имперіи. Предполагая извѣстными причины нынѣшней войны Европы съ Китаемъ, мы прямо обратимся къ крупному событію этой войны— взятію Кантона. Французскій адмиралъ Риго де-Женульи и англійскій адмиралъ Сеймуръ, вмѣстѣ съ дипломатическими агентами обѣихъ націй, барономъ Гро и лордомъ Эльгиномъ, управляютъ этимъ важнымъ пунктомъ Китая, центромъ двухъ провинцій (Кванъ-Туна и Кванъ-Си), въ которыхъ не меньше тридцати милліоновъ жителей. Преграды, отдѣлявшія офиціальную часть города, недоступную для Европейцевъ, отъ предмѣстьевъ и факторій, куда они могли проникать въ силу Нанкинскаго договора, теперь рушились. По берегу рѣки, постоянно покрытой безчисленными джонками, которыя, какъ говорятъ путешественники, представляютъ пловучій городъ, тянутся предмѣстья, составляющія сами по себѣ цѣлый городъ, многолюдный и промышленный; за ними лежитъ полу-татарская, полукитайская, офиціальная часть города, окруженная стѣнами и доселѣ остававшаяся недоступною для Европейцевъ. Въ этой части живутъ мандарины, намѣстникъ обоихъ Квановъ, губерна-

торъ Кантона, татарскій генералъ и всѣ чиновники. Иностранцы, напротивъ, отодвинуты на конецъ предмѣстьевъ, въ узкое пространство, назначенное для факторій. Взятіе Кантона соединенными отрядами Франціи и Англіи должно радикально измѣнить такой порядокъ вещей. Повидимому, эта перемѣна не представитъ важныхъ затрудненій: внутреннія волненія въ Китаѣ и ничтожное сопротивленіе, оказанное Китайцами при взятіи Кантона, обнаруживаютъ всю дряхлость, безсиліе и несостоятельность существующаго порядка. Достаточно было бомбардировки и высадки небольшаго отряда союзныхъ войскъ, чтобъ положить конецъ сопротивленію Китайцевъ: союзники заняли внѣшніе форты, взобрались на стѣны и въ короткое время овладѣли всѣми позиціями города, имѣющаго милліонъ жителей и отъ тридцати до сорока тысячъ защитниковъ. Послѣдніе защищались, но съ помощію никуда не годныхъ пушекъ и до-потопнаго оружія. Ясно, что не смотря на способность Китайцевъ къ подражанію, они почти не воспользовались уроками первой войны съ Англичанами. Союзники захватили архивъ и казну, и въ офиціальной части города выставили знамена Франціи и Англіи. Въ числѣ найденныхъ ими офиціальныхъ бумагъ были донесенія изъ Гонъ-Кона, иронически извѣщавшія намѣстника Эйиха о прибытіи нѣсколькихъ *жалкихъ* европейскихъ солдатъ въ безобразныхъ одеждахъ и очевидно «не привычныхъ къ воинному дѣлу». Говорятъ даже, что въ Кантонѣ же найденъ оригиналъ трактата съ Франціей, который совсѣмъ не былъ посланъ въ Пекинъ, какъ документъ ничтожный, не заслуживающій вниманія. За нѣсколько времени до взятія Кантона, Эйихъ ѣздилъ на поклонъ въ Пекинъ и, какъ увѣряли союзниковъ, удостоился полнаго одобренія за свои побѣды надъ варварами. Быть-можетъ, онъ удостоился того же одобренія и послѣ взятія Кантона, еслибы ему пришлось увѣдомлять объ этомъ пекинскій дворъ. Къ сожалѣнію, остроумный намѣстникъ попался въ плѣнъ, и находясь на одномъ изъ кораблей союзнаго флота, разыгрывалъ прекомическую роль. Когда его взяли, онъ замѣтно испугался и не выказалъ особеннаго мужества; но потомъ, находясь въ плѣну, оправился, продолжалъ очень искусно разыгрывать роль повелителя, согласился дать аудіенцію уполномоченнымъ Франціи и Англіи, требовалъ архивовъ, чтобы

управлять по прежнему, и даже простеръ свое снисхожденіе до того, что выразилъ готовность сдѣлать смотръ союзному флоту. Все это, разумѣется, было притворствомъ, которое такъ свойственно Китайцамъ.

Вмѣстѣ съ намѣстникомъ взяты въ плѣнъ губернаторъ Кантона и татарскій генералъ, которые тоже не обнаружили большаго мужества. Союзники рѣшились воспользоваться ими для своихъ цѣлей и поставили ихъ во главѣ новой администраціи, подъ верховнымъ надзоромъ коммиссаровъ французскаго и англійскаго. Союзные уполномоченные и адмиралы отправились во дворецъ при пушечныхъ выстрѣлахъ; губернаторъ Кантона Пекви, герой этой церемоніи, тоже прибылъ туда, и все обошлось бы какъ слѣдуетъ, еслибъ Пекви, во время свиданія, не вздумалъ сдѣлать чисто-китайскую выходку: ему захотѣлось, чтобы сѣдалища, назначенныя для адмираловъ, были хуже того, которое занималъ онъ самъ. Разумѣется, дѣло кончилось тѣмъ, что онъ смирился. Новый губернаторъ поселился во дворцѣ; ему дали *почетную стражу* изъ союзныхъ войскъ, и въ настоящее время Кантонъ управляется именемъ Франціи и Англіи.

По взятіи города уполномоченные обѣихъ державъ отправили депеши къ пекинскому двору, въ которыхъ изложены политическія и торговыя уступки, требуемыя союзниками. Въ этой многознаменательной демонстраціи приняли участіе и представители Россіи и Соединенныхъ Штатовъ, графъ Путятинъ и г. Ридъ. Между тѣмъ лордъ Эльгинъ и баронъ Гро отправились сначала въ Шангай съ нѣсколькими кораблями союзной эскадры, потомъ далѣе на сѣверъ, по направленію къ Пекину. Послѣднія офиціальныя депеши сообщаютъ, что союзныя эскадры стояли, въ концѣ апрѣля, въ тридцати миляхъ отъ китайской столицы; правительству богдахана дано было шесть дней для отвѣта, по истеченіи которыхъ плоскодонныя суда союзниковъ вошли въ рѣку Пейхо, и уже завладѣли фортами при устьѣ этой рѣки.

Открывая, вмѣстѣ съ Англіей, новыя двери для европейской образованности въ систематически-замкнутую Китайскую имперію, Франція продолжаетъ переговоры съ державами образованнаго міра о водвореніи тѣхъ сравнительно гуманныхъ

постановленій въ области морскаго права, которыя были одобрены Парижскимъ конгрессомъ въ 1856 году. Недавно во французскомъ Монитёрѣ обнародованъ докладъ министра иностранныхъ дѣлъ, графа Валевскаго, называющій всѣ государства и самостоятельныя владѣнія, согласившіяся признавать постановленія конгресса на будущее время. * Извѣстно, что эти постановленія, прогрессивныя по отношенію къ господствовавшимъ прежде мнѣніямъ и обычаямъ въ области морскаго права, состоятъ изъ слѣдующихъ четырехъ пунктовъ: 1) каперство уничтожается; 2) нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій товаръ, за исключеніемъ военной контрабанды; 3) товаръ нейтральныхъ, за исключеніемъ военной контрабанды, не можетъ быть захваченъ даже въ томъ случаѣ, если онъ находится подъ непріятельскимъ флагомъ, и 4) блокада тогда только обязательна, когда она дѣйствительна, то-есть когда поддерживается морскими силами, достаточными для того, чтобы на дѣлѣ преграждать доступъ къ непріятельскому берегу. Исчисливъ иностранныя государства, которыми одобрены эти правила, графъ Валевскій справедливо замѣчаетъ, что французское правительство, придерживаясь одного изъ самыхъ достойныхъ преданій французской политики, значительно содѣйствовало успѣху этого дѣла.

Нѣкоторыя государства не вполнѣ одобрили постановленія парижскаго конгресса по морскому праву. Испанія, соглашаясь на три послѣдніе пункта, не соглашается на отмѣну каперства; не имѣя сильнаго флота, она конечно надѣется найдти, въ случаѣ нужды, значительное подкрѣпленіе въ каперахъ. Мексика отвѣчала то же самое. Наконецъ, правительство Соединенныхъ Штатовъ выразило готовность одобрить постановленія конгресса, если къ первому пункту ихъ будетъ прибавле-

* Въ докладѣ названы: Баденъ, Баварія, Бельгія, Бременъ, Бразилія, герцогство Брауншвейгское, Чили, Аргентинскій Союзъ, Германскій Союзъ, Данія, королевство Обѣихъ Сицилій, республика Эквадоръ, Папская область, Греція, Гватемала, Гаити, Гамбургъ, Ганноверъ, оба Гессена, Любекъ, Мекленбургъ-Стрелицъ, Мекленбургъ-Шверинъ, Нассау, Ольденбургъ, Парма, Нидерланды, Перу, Португалія, Саксонія, Саксенъ-Альтенбургъ, Саксенъ-Кобургъ-Гота, Саксенъ-Мейнингенъ, Саксенъ-Веймаръ, Швеція, Швейцарія, Тоскана, Вюртембергъ. Согласіе державъ, которыя участвовали въ совѣщаніяхъ конгресса, подразумѣвается.

но, что частная собственность подданныхъ или гражданъ двухъ воюющихъ сторонъ объявляется неприкосновенною на морѣ. Но это условіе, очень выгодное для государства, имѣющаго не слишкомъ большой военный флотъ, при обширной торговлѣ, предполагаетъ безпрепятственное продолженіе торговли между воюющими націями, и потому признается невозможнымъ въ настоящее время. Короче сказать, отвѣтъ Соединенныхъ Штатовъ считается просто-на-просто отказомъ.

Въ послѣднее время возбужденъ еще одинъ весьма важный вопросъ въ области морскаго права, именно вопросъ о томъ, нужно или нѣтъ допускать осмотръ купеческихъ судовъ, подозрѣваемыхъ въ торгѣ неграми. Поводомъ къ возбужденію этого вопроса послужили недавнія столкновенія англійскихъ крейсеровъ съ американскими купеческими судами, шедшими въ Мексиканскомъ заливѣ подъ флагомъ Соединенныхъ Штатовъ. Подозрѣвая эти суда въ непозволительной торговлѣ неграми съ испанскимъ островомъ Кубой, англійскіе крейсеры присвоили себѣ право останавливать, осматривать ихъ, и въ случаѣ сопротивленія, прибѣгать къ чисто-военнымъ мѣрамъ для достиженія цѣли. Какъ ни похвально намѣреніе Англіи противодѣйствовать торгу неграми, эти мѣры, столь неблагопріятныя для американской торговли вообще, возбудили негодованіе правительства и общественнаго мнѣнія въ Соединенныхъ Штатахъ. Ссылаясь на то, что правительство Соединенныхъ Штатовъ никогда не соглашалось дозволить осмотръ американскихъ купеческихъ судовъ, плавающихъ подъ національнымъ флагомъ, американскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Кассъ, въ своей депешѣ къ посланнику Соединенныхъ Штатовъ въ Лондонѣ, настоятельно потребовалъ, чтобы правительство Англіи отреклось отъ образа дѣйствій своихъ офицеровъ и осудило его; въ противномъ случаѣ, правительство Соединенныхъ Штатовъ угрожало защищать военными силами американскія купеческія суда отъ англійскихъ крейсеровъ. Вопросъ, очевидно, имѣлъ юридическій характеръ, и состоялъ въ томъ, имѣетъ ли англійское правительство, на основаніи существующихъ трактатовъ, право задерживать и осматривать купеческія суда подъ американскимъ флагомъ. Соединенные Штаты ни въ одномъ трактатѣ не предоставляли этого права Англіи, и, напротивъ

того, неоднократно отвѣчали отказомъ на подобныя предложенія со стороны англійскаго правительства. Впрочемъ, въ отвѣтѣ своемъ американскому правительству и въ парламентскихъ рѣчахъ, англійское министерство иностранныхъ дѣлъ само признало незаконность осмотра, и опасаясь серьёзнаго разрыва съ Соединенными Штатами, гибельнаго для англійской торговли и промышленности, согласилось не только отречься отъ образа дѣйствій своихъ крейсеровъ, но даже отозвать англійскую эскадру изъ Мексиканскаго залива.

Извѣстно, что въ Соединенныхъ Штатахъ много приверженцевъ невольничества и много охотниковъ до острова Кубы, какъ будущаго невольничьяго штата: ни мало не сочувствуя имъ въ этомъ дѣлѣ, мы должны однако замѣтить, что американское правительство было совершенно право не съ одной юридической точки зрѣнія. Англія оказала важную услугу человѣчеству своимъ упорнымъ противодѣйствіемъ торгу неграми; но эта услуга была бы еще почтеннѣе, еслибы къ ней не примѣшивались подчасъ корыстныя цѣли. Къ сожалѣнію, Англія слишкомъ часто употребляла во зло право осмотра, а эти злоупотребленія подали поводъ думать, что противодѣйствіе торгу неграми, между прочимъ, служитъ въ рукахъ ея орудіемъ для повсемѣстнаго преобладанія на моряхъ, для усиленія собственной торговли. Понятно, что Соединенные Штаты, теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь прежде, отказываются признать за Англіею право осмотра, стѣснительное и унизительное для національнаго флага. Какими бы побужденіями ни руководствовалось американское правительство въ прежнее и настоящее время, ни какъ не должно упускать изъ виду, что Соединенные Штаты — страна будущаго, и что вся политика ихъ относительно морскаго права направлена къ достиженію полной свободы на моряхъ.

Выше было упомянуто о предложеніи Соединенныхъ Штатовъ, вызванномъ постановленіями парижскаго конгресса. Вслѣдствіе послѣдняго разногласія съ Англіей, американскіе, а за ними и европейскіе журналы, высказали мысль, которая рано или поздно должна осуществиться: мы разумѣемъ сомнѣніе въ дѣйствительной пользѣ права осмотра для противодѣй-

ствія безнравственной торговлѣ людьми. Если торгъ неграми совершается въ меньшихъ, противъ прежняго, размѣрахъ, говорятъ противники этого права, то такое уменьшеніе можно приписать скорѣе смягченію нравовъ и успѣхамъ образованности, нежели установленной морской полиціи, усилія которой не рѣдко безуспѣшны и только подаютъ поводъ къ непріязненнымъ столкновеніямъ между придирчивымъ англійскимъ флагомъ и флагами другихъ народовъ; мы пережили время, когда эта полиція могла казаться необходимою, и достигли до сознанія, что свобода все-таки необходимѣе всего на свѣтѣ. Это мнѣніе было высказано даже въ стѣнахъ англійскаго парламента, который отчасти согласился съ нимъ, одобряя отозваніе англійской эскадры изъ Мексиканскаго залива и намѣреніе правительства ограничиться надзоромъ за купеческими судами у береговъ Африки.

Но и здѣсь, повидимому, ожидаютъ англійскихъ крейсеровъ столкновенія, если не съ Соединенными Штатами, то съ Франціей, которую въ послѣднее время стали обвинять въ содѣйствіи торгу неграми. Объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующей статьѣ.

СООТНОШЕНІЕ И ВЗАИМНОДѢЙСТВІЕ ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ.

Des relations mutuelles des forces physiques, par L. de la Rive. Bibliothèque universelle. Janvier 1858.

Wechselseitige Wirkung der physischen Kräfte, von Rollman, Westermanns illustrirte Monatshefte, 1857.

Liebig, über die Metamorphose der Kraft. Allgem. Zeitung 3 April 1858.

(Окончаніе.)

—

Электричество и магнитизмъ.

Здѣсь мы входимъ въ область явленій, которыхъ причина, при теперешнемъ состояніи науки, совершенно для насъ неизвѣстна. Между тѣмъ какъ явленія звука, свѣта и теплоты мы объясняемъ гипотезой, основанной на не опровержимыхъ, въ сущности своей, механическихъ законахъ движенія, не прибѣгая къ потаеннымъ силамъ, при объясненіи явленій электричества мы до сихъ поръ не имѣемъ такой теоріи. За неимѣніемъ лучшей, мы принуждены принимать гипотезу существованія двухъ электричествъ, хотя ясно сознаемъ, что подобная теорія служитъ только для болѣе удобнаго выраженія, даетъ возможность соединять явленія въ одну группу и подводить ихъ подъ одинъ общій законъ. Причину же неудовлетворительности объясненія электрическихъ явленій мы должны искать, вопервыхъ, въ томъ обстоятельствѣ, что явленія эти изслѣдованы весьма недавно. Вспомнимъ, что собственно такъ-называемое ученіе объ электричествѣ началось только со времени открытія двухъ электричествъ Дюфеемъ, то-есть, съ 1733 года; до того времени ученіе вовсе не существовало, хотя свойство притягивать легкія тѣла, пріобрѣтаемое тѣлами отъ натиранія, было извѣстно уже въ глубокой древности. Вторую же причину должно искать въ изобиліи явленій, входящихъ въ область

электричества. Дѣйствительно, теорія должна объяснить не только такъ-называемыя явленія электрическія, но и химическое сродство; она должна показать, почему при химическихъ соединеніяхъ происходитъ свѣтъ и теплота; наконецъ, эта же теорія должна показать намъ связь, существующую между послѣдними двумя явленіями, и тѣмъ распространить наши свѣдѣнія объ эѳирѣ, свойства котораго играютъ столь важную роль въ новѣйшей физикѣ. Теперь преждевременно было бы заботиться о дознаніи сущности электричества должно стараться только собрать возможно большее число фактовъ. Тогда, по всѣмъ вѣроятностямъ, точное изслѣдованіе явленій само укажетъ на нить, связывающую ихъ, на общій законъ природы, которому подчиняются они, и тогда намъ станетъ ясна, если не первоначальная причина, то по крайней мѣрѣ сущность той силы, которую мы привыкли называть общимъ именемъ электричества.

Для объясненія электрическихъ явленій, теорія принимаетъ существованіе двухъ разнородныхъ электричествъ, положительнаго и отрицательнаго, находящихся въ каждомъ тѣлѣ въ равномъ количествѣ; частицы одного и того же электричества взаимно отталкиваются, разнородныя же электричества притягиваются взаимно. Отсюда объясняется, вопервыхъ, почему электричество распространяется по хорошимъ проводникамъ болѣе и болѣе и переходитъ на другое тѣло, прикасающееся къ первому, и отчего въ данномъ тѣлѣ мы не замѣчаемъ присутствія электричества, ибо взаимнымъ притяженіемъ своимъ обѣ жидкости держатся въ связномъ состояніи и одна не позволяетъ дѣйствовать другой. Поэтому, наэлектризовать тѣло значитъ сдѣлать такъ, чтобы въ тѣлѣ оказался избытокъ одного какого-нибудь электричества; при треніи же трущее и тремое тѣло получаютъ всегда электричества разнородныя. Если на двухъ концахъ какого-нибудь хорошаго проводника постоянно будемъ накоплять два разнородныя электричества, то они, соединяясь между собой чрезъ проводникъ, образуютъ такъ-называемый гальваническій токъ. Поэтому токъ есть не что иное, какъ постоянное возбужденіе и соединеніе двухъ разнородныхъ электричествъ; это лейденская банка, постоянно заряжаемая и постоянно разряжающаяся, посредствомъ проводника, играющаго здѣсь роль разрядника.

Теорія электрическаго притяженія и отталкиванія оказывается неудовлетворительною для объясненія дѣйствія токовъ другъ на друга, состоящаго во взаимномъ притяженіи тѣхъ токовъ, которые идутъ по одному направленію, и въ отталкиваніи движущихся по направленіямъ противоположнымъ. Явленіе это составляетъ главное основаніе знаменитой теоріи Ампѐра, который объясняетъ отсюда вліяніе, оказываемое то-

комъ на магнитную стрѣлку, такъ же какъ и дѣйствіе полюсовъ магнита между собою. Такимъ образомъ Амперъ не только связываетъ магнитизмъ съ электричествомъ, но строго доказываетъ, что магнитъ есть не что иное, какъ проводникъ, поперекъ котораго движется спиральный токъ; а если такъ, то переходъ электричества въ магнитизмъ и, обратно, возбужденіе электричества посредствомъ магнитизма объясняется само собой. Каковы бы ни были измѣненія, могущія со временемъ произойдти въ понятіяхъ нашихъ о сущности электричества, теорія Ампера, по которой электричество и магнитизмъ суть явленія тождественныя, останется непоколебимою, ибо въ основаніи своемъ не предполагаетъ ни сѣвернаго и южнаго магнитизма, ни положительнаго и отрицательнаго электричества. Очевидно, что даже съ перемѣною понятій и выраженій о дѣйствіи электричества, взаимное дѣйствіе токовъ останется неприкосновеннымъ и всѣ слѣдствія, отсюда выводимыя, будутъ равно вѣрны и по другой теоріи. Итакъ уже въ настоящее время физикъ, не обинуясь, можетъ сказать: «сила магнитизма и электричества одно и то же, и явленія, ими представляемыя, тождественны между собою».

Обнаруженіе взаимной связи, существующей между электричествомъ и магнитизмомъ, представляетъ собой рядъ умозаключеній, въ высшей степени геніальныхъ и поучительныхъ. Эрштедъ, послѣ долгихъ, безуспѣшныхъ розысканій физиковъ, открываетъ, что магнитная стрѣлка, вліяніемъ тока, отклоняется отъ первоначальнаго своего положенія и принимаетъ направленіе, перпендикулярное къ току. Открытіе удивительное, какъ по простотѣ, такъ и по плодовитости своей! Дѣйствительно, до устройства электромагнитнаго телеграфа остается одинъ только шагъ, и Амперъ, впервые истолковавшій блистательное открытіе копенгагенскаго физика, первый же подаетъ мысль къ проложенію телеграфической проволоки. По мертвому металлу, незримо для насъ, незамѣтно, съ быстротою молніи пробѣгаетъ человѣческая мысль; разстоянія уничтожаются, нѣтъ болѣе различія между водой и сушей; океанъ раздѣляетъ народы, телеграфъ соединяетъ ихъ и посылаетъ братское привѣтствіе (или укоръ) отъ одного материка къ другому!..

Пойдемъ далѣе: представимъ себѣ два спиральные тока, идущіе по одному и тому же направленію; такіе токи одноименными своими концами взаимно отталкиваются, разноименными же притягиваются. Равнымъ образомъ, приближая одинъ полюсъ магнита къ спиральному току, увидимъ, что одинъ конецъ спирали притягивается магнитомъ, а противоположный конецъ отталкивается. Слѣдовательно, дѣйствіе двухъ спиральныхъ токовъ во всемъ подобно дѣйствію двухъ магни-

товъ. Отсюда же Амперъ выводитъ предложеніе обратное. Магнитъ есть не что иное, какъ спиральный токъ, и открытіе Эрштеда объясняется просто тѣмъ, что магнитная стрѣлка должна поворачиваться такъ, чтобы токъ, движущійся по ней, былъ параллеленъ току, идущему по проволокѣ, и вотъ почему стрѣлка становится перпендикулярно къ току.

Теорія Ампера объясняетъ самую сущность магнитизма, не прибѣгая къ двумъ магнитизмамъ, сѣверному и южному. Въ каждомъ кускѣ желѣза, стали, вообще въ веществахъ магнитическихъ, то-есть, способныхъ принимать магнитизмъ, каждый атомъ окруженъ такъ-называемыми *амперовскими токами*, при обыкновенномъ состояніи имѣющими всѣ возможныя направленія, и потому вещества эти не оказываютъ никакого магнитнаго дѣйствія. Намагнитить тѣло значитъ привести всѣ частные амперовскіе токи къ одному направленію, къ параллелизму. Съ этой точки зрѣнія намагниченіе желѣза и стали посредствомъ магнита дѣлается совершенно понятнымъ: спиральный токъ, движущійся въ магнитѣ по одному направленію, притяженіемъ своимъ принуждаетъ токи, существующіе въ желѣзѣ и стали, идти параллельно съ нимъ, а когда амперовскіе токи параллельны между собой, тогда вещество (желѣзо, сталь) само становится магнитомъ. Оторвите магнитъ — и желѣзо теряетъ свою магнитность, потому что амперовскіе токи опять утратили свой параллелизмъ; въ стали же сдерживающая сила (force coërcitive) принуждаетъ токи, разъ приведенные къ параллелизму, продолжать свое движеніе въ томъ же направленіи. Если около мягкаго желѣза обмотать спиральную металлическую проволоку, то при пропускѣ въ нее тока, желѣзо становится магнитомъ; при перерывѣ же тока магнитизмъ теряется. Здѣсь очевидно происходитъ то же самое дѣйствіе, что̀ и прежде, и на этомъ основано устройство электромагнитнаго телеграфа.

Если электричество возбуждаетъ магнитизмъ, то и обратно, магнитъ можетъ возбуждать электричество. Приближая или удаляя магнитъ отъ сомкнутой металлической проволоки, мы замѣтимъ токъ, имѣющій каждый разъ противоположное направленіе. Этотъ токъ, называемый *индукціоннымъ*, наво̀днымъ, возбужденъ движущимся магнитизмомъ; это дѣйствіе обратное замѣченному нами прежде, гдѣ посредствомъ движущагося электричества или тока возбуждается магнитизмъ.

Показавъ тождество электричества и магнитизма, обращаемся къ связи, существующей между электричествомъ и другими физическими дѣятелями, и, разумѣется, все, что̀ мы скажемъ о немъ, относится равно и къ магнитизму. Извѣстно какъ электричество возбуждается треніемъ круга машины о кожаныя подушки, извѣстно, что индукці-

онный токъ обусловливается приближеніемъ или удаленіемъ сомкнутаго проводника къ проволокѣ, по которой движется токъ, или же приближеніемъ и удаленіемъ обвитаго проволокою желѣза къ полюсамъ или отъ полюсовъ магнита. Стало-быть для возбужденія и поддержанія электрическаго или магнитнаго тока необходима и механическая работа. Въ свою очередь электричество и магнитизмъ во многихъ случаяхъ сами производятъ движеніе: вспомнимъ притяженіе и отталкиваніе тѣлъ, наэлектризованныхъ одинаковымъ или различнымъ электричествомъ, также и проводниковъ, по которымъ движутся токи, имѣющіе одинаковое или различное направленіе. Гальваническій токъ, возбуждая магнитизмъ въ электромагнитѣ, заставляетъ его напримѣръ притягивать вблизи находящійся якорь, котораго остріе производитъ на бумагѣ точку или черту, стотря по продолжительности тока, а на этомъ основанъ электромагнитный телеграфъ Морса, который входитъ нынѣ болѣе и болѣе въ употребленіе. Съ другой стороны, притяженіемъ и отталкиваніемъ полюсовъ двухъ электромагнитовъ, пользуются при устройствѣ электромагнитныхъ машинъ. Вопросъ, почему до сихъ поръ электричество не примѣняется къ механическимъ двигателямъ, будетъ разсмотрѣнъ нами впослѣдствіи.

Мы видѣли уже, что электрическій токъ, движущійся по спирали, помѣщенной между полюсами подковообразнаго магнита, раждаетъ звукъ. Но электричество производитъ и другія, не менѣе замѣчательныя измѣненія въ расположеніи атомовъ тѣлъ. Вертгеймъ, спеціально занимавшійся этимъ вопросомъ, замѣтилъ, что коэффиціентъ (то-есть числовой показатель) упругости желѣзнаго или стальнаго бруска, помѣщеннаго внутри металлической спирали, измѣняется во время прохожденія тока по спирали, то-есть, при намагничиваніи бруска; въ стали измѣненіе это продолжается и по перерывѣ тока. Вотъ еще болѣе любопытный опытъ: укрѣпимъ полоску мягкаго желѣза за одинъ конецъ неподвижно, а на другомъ, свободномъ концѣ, привѣсимъ маленькій грузъ. Тогда, какъ и слѣдовало ожидать, полоска немного погнется, какъ вслѣдствіе собственной своей тяжести, такъ и тяжести прибавочнаго груза. Но если обвить ее проволочной спиралью, то въ моментъ движенія тока по спирали и слѣдовательно намагниченія полоски, увидимъ, что послѣдняя, вмѣстѣ съ обвивающей ее проволокой, какъ бы выпрямляется. Очевидно, что намагничиваніе производитъ измѣненіе въ расположеніи атомовъ тѣла. Этого мало: магнитизмъ производитъ перемѣну даже въ размѣрахъ тѣла. Въ моментъ намагничиванія полоски мягкаго желѣза, она увеличивается на $^1/_{120000}$ первоначальной своей длины; при прекращеніи магнитизма,

полоска сокращается, но не приходитъ въ первобытные размѣры, а остается нѣсколько удлиненною.

Электричество производитъ значительныя перемѣны и въ постоянныхъ магнитахъ. Извѣстно, что во время сѣвернаго сіянія (по всѣмъ вѣроятностямъ явленія электрическаго) склоненіе магнитной стрѣлки претерпѣваетъ значительныя и весьма неправильныя измѣненія; колебанія эти служатъ даже признакомъ, что въ данный моментъ происходитъ полярное сіяніе, хотя мы даже его и не замѣчаемъ. Если молнія ударяетъ въ магнитъ, то весьма часто совершенно уничтожаетъ магнитизмъ, иногда же полюсы магнита превращаются. Въ 1809 году одинъ генуэзскій корабль претерпѣлъ крушеніе у береговъ Алжира оттого, что послѣ удара молніи въ корабль, полюсы стрѣлки перевернулись и капитанъ думалъ, что онъ держитъ курсъ на сѣверъ, тогда какъ судно шло прямо на югъ. Наоборотъ: измѣненіе въ расположеніи атомовъ тѣла способствуетъ воспринятію имъ магнитности. Извѣстно, что удары и закалъ удерживаютъ магнитность въ желѣзѣ; стальной брусокъ, приведенный въ положенье стрѣлки наклоненія, чрезъ удары молотомъ сохраняетъ полученную имъ магнитность подъ вліяніемъ магнитизма земли.

Мы говорили уже, что при извѣстныхъ случаяхъ теплота производитъ электричество и указали на гидроэлекрическую машину и на термоэлектрическій столбъ. Наоборотъ, электрическія явленія всегда почти сопровождаются свѣтомъ и теплотой, напримѣръ: устричныя раковины отъ проведенія по нимъ разряда лейденской банки пріобрѣтаютъ свойство свѣтить въ темнотѣ. Электрическій свѣтъ имѣетъ тѣмъ большее напряженіе, чѣмъ сильнѣе токъ; чѣмъ тоньше проволока, по которой проводится токъ, тѣмъ сильнѣе накалится она. Свѣтъ, издаваемый ею, переходитъ изъ красно-калильнаго въ бѣлокалильный; наконецъ отъ продолжительнаго и сильнаго дѣйствія электричества проволоки мѣдная и желѣзная плавятся, а платиновая улетучивается. Если прервемъ токъ и потомъ проволоки, привинченныя къ полюсамъ батареи (электроды), приведемъ въ соприкосновеніе, то при каждомъ разрывѣ и замыканіи тока является искра, яркость и цвѣтъ которой зависитъ отъ силы тока и вещества самыхъ электродовъ. При весьма сильномъ токѣ, электроды можно держать на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга и искра не прекратится, но образуется такъ-называемая электрическая дуга, употребляемая для освѣщенія. Свѣтъ, замѣчаемый въ дугѣ, происходитъ, подобно искрѣ, отъ отдѣленія накаленныхъ частицъ электродовъ.

Теплота также тѣсно связана и съ магнитизмомъ. Если накалить магнитный брусокъ до бѣла, то, по охлажденіи, онъ совершенно теряетъ магнитность, но не утрачиваетъ способности пріобрѣсть ее

вновь. То же самое получимъ, если магнитъ будемъ погружать въ воду, нагрѣваемую болѣе или менѣе: магнитность уменьшается по мѣрѣ повышенія температуры и каждой температурѣ соотвѣтствуетъ опредѣленная потеря магнитнаго напряженія. Обратно, съ пониженіемъ температуры магнитность увеличивается: та же стрѣлка, на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ равную единицу времени совершаетъ тѣмъ большее число качаній, чѣмъ ниже температура.

Магнитъ оказываетъ и другія дѣйствія, въ высшей степени замѣчательныя и недавно только изслѣдованныя: магнитъ не только дѣйствуетъ на другой магнитъ и на *магнитическія* вещества, каковы желѣзо, сталь, никкель и кобальтъ, но и на всѣ тѣла твердыя, жидкія и газообразныя, хотя вліяніе это бываетъ весьма различно. Если между полюсами электромагнита повѣсимъ свободно кусокъ желѣза, стали, никкеля и кобальта, то при пропусканіи тока по проволокамъ электромагнита, слѣдовательно при намагничиваніи послѣдняго, помянутыя вещества притягиваются полюсами электромагнита и станутъ въ плоскости его полюсовъ — примутъ такъ-называемое *осевое* или *полярное* положеніе. Подобное направленіе принимаютъ всѣ окиси желѣза и соединенія его, потомъ кобальтъ, марганецъ, платина, стекло, дерево, и т. д. Но есть тѣла, на которыя магнитизмъ дѣйствуетъ совсѣмъ иначе: они принимаютъ положеніе перпендикулярное къ плоскости электромагнита, то-есть, отталкиваются его полюсами. Такое положеніе, называемое *экваторіальнымъ*, принимаютъ висмутъ, сюрьма, цинкъ, серебро, ртуть, мѣдь, кости и мясо животныхъ, и проч. Подобныя тѣла называются *діамагнитными*,—названіе, которое далъ имъ Фарадэ, изслѣдовавшій этотъ любопытный рядъ явленій. Пламя свѣчи принимаетъ также положеніе экваторіальное и то же самое положеніе принялъ бы человѣкъ, повѣшенный въ центрѣ тяжести между полюсами электромагнита, такъ какъ всѣ почти части его тѣла принадлежатъ къ тѣламъ діамагнитнымъ.

Не менѣе важное и любопытные вліяніе оказываетъ магнитизмъ на расположеніе атомовъ тѣлъ. Отражая лучи свѣта отъ плоскаго зеркала подъ извѣстнымъ угломъ и разсматривая отраженные лучи сквозь такъ-называемую Николеву призму, мы, при извѣстномъ положеніи призмы, увидимъ свѣтъ, при другомъ же положеніи ея зеркало покажется совершенно темнымъ. Вообразимъ себѣ подковообразный электромагнитъ; между концами его положимъ кусокъ кремне-борно-кислой окиси свинца. Смотря въ Николеву призму такъ, чтобы лучи свѣта, отраженные отъ плоскаго зеркала, проходили сквозь вышесказанный минералъ, увидимъ, что при извѣстномъ положеніи призмы, минералъ кажется прозрачнымъ, при другомъ — темнымъ. Поставимъ те-

церь Николеву призму такъ, чтобы минералъ казался непрозрачнымъ и пропустимъ токъ по проволокамъ электромагнита, тогда замѣтимъ, что въ моментъ намагничиванія желѣза, минералъ вдругъ сдѣлался прозразнымъ, и прозрачность продолжается до тѣхъ поръ, пока не прекратится магнитизмъ. Перервите токъ, и окись свинца по прежнему дѣлается непрозрачной. Наоборотъ: поверните Николеву призму такъ, чтобы минералъ казался прозрачнымъ, и возстановите магнитизмъ въ мягкомъ желѣзѣ, вамъ покажется, будто кто-нибудь держитъ передъ вашими глазами непрозрачную пластинку, — окись свинца стала непрозрачною! Уничтожьте магнитизмъ — пластинка опять пропускаетъ свѣтъ! Что же обнаруживаетъ этотъ замѣчательный опытъ Фарадэ? — А то, что магнитъ оказываетъ вліяніе на расположеніе атомовъ тѣлъ, ибо только отъ этого расположенія можетъ зависѣть прозрачность или непрозрачность. Зная же притомъ, что магнитизмъ и гальваническій токъ способны въ желѣзномъ и стальномъ брускахъ возбуждать звукъ, даже удлиннять ихъ, мы въ правѣ полагать, что магнитизмъ и электричество находятся въ тѣсной связи съ частичнымъ притяженіемъ.

Электричество производитъ разложеніе тѣлъ на ихъ составныя части и слѣдовательно разрушаетъ химическое сродство. Это свойство электричества, открытое въ 1807 году, играетъ теперь огромную роль въ промышленности, ибо на немъ основана гальванопластика.

Извѣстно, что вода дѣйствіемъ гальваническаго тока разлагается, причемъ кислородъ является всегда у положительнаго, а водородъ у отрицательнаго полюса. Вообще же можно сказать, что подвергая сложное тѣло (состоящее изъ основанія и кислоты) дѣйствію тока, *основаніе* находимъ всегда у отрицательнаго, а *кислоту* у положительнаго полюса; отсюда, основываясь на электрическомъ притяженіи и отталкиваніи, выводимъ, что основаніе составляетъ электроположительное, а кислота электроотрицательное начало. Дѣйствіемъ тока знаменитому Деви удалось разложить многія тѣла, до него считавшіяся простыми, напримѣръ кали, натръ, на основанія — калій, натрій, и на кислородъ; на этомъ же основана такъ-называемая электрохимическая теорія. Что же касается до магнитизма, то до сихъ поръ не удалось доказать участіе, принимаемое имъ въ химическихъ соединеніяхъ, и всѣ опыты, совершенные съ этой цѣлью, не привели къ желаемому результату.

Такимъ образомъ одинъ и тотъ же гальваническій токъ можетъ производить движеніе, свѣтъ, теплоту и химическое разложеніе. Здѣсь мы должны употребить слово *производить*, не имѣя права назвать это *преобразованіемъ*, ибо, при нынѣшнимъ состояніи науки, мы не можемъ иначе обнаружить присутствіе электричества, какъ только по-

средствомъ вышесказанныхъ явленій. Но зато можно строго доказать, что и электричество слѣдуетъ общему закону сохраненія силъ, то-есть, что̀ выигрывается и здѣсь въ одномъ, то теряется въ другомъ отношеніи. Дѣйствительно, заставьте гальваническій токъ приводить въ движеніе какую-нибудь машину и измѣрьте производимое имъ въ то же время химическое разложеніе, свѣтъ и теплоту, увидите, что когда машина въ полномъ ходу, химическое разложеніе, свѣтъ и теплота уменьшились значительно. Остановите машину: въ тотъ же моментъ химическое разложеніе усиливается и освобождается значительное количество теплоты. Заставьте электродвигательную машину исполнить какую-нибудь работу, поднять грузъ, и увидите, что химическое разложеніе и теплота прекратились вовсе: вся сила тока преобразилась, перешла въ движеніе!

Пусть токъ пройдетъ сквозь металлическую проволоку и въ то же время сквозь воду, увидите, что мѣдная проволока нагрѣвается значительно, но вода почти не разлагается. Прибавьте къ водѣ нѣсколько капель сѣрной кислоты, чтобъ проводкость ея увеличилась, увидите, что теперь вода разлагается сильно, но зато проволока нагрѣлась слабо, почти незамѣтно. Въ первомъ случаѣ вы обнаружили теплоту, но уничтожили химическое дѣйствіе; во второмъ химическое дѣйствіе тока увеличилось, теплота же исчезла и преобразилась, такъ-сказать, въ химическій дѣятель. На лекціяхъ, читанныхъ Либигомъ въ мартѣ 1858 года въ мюнхенской лабораторіи, знаменитый химикъ заставилъ токъ проходить сквозь толстую проволоку, обмотанную вокругъ мягкаго желѣза: желѣзо стало магнитомъ и могло держать 50 фунтовъ. Послѣ того тотъ же токъ проведенъ былъ сквозь тонкую проволоку, представлявшую ему значительное сопротивленіе: магнитизмъ ослабѣлъ, но зато проволока накалилась, и будучи положена въ стаканъ воды, нагрѣла ее до точки кипѣнья. Либигъ послѣ этого заставилъ токъ произвесть химическое разложеніе: теплота и магнитизмъ исчезли, но зато вода разложилась на кислородъ и водородъ. Зажгли смѣсь обоихъ газовъ, и получилась теплота, соотвѣтствующая силѣ употребленнаго тока. Тотъ самый электрическій токъ, который намагничиваетъ желѣзо, заставляя его держать грузъ въ 1,350 фунтовъ, возбуждаетъ въ тонкой проволокѣ столько теплоты, что одинъ фунтъ воды можетъ нагрѣваться ею на одинъ градусъ, и разлагаетъ такое количество воды на кислородъ и водородъ, что отъ сожиганія этой смѣси газовъ температура одного фунта воды можетъ повышаться также на одинъ градусъ. Вездѣ оказывается равенство дѣйствія и сохраненіе силы, нигдѣ не видимъ ни излишка, ни убыли. Стало-быть, опять мы пришли къ тому заключенію, что сила исчезнуть не можетъ, что движеніе не те-

ряется и что кажущееся уничтоженіе его есть только одно преобразованье.

Химическое сродство.

Общимъ названіемъ химическаго сродства мы обозначаемъ силу, заставляющую частицы двухъ разнородныхъ веществъ между собою соединяться и образовать новое вещество, отличное отъ прежнихъ по своимъ физическимъ и химическимъ свойствамъ. Въ водѣ нельзя узнать ни горючести водорода, ни способности кислорода поддерживать горѣніе; кислородъ и азотъ, два газа безцвѣтные, безъ запаха, образуютъ жидкое тѣло — азотную кислоту, по свойствамъ своимъ совершенно отличное отъ составляющихъ его веществъ. Но что такое сила, заставляющая частицы тѣлъ взаимно соединяться, объ этомъ при нынѣшнемъ состояніи естествовѣдѣнія мы не знаемъ почти ничего, и здѣсь-то открывается обширное поле для предположеній. Теорія принимаетъ, что два вещества, при соединеніи своемъ, наэлектризованы, одно электричествомъ положительнымъ, другое — отрицательнымъ. Если подвергнемъ составное тѣло дѣйствію гальваническаго столба, то-есть, вліянію двухъ разнородныхъ электричествъ, накопленныхъ у его полюсовъ, тѣло это разлагается: положительный полюсъ притягиваетъ къ себѣ электроотрицательное начало (кислоту), а отрицательный—электроположительное начало (основаніе). При всякомъ химическомъ дѣйствіи освобождается электричество, и это служитъ основаніемъ для устройства гальваническихъ столбовъ. Простѣйшій гальваническій элементъ представляетъ намъ цинковая пластинка, погруженная въ смѣсь сѣрной кислоты съ водой. Цинкъ при этомъ пріобрѣтаетъ отрицательное, а жидкость положительное электричество. Если отъ верхняго конца цинка опустимъ металлическую проволоку въ воду, то цѣпь замкнута, токъ начинаетъ двигаться и разлагаетъ воду; водородъ поднимается въ видѣ пузырьковъ, а цинкъ соединяется съ кислородомъ и сѣрной кислотой и падаетъ на дно въ видѣ сѣраго порошка. Чѣмъ быстрѣе происходитъ химическое разложеніе, тѣмъ сильнѣе будетъ токъ; такъ, напримѣръ, въ чистой водѣ, представляющей току значительное сопротивленіе, послѣдній уменьшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается и химическое разложеніе.

Химическое сродство бываетъ причиною свѣта, теплоты, магнитизма: обыкновенное горѣніе есть не что иное, какъ химическое соединеніе тѣла съ кислородомъ; соединеніе это, сопровождаемое свѣтомъ и теплотой, мы называемъ пламенемъ. Наоборотъ, пламя бываетъ причиною новаго химическаго соединенія, новаго горѣнія: нагрѣтое пламенемъ тѣло пріобрѣтаетъ способность соединяться съ

кислородомъ воздуха и вспыхиваетъ. Теплота, происходящая отъ соединенія угля съ кислородомъ, преобразуется въ движеніе, — и опредѣленному количеству горючаго матеріала соотвѣтствуетъ опредѣленная величина движущей силы.

Въ паровой машинѣ сила химическаго сродства, горѣніе, переходитъ въ двигательную силу посредствомъ паровъ, которые, образуясь отъ теплоты, давятъ на поршень и тѣмъ самымъ приводятъ его и весь сопряженный съ нимъ механизмъ въ движеніе. Съ другой стороны знаемъ также, что и электричество преобразуется въ движеніе, что оно можетъ также производить механическую работу: какая же разница между паровой машиной и электродвигателемъ? Почему до сихъ поръ гальваническій токъ не употребляется для приведенія машинъ въ дѣйствіе и не заступаетъ мѣсто пара, дѣятеля могучаго, но въ высшей степени страшнаго и покупаемаго дорогою цѣной? Не разъ, показывая модели различныхъ системъ электродвигателей, довольно сложныя, а между тѣмъ приводимыя въ движеніе двумя или тремя элементами Бунзена, мы слыхали такіе вопросы: «Почему электродвигательныя машины не устроиваются въ большомъ видѣ, а показываются только какъ рѣдкость въ физическихъ кабинетахъ? Когда же наконецъ гальваническій токъ замѣнитъ собою паръ? А вѣдь пора и очень пора! У насъ вездѣ начинаютъ устроивать желѣзныя дороги, а между тѣмъ дрова съ каждымъ днемъ становятся дороже: за чѣмъ не употреблять электричества для приведенія въ движеніе локомотива? — и дешевле, и нечего опасаться разрыва котла?»

На подобные вопросы приходится обыкновенно отвѣчать такъ: съ увеличеніемъ размѣровъ электродвигательной машины и сопротивленія, которое надо будетъ преодолѣвать, потребуется сильная гальваническая батарея, состоящая изъ множества элементовъ; устройство и содержаніе такой батареи обойдется гораздо дороже, чѣмъ паровая машина. Чтобы доказать это, повторимъ сказанное нами прежде: сила теряться не можетъ, а можетъ только преобразовываться въ другія, и что̀ при этомъ выигрывается съ одной стороны, теряется съ другой. Дѣйствительно, взглянувъ на силу, заставляющую двигаться поршень паровой машины, и на машину электродвигательную, убѣдитесь, что силы эти дѣйствуютъ при условіяхъ, весьма различныхъ. Въ паровой машинѣ вся теплота употребляется для главной цѣли — для произведенія пара, а весь почти паръ, въ свою очередь, дѣйствуетъ на поршень цилиндра, только малая часть его теряется отъ охлажденія. Совсѣмъ другое бываетъ при употребленіи гальваническаго тока: до сихъ поръ не удалось произвесть посредствомъ тока одно только движеніе, — дѣйствующій токъ всегда сопровождается теплотой и химическимъ

разложеніемъ. Хотя при движеніи электродвигательныхъ машинъ не замѣчаемъ разложенія и теплоты, но тѣмъ не менѣе они присущи ему на самомъ дѣлѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, троньте рукой элементы батареи и замѣтите, что каждая банка значительно нагрѣлась, внутри каждой банки поднимается множество пузырьковъ водорода, а цинкъ соединяется съ кислородомъ и сѣрной кислотой, образуя новое химическое соединеніе — цинковый купоросъ. Еслибы мы имѣли возможность устранить всякое химическое разложеніе и освобожденіе теплоты, еслибы удалось намъ употребить всю силу тока на произведеніе одного только движенія, тогда, нѣтъ сомнѣнія, электричество вступило бы въ свои права и явилось бы опаснымъ соперникомъ пара, быть-можетъ вовсе вытѣснило бы его изъ употребленія. Понуда же бо́льшая часть силы тока теряется на химическое разложеніе и на теплоту, нечего удивляться, почему электродвигатели не устроиваются въ большомъ видѣ. Вы можете одну силу преобразовывать въ другія, но лишь въ той мѣрѣ и въ тѣхъ условіяхъ, какія допускаются ихъ дознанными особенностями. Требовать болѣе — значитъ требовать невозможнаго.

Мы кончили. Въ этой статьѣ намъ хотѣлось представить читателямъ, что̀ сдѣлано до сихъ поръ касательно великаго вопроса о взаимномъ дѣйствіи физическихъ силъ, какіе факты пріобрѣтены наукой и чего она еще не достигла. Много сдѣлано на этомъ поприщѣ, но еще гораздо болѣе остается работы впереди. Много неразгаданнаго лежитъ передъ нами, много явленій покрыты для насъ непроницаемой завѣсой, и до сихъ поръ человѣкъ и не притронулся еще до таинственной этой завѣсы! Между тѣмъ какъ связь между движеніемъ, звукомъ, свѣтомъ, теплотою и переходомъ этихъ силъ одна въ другую объясняется довольно удовлетворительно, на основаніи законовъ механики, сущность явленій электричества и химическаго сродства для насъ пока непонятна; теорія оказывается неудовлетворительной и всѣ извѣстныя намъ свойства вѣсомой матеріи недостаточны для объясненія этихъ явленій. Все ведетъ насъ къ заключенію, что въ природѣ должно существовать другое невѣсомое вещество, неосязаемое нами, проницающее всѣ тѣла, составляющее, такъ-сказать, принадлежность вѣсомой матеріи и съ нею нераздѣльное. Если уже объясненіе явленій свѣта и теплоты требуетъ предположенія подобнаго вещества, условно называемаго эѳиромъ, то явленія электричества и химическаго сродства остаются совершенно необъяснимыми, если принимать въ разсчетъ одни только извѣстныя намъ доселѣ свойства вѣсомой матеріи.

Когда же, какъ можно надѣяться, болѣе подробное изученіе электрическихъ явленій разъяснитъ намъ ствойство этого невѣсомаго, всепроницающаго вещества, можно ли полагать, что со временемъ естествоиспытатель достигнетъ наконецъ того, чтобъ всѣ физическія явленія вытекали для него какъ слѣдствія изъ самаго опредѣленія вещества и его качествъ?

Къ сожалѣнію, на подобный вопросъ приходится отвѣчать отрицательно. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о первоначальной причинѣ, о началѣ вещей, человѣкъ всегда и вѣчно встрѣтитъ непреодолимыя препятствія, ибо подобная задача превышаетъ сферу его разума и силъ. Человѣкъ, въ этомъ случаѣ, похожъ на астронома, который, по мѣрѣ усовершенствованія телескоповъ, открываетъ болѣе и болѣе міровъ, отдаленныхъ на пространства, для него недосягаемыя. Чѣмъ болѣе совершенствуются зрительные инструменты, чѣмъ болѣе, повидимому, изученіе вселенной должно подвинуться впередъ, тѣмъ болѣе взору наблюдателя представляется новыхъ неразгаданныхъ міровъ, существованія которыхъ онъ прежде и не чаялъ — и, въ сознаніи своего безсилія, человѣкъ безмолвно преклоняется передъ непостижимымъ всемогуществомъ Творца.

Будемъ довольны тѣмъ, что по крайней мѣрѣ на нашей планетѣ дано намъ прослѣдить дивную гармонію, вѣчный переходъ отъ одной силы къ другой, вѣчный, такъ-сказать, круговоротъ физическихъ дѣятелей. Теплота солнечная становится причиною движеній, происходящихъ въ нашей атмосферѣ, переноситъ теплые слои воздуха въ болѣе холодныя страны, умѣряетъ температуру послѣднихъ, отнимая излишекъ теплоты у другихъ. Вмѣстѣ съ движеніемъ воздушныхъ массъ передвигается изъ одного мѣста въ другое огромное количество водяныхъ паровъ, осаждающееся послѣ опять въ жидкомъ состояніи. Здѣсь теплота солнца производитъ уже механическую работу, сопровождаемую освобожденіемъ электричества и свѣта. Между тѣмъ какъ чрезъ нагрѣваніе океана близь экватора, отъ полюсовъ притекаетъ холодная вода, нагрѣвшаяся жидкость стекаетъ отъ экватора къ полюсамъ. По всѣмъ вѣроятностямъ, говоритъ г. Деларивъ, вращеніе земнаго шара около оси раждаетъ индукціонные токи, обтекающіе землю параллельно экватору, и этимъ объясняется ея магнитизмъ. Быть-можетъ, со временемъ, когда свойства эѳира и связь его съ вѣсомою матеріей сдѣлаются болѣе извѣстны, мы поймемъ, какимъ образомъ планеты, кружащія около солнца, возвращаютъ ему расходуемые имъ теплоту и свѣтъ, ибо для того, чтобы теплотворное дѣйствіе солнца не истощалось, потребно, какъ полагалъ уже великій Ньютонъ, чтобы оно получало свои траты обратно отъ другихъ

тѣлъ солнечной системы, подъ какимъ бы видомъ ни происходило это вознагражденіе.

И въ животномъ тѣлѣ жизненная сила бываетъ причиной движенія и теплоты; безъ содѣйствія солнечнаго свѣта и тепла растеніе не можетъ развиваться. Но теплота солнечная не теряется: сожигая продукты растительнаго царства, мы опять получаемъ свѣтъ и теплоту, подобно тому, какъ употребляя извѣстную силу для скрученія часовой пружины, получаемъ силу, заставляющую двигаться весь этотъ механизмъ. Въ растительной пищѣ мы употребляемъ вещества, происшедшія отъ вліяній свѣта и теплоты солнца и химическихъ соединеній; вещества эти, въ свою очередь, въ нашемъ организмѣ становятся причиною животной теплоты и новыхъ химическихъ соединеній. Такимъ образомъ въ природѣ ничто не теряется, а только преобразовывается; видимое исчезаніе матеріи есть только переходъ въ другое состояніе; что̀ исчезаетъ въ одномъ видѣ, то опять появляется въ другомъ.

Я. Вейнбергъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЕЙНЕ. Переводъ М. Л. Михайлова. . . . А. Ѳ. ФОНЪ-ВИДЕРТА.
ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПОКОЙНИКА. . . . . Н. ЖЕННИНА.
ШЕКСПИРЪ. Переводъ Н. Х. Кетчера. . . Е. К.
СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ. . . . . В. К.
СООТНОШЕНІЕ И ВЗАИМНОДѢЙСТВІЕ ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ. *(Окончаніе.)* . . Я. И. ВЕЙНБЕРГА.

Являясь еженедѣльно книжками, отъ *трехъ* до *пяти* листовъ въ каждой, АТЕНЕЙ будетъ сообщать:

1. Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной литературы;
2. Хронику важнѣйшихъ новостей въ общественной и государственной жизни современныхъ народовъ,
и 3. Статьи историческаго содержанія, записки (mémoires), путешествія, разказы, литературныя замѣтки, ученыя и художественныя извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ конторѣ *Атеней*, при книжномъ магазинѣ Н. Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина, и у книгопродавцевъ: Ѳ. О. Свѣшникова, въ домѣ университетской типографіи, и И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

У книгопродавца С. А. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгартъ.

ВЪ ПАРИЖѢ

Въ конторѣ Русскаго Агентства газеты Le Nord, boulevard de la Madelaine, 5.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ контору *Атенея*, въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 52-хъ книжекъ, 6 рублей, съ пересылкою *одиннадцать рубл. съ полтиною.*

Печатать дозволяется. Іюля 19-го, 1858 года.
Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 30.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРНСТА БАРФКНЕХТА И К°

1858.

ПѢСНИ ДРЕВНЕЙ ЭДДЫ О ЗИГУРДѢ И МУРОМСКАЯ ЛЕГЕНДА.

(Четыре лекціи изъ курса объ исторіи народной поэзіи.)

—

I.

Рядъ блистательныхъ подвиговъ великаго сѣвернаго героя Зигурда открывается предсказаніемъ дяди его Грипира. Этому предсказанію посвящена цѣлая пѣсня, подъ названіемъ Gripis-Spá (предвидѣніе или предсказаніе Грипира). Зигурдъ отправляется къ своему дядѣ, и въ краткомъ разказѣ узнаетъ отъ него всю будущую судьбу свою.

Вильгельмъ Гриммъ, въ Heldensage, и Зимрокъ, въ своей Эддѣ, отказываютъ этой пѣснѣ въ самостоятельномъ поэтическомъ значеніи, почитая ее намѣреннымъ, слѣдовательно не эпическимъ, и притомъ позднѣйшимъ сокращеніемъ болѣе обширныхъ разказовъ о подвигахъ Зигурда. Напротивъ того, Рассманъ, въ своемъ сочиненіи о Вёльзунгахъ, видитъ въ этой пѣснѣ необходимый эпизодъ поэмы о Зигурдѣ, эпизодъ, который предсказаніемъ о свѣтлыхъ подвигахъ Зигурда противополагается мрачному предвѣстію карлика Андвари, который предрекаетъ великія бѣдствія всякому, кто завладѣетъ сокровищемъ, купленнымъ цѣною крови. Вѣщимъ благословеніемъ Грипира, по мнѣнію Рассмана, какъ бы смягчается проклятіе, которое Андвари наложилъ на свое золото.

Какъ бы то ни было, но въ пѣсняхъ древней Эдды не разъ встрѣчаются одни и тѣ же сказанія, то въ болѣе широкой формѣ эпическаго повѣствованія, то въ энергической, краткой формѣ воспоминанія, загадки, предвѣщанія или предвидѣнія, или даже

въ цѣломъ рядѣ полувысказанныхъ намековъ между говорящими, въ оживленной драматической формѣ, какъ напримѣръ въ пѣснѣ о Вафтруднирѣ и во многихъ другихъ.

Къ этому послѣднему разряду пѣсенъ принадлежитъ и Grípis-spá.

Всѣмъ изучавшимъ народную поэзію хорошо извѣстно, что предвѣщаніе или предвѣдѣніе есть одинъ изъ самыхъ распространенныхъ эпическихъ мотивовъ. Даже въ устарѣлой теоріи эпоса предвѣстіе признается существеннымъ элементомъ эпическаго воззрѣнія и представленія, на томъ основаніи, что предсказывая или предвидя событія, и герой эпоса *спокойнѣе* слѣдуетъ по пути, предназначенному ему судьбой, и самый разкащикъ *спокойно*, безъ всякихъ драматическихъ неожиданностей, передаетъ слушателямъ разказъ о событіяхъ, неизмѣнность которыхъ опредѣлена уже судьбой. На этомъ же основывается внесеніе въ эпическія сказанія вѣщихъ сновидѣній. Такъ напримѣръ поэма о Нибелунгахъ открывается вѣщимъ сномъ, въ которомъ предсказывается трагическая судьба Зигфрида (или сѣвернаго Зигурда).

Но объяснять такія предсказанія и вѣщія видѣнія только эпическимъ стилемъ, то-есть, только съ точки зрѣнія художественной формы, — значило бы въ самыхъ основахъ не понимать высокаго значенія народнаго эпоса.

Эпосъ спокоенъ и величавъ въ своемъ, отъ судьбы предназначенномъ, ровномъ теченіи, не по волѣ разкащика, не по намѣренному, искусственному изложенію событій, разказъ о которыхъ заблаговременно предшествуется пророчествомъ или предвѣдѣніемъ, смягчающимъ впечатлѣніе катастрофы. Народный эпосъ спокоенъ потому, что народу уже заранѣе вполнѣ извѣстно все то, о чемъ въ немъ повѣствуется. Какъ созданіе старины, какъ сама старина, всѣмъ извѣстная и свято чтимая, онъ не можетъ содержать въ своихъ разказахъ ничего неожиданнаго, чрезвычайнаго. Это-то предварительное, близкое знакомство слушателей со всѣмъ тѣмъ, о чемъ пѣвецъ будетъ имъ пѣть, нашло себѣ естественное выраженіе въ цѣломъ рядѣ эпическихъ мотивовъ, каковы предсказаніе, вѣщее видѣніе или сновидѣніе, и т. п.

Такимъ образомъ, навстрѣчу этому всеобщему знакомству

съ народнымъ эпосомъ, пѣвецъ предпосылаетъ въ вѣщемъ предвидѣніи краткій перечень всего того, о чемъ будетъ подробно разказывать.

Впрочемъ — предупреждаю недоразумѣніе — пѣвецъ поступаетъ такъ безъ всякаго особеннаго намѣренія. Это не есть искусственное предупрежденіе, опредѣляемое только художественнымъ стилемъ эпоса, но самое естественное выраженіе народной вѣры въ роковую необходимость того, что̀ совершилось.

Особенно необходимо вѣщее предвѣдѣніе въ эпосѣ ѳеогоническомъ и героическомъ. И самое божество, и герой, отъ божества произшедшій и состоящій въ связи съ силами сверхъестественными, одарены высшею способностью предвѣдѣнія. Или сами они многое знаютъ въ будущемъ, или другіе, имъ подобные и родственные боги и герои. Потому такъ естественно всякому герою,—вступая на поприще подвиговъ—позаботиться узнать, что̀ ожидаетъ его впереди, когда узнать это такъ легко.

Итакъ, предвѣстіе и вѣщее видѣніе стоятъ выше всякихъ техническихъ условій эпическаго стиля. Если же они составляютъ существенную принадлежность народнаго эпоса, то потому только, что глубоко входятъ въ нравственныя основы той жизни, которая нашла себѣ самое полное и правильное выраженіе въ эпосѣ.

Въ заключеніе должно замѣтить, что предвѣстіе само-по-себѣ не имѣетъ исключительнаго характера эпическаго. Въ видѣ темнаго предчувствія, оно играетъ не послѣднюю роль въ самыхъ сильныхъ драматическихъ сценахъ. Въ видѣ предсказанія, оно гремитъ лирическимъ проклятіемъ надъ падшимъ человѣчествомъ, въ высоко-одушевленной и раздраженной сатирѣ. Слѣдовательно, не собственно предвѣстье вообще даетъ эпическому разказу спокойствіе, но именно тотъ родъ предвѣстья, который могъ быть усвоенъ народомъ въ наивную, искренно вѣровавшую эпоху эпическую.

Изъ сказаннаго видно, что устарѣлая теорія эпоса погрѣшаетъ даже въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ — казалось бы — она не противорѣчитъ фактамъ народной поэзіи. А происходитъ это отъ той причины, что теорія эпоса основывала свои

выводы на одной внѣшней формѣ, не понимая ея родственной, органической связи съ выражаемой ею жизнью. Это была теорія эпоса, только какъ поэтической формы, а не теорія эпическаго періода въ жизни самаго народа.

Но возвратимся къ пѣснѣ Древней Эдды.

Предсказанію о судьбѣ Зигурда эта пѣсня, согласно общему характеру Эдды, даетъ оборотъ драматическій. Слушатель не только знакомится въ общихъ чертахъ съ судьбой Зигурда, но и удивляется его благородному, возвышенному характеру. Предсказаніе Грипиръ передаетъ лицу, которое принимаетъ его къ сердцу, лицу, которое и радуется своему будущему благополучію, и можетъ страшиться и ужасаться передъ страшной судьбой, которая его ожидаетъ. Именно въ такой оживленной, чисто-драматической обстановкѣ изложено предсказаніе въ пѣснѣ Gripis-spá.

Зигурдъ приходитъ къ Грипиру и спрашиваетъ: «Скажи мнѣ, если ты вѣдаешь, братъ моей матери! Скажи мнѣ, что̀ предназначено судьбой въ жизни Зигурда?» *

—«Будешь ты величайшій изъ мужей подъ солнцемъ—отвѣчаетъ Грипиръ — высшій изъ князей, прекрасенъ лицомъ и мудръ на словахъ». За тѣмъ предсказываетъ, какъ Зигурдъ отомститъ за смерть своего отца, поразитъ змія Фафнира, встрѣтитъ прекрасную Валькирію Брингильду, погруженную въ непробудный сонъ, и какъ потомъ, блистательный и счастливый, явится онъ въ палатахъ короля Геймира. Но на этомъ Грипиръ останавливается, заключая свои предсказанія слѣдующими словами: «вотъ все, что̀ я предвижу: не должно спрашивать Грипира ни о чемъ больше!»

Но Зигурдъ не довольствуется этимъ. Онъ видитъ, что Грипиръ уклончиво прерываетъ нить своихъ предсказаній, чтобъ не омрачить Зигурда тяжелымъ предвѣстіемъ. «Окручинило меня слово, которое ты молвилъ—говоритъ Зигурдъ—потому что ты, о король, предвидишь многое: или потому не хочешь ты говорить, что знаешь великую печаль для Зигурда?»—Но Грипиръ упорно останавливается на предсказаніяхъ о лучшей порѣ

* Въ подлинникѣ: *Какъ совьется поприще жизни Зигурдовой*, точнѣе, по понятіямъ сѣверной миѳологіи: *какъ свиты нити, которыми Норны отредѣляли судьбу Зигурда.*

въ жизни Зигурда; онъ ограничивается только цвѣтущею юностью своего племянника, и боится заглянуть во вторую половину его жизни. «Мнѣ дано было знать—говоритъ онъ—только юность твоей жизни: не даромъ называюсь я мудрымъ и вѣщимъ. Я уже сказалъ все, что̀ знаю.»—«Нѣтъ на землѣ человѣка—возражаетъ Зигурдъ—который бы больше тебя предвидѣлъ будущее: не скрывай же ничего печальнаго, не скрывай бѣды въ судьбѣ моей.» Грипиръ увѣряетъ Зигурда, что его жизнь будетъ безпорочна и что имя его будетъ прославляться, пока живетъ человѣчество. Наконецъ, по настоятельнымъ просьбамъ Зигурда, который между прочимъ замѣчаетъ, что все въ жизни предназначается, Грипиръ восклицаетъ: «все скажу я теперь Зигурду, потому что онъ самъ вызываетъ меня на то̀: предназначенъ день твоей смерти!»

Эта живая драматическая сцена достаточно говоритъ въ пользу той мысли, что Gripis-spá не позднѣйшее извлеченіе изъ болѣе полныхъ эпическихъ разказовъ, а существенная часть, одинъ изъ прекрасныхъ эпизодовъ цѣлаго эпоса о Зигурдѣ.

Столько же замѣчательна по глубинѣ чувства и поэтической красотѣ и вторая половина этой пѣсни. Грипиръ разказываетъ, какъ Зигурдъ оставитъ любимую имъ женщину и какъ онъ рѣшится даже на обманъ. Предсказаніе объ измѣнѣ, вѣроломствѣ и обманѣ возмущаетъ душу Зигурда. «Какъ же это ты, Грипиръ—говоритъ онъ—видишь во мнѣ такое легковѣріе, что я измѣню своему слову передъ дѣвицей, которую полюблю отъ всего моего сердца? И самое дурное, кажется мнѣ, то, что за эти дѣла злымъ назовутъ люди меня, Зигурда! Нѣтъ! Не хотѣлъ бы я коварно обмануть прекрасную королевну!»

Не бѣда, не самая смерть страшитъ Зигурда, но обманъ и несправедливость, которые предназначено ему совершить. Грипиръ успокоиваетъ героя тѣмъ, что не самъ онъ, а люди и обстоятельства будутъ причиной зла, котораго невольнымъ исполнителемъ будетъ онъ; и затѣмъ предсказываетъ страшную катастрофу въ судьбѣ героя, утѣшая его наконецъ тѣмъ, что, не смотря на всѣ бѣдствія, онъ будетъ самымъ знаменитымъ между людьми.

Пѣсня оканчивается словами Зигурда, исполненными самой трогательной, задумчивой граціи: «Да будетъ намъ благо на

разставаньи! Судьбы не побѣдишь! Ты исполнилъ, Грипиръ, мою просьбу. Еслибъ ты могъ, то, конечно, съ радостью предсказалъ бы мнѣ лучшую будущность.»

Первые подвиги, которые совершаетъ Зигурдъ — это мщеніе за себя и за своего наставника Регина *.

Какъ истый сѣверный герой, Зигурдъ долженъ былъ отдать дань нравамъ и обычаямъ своего рода-племени; онъ долженъ былъ принести очистительную жертву во имя священной — по его понятіямъ — мести, за убіеніе своего отца и за обиду, нанесенную зміемъ его наставнику.

Эти и другіе подвиги совершаетъ Зигурдъ своимъ знаменитымъ мечомъ, который въ нѣмецкихъ сказаніяхъ называется Balmung, въ сѣверныхъ Gramr. По преданью, въ пѣснѣ о Нибелунгахъ Зигфридъ (Зигурдъ) получилъ Бальмунгъ отъ Нибелунга и Шильбунга въ награду за раздѣлъ сокровища или клада (Hort). По пѣснѣ о Зигфридѣ, онъ находитъ этотъ мечъ по указанію одного великана, на Змѣевомъ Камнѣ; по Дитриховой сагѣ — получаетъ его отъ своего воспитателя Мимира (знаменитаго мудреца сѣверной ѳеогоніи, заступающаго здѣсь мѣсто Регина); по сагѣ о Вёльзунгахъ, мечъ Грамъ былъ выкованъ Региномъ изъ осколковъ знаменитаго меча Зигмунда, отца Зигурдова, — меча, который былъ данъ самимъ Одиномъ, и Одиномъ же былъ и расколотъ. Можетъ-быть, самое названіе gramr (гнѣвъ) намекаетъ на *гнѣвъ* этого неукротимаго божества. Когда Регинъ сковалъ этотъ мечъ, отъ его лезвея засвѣтилось, будто огонь горѣлъ. Мечъ этотъ былъ такой твер-

---

* Надобно знать, что Регинъ братъ змія Фафнира и Отура (выдры). Всѣ трое были дѣти Грейдмара. За убіеніе Отура Грейдмаръ получилъ отъ Асовъ сокровище, отнятое богами у карлика Андвари, который въ видѣ щуки жилъ въ одномъ источникѣ. Миѳъ о щукѣ Андвари напоминаетъ намъ сказочное выраженіе, вошедшее въ пословицу: *по щучьему велѣнью, по моему прошенью*, и извѣстную святочную пѣсню, сулящую богатство:

Щука шла изъ Новá-Городá,
Она хвостъ волокла изъ Бѣла-озерá:
Какъ на щукѣ чешуйка серебреная,
Головка у щуки унизанная.

Фафниръ и Регинъ изъ-за этого сокровища убили своего отца; но сокровищемъ завладѣлъ змій Фафниръ, обманувъ своего брата, и легъ на золотѣ, храня его.

дости и востроты, что Зигурдъ пополамъ разсѣкъ имъ наковальню и прорѣзалъ струи Рейна.

Отомстивъ сыновьямъ Гунинга за смерть своего отца, Зигурдъ отправился на змія Фафнира, брата Регину и убитому Отуру.

Пѣсня Древней Эдды о смерти Фафнира (Fafnis-mál) начинается слѣдующимъ прозаическимъ вступленіемъ:

«Зигурдъ ѣхалъ къ Гіальпреку (Hialprec — Хильперикъ). Тогда насылалъ его Регинъ на Фафнира. Отправлялись Зигурдъ и Регинъ въ Гнитагейдъ, и набѣгали они на слѣды Фафнира, какъ онъ шелъ къ водѣ. На дорогѣ копалъ Зигурдъ великую яму и засѣлъ въ нее [1]). И какъ отходилъ Фафниръ отъ злата, выпускалъ ядъ на голову Зигурду. Только бы переползти Фафниру поверхъ ямы, какъ ткнетъ его Зигурдъ въ самое сердце. Встрепенулся Фафниръ и пріударилъ головой и хоботомъ. Зигурдъ выскочилъ изъ ямы, и тогда взглянули они оба другъ на друга.»

Подробности, сообщаемыя здѣсь Древнею Эддою, имѣютъ немаловажное значеніе для исторіи древне-русской литературы. Но прежде почитаю не лишнимъ предложить варіанты того же сказанія по другимъ нѣмецкимъ источникамъ.

Древнѣйшая англосаксонская поэма Беовульфъ приписываетъ эти подвиги Зигурда отцу его Зигемунду (Зигмунду), и уже ничего не говоритъ о ямѣ. «О Зигемундѣ — такъ въ ней значится — пошла не малая слава, какъ онъ, смѣлый въ бояхъ, убивалъ змія, сторожа кладу [2]). Подъ дикимъ камнемъ, благородный, дерзалъ одинъ на смѣлое дѣло; Фителы [3]) при немъ не случилось. Но ему удалось мечомъ проколоть страшнаго змія, такъ что славное желѣзо воткнулось въ стѣну. Змій издохъ отъ раны. Несчастный погибъ смертію, и Зигемундъ, какъ хотѣлъ, могъ завладѣть кладомъ. Онъ нагружалъ имъ корабль, повезъ въ нѣдрахъ ладьи блестящее сокровище, сынъ Вёльса (то-есть Вёльгунгъ); а змѣй отъ жару растопился.» [4])

---

[1]) По другимъ преданіямъ, нѣсколько ямъ.

[2]) Въ подлинникѣ выражено аллитераціею: hordes hurde.

[3]) То-есть *Зинфіётли*.

[4]) Уландъ подробно разсмотрѣлъ этотъ эпизодъ въ 3-ей книгѣ журнала Germania, изд. Пфейфера, за 1857 г.

Итакъ къ убіенію змія *изъ ямы* присоединяется новая, странная подробность: онъ *растопился отъ жару*.

Въ Вилькина-сага древнее преданье въ позднѣйшей переработкѣ гласитъ слѣдующее: Кузнецъ Мимиръ (вмѣсто Регина), у котораго въ ученикахъ жилъ Зигурдъ, — желая освободиться отъ питомца, идетъ къ своему брату, обращенному въ змія, и проситъ его, чтобъ онъ погубилъ мальчика, котораго пришлетъ къ нему. Зигурдъ отправляется въ лѣсъ жечь уголья, запасшись отъ хозяина виномъ и пищею на девять дней, а также топоромъ. Въ лѣсу нарубилъ онъ огромныхъ деревъ и запалилъ огонь, сѣлъ возлѣ, и за одинъ присѣстъ поѣлъ весь свой запасъ. Подкрѣпившись такимъ образомъ, безъ страху поджидаетъ онъ змія, поражаетъ его огромнѣйшимъ изъ горящихъ деревъ, и топоромъ отсѣкаетъ ему голову. Итакъ — въ соотвѣтствіе англосаксонскому преданью о зміи, растопившемся отъ жару, встрѣчаете здѣсь *горящее дерево*, которымъ змій пораженъ.

Теперь обратимся къ нашей старинной литературѣ. *

Какъ ни странно покажется съ перваго взгляду сходство этихъ нѣмецкихъ сказаній съ однимъ мѣстомъ въ нашихъ старинныхъ *Азбуковникахъ*, или Словаряхъ; но тѣмъ не менѣе полагаю, что это сходство ни сколько не случайное.

Къ объясненіямъ собственно граматическимъ въ нашихъ старинныхъ Азбуковникахъ присоединено множество любопытныхъ подробностей историческаго, поэтическаго и вообще археологическаго содержанія. Это въ высшей степени любопытная, краткая энциклопедія нашихъ предковъ, для удобства читателей расположенная по алфавиту.

Между объясненіями не граматическаго, а реальнаго содержаніи, мы встрѣчаемъ слѣдующее, вполнѣ согласное съ выше приведенными преданіями нѣмецкаго эпоса. Въ Азбуковникѣ такъ объясняется *змій Аспидъ*:

«Аспидъ есть змія крылатая, носъ имѣетъ птичій и два хобота; а въ коей землѣ вчинится, ту землю пусту чинитъ; *живетъ въ горахъ каменныхъ*, не любитъ же трубнаго гласа; видомъ пестра всякими цвѣты; а на земли не садится, токмо на каме-

* Смотр. мою статью объ Азбуковникахъ въ 1-мъ томѣ Архива Калачова.

ни. *Обоянницы* (то-есть обаятели, чародѣи), пришедши обояти ю, *копаютъ яму*, *сядятся въ яму* съ трубами и покрываются дномъ желѣзнымъ, и замазываются сунклитомъ, и ставятъ у себя *угліе горящее* и *разжигаютъ клещи*. Еда бо заиграютъ въ трубы, тогда засвищетъ, яко потрястися горѣ, и прилетитъ къ ямѣ и ухо свое положитъ на землю, и другое заткнетъ хоботомъ, и, нашедъ диру малу, начинаетъ битися. Человѣцы же, *ухватившие ее клещами горящими*, держатъ крѣпцѣ. Отъ ярости же ея сокрушатся клещи не едины, по двои и трои, и такъ *сожжена* клещами умираетъ.»

Итакъ, въ нашемъ Азбуковникѣ мы встрѣчаемъ всѣ главные пункты преданья: и *дикій камень*, въ которомъ по англосаксонскому сказанью живетъ змій, и *сожженье* змія, и притомъ *кузнечнымъ* орудіемъ, клещами (а Зигурдъ былъ тогда кузнецомъ), и наконецъ преданье Древней Эдды объ убіеньи змія *изъ ямы*; а въ дополненіе всего этого свидѣтельство о томъ, что только помощью *обаянья* можно было извести это чудовище: такъ что, согласно выраженію нашего Азбуковника, можно бы подумать, что Зигурдъ именно потому и могъ убить змія, что былъ чародѣй, обаятель. [1])

Связь нашего Азбуковника съ нѣмецкими преданьями въ этомъ случаѣ можетъ быть объяснена слѣдующимъ образомъ. Многія историческія и археологическія объясненія вошли въ наши Азбуковники изъ хронографовъ и космографій, а въ космографіи Айтика изъ Истріи подобнымъ же образомъ описывается убіеніе ядовитыхъ зміевъ на островѣ Rifarica. [2])

Въ томъ намѣреніи остановился я на объясненіи этихъ подробностей, чтобъ между прочимъ показать, какъ важно сравнительное изученіе словесности европейскихъ народовъ, не только для уразумѣнія многихъ доселѣ необъяснимыхъ фактовъ въ славянской поэзіи народной, но даже и для изслѣдованія древне-русской письменноси, не смотря на ея видимое отчужденіе отъ интересовъ обще-европейскихъ.

---

[1]) Замѣчательно, что самое слово *обаваю* или *обаяю*, въ нашихъ старинныхъ словаряхъ, пріурочивается именно къ змію. Въ Словарѣ Лаврентія Зизанія значится: «*обаваю* — заклинаю ужа или гадину.»

[2]) Изд. Wuttke.

II.

Послѣ краткаго прозаическаго введенія, мною разобраннаго, Fafnis-mál начинается разговоромъ между двумя смертельными врагами, смотрящими другъ другу въ очи.

Разговоръ начинаетъ змій Фафниръ вопросомъ, кто таковъ его убійца, и чьихъ родителей сынъ, присовокупляя: «ты окровавилъ свой блестящій мечъ Фафниромъ: въ сердцѣ остановилось желѣзо.»

Но Зигурдъ скрываетъ свое имя, потому что—какъ замѣчено въ слѣдующей за тѣмъ прозаической вставкѣ: «было въ старину повѣрье, что слово умирающаго человѣка имѣетъ великую силу, если онъ заклянетъ своего врага, назвавъ его по имени.» Однако потомъ Зигурдъ открываетъ змію, кто онъ такой и кто его отецъ, и увѣряетъ Фафнира, что онъ самъ, Зигурдъ, замыслилъ убійство, скрывая такимъ образомъ коварное участіе брата Фафнирова, Регина. Змій даетъ герою совѣтъ, чтобъ онъ не бралъ его клада: «звенящее золото — говоритъ онъ — пламенно-красныя деньги и кольца будутъ тебѣ на смерть.» Зигурдъ отвѣчаетъ на это, какъ герой уже того болѣе развитаго поколѣнія, которое узнало цѣну деньгамъ. * Онъ говоритъ: «всякому хочется владѣть деньгами до послѣдняго дня своей жизни: потому что надобно же когда-нибудь отсюда отправиться на тотъ свѣтъ.»

За тѣмъ Зигурдъ предлагаетъ Фафниру вопросы изъ сѣверной ѳеогоніи: о Норнахъ, о послѣдней борьбѣ Асовъ съ Суртуромъ и другими враждебными имъ существами, отродьемъ злобнаго Локи. Эту бесѣду о сѣверной ѳеогоніи братья Гриммы въ своемъ изданіи пѣсенъ Древней Эдды почитаютъ неумѣстною, чисто эпическою вставкою въ драматической сценѣ

---

* Хотя — замѣчу мимоходомъ — деньги называются еще въ Эддѣ, и именно, въ этомъ самомъ мѣстѣ, словомъ, относящимся къ древнѣйшей эпохѣ, по своему первоначальному смыслу, то-есть, *fé* — скотъ, нѣм. *Vieh*. Но въ выраженіи, здѣсь употребленномъ: glódh-raudha fé, то-есть *пламенно-красное богатство*, эпитетъ относится къ *fé*, уже не въ смыслѣ скота, а золота (gull), которое, какъ и у насъ, въ нѣмецкой поэзіи характеризуется эпитетомъ *красный* (raudhr, родственно съ глаголомъ *рѣдѣти*, и съ областнымъ *редрый* — красный). Еще одно замѣчаніе о скандинавскомъ текстѣ. *Звенящее золото* — выражено аллитераціею: gialla gull. Слово gialla, отъ корня *gal*, родственно съ нашими: *гласъ*, *глаголъ*.

между смертельными врагами. Можетъ-быть, это справедливо, но не меньше того, кажется, справедливо и то, что подобныя вставки принадлежатъ не литературной, позднѣйшей обработкѣ Древней Эдды въ XI вѣкѣ, а естественному развитію самыхъ пѣсенъ въ устахъ народа. Эти вставки ѳеогоническаго содержанія явственно свидѣтельствуютъ намъ о томъ, какъ тѣсно связанъ былъ сѣверный эпосъ героическій съ ѳеогоническимъ, и какъ, въ эпоху сложенія пѣсенъ Древней Эдды, повсюду носились въ поэтической формѣ космогоническія преданія, и прилагались, въ устахъ пѣвцовъ, ко всякому разказу, если только онъ подавалъ малѣйшій къ тому поводъ.

Отвѣтивъ на эти вопросы, Фафниръ еще разъ совѣтуетъ Зигурду не касаться проклятаго сокровища, которому суждено быть цѣною крови: «Совѣтую тебѣ, Зигурдъ! прими мой совѣтъ! спѣши отсюда: звенящее золото и пламенно-красныя деньги будутъ тебѣ на смерть!.. Регинъ предалъ меня, онъ предастъ и тебя: отъ него обоимъ намъ будетъ смерть. Вижу, что мнѣ приходится умирать: велика твоя сила!»

Но Зигурдъ не принялъ совѣта умирающаго врага, и, внимая Регину, остался. Между тѣмъ, когда змій издохъ, Регинъ подошелъ къ нему, мечемъ вырѣзалъ у него сердце, высосавъ потомъ изъ раны кровь, и велѣлъ Зигурду зажарить сердце, которое намѣревался съѣсть послѣ своего кроваваго пойла.

Зигурдъ взялъ Фафнирово сердце — такъ разказывается въ прозаической вставкѣ Семунда *вѣщаго* — и жарилъ его на вертелѣ. Когда сокъ зашипѣлъ и запѣнился изъ сердца, и Зигурду показалось, что оно уже изжарилось, онъ дотронулся до него пальцемъ: но сильно обжогся, и сунулъ палецъ въ ротъ. Только что коснулась его языка кровь изъ Фафнирова сердца, тотчасъ же сталъ онъ понимать пѣнье птицъ, и услышалъ, что̀ говорили между собой орлицы, сидя на вѣтвяхъ. Далѣе слѣдуетъ разговоръ птицъ, въ стихахъ.

Но прежде нежели узнаемъ, о чемъ говорили орлицы, почитаю не лишнимъ остановиться на этой прозаической вставкѣ. Изъ множества сказочныхъ преданій, состоящихъ съ нею въ родствѣ, особенно заслуживаетъ вниманія одинъ эпизодъ изъ средне-вѣковаго народнаго романа, который, изъ источниковъ древнѣйшихъ, занесенъ и къ намъ въ хронографы и сбор-

ники, и извѣстенъ подъ именемъ, или *Китовраса*, брата Соломонова, или подъ именемъ *Соломона*.

Въ редакціяхъ западныхъ этотъ романъ называется: *Соломонъ* и *Морольфъ* или *Маркольфъ*. Морольфъ—хитрый мужикъ и шутъ, въ родѣ нѣмецкаго Эйленшпигеля (Совестрала) или испанскаго Санчо-Пансы — есть лицо, принадлежащее собственно западнымъ редакціямъ. Соломонъ задаетъ ему разные мудреные вопросы и задачи, и Морольфъ умѣетъ ихъ искусно рѣшать. Между прочимъ Соломонъ спрашиваетъ его: «Скажи мнѣ, веселый товарищъ, откуда взялась въ тебѣ такая пронырливость и остроуміе?» Тогда Морольфъ отвѣтствовалъ важнымъ голосомъ: «Однажды, во времена Давида, твоего отца, когда ты былъ еще малымъ ребенкомъ, поймали огромную сову, и стали въ кухнѣ готовить изъ нее какое-то лѣкарственное снадобье. Тогда твоя мать взяла совиное сердце, положила его въ горшокъ, зажарила въ вздобной подливкѣ, и дала тебѣ съѣсть: я случился тогда тоже въ кухнѣ, и она вылила мнѣ на голову подливку, которую всю облизалъ я. Вотъ я и думаю, что отъ этого самаго во мнѣ такая пронырливость, а въ тебѣ мудрость отъ совинаго сердца.» [1])

Итакъ, попробовавъ крови изъ Фафнирова сердца, Зигурдъ услышалъ слѣдующій разговоръ:

Первая орлица говорила:

«Вонъ сидитъ Зигурдъ, обагренъ кровью; жаритъ на огнѣ Фафнирово сердце. Вотъ еслибъ онъ догадался, да съѣлъ пылающее сердце!»

Вторая орлица говоритъ:

«А вонъ лежитъ Регинъ, думаетъ себѣ, какъ бы обмануть человѣка, который во всемъ ему довѣряется; въ ярости замышляетъ напраслину, кузнецъ всякаго бѣдствія [2]) — хочетъ мстить за своего брата.»

И все въ такомъ тонѣ говорятъ орлицы другъ за дружкой, до послѣдней — седьмой. Онѣ вполнѣ увѣрены, что Регинъ будетъ мстить Зигурду и что неразумно было бы этого предателя оставлять въ живыхъ владѣтелемъ клада.

---

[1]) Зимрока Deutsche Volksbüch. 1, 20 — 21.

[2]) Bolva-smithr — собственно эпитетъ Локи.

Орлицы своимъ *клектомъ* пробуждаютъ въ Зигурдѣ рѣшимость на убійство: будто бы въ этомъ зловѣщемъ *клектѣ* явственно слышались ему его собственные подозрѣнія и замыслы; и какъ бы въ отвѣтъ на говоръ седьмой орлицы, Зигурдъ восклицаетъ: «не бывать же тому, [1]) чтобъ Регинъ принесъ мнѣ смертное слово; потому что оба брата немедленно отправятся въ адъ!» Сказавъ это, онъ отрубилъ Регину голову, съѣлъ Фафнирово сердце, и выпилъ кровь обоихъ—и Фафнира, и Регина. Потомъ услышалъ опять, что̀ говорили орлицы. За этой, тоже прозаической вставкой, опять идутъ стихи:—такъ что въ самомъ чередованьи стиховъ и прозы мы замѣчаемъ въ составѣ Древней Эдды высокій художественный тактъ — по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, и особенно въ этой. Все прозаическое, все житейское, какъ Регинъ пьетъ кровь, а Зигурдъ жаритъ и ѣстъ сердце, убиваетъ Регина — вся эта сказочная эпическая основа разказана позднѣйшею прозой: но только что замыслы и мечтанія Зигурда начинаютъ витать въ его думахъ, какъ по воздушному пространству голоса сидящихъ на вѣтвяхъ орлицъ, — тотчасъ же раздается энергическій звонкій стихъ.

Доселѣ слышались голоса зловѣщіе: грозя смертью, они подстрекали къ убійству. Теперь, когда Зигурдъ избавился отъ коварнаго врага, мечты увлекаютъ храбраго, блистательнаго юношу впередъ: и чудится ему прекрасная дѣва, невѣста, за которую принесетъ онъ въ вѣно пріобрѣтенное имъ сокровище; мечтается ему и другая дѣва, воительница, въ великомъ пламени, на горѣ, очарованная Валькирія, съ которой снять чары суждено ему самому.

Эти игривыя мечты группируются передъ нимъ въ болѣе осязательныя формы въ голосѣ орлицы, раздающемся по воздуху:

«Навяжи себѣ, Зигурдъ, красныхъ колецъ—говоритъ орлица:—не королевское дѣло хлопотать о многомъ! Вижу я дѣву; лучше ея нѣтъ на свѣтѣ, золотомъ украшена — вотъ еслибъ ты добылъ ее себѣ!»

«Зеленѣющія дороги ведутъ къ Гьюки [2]). Судьба кажетъ до-

---

[1]) Въ подлинникѣ: *еще не такъ могучи судьбы.*

[2]) Giuki — отецъ Гудруны (или Хримгильды).

рогу путникамъ. Тамъ у славнаго короля дочь на возрастѣ: ты, Зигурдъ, добудешь ее цѣною вѣна.»

Прекрасныя мечты смѣняются одна другою. Еще орлица поетъ:

«Есть чертогъ на высотахъ Гиндарфіалли: со всѣхъ сторонъ окруженъ огнемъ; сооруженъ вѣщими людьми изъ неугасимаго страшнаго пламени.»

«Я вижу — на горѣ спитъ вѣщая воительница [1]); надъ нею играетъ огонь [2]). Иггръ [3]) укололъ ее терніемъ, когда она, покрываломъ одѣтая [4]), грозила побивать воиновъ.»

«Увидишь ты, о герой, дѣву подъ шлемомъ, которую конь-вѣтеръ выноситъ изъ битвы. Пока не рѣшатъ Норны, не пробудитъ королевичъ Зигурдрифу ото сна.»

Такъ оканчивается пѣсня о Фафнирѣ.

Вѣщія мечтанія Зигурда, въ поэтической формѣ орлицыныхъ голосовъ, связываютъ эту пѣсню съ слѣдующею — о *Брингильдѣ* или *Зигурдрифѣ* (Sigurdrifu-mál).

Пѣсня начинается прозаическимъ вступленіемъ: «Зигурдъ отправился по дорогѣ Фафнира въ его домъ, и нашелъ домъ отвореннымъ. Двери и все въ палатахъ было у него изъ желѣза (слѣдовательно, какъ въ подземномъ царствѣ у царя металловъ или руды [5]); но кладъ былъ зарытъ въ землѣ. Зигурдъ нашелъ множество золота и наполнилъ имъ два короба. Взялъ также и шлемъ Эгира и золотую броню (gull-brynio), и мечъ Гротти, и множество драгоцѣнностей, и навьючилъ все это на своего коня Грани. Но конь не хотѣлъ тронуться съ мѣста до тѣхъ поръ, пока на него не сѣлъ самъ Зигурдъ.»

Доселѣ прозаическое вступленіе служитъ заключеніемъ предшествовавшей пѣснѣ, какъ это и принято въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Эдды. Замѣчу мимоходомъ, что, на основаніи приве-

---

[1]) Собственно: *вѣщая въ битвахъ*, то-есть Валькирія. Это Брингильда или Sigurdrifa, древне-верхне-нѣм. Sigutrîba, то-есть Siegtreibende. Уже по самому созвучію съ именами Вёльзунговъ — Зиги, Зигмундъ, Зигурдъ, ей на роду было написано вступить въ союзъ съ Зигурдомъ.

[2]) Собственно: *вредъ* или *бѣда липамъ*.

[3]) То-есть Одинъ.

[4]) Въ подлинн. *дающая ленъ*.

[5]) См. прекрасную словацкую сказку въ Westslawisch. Märchenschatz, von Jos. Wenzig. 1857 г. стр. 10 — 14.

деннаго здѣсь преданія, золото или кладъ въ сѣверной поэзіи описательно называется слѣдующими эпическими выраженіями: *ложе* или *постель Фафнира*, *прахъ Гнитагейда*, *ноша* или *бремя Грани*.

«Оттуда — продолжаетъ Семундъ въ своемъ прозаическомъ вступленіи—поѣхалъ Зигурдъ на Гиндарфіалли, поворотивъ къ югу, къ землѣ Франковъ [1]). На горѣ увидѣлъ онъ сильный свѣтъ, будто пожаръ, и поднимался этотъ свѣтъ до небесъ. Но когда онъ подъѣхалъ, увидѣлъ зàмокъ [2]), и надъ нимъ знамя. Зигурдъ входитъ внутрь и видитъ — лежитъ человѣкъ въ полномъ вооруженіи и спитъ. Снимаетъ съ его головы шлемъ, и видитъ, что это женщина. На ней твердая броня будто приросла къ тѣлу. Тогда Зигурдъ своимъ мечомъ Грамомъ надрѣзалъ ей броню отъ головы внизъ, и на обѣихъ рукахъ, потомъ снялъ съ нее броню. Тогда она проснулась, приподнялась, взглянула на Зигурда и сказала:

(Собственно здѣсь начинается самая пѣсня).

«Чтò разрѣзало мою броню? Какъ проснулась я ото сна? Кто снялъ съ меня блѣдныя оковы.»

Когда Зигурдъ назвалъ себя, она продолжала:

«Долго же спала я, дологъ былъ мой сонъ!» И затѣмъ, предложивъ сѣвшему рядомъ съ ней Зигурду рогъ съ медомъ — напитокъ *привѣтствія* [3]), — разказала ему, какъ соннымъ терніемъ Одинъ погрузилъ ее въ долгій сонъ за то, что противъ воли царя Асовъ, вступилась она въ рѣшеніе битвы между двумя врагами.

Прекрасно миѳическое воззваніе, которымъ Валькирія сопровождала предложенный ею привѣтственный кубокъ:

«Слава дню [4]), и вамъ, сыны дня! Слава тебѣ, ночь, и твоей дочери! Незлобивыми очами взгляните на насъ, и даруйте намъ, здѣсь сидящимъ, побѣду!»

«Слава Асамъ, слава богинямъ, и тебѣ, мать сыра земля! [5])

---

[1]) Til Fraclandz.

[2]) Tcialdgorg — Schildburg.

[3]) Minni-Veig: minni — любовь, память.

[4]) Согласно съ русскими обрядными пѣснями, скандинавское *heil*, тоже что нѣм. *heil*, я перевожу *слава*.

[5]) Собственно: *всѣхъ питающая земля*.

Даруйте намъ обоимъ, благороднымъ, и слово и мудрость и силу врачеванія [1])—пока мы живемъ.»

Вся эта прекрасная пѣсня, оканчивающаяся клятвой въ любви между Зигурдомъ и Валькиріею, содержитъ въ себѣ *руны*, то-есть, *вѣщія* изреченія и совѣты, которыми вѣщая дѣва поучаетъ своего героя, по его просьбѣ. Пѣвецъ Древней Эдды будто съ намѣреніемъ медлитъ на этихъ рунахъ и совѣтахъ, какъ бы желая внушить своимъ слушателямъ, что истинный союзъ любви можетъ-быть заключенъ не на минутномъ влеченіи, не на чувственной страсти, а на твердомъ и глубокомъ убѣжденіи, основанномъ на взаимномъ уваженіи нравственномъ.

Валькирія, какъ вѣщая дѣва, сначала учитъ Зигурда *рунамъ*, то-есть, таинственному, чарующему знанію, заклятіямъ и всякой мудрости. Эти руны—смотря по предметамъ, которыхъ касаются—слѣдующія: руны побѣды, руны пива или напитка, руны спасающія, цѣлительныя, руны морскія, руны вѣтвей, лѣкарственныя, руны судебныя [2]), наконецъ руны духовныя [3]). Само собою разумѣется, что все это въ высшей степени интересно и важно для исторіи рунъ, въ которыхъ позднѣйшее значеніе письменъ состоитъ въ таинственной связи съ первобытною идеей о всеобъемлющемъ эпосѣ, какъ святой старинѣ, содержащей въ себѣ всякое знаніе и чарованіе, всякое *вѣщее слово*. Между рунами Валькирія упоминаетъ и boc-rúnir (buch-runen), слово, которое прямо указываетъ на наше *буква*, и состоитъ съ нимъ въ сродствѣ [4]). Но изслѣдованіемъ о рунахъ не будемъ прерывать прекрасной любовной сцены.

Передавъ науку Рунъ, Валькирія заключаетъ:

«Теперь выбирай — тебѣ дается на выборъ, удалой герой! [5]) слово или молчаніе — рѣшай самъ собою: всякое дѣло должно быть въ мѣру.»

---

[1]) Собственно: *исцѣляющія руки*—laecnis-hendr: laecni — родственно нашему *лѣкъ*, откуда *лѣчить*.

[2]) Слич. въ Судѣ Любуши *вѣщьбы витіезовыя*, которымъ выучены вѣщія *судныя* дѣвы.

[3]) Hug-rúnir.

[4]) Наше *буква* отъ *буковь* или *букъ*, какъ областное *церква* или *моркеа* отъ *церковь*, *морковь*; а *буковь* отъ *буки*, какъ *церковь* отъ древняго *церкы*; а *буки* то-есть, *буки*, и *букъ* родственны.

[5]) Собственно: *вооруженное древо*, или *древо оружія*.

На это Зигурдъ отвѣтствовалъ:

«Не обрачусь въ бѣгство, хотя бъ мнѣ грозила вѣрная смерть: не трусомъ родился я! Всѣмъ твоимъ вѣрнымъ совѣтамъ буду слѣдовать до конца своей жизни!»

Въ такой-то искренней бесѣдѣ, проникнутой глубокимъ чувствомъ и мыслью, раскрылась любовь между Зигурдомъ и Валькиріею. Слѣдующіе за тѣмъ совѣты — за исключеніемъ нѣкоторыхъ, запечатлѣнныхъ характеромъ мѣстности и эпохи — замѣчательны по глубинѣ и чистотѣ нравственнаго чувства, наивно выраженнаго.

«Первое — совѣтую тебѣ — говоритъ вѣщая дѣва: будь во всемъ чистъ передъ своими друзьями, и не спѣши местью, когда они будутъ передъ тобой неправы: это, говорятъ, бываетъ на пользу, когда умрешь.»

«Второе — совѣтую тебѣ: не клянись ложною клятвой: тяжелыя оковы влачитъ на себѣ клятвопреступленье; нѣтъ счастья клятвопреступнику!»

За тѣмъ, все въ послѣдовательномъ порядкѣ чиселъ, Валькирія даетъ Зигурду совѣты, какъ вести себя въ судилищѣ, въ тяжбахъ и ссорахъ, какъ избѣгать излишества и порочной роскоши.

«Совѣтую тебѣ, въ пятыхъ — говоритъ она: — если увидишь прекрасныхъ женщинъ, когда сидятъ онѣ на скамьяхъ,— да не лишитъ тебя сна красота женская! И не домогайся отъ нихъ тайнаго поцѣлуя.»

«Совѣтую тебѣ, въ осьмыхъ: избѣгай неправды, коварства и всякаго обмана! Не соблазняй дѣвицы, ни замужней жены! Не вводи ихъ въ искушенье!»

«Совѣтую тебѣ, въ девятыхъ: призри и честно похорони мертвеца, если найдешь въ полѣ,» — за тѣмъ слѣдуетъ наставленіе, какъ подобаетъ чествовать мертвое тѣло, наставленіе, исполненное самой нѣжной и трогательной симпатіи къ человѣку, кто бы онъ ни былъ.

Объяснять глубоко-нравственное и поэтическое достоинство этой пѣсни считаю совершенно излишнимъ.

Оканчивается она краткимъ прозаическимъ заключеніемъ слѣдующаго содержанія:

«Зигурдъ сказалъ: нѣтъ на свѣтѣ женщины разумнѣе тебя,

и клянусь — я хочу, чтобъ ты была моею! Потому что ты пришла мнѣ по мыслямъ! — Она отвѣчала: и я хочу, чтобъ ты былъ моимъ, и никто другой — хотя бы мнѣ пришлось выбирать между всѣми людьми! — И утвердили они это между собой клятвой.»

III.

Прежде нежели буду продолжать разказъ о подвигахъ Зигурда, остановлюсь на извѣстныхъ уже намъ эпизодахъ и брошу на нихъ общій взглядъ съ точки зрѣнія сравнительнаго изученія народной поэзіи.

Эти эпизоды сосредоточиваются къ двумъ пунктамъ: вопервыхъ, къ убіенію змія-оборотня, послѣ котораго оставшійся кладъ достается въ руки героя; и вовторыхъ, къ союзу героя съ вѣщею дѣвою, Валькиріею.

Валькирія, погруженная въ очарованный сонъ самимъ Одиномъ и пробужденная отъ сна прибывшимъ Зигурдомъ, соотвѣтствуетъ *Спящей Царевнѣ*, которая — въ сказкахъ почти всѣхъ европейскихъ народовъ — пробуждается отъ своего непробуднаго, столѣтняго сна, при помощи явившагося въ ея палатахъ храбраго витязя, который потомъ на ней и женится. *

Что̀ касается до змія, хранителя клада, то преданіе о немъ также сильно распространено и у Славянъ. У Лужичанъ змій называется *денежный*, въ отличіе отъ *житнаго* и *молочнаго:* любопытное преданье, въ которомъ отражаются понятія о богатствѣ и обиліи быта пастушескаго (молочный змій), земледѣльческаго (житный змій) и болѣе развитаго, воинскаго, городскаго и торговаго (денежный змій).

Какъ у Нѣмцевъ змій называется *хранителемъ клада*, такъ и у насъ, въ древнихъ стихотвореніяхъ, Добрыня Никитичъ, убивъ змія, и передушивъ его малыхъ дѣтушекъ:

Нашелъ въ пещерахъ бѣлокаменныхъ
У лютаго Змѣища Горынчища
Нашелъ онъ много злата, серебра,
Нашелъ въ палатахъ у Змѣища
Свою онъ любимую тетушку,

---

* Смотр. Предисловіе Я. Гримма къ Пентамерону Джанбаттиста Базиле, въ нѣм. переводѣ Либрехта. 1846 г.

Тоя-то Марью Дивовну —
Выводитъ изъ пещеры бѣлокаменны;
И собралъ злата, серебра,
Пошелъ ко матушкѣ родимыя своей. [1])

Родственныя намъ Славянскія племена битву съ зміемъ и побѣду надъ нимъ относятъ къ древнѣйшей эпохѣ разселенія ихъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Въ древне-чешской поэмѣ, Судѣ Любуши, намекается на какое-то доисторическое преданіе, по которому нѣкоторый герой, по имени *Трутъ*, побилъ или сгубилъ лютаго змія [2]), въ горахъ *Крконоши* (Riesengebirg). Память о Трутѣ доселѣ сохранилась въ названіи города *Трутнова* (Trautenau), въ щитѣ котораго изображенъ именно драконъ. Самое названіе *Исполиновы* горы (Riesengebirg), вѣроятно, имѣетъ связь съ личностью и подвигами Трута. Древнѣйшее названье этихъ горъ, *Крконоши*, безъ сомнѣнія, стоитъ въ связи съ именемъ миѳическаго героя и князя у Чеховъ и Поляковъ, *Крокъ* или *Кракъ*, откуда и названіе города *Краковъ*. Древне-польское сказаніе этому Краку, или же сыну его, тоже Краку, приписываетъ такую же борьбу съ зміемъ и побѣду надъ нимъ. Змій жилъ тоже въ горѣ (Wawel), и пожиралъ не только скотъ на поляхъ, но и людей, такъ что ему, въ видѣ умилостивительной жертвы, еженедѣльно высылалось извѣстное количество скота. Страна освободилась отъ этого чудовища слѣдующимъ образомъ. Нѣсколько бычьихъ шкуръ наполнили смолою, сѣрою и другими горючими веществами, и запаливъ

---

[1]) Стр. 349. Слич. у Федра, Fab. 4: «ad draconis speluncam, custodiebat qui thesauros abditos»; у Феста: «dracones — clarissimam dicuntur habere oculorum aciem, qua ex causa incubantes eos thesauris custodiae causa finxerunt antiqui.»

[2]) Въ подлинникѣ: «Отъ горъ Кръконоши, идеже Трутъ погуби сань люту» стих. 44—45. Шафарикъ, какъ въ изданіи Древне-Чешск. памятниковъ, такъ и въ своихъ Старожитностяхъ, стр. 393, въ Чешск. изданіи, слово *Крѣконоши* производитъ отъ именит. падежа *Крѣконошь* и сближаетъ это названіе съ именемъ одного народца, упоминаемымъ у Птоломея: *Корконти*, народа, обитавшаго около Исполиновыхъ горъ. Но, мнѣ кажется, гораздо согласнѣе съ формами языка предположить имен. пад. *Крѣконоша* (какъ русс. *мѣхоноша*, или древне-чешск. *свѣтлоноше* — названіе Люцифера въ глоссахъ Вацерада): отъ *ноша* и *крѣкъ*, *крокъ* или *кракъ*. Еще въ Санскритѣ гора между прочимъ именуется сложнымъ словомъ, въ которомъ второй членъ *дгара* значитъ то же, что у насъ *ноша*, именно: *бгу-дгара*, собственно *земле-ноша*. Смотр. О вліяніи христ. на славянск. языкъ. 1848 г.

въ нихъ фитили, придвинули эти набитыя чучелы къ змѣиной норѣ. Змій выползъ и проглотилъ ихъ; пламя вспыхнуло въ его утробѣ, и всего его сожгло. [1])

Въ южной Руси древнѣйшими преданіями о зміи тоже запечатлѣны нѣкоторыя мѣстности. Есть малорусская сказка, по которой урочище *Кожемяки* названо отъ нѣкотораго богатыря *Кирилы Кожемяки*, который убилъ змія. [2])

Около Кіева нѣкогда производилъ страшное опустошеніе лютый змій. На съѣденье давали ему въ жертву отрока или дѣвицу. Наконецъ пришла очередь и князю кіевскому отдать свою дочь змію. Послали ее къ чудовищу; но она была такъ хороша, что змій полюбилъ ее и оставилъ при себѣ. Разъ она къ нему приластилась и вывѣдала отъ него, что только Кирило Кожемяка можетъ извести его. Въ письмѣ, посредствомъ голубя, княжна дала объ этомъ знать своему отцу. Князь немедленно послалъ пословъ къ Кожемякѣ, а Кожемяка въ то время мялъ кожи. Посланные ему помѣшали, и онъ въ сердцахъ порвалъ всѣ двѣнадцать кожъ, которыя мялъ, и не хотѣлъ и слушать о просьбѣ князя. Послали въ другой разъ: онъ тоже не даетъ отвѣта, сколько его ни просили: молчитъ да сопитъ, будто не ему говорятъ. Наконецъ князь догадался, послалъ къ нему малыхъ дѣтей: «А какъ пришли малыя дѣти — говоритъ сказка, какъ почали просить, какъ стали на колѣнки да какъ заплакали, то и самъ Кожемяка не вытерпѣлъ, заплакалъ, и говоритъ: ну, такъ и быть, только для васъ сдѣлаю.»

Пошелъ къ князю и говоритъ: давайте мнѣ двѣнадцать бочекъ смолы и двѣнадцать возовъ конопли.

Вы здѣсь видите сходство въ мотивахъ съ польскимъ преданьемъ; только эти снадобья пошли на самого Кожемяку.

Кожемяка обмотался коноплями и осмолился смолою, и, взявъ палицу, пудовъ въ десять, вышелъ на бой противъ змія. Кожемяка поражаетъ змія палицею, а змій — думая, что пожираетъ своего врага — всякій разъ, какъ разбѣжится, выхватитъ только кусокъ смолы или *жмутокъ* конопель, и потомъ, разгорѣвшись (вѣроятно не отъ однихъ ударовъ, но и

---

[1]) По Каддубку и Длугошу. Смотр. San-Marte, Gross-Polens Nationalsagen. 1842 г. Стр. 15 и слѣд.

[2]) Кулиша Записки о южн. Руси, ч. 2-я, стр. 27 и слѣд.

отъ смолы — связь съ польскимъ сказаньемъ), побѣжитъ къ Днѣпру прохолодиться; а Кожемяка между тѣмъ вновь обмотается коноплями и осмолится смолою. И опять сцѣпятся. Бились, бились, индо искры скачутъ; разогрѣлъ Кирило змія—какъ выражается сказка — лучше, чѣмъ коваль сошникъ въ горну; а подъ ними только земля гудетъ.

А тутъ звоны звонятъ; молебны правятъ. По горамъ народъ стоитъ. Наконецъ Кожемяка одолѣлъ, и то мѣсто, гдѣ онъ жилъ, стало съ тѣхъ поръ называться *Кожемяки*.

Въ заключеніи сказки видимъ опять связь съ польскимъ и нѣмецкимъ преданіемъ о сожженіи змія. Однимъ — говоритъ южнорусская сказка — Кожемяка промахнулся, что сжегъ змія и пустилъ пепелъ по воздуху: оттого и завелась вся эта пóгонь — мошки, комары и мухи.

Нужно ли упоминать, что въ Кирилѣ Кожемякѣ явственно сохранилась память объ Несторовомъ *Усмошвецѣ*, который вырвалъ у бѣгущаго быка клокъ кожи съ мясомъ и побѣдилъ неченѣжскаго великана и отъ котораго будто бы получилъ свое названіе городъ *Переяславль?* «Зане *перея славу* отрокотъ.» Объ этомъ силачѣ то же самое разказываетъ его отецъ, что̀ малорусская сказка о Кожемякѣ: «Однажды я его бранилъ, а онъ мялъ кожи, и, разгнѣвавшись на меня, перервалъ ихъ руками.» *

---

* «Единою бо ми и сварящю, и оному мьнущю усніе, разгнѣвавъся на ми, преторже череви рукама.» Лѣтоп. 1. 53. Благодаря указанію профессора Ешевскаго и г. Котляревскаго, сюда же присоединяю южно-русскія сказанія о *Змієвомъ Валѣ*, которыми при чтеніи этой лекціи я не воспользовался. Замѣчательнѣйшее изъ этихъ сказаній слѣдующаго содержанія. Въ незапамятныя времена козачества Богъ наслалъ на козачій народъ чудовище—змія. Владѣтель земли, желая отвратить его опустошенія, заключилъ съ нимъ договоръ, по которому обязался давать ему по юношѣ изъ каждой семьи. Черезъ 100 лѣтъ очередь дошла до царскаго сына — и онъ, при сѣтованіи родныхъ, отведенъ на роковое мѣсто. Тамъ является ему ангелъ, научаетъ его молитвѣ: *Отче Нашъ*, и велитъ ему, при появленіи змія, спасаться бѣгствомъ, непрестанно повторяя эту молитву. Ангелъ скрылся. Вышелъ змій и погнался за юношей, который три дня и три ночи отъ него бѣгалъ, повторяя выученную молитву; на четвертый день силы его стали ослабѣвать. Уже змій былъ отъ него недалеко, и дыханіе изъ пасти его стало опалять юношу; какъ вдругъ онъ увидѣлъ желѣзную кузницу, въ которой свв. Борисъ и Глѣбъ ковали первый плугъ для людей. Юноша въ кузницу — и желѣзная дверь за нимъ захлопнулась. Змій три раза лизнулъ дверь, а за четвертымъ — просадилъ языкъ насквозь. Тогда свв.

Іоанникій Галятовскій въ своей книгѣ *Небо Новое*, между чудесами Богородицы, приводитъ изъ Александра Гваньина, преданіе о страшномъ змiѣ въ Крыму, разогнавшемъ всѣхъ жителей. Греки и Волохи стали молить Бога о спасеніи, — и однажды увидѣли свѣчу, зажженую на скалѣ; подошли, и видятъ образъ Богородицы: передъ нимъ горѣла свѣча, а подъ нимъ лежалъ околѣвшій змій. [1])

Въ Эддѣ убіеніе змія соединено съ пріобрѣтеньемъ клада и отдѣлено отъ союза героя съ его любезною. Въ другихъ нѣмецкихъ преданьяхъ [2]), убіенье змія и пріобрѣтенье клада, хранимаго не змiемъ, а карликами, составляютъ два совершенно отдѣльные эпизода. И наоборотъ, отдѣляя змія отъ клада, иныя сказанья, какъ напримѣръ пѣсня о Зигфридѣ, соединяютъ преданье объ убіеніи змія, и именно змія-оборотня, съ пріобрѣтеньемъ меча и съ возвращеньемъ похищенной змiемъ дѣвицы (Гримгильды).

Пѣсни, сказки и легенды о похищенныхъ змiемъ красавицахъ такъ распространены въ словесности почти всѣхъ народовъ, что почитаю совершенно излишнимъ доказывать это сличеніями.

Но гораздо важнѣе для насъ войдти въ нѣкоторыя подробности о борьбѣ героя съ змiемъ. Змій, или палитъ своего врага огнемъ, или изрыгаетъ на него свой ядъ. Герой не избѣгаетъ опасности и тогда, когда убьетъ змія. Онъ можетъ погибнуть отъ яду или даже отъ самой крови, тоже ядовитой, которая

Борисъ и Глѣбъ схватили раскаленными клещами змія за языкъ, запрягли въ плугъ и провели по землѣ борозду, которая и донынѣ зовется *Змiевымъ Валомъ*. — Въ этомъ сказаніи очевидно древнѣйшее преданье о переходѣ въ бытъ земледѣльческій, преданье, подновленное христіянскою легендою о Борисѣ и Глѣбѣ, вмѣсто которыхъ въ Украинскомъ сказаньи о Сучицѣ является *Кузьма-Дамьянъ*. — Тотъ же кузнецъ Зигурдъ представляется въ нашихъ преданьяхъ въ новой обстановкѣ. По другимъ южно-русскимъ сказаньямъ о Змiевомъ Валѣ, змію отдается царевна, которую спасаетъ богатырь Кузьма, соотвѣтствующій Кирилѣ Кожемякѣ. — Смотр. Журн. Минист. Внутр. Дѣлъ 1846 г., часть XIII, стр. 179—180, въ статьѣ: Историч. введеніе въ статистич. описан. Бессарабск. области, въ примѣч. — Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи, изд. Ив. Фундуклей. 1848 г. — Nowosielskiego: Lud Ukrainski, 1857 г. Ч. I, стр. 254—277.

[1]) Во Львовѣ 1665 г. Смотр. чудо 17-е въ главѣ о чудесахъ между мученниками.

[2]) Смотр. у Рассмана, стр. 127—143.

струится изъ ранъ убитаго чудовища. Самъ богъ Торъ, хотя и убиваетъ великаго змія въ послѣдней битвѣ Асовъ съ Суртуромъ, но гибнетъ отъ его яду. Также гибнетъ и Беовульфъ, герой знаменитаго англо-саксонскаго эпоса. Въ его государствѣ былъ страшный огненный змій, хранившій въ горѣ сокровище, которое нѣкто, послѣдній въ родѣ, оплакивая всѣхъ своихъ, закопалъ въ землю: такъ уже затемнено здѣсь сказанье Эдды о сокровищѣ Андвари, пошедшемъ на выкупъ родной крови и хранимомъ зміемъ-отцеубійцей. — Чтобъ освободить землю и добыть кладъ, Беовульфъ вышелъ въ бой съ зміемъ и убилъ его; но и самъ лишился жизни отъ яда, впущеннаго чудовищемъ въ его рану.

Беовульфу, такъ же какъ и Зигурду, пошло не въ прокъ великое сокровище. Сверхъ того, Беовульфъ погибаетъ, какъ Торъ. Здѣсь видна связь змія-оборотня Фафнира съ великимъ зміемъ сѣверной ѳеогоніи.

Змій, съ которымъ сразился Зигурдъ, также испустилъ изъ себя ядъ; но герой остался невредимъ, потому что онъ былъ изъ рода Вёльзунговъ: а изъ саги объ этомъ родѣ извѣстно, что Зигмунду не вредилъ ядъ, внутрь принятый, а всѣмъ прочимъ Вёльзунгамъ не вредилъ снаружи. Потому-то Зигурдъ и не погибъ въ борьбѣ въ зміемъ. Мало того: убивши змія, онъ даже искупался въ его крови: отчего по всей его кожѣ простерлась роговая оболочка, дѣлавшая его невредимымъ. Впрочемъ, когда онъ купался въ этой крови, большой липовый листъ палъ ему между плечъ, и это мѣсто осталось непокрытымъ роговою бронею и подверженнымъ ранѣ.

Изъ множества славянскихъ преданій о битвѣ съ зміемъ и о вѣщей дѣвѣ самымъ замѣчательнымъ почитаю превосходную муромскую легенду о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи. Въ этой легендѣ, убіеніе змія и добыванье меча, хотя и отдѣлены отъ союза съ вѣщею дѣвою, но своими послѣдствіями тѣсно связаны съ этою второю половиной сказанья. Въ князѣ Петрѣ очевиденъ знакомый намъ типъ героя, побѣдителя змія; въ Февроніи — вѣщая дѣва, увѣнчивающая героя своею любовью и господствующая надъ нимъ своею сверхъестественною силой и мудростью.

Сказаніе это привожу по рукописямъ XVII вѣка. [1])

Въ Муромѣ княжилъ князь Павелъ. И вселилъ дьяволъ непріязненнаго летучаго [2]) змія къ женѣ его на блудъ. Змій являлся къ ней, какъ былъ естествомъ своимъ, другимъ же людямъ казался *своими мечтами*, какъ самъ князь сидѣлъ съ женою своею. *И тѣми мечтами* много лѣтъ прошло. Змій непріязнивый осилѣлъ надъ княгинею. Но она того не таила, и повѣдала князю все приключившееся ей. Тогда князь сказалъ: «Мыслю, жена, и недоумѣваю, что́ сдѣлать *непріязни* той. Не знаю, какъ убить змія. Узнай отъ него сама лестью. Тогда освободишься и отъ суда Божія, и въ нынѣшнемъ вѣкѣ *отъ злаго дыханія, и сипѣнія и всего скаредія, еже смрадно глаголати.*» Когда прилетѣлъ по обыкновенію къ княгинѣ змій, она спросила его, ласкаясь: «ты знаешь многое: знаешь ли кончину свою?» — Онъ же, непріязнивый прелестникъ, прельщенъ былъ добрымъ прельщеньемъ вѣрной жены, и не скрывая отъ нея тайны, сказалъ: «смерть, моя — *отъ Петрова плеча, отъ Агрикова меча.*» Княгиня передала эту тайну своему мужу, а онъ младшему брату, Петру. Князь Петръ, услышавъ, что смерть змію приключится отъ витязя, называемаго его именемъ, не сомнѣвался, что этотъ подвигъ предназначенъ ему самому. По указанію чудеснаго, явившагося ему юноши, находитъ онъ Агриковъ мечъ въ церкви женскаго монастыря Воздвиженія Животворящаго Креста, въ олтарной стѣнѣ, между камнями [3]) въ *скважинѣ*. Послѣ того онъ искалъ, какъ бы убить змія. Разъ, по обычаю, приходитъ онъ на поклонъ къ своему брату, а отъ него, нигдѣ не медля, къ невѣсткѣ, и, къ своему крайнему удивленію, нашелъ брата уже съ нею. Воротившись назадъ, онъ удостовѣрился, что съ женою князя былъ его непріязненный двойникъ. Тогда Петръ взялъ Агриковъ мечъ и отправился къ княгинѣ. Только что ударилъ онъ нечистаго мечомъ, какъ

---

[1]) Рукописи графа А. С. Уварова, подъ №№ 225, 265, 425 (Царск. 129), 428 (Царск. 132); Синодальной Библіотеки подъ № 555; профессора Н. С. Тихонравова.

[2]) Въ рук. *летящаго. Непріязнь* въ древнемъ языкѣ значитъ дьяволъ, бѣсъ; *непріязненный* — дьявольскій.

[3]) Въ рук. гр. Уварова № 425; *между Керемидами*; № 265: *межю Кремидома*; № 428: *межу каменія*,

змій явился своимъ естествомъ, началъ трепетаться и издохъ, окропивъ князя Петра своею кровью. Оттого князь острупѣлъ и покрылся язвами, и пришла на него тяжкая болѣзнь. Долго лѣчился онъ у врачей, но исцѣленія не получалъ; и, услышавъ, что въ предѣлахъ рязанскихъ много искусныхъ врачей, велѣлъ себя туда везти. Когда онъ прибылъ, тогда одинъ изъ его юношей отправился въ весь, нарицаемую *Ласково* *, и подошелъ къ воротамъ одного дома и вошелъ въ него, никого не встрѣтивъ. Наконецъ вступаетъ въ хоромину и видитъ чудное видѣніе: сидитъ какая-то дѣвица и точетъ краснà, а передъ нею скачетъ заяцъ. И проговорила дѣвица: «*не хорошо быть дому безъ ушей, а храму безъ очей.*» Юноша же, не понявъ этихъ словъ, спросилъ дѣвицу: «гдѣ хозяинъ этого дома?» Она же отвѣтствовала: «*Отецъ и мать моя пошли взаемъ плакать, братъ же мой пошелъ черезъ ноги въ нави зрѣти.*» Юноша опять не понялъ, чтò она говоритъ, и дивился, видя и слыша дѣла, подобныя чуду; и сказалъ дѣвицѣ: «вошелъ я, и увидѣлъ тебя за работою, а передъ тобой скачущаго зайца, и услышалъ изъ устъ твоихъ какія-то страшныя рѣчи, и не понимаю, чтò говоришь ты. Первое сказала ты: не хорошо быть дому безъ ушей, а храму безъ очей; про отца твоего и мать сказала ты, что пошли взаемъ плакать, о братѣ же, что пошелъ черезъ ноги въ нави зрѣти; и ни одного слова не понимаю.» Тогда она отвѣтствовала: «Какъ же ты не понимаешь? Пришелъ ты въ этотъ домъ, и въ хоромину мою вошелъ, и увидѣлъ меня сидящую въ простотѣ. Еслибы въ дому нашемъ былъ песъ, и почуявъ какъ ты подходишь къ дому, залаялъ бы на тебя, то не увидалъ бы ты меня сидящую въ простотѣ: это дому уши. А еслибъ въ храминѣ моей былъ мальчикъ, то, увидѣвъ, что ты сюда входишь, сказалъ бы мнѣ: это храму очи. А сказала я тебѣ про отца моего и мать, что пошли взаемъ плакать: такъ они пошли на погребеніе мертваго, и тамъ плачутъ: когда по нихъ по самихъ придетъ смерть, другіе по нихъ станутъ плакать: это заимодавный плачъ. А про своего брата сказала потому, что онъ и отецъ мой древолазцы: въ лѣсу съ деревъ медъ собираютъ. Братъ мой и отпра-

* Въ рук. гр. Уварова № 428: *Лускаво.*

вился на такое дѣло. А лѣзучи вверхъ на дерево, черезъ ноги къ землѣ смотрѣть, думая, чтобъ не урваться съ высоты. Кто урвется, погибнетъ. Потому и сказала, что пошелъ черезъ ноги въ нави зрѣти.» [1])

Это была сама Февронія. Юноша повѣдалъ ей о болѣзни князя и спросилъ, не знаетъ ли она врачей по имени и гдѣ живутъ. А она: «еслибъ кто потребовалъ князя твоего себѣ, то могъ бы уврачевать.» Юноша отъ имени болящаго обѣщалъ за исцѣленіе большую награду и просилъ указать жилище врача. «Приведи сюда князя — сказала дѣвица, — и если онъ будетъ мягкосердъ и смиренъ въ отвѣтахъ, будетъ здоровъ.» Князя привезли въ весь, гдѣ жила Февронія. Въ отвѣтъ послу, отправленному къ ней за врачемъ, она сказала: «Я сама уврачую князя, но имѣнія отъ него не требую. Вотъ мое условіе: если не буду его супругою, то не стану его лѣчить.» Отрокъ передалъ князю отвѣтъ. А князь, пренебрегая словами ея и помысливъ о томъ, какъ князю взять себѣ въ жены дочь древолазца, черезъ посланнаго велѣлъ ей сказать обманомъ: «Пусть уврачуетъ; я женюсь на ней.» Тогда Февронія, взявъ малый сосудецъ, почерпнула *кисляжди* [2]), дунула на нее, и сказала: да учредятъ князю вашему баню, и вотъ этимъ помажутъ по его тѣлу, гдѣ струпы и язвы, и одинъ струпъ оставьте не помазанъ: и выздоровитъ.» Когда къ князю принесли это снадобье, онъ велѣлъ приготовить баню, а дѣвицу вздумалъ искусить въ отвѣтахъ, дѣйствительно ли такъ премудра, какъ онъ слышалъ объ ней отъ своего юноши. Для того послалъ къ ней князь съ однимъ изъ своихъ слугъ одно *посѣсмо* льну, сказавъ: «дѣвица эта хочетъ быть моей супругою *ради своей мудрости:* то если она точно премудра, пусть учинитъ мнѣ изъ этого повѣс-

---

[1]) Вотъ загадочныя рѣчи Февроніи по рук. гр. Уварова, № 428: «нелѣпо есть быти дому безъ ушію, и храму безъ очію» — «поидоша взаемъ плакати» — «иде чрезъ ноги внави зрѣти.» — *Въ нави*, собственно *въ могилу*, а потомъ *въ адъ*. Въ послѣднемъ смыслѣ *въ навѣхъ* употребляется въ древнихъ текстахъ Ветхаго Завѣта. *Нава* у Славянъ означало и лодку, и могилу, напр. у Чеховъ: что указываетъ на древнѣйшій обрядъ похоронъ въ ладьѣ. (Нава—navis). Потомъ уже слово *навье* получило смыслъ мертвеца.

[2]) Такъ въ Синод. рукоп.; въ рукоп. гр. Уварова, № 428: Кисляди; а въ № 225: «своего нѣкоего *квасна*.» Въ областномъ языкѣ доселѣ употребляется слово *кислядь*, то же что *кислица*.

ма льну срачицу, порты и убрусецъ, въ то время, пока буду въ банѣ.» Когда слуга принесъ Февроніи это порученіе, она сказала ему: «Взлѣзь на печь, возьми съ грядъ полѣнцо и снеси его сюда.» Слуга исполнилъ ея приказаніе; она же, отмѣривъ пядью, велѣла полѣно отсѣчь. Слуга отсѣкъ. Тогда она сказала: «возьми этотъ *утинокъ* * и отдай своему князю, сказавъ: «пока я это повѣсмо очешу, пусть приготовитъ мнѣ князь изъ этого утинка станокъ и все строеніе, чѣмъ сотку для него полотно.» Получивъ отвѣтъ, князь велѣлъ ей сказать, что изъ такого малаго деревца и въ такой короткій срокъ нельзя исполнить ея порученія. Тогда и Февронія тѣмъ же отвѣчала князю и объ его порученіи.

И подивился князь ея мудрости, и, пошедши въ баню, исполнилъ все, какъ она велѣла, и совсѣмъ исцѣлился: все тѣло его стало гладко; остался только одинъ струпъ, который не былъ помазанъ. И дивился князь скорому исцѣленію, но не хотѣлъ на Февроніи жениться, *отечества ея ради;* и послалъ къ ней дары; она же даровъ не приняла. Но только что онъ отъѣхалъ въ свою отчину, съ того же самаго дня отъ оставленнаго имъ струпа стали расходиться по всему его тѣлу другіе, и сталъ онъ также оструплен многими струпами и язвами, какъ и прежде; и опять воротился за исцѣленіемъ отъ дѣвицы. И какъ приснѣлъ въ ея весь, со стыдомъ послалъ къ ней, прося врачеванья. Она же, нимало не держа гнѣва, сказала: «если будетъ мнѣ *супружникъ*, да будетъ уврачеванъ.» Тогда князь съ твердостью далъ ей слово, и отъ того же врачеванья исцѣлился, и взялъ ее себѣ въ супруги. И такимъ образомъ стала Февронія княгинею. И пришли они въ отчину свою, въ градъ Муромъ, и жили во всякомъ благочестіи, *ничтоже отъ Божіихъ заповѣдей оставляюще*.

По малыхъ же дняхъ князь Павелъ померъ, и на мѣсто его сталъ *самодержцемъ* города Мурома братъ его Петръ. Но княгини его Февроніи бояре не любили, *женъ ради своихъ*, потому что она стала княгинею *не отечества ея ради*, *Богу же прославляющу*, *добраго ради житія ея*. Однажды пришелъ нѣкто изъ бояръ къ князю Петру, и донесъ на княгиню, что

---

* *Утинокъ* — отрубокъ: отъ глагола *тяти*, *тну* — рубить, рублю.

она безчинно выходитъ изъ-за стола своего каждый день, взявъ въ руки свои отъ стола крохи, будто голодная. Тогда благовѣрный князь, желая искусить княгиню, велѣлъ ей обѣдать за однимъ столомъ съ собою. По окончаніи обѣда, Февронія, по своему обычаю, взяла со стола крохъ. Князь же Петръ, взявъ ее за руки, и разведши ихъ, увидѣлъ *ливанъ добровонный, ѳиміамъ;* и съ тѣхъ поръ пересталъ ее искушать. Спустя нѣсколько времени приходятъ къ нему бояре и въ ярости говорятъ: «мы хотимъ всѣ праведно служить тебѣ, но княгини Февроніи не хотимъ, *да государствуетъ* женами нашими. И если хочешь *самодержецъ* быть, да будетъ тебѣ другая княгиня. Февронія же пусть возьметъ себѣ богатства довольно, и идетъ, куда хочетъ.» — Князь же, не имѣя обычая предаваться ярости отъ чего бы то ни было, со смиреніемъ отвѣчалъ имъ: «Пусть скажутъ объ этомъ самой Февроніи: *и якоже речетъ, да слышимъ.*» Тогда бояре, *неистовые, наполнившись безстыдія*, умыслили сдѣлать пиръ. И когда были навеселѣ, начали простирать свои глаголы, *яко пси лающе, отъемлюще у святыя Божій даръ, его же Богъ и по смерти не разлучно обѣщалъ.* И говорили: «Госпожа княгиня, Февронія! весь городъ и бояре тебѣ говорятъ: дай намъ, чего мы у тебя попросимъ!» А она: «Возьмите, что̀ просите.» Тогда всѣ они единогласно воскликнули: «Всѣ мы князя Петра хотимъ, да *самодержствуетъ* надъ нами; тебя же жены наши не хотятъ, да *господствуешь* надъ ними! Возьми богатства довольно и иди, куда хочешь.» Февронія имъ отвѣчала: «Что̀ просите, будетъ вамъ; только и вы дайте мнѣ, чего у васъ попрошу.» Бояре съ клятвою обѣщали ей дать, чего попроситъ. Тогда Февронія сказала: «Ничего инаго не прошу у васъ, только супруга своего, князя Петра.» Они же отвѣтствовали: «Какъ хочетъ самъ князь»; потому что врагъ вложилъ имъ помыслъ, поставить себѣ инаго *самодержца*, если не будетъ у нихъ князя Петра; и каждый изъ бояръ держалъ себѣ на умѣ, чтобъ самому быть на мѣстѣ князя. Блаженный же Петръ не возлюбилъ временнаго самодержавства, *кромѣ Божіихъ заповѣдей*, по заповѣдямъ шествовалъ и держался ихъ, *яко же богогласный Матѳей въ своемъ Благовѣстіи вѣщаетъ: речебо, аще пуститъ жену свою, и оженится иною, прелюбы творитъ.* И блаженный князь Петръ

сотворилъ по заповѣдямъ: власть свою *яко уметы* вмѣнилъ, и отправился изъ городу вмѣстѣ съ своею супругою. Злочестивые бояре дали имъ на рѣкѣ суда, потому что подъ городомъ тѣмъ протекала рѣка, именуемая Ока. И поплыли они въ судахъ.

Былъ нѣкоторый человѣкъ въ суднѣ у княгини Февроніи; въ томъ же суднѣ была и жена его. И тотъ человѣкъ, принявъ помыслъ отъ лукаваго бѣса, воззрѣлъ на Февронію съ помысломъ; она же, уразумѣвъ злой помыслъ его, вскорѣ обличила. Она сказала ему: «Почерпни воды изъ рѣки вотъ съ этой стороны». Онъ почерпнулъ. И велѣла ему пить: онъ выпилъ. «Теперь — сказала она—почерпни воды съ той стороны судна.» Онъ опять почерпнулъ. И велѣла ему пить: онъ тоже выпилъ. Потомъ Февронія спросила его: «Одинакова ли та и другая вода, или которая слаще?» — «И та и другая одинакова», отвѣчалъ онъ. Тогда сказала она этому человѣку: «Точно также одинаково и естество женское: для чего же ты, оставляя свою жену, на чужихъ мыслишь?» И увидалъ человѣкъ тотъ, что въ ней даръ прозрѣнія, и оставилъ свои помышленья.

Когда къ вечеру суда начали ставить у берега, сгрустнулось князю Петру, что онъ лишился своей власти. Но Февронія его ободрила и утѣшила.

Поваръ сталъ готовить ужинъ. Сломалъ два малыхъ деревца, и, воткнувъ въ землю, повѣсилъ на нихъ котелъ. Послѣ ужина княгиня Февронія благословила эти деревца, сказавши: «да будутъ эти деревца наутріе древіе велико съ вѣтвями и листьями.» Такъ и совершилось.

На другой день утромъ, только что стали прислужники складывать въ суда поклажу *, изъ города Мурома пришли вельможи, съ извѣстіемъ, что въ Муромѣ происходитъ великое кровопролитіе, по причинѣ споровъ между боярами, кому изъ нихъ княжить: потому для прекращенія общаго бѣдствія, посланные, отъ имени всего города, прося у князя прощенія, умоляли его воротиться и княжить надъ Муромомъ.

Князь Петръ, никогда не держа гнѣва, воротился вмѣстѣ съ своею супругою, и властвовали они оба, заботясь о благѣ своего города.

---

* Въ рукописяхъ: *рухло*, откуда нынѣ употребительное *рухлядь*.

Когда пришло время ихъ смерти, просили они Бога, чтобъ преставленіе ихъ было въ одинъ и тотъ же часъ; и сотворили совѣтъ, да будутъ положены въ одномъ гробѣ, раздѣленномъ перегородкою. И оба въ одно время облеклись въ монашескія ризы. Князь Петръ въ иноческомъ чинѣ нареченъ былъ Давидомъ, а Февронія — Евфросиніею.

Однажды Февронія работала воздухи въ соборный храмъ Пречистыя Богородицы, вышивая на нихъ лики святыхъ. Князь Петръ присылаетъ къ ней сказать, что онъ уже отходитъ отъ жизни. Февронія проситъ его подождать, пока кончитъ воздухи. Онъ присылаетъ къ ней въ другой разъ, наконецъ въ третій. Тогда Февронія, не дошивъ на воздухахъ только ризы одного святаго, лицо же его нашивъ, оставила работу. Воткнула иглу въ воздухи, привертѣла ее ниткою, которою шила, и послала къ князю Петру, увѣдомить его о *преставленіи купномъ*. *

Неразумные же люди, какъ при жизни ихъ возмущались, такъ и по честномъ ихъ преставленіи. Презрѣвъ ихъ завѣщаніе, бояре положили тѣла ихъ въ разные гробы, говоря, что въ монашескомъ образѣ не подобаетъ класть князя и княгиню въ одномъ гробѣ. Итакъ, князя Петра положили въ особомъ гробѣ, внутри города, въ Соборномъ храмѣ Богородицы, а Февронію за городомъ, въ женскомъ монастырѣ, въ церкви Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста (гдѣ былъ найденъ Агриковъ мечъ): общій же гробъ, который князь и княгиня, еще при жизни своей, велѣли вытесать изъ одного камня, бояре велѣли оставить пустымъ въ томъ же Соборномъ храмѣ. Но на другой день особные гроба очутились пусты, и оба тѣла лежали въ общемъ гробѣ. Ихъ опять разлучили, и опять на другой день оба тѣла были вмѣстѣ. Но потомъ уже никто не осмѣлился прикоснуться къ ихъ святымъ тѣламъ, которыя такъ и остались въ одномъ гробѣ.

Легенда оканчивается слѣдующею похвалой.

«Радуйся, Петре, яко дана ти бысть отъ Бога благодать убити летящаго, свирѣпаго змія. Радуйся, Февронія, яко въ женстѣй главѣ святыхъ мужъ мудрость имѣла еси. Радуйся,

* 25-го іюня 1228 года.

Петре, яко струпы и язвы на тѣлеси своемъ нося, доблестнѣ претерпѣлъ еси скорби. Радуйся, Февронія, яко отъ Бога имѣла еси *даръ въ дѣвственѣй юности недуги исцѣлити*. Радуйся, Петре, яко заповѣди ради Божія самодержавства волею отступи, еже не остави супруги своея. Радуйся, дивная Февронія, яко твоимъ благословеніемъ въ едину нощь малое древіе велико возрасте, и изъ него вѣтви и листвіе», и проч. Похвалу эту оканчиваетъ составитель Легенды личнымъ обращеньемъ къ блаженнымъ супругамъ: «Да помянете же и мене грѣшнаго, списавшаго, елико слышахъ, невѣдый, аще иніи суть написали вѣдуще выше мене. Аще бо и грѣшенъ есмь и грубъ; но на Божію благодать и на щедроты его уповая, и на ваше моленіе ко Христу надѣяся, трудихся мысльми, хотя вы на земли почтити.»

IV.

Въ общихъ чертахъ своихъ, Муромская Легенда содержитъ тѣ же главнѣйшіе мотивы, что̀ и пѣсни Древней Эдды о битвѣ Зигурда съ зміемъ и о союзѣ этого героя въ вѣщею дѣвою. Безъ всякаго сомнѣнія, сходство это основывается на общихъ источникахъ, изъ которыхъ—само собою разумѣется—совершенно независимо другъ отъ друга были почерпнуты древнія преданія и въ пѣсняхъ Эдды и въ нашей Легендѣ. Потому же самому и нѣмецкія сказанія о борьбѣ съ зміемъ и союзѣ съ вѣщею дѣвою, въ различныхъ редакціяхъ, предлагаютъ различныя видоизмѣненія и варіанты. И наша Легенда, по той же причинѣ, соприкасается съ пѣснями Эдды не прямо, а черезъ посредство видоизмѣненій въ другихъ памятникахъ нѣмецкой старины, основанныхъ на общемъ преданіи.

Въ Муромской легендѣ древнѣйшему преданію дана позднѣйшая историческая обстановка, и притомъ, событія и лица возведены въ идеальную область христіанскихъ понятій.

Потому, въ сравнительномъ изученіи этого прекраснаго памятника нашей народной поэзіи должно отличать: вопервыхъ, древнѣйшее преданіе, положенное въ его основу; вовторыхъ, историческую обстановку, и втретьихъ, религіозную, и именно христіанскую идею, которою освящены и доисторическое преданіе, и историческая его обстановка.

Итакъ, вопервыхъ, древнее, доисторическое преданье. Оно-то собственно и составляетъ предметъ нашего сравнительнаго изученія.

Здѣсь должно обратить вниманіе, прежде, на борьбу князя Петра съ зміемъ, и потомъ, на вѣщій характеръ Февроніи.

Вопервыхъ, о борьбѣ съ зміемъ.

Змій Муромской легенды есть змій-оборотень, подобный Фафниру, сыну Грейдмарову, и множеству огненныхъ летучихъ зміевъ въ народныхъ сказкахъ и пѣсняхъ [1]).

Замѣчательное сходство съ началомъ нашей легенды предлагаетъ одна сербская пѣсня, подъ заглавіемъ: *Царица Милица и Змій отъ Ястребца* [2]). Вотъ какъ она начинается:

«Хвала Богу, хвала единому! Царь Лазарь сидитъ за ужиномъ, по край его царица Милица. Не весела Милица, закручинилась; лицомъ блѣдна и пасмурна. И пытаетъ ее славный царь Лазарь: о Милица, моя царица! О чемъ спрошу, скажи мнѣ всю правду-истину: что ты такъ не весела — закручинилась, лицомъ блѣдна и пасмурна? или чего тебѣ мало въ нашемъ дворѣ?» —

Милица отвѣчаетъ, что ей всего вдоволь, только повадился къ ней змій отъ ястребца: онъ полюбилъ ее и летаетъ къ ней въ бѣлый теремъ. Лазарь, подобно князю Павлу, брату Петра Муромскаго, помогаетъ своей женѣ совѣтомъ противъ соблазновъ змія-прелестника. Онъ совѣтуетъ царицѣ лестью вывѣдать отъ змія, кого изъ *юнаковъ* (то-есть витязей) больше всѣхъ на землѣ онъ боится. Отправилась царица въ свой высокъ теремъ. Мало время позамѣшкавши, засіяла Ястребецъ-планина, полетѣлъ змій отъ Ястребца, отъ Змѣевца, отъ воды отъ Студеной, полетѣлъ онъ къ Крушеву-равнинѣ, и влетѣлъ въ бѣлый теремъ. Палъ на мягкую постель, *сбросилъ съ себя огненную одежду* и легъ съ царицею на подушкахъ.

---

[1]) Извѣстная легенда о Георгіи Храбромъ и дѣвицѣ, перешедшая и въ народные наши стихи, болѣе сходствуетъ съ столь же извѣстнымъ разказомъ въ древне-классической поэзіи, нежели съ преданіями, составляющими предметъ этихъ лекцій.

[2]) Въ изданіи Вука Стефановича Караджича, часть 2-я, № 43.

Итакъ, этотъ змій, подобно другимъ сказочнымъ, оборачивался добрымъ молодцемъ.

Ласкаяя его, Милица отъ него выпытала тайну, что онъ боится только одного юнака во всемъ свѣтѣ, Змѣя-Деспота-Вука, изъ села Купинова, въ Землѣ Сремской. На другой же день дано было знать этому витязю; онъ пріѣзжаетъ, и, подстерегши змія, убиваетъ его.

Въ Муромской легендѣ змій не только оборотень, но и двойникъ князя Павла, брата Петрова. Какъ ни разсматривать этого *непріязниваго* двойника, во всякомъ случаѣ отраженіе существа Павлова въ зміи бросаетъ тѣнь и на самого Павла: во всякомъ случаѣ, хотя бы по внѣшнему сходству и даже тождеству, онъ родня змію-оборотню, если не самъ и есть этотъ змій-оборотень. — Надобно полагать, что раздвоеніе существа князя Павла на себя самого и на своего двойника есть уже позднѣйшая выдумка. Первоначально, по преданію древнѣйшему, князь Петръ могъ побѣдить въ зміи-оборотнѣ своего собственнаго брата, какъ Регинъ Фафнира, при помощи Зигурда, —если только и это родство князей Петра и Павла не есть позднѣйшее же прибавленіе.

Какъ сѣверный Зигурдъ сначала добываетъ мечъ и потомъ вступаетъ на поприще своихъ подвиговъ, такъ и князь Петръ чудеснымъ образомъ получаетъ *Азриковъ* мечъ.

Какъ князь Петръ вынимаетъ себѣ этотъ мечъ изъ стѣны храма, такъ въ сагѣ о Вёльзунгахъ Зигмундъ вытаскиваетъ изъ священнаго дерева чудесный мечъ, который глубоко врубилъ въ это дерево самъ Одинъ; или точно также въ валашской сказкѣ о витязѣ Вилишѣ *, этотъ витязь идетъ къ четыремъ каменнымъ столбамъ, молится имъ цѣлые девять дней, и наконецъ изъ нихъ высовывается знаменитый мечъ для совершенія великихъ подвиговъ.

Какъ богъ Торъ и англосаксонскій герой Беовульфъ, поразивъ зміевъ, сами погибаютъ отъ змѣинаго яду, или, какъ Зигурдъ потому только остается живъ послѣ побѣды надъ зміемъ, что ядъ и кровь этого чудовища ему, какъ Вёльзунгу, не только не вредны, но даже пользительны: точно такъ и князь Петръ,

* Въ изданіи Шотта, № 11.

убивъ змія-оборотня, подвергаетъ свою жизнь опасности, будучи зараженъ его ядовитою кровью.

Исцѣленіемъ язвъ на всемъ тѣлѣ князя Петра, окропленномъ змѣиною кровью, геройскій подвигъ этого князя естественно связывается съ разказомъ о Февроніи.

Февронія носитъ на себѣ самый опредѣленный характеръ *вѣщей дѣвы*. Она совершаетъ чудеса, превращая крохи отъ стола въ ладанъ, или въ одну ночь словомъ своимъ возрощая изъ воткнутыхъ кольевъ большія деревья. Она исцѣляетъ болѣзни, говоритъ мудро, и притомъ *загадками*, которыя, въ первобытномъ, миѳическомъ своемъ значеніи, безъ сомнѣнія, соотвѣтствуютъ сѣвернымъ рунамъ. Если Брингильда только учила Зигурда *цѣлебнымъ* рунамъ, то Февронія даже исцѣлила своего героя.

Уже при самомъ вступленіи своемъ на сцену, является Февронія въ обстановкѣ вѣщей дѣвы. Сидитъ за краснами, занимается тканьемъ, какъ *дѣва судьбы* въ Сербской сказкѣ [1]), или какъ *Идисы* и *Норны* нѣмецкой миѳологіи, которыя ткутъ, растягиваютъ и связываютъ нити судьбы человѣческой.

Передъ вѣщей ткачихой для чего-то скачетъ заецъ.

Эта сцена напоминаетъ мнѣ нѣмецкое преданье объ основаніи Кведлинбурга [2]). Матильда, прекрасная дочь императора Генриха III, желая искоренить въ сердцѣ своего отца преступную къ ней склонность, вошла въ договоръ съ дьяволомъ, чтобъ онъ сдѣлалъ ее безобразною, и зато обѣщала ему свою душу, но только въ томъ случаѣ, если она, Матильда, въ продолженіе трехъ ночей хоть на минуту заснетъ. Чтобъ воздержать себя ото сна, она сидѣла за краснами и ткала драгоцѣнную ткань, какъ наша Февронія, а передъ нею прыгала собачка, лаяла и махала хвостомъ (wedelte): собачку эту звали Wedl или Quedl, и въ память ея Матильда назвала основанное ею потомъ аббатство *Кведлинбургъ*.

---

[1]) Она или прядетъ золотую нить, и называется *сретею*, то-есть счастьемъ, или въ видѣ сіяющей какъ солнце дѣвы вышиваетъ лучами солнечными по основѣ изъ юнацкихъ кудрей. См. Сербскія сказки, въ изданіи Вука Кар. № № 13 и 31.

[2]) Deutsche Sagen, по изд. братьевъ Гриммовъ, № 483.

Впрочемъ, Февронія, хотя и забавлялась прыгающимъ передъ нею зайчикомъ, но собаки при ней не было. И вѣщая дѣва именно о томъ изъявила свое сожалѣніе въ загадочномъ выраженіи: *не лѣпо есть быти дому безъ ушію и храму безъ очію*. Эта загадка въ сборникѣ пословицъ Архивной рукописи XVII вѣка (№ 250) помѣщена между пословицами въ слѣдующемъ видѣ: *не додро домъ безъ ушей, а храмъ безъ очей*. Такое совпаденіе свидѣтельствуетъ намъ о связи пословицы съ загадкой въ періодъ эпическій и о первобытномъ отношеніи той и другой къ миѳическимъ формуламъ, къ *вѣщимъ словамъ* или, по выраженію Суда Любушина, къ *вѣщбамъ*, которыя въ сѣверномъ эпосѣ извѣстны подъ именемъ *рунъ* [1]).

Миѳологическое выраженіе: *въ нави зрѣти*, вѣроятно, ведущее свое начало отъ глубокой древности, когда *нава*, согласно похороннымъ обрядамъ, означало и ладью, и гробъ, — уже достаточно говоритъ само за себя.

Загадка о *заимодавномъ плачѣ* — какого бы происхожденія она ни была, древнѣйшаго народнаго, или позднѣйшаго, литературнаго—напоминаетъ мнѣ разговоръ Соломона съ Морольфомъ въ упомянутомъ выше, извѣстномъ народномъ романѣ [2]). Между прочимъ Соломонъ спрашиваетъ Морольфа: «Гдѣ твоя мать? — Она пошла, отвѣчаетъ Морольфъ, — сослужить своей кумѣ такую службу, какой кума ужь никогда ей не сослужитъ. — Вѣрно, услуга-то очень велика, возразилъ Соломонъ: — что же бы это такое было? — А кума ея умерла, отвѣчалъ Морольфъ: — а были онѣ пріятельницы; вотъ и пошла моя мать закрыть ей очи, а кума, конечно, никогда не заплатитъ ей тѣмъ же.»

Состязаніе загадками и задачами между княземъ Петромъ, желающимъ отдѣлаться отъ брака съ дочерью древолазца, и между Февроньею, которая готова на рѣшеніе всевозможныхъ труднѣйшихъ задачъ, есть обычный эпическій мотивъ, какъ народной поэзіи, такъ и вообще средне-вѣковыхъ сказаній, даже въ литературѣ книжной. Тотъ же оборотъ въ состязаніи

---

[1]) См. мою статью Объ эпической поэзіи въ «Отечественныхъ Записках», и О пословицахъ въ «Архивѣ» Калачова.

[2]) По изданію Зимрока, стр. 20.

о мудрости помощію загадокъ и задачъ принятъ, напримѣръ, въ сказаньи о Соломонѣ и Царицѣ *Ужичьской*, *Южской* или *Савской*, которое очень распространено было у насъ въ палеяхъ и хронографахъ и отдѣльно въ сборникахъ, отъ XV до XVII вѣка [1]).

Но изъ всѣхъ, и устныхъ и письменныхъ преданій, въ этомъ отношеніи ни одно не представляется въ такой значительной близости, и, вѣроятно, въ рѣшительномъ сродствѣ по происхожденію съ Муромскою легендою, какъ Сербская сказка о томъ, *какъ дѣвица перемудрила царя* [2]).

Въ этой сказкѣ встрѣчаемъ не только тѣ же самыя задачи и загадки, почти слово въ слово, но даже и послѣдній примѣръ мудрости Февроніи, какъ она перехитрила муромскихъ бояръ, взявъ съ собою князя, какъ свою собственность.

Эта сказка слѣдующаго содержанія: У одного бѣдняка была мудрая дочь, которая и самого отца своего учила мудрости. Однажды царь, увидѣвши бѣдняка и узнавъ, что онъ научился мудрости отъ своей дочери, спросилъ его: «А дочь твоя у кого научилася? — «Богъ ее умудрилъ, отвѣчалъ отецъ, — и наша горькая бѣдность.» Тогда царь далъ ему тридцать яицъ и велѣлъ, чтобъ изъ нихъ дочь его вывела ему цыплятъ, не то онъ замучитъ бѣдняка. Плача воротился бѣднякъ домой, но дочь утѣшила его, замѣтивъ впрочемъ, что яица были вареныя. На другой день наварила она бобовъ, и велѣла отцу взять соху и воловъ, и пахать землю и сѣять эти бобы покрай пути, гдѣ было ѣхать царю, а самъ бы, сѣючи, приговаривалъ: «Помоги Боже, чтобъ выросли бобы.» Потомъ научила его, какъ отвѣчать на вопросъ царя. Мужикъ такъ и сдѣлалъ. Увидѣвъ его, царь сказалъ: «Бѣдный человѣче, когда же выросталъ вареный бобъ?» На то отвѣчалъ ему бѣднякъ: «Почестный царю! а когда изъ вареныхъ яицъ выводились цыплята?» Послѣ того царь задалъ ему задачу, почти такую же, какъ князь Петръ Февроніи. Онъ далъ ему *повѣсмо* льну [3]) и

---

[1]) Объ этомъ эпическомъ мотивѣ смотр. въ мой статьѣ О пословицахъ въ «Архивѣ» Калачова.

[2]) По изд. Вука Стеф. Караджича, № 25.

[3]) Въ подлинникѣ такъ же, какъ въ нашей легендѣ: *повѣсмо лана* (то-есть льна).

велѣлъ изъ него спрясть и выткать паруса, флаги и все, что̀ нужно для корабля: не то лишитъ его жизни. Бѣднякъ, плача, воротился съ этимъ порученіемъ домой. На другой день дочь дала ему *утинокъ* полѣна * и послала къ царю, чтобъ царь сдѣлалъ ей изъ этого утинка пряслицу, веретено и все, что̀ нужно для тканья. Этими и другими мудрыми поступками и словами вѣщая дѣва привела царя въ такое удивленіе и такъ къ себѣ расположила, что онъ предложилъ ей свою руку. Дѣвица согласилась, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ царь далъ запись своею рукою въ томъ, буде онъ когда на нее разгнѣвается и отъ себя ее прогонитъ, то даетъ ей право взять въ его царскомъ дворѣ то, что̀ ей всего милѣе. Царь согласился, и дѣвица вышла за него замужъ. Черезъ нѣсколько времени сбылись опасенія вѣщей женщины. Царь прогнѣвался и гналъ ее отъ себя прочь. Тогда, на прощаньи, царица подмѣшала ему въ вино соннаго зелья, и когда царь выпилъ вино и заснулъ крѣпкимъ сномъ, она соннаго взяла его съ собою и удалилась изъ царскаго дворца. Когда царь проснулся и увидѣлъ себя въ лачугѣ, а подлѣ себя прогнанную имъ жену, тогда царица показала ему данную имъ запись. Побѣжденный мудростью своей жены, царь вмѣстѣ съ нею воротился домой.

Трудно предположить, чтобъ такое разительное сходство Муромской легенды съ Сербскою сказкою было слѣдствіемъ литературнаго вліянія, занесеннаго къ намъ Сербами, изъ которыхъ иные дѣйствительно составляли житія русскихъ подвижниковъ, какъ напримѣръ Пахомій Логоѳетъ, вышедшій въ Русь около 1460 года. Еще труднѣе предположить, чтобъ наша мѣстная легенда, занесенная въ Сербію въ рукописяхъ, могла оказать такое сильное вліяніе на воображеніе цѣлаго народа, что вошла въ народную сказку.

Правдоподобнѣе всего предположеніе, что это замѣчательное сходство Муромской легенды съ Сербскою сказкою есть результатъ родственнаго развитія народнаго эпоса въ эпоху доисторическую.

Если мы видимъ нѣкоторое сходство между княземъ Петромъ и Зигурдомъ, и между Февроніею и Брингильдою, то было бы удивительно, когда бы мы не встрѣтили болѣе яснаго и опредѣ-

* Въ подлинникѣ: *комадъ древета.*

леннаго, даже разительнаго сходства въ преданьяхъ изъ того же эпическаго цикла между племенами родственными, славянскими.

Въ Муромскомъ сказаніи такъ сильно преобладаетъ миѳическая основа, что мы не будемъ долго медлить на исторической ея обстановкѣ.

Другія житія предлагаютъ намъ драгоцѣннѣйшія данныя для исторіи внутренняго быта древней Руси. Въ Муромской же легендѣ можно остановиться развѣ только на разказѣ о смутахъ бояръ и на недовольствѣ боярынь, что ими управляетъ дочь древолазца. Послѣднее указаніе очень важно для исторіи древне-русской женщины.

Но особеннаго вниманія заслуживаетъ основная идея легенды, и именно въ томъ смыслѣ, какъ эта легенда была обработана благочестивымъ грамотникомъ.

Идея эта, конечно, должна была истекать изъ христіанскаго источника. Но какую же черту въ древнемъ преданьи особенно освѣтила она, вызвавъ изъ глубокой старины темное, миѳическое преданье? На чемъ преимущественно остановился сочинитель этой легенды?

Въ дѣйствительности, знакомый только съ безцвѣтными личностями русскихъ женщинъ своей грубой эпохи, безъ сомнѣнія, въ области фантазіи, не могъ онъ не увлечься энергическимъ характеромъ вѣщей дѣвы, подобной супругѣ миѳическаго Дуная или Ставра боярина и нѣкоторымъ другимъ героическимъ идеаламъ женщины, этимъ драгоцѣннымъ остаткамъ первобытнаго эпоса.

Съ вѣщею силою, Февронія соединяетъ любящее сердце. Не смотря на обманъ князя, она силою своего вѣщаго духа господствуетъ надъ нимъ и выходитъ за него замужъ. Не смотря на преслѣдованья со стороны бояръ и на презрѣніе къ ней боярынь, не смотря на слабость воли и на кажущееся равнодушіе князя къ ея нѣжной любви и высокой преданности, она, и лишившись княжеской власти, бодро идетъ въ изгнаніе, только бы не разлучаться съ милымъ ей человѣкомъ. И въ изгнаніи, она остается чиста, и при всемъ благородствѣ образа мыслей, наивна, не смотря на грубыя и пошлыя оскорбленія, которыя терпитъ, ѣдучи въ ладьѣ.

Безграничная любовь ея наконецъ увѣнчалась желанною взаимностью: «радуйся, Петре, восклицаетъ составитель его житія,—яко заповѣди ради Божія самодержства волею отступи, еже не остави супруги своея.» Но и потомъ, огорченный изгнаніемъ и какъ бы раскаивающійся, что увлекся своимъ сердцемъ, князь находитъ себѣ утѣшеніе въ преданной любви своей супруги. Даже при концѣ жизни, не князь сопутствуетъ своею смертію умирающей супругѣ, но все она же, преданная и великодушная, спѣшитъ окончить свою священную работу, слыша, что мужъ ея уже отходитъ, и потомъ, не дошивъ воздуховъ, умираетъ вмѣстѣ съ нимъ въ одно и то же мгновеніе.

Такова нѣжная, преданная любовь, которая нашла себѣ благочестивую апотеозу въ свѣтлыхъ личностяхъ князя Петра и особенно княгини Февроніи, дочери древолазца.

И по смерти, супружеская любовь, благословенная свыше, соединила ихъ въ одномъ гробѣ.

Грубые, невѣжественные бояре, въ своемъ ограниченномъ и тупомъ пониманьѣ церковныхъ уставовъ, пытались было разлучить почившихъ супруговъ. Но сама Высшая Сила приняла подъ свое покровительство нѣжную любовь супружескую, столь рѣдкую въ древней Руси.

Ѳ. Буслаевъ.

КАКЪ У НАСЪ ПЕРЕВОДЯТЪ УЧЕБНЫЯ РУКОВОДСТВА.

Начальныя основанія политической экономіи Іосифа Гарнье. Переводъ съ французскаго. Изданіе В. Ососова. С. П. Б. 1858.

—

Наша ученая литература чрезвычайно бѣдна экономическими сочиненіями, и кромѣ нѣсколько устарѣвшаго, хотя въ свое время почтеннаго труда г-на Бутовскаго, не имѣетъ ни одного сочиненія, которое представляло бы полное изложеніе политической экономіи. О переводахъ и говорить нечего — ихъ вовсе нѣтъ. Старинные переводы Адама Смита, Дроза и др. уже отжили свой вѣкъ и не найдутъ себѣ читателей. При такой скудости еще рельефнѣе выдвигаются впередъ труды, подобные «Новому опыту о народномъ хозяйствѣ» г. Каменскаго или «О значеніи мануфактурной промышленности въ Россіи и объ *охранной* системѣ» г. Ушинскаго. Они служатъ не малымъ назиданіемъ. Примѣры этихъ доморощенныхъ экономистовъ, — одного, открывшаго въ своей поддѣлкѣ знаменитаго труда Милля новый способъ писать ученые трактаты, — а другаго, рѣшающаго въ своей «*охранной* системѣ» самые важные вопросы науки при помощи одного «здраваго русскаго смысла», — эти примѣры ясно показали, какая незавидная извѣстность ожидаетъ подобныхъ претендентовъ на самостоятельную ученость и какъ опасно безъ положительныхъ знаній пускаться въ безпредѣльный океанъ науки. Такія неудачныя попытки дешево не обходятся. Они свидѣтельствуютъ только о томъ, какъ мало мы учились и какъ еще много намъ надобно учиться, чтобы не дѣлать по крайней мѣрѣ нелѣпостей и не попадаться за нихъ въ просакъ.

Оригинальность по этой части намъ рѣшительно не удалась. Изданный недавно г-мъ Ососовымъ переводъ первоначальнаго руководства одного изъ лучшихъ современныхъ экономистовъ Франціи, Гарнье, показываетъ, что и съ переводомъ вышло не лучше. Впрочемъ въ сравненіи съ двумя названными выше «оригинальными» произведеніями, этотъ трудъ имѣетъ на своей сторонѣ одно большое преимущество скромность: переводчикъ, скрывшись за именемъ издателя, показалъ тѣмъ самымъ, что онъ чуждъ всякой претензіи на извѣстность и всякаго желанія блеснуть своими познаніями. Онъ — простой переводчикъ, и болѣе ничего. Никогда не учившись политической экономіи, не зная ни французскаго, ни даже своего роднаго языка, а между тѣмъ слыша постоянно раздающіеся голоса о бѣдности отечественной экономической литературы и необходимости хорошихъ переводовъ по этой части, господинъ неизвѣстный переводчикъ захотѣлъ переводить. Жертвою такого желанія сдѣлалось извѣстное сочиненіе французскаго экономиста, попавшееся ему въ руки, можетъ-быть по случаю, а можетъ-быть и по чьей-нибудь рекомендаціи. Переведено, издано. И вотъ передъ нами лежитъ большой томъ, чуть не въ 400 страницъ убористой печати, подъ заглавіемъ: «Начальныя основанія политической экономіи».

По правдѣ сказать, первое впечатлѣніе, произведенное на насъ книгою г-на Ососова, было самое благопріятное. Наконецъ-то, подумали мы, у насъ будетъ по чемъ учиться политической экономіи: вотъ современный переводъ хорошаго, ясно-изложеннаго руководства по этой части! Наружность книги еще болѣе задобрила насъ въ ея пользу. Но наша радость была непродолжительна. По прочтеніи первыхъ же страницъ переводъ оказался до такой степени дуренъ, что по немъ мы не только не узнали давно знакомаго сочиненія Гарнье, но и на каждой страницѣ становились рѣшительно втупикъ, не понимая, о чемъ тутъ говорится. Каждый параграфъ намъ приходилось повѣрять подлинникомъ, и только съ его помощью мы добирались до настоящаго смысла. Такимъ-то образомъ мы едва могли осилить 60 страницъ, и сколько разъ потомъ ни принимались снова за чтеніе, съ твердымъ намѣреніемъ прочитать какъ

можно болѣе, но ужь рѣшительно не могли: на первой же страницѣ приходилось закрывать книгу.

Впрочемъ мы полагаемъ, что и этихъ 60 страницъ совершенно достаточно для того, кто захочетъ познакомиться не съ сочиненіемъ Гарнье, а съ его переводомъ. Сдѣлаемъ изъ нихъ нѣсколько выписокъ. Вотъ опредѣленія «потребности» и «богатства», встрѣчающіяся на самыхъ первыхъ страницахъ сочиненія.

«Подъ словомъ потребность разумѣютъ нѣчто возбуждающее, толкающее, какое-то страданье. Съ другой стороны, условія, которыя дѣлаетъ человѣкъ для удовлетворенія своихъ потребностей, есть работа, трудъ, жертва, усиліе, страданье. Въ этомъ заключается новое естественное явленіе, и ошибаются мыслящіе, что общество, какъ вообще асссосіація людей, найдетъ когда-либо средство изгнать вполнѣ страданье съ лица земли, то-есть нѣчто возбуждающее потребности и тѣ усилія, которыя потребны для ихъ удовлетворенія» (стр. 7). «Вовсе *немудро* (la sagesse ne consiste pas à) вполнѣ отказывать себѣ, а мудро удовлетворять себя въ границахъ того, что̀ вырабатывается и того, что̀ мудрая предусмотрительность велитъ хранить, и т. д.» (стр. 8). На стр. 9-й находимъ такое опредѣленіе богатства: «Все то, что̀ удовлетворяетъ потребности человѣка, потребности тѣла, или духа, физическія, или духовныя; наслажденія матеріальнаго, или умственнаго есть то̀, что называютъ *богатствомъ*, каково бы ни было его количество.» На стр. 10-й читаемъ: «Когда полезность, которою одарены предметы, не есть даровая, когда она допускаетъ возможность быть косвенною, возможность присвоенія и обмѣна, то тѣ предметы получаютъ экономическое качество, позволяющее ихъ владѣльцу пріобрѣтать другіе полезные предметы, другія произведенія» и т. д. — Такимъ варварскимъ языкомъ переведено все сочиненіе. Мы нарочно сдѣлали эти выписки изъ четырехъ страницъ къ ряду, чтобы показать нашимъ читателямъ, что такія выраженія не составляютъ исключенія: ими наполнена сплошъ вся книга. Но что̀ сказать напримѣръ про такія фразы: «*Продажа и купля обычнаго товора* составляютъ каждая отдѣльный полный обмѣнъ» (стр. 15); «система, стремящаяся *помѣшать* блага умственныя и нравственныя *съ* матеріальными предмета-

ми», и т. д. (стр. 27); «Дж. Стюартъ Милль дѣлитъ произведенія, *которыя онъ зоветъ полезности*, на три класса: одинъ, *образованный* изъ полезностей *утвержденныхъ на* предметахъ внѣшнихъ, или матеріальныхъ; другой *образованный*, и т. д.» (тамъ же); «капиталъ нравственный состоитъ изъ: *давальцевъ* (clientèles) и *талантовъ*» (стр. 34); «если бы это прилагательное (свободны) не имѣло бо́льшихъ притязаній сравнительно съ тѣми еще большими выгодами, которыя представляютъ *предпріятія частные промышленныя*», (les entreprises plus particulièrement dites industrielles, стр. 43); «думали лучше выразить законъ измѣняемости цѣнности и цѣны, *которая есть той представленіе*», то-есть qui en est la représentation (стр. 59).

Но довольно: всего не перечтешь, да и зачѣмъ? Мы даже не указали бы на этотъ мнимый переводъ, еслибъ онъ возбуждалъ только смѣхъ, а не рядъ довольно грустныхъ соображеній. Какъ находятся люди, на столько безсовѣстные, чтобы браться за подобные переводы, и люди, на столько несвѣдущіе, чтобъ издавать ихъ? Въ какое затруднительное, почти отчаянное положеніе ставятъ они русскаго читателя, который, не зная другихъ языковъ, желалъ бы воспользоваться иностранными пособіями! Не въ правѣ ли онъ послѣ этого бояться переводовъ какъ огня, или—точнѣй—какъ тьмы кромѣшной? и что̀ дѣлать этому любознательному читателю при неимѣніи хорошихъ руководствъ на отечественномъ языкѣ?—Пора серьёзно подумать объ этомъ нашимъ ученымъ, нашимъ литературнымъ обществамъ, нашимъ тороватымъ богачамъ.

М. Щ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПОКОЙНИКА.

(Продолженіе.)

—

Время бѣжало, да бѣжало. Скука начинала дѣлаться все болѣе ощутительною; препровожденіе времени было одно и тоже; военныя дѣйствія не начинались. Союзники заняты были Крымомъ до того, что казалось забыли о существованіи нашихъ войскъ въ Добруджѣ, да и мы не очень напоминали о себѣ. Все утѣшеніе мое составляли книги, которыя отецъ высылалъ мнѣ, по моей просьбѣ, изъ Москвы. Мы читали почти всегда вмѣстѣ съ Гриминымъ; это мало-по-малу сближало насъ, и скоро отношенія наши стали почти дружескими.

Наступилъ октябрь, а съ нимъ холодныя ночи. Спать въ палаткѣ становилось уже почти невыносимо, въ особенности мнѣ, вовсе къ тому не привыкшему. Всѣ желали поскорѣй перебраться въ Россію.

И вотъ насталъ давно желанный день. На разсвѣтѣ барабанъ пробилъ, вмѣсто зари, генералъ-маршъ. Все начало двигаться; на коновязи поднялась суета, объамуниченныя лошади фыркали и нетерпѣливо стучали ногами. Казалось, и онѣ рады были, предчувствуя возвращеніе въ Россію, въ деревни, въ теплые и грязные хлѣва, которые съ ихъ появленіемъ обращались въ конюшни. Почти мгновенно исчезъ нашъ полотняный городокъ, отъ котораго остались только полуразрушенный шалашъ Ловицкаго, да правильные квадратики окопанные канавками, которые, плотно прижимаясь одинъ къ другому, обозначали мѣста, гдѣ были разбиты палатки. Деньщики кричали и хлопотали, укладывая имущество своихъ господъ. Вдали слышенъ былъ барабанный

бой со всѣхъ сторонъ собиравшагося, къ переходу черезъ мостъ, отряда.

На четвертый день мы пришли въ Болгарскую колонію Килинджикъ, гдѣ намъ назначено было зимовать. Палатку замѣнила мазанка, мѣсто командирскаго обѣда заступилъ обѣдъ артелью, а прежней скуки ничто не замѣнило. Только кое-когда ѣздили мы на балы въ Т., ближайшій къ намъ городъ, въ которомъ квартировали всѣ возможныя начальства, съ ихъ штабами, управленіями, коммиссіями и прочими принадлежностями арміи. Но и это развлеченіе стоило такъ много хлопотъ и издержекъ, что нельзя было часто пользоваться имъ...

Какъ-то разъ я былъ командированъ въ Т. за полученіемъ фуражныхъ денегъ. Возвратясь домой и не успѣвъ еще повидаться ни съ кѣмъ изъ офицеровъ, я отправился прямо къ Ловицкому. Къ крайнему моему удивленію, у крыльца занимаемой имъ квартиры стояла большая, на старинныхъ рессорахъ, какъ должно полагать, когда-то темносиняя коляска, доверху покрытая засохшею и не засохшею грязью. Стройная деревенская дѣвка вытаскивала изъ нея разныя вещи, ясно говорившія о прибытіи прекраснаго пола. Вокругъ коляски стояло нѣсколько солдатъ и Болгаръ, съ любопытствомъ осматривавшихъ экипажъ. Я спросилъ у часоваго при казенномъ ящикѣ, всегда стоящемъ у командирскихъ квартиръ, кто это пріѣхалъ.

— Полковница, ваше благородіе, изволили въ ночи пріѣхать, — отвѣчалъ онъ.

Взойдя на крыльцо, я приказалъ доложить о себѣ. Ловицкій тотчасъ же вышелъ въ сѣни, гдѣ и принялъ меня, разказавъ о неожиданной радости, которую ему сдѣлала Сашенька. Потомъ поблагодарилъ за исполненіе порученія, извинился, что Сашенька не оправилась еще отъ дороги, и просилъ зайдти вечеромъ, прибавивъ, что онъ пригласилъ уже другихъ офицеровъ.

На этой ассамблеѣ (такъ называли офицеры всѣ неслужебныя собранія у Ловицкаго) не было никого, кромѣ своихъ. Ѳеофанъ Петровичъ представилъ меня супругѣ.

Александра Сергѣевна была довольно стройная, бѣлокурая женщина, лѣтъ 26-ти, съ очень большимъ ртомъ, съ рядомъ довольно правильныхъ, но нѣсколько пожелтѣвшихъ зубовъ, и

сѣрыми, не большими, но не лишенными выраженія глазами. Вообще лицо ея было не дурно, но не знаю почему, произвело па меня невыгодное впечатлѣніе. До сихъ поръ я не въ состояніи дать себѣ отчета, почему непріятное впечатлѣніе, производимое на меня наружностью мущинъ, совершенно невольно переносится и на принадлежащихъ имъ женщинъ.

Пріѣздъ Александры Сергѣевны почти нисколько не измѣнилъ нашей ежедневной жизни; мы точно такъ же скучали, ничего не дѣлая, и такъ же собирались у Ловицкаго, только вмѣсто одного, два раза въ недѣлю. Да едва ли пріѣздъ ея могъ сильнѣе подѣйствовать и на Ѳеофана Петровича: онъ былъ слишкомъ озабоченъ.

За нѣсколько времени до того, истощился запасъ даромъ заготовленнаго на турецкомъ берегу сѣна, вслѣдствіе чего Ѳеофанъ Петровичъ былъ долго въ страшныхъ попыхахъ о новой заготовкѣ, которая неминуемо должна была обойдтись дороже. Начались непомѣрно уменьшенныя дачи фуража, частыя выводки, строгія преслѣдованія солдатъ за худобу лошадей, а какъ неминуемое слѣдствіе послѣдняго, жалобы Болгаръ о кражѣ у нихъ сѣна и безконечный рядъ утомительныхъ приказаній изслѣдовать дѣло. А дѣло было такъ ясно, что не требовало никакихъ изслѣдованій.

Ѳеофанъ Петровичъ рѣшительно не могъ довольствоваться тѣмъ, что̀ давала ему батарея: у него была какая-то цыфра дохода, до которой онъ добирался всѣми средствами. Вдругъ явилась Александра Сергѣевна, а съ нею и необходимость ѣздить на балы въ Т. Пришлось тратиться на наряды, расходы увеличились, и Ѳеофанъ Петровичь съ ужасомъ увидѣлъ себя откинутымъ, Богъ знаетъ куда, отъ своей цыфры-мечты. Все это суждено было вынести солдатскимъ спинамъ и, вслѣдствіе законовъ отраженія, бѣднымъ поселенцамъ Килинджика.

Не проходило недѣли, чтобы не отдано было приказа по батареѣ произвести слѣдствіе о покражѣ сѣна у такого-то и такого-то поселенца. И почти никогда нельзя было отыскать виновныхъ. Да какъ и отыскать, если только ихъ не поймаютъ на мѣстѣ преступленія?

Болгаринъ, зная, что у него въ одну ночь могутъ украсть всю годовую его пропорцію сѣна, разумѣется придумываетъ, какъ бы

предупредить несчастье. Думаетъ, думаетъ, одно средство: лучше поменьше работать днемъ, да выспаться, а по ночамъ ложиться на дворѣ, но не спать. —Вотъ и начнетъ онъ каждую ночь, подостлавъ войлокъ, укладываться на крыльцѣ. Дождь ли мочитъ, холодъ ли донимаетъ, онъ все неутомимъ; завернется въ полушубокъ — и глазъ не сомкнетъ. Пройдетъ одна ночь, другая, третья, пожалуй и десятокъ, а натуру то-не пересилишь. Случится такъ, что днемъ какъ-нибудь побольше поработаетъ; ночь же на бѣду такая, что зги не видать, и холодная, прехолодная, а подъ полушубкомъ такъ славно, — и заснетъ. Заснетъ хозяинъ, заснутъ и борзыя, потихоньку пробравшись со двора въ хату. А наши солдатики тутъ, какъ тутъ: подойдутъ къ навѣсу человѣкъ шесть, и поминай каково было сѣно. Проснется мамалыга * — нѣтъ сѣна. Гдѣ борзыя? вздуетъ ихъ что есть силы и пойдетъ искать, нѣтъ ли слѣда, куда нонесли его сѣно; можетъ дорогою порастрясли. Какой слѣдъ! Раструску дождь давно смѣшалъ съ грязью, а не то свои же кляченки, которыхъ съ приходомъ войскъ, за неимѣніемъ мѣста, оставляютъ въ полѣ, еще до разсвѣта подобрали, бродя отъ скуки около дому. Пойдетъ мамалыга жаловаться въ расправу. Сонный писарь гонитъ его прочь. — Надоѣли вы всѣ! Мнѣ и то за васъ того и гляди достанется, какъ донесутъ окружному, что напрасно безпокою жалобами.

Дѣлать нечего! Пойдетъ къ полковнику, который тоже выгонитъ, поручивъ однако, для огражденія себя, произвести штабсъ-капитану слѣдствіе (такого рода слѣдствія поручались исключительно этому офицеру). По слѣдствію виновнаго не окажется, а если окажется, то, не смотря на его прежнюю примѣрную службу, то-есть на то, что лошади у него были всегда въ славныхъ тѣлахъ, приказано будетъ, тому же офицеру, строжайше наказать его, а тѣмъ всему и конецъ. Но это приказывается только на бумагѣ; въ самомъ же дѣлѣ у нихъ ужь условлено, что на это должно смотрѣть сквозь пальцы. Ѳеофанъ Петровичъ говорилъ, что тутъ нельзя строго наказывать, а только развѣ такъ, для проформы, потому что

* Такъ называютъ солдаты Болгаръ, по имени любимой ихъ пищи мамалыги, — что-то въ родѣ тѣста изъ кукурузы.

одинъ рѣдко бываетъ виновенъ, обыкновенно ихъ нѣсколько: за что̀ же наказывать одного? а всѣхъ никогда не откроешь. — Какъ видите, онъ старался поступать въ этомъ случаѣ по возможности добросовѣстно. Но если, чего Боже сохрани, виновнымъ окажется ѣздовой, у котораго лошади худы, — нѣтъ ему пощады! Слѣдствіе съ замѣчаніемъ Ѳеофана Петровича, что солдатъ этотъ всегда былъ на дурномъ счету, отправляется къ высшему начальству, по распоряженію котораго виновный строго наказывается, со внесеніемъ штрафа въ формулярный списокъ. А мамалыга все-таки на зиму безъ сѣна.

Изъ огромнаго числа слѣдствій, бывшихъ во все время, что̀ мы стояли въ Килинджикѣ, только одно или два было не по поводу кражи фуража. Мнѣ пришлось принимать въ нихъ участіе, и съ однимъ изъ нихъ хочется познакомить читателя. Оно можетъ поинтересовать его, хотя бы какъ фактъ, показывающій въ какой степени направленіе каждаго изъ домашнихъ военныхъ слѣдствій зависитъ отъ причастныхъ къ нему лицъ, а вовсе не отъ установленныхъ правилъ.

Есть преступленіе или проступокъ — можетъ или должно быть слѣдствіе. Есть слѣдствіе — должно быть начало и конечный результатъ, выведенный прямо изъ этого слѣдствія. Результатъ долженъ или оправдать или обвинить. А за обвиненіемъ долженъ быть судъ, и по суду — прощеніе или наказанье.

Посмотрите же, что̀ выходитъ иногда.

Александра Сергѣевна привезла съ собой, въ качествѣ горничной, дворовую дѣвку, Мареу, года за три до выступленія въ походъ сильно подѣйствовавшую на чувства фейерверкера Саешникова. Связь между ними сдѣлалась извѣстною всей батареѣ и поставила Саешникова, между солдатами, на извѣстную ногу. — Однажды Ѳеофанъ Петровичъ съ супругою отправились въ Т*, гдѣ былъ назначенъ балъ, и разсчитывали возвратиться на другой день. Балъ, не помню почему, былъ отказанъ, и къ ночи того же дня они были дома. Читатель легко можетъ себѣ представить негодованіе, въ которое пришелъ Ѳеофанъ Петровичъ, войдя въ комнату и увидѣвъ пьянаго Саешникова, спящаго на его постели, а возлѣ, стоящую чуть живою, Мареу, испуганную неожиданнымъ возвращеніемъ господъ. Менѣе чѣмъ кто-нибудь, былъ Ѳеофанъ Петровичъ способенъ на сни-

сходительность въ случаѣ подобнаго оскорбленія его дома. Онъ вышелъ рѣшительно изъ себя и долго стоялъ въ недоумѣніи: какія мѣры должны быть приняты съ его стороны. Кулаки его были сжаты, глаза блистали злостью, а между тѣмъ по всему тѣлу пробѣгала какая-то боязливая дрожь. Ему хотѣлось собственноручно избить дерзкаго и, кажется, одинъ только страхъ, что рѣшившійся на подобную дерзость легко можетъ пойдти и далѣе, удерживалъ его. Онъ долго простоялъ бы въ нерѣшимости, еслибы не вбѣжалъ въ хату, чуть не сбивъ его съ ногъ, растерявшійся деньщикъ.

Видъ растерявшагося человѣка возвратилъ Ѳеофану Петровичу всю его храбрость; онъ кинулся какъ стрѣла и началъ немилосердно бить его, ругая за то, что онъ не предупредилъ этой наглости, что это была прямая его обязанность и что, видно, онъ былъ съ ними за одно. Слабымъ, дрожащимъ отъ злости, голосомъ, велѣлъ онъ наконецъ избитому деньщику позвать фельдфебеля, который, предчувствуя, что съ возвращеніемъ командира въ немъ явится надобность, былъ уже у входа въ хату. Досталось и фельдфебелю. Саешникова приказано было отвести подъ арестъ, а на расправу вытребована была Мареа.

Она вошла тихо, медленно, но не боязливо. Лицо ея было блѣдно, глаза опущены, едва замѣтно побѣлѣвшія губы дрожали, а руки безсознательно, желчно, мяли уголъ приподнятаго передника. Вся ея личность выражала какую-то смѣсь рѣшимости, упрямства, убитаго самолюбія и подавленной злобы.

Ѳеофанъ Петровичъ успѣлъ пока оправиться, чтобы съ новою силой броситься на новую жертву. Неистовая брань и побои посыпались на несчастную градомъ. Но это были не брань и побои, невольно вырывающіеся у грубой, необузданной, но сильной натуры. Нѣтъ, онъ билъ Мареу даже не такъ, какъ билъ деньщика, а мелко, гнусно, язвительно. Онъ сознавалъ, что бьетъ женщину, и ему казалось мало причинять ей физическую боль, а хотѣлось, чтобы боль эта оскорбляла, унижала жертву.

Притаивъ дыханье, молча, не проронивъ ни звука, сносила несчастная женщина эту пытку. Терпѣливость эта еще болѣе озлобила бившаго; онъ рѣшительно не зналъ, что̀ бы еще при-

думать... Вдругъ съ какимъ-то особеннымъ злорадствомъ схватилъ онъ Марѳу за косу, притянулъ къ столу, на которомъ лежали большія ножницы, и вслѣдъ за тѣмъ длинная русая коса мягко упала на полъ. Марѳа вздрогнула. Глухой, тихій стонъ вырвался у ней изъ груди. Слёзы полились ручьемъ.

Ѳеофанъ Петровичъ какъ-будто успокоился: пока онъ не видалъ слёзъ, наказанье представлялось ему недостаточнымъ. Теперь онъ велѣлъ отвести подъ арестъ и ее.

Во все это время Александра Сергѣевна не показывалась. Будучи въ сосѣдней комнатѣ, она не могла не слышать всего, что̀ происходило, но не рѣшилась, не смотря на свою доброту, заступиться за виновную. Есть люди, которые, если вы скажете имъ, что у васъ перемежающаяся лихорадка, и что черезъ часъ долженъ начаться пароксизмъ, примутъ въ васъ самое живое участіе; начнутъ лелѣять васъ, кажется будутъ готовы сами страдать за васъ, и все это неподдѣльно, нѣтъ, — совершенно искренно. Но пусть, въ глухую, морозную ночь, гдѣ-нибудь въ отдаленномъ переулкѣ города, имъ случится увидѣть человѣка, который, поскользнувшись, упадетъ и сломаетъ себѣ руку или ногу: будьте увѣрены, что эти господа не только не помогутъ ему, но пустятся бѣгомъ, оставивъ несчастнаго на произволъ судьбы. — Такова была и Александра Сергѣевна.

На другое утро, приказомъ по батареѣ, наряжена была слѣдственная коммиссія, презусомъ которой былъ назначенъ Гриминъ, а ассесорами: я и еще одинъ офицеръ. Приказано было строжайше изслѣдовать дѣло, и о послѣдующемъ немедленно донести.

Мы собрались къ Гримину. Добыли гдѣ-то трехногій столъ, приготовили бумаги и, приказавъ привести Саешникова, занялись было настроиваніемъ своихъ физіономій на самый серьёзный ладъ, какъ въ хату вошелъ Ѳеофанъ Петровичъ. Онъ просилъ насъ обратить на это слѣдствіе самое строгое вниманіе.

— Я непремѣнно, говорилъ онъ, — представлю дѣло по командѣ, и Саешниковъ долженъ идти сквозь строй. Тутъ, господа, кромѣ дерзости, наглости, буйства, нарушеніе дисциплины; должно обратить вниманіе на то, что онъ отлучился послѣ зари, безъ вѣдома фельдфебеля; наконецъ, военное время удвоиваетъ его наказаніе. А Марѳу я упеку на поселенье.

Не помню подробно всего разговора, помню одно — Ѳеофану Петровичу казалось, что больше преступленіе трудно себѣ представить. Отъ негодованія мысли его выражались какъ-то несвязно, поминутно проскакивали слова: Сибирь, кандалы, покаяніе, военный судъ, и пр. Мы съ какимъ-то удивленіемъ смотрѣли на него. Неистовства эти начинали надоѣдать намъ. Вдругъ отворилась дверь: вошелъ часовой въ каскѣ, съ обнаженнымъ тесакомъ, за нимъ Саешниковъ, а за нимъ опять часовой. — Ѳеофанъ Петровичъ удалился.

Мы приказали часовымъ выйдти, и началось слѣдствіе.

Послѣ обыкновенныхъ допросныхъ пунктовъ о томъ: какого виновный вѣроисповѣданія, когда поступилъ на службу, былъ ли ежегодно у Святаго Причастія и проч. и проч., мы стали записывать его показанія. Какое-то притворное раскаянье и смиренье, съ которыми Саешниковъ началъ свои показанія, рѣзко противорѣчили его большому росту, сильному тѣлосложенію и взгляду, обыкновенно открытому, почти дерзкому.

— Вчерась, когда полковникъ изволили въѣхать (то-есть уѣхать), я пошелъ къ Мареѣ, началъ онъ. — Да какъ на зло проклятое вино сгубило меня... Кабы не вино, такъ мы услыхали бы какъ полковникъ подъѣхалъ; ну а тутъ, извѣстно дѣло, выпимши то, заснулъ, да такъ крѣпко, что сколько Мареа Ѳедоровна ни будила, все не добудилась... Знать ужь чортъ попуталъ... До сей поры, ваше благородіе, то-есть и въ примѣтѣ ни у кого не было, чтобы что-нибудь. Слава Богу! ужь мы третій годъ съ ней знакомство имѣемъ... А грѣха таить нечего; говорить, такъ говорить всю правду, до чиста, какъ есть: — мы завсегда, ужь какъ полковникъ въѣдутъ куда-нибудь, сейчасъ къ нему въ горницу... Извѣстно, дѣло солдатское, по три да по четыре въ одной хатѣ стоимъ, такъ тутъ ей никакимъ способомъ показаться нельзя... У ней у самой угла нѣту. Ну а въ полковницкой хатѣ никто не запримѣтитъ... Прошлой зимой, когда мы подля Клишинева стояли, полковникъ изволили въѣзжать на недѣлю; я просто всю недѣлю, какъ есть, жилъ у него въ избѣ... Что̀ дѣлать! видно господу такъ угодно было, значитъ, чтобъ мы вовсе позабыли себя. Другой разъ Мареа Ѳедоровна станетъ говорить мнѣ: — Михѣичь, а Михѣичь, что̀ это мы, братъ, съ тобой дѣлаемъ... Да скажетъ, а потомъ и сама

забудется, ровно такъ и быть должно... Всякому свой конецъ, ваше благородіе, знать не въ сраженіи голову сложить придется, а подъ шпицрутеномъ. Одна только и надежа на то, что вотъ, какъ есть, всю правду сказываю. За чистосердешную признательность, говорятъ, наказанье легче. А я чувствую, что виноватъ, то-есть совсѣмъ, кругомъ виноватъ. Запирательство никакого не имѣю.

Мы не могли понять какая была цѣль Саешникова давать такія показанія, которыя могли только еще болѣе обвинить его и, прекративъ на этотъ разъ допросъ, приказали позвать Марѳу, а Саешникова отправили обратно подъ арестъ.

Она скоро явилась. — Лицо ея было блѣдно, глаза заплаканы, голова повязана пестрымъ бумажнымъ платкомъ. Показанія были совершенно одинаковы съ данными Саешниковымъ, даже выражены были почти тѣми же словами. Ясно было видно, что оба виновные заранѣе условились въ нихъ.

По окончаніи допроса, Гриминъ, отложивъ въ сторону всѣ бумаги, обратился къ Марѳѣ.

— Скажи, пожалуйста, что̀ вамъ за охота обвинять себя совершенно напрасно, болѣе чѣмъ нужно? Зачѣмъ говорить о томъ, что̀ было прежде? Сказали бы просто, что Саешниковъ былъ пьянъ и что, боясь чтобъ онъ не началъ шумѣть, ты уложила его... Мы вѣдь не можемъ не записывать показаній, а записавъ ихъ, увѣрены, что они могутъ только обвинить васъ больше, а никакъ не защитить, какъ вы, кажется, думаете. Ты можешь говорить съ нами смѣло; бумаги въ сторонѣ, и слѣдствіе пока кончено. Я спрашиваю тебя потому, что хочу, если можно, помочь вамъ.

— Да что̀ говорить, батюшка Петръ Петровичъ, я очень хорошо знаю, что вы зла никому сдѣлать не захотите!... Мы не ложно показываемъ. Все это дѣйствительно было, да только оно не нужно бы сказывать, потому что никто не знаетъ того. А коли хотите, чтобъ я вамъ правду сказала, такъ извольте... Мы нарочно показываемъ такъ... Только этимъ и можно помочь Михѣичу... Неужто вы думаете, что баринъ согласится представить по начальству дѣло съ такими показаніями. Ему стыдно станетъ, что солдатъ валялся на его постелѣ цѣлыхъ три года, какъ на своей. Тамъ генералъ, адъютанты, писаря, всѣ съ него

смѣяться станутъ. А не представитъ слѣдствіе, такъ не смѣетъ и наказать Саешникова; выдержитъ подъ арестомъ или поставитъ на часы подъ ранецъ — и все тутъ. Вѣдь онъ фирверкиръ... А по суду-то его бы разжаловали, да чего добраго, еще и сквозь строй прогнали бы. Теперь Ѳеофанъ Петровичъ только мнѣ мстить станетъ; сошлетъ въ деревню, на скотный дворъ, а мнѣ все равно гдѣ быть, коли нельзя тамъ, гдѣ хочется. Сгубила меня Александра Сергѣевна совсѣмъ! А изъ-за чего? Такъ, изъ-за пустаго капризу... Просто по ниткѣ всю жись изщипала... Нѣтъ и мудренаго, что я на отчаянность пошла. Стыдно сказать, — я вѣдь пить стала. Знать совсѣмъ конецъ приходитъ... Понимаю, а сдержаться мочи нѣтъ... Сердце такъ и ноетъ; скука, не знаю куда голову приткнуть... Три года маялась; а теперь какъ выпьешь, будто и легче станетъ, забудешь все, а на другой день съ похмѣлья голова такъ болитъ, что думушкѣ и мѣста нѣту... И за что̀ погибла? Живу какъ самая пропащая женщина, на хорошихъ людей взглянуть стыдно.....

Слёзы катились крупными каплями по щекамъ ея. Чѣмъ больше она говорила, тѣмъ голосъ ея болѣе дрожалъ, слабѣлъ — наконецъ, закрывъ руками лицо, она страшно зарыдала и закричала съ какимъ-то отчаяньемъ:

— Отпустите, батюшка Петръ Петровичъ, Бога ради! силы нѣту...

Года черезъ четыре послѣ свадьбы Ловицкаго, батарея его стояла въ одномъ изъ маленькихъ городковъ Владимірской губерніи. У Мареы, бывшей уже тогда горничною при Александрѣ Сергѣевнѣ, завелась зазнобушка въ лицѣ молодаго прикащика одной изъ лавокъ краснаго товара. Оба они были молоды, неиспорчены жизнью въ большихъ городахъ и любили другъ друга искренно и просто. Мареа нѣсколько разъ пыталась просить позволенія своей барыни, выйдти замужъ, и всякій разъ получала отказъ. — Вдругъ перемѣнили стоянку. Батареѣ приказано было идти въ Царство Польское. Явились женихъ и невѣста къ господамъ, упали въ ноги и просили снова разрѣшенія на свадьбу. Но услышали тотъ же отказъ. Женихъ не въ силахъ былъ предложить большаго выкупа, какимъ могъ бы соблазниться Ѳеофанъ Петровичъ, а Александра Сергѣевна

слишкомъ привыкла къ Мареѣ, чтобы разстаться съ нею. Главное, чѣмъ она дорожила, это способностью Мареы чесать ей голову такъ, что не смотря на очень ограниченное количество волосъ на головѣ Александры Сергѣевны, ихъ всегда казалось много... Ушла батарея, ушла и Мареа... Молодой прикащикъ потосковалъ, потосковалъ, да и скрылся. Куда? никто не зналъ. Говорили сначала, что будто бы онъ пошелъ на Волгу, въ бурлаки, а потомъ не стало объ немъ ни слуху, ни духу..

Кажется, эти воспоминанія и вызвали страшныя рыданья Мареы. Удостовѣриться въ этомъ стороной мнѣ не удалось, а распрашивать ее не хотѣлось...

Предположенія виновныхъ не обманули ихъ. Узнавъ изъ распросовъ о ходѣ слѣдствія, Ѳеофанъ Петровичъ замѣтно смягчился, а на другое утро объявилъ намъ, что снисходя на просьбу Александры Сергѣевны, онъ рѣшается не дѣлать ихъ несчастными, уничтожаетъ слѣдствіе и ограничится только домашнею расправой. Слѣдствіе было уничтожено, предписаніе произвести его тоже, и въ бумагахъ батарейной канцеляріи объ этомъ дѣлѣ не осталось и помину. Саешникова приказано было ставить въ теченіи двухъ недѣль, ежедневно по три раза, на часы, подъ ранецъ, а Мареа подверглась значительному тѣлесному наказанію въ присутствіи самого Ѳеофана Петровича.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

Вопросъ о выкупѣ негровъ и переселеніи ихъ въ колоніи.

—

Въ послѣднее время, сказали мы, Францію стали обвинять въ содѣйствіи гнусному торгу неграми. Только этого недоставало для довершенія тѣхъ подчасъ курьёзныхъ сужденій, которымъ подвергается страна, имѣющая огромное политическое и нравственное вліяніе въ Европѣ. Всѣмъ извѣстенъ порядокъ вещей, господствующій въ настоящее время во Франціи; но не многимъ приходитъ на мысль объяснить его исторически и теоретически, только не съ готовою заранѣе мыслью о неправильности и негодности всего хода французской исторіи (какъ недавно сдѣлано въ Edinburgh Review по поводу извѣстнаго сочиненія Генри Мартена), а на основаніи дѣйствительныхъ событій, фактовъ. Какъ матерьялъ въ исторической наукѣ важно то, что̀ было, а не то, что̀ могло бы или должно бы быть иначе согласно съ нашими личными предубѣжденіями въ данную минуту времени. Всякій разъ, когда внутреннія обстоятельства Франціи не благопріятствовали политической свободѣ, вниманіе недовольныхъ обращалось исключительно на Англію, и это, безспорно, дѣлаетъ великую честь послѣдней; но непонятно, вопервыхъ, какъ можно простирать англоманію до сожалѣнія даже о томъ, зачѣмъ Франція освободилась отъ многихъ золъ, съ которыми еще борется и долго будетъ бороться ея сосѣдка; вовторыхъ, какимъ образомъ забываются такъ скоро всемірно-историческія заслуги Франціи, ея огромное значеніе въ Европѣ, ея демократическіе нравы, законы и стремленія, обнаруживающіяся даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ внутренняго порядка. Англоманы какъ-будто не видятъ и не при-

знаютъ ничего подобнаго. Англоманія своего рода славянофильство. Отсюда, напримѣръ, совершенно ложныя понятія и предположенія: будто только въ Англіи отмѣна невольничества произошла вслѣдствіе общественнаго сознанія, а во Франціи навязана со внѣ; будто, вслѣдствіе этого невольничество, невозможное на англійской почвѣ, возможно на французской: все это говорится по поводу столкновенія французскаго корабля «Регина-Цёли» съ англійскимъ кораблемъ «Этіопсъ» у береговъ Африки. Обратимся къ фактамъ.

Вслѣдствіе окончательнаго освобожденія негровъ въ колоніяхъ англійскихъ (1834 г.) и французскихъ (1848 г.), колоніальная промышленность подверглась сильнымъ потрясеніямъ, за недостаткомъ рабочихъ рукъ. Освобожденные негры, считая земледѣльческій трудъ равносильнымъ рабству, покинули плантаціи и обратились къ другимъ, большею частью ничтожнымъ и бродяжническимъ занятіямъ. Производство сахара и другихъ тропическихъ продуктовъ значительно уменьшилось. Чтобы поправить дѣло, англійскія колоніи прибѣгнули къ найму вольнорабочихъ въ Остъ-Индіи и Китаѣ, извѣстныхъ подъ именемъ *кулисовъ*. Въ теченіе первыхъ двадцати лѣтъ послѣ освобожденія Негровъ въ англійскихъ колоніяхъ, съ 1834 по 1854-й годъ, такихъ рабочихъ привезено въ остъ-индскія колоніи Англіи и на островъ св. Маврикія 257, 608 человѣкъ. Благодаря этой мѣрѣ, производство острова Маврикія утроилось въ 1856 году. Французскія колонія (на Антильскихъ островахъ, въ Гвіанѣ, на островѣ Соединенія) должны были обратиться къ тому же средству, чтобы поправить свои дѣла; но это удалось отчасти только острову Соединенія, лежащему не далеко отъ Остъ-Индіи, Мадагаскара и восточнаго берега Африки: по 1857-й годъ, въ эту колонію привезено 51,000 переселенцевъ. Антильскія колоніи находились въ иномъ положеніи; свободные Европейцы оказались неспособными работать подъ тропиками, а попытка нанимать Китайцевъ не удалась вслѣдствіе политическаго состоянія Небесной имперіи. Надобно было, однако, снабдить колоніальныя плантаціи рабочими руками, и въ 1852 году былъ произведенъ первый опытъ вывезти свободныхъ рабочихъ изъ французскихъ владѣній въ Остъ-Индіи, Карикала и Пондишери. Къ сожалѣнію, народо-

населеніе этихъ владѣній незначительно, а сами они окружены со всѣхъ сторонъ владѣніями англійскими. Первая попытка была сдѣлана при слѣдующихъ условіяхъ: прежде чѣмъ переселенцы садились на корабль, они подвергались медицинскому осмотру флотскаго врача, удостовѣрявшаго, что кулисы (мущины, женщины и дѣти) здоровы; другой чиновникъ свидѣтельствовалъ о согласіи кулисовъ на переселеніе и о правильности контрактовъ, состоявшихся между наемщиками и нанимающимися; корабль, на которомъ перевозили переселенцевъ, предварительно осматривала спеціальная коммиссія, которая признала его надежнымъ и снабженнымъ жизненными припасами; на бортѣ корабля находился особенный врачъ. Потомъ, по прибытіи кулисовъ на мѣсто, они снова подвергались освидѣтельствованію врача и чиновника, съ присоединеніемъ еще двухъ предосторожностей: ихъ спрашивали, хорошо ли обращались съ ними во время плаванія, и наблюдали за тѣмъ, чтобы при поступленіи кулисовъ къ землевладѣльцамъ, члены одной семьи поступали на одну плантацію и слѣдовательно не были разлучены. Этого мало: особенный агентъ правительства, такъ-называемый коммиссаръ эмиграціи, обязанъ былъ заботиться о кулисахъ, посѣщать неожиданно тѣ мѣста, гдѣ они работали, и наблюдать за исполненіемъ контрактовъ, нарушеніе которыхъ подвергаетъ виновныхъ правильному суду. Наконецъ, по прошествіи срока контракту, обыкновенно не привышающаго пяти лѣтъ, кулисы перевозятся обратно въ свое отечество на счетъ колоніи, а если пожелаютъ, то могутъ остаться въ колоніи и получить единовременно сумму, по расчету равную расходамъ на обратное переселеніе въ Остъ-Индію.

Таковъ, въ главныхъ чертахъ, характеръ французскаго законодательства о наймѣ и переселеніи кулисовъ, и Англичане неоднократно отдавали справедливость превосходству этой системы. Колонисты острова св. Маврикія нѣсколько разъ просили свое правительство о введеніи французской системы. Еще недавно одинъ обитатель англійскаго острова Троицы водворился во французской колоніи на Мартиникѣ для изученія вопроса о переселеніи кулисовъ, и потомъ составилъ докладъ губернатору острова Троицы, заключающій въ себѣ слѣдующія строки: «Признаюсь, я не безъ сожалѣнія увидѣлъ, что во

всемъ, относящемся до иммиграціи, принятыя на Мартиникѣ правила * несравненно лучше и выше принятыхъ на островѣ Троицы. Указывая вамъ на это обстоятельство, я имѣю въ виду, что обо всѣхъ пунктахъ, въ которыхъ недостатки нашей системы могутъ быть исправлены мѣстною законодательною властью, вы имѣете право отнестись къ законодательному совѣту; а о тѣхъ пунктахъ, которые не подлежатъ вѣдѣнію мѣстной власти, вы можете представить правительству ея величества.»

Не смотря на всѣ эти благопріятныя условія, побуждавшія Индѣйцевъ охотно переселяться во французскія колоніи, англійское правительство до сихъ поръ отказывало Франціи въ своемъ согласіи на переселеніе Остъ-Индцевъ. Французскіе агенты, нанимавшіе рабочихъ въ англійскихъ владѣніяхъ, постоянно подвергались денежнымъ пенямъ и тюремному заключенію за наемъ людей; даже во время послѣдней войны и тѣснаго союза Англіи съ Франціей, англійскіе чиновники въ Остъ-Индіи продолжали по прежнему преслѣдовать французскихъ агентовъ. Вотъ почему, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, только 11,782 человѣка могли быть перевезены изъ Остъ-Индіи во французскія колоніи. Мы приведемъ отрывокъ изъ жалобъ, представленныхъ по этому поводу французскому правительству колонистами, преимущественно антильскими.

«Англія, сказано въ одной жалобѣ, рукоплескала освобожденію нашихъ невольниковъ. Неужели же она желала исключительно упадка нашихъ колоній, ибо мы встрѣчаемъ возраженія и препятствія отъ нея вездѣ, гдѣ ищемъ вольнорабочихъ, чтобы замѣнить ими негровъ, которые, получивъ свободу, покинули наши плантаціи. Островъ Куба можетъ безнаказанно получать невольниковъ, и такимъ образомъ ежедневно находитъ новыя средства для усиленія своего производства, соперничество котораго было гибельно для нашей промышленности въ послѣднее время. А мы, представители свободнаго труда, смѣло рѣшившіеся на борьбу съ продуктами труда невольниковъ, мы встрѣчаемъ лишь противодѣйствіе со стороны державы, желающей стоять во главѣ дѣла освобожденія. Стало-

* Тѣ же правила введены и во всѣхъ прочихъ колоніяхъ Франціи.

быть, намъ остается только представить міру печальное зрѣлище французскихъ колоній, умирающихъ послѣ освобожденія, и притомъ лишь потому, что Англія упорно заграждаетъ имъ доступъ къ тому же источнику, который, въ подобныхъ обстоятельствахъ, спасъ англійскія колоніи отъ погибели? Роковой 1861 годъ приближается; съ этого года, нашъ сахаръ, требующій значительныхъ фрахтовыхъ расходовъ, будетъ обложенъ, при ввозѣ во Францію, такою же пошлиной, какъ и мѣстный французскій, фабрикуемый подлѣ того самаго рынка, который мы снабжаемъ. Чтобы выдержать такое соперничество, мы требуемъ одного: рабочихъ, рабочихъ! Неужели намъ вѣчно будутъ отказывать въ нихъ, когда существуютъ Индія и Африка съ избыткомъ народонаселенія, готовыя снабдить насъ переселенцами, которымъ нашъ климатъ и наши нравы представляютъ всевозможныя обезпеченія?»

Не получивъ согласія Англіи до послѣдняго времени, французское правительство обратилось къ послѣднему средству — переселенію свободныхъ негровъ изъ Африки. Мысль эта не была новостью. Съ 1839 года Англія отъ времени до времени тоже снабжала свои вестъ-индскія колоніи африканскими неграми, изъ Сіерра-Леоне, Бонависты, Лоанды и съ берега Кру. Въ 1849 году, признавъ эту мѣру недостаточною, англійское правительство рѣшилось, сверхъ того, отправлять въ свои колоніи тѣхъ негровъ, которые освобождались англійскими крейсерами, и притомъ не спрашивая согласія у этихъ негровъ. Это продолжалось до 1852 года, когда торгъ неграми прекратился въ Бразиліи и добыча англійскихъ крейсеровъ уменьшилась. Но вывозъ свободныхъ негровъ съ береговъ Африки продолжался по прежнему, и до 1854 года ихъ привезено въ англійскія колоніи до 27,200 человѣкъ.

Изъ французскихъ колоній, вскорѣ послѣ освобожденія негровъ, островъ Соединенія получилъ позволеніе вывозить рабочихъ изъ Мозамбика и съ острова Мадагаскара. Въ 1853 году колонистамъ Антильскихъ острововъ и Гвіаны тоже позволено вербовать свободныхъ негровъ на западномъ берегу Африки, на условіяхъ весьма сходныхъ съ тѣми, которыя были приняты англійскимъ правительствомъ. Первый опытъ былъ произведенъ въ 1854 году; но этотъ способъ переселенія, по недостатку сво-

бодныхъ людей въ Африкѣ, доставилъ по настоящее время только 1,215 рабочихъ. Тѣмъ не менѣе англійское правительство притестовало противъ намѣреній Франціи въ своей дипломатической перепискѣ съ Французскимъ кабинетомъ, и англійскіе агенты всѣми силами старались препятствовать французскимъ. Такъ, напримѣръ, губернаторъ французскаго острова Соединенія условился съ правительствомъ португальской колоніи на Мозамбикскомъ берегу относительно найма свободныхъ Африканцевъ. Французскій и португальскій губернаторы признали это дѣло полезнымъ: послѣдній даже писалъ первому: «Я совершенно раздѣляю ваше мнѣніе о пользѣ, которую получитъ наша колонія, доставляя вамъ дикихъ людей и получая ихъ обратно, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда они выучатся воздѣлыванію тропическихъ продуктовъ, привыкнутъ къ труду и пріобрѣтутъ нѣкоторое образованіе»; но вдругъ англійскіе крейсеры привозятъ португальскому губернатору приказаніе прекратить наемъ рабочихъ для французской колоніи и увѣдомляютъ его объ этомъ прежде, чѣмъ само португальское правительство.

Только такими средствами могла Англія препятствовать снабженію французскихъ колоній рабочими. Никакой трактатъ, никакія человѣколюбивыя соображенія не уполномочивали его обратиться къ болѣе прямымъ средствамъ, въ родѣ тѣхъ, къ которымъ оно недавно и такъ неудачно прибѣгнуло противъ американскихъ купеческихъ судовъ въ Мексиканскомъ заливѣ. Французское правительство, съ своей стороны, рѣшилось продолжать начатое дѣло, не смотря на тайное и явное противодѣйствіе Англіи. Но находя лишь недостаточное число совершенно свободныхъ людей въ Африкѣ, оно признало необходимымъ выкупать невольниковъ на мѣстѣ, объявлять ихъ тутъ же свободными и вывозить на нѣсколько лѣтъ въ свои колоніи, гдѣ они должны пользоваться платою за труды и покровительствомъ французскихъ законовъ, не признающихъ рабства.

Система, придуманная французскимъ правительствомъ, быстро огласилась. Не далѣе какъ лѣтомъ прошлаго года, къ тогдашнему первому министру Англіи, лорду Пальмерстону, явилась депутація негоціантовъ съ слѣдующимъ предложеніемъ. Безпрерывный запросъ на невольниковъ на африканскомъ

берегу, говорила депутація, поддерживаетъ торговлю неграми. А между тѣмъ, островъ Куба доселѣ остается единственнымъ мѣстомъ, куда привозятъ невольниковъ. Но какъ закрыть для негроторговческихъ судовъ этотъ послѣдній рынокъ? Протянуть цѣпь англійскихъ морскихъ станцій отъ береговъ Африки до самой Кубы? Это средство признано невозможнымъ. Перевести съ испанскаго острова Кубы, на англійскій островъ Ямайку тотъ судъ, разсмотрѣнію котораго подлежатъ дѣла по торговлѣ неграми, чтобы такимъ образомъ, на глазахъ англійской администраціи, добиться болѣе строгихъ приговоровъ чѣмъ тѣ, которые произносятся въ странѣ, гдѣ невольничество и самый торгъ неграми имѣютъ такъ много заинтересованныхъ приверженцевъ? Но какъ бы ни были строги судебные приговоры, перевѣсъ всегда останется на сторонѣ огромныхъ барышей, которыми пользуются негроторговцы. Не лучше ли обратиться къ другому, болѣе рѣшительному средству, чтобы пресѣчь зло въ самомъ корнѣ? До сихъ поръ мы ограничивались, относительно торга неграми, противодѣйствіемъ подвозу невольниковъ въ тѣ страны, гдѣ есть спросъ на нихъ, не заботясь о требованіи на рабочія руки, которое возбуждаетъ этотъ торгъ. Само собою разумѣется, что очень трудно прекратить привозъ невольниковъ, не замѣнивъ ихъ другими рабочими, и притомъ въ такое время, когда *спросъ* на нихъ усиливается. Европѣ нужны сахаръ, кофе, рисъ, и проч.; Вестъ-Индія, тропическія страны готовы снабжать ее этимъ товаромъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы имъ дали рабочихъ, которыхъ онѣ пока не могутъ добыть иначе какъ черезъ посредство негроторговцевъ. Мы энергически подавляемъ торгъ невольниками; но чѣмъ замѣняемъ мы этотъ способъ снабженія колоній рабочими руками? Почему не обратиться къ Африкѣ за свободными людьми? Это было бы самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для искорененія невольничества. Дѣйствительно, невольничество будетъ уничтожено, какъ скоро мы, подъ надзоромъ правительства, провозгласившаго у себя свободу негровъ, будемъ нанимать рабочихъ, предварительно освобожденныхъ, на тѣхъ самыхъ рынкахъ, которые снабжаютъ колоніи невольниками; Гаванна, единственное убѣжище негроторговцевъ, скорѣе рѣшится освободить своихъ невольниковъ, когда тамошніе колонисты будутъ

увѣрены въ возможности получать изъ Африки произвольное число вольнорабочихъ, которые будутъ обходиться дешевле чѣмъ невольники, покупаемые нынѣ за большія деньги и съ большимъ рискомъ.

Это предложеніе возбудило общее вниманіе, и лондонскіе журналы, между прочимъ Times и Morning-Post, сначала говорили въ пользу серьёзнаго опыта въ этомъ родѣ. Это было въ іюнѣ прошлаго года. 2-го іюля въ Times сначала появилась благопріятная статья о системѣ, предложенной Лондонскою депутаціей, съ дополнительнымъ замѣчаніемъ, что Франція уже готовится приступить къ дѣлу, которое «должно сильно содѣйствовать прекращенію торга неграми», если будетъ окружено приличными предосторожностями. Напомнивъ, что освобожденіе негровъ вызвало переселеніе свободныхъ рабочихъ изъ Индіи и Китая, газета Times замѣтила однако, что черный Африканецъ всегда будетъ лучшимъ рабочимъ подъ тропиками. «Всѣмъ извѣстно, сказано было въ Times, что именно это обстоятельство поддерживало торгъ неграми». Слѣдовательно, продолжала та же газета, надобно узнать, нельзя ли переселить свободныхъ Африканцевъ въ Вестъ-Индію; «говорятъ, что къ опыту будетъ немедленно приступлено во Франціи, съ согласія императора... и мы можемъ сказать, что если опытъ удастся, то новая система нанесетъ самый жестокій ударъ торгу неграми. Опытъ, предпринимаемый съ цѣлью не только возвратить благосостояніе свободнымъ колоніямъ подъ тропиками, но и вывести африканское населеніе изъ того униженнаго состоянія, въ которомъ оно находится цѣлые вѣка, конечно, заслуживаетъ вниманія. Если онъ будетъ удаченъ, то принесетъ только пользу; если же не удастся, то не причинитъ никакого вреда, ибо хуже теперешняго не будетъ.» Въ заключеніе, въ Times было сказано, что вскорѣ послѣ освобожденія негровъ, англійское правительство желало приступить къ подобному предпріятію, но должно было отказаться подъ вліяніемъ фанатизма аболиціонистскихъ и библейскихъ обществъ.

Вскорѣ объ этомъ дѣлѣ заговорили въ парламентѣ. Лордъ Брумъ въ верхней палатѣ, гг. Торнеръ и Бокстонъ въ нижней спрашивали министерство, дѣйствительно ли существуетъ проектъ, приписываемый французскому правительству, и намѣрено

ли правительство Англіи противодѣйствовать этому «возобновленію торга неграми». Министерство отвѣчало, что проектъ существуетъ, выразило сомнѣніе въ успѣхѣ этого дѣла и увѣренность, что французское правительство отступится отъ задуманнаго имъ предпріятія, если опытъ докажетъ, согласно съ опасеніями англійскаго министерства, что такое предпріятіе будетъ имѣть послѣдствія прямо противоположныя человѣколюбивымъ намѣреніямъ обѣихъ союзническихъ націй. На первый разъ парламентъ не требовалъ дальнѣйшихъ объясненій; но съ этого времени раздались страшныя обвиненія, направленныя не только противъ французскаго правительства, но и противъ Франціи.

Итакъ, различіе въ мнѣніяхъ Франціи и Англіи по этому дѣлу заключается въ томъ, что первая допускаетъ предварительный выкупъ невольниковъ въ Африкѣ и временное переселеніе ихъ послѣ выкупа въ колоніи, а вторая признаетъ такую систему за возобновленіе торга неграми. Чтобы достигнуть соглашенія по этому вопросу, французское правительство предложило англійскому назначить коммиссію изъ офицеровъ обѣихъ націй для предварительнаго изслѣдованія вопроса о переселеніи негровъ въ колоніи посредствомъ выкупа ихъ изъ неволи; но это предложеніе было отвергнуто. Тогда только французское морское министерство заключило контрактъ съ однимъ марсельскимъ торговымъ домомъ для выкупа негровъ и переселенія выкупленныхъ на Антильскіе острова, и было приступлено къ осуществленію вышеизложеннаго плана.

Новость этого плана и неизвѣстность относительно всѣхъ возможныхъ послѣдствій его не позволяетъ намъ высказать рѣшительное мнѣніе въ его пользу, хотя такое мнѣніе уже было высказано лорду Пальмерстону депутаціей лондонскихъ негоціантовъ и публикѣ газетами Times и Morning-Post. Но мы считаемъ долгомъ привести здѣсь доводы той и другой стороны, чтобы представить дѣло въ надлежащемъ свѣтѣ.

Франція покровительствуетъ торгу неграми, говорятъ противники предварительнаго выкупа; ея система можетъ возбудить вопіющія злоупотребленія; выкупъ будетъ совершаться лишь для одного вида, а въ сущности все-таки будутъ покупать и вывозить невольниковъ изъ Африки, а въ колоніяхъ смотрѣть

на черныхъ переселенцевъ, какъ на рабовъ. Если и допустить выкупъ, все же онъ можетъ только служить побужденіемъ для постоянныхъ распрей между африканскими князьками: зная, что невольники будутъ куплены у нихъ, они станутъ заботиться о томъ, чтобы добывать побольше плѣнныхъ и продавать ихъ.

На эти возраженія французское правительство отвѣчаетъ слѣдующее: Франція неспособна торговать неграми. Торгъ неграми предполагаетъ покупку плѣнныхъ Африканцевъ, бросаемыхъ безъ разбора, съ цѣпями на ногахъ, на суда, перевозимыхъ насильственно въ страны, гдѣ ихъ продаютъ и перепродаютъ, и гдѣ ихъ ожидаютъ бичи, вынужденный и даровой трудъ и всѣ бѣдствія вѣчнаго рабства. Напротивъ, французская система выкупаетъ несчастныхъ, обреченныхъ на жертву бичамъ, на смерть и на страданія, заставляющія ихъ желать переселенія даже на негроторговческихъ судахъ; выкупивъ ихъ, она объявляетъ ихъ свободными, требуя за эту услугу лишь обязательства работать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, за опредѣленную плату, и притомъ въ странѣ, гдѣ всѣ безъ исключенія въ равной степени пользуются покровительствомъ общаго закона; по прошествіи установленнаго срока, переселенецъ окончательно пріобрѣтаетъ права гражданства, и можетъ возвратиться въ свое отечество, куда такимъ образомъ проникнутъ первыя сѣмена трудолюбія и гражданственности, совершенно неизвѣстныхъ въ Африкѣ. Что̀ касается до добросовѣстности въ дѣлѣ выкупа, она зависитъ отъ добросовѣстности правительства и администраціи, подъ надзоромъ которыхъ онъ долженъ совершаться. Всѣ путешественники, которымъ случалось проникнуть во внутренность Африки, единогласно свидѣтельствуютъ о бѣдственномъ состояніи туземцевъ: ограничиваясь удовлетвореніемъ однихъ животныхъ потребностей человѣческой природы, они исключительно заняты войною, пріобрѣтеніемъ плѣнныхъ, которыхъ убиваютъ на общественныхъ увеселеніяхъ или приносятъ въ жертву идоламъ, какъ скоро некуда больше дѣвать ихъ. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей центральной Африки, Фогель сообщаетъ, что въ 1854 году шейхъ Борну захватилъ въ плѣнъ 4,000 человѣкъ, умертвилъ всѣхъ мущинъ и довелъ только 500 женщинъ и дѣтей до своей столицы. Остальные погибли въ дорогѣ отъ голода, болѣз-

ней и безчеловѣчнаго обращенія. Другой путешественникъ, докторъ Бартъ, встрѣчалъ невольниковъ, возвратившихся изъ Бразиліи на родину и вздыхавшихъ по той землѣ, гдѣ они жили въ рабствѣ — такъ велики были ужасы, совершавшіеся на глазахъ ихъ въ Африкѣ. Онъ же положительно говоритъ, что убіеніе невольниковъ въ Африкѣ удвоилось съ тѣхъ поръ, какъ эскадры французскія и англійскія затрудняютъ торгъ неграми. Еслибы Франція требовала для своихъ колоній несмѣтнаго числа рабочихъ, тогда еще понятны были бы опасенія, что подобное требованіе послужитъ поощреніемъ внутреннихъ войнъ между африканскими князьками; но французскимъ колоніямъ нужно въ теченіе первыхъ трехъ-четырехъ лѣтъ не болѣе 5,000 черныхъ переселенцевъ, а это число едва ли составляетъ десятую часть того количества плѣнныхъ, которымъ владѣетъ одинъ Дагомейскій король!

Въ заключеніе, защитники французской системы приводятъ слѣдующія слова, сказанныя Юмомъ въ засѣданіи англійской нижней палаты 27-го іюля 1846 года: «Я всегда желалъ, чтобы двадцать семь англійскихъ судовъ, стоящихъ у береговъ Африки, были отозваны. Я думаю, что все, что мы ни сдѣлаемъ, только усилитъ страданія несчастныхъ жертвъ торга неграми, и что лучшее средство избавить невольниковъ отъ усиленія ужасовъ, невольно причиненнаго нашими крейсерами, заключается въ наискорѣйшемъ удаленіи этихъ крейсеровъ отъ береговъ Африки. Необходимо выкупать невольниковъ, давать имъ свободу и переселять въ наши колоніи; дѣйствуя такимъ образомъ, мы будемъ великодушны и человѣколюбивы. Содержаніе флота, назначеннаго для противодѣйствія торгу неграми, стóитъ 500,000 ф. стерл. ежегодно. Отзовите наши крейсеры и употребите половину этой суммы на переселеніе рабочихъ въ наши колоніи. Скажу болѣе: попробуйте употребить въ теченіе одного только года всю эту сумму для переселенія рабочихъ, въ видѣ опыта: уничтоженіе невольничества будетъ неотразимымъ результатомъ такой политики.» Эти доводы pro и contra были изложены въ нѣсколькихъ словахъ англійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, лордомъ Кларендономъ, въ засѣданіи верхней палаты 17-го іюля 1857 года. На запросъ лорда Брума о переселеніи негровъ изъ Африки во француз-

скія колоніи, лордъ Кларендонъ отвѣчалъ: «По моему мнѣнію, французское правительство такъ же далеко, какъ и англійское отъ намѣренія поощрять торгъ неграми; въ перепискѣ съ Англіею оно съ полною откровенностью высказало свои мысли. Еще въ 1853 году сообщило оно англійскому правительству о своемъ намѣреніи выкупать невольниковъ на западномъ берегу Африки и перевозить ихъ, въ качествѣ вольнорабочихъ, въ вестъ-индскія колоніи Франціи; Англія возразила на это, что такая мѣра можетъ послужить къ возбужденію войнъ между африканскими племенами и поводомъ къ перепродажѣ негровъ изъ французскихъ колоній на островъ Кубу. Франція замѣтила, что негры, прибывшія во французскія колоніи, гдѣ не существуетъ рабства, уже потому самому будутъ свободны. Наше правительство отвѣчало на это, что если Франція получитъ согласіе на вывозъ негровъ изъ Африки, то Англія утратитъ силы и право противодѣйствовать торгу неграми со стороны другихъ народовъ, не отмѣнившихъ у себя невольничества. На это Франція объявила, что желаетъ произвести опытъ, сообщила принимаемыя ею мѣры предосторожности противъ злоупотребленій и указывала на примѣръ Англіи, также прибѣгавшей къ найму свободныхъ рабочихъ въ Африкѣ. Мы отвѣчали, что опытъ, сдѣланный нами, не удался, и что мы не намѣрены повторить его. Но это еще не значитъ, присоединилъ лордъ Кларендонъ, чтобы не удался и французскій опытъ. Англійское правительство получило объявленіе, сдѣланное по этому дѣлу Франціею въ Сіерра-Леоне, и не находитъ тутъ ничего дурнаго, лишь бы исчисленныя въ немъ условія переселенія исполнялись добросовѣстно.»

Мы не думаемъ, чтобы можно было порѣшить столь важный вопросъ a priori, не подвергнувъ новой системы предварительному и серьёзному испытанію. Отрицательное мнѣніе англійскаго правительства рѣшительно ничего не доказываетъ: развѣ не отвѣчало оно точно такъ же на вопросъ о прорытіи Суэзскаго перешейка. Извѣстно, что и это предпріятіе, обѣщающее такъ много пользы для всемірной торговли и сближенія Европы съ отдаленнымъ Востокомъ, признано англійскимъ правительствомъ за неисполнимое, потому только, что оно откроетъ Европейцамъ сравнительно-короткій путь въ Остъ-Ин-

дію. Кажется, нѣтъ надобности доказывать, что Англія, особенно во внѣшней политикѣ своей, всегда отличалась тою крайнею практичностью, которая совершенно исключаетъ вѣрность однажды принятымъ началамъ, подчиняя все, даже самые важные вопросы, случайнымъ обстоятельствамъ и непосредственнымъ интересамъ. Мы очень хорошо знаемъ, что это направленіе начинаетъ уступаетъ мѣсто другому, основанному на болѣе общихъ, разумныхъ соображеніяхъ и сочувствіяхъ: не только дальнѣйшій ходъ внутренняго развитія Англіи, но и самыя условія текущихъ обстоятельствъ начинаютъ обнаруживать несостоятельность исключительной, придирчивой политики, противъ которой уже нерѣдко говорится въ стѣнахъ парламента. По всей вѣроятности, съ нынѣшнимъ поколѣніемъ уже престарѣлыхъ государственныхъ людей Англіи сойдетъ въ могилу и значительная доля упорныхъ притязаній этой политики, часто несовмѣстныхъ съ общими интересами образованнаго міра, и обнаруживающихся болѣе или менѣе во всемъ, даже въ тѣхъ вопросахъ, которые повидимому имѣютъ чисто нравственный характеръ. Кто помнитъ или знаетъ, съ какимъ горячимъ убѣжденіемъ принялись въ Англіи за дѣло освобожденія невольниковъ въ колоніяхъ, тотъ не можетъ отказать ей въ глубокомъ сочувствіи; миссіонеры, журналы, митинги, брошюры, всѣ средства убѣжденія были приведены въ дѣйствіе, чтобы возбудить въ сознаніи народа мысль о гнусности рабства. Казалось бы, плодомъ такого благороднаго стремленія непремѣнно должно быть полное содѣйствіе другимъ правительствамъ въ дѣлѣ освобожденія негровъ, помимо всякихъ исключительныхъ и корыстныхъ видовъ. А между тѣмъ, англійское правительство никакъ не могло удержаться на этой, если можно такъ выразиться теоретической высотѣ: по освобожденіи негровъ во французскихъ колоніяхъ у него тотчасъ родилась мысль о возможности если не убить эти колоніи окончательно, то какъ можно болѣе затруднить положеніе ихъ, препятствуя переселенію кулисовъ изъ Индіи. Вотъ почему, исполненные уваженія ко многимъ явленіямъ политической исторіи Англіи, мы не можемъ безусловно преклониться передъ ея одностороннею практичностью. Черезъ-чуръ практическіе люди и народы не всегда разборчивы на средства,

Вопросъ о снабженіи колоній рабочими былъ возбужденъ въ послѣднее время столкновеніемъ англійскаго корабля «Этіопсъ», капитанъ Крофтъ, съ французскимъ «Регина-Цёли», капитанъ Симонъ, у западныхъ береговъ Африки. Послѣдній, принадлежащій одному нантскому торговому дому, былъ уполномоченъ правительствомъ выкупать и нанимать негровъ на берегахъ Гвинеи, для доставленія ихъ на островъ Соединенія. Повидимому, онъ предварительно исполнилъ всѣ формальности, требуемыя новою французскою системой. Капитанъ былъ снабженъ особымъ разрѣшеніемъ морскаго министра, набралъ негровъ въ присутствіи коммиссара отъ правительства; начальства Либеріи, извѣстной колоніи свободныхъ негровъ, гдѣ происходило дѣло, снабдили нанятыхъ людей паспортами. Словомъ, форма соблюдена; но мы не знаемъ, соотвѣтствовалъ ли такой форменной исправности дальнѣйшій образъ дѣйствій капитана и экипажа «Регина-Цёли». По словамъ англійскихъ журналовъ и отзывамъ членовъ парламента, негры были до крайности стѣснены на кораблѣ, даже закованы въ цѣпи, а такое вопіющее злоупотребленіе, конечно, возможно у африканскаго берега. Но странно, что въ донесеніи своемъ, капитанъ англійскаго корабля «Этіопсъ» не упоминаетъ объ этомъ. Что̀ касается до французскаго донесенія, то мы, конечно, не можемъ удовольствоваться имъ, какъ показаніемъ одной стороны. Какъ бы то ни было, на кораблѣ «Регина-Цёли», когда онъ стоялъ еще у берега, произошла ссора въ отсутствіе капитана: негры перебили экипажъ и завладѣли судномъ. Въ это время подошелъ англійскій корабль «Этіопсъ», захватилъ французское судно, спустилъ негровъ на берегъ, и поплылъ съ своею добычей въ Монровію, гдѣ капитанъ Крофтъ сдалъ ее своему агенту, но два французскіе военные корабля пришли туда и силою освободили французское судно.

Мы не имѣемъ болѣе положительныхъ свѣдѣній о подробностяхъ этого дѣла. Очень можетъ быть, что оно не обошлось безъ злоупотребленій. Если французское правительство оставитъ этотъ случай безъ надлежащаго изслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ его, то это будетъ подтвержденіемъ тѣхъ показаній, которыя приведены англійскими журналами. Молчаніе небонапартистскихъ журналовъ о дѣлѣ «Регина-Цёли» заставляетъ предполагать, что

эти показанія не совсѣмъ неосновательны. Къ тому же, въ такомъ важномъ и щекотливомъ дѣлѣ должны быть приняты всевозможныя мѣры для устраненія всякихъ подозрѣній, и правила, предписанныя французскимъ судамъ, имѣющимъ разрѣшеніе выкупать и переселять негровъ, вѣроятно потребуютъ нѣкоторыхъ измѣненій и дополненій. Мы не думаемъ только, чтобы на основаніи отдѣльнаго случая, будь онъ даже и злоупотребленіемъ, можно было приписывать Франціи намѣренное содѣйствіе торгу неграми. Иначе пришлось бы поставить наровнѣ съ этимъ торгомъ переселеніе кулисовъ изъ Китая и Индіи, производимое англійскими судами и подчасъ соединенное съ притѣсненіями и жестокостями, о которыхъ еще недавно было говорено въ англійскомъ парламентѣ. *

Въ слѣдующемъ нумерѣ «Атенея» мы перейдемъ къ вопросамъ внутренней политики.

---

* Здѣсь не совсѣмъ некстати упомянуть о притѣсненіяхъ и жестокостяхъ, совершающихся передъ глазами всего свѣта въ самой Англіи. По словамъ извѣстной англійской газеты Economist, въ послѣдніе годы между помѣщиками Горной Шотландіи распространилась настоящая манія превращать свои населенныя имѣнія въ лѣса для содержанія оленей и красной дичи, то-есть выгонять людей и замѣщать ихъ потѣшными животными. Не далѣе какъ нынѣшней весной герцогъ Лидсскій купилъ съ этой цѣлью большое помѣстье въ Россширѣ и въ двѣ недѣли выжилъ съ новопріобрѣтенной земли все наличное ея населеніе. Эти бѣдные люди, покинувъ свои домы, не знали куда приклонить голову съ больными, стариками и малыми дѣтьми. Газета Inverness Courier пыталась повѣстить объ этомъ на все Соединенное Королевство, но общественное сознаніе до того привыкло тамъ къ подобнымъ огласкамъ, что на нихъ почти не обращаютъ вниманія. Да какъ и вступиться за бѣдныхъ поселянъ? Англійскій лордъ купилъ землю законнымъ порядкомъ, онъ же еще платитъ и налогъ въ пользу бѣдныхъ: формальное право все на его сторонѣ... Не даромъ помѣщено въ англійской литургіи моленіе: «Исполни, Господи, милосердія, мудрости и разума лордовъ Совѣта и все дворянство страны сей!» А объ остальныхъ сословіяхъ сказано только: «Благослови и подкрѣпи, Господи, весь народъ Твой!»

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. М. ЩЕПКИНА И К°.

Коммиссіонера Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Министерства Государственныхъ Имуществъ: *на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина,*

продаются вновь вышедшія:

ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ СНИМОКЪ съ знаменитой картины А. А. Иванова.

ЯВЛЕНІЕ ХРИСТА НАРОДУ. Цѣна 5 р. Съ пересылкою 6 р. сер.

Только что полученъ изъ Берлина литографированный портретъ извѣстной русской танцовщицы:

НАДЕЖДЫ БОГДАНОВОЙ. Ц. 1 руб. 25 к. Съ пересылкою 1 рубль 75 к. сер.

А. С. ГРИБОѢДОВЪ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ. Съ приложеніями: 1) Портрета автора, 2) Изображенія памятника надъ его могилою, 3) Автографа, 4) Герба Грибоѣдовыхъ, 5) Сценъ изъ комедіи. «Горе отъ Ума» a) Балъ и b) Явленіе Репетилова, 6) Статей о комедіи «Горе отъ Ума» изъ журналовъ (1825—1827). Изданіе Евграфа Серчевскаго. Спб. 1858 г. Ц. 3 рубл. Съ пересылкою 3 рубл. 75 к. сер.

ОПИСАНІЕ СУСЛИКОВЪ, обитающихъ въ южной Россіи, и способовъ ихъ истребленія. Соч. Николая Черняева. (Удостоено ученымъ Комитетомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ золотой медали). Съ 2-мя хронолитографированными рисунками и 6-ю политипажами, Спб. 1857 г. Ц. 1 руб. Съ пересылкою 1 руб. 50 к. сер.

СБОРНИКЪ ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ къ практическому сельскому хозяйству, съ надлежащими таблицами и чертежами, состав. Ф. Беклешовъ. Спб. 1858. Ц. 1 р. 25 к. Съ пересылкою 1 р. 75 к. сер.

САДОВНИЧЕСТВО. Переводъ Figures pour l'almanach du bon jardinier Д. Ч. Общества В. Делла-Воса съ добавленіемъ статьи «О размноженіи растеній» И. Палимпсестова. Одесса 1858 г. Ц. 1 р. 75 к. Съ пересылк. 2 р. 25 к. сер.

СОБРАНІЕ ФОРМУЛЪ И ЗАДАЧЪ, относящихся къ интегральному исчисленію, изданное Корнеліемъ Карастелевымъ. Одесса 1857 г. Ц. 60 к. сер. Съ пересылк. 1 руб. сер.

РУКОВОДСТВО КЪ ТОНКОРУННОМУ ОВЦЕВОДСТВУ для средней и южной полосъ Россіи. Составлено ученымъ агрономомъ, классификаторомъ овчарныхъ заводовъ, дѣйствительнымъ членомъ нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, Редемейстеромъ, въ 2-хъ ч. Одесса 1858 г. Ц. 2 р. 25 к. Съ пересылк. 2 р. 75 к. сер.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ПОСТРОЙКИ И СЕЛЬСКОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО, основанное на настоящемъ состояніи сельскаго хозяйства, составленное для содѣйствія народному благосостоянію, Э. Г. Нейманомъ. Изд. 3-е съ 207 чертежами, на 21 таблицѣ. Спб. 1858 г. Ц. 3 р. Съ пересылк. 3 р. 75 к. сер.

САТИРЫ КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА. Съ латинскаго, переводъ въ стихахъ, М. Дмитріева, съ объяснительными примѣчаніями. М. 1858 г. Ц. 1 р. 75 к. Съ пересылк. 2 р. 25 к. сер.

НАУКА ПОЭЗІИ. Посланіе къ Пизонамъ Квинта Горація Флакка. Переводъ въ стихахъ М. Дмитріева, съ объяснительными примѣчаніями и латинскимъ текстомъ. М. 1853 г. Ц. 1 р. 25. Съ пересылк. 1 р. 75 к. сер.

МОСКОВСКІЯ ЭЛЕГІИ. М. Дмитріева. М. 1858. Ц. 80 к. Съ пересылк. 1 руб. сер.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ ШЕКСПИРА. Переводъ съ англійскаго Н. Кетчера, выправленный и пополненный по найденному Пэнъ-Колльфомъ старому экземпляру in folio. 1632 г.

ЧАСТЬ 5-я. Тимонъ Аѳинскій.
Два Веронца.
Юлій Цезарь.
Антоній и Клеопатра.

Изданіе Н. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858 г. Ц. каждой части 1 р. Съ пересылк. 1 р. 50 к. сер.

VIII-й ТОМЪ ИСТОРІИ РОССІИ. Сочиненіе С. Соловьева. М. 1858 г. Цѣна 2 р. Съ пересылк. 2 р. 50 к. сер.

V-й ТОМЪ ИСТОРІИ РОССІИ. Сочиненіе С. Соловьева (2-е изданіе). М. 1858 г. Ц. 2 р. Съ пересылк. 2 р. 50 к. сер.

ДНЕВНИКЪ КАММЕРЪ-ЮНКЕРА БЕРХГОЛЬЦА, веденный имъ въ Россіи, въ царствованіе Петра Великаго, съ 1721-го по 1725 г. Перевелъ съ нѣмецкаго И. Аммонъ. Ч. 2-я, (1722-й г.) М. 1858 г. Ц. 1 р. 75 к. Съ пересылк. 2 р. 25 к. сер.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПѢСНИ ДРЕВНЕЙ ЭДДЫ О ЗИГУРДѢ И МУРОМСКАЯ ЛЕГЕНДА. . . . . Ѳ. И. БУСЛАЕВА.
КАКЪ У НАСЪ ПЕРЕВОДЯТЪ УЧЕНЫЯ РУКОВОДСТВА. . . . . М. Щ.
ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПОКОЙНИКА. *(Продолж.)* Н. ЖЕННИНА.
СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ. . . . . В. К.

Являясь еженедѣльно книжками, отъ *трехъ* до *пяти* листовъ въ каждой, АТЕНЕЙ будетъ сообщать:

1. Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной литературы;
2. Хронику важнѣйшихъ новостей въ общественной и государственной жизни современныхъ народовъ,
и 3. Статьи историческаго содержанія, записки (mémoires), путешествія, разказы, литературныя замѣтки, ученыя и художественныя извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ конторѣ *Атеней*, при книжномъ магазинѣ Н. Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина, и у книгопродавцевъ: Ѳ. О. Свѣшникова, въ домѣ университетской типографіи, и И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

У книгопродавца С. А. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгартъ.

ВЪ ПАРИЖѢ

Въ конторѣ Русскаго Агентства газеты Le Nord, boulevard de la Madelaine, 5.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ контору *Атенея*, въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 52-хъ книжекъ, *десять* рублей, съ пересылкою *одиннадцать рубл. съ полтиною*.

Печатать дозволяется. Іюля 26-го, 1858 года.
Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе*.

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 31.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРНСТА БАРФКНЕХТА И К°.

1858.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ОТКУПНОЙ СИСТЕМѢ.

По поводу статьи «Объ употребленіи горячаго вина въ Россіи.»

—

Въ 77-мъ нумерѣ Московскихъ Вѣдомостей была помѣщена статья «Объ употребленіи горячаго вина въ Россіи». Неизвѣстный авторъ начинаетъ ее словами, въ которыхъ проглядываетъ грусть о томъ, что нынче дозволяютъ себѣ изустно и даже печатно говорить противъ недостатковъ откупной системы; по его мнѣнію, кажется, всѣ должны были бы преклониться передъ непреложностью ея началъ и признать ее за одинъ изъ наилучшихъ способовъ взиманія государственныхъ доходовъ. Не смотря на титулы «неблагонамѣренныхъ и незнающихъ нуждъ своего отечества», которыми автору угодно клеймить противниковъ откупной системы и защитниковъ свободной выкурки и продажи вина, я все-таки беру на себя смѣлость сдѣлать нѣсколько возраженій противъ нѣкоторыхъ сторонъ откупа, сторонъ не совсѣмъ соотвѣтствующихъ ни увеличенію народнаго богатства, ни умноженію государственныхъ доходовъ.

Коснувшись въ краткихъ словахъ возраженій противниковъ откупной системы, авторъ рисуетъ затѣмъ картину пагубныхъ послѣдствій вольной продажи вина, окончивая ее словами сомнѣнія въ томъ, что едва ли можно назвать народнымъ благосостояніемъ, если каждый крестьянинъ и мѣщанинъ будетъ пропивать все и веселиться, сколько душѣ угодно. Напрасно авторъ сомнѣвается въ злѣ подобнаго порядка вещей; самые горячіе защитники свободной выкурки и продажи вина едва ли желаютъ видѣть передъ собой такую полную картину веселья; сколько я знаю, ихъ намѣренія гораздо чище: они желаютъ не

повальнаго пьянства, но народнаго благосостоянія, которое развивается только при возможно-полной свободѣ промышленности, когда народныя силы не стѣсняются, не эксплуатируются частными монополіями, но когда ихъ дѣятельности дается надлежащій просторъ.

Впрочемъ самъ авторъ статьи «Объ употребленіи горячаго вина въ Россіи» говоритъ, что съ откупною системой сопряжено, какъ недостатокъ, то странное явленіе, что счастливый откупщикъ составляетъ въ свою пользу изъ собранныхъ отъ народа денегъ цѣлые милліоны. Мнѣ кажется — подобное явленіе скорѣе печально, нежели странно: винная регалія есть одинъ изъ видовъ государственныхъ доходовъ, а всякій государственный доходъ, уплачиваемый народомъ, долженъ служить для удовлетворенія народныхъ нуждъ, для достиженія высшихъ государственныхъ цѣлей, а вовсе не для наполненія кассъ какого-нибудь господина, носящаго названіе откупщика; государственный доходъ есть часть народнаго труда, который должно беречь какъ святыню; цѣль его — служить средствомъ прогрессивнаго развитія народа: графъ де-Бомонъ справедливо говоритъ, что государственный доходъ въ отношеніи къ государству долженъ быть тѣмъ же, чѣмъ паруса въ отношеніи къ кораблю. Но такое высокое назначеніе его въ государственной жизни достижимо вполнѣ только тогда, когда онъ идетъ нераздѣльно на пользу той массы, которая служитъ источникомъ его полученія, — а потому я и считаю милліоны, сбитые изъ трудовыхъ, кровныхъ копѣекъ народа и долженствующіе служить средствомъ къ его развитію, а между тѣмъ идущіе въ пользу откупщика, скорѣе тяжелымъ, болѣзненнымъ, нежели страннымъ явленіемъ.

Тотъ же авторъ, коснувшись вскользь исторіи откупной регаліи, говоритъ, что ограниченіе мѣстъ продажи вина, запрещеніе въ нихъ игръ, увеселеній и другихъ соблазновъ производитъ на состояніе нравственности нашего народа полезное дѣйствіе и должно быть почитаемо главною причиной высшаго развитія народнаго благосостоянія въ губерніяхъ великороссійскихъ въ сравненіи съ малороссійскими и бѣлорусскими. Я не знаю тѣхъ статистическихъ данныхъ, изъ которыхъ выведено подобное сравненіе между Малороссіею и великороссій-

скими губерніями, и потому осмѣливаюсь не вѣрить на слово почтеннѣйшему автору, но во всякомъ случаѣ, положа руку на сердцѣ, готовъ твердо стоять на томъ, что и мы, жители великороссійскихъ губерній, только въ пѣсняхъ слышимъ, что «гдѣ-то живутъ мужики богатые, они золото гребутъ лопатами», въ самомъ же дѣлѣ мы не можемъ показать на картѣ этой прекрасной, счастливой мѣстности. Что̀ же касается до еще бо̀льшаго упадка губерній бѣлорусскихъ, то здѣсь къ общимъ неблагопріятнымъ условіямъ должно присоединить еще условія мѣстныя: недоброкачественность почвы, недостатокъ пахатной земли, изобиліе болотъ и особенныя историческія обстоятельства. Каковы бы ни были, по мнѣнію автора, преимущества откупной системы, едва ли онъ возьметъ на себя доказать, чтобъ тягостное положеніе бѣлорусскихъ губерній происходило именно отъ вольной продажи вина, а не отъ другихъ причинъ, лежащихъ гораздо глубже.

Авторъ разсматриваемой нами статьи говоритъ, будто необходимость употребленія вина при суровомъ сѣверномъ климатѣ есть одно изъ самыхъ важнѣйшихъ возраженій противъ откупной системы. Нѣтъ, скажемъ мы, у насъ есть доказательства вреднаго вліянія ея на народное благосостояніе гораздо осязательнѣе, нежели такой удобооспориваемый доводъ, хотя и въ его защиту мы могли бы привести нѣсколько громкихъ авторитетовъ.

Добываніе и продажа вина составляетъ одну изъ отраслей промышленности, и какъ промышленность, она можетъ и должна подлежать общимъ законамъ политической экономіи и финансоваго права. Мы знаемъ, что народный прогресъ возможенъ только при гармоническомъ развитіи всѣхъ существующихъ отраслей промышленности; стѣсненіе одной падаетъ болѣзненно на другія, прямо или косвенно съ ней связанныя. Народныя силы могутъ рости и преуспѣвать только тогда, когда ихъ дѣятельности дается какъ можно болѣе простора; каждая монополія ложится на нихъ тяжелымъ гнетомъ. Какъ бы ни казалось незначительнымъ стѣсненіе, — все же оно есть болѣзнь въ общемъ организмѣ. Въ промышленности лучшій двигатель на пути усовершенствованій есть возможно-полное, неограниченное совмѣстничество, этотъ жезлъ волшебника, ис-

тинно творящій чудеса. Безъ этой силы, также необходимой для промышленности, какъ воздухъ для живущихъ на землѣ, въ ней тотчасъ же обнаружится застой. Ясно, что промышленникъ, поставленный монополіей внѣ соперничества, не будетъ стремиться къ усовершенствованію своего производства, зная, что издержки, на это потраченныя, не могутъ принесть ему соотвѣтственныхъ плодовъ. Цѣна на предлагаемый товаръ можетъ регулироваться только запросомъ, иначе она должна быть невыгодна или для производителей или для потребителей, или для тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Поэтому такса есть одна изъ тѣхъ мѣръ, которыя прямо противорѣчатъ законамъ политической экономіи. Цѣна, платимая въ такомъ случаѣ потребителями, выше той, которая должна была бы стоять на рынкѣ при свободномъ совмѣстничествѣ; она для нихъ издержка непроизводительная, и тотъ излишекъ, который они тратятъ на подобную издержку, могъ бы пойдти съ большею пользою на удовлетвореніе другихъ, крайнихъ потребностей.

Безъ строгаго соблюденія этихъ основныхъ законовъ невозможно обширное развитіе промышленности, особенно въ настоящее время, когда всѣ ея отрасли такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что ненормальный ходъ одной влечетъ за собой упадокъ другихъ.

Я не вижу причины, почему эти законы, признанные въ настоящее время аксіомами политической экономіи, не должны быть приложимы къ промышленности винокуренія; мнѣ кажется, она имѣетъ на нихъ даже болѣе правъ, чѣмъ другія: вопервыхъ, какъ промышленность, долженствующая дать огромную цыфру валоваго народнаго дохода; вовторыхъ, какъ промышленность, долженствующая имѣть значительное вліяніе на процвѣтаніе или упадокъ другихъ отраслей культуры.

Докажемъ справедливость перваго.

Если въ настоящее время выкуривается 32,000,000 ведеръ вина, если на это употребляется 5,000,000 четвертей хлѣба, то, зная неудовлетворимость потребителей подобнымъ количествомъ — что̀ доказывается всеобщими злоупотребленіями, — мы можемъ прямо сказать, что при свободной выкуркѣ и продажѣ вина, уже вслѣдствіе одного устраненія злоупотребленій, добываемое количество увеличилось бы по крайней мѣрѣ вдвое

и потребовалось бы такимъ образомъ уже не 5, а 10 милліон. четвертей хлѣба. Но каждое уничтоженіе монополіи ведетъ за собой быстрое возвышеніе той промышленности, на которой лежала она, а потому, принимая въ разсчетъ это обстоятельство, въ особенности же соображая всѣ наши шансы для заграничной торговли спиртомъ, мы можемъ пророчески предсказать, что въ первые же года за уничтоженіемъ откупной системы количество выкуриваемаго вина будетъ простираться до 100,000,000 ведеръ съ потребленіемъ на него 16,000,000 четвертей хлѣба. При средней же стоимости ведра въ 50 к. сер., народный валовой доходъ увеличится такимъ образомъ до 50,000,000 ежегодно.

Что свободная выкурка и продажа вина могла бы имѣть огромное вліяніе на успѣхъ промышленности, это очевидно, особенно для Россіи.

Россія страна попреимуществу земледѣльческая, въ ней быть-можетъ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, раціональное развитіе земледѣлія повлечетъ за собой благосостояніе массы. Успѣхъ земледѣлія возможенъ только при развитіи тѣхъ отраслей, которыя тѣсно съ нимъ связаны. Раскинутая на огромномъ пространствѣ, Россія по самому характеру своей мѣстности представляетъ много неблагопріятныхъ условій: такъ одно изъ первыхъ на пользу каждой промышленности есть — удобство сбыта, и именно отсутствіе этого удобства должно считать главною причиной того, что раціональное хозяйство движется у насъ впередъ такими тихими шагами. Землевладѣльцу нѣтъ пользы много хлопотать объ увеличеніи количества получаемаго хлѣба, когда онъ знаетъ, что рынокъ, на которомъ долженъ продаться этотъ хлѣбъ, отстоитъ на нѣсколько десятковъ, а иногда и сотенъ верстъ. Одинъ перевозъ такой громоздкой вещи, каковъ хлѣбъ, едва ли окупится той цѣной, которая за него будетъ предлагаться. За недостаткомъ сбыта мы производимъ по крайней мѣрѣ втрое менѣе того, сколько могли бы производить.

Въ чемъ же можетъ заключаться толчекъ, могущій подвинуть впередъ нашу земледѣльческую промышленность?

Къ числу средствъ, которыя должны имѣть прямое благодѣтельное вліяніе на развитіе земледѣлія, безспорно принадлежитъ свободная выкурка и продажа вина. Все количество хлѣба, оставшееся непроданнымъ и не имѣющее сбыта, пошло бы

тогда на выкурку вина, дало бы такимъ образомъ владѣтелю его средства употребить съ выгодой для себя весь тотъ излишекъ, который остается въ настоящее время почти безполезнымъ. Зная куда употребить свой хлѣбъ, каждый владѣтель, для своей пользы, сталъ бы улучшать свое хозяйство, чтобы сколько можно увеличить сборы, а это возможно только при введеніи раціональныхъ способовъ производства, требующихъ отъ предпринимателей больше познаній и дѣятельности. Условія эти тѣмъ болѣе для насъ доступны, что въ настоящее время устранена главнѣйшая причина патріархальнаго состоянія нашего земледѣлія — крѣпостной трудъ. Россія, кромѣ внутренняго потребленія вина, при огромномъ количествѣ хлѣба, которое она могла бы производить, наводнила бы при свободной выкуркѣ и продажѣ всѣ заграничные рынки своимъ спиртомъ; въ этомъ отношеніи ни одно изъ другихъ государствъ не могло бы явиться ей равнымъ соперникомъ.

Такимъ образомъ винокуренное производство, не говоря уже о вліяніи его, какъ важнаго подспорья земледѣлію, на другія отрасли промышленности, заняло бы множество рукъ и дало бы средство употребить въ дѣло громадные капиталы.

Нечего ужасать противниковъ откупной системы той страшной картиной нравственнаго упадка, который ожидаетъ страну вслѣдъ за введеніемъ въ ней свободной выкурки и продажи вина. Доказано статистическими цыфрами, что въ Восточной Пруссіи, по уничтоженіи откуповъ, не смотря на увеличившуюся добычу вина, пьянство въ народѣ значительно уменьшилось. Еще то не грѣхъ, что рабочій или кто бы то ни было выпьетъ ежедневно извѣстное небольшое количество водки, которое ему почти ничего не стоитъ и которое едва ли можетъ оказать дурное вліяніе на его нравственность; гораздо больше грѣха въ томъ, что простолюдинъ, дорвавшись до базара и кабака, пропиваетъ за разъ плодъ долговременныхъ, кровныхъ трудовъ своихъ. Нельзя предполагать, чтобъ при неограниченности винокуренія, всѣ бросились на дешевый нектаръ и перепились до бѣлой горячки; вѣдь и въ настоящее время многіе имѣютъ достаточно матеріальныхъ средствъ, чтобы напиться вволю, но не всѣ же они постоянно обрѣтаются въ такомъ блаженномъ состояніи. Въ народѣ вообще есть всегда сознаніе своего долга,

своихъ обязанностей: онъ, хотя быть-можетъ и безотчетно, а все-таки понимаетъ, что цѣль, позначеніе жизни не то, чтобъ быть пьянымъ съ утра до вечера! Вотъ почему ни одно изъ обществъ воздержанія, приводимыхъ авторомъ разсматриваемой статьи, не предлагаетъ какъ средство для искорененія зла введеніе ограниченной выкурки и продажи вина; они знаютъ, что зло такимъ лѣкарствомъ не уменьшается, а напротивъ увеличивается: рабочіе классы будутъ пить столько же, пропивая еще болѣе, стало-быть будутъ повергаться еще глубже въ бездну нищеты; они знаютъ, что подобныя мѣры влекутъ за собой упадокъ земледѣльческихъ и другихъ промышленностей, а потому и самого благосостоянія народа... Каждое общество воздержанія знаетъ, что лѣчить народъ отъ пьянства должно не возвышеніемъ цѣны на вино, но другими путями: распространеніемъ нравственнаго образованія, уясняющаго каждому назначеніе его какъ человѣка и гражданина, умноженіемъ матеріальныхъ средствъ, дающихъ каждому возможность употребить въ дѣло свой трудъ, и проч.

Авторъ статьи въ Московскихъ Вѣдомостяхъ задаетъ себѣ второй вопросъ: могутъ ли предлагаемые въ замѣнъ питейныхъ сборовъ косвенные и прямые налоги давать правительству доходъ, хотя равный получаемому нынѣ отъ питейныхъ сборовъ — и рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно. Посмотримъ, такъ ли это въ самомъ дѣлѣ. Правительству для достиженія его высокой цѣли необходимы матеріальныя средства. Эти средства почерпаются отъ народа и бываютъ прямыя и косвенныя: къ первымъ принадлежатъ собственно подати, ко вторымъ относятся въ числѣ прочихъ и налоги на предметы потребленія, напримѣръ на вино. Сборъ податей и налоговъ можетъ быть производимъ или самимъ правительствомъ, чрезъ установленныя для того вѣдомства и лица, или привилегированнымъ обществомъ или наконецъ частными лицами. Послѣднія за извѣстное вознагражденіе берутъ на себя обязанность выплачивать сполна всю заранѣе опредѣленную сумму налога. Развернувъ любую исторію — древнюю, среднюю и новую, мы можемъ видѣть, какъ несостоятеленъ послѣдній способъ взиманія. Вездѣ откупщики заслуживали народную нелюбовь и вездѣ правитель-

ство получало въ свою пользу гораздо менѣе собираемаго откупщиками, а потому, съ развитіемъ финансоваго права, къ этому способу начали прибѣгать все рѣже и рѣже, и въ настоящее время онъ уже не прилагается къ практикѣ ни въ одномъ изъ западныхъ государствъ.

Недостатки откупной системы взиманія налога вполнѣ отразились и въ винной регаліи. Если мы предположимъ, что казна среднимъ числомъ получаетъ доходу, за уплатою винным заводчикамъ 50 к. сер. съ ведра, — по 2 руб. сер., то откупщикъ, продающій его по 4 р. сер., беретъ доходу 1 р. 50 к. сер. съ ведра, и если Россія выкуриваетъ вина всего 32,000,000 ведра, то и тогда годовой, валовой доходъ откупа будетъ простираться до 48,000,000 р. с., что составляетъ въ 10 лѣтъ (не считая злоупотребленій) непроизводительной издержки для народа 480,000,000 рубл. сер. Но всякій знаетъ, что откупъ прибѣгаетъ къ разнымъ *невиннымъ* средствамъ для увеличенія своего дохода: не имѣя соперниковъ въ извѣстной мѣстности, онъ продаетъ вино не того качества, какое установлено; контролировать его въ этомъ очень трудно или лучше сказать невозможно, ибо настоящимъ контролеромъ въ производствѣ можетъ быть только совмѣстничество, а за отсутствіемъ его всякая другая мѣра оказывается несостоятельною. Такимъ образомъ, кромѣ 48,000,000 рубл. сер. валоваго дохода откупа, онъ получаетъ еще больше за матеріалъ постоянно дешевый — за воду. При свободной выкуркѣ и продажѣ вина подобное явленіе уже невозможно, и еслибы народъ употреблялъ вина столько же, сколько и въ настоящее время, то и тогда казна могла бы понизить акцизъ на половину, потому что у нея не проскальзывало бы черезъ руки неоплаченнымъ то количество воды, которое въ настоящее время составляетъ необходимый элементъ хлѣбнаго вина, а потому и акцизъ изъ двухъ-рублеваго могъ бы сдѣлаться рублевымъ, такъ что казна получила бы прежній доходъ, но уже вдвое съ большей пользою для народа. Судя по тому огромному количеству хлѣба, которое мы можемъ производить, но котораго не производимъ въ настоящее время за недостаткомъ сбыта, винокуренная промышленность, при возможности отправлять спиртъ за границу, конечно удвоилась бы въ первые же года за уничтоженіемъ откупной системы, и тогда

казна, оставивъ по прежнему семидесяти-копѣечный акцизъ съ ведра, получила бы доходу несравненно больше. Такимъ образомъ, при введеніи неограниченнаго винокуренія и продажи, народный капиталъ не представлялъ бы той цыфры непроизводительной издерки, которая является необходимостью въ настоящее время и огромность которой трудно положительно опредѣлить за неимѣніемъ вѣрныхъ данныхъ. Я не говорю уже о томъ, на сколько увеличилось бы благосостояніе народа, вслѣдствіе возможности употребить въ дѣло съ большею пользой остающійся у него хлѣбъ и трудъ, который въ иныхъ мѣстностяхъ, преимущественно въ губерніяхъ хлѣбородныхъ, въ зимнее время не имѣетъ ровно никакой цѣны и который при неограниченности винокуренія нашелъ бы для себя выгодный исходъ.

Взиманіе акциза съ вина тѣмъ болѣе удобно, что въ настоящее время сдѣланы съ математическою точностью вычисленія, сколько и въ какое время, изъ даннаго количества и качества хлѣба, получается вина опредѣленнаго достоинства, при извѣстномъ способѣ производства. Такое взиманіе можетъ быть совершаемо при самомъ производствѣ чрезъ государственныхъ чиновниковъ, съ которыхъ за нарушеніе казенныхъ интересовъ должно положить строгое взысканіе; это, при достаточномъ жалованьи, удержитъ ихъ отъ попытокъ прибѣгать къ противозаконнымъ средствамъ дль поддержанія своего существованія.

Бояться обмана для потребителей, при свободѣ куренія и продажи вина, со стороны производителей невозможно, ибо явится дѣйствительнѣйшее въ этомъ случаѣ средство—совмѣстничество.

Впрочемъ справедливость такихъ соображеній едва ли не признаетъ и самъ авторъ разбираемой статьи, ибо защищая мысль, что правительство никогда не получитъ съ акциза доходъ равный тому, который получаетъ съ откупа, онъ этого вовсе не доказываетъ, а прибѣгаетъ къ старому своему оружію. Какъ и вездѣ откупъ является у него тутъ хранителемъ, палладіумомъ народной нравственности. Благодаря откупу, народъ удерживается въ первобытной чистотѣ своей, благодаря ему же, онъ пользуется своимъ благосостояніемъ. Вслѣдъ за введеніемъ свободной выкурки и продажи вина, по мысли автора, народъ запьетъ горькую чашу, вся Русь превратится въ непрестанное гульби-

ще и во всѣхъ концахъ нашего обширнаго отечества, изъ 68 милл. устъ, раздастся всѣмъ знакомая пѣсня «Попила-та моя головушка — ахъ да погуляла!» Мнѣ кажется, писать подобныя вещи, значитъ не имѣть ни сколько ни уваженія, ни любви къ своему народу, — представлять, что каждый членъ его — пьяница, который если когда и не пьетъ, то не пьетъ лишь потому, что кабакъ за 5 верстъ, или потому, что вино стóитъ 30 коп. сер. полштофа, — утверждать это могутъ только люди не знающіе и презирающіе свой народъ; это показываетъ со стороны ихъ непониманіе того, что внутри народа, не смотря на многое, привившееся къ нему дурное, содержатся такія самородныя драгоцѣнности, какихъ нѣтъ и не будетъ во многихъ, хвалящихся своей развитостью, благонамѣренностью, нравственностью и прочими прекрасными вещами.

Я не хочу, вслѣдствіе вѣры въ прекрасныя стороны нашего народа, въ которыхъ ему отказываютъ, даже опровергать подобныя положенія: «Съ неограниченнымъ размноженіемъ мѣстъ продажи вина, соблазнъ къ пьянству будѐтъ представляться простолюдину на каждомъ шагу, и съ распространіемъ соблазна къ пьнству и разврату, упадетъ его благосостояніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ пострадаютъ и многіе источники доходовъ государственныхъ»... «Размноженіе же соблазновъ къ пьянству будетъ тянуть простолюдина къ вину во всякое время, и онъ покупая оное дешевою цѣной, прогулявъ въ будни одинъ или нѣсколько дней, а потомъ охмѣляясь, потеряетъ не мало драгоцѣннаго рабочаго времени, а иногда надолго и вовсе отстанетъ отъ работы и потому, пріобрѣтя трудомъ своимъ менѣе прежняго, будетъ имѣть и менѣе средствъ къ уплатѣ всѣхъ вообще податей съ предметовъ потребленія въ доходъ казенный.» Бѣдна же будущность народа, въ которомъ нѣтъ никого, кромѣ пьяницъ! Бѣдна же будущность и государства, къ жизни котораго не приложимы ни наука права, ни политическая экономія!

Къ счастію, своими собственными противорѣчіями, краснорѣчивый защитникъ откупа, даетъ поводъ думать, что будущность Россіи не такъ еще печальна. Восхваляя откупъ съ его послѣдствіями, онъ въ то же время толкуетъ, что только развитіе производительныхъ силъ народа и его благосостояніе мо-

гутъ доставить правительству благонадежное возвышеніе дохода отъ всѣхъ косвенныхъ налоговъ.

Какими же путями, спросимъ мы автора, можетъ произойдти развитіе производительныхъ силъ народа? Устраненіемъ препятствій. А развѣ не препятствіе къ развитію то, что не каждый гражданинъ можетъ участвовать въ той отрасли промышленности, которая кажется для него наиболѣе сподручною и выгодною? А развѣ не препятствіе еще то, что производитель не можетъ продавать свои произведенія во всѣхъ мѣстностяхъ, по той цѣнѣ, которая окажется нормальною? А развѣ не препятствіе, наконецъ, то, что потребители платятъ за товаръ въ нѣсколько разъ дороже его настоящей стоимости? Да, все это препятствія, и препятствія такія, безъ устраненія которыхъ невозможно развитіе производительныхъ силъ народа.

Затѣмъ авторъ статьи «Объ употребленіи горячаго вина» задаетъ себѣ третій вопросъ (рѣшая и его конечно отрицательно): подлинно ли существованіе малыхъ винокурень и употребленіе барды (какъ средства къ улучшенію скотоводства) необходимо для распространенія и усовершенствованія земледѣлія?

Я уже сказалъ, какъ велико вліяніе процвѣтанія или упадка земледѣлія на всѣ отрасли промышленности, преимущественно же это вліяніе высказывается на скотоводствѣ. Скотоводство и земледѣліе это два ребенка одной матери, прогресъ одного обусловливается прогресомъ другаго. Для того чтобы улучшить земледѣліе необходимо удобреніе, для того чтобы получить удобреніе, необходимо скотоводство, для пріобрѣтенія достаточныхъ средствъ къ прокормленію домашняго скота — должно разширить земледѣліе... Однимъ словомъ, удачное разрѣшеніе одного вопроса зависитъ отъ разрѣшенія другаго. Возьмемъ ли отрицательную сторону: зачѣмъ землевладѣльцу заводить обширное скотоводство, когда онъ не знаетъ, куда употребить съ достаточной для себя пользой остающійся у него хлѣбъ? окупятся ли издержки на скотоводство тогда, когда цѣны на хлѣбъ стоятъ постоянно низкія? къ чему землевладѣльцу употреблять удобреніе, когда и съ тѣмъ хлѣбомъ, который лежитъ у него на рукахъ, онъ не знаетъ куда дѣваться?.. Во имя наилучшаго разрѣшенія данныхъ вопросовъ, я считаю свободное

куреніе и вольную продажу вина однимъ изъ средствъ, которыя должны подвинуть впередъ наше скотоводство: вслѣдъ за неизбѣжнымъ возвышеньемъ цѣны на хлѣбъ, возвысится тогда и цѣна на скотъ, за возвышеніемъ цѣны послѣдуетъ и улучшеніе самаго скотоводства.

Что̀ же касается до барды, то и она, какъ одно изъ самыхъ дешевыхъ подспорьевъ для откармливанія скота, дѣйствительно можетъ занимать очень видное мѣсто въ домашнемъ хозяйствѣ, будь она только въ достаточномъ количествѣ: — это, конечно, подтвердятъ самые опытные агрономы. Совѣтовать же замѣну ея травосѣяніемъ едва ли удобопримѣнимо въ настоящее время: травосѣяніе возможно то̀лько въ хозяйствахъ развитыхъ, развитое хозяйство возможно только при высокой цѣнѣ на хлѣбъ, высокая цѣна обусловливается удобствомъ сбыта — отсюда опять все тотъ же выводъ: чтобы поднять наше земледѣліе, чтобы способствовать введенію раціональнаго хозяйства — необходима свобода винокуренія, какъ средство возвышенія цѣны на земледѣльческіе продукты.

Еще болѣе страннымъ мнѣ кажется совѣтъ автора прибѣгнуть для поднятія скотоводства къ разведенію свекловицы и къ распространенію свеклосахарныхъ заводовъ. Свеклосахарное производство само по себѣ вещь отличная, но заводить сахарные заводы для улучшенія скотоводства, едва ли это не будетъ тотъ окольный путь, которымъ никогда не приходятъ къ цѣли.

Итакъ—во имя законовъ политической экономіи и финансоваго права, во имя народнаго благосостоянія, во имя процвѣтанія всѣхъ отраслей культуры вообще и земледѣльческой въ особенности, я считаю полезнымъ введеніе неограниченной выкурки и продажи вина.

Въ заключеніе беру на себя смѣлость еще разъ посовѣтовать автору статьи «Объ употребленіи горячаго вина въ Россіи» больше вѣрить въ свой народъ и не думать, чтобы въ средѣ его заключались одни пьяницы, удерживающіеся отъ гибельнаго порока единственно благодѣтельной рукой откупа, взявшаго на себя высокое назначеніе — быть хранителемъ общественной нравственности и благоденствія.

Н. С.....скій.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПОКОЙНИКА.

(Окончаніе.)

—

IV.

Среди выводокъ, ассамблей и слѣдствій, прожили мы до половины февраля 1855 г. Дни начали дѣлаться теплѣе, ночи не такъ длинны; казалось, повѣяло весной, а съ нею и будущее стоянки замапчивѣе рисовалось въ нашемъ воображеніи. — Въ одно прекрасное воскресенье у Ѳеофана Петровича была по обыкновенію большая ассамблея, на которую, между прочимъ, пріѣхалъ и командиръ батарейной батареи нашей бригады, полковникъ Пѣченскій, человѣкъ лѣтъ 60-ти, съ совершенно сѣдою головой, маленькимъ красненькимъ носикомъ, но лицомъ въ высшей степени добрымъ и пріятнымъ. Антонъ Ѳедоровичъ былъ лучшій изъ командировъ цѣлой бригады; отъ офицеровъ до послѣдняго солдата, всѣ душевно любили его. Онъ пріѣхалъ въ этотъ день со всѣми своими офицерами, такъ что гостей собралось болѣе обыкновеннаго. Послѣ обычныхъ привѣтствій, разговоровъ о фуражѣ и о послѣднихъ извѣстіяхъ изъ Крыма, часть гостей сѣла за карточные столы, а другая, неиграющая, завела бесѣду съ Александрой Сергѣевной. Начинало темнѣть и, казалось, вечеръ кончится такъ же, какъ и всегда, какъ вдругъ вошедшій батарейный писарь подалъ Ѳеофану Петровичу конвертъ съ надписью «весьма нужное». Дрожащею рукой сломалъ онъ печать и едва успѣлъ пробѣжать глазами присланную бумагу, какъ бросилъ ее на столъ и всталъ.

— Поздравляю васъ, господа! сказалъ онъ голосомъ чело-

вѣка совершенно растерявшагося: — походъ въ Крымъ, да еще и смотръ.

Слова эти поразили всѣхъ какъ громомъ, хотя каждый зналъ, что мы не могли же вѣчно стоять въ Килинджикѣ. Присланная бумага начала переходить изъ рукъ въ руки.

Не менѣе сильно должна была подѣйствовать эта новость и на Александру Сергѣевну. Она подошла къ мужу и начала было:

— Что, какъ... да куда же я-то?...

Ѳеофанъ Петровичъ остановилъ ее:

— Ахъ, душа моя, полно! ты видишь, что мнѣ совсѣмъ не до того. — Послушай, Антонъ Ѳедоровичъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Пѣченскому, — я только что заготовилъ фуражъ мѣсяца на полтора. Сдѣлай милость, купи у меня хоть сѣно-то, овесъ я еще кое-какъ подниму съ собой.

— Пожалуй, если ты возьмешь не дороже, чѣмъ я плачу обыкновенно, и если у меня не очень много заготовлено, я могу взять, отвѣчалъ старичекъ уже покойно продолжавшій свою пульку.

— Ну, такъ и зналъ! Ты видишь, что мнѣ некуда дѣваться съ нимъ, такъ хочешь вынудить меня отдать тебѣ весь фуражъ даромъ.

Старикъ косо посмотрѣлъ на Ловицкаго.

— Скоро ли ты перестанешь мѣрить всѣхъ на свой аршинъ? Я тебѣ сказалъ, что если мнѣ будетъ возможно, то, какъ и всегда, сдѣлаю то, о чемъ меня просятъ. Но взять у тебя фуражъ, когда у меня его и безъ того много, и когда я вслѣдъ за тобой долженъ ожидать выступленія, право не вижу никакой надобности... А теперь, чтобы ты впередъ не имѣлъ случая выводить подобныхъ заключеній, я тебѣ объявляю, что еслибы ты отдалъ мнѣ все твое сѣно даромъ, такъ я и тогда не возьму его.

— Ну полно, братъ, не сердись: ты видишь, что я рѣшительно не знаю что̀ дѣлать. Ну слово сорвалось!

— Я нисколько не сержусь, потому что давно уже знаю тебя и слишкомъ бы часто приходилось сердиться. А сѣно все-таки не возьму.

Ѳеофанъ Петровичъ совершенно сконфузился.

— Да чего ты такъ растерялся: посмотри, маршрутъ совсѣмъ не въ Крымъ, а въ Одессу, продолжалъ Антонъ Ѳедоровичъ.

— Знаемъ мы это: теперь въ Одессу, а тамъ, только придемъ, новый маршрутъ, да и дальше.

— Ну такъ чтожь? Ты самъ же намедни завидовалъ крымскимъ командирамъ, говорилъ, что тамъ справки отличныя.

— Да что справки! помилуй, братецъ, я оставляю жену; только что устроился, не удалось и двухъ мѣсяцевъ прожить съ ней.

Старикъ улыбнулся.

Ѳеофанъ Петровичъ вышелъ въ сѣни и долго отдавалъ тамъ различныя приказанія, посадивъ за себя, для окончанія пульки, кого-то изъ офицеровъ. — Повѣренный игралъ дурно и проигралъ довольно много. Ѳеофанъ Петровичъ заплатилъ деньги безъ малѣйшаго ропота, чего до сихъ поръ никогда еще не бывало. Это случилось, вѣроятно, вслѣдствіе сильнаго внутренняго волненія.

Адександра Сергѣевна была сначала грустна; потомъ начала понемногу успокоиваться и къ концу вечера пришла въ свое нормальное состояніе. Офицеры потолковали о полученномъ извѣстіи, каждый дѣлалъ свои предположенія, и скоро все уже свыклось съ мыслью о смотрѣ и походѣ.

На другой день, рано утромъ, Ѳеофанъ Петровичъ собралъ батарею для репетиціи смотра, но офицеровъ просилъ не безпокоиться, говоря, что ученья дѣлать не надо.

Вечеромъ у меня собрались нѣсколько товарищей, и фельдфебель принесъ намъ офиціальное объявленіе, въ приказѣ по батареѣ, о предстоящемъ смотрѣ.

— Ну что? спросили мы его, — полковникъ остался доволенъ сегодня?

— Извѣстно, ваше благородіе, ужь передъ смотромъ они завсегда всѣхъ благодарятъ. Ѣздовымъ далъ по 30 коп., а батареѣ всей вообще по пяталтынному. Надѣюсь, говоритъ, братцы, что на смотру будете молодцами, а это вамъ на фабру. Вѣдь ужь не въ первый разъ онъ дѣлаетъ это. Все, значитъ, боится, чтобъ кто на смотру претензіи не показалъ какой, а либо что-нибудь... Ну, а на которыхъ надежа поплоше, а ли которымъ побольше доставалось, такъ ужь онъ и списочекъ

далъ мнѣ, приказалъ нарядить въ караулъ да на вѣсти: значитъ, чтобъ отъ бѣды подальше, ихъ и на смотру не было. А нашимъ солдатикамъ, что̀ больше и нужно, какъ выпить можно... Вонъ они, почитай что вся батарея въ шинкѣ... И горя мало!... Да что, прости Богъ, хаить-то, еще Богъ знаетъ каковъ другой командеръ будетъ, у этого покрайности барыня добрыя, такъ все, значитъ, покудова она въ батареѣ, такъ и намъ житье еще кое-какъ. Надо пойдти разогнать ихъ, а то пожалуй такъ перепьются, что завтра и не добудиться.

— Ну прощай, братъ!

— Счастливо оставаться, ваше благородіе...

На другой день, чуть не до свѣту, батарея была уже собрана на полукруглой площадкѣ, образуемой передъ деревенской церковью рядомъ довольно далеко отброшенныхъ отъ нея домовъ, и въ совершенной готовности ожидала пріѣзда генерала. Ловицкій поѣхалъ верхомъ къ нему навстрѣчу, на самый конецъ деревни.

Послѣ долгихъ ожиданій показалась вдали и скоро выѣхала на площадку комфортабельная, англійская на 8-ми рессорахъ дорожная коляска; на козлахъ сидѣлъ козакъ, а возлѣ коляски галопировалъ Ѳеофанъ Петровичъ. Поѣздъ остановился у его квартиры. Александра Сергѣевна приготовила завтракъ и употребила все свое искусство, чтобы по возможности любезно принять посѣтителя.

Мы начали уже выходить изъ терпѣнія отъ непомѣрно долгаго ожиданья. Наконецъ раздалось *смирно!...* и на флангѣ батареи показался молодой, блестящій генералъ.

Смотръ продолжался очень не долго. Генералъ сдѣлалъ выводку лошадямъ, осмотрѣлъ амуницію, спросилъ нѣтъ ли претензій — таковыхъ не оказалось — и за тѣмъ, поблагодаривъ солдатъ, приказалъ ихъ распустить. Ловицкому онъ сдѣлалъ только замѣчаніе, что у нѣкоторыхъ касокъ дурно пригнаты чешуи, и что лошади вообще дурно кованы; остальнымъ генералъ былъ совершенно доволенъ.

Ѳеофанъ Петровичъ былъ въ восторгѣ отъ благополучно кончившагося смотра, и заботился только о томъ, чтобы кто-нибудь изъ жителей деревни не успѣлъ пожаловаться *на случавшіеся иногда безпорядки.* Но и съ этой стороны, благодаря

мѣрамъ, заранѣе принятымъ имъ, все кончилось какъ нельзя лучше. Писарь расправы получилъ, *для предупрежденія безпорядковъ*, три полуимперіала, а самъ Ѳеофанъ Петровичъ распорядился, чтобы по направленію къ выѣзду незамѣтно разставлены были надежные солдаты, съ цѣлью остановить дерзкихъ, и послѣ обѣда самъ проводилъ генерала за деревню.

Успѣвъ довольно выгодно сбыть заготовленный фуражъ командиру какого-то кавалерійскаго полка, Ѳеофанъ Петровичъ сталъ хладнокровнѣе смотрѣть на предстоявшій походъ, а узнавъ отъ пріѣзжавшаго генерала, что мы дѣйствительно идемъ только въ Одессу, и что развѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ — и то если въ Крыму окажется особенный недостатокъ войскъ — насъ могутъ двинуть туда, — онъ совершенно примирился съ мыслью о походѣ и рѣшилъ, что Александра Сергѣевна не поѣдетъ въ деревню, какъ было предположено, еслибы мы шли въ Крымъ, а будетъ намъ сопутствовать.

Черезъ нѣсколько дней послѣ смотра, мы выступили въ походъ. Батарея шла подъ ближайшимъ надзоромъ штабсъ-капитана, а Ѳеофанъ Петровичъ ѣхалъ со своею супругой. Мы выступали съ ночлега обыкновенно очень рано; около половины перехода обгоняли насъ, сначала тарантасъ, до верху набитый съѣстными припасами, перинами, подушками и другими прозаическими принадлежностями семейнаго быта, а вслѣдъ за тѣмъ, *бывшая* синяя коляска, изъ которой дружески кивали намъ головы ея владѣльцевъ. По приходѣ на станцію, мы тотчасъ же обѣдали, ложились спать и вечеромъ постоянно получали приглашеніе Ѳеофана Петровича на чай, послѣ котораго, въ хорошую погоду, предпринимались общія прогулки.

Скучной, однообразной чередой тянулись дни одинъ за другимъ до прихода нашего въ Одессу.

Стоянка въ хорошемъ городѣ, всегда разъединяетъ общество батареи или полка: — своимъ разнообразіемъ она даетъ возможность, каждому отдѣльному лицу, проводить время болѣе или менѣе сносно, независимо отъ общества, а по дороговизнѣ своей, заставляетъ каждаго «по одежкѣ протягивать ножки». Съ нами случилось однако противное.

Изъ примѣненій къ мѣстности, въ теченіи первыхъ дней по приходѣ въ Одессу, Ѳеофанъ Петровичъ увидѣлъ, что боль-

шихъ денежныхъ выгодъ отъ новой стоянки ожидать было трудно, но что можно было извлечь пользу изъ другаго источника. Въ Одессѣ жило въ это время несмѣтное количество разныхъ важныхъ и неважныхъ генераловъ, къ которымъ Ѳеофанъ Петровичъ питалъ вообще большую симпатію, какъ къ людямъ, могущимъ при случаѣ очень пригодиться. Его цѣлью сдѣлалось — сближеніе съ ними, а средствами — частыя приглашенія ихъ къ себѣ и посѣщеніе клуба, въ которомъ они собирались. Мы сдѣлались ему необходимы какъ для того, чтобы присутствіемъ своимъ на его вечерахъ давать имъ видъ soirée intime, а ему видъ славнаго командира, любимаго своими офицерами, такъ и для того, чтобы составлять общество Александрѣ Сергѣевнѣ въ тѣ вечера, когда онъ бывалъ въ клубѣ, такъ какъ онъ всегда жестоко боялся оставлять ее одну. — У женщинъ, говорилъ онъ, — когда онѣ бываютъ часто однѣ, на свободѣ страшно разыгрывается воображеніе, а это самый сильный ядъ семейной жизни; надо стараться, чтобы жена думала и чувствовала такъ, какъ угодно мужу.

Мы получили приглашеніе бывать у него каждый вечеръ и мало-по-малу вынуждены были пользоваться имъ. — Кромѣ важныхъ и полуважныхъ лицъ, къ Ѳеофану Петровичу стало собираться нѣсколько дамъ, много молодёжи; Александра Сергѣевна очень сносно играла на фортепіано, и иногда дѣло доходило даже до танцевъ. Непріятная необходимость, бывать каждый вечеръ у Ловицкаго, выкупалась остальнымъ.

Послѣ бивуачной жизни за Дунаемъ и послѣ цѣлой зимы, проведенной въ грязной болгарской деревнѣ, стоянка въ хорошемъ городѣ — рай, а въ Одессѣ и подавно. Она произвела на всѣхъ насъ отличное впечатлѣніе, не смотря на то, что намъ пришлось стоять тамъ въ самую глухую пору. На всемъ рейдѣ не было ни одного судна, кромѣ вѣчныхъ двухъ англійскихъ пароходовъ, издали блокировавшихъ еще такъ недавно живую, кипучую Одессу. Болѣе достаточные жители разъѣхались. Торговля остановилась, а съ ней заснула и вся городская жизнь. Словомъ, старожилы говорили, что Одессу нельзя узнать, что она сдѣлалась невыносима, а мы, какъ и всѣ военные, не избалованные удобствами жизни, рѣшительно удивлялись такой взыскательности. — На меня Одесса подѣйство-

вала особенно благотворно. Громче, живѣе забилось мое сердце. Въ Москвѣ все еще тотъ же запахъ форменности, натянутости и свѣтскихъ приличій. Дальше, въ Черниговѣ, въ Кіевѣ, гдѣ хотите, все еще тѣ же полосатыя будки, столбы и рогатки, тѣ же заборы, кабаки, казармы. Въ маленькихъ городкахъ все тотъ же, медленно бредущій народъ, тѣ же унылые, ветхіе деревянные домики, къ окнамъ которыхъ вызываетъ кое-когда женское личико дребезжащимъ стукомъ дрожекъ городничаго, становаго или исправника. Въ Одессѣ все какъ-то веселѣе, моложе. И жидъ, идя по улицѣ, не такъ жмется и не такъ оглядывается, и иностранецъ какъ-то радушнѣе смотритъ вамъ въ глаза, и вѣтеръ какъ-то рѣзвѣе играетъ юбкой легкаго дамскаго платья, показывая щегольски обутую ножку. На бульварѣ болтаютъ, смѣются, ѣдятъ мороженое. На улицахъ курятъ. А глядя на все это, и нашъ русскій мужичекъ попріободрился.

Намъ удалось, однако, очень недолго наслаждаться одесскою жизнью: въ концѣ мая, велѣно было идти въ Крымъ. — Приказаніе выступать вовсе не поразило насъ; мы готовились со дня на день получить его; о походѣ толковали уже заранѣе и кромѣ того, постоянство, съ которымъ стягивали войска на этотъ пунктъ, явно предсказывало, что скоро придется разстаться съ Одессой. Александра Сергѣевна отправилась къ себѣ въ деревню; мы провожали ее до заставы, распростились и отправились въ путь-дороженьку.

Поспѣшность, съ которой требовали тогда войска къ Севастополю, вынудила отправить насъ форсированнымъ маршемъ, а для большей скорости, солдатъ приказано было везти на подводахъ. Это обстоятельство послужило поводомъ къ довольно колкому разговору между Ѳеофаномъ Петровичемъ и Гриминымъ, которому поручено было завѣдываніе подводами. Разговоръ этотъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на судьбу Александра Ивановича.

Отдохнувъ отъ довольно большаго перехода, мы собрались, подъ вечеръ, у одного изъ крайнихъ домиковъ деревни Дофиновки, гдѣ назначенъ намъ былъ первый ночлегъ. Вечеръ былъ дивный. Лучи заходившаго солнца капризно переломлялись на гладкой, какъ зеркало, поверхности моря. Въ воздухѣ было

что-то торжественное, подавляющее своимъ величіемъ и пробуждающее особенную потребность жить, радоваться, наслаждаться. Дорого бы далъ житель подполюснаго Петербурга за одинъ подобный вечеръ. Южные вечера вообще какъ-то молодятъ. Самыя вялыя, апатичныя натуры, послѣ душнаго, невыносимаго для нихъ дня, какъ-будто перерождаются. Вы дѣлаетесь особенно добры, чувствуете особенную потребность любить, вслѣдствіе которой все что̀ попадается вамъ на глаза, все что̀ вы вспоминаете, какъ бы это прежде непріятно ни дѣйствовало на васъ, кажется въ такой вечеръ почти хорошимъ.

Сидя на завалинкѣ, мы дружно и весело бесѣдовали, любуясь чудной картиной роскошнаго вечера. Намъ было такъ хорошо, такъ весело, на душѣ было такъ легко, что даже появленіе Ѳеофана Петровича не имѣло обычнаго вліянія, но бесѣда наша, какъ это бываетъ обыкновенно съ появленіемъ новаго лица, невольно прекратилась. Ѳеофанъ Петровичъ нѣсколько разъ принимался возстановлять ее и наконецъ, какъ бы вспомнивъ что-то, торопливо обратился къ Гримину.

— Я совсѣмъ забылъ спросить васъ, Александръ Ивановичъ: кому вы отдали контрамарки за сегодняшнія подводы, подводчикамъ или въ расправѣ? Пожалуйста не отдавайте въ расправѣ, а то бѣдные мужики ихъ и въ глаза не увидятъ. Вы знаете, эти контрамарки принимаются въ счетъ податей по 75 коп. сер., а между тѣмъ, к.....и становые, да писаря не отдаютъ ихъ мужикамъ, а когда придется платить подати, имъ же продаютъ ихъ по 40, да по 50-ти копѣекъ.

— Я все это знаю очень хорошо, — отвѣчалъ Гримминъ, успокоивающимъ тономъ.

— То-то, пожалуйста же!... Чортъ знаетъ, право! Другой разъ сердце надрывается какъ подумаешь, что̀ терпятъ бѣдные мужики по милости этихъ — тутъ онъ вставилъ очень крѣпкое словцо.

— Полноте, Ѳеофанъ Петровичъ, не надо быть къ нимъ такъ взыскательнымъ, — гораздо лучше, если представится возможность, устранять всякій поводъ къ злоупотребленіямъ съ ихъ стороны. А то всѣ мы кричать мастера, а сами шагу не дѣлаемъ, чтобъ отвратить зло.

— Да позвольте васъ спросить, какъ вы отвратите его? Развѣ это отъ васъ зависитъ?

— А вотъ, вы же сами дѣлаете это... Мы знаемъ, что если отдать контрамарку становому, такъ она не попадетъ въ руки мужика, — не надо и давать становому. Такихъ случаевъ пропасть, а посмотрите много ли найдется между нами, военными, людей, которые бы подумали объ этомъ. Имъ хоть трава не расти.

— Удивительно много помогутъ военные, хоть бы они всѣ до одного стали заботиться о мужикахъ.

— Немного, но пусть же и они помогаютъ. На словахъ всѣ мы куда какъ прытки, а на дѣлѣ, если построже посмотрѣть, — тѣ же становые, коли еще не хуже..... Взгляните-ка, за что мы нападаемъ на нихъ? за то, что они берутъ взятки, воруютъ? А мы развѣ не то же дѣлаемъ или собираемся дѣлать? Развѣ не ждемъ съ прапорщичьяго чина, какъ бы поскорѣй получить полкъ или батарею, чтобы поправить свои обстоятельства? Что же выходитъ на повѣрку? писарь или становой крадетъ копѣйку,—мы крадемъ рубль. Становой крадетъ у мужика, который, хотя съ большимъ трудомъ, но можетъ еще успѣть заработать свою потерю, а мы крадемъ у солдата, лишеннаго всякой возможности наверстать свою. Ну положимъ, солдатъ обираютъ рѣдко, обыкновенно ограничиваются лошадьми. Да развѣ это не все равно?—мы воруемъ у лошади, а солдатъ, чтобъ накормить ее досыта, долженъ воровать у мужика. Какъ ни ворочайтесь,а все-таки человѣкъ остается страдательнымъ лицомъ. Какая же разница? Развѣ только...

— Позвольте, позвольте! перебилъ Ѳеофанъ Петровичъ полу-обиженнымъ, полу-озлобленнымъ, возвышающимся тономъ начальника, — я рѣшительно не могу понять, какъ вы сравниваете людей, которые не заслуживаютъ ничего, кромѣ общаго презрѣнія, съ цѣлымъ сословіемъ, къ которому принадлежите сами, которое должно вамъ быть самымъ близкимъ, роднымъ. Нѣтъ, батюшка, слова ваши доказываютъ только, до какой степени вы во всемъ видите дурное. Вамъ очень хорошо извѣстно, что полковой или батарейный командиръ не касается продовольствія солдатъ. Это не его часть; для этого есть артельщикъ, выбранный ими же: командиръ въ этомъ случаѣ по-

вѣряетъ только его дѣйствія... Наконецъ, если солдаты недовольны чѣмъ бы то ни было, они всегда въ правѣ объявить объ этомъ на смотру. Гдѣ же тутъ могутъ быть злоупотребленія командировъ? Зачѣмъ позволять себѣ такъ рѣзко излагать свое мнѣніе, когда должно быть ясно видно, что оно несправедливо? Вспомните хорошенько, что̀ вы сказали! Мы не кормимъ лошадей, грабимъ солдатъ: да что же мы послѣ этого въ глазахъ вашихъ? И изъ чего вы изволили вывести всѣ эти заключенія?... Изъ того, что само правительство даетъ намъ возможность, при большей разсчетливости и при большемъ благоразуміи, сберечь сотню-другую рублей въ годъ, которая цѣликомъ идетъ на потребности службы?... Сколько разъ въ годъ намъ предписываютъ сдѣлать то и другое *изъ благоразумной экономіи?* сколько разъ въ годъ приходится принимать начальство, устроивать праздники для солдатъ? Лазаретъ круглый годъ содержится на счетъ командира. Откуда на все это источники? Что же, правительству развѣ дешевле бы стоило продовольствовать войско самому? развѣ выгоднѣе было бы отдать это продовольствіе въ руки подрядчика, который въ одинъ прекрасный день могъ бы посадить насъ на мель, безъ одного куля фуража и провіанта? Оно очень хорошо поняло, что это самое выгодное средство, что иначе и быть не можетъ, тѣмъ болѣе, что со званіемъ командира связано безчисленное множество разныхъ мелочей, требующихъ постоянныхъ расходовъ. Нельзя же заставить командира жить такъ, какъ живетъ прапорщикъ, только-что выпущенный изъ корпуса. Въ 20–25 лѣтъ службы въ мелкихъ чинахъ, каждый изъ насъ убилъ послѣднюю копѣйку своего состоянія, если только оно было, дожилъ до сѣдыхъ волосъ, женился, завелась семья, которую онъ долженъ обезпечить; на все это нужны средства. Повѣрьте, что...

— Извините, я васъ перебью, вѣжливо сказалъ Александръ Ивановичъ! — Развѣ правительство должно входить въ наши семейныя дѣла? должно разбирать, есть ли у насъ дѣти, сколько ихъ, и можемъ ли мы ихъ обезпечить, не командуя батареею или полкомъ? и судя поэтому, не только сквозь пальцы смотрѣть на наши выходки, но еще потворствовать имъ? Если мы требуемъ такой къ намъ снисходительности, то кто же далъ намъ право быть до такой степени строгими къ становымъ и

подобнымъ имъ людямъ, которые заслуживаютъ гораздо бо́льшаго участія?... Вглядитесь-ка поглубже въ жизнь подобнаго человѣка; посмотрите по какимъ онъ, можетъ-быть, грязнымъ, мрачнымъ ступенямъ, дошелъ до тридцати-сорока лѣтъ жизни. Еще ребенкомъ,—едва началъ онъ понимать кое-что,—страшная нищета первая поразила его и съ тѣхъ поръ неотвязно преслѣдуетъ цѣлую жизнь. Я поручикъ, могу быть полковникомъ—батарейнымъ командиромъ, генераломъ—начальникомъ дивизіи, а онъ—становой и при самомъ большомъ счастьи всегда останется становымъ; а чуть судьба нахмурилась — онъ нищій.

— Что же? Изъ этого все-таки не слѣдуетъ, чтобы можно было ставить подъ одинъ уровень людей совершенно различныхъ и по положенію, и по образованію, словомъ, людей не имѣющихъ ничего общаго.

— Что такое положеніе, образованіе? Да развѣ все это даетъ намъ право дѣлать безнаказно разныя гадости? Или вы тоже того мнѣнія, что *порядочный*, *образованный* человѣкъ не можетъ быть бѣденъ и что какими бы то ни было путями, но средства должны явиться? Помилосердуйте, Бога ради, Ѳеофанъ Петровичъ!.. Главное, что мы удивительно можемъ похвастаться нашимъ образованіемъ, нéчего сказать!.....

— Я не знаю вашего мнѣнія, сказалъ Ѳеофанъ Петровичъ тономъ человѣка, желающаго прекратить разговоръ, — но мнѣ кажется, что первый признакъ образованія есть вѣжливость, деликатность и уваженіе, если не къ чинамъ, то хоть къ лѣтамъ людей, съ которыми находишься въ сношеніяхъ, и еще болѣе къ обществу, которое сдѣлало намъ честь принять насъ.

— Вы изволили, кажется, принять все, что̀ я говорилъ, на свой счетъ? Напрасно. Я вовсе не имѣлъ намѣренія оскорблять васъ, потому что, говоря о военныхъ вообще, я точно такъ же говорилъ о себѣ, какъ и о всякомъ другомъ.

— Нисколько, нисколько! — можете быть вполнѣ покойны; я поступилъ бы тогда совершенно иначе. Но я считаю обязанностью, какъ сослуживецъ и товарищъ, прекратить разговоръ, который дѣлается оскорбительнымъ для каждаго военнаго тѣмъ

болѣе, что разувѣрять васъ считаю совершенно потерею времени.

Съ этими словами Ѳеофанъ Петровичъ быстро ушелъ отъ насъ, стараясь всѣми силами придать своей плохо сдержанной злости видъ какого-то горделиваго равнодушія.

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ очень холоденъ со всѣми офицерами, а съ Александромъ Ивановичемъ и со мною, какъ свидѣтелемъ ихъ стычки, въ особенности. Наши разговоры съ нимъ возникали только по дѣламъ службы. Такъ прошло нѣсколько дней, и мы стали подходить къ Николаеву.

Станціи за двѣ, одинъ изъ ящичныхъ ѣздовыхъ взвода Александра Ивановича, соскучившись сидѣть на лошади, слѣзъ, и на томъ основаніи, что лошади привычныя — не надо-де и подъ уздцы вести, сами пойдутъ, — шелъ возлѣ колеса, безпечно постукивая рукояткой нагайки о спицы. Вдругъ заслышалось близкое жужжанье овода; ѣздовой встрепенулся, и всякій разъ какъ ненавистное для кавалеристовъ насѣкомое попадалось ему на глаза, употреблялъ всѣ средства, чтобъ пришибить его; но удачи не было. Оводъ то жужжалъ надъ одной лошадью, то надъ другой, то отлеталъ въ сторону и снова возвращался, то дерзко совался въ самое лицо ѣздовому и наконецъ усѣлся на спину подсѣдельной лошади. Ѣздовой подкрался къ нему со всевозможною осторожностью, обнажилъ тесакъ и плашмя ударилъ имъ врага своего чуть не изо всей мочи. Нападеніе его увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: отъ овода не осталось и слѣда, но шустренькая лошаденка, испуганная неожиданною услугой, рванула, ей дружно подхватили оба ея товарища, и тройка лихо унесла ящикъ, немилосердно тормоша его по кочкамъ и рытвинамъ вспаханаго поля. Вся батарея пришла въ волненіе: солдаты суетились, лошади ржали и нетерпѣливо подпрыгивали: казалось имъ стало завидно смотрѣть на вырвавшихся на волю ихъ сотоварищей. Офицеры дали шпоры своимъ лошадямъ и пустились догонять все быстрѣй и быстрѣй мчавшійся ящикъ.

— Поручикъ Гриминъ! поручикъ Гриминъ! — закричалъ Ловицкій, остановивъ батарею.

Александръ Ивановичъ вернулся.

Чрезъ нѣсколько времени, ящикъ былъ задержанъ и привезенъ на свое мѣсто. Въ батареѣ все пришло въ прежній поря-

докъ. Ѣздовой, получившій на мѣстѣ преступленія, по распоряженію Ѳеофана Петровича, 50 нагаекъ, сидѣлъ уже верхомъ и съ особенною заботливостью разбиралъ перепутавшіеся поводья. Мы снова тронулись.

— Что̀ васъ Ловицкій вѣрно распёкъ? спросилъ я Александра Ивановича, подъѣзжая къ нему.

— А еще бы! Никакъ не можетъ забыть нашего разговора; я ему теперь точно бѣльмо на глазу... Всѣ эти дни искалъ случая придраться ко мнѣ; наконецъ удалось. Жаль, что изъ-за такого животнаго придется разстаться съ товарищами... Приглашаетъ оставить батарею. — Иначе, говоритъ — я принужденъ буду просить начальника дивизіи избавить меня отъ васъ. Я давно убѣдился, что вы чрезвычайно нерадивы и небрежны въ исполненіи служебныхъ обязанностей, а въ военное время, на насъ, командирахъ, лежитъ слишкомъ много отвѣтственности, чтобы брать ее еще и за офицеровъ. Ни одно мое приказаніе не было вами никогда исполнено какъ должно. — Главное, что̀ его взбѣсило, это то, что когда онъ началъ слишкомъ возвышать голосъ, я попросилъ его говорить поприличнѣе... Не знаю, удастся ли мнѣ застать въ Николаевѣ бригаднаго командира, а то придется писать ему; лучше кабы на словахъ можно было покончить... Дѣлать нечего, любезный другъ, прибавилъ онъ, пожимая мнѣ руку, — приходится разставаться; а мы было такъ хорошо сошлись...

Я рѣшительно не могъ сказать ему ни слова, дотого мнѣ стало грустно. Онъ былъ единственный человѣкъ, съ которымъ я сблизился, котораго уважалъ и любилъ всей душой.

Мы ѣхали оба молча, въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, и выбрались наконецъ къ довольно крутому спуску въ оврагъ. Пришлось заняться своими взводами, а тамъ подошла и станція.

Въ Николаевѣ, батарею нашу ожидало приказаніе: тотчасъ по прибытіи, отправить одного офицера въ Севастополь, въ распоряженіе тамошняго начальника артиллеріи.

Какъ только Гриминъ узналъ объ этомъ, онъ собралъ насъ и просилъ не бросать жребія, кому ѣхать, какъ это обыкновенно дѣлалось въ такихъ случаяхъ, а позволить ѣхать ему.

— Сдѣлайте дружбу, господа, говорилъ онъ, — избавьте меня отъ объясненій съ начальствомъ. Вы еще молоды, право

успѣете досыта навоеваться, а я въ восемь лѣтъ службы былъ въ дѣлѣ всего одинъ разъ. Ловицкій противиться этому не станетъ, онъ будетъ радъ отдѣлаться отъ меня.

Мы согласились, и на другой день, передъ выступленіемъ батареи, дежурный фейерверкеръ принесъ намъ слѣдующій приказъ:

«По случаю откомандированія, вчерашняго числа, командира 3-го дивизіона и 6-го взвода, поручика Гримина, въ севастопольскій артиллерійскій гарнизонъ, въ командованіе сими частями предписываю вступить старшему по немъ, подпоручику Т....

Командиръ батареи полковникъ Ловицкій.»

Есть люди, которыхъ случай, будто нарочно, постоянно удаляетъ отъ всего, что̀ дѣлается вокругъ нихъ. Имъ ни въ чемъ не удается принять участія. Всѣ передряги жизни мелькаютъ мимо нихъ какъ тѣнь: люди эти всюду бросаются, но вездѣ опаздываютъ, отъ всѣхъ отстаютъ; и это не потому, чтобы они не были годны хоть на что-нибудь: вовсе нѣтъ, — просто случай распоряжается такъ оригинально. Они живутъ - не живутъ, придетъ развязка, и многимъ изъ нихъ, не вынесшимъ равно ничего, часто изъ огромнаго числа лѣтъ жизни, приходиться сказать себѣ: «мы пахали»!

Въ такомъ же родѣ случай распорядился и относительно нашей батареи. Прошло полтора года со дня переправы черезъ Дунай, — мы перебывали вездѣ, но всегда или до дѣла, или послѣ. Наконецъ пришло приказаніе идти въ Крымъ, и мы были твердо убѣждены, что настала наконецъ и наша очередь показать себя. Ни чуть не бывало. По приходѣ туда, насъ поставили верстахъ въ 40 отъ Перекопа, въ покинутый жителями татарскій аулъ Таай, гдѣ мы простояли слишкомъ два мѣсяца, утѣшаясь пріятнымъ ожиданіемъ что вотъ, не сегодня, такъ завтра, въ насъ явится надобность. — Я рѣшительно не въ силахъ передать отвратительнаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня этимъ ауломъ, когда остановясь и расположивъ паркъ у его окраины, мы отправились искать себѣ жилища.

Среди нескончаемой, гладкой до безобразія степи, тѣсно прижимались, одна къ другой, двадцать-тридцать полу-развалившихся, полу-сгнившихъ саклей, съ безобразными дырьями вмѣсто дверей и оконъ. Въ высохшемъ, единственномъ во

всемъ аулѣ колодцѣ, мы нашли лошадиный остовъ. Ни одного деревца, ни одного живаго существа, кромѣ огромныхъ крысъ, которыя, при появленіи нашемъ, цѣлыми стадами боязливо забѣгали по аулу. Отъ всего вѣяло чѣмъ-то мертвымъ, невольно приводящимъ въ отвратительное содраганье.

Но прошло нѣсколько дней. Трусливыя дрофы, которыя сначала прогуливались около самой окраины аула, стали отлетать все далѣе и далѣе, сакли задымились, чувствовался запахъ жженаго кизика, около новаго колодца появились всевозможныя кадки и бадьи, въ которыхъ солдаты мыли бѣлье, появилось даже, неизвѣстно откуда, нѣсколько куръ: словомъ, весь аулъ сталъ оживать, и мы сумѣли покойно, почти безропотно, прожить въ этой трущобѣ, до полученія, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о дѣлѣ на Черной рѣчкѣ, приказанія идти на одну изъ авангардныхъ позицій въ ущельѣ Бельбека. Походъ въ Таай остался намъ очень памятнымъ.

Офицеры разказывали мнѣ прежде, какъ, во время смотровъ, у нихъ, отъ выходокъ Ѳеофана Петровича, по ихъ выраженію, *болѣлъ завривокъ*.—Лошади, стоя мѣсяцъ или два — говорили они— на одномъ гарнцѣ овса и на пяти, много на десяти фунтахъ сѣна, слабли до невѣроятія. При подобной дачѣ фуража, ученій было, разумѣется, дѣлать невозможно, и лошади совершенно отвыкали отъ строя. — Вдругъ назначался смотръ, и лукавый Ѳеофанъ Петровичъ съ перваго же приготовительнаго ученья, начиналъ кричать: — Гг. офицеры! прошу день и ночь заниматься вашими взводами; иначе, если батарея будетъ въ такомъ видѣ на смотру, я вынужденъ буду сказать начальству, что это рѣшительно отъ вашего нерадѣнья. — Въ какой степени эти разказы справедливы — не знаю: смотровъ при мнѣ почти не было, но мнѣ удалось видѣть нѣчто подобное.

Нашъ отецъ-командиръ узналъ въ Херсонѣ, что первая станція отъ этого города шла по лиману Днѣпра, и что двѣ слѣдующія за тѣмъ были гористы и очень песчаны. По обыкновенію своему — не присутствовать при всѣхъ трудныхъ переходахъ — онъ сказался больнымъ и поручилъ вести батарею штабсъ-капитану. Мы прокопались на этомъ переходѣ около полуторыхъ сутокъ: постановка орудій и лошадей на неуклюжія баржи заняла очень много времени, а стихнувшій вѣтеръ

не давалъ намъ возможности подвигаться. Наконецъ мы коекакъ добрались до Алешекъ. Не имѣя права отступить отъ маршрута, мы должны были тотчасъ же идти далѣе, не смотря на то, что употреблено было на предыдущій переходъ слишкомъ полдня болѣе, нежели слѣдовало.—Тутъ начался рядъ мукъ для всей батареи. Худыя, безсильныя и, въ добавокъ, измученныя походомъ лошади были рѣшительно не въ состояніи тащить орудія по сыпучему, доходившему почти до ступицъ песку. Люди выбивались изъ силъ, чтобы помочь бѣднымъ животнымъ: все было не въ прокъ. Мы стали наконецъ припрягать къ орудійнымъ по 2 тройки ящичныхъ лошадей, и тутъ только коекакъ подвигались орудія на какихъ-нибудь полъ-версты, послѣ чего всѣ лошади отпрягались и возвращались назадъ за ящиками. Такъ бились мы на протяженіи 40 верстъ.

На пути встрѣтилось намъ два-три оврага, по отлогостямъ которыхъ приходилось спускать и подымать орудія. Работали при этомъ, разумѣется, люди, потому что ожидать большой помощи отъ измученныхъ клячь было бы напрасно, и одинъ изъ молодыхъ солдатъ воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы сломать себѣ руку, очень неудачно просунувъ ее между спицъ катившагося колеса. Это нисколько не побезпокоило Ѳеофана Петровича: онъ всю вину свалилъ на офицеровъ. — «Помилосердуйте, господа, сказалъ онъ, когда штабсъ-капитанъ доложилъ о случившемся несчастіи: — только заболѣлъ, отлучился одну станцію, ужь и несчастье; рѣшительно ни на кого положиться нельзя, просто срамъ,» — и на другой день донесъ объ этомъ командиру бригады, при чемъ послалъ и конфиденціальное письмо, въ которомъ излагалъ свое отчаяніе, что сильная болѣзнь не дала ему возможности быть при батареѣ, и просилъ вѣрить, что при немъ этого бы не случилось.

Интересно также, какъ герой нашъ продовольствовалъ батарею во время стоянки нашей въ Тааѣ; оно показываетъ, между прочимъ, до какой степени выгодно командованіе батареями и полками на этомъ *коммерческомъ правѣ*.

Аулъ Таай, какъ почти всѣ аулы сѣверо-западной части Крыма, съ появленіемъ союзныхъ войскъ, былъ покинутъ жителями, скрывшимися, по большей части, въ Евпаторіи. Разбѣжавшись, Татары оставили зарытыми въ землѣ всѣ свои

хлѣбные запасы. Это было узнано, и чрезъ нѣсколько дней послѣ нашего прихода явился чиновникъ провіантскаго вѣдомства, съ порученіемъ описать число этихъ ямъ, ихъ размѣры и приблизительное количество могущаго заключаться въ нихъ фуража. Ѳеофанъ Петровичъ увидѣлся съ нимъ, потолковалъ, говорятъ, будто бы далъ ему радужную бумажку, — и чиновникъ уѣхалъ, не найдя ровно ничего. Между тѣмъ положительно извѣстно, что во время всей стоянки Ѳеофанъ Петровичъ не купилъ ни одного зерна чего бы то ни было. Овса и ячменя въ ямахъ оказалось столько, что онъ могъ кормить всю батарею щедрою рукой въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, и при выступленіи, на всѣхъ орудіяхъ и ящикахъ лежали туго набитыя фуражемъ саквы; кромѣ того, найдено много кукурузы и пшена, что̀ пошло на продовольствіе солдатъ.

По части сѣна, Ѳеофанъ Петровичъ распорядился не менѣе хозяйственно. Травы въ степи было вдоволь, косцовъ не нанимать, и три колосальные стога, выростая одинъ за другимъ, заставляли его радостно потирать себѣ руки. Къ выступленію, онъ завелъ нѣсколько пароволовыхъ арбъ, съ помощью которыхъ всѣ три стога, явившіеся независимо отъ того, что̀ лошади съѣдали ежедневно, были перевезены на новую позицію.

(Справочныя цѣны въ то время были: на четверть овса 10 рубл. сер., на пудъ сѣна 95 к. сер.; въ батареѣ считалось болѣе 150 лошадей. Положивъ на каждую круглымъ числомъ по 3 гарнца овса и по 10 фунтовъ сѣна въ день, любопытные могутъ вычислить цыфру безгрѣшнаго дохода Ѳеофана Петровича въ эти два мѣсяца.)

Изъ авангарда, по прежнему не дождавшись дѣла, я былъ переведенъ на службу въ Петербургъ.

Передъ моимъ отъѣздомъ Ловицкій страшно суетился. Онъ былъ назначенъ командиромъ резервной бригады, куда-то внутрь Россіи. Приходилось сдавать батарею и ѣхать. Новый командиръ, молодой капитанъ, вовсе незнакомый съ батареею, хотѣлъ было принимать ее со всею строгостью, но и тутъ опытный штабъ-офицеръ сумѣлъ извлечь все, что̀ было возможно.

«Положитесь на меня, говорилъ онъ, — раскаяваться, право, не придется. Дѣло вотъ въ чемъ: по военному времени, теперь очень трудно найдти хоть одну батарею, въ которой не

было бы какихъ-нибудь хозяйственныхъ недостатковъ. Вамъ, новому командиру, надобно хлопотать о томъ, чтобы, кончись война сегодня, завтра у васъ батарея была бы опять смотровая. Я это очень хорошо понимаю... Наши командиры, которые сдавали намедни свои батареи, копались, копались и все-таки придали по 800 рублей, но мнѣ нѣкогда терять время и я рѣшился, если вы согласитесь, кончить короче. Хотите полторы тысячи?.. Подписывайте квитанцію, и дѣло въ шляпѣ.» — Капитанъ подумалъ и согласился.

Чрезъ нѣсколько времени объявлена была Ловицкому благодарность начальства за сдачу батареи въ 24 часа.

— Чтобъ тебя розорвало! говорилъ новый командиръ, читая приказъ: — была бы тебѣ благодарность, еслибъ я не былъ такимъ дурнемъ.

Когда послѣ знаменитаго штурма все уже поуспокоилось и войска наши начали устроиваться на сѣверной сторонѣ, я отправился туда искать Александра Ивановича, отъ котораго въ послѣднее время не получалъ извѣстій; но всѣ поиски мои остались тщетны: никто не могъ дать мнѣ о немъ свѣдѣній. Я отправился, наконецъ, въ штабъ. — Да что вы, батюшка, сказалъ мнѣ адъютантъ, къ которому я обратился за указаніями, — теперь такая сумотоха, что самъ чортъ ногу сломитъ: заѣзжайте денька черезъ четыре, можетъ-быть что-нибудь узнаете... — Я заѣхалъ и узналъ, что Гриминъ лежитъ въ симферопольскомъ госпиталѣ. Въ ночь передъ штурмомъ ему оторвало правую ногу выше колѣна.

Трудно было въ это время отыскать въ Симферополѣ кого-нибудь изъ раненыхъ. Они помѣщались въ самомъ госпиталѣ, въ палаткахъ, разбросанныхъ около него, въ частныхъ домахъ, словомъ, вездѣ, гдѣ было только возможно. Послѣ долгихъ странствованій по этому лабиринту страданій, отыскалъ я наконецъ Александра Ивановича. Ужь близость палаты, въ которой онъ лежалъ, отъ сарая, въ которомъ складывались тѣла, не предвѣщала мнѣ ничего хорошаго, а подойдя къ койкѣ раненаго, я убѣдился, что черезъ нѣсколько минутъ его не станетъ. На страшномъ, измученномъ лицѣ его можно было прочесть, какъ безбожно терзала его предсмертная лихорадка.

За нѣсколько времени до моего прихода онъ причастился и лежалъ съ тѣхъ поръ съ закрытыми глазами; два госпитальные служителя ожидали возможности вынести тѣло. Я долго стоялъ глядя на него. Вдругъ дыханье сдѣлалось чаще, лицо стало оживать, глаза открылись и остановились на мнѣ; видно было, что Александръ Ивановичъ узналъ меня. Губы его зашевелились, ему хотѣлось сказать что-то, но слово уже не было слышно... Онъ былъ мертвъ...

Это отрывокъ изъ записокъ, найденныхъ мною въ бумагахъ хорошаго моего знакомаго, артиллерійскаго офицера, умершаго съ полгода тому назадъ. Передается этотъ отрывокъ въ томъ видѣ, въ какомъ найденъ.

Н. Женнинъ.

ПРОЯВЛЕНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ ЗЕМЛИ НА ЕЯ ПОВЕРХНОСТИ.

Kosmos. Entwurf einer physischen Weltbeschreibung, von A. von Humboldt, *vierter Band. Stuttgard und Tübingen, 1858.*

—

Felix qui potuit rerum cognoscere causas!
Virg. Georg. II.
(Счастливъ, кому дано познать вещей причины!)

Высокая мысль Гумбольдтова «Космоса» заключается въ томъ, чтобъ обобщить, на сколько допускаетъ современное состояніе нашихъ знаній, разнообразныя дѣйствія силъ природы, — силъ, управляющихъ стройнымъ теченіемъ свѣтилъ въ отдаленныхъ міровыхъ пространствахъ и объусловливающихъ все многоразличіе явленій на поверхности нашей планеты, — и представить всѣ наблюдаемыя явленія вещественнаго міра въ одной общей стройной картинѣ. Эта попытка изобразить природу, какъ цѣлое, одушевленное единою внутренней жизнью, была попытка смѣлая. На нее могъ отважиться только тотъ, кто обладалъ основательными свѣдѣніями по всѣмъ отраслямъ естествознанія. Но отрывочнаго, хотя бы даже и всеобъемлющаго знанія явленій внѣшняго міра здѣсь было недостаточно: такое знаніе для будущей картины составляло только грубый матеріалъ, который подлежалъ обработкѣ. Для достиженія предназначенной цѣли надо было отвлечься отъ внѣшности явленія, представляя себѣ одну существенную его сторону; слѣдовало угадать взаимную связь фактовъ, соединить казавшееся на первый взглядъ безсвязнымъ, сформировать изъ наблюденій сначала отдѣльныя стройныя группы; потомъ, такъ какъ отдѣльныя группы не стоятъ въ природѣ разобщенно, независимо одна отъ другой, необходимо было терпѣливо вникать въ разнообразную взаимную игру силъ, лежащихъ въ основаніи каждаго ряда родственныхъ явленій и, идя такимъ образомъ послѣ-

довательно путемъ строгаго синтеза, размѣщать сказанныя группы одну возлѣ другой на основаніи дознанной винословной ихъ связи. Иначе различныя части картины представляли бы рѣзко разграниченные между собою, отдѣльные ландшафты, и общаго между ними была бы только ихъ внѣшняя связь — рамка картины.

Такимъ существеннымъ недостаткомъ отличается попытка старшаго Плинія, который хотѣлъ обнять и описать весь тѣлесный міръ въ одномъ сочиненіи. Его физическое мірооописаніе (Historia naturalis) представляетъ въ самомъ дѣлѣ большое разнообразіе предметовъ, но въ то же время обличаетъ въ авторѣ и неумѣнье справиться съ ихъ обиліемъ: онъ хлопоталъ единственно о томъ, чтобы собрать по возможности всю массу тогдашнихъ свѣдѣній, не подвергая добытые факты строгому разбору и не заботясь объ ихъ относительномъ значеніи и связи между собой. «Передъ разумнымъ мужемъ, пишетъ Александръ фонъ-Гумбольдтъ, носилась цѣлостная великая картина; но развлеченный частностями, при недостаткѣ собственнаго живаго созерцанія природы, онъ не сумѣлъ остановить передъ собой этой картины. Исполненіе осталось несовершеннымъ: не столько по причинѣ поверхностнаго знакомства съ излагаемыми предметами и часто полнаго ихъ незнанія (мы можемъ судить объ этомъ по его выпискамъ изъ тѣхъ сочиненій, которыя и теперь еще для насъ доступны), сколько по ошибкамъ въ распредѣленіи всего творенія.» Большее знаніе дѣла, съ которымъ была предпринята другая попытка подобнаго рода знаменитымъ философомъ семнадцатаго вѣка Декартомъ, ручалось за болѣе успѣшное исполненіе предпріятія. Но задуманному Декартомъ плану обширнаго сочиненія, которое онъ намѣренъ былъ озаглавить «*Міръ*» (Le Monde), не суждено было исполниться, и потомство получило въ наслѣдство только нѣсколько отрывковъ этого сочиненія.

Величественная картина цѣлаго мірозданія, въ неясныхъ очертаніяхъ представлявшаяся воображенію ученыхъ мужей древности, возможно яснымъ образомъ сознана въ своихъ подробностяхъ и исполнена только въ настоящее время геніемъ Гумбольдта. — Щедро надѣленный отъ природы духовными дарами, онъ, какъ бы въ благодарность за эту щедрость съ ея стороны, посвятилъ всю свою жизнь ея изученію. Еще юношей, еще раньше своего американскаго путешествія, онъ обнаружилъ многостороннее съ нею знакомство цѣлымъ рядомъ сочиненій, касавшихся различныхъ отдѣловъ естественныхъ наукъ. Можетъ-быть уже въ то время запало въ душу его предчувствіе стройности вселенной въ разнообразныхъ ея частяхъ, которое потомъ никогда его не покидало. Во время пяти-лѣтняго путешествія по Америкѣ, разнообразіе видѣнной имъ природы, при об-

ширномъ горизонтѣ созерцанія, поневолѣ должно было вызвать сравненіе разнородныхъ наблюденій, которое въ свою очередь привело его къ отыскиванію ихъ взаимной связи и породило въ умѣ его болѣе глубокіе и болѣе общіе взгляды на дѣйствія внѣшнихъ силъ; а вслѣдствіе этого, смутный дотолѣ образъ цѣлостности всего мірозданія началъ у него проясняться, принимая въ умѣ его болѣе опредѣлительные очерки.

Ни одна ученая экспедиція, ни въ прежнее, ни въ послѣдующее время, не доставила такого неимовѣрнаго богатства собранныхъ матеріаловъ и наблюденій, какъ Гумбольдтово путешествіе по Америкѣ. Не достало бы цѣлой жизни одного человѣка для приведенія въ систематическій порядокъ такого обильнаго запаса научныхъ данныхъ; а потому Гумбольдтъ пригласилъ для этой цѣли нѣкоторыхъ, тогда извѣстныхъ, парижскихъ ученыхъ. Но не смотря на соединенный трудъ ихъ, разработка всего, въ теченіе пяти-лѣтняго путешествія накопившагося матеріала, продолжалась цѣлую четверть столѣтія. Однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ этого обширнаго труда было основаніе новыхъ, дотолѣ неизвѣстныхъ, наукъ: климатологіи, гидрографіи, метеорологіи, растительной географіи, и проч. Все богатство свѣдѣній, которымъ владѣлъ теперь великій натуралистъ, укрѣпило въ немъ убѣжденіе въ строгой послѣдовательности и непреложной законности всего совершающагося во внѣшнемъ мірѣ передъ взорами наблюдателя; весь міръ предсталъ передъ его живымъ воображеніемъ, какъ единый организмъ, отдѣльныя части котораго одушевлены общею внутреннею жизнью, не смотря на разнородныя проявленія этой жизни подъ вліяніемъ взаимнаго дѣйствія космическихъ дѣятелей. Путешествіе его по Европейской Россіи и Сибири въ 1829 году, въ сопровожденіи Эренберга и Густава Розе, ближе познакомило его съ иной физіономіей неорганической природы и съ иными климатическими условіями органической жизни на землѣ, совершенно противоположными тѣмъ, которыя онъ имѣлъ случай наблюдать въ тропическихъ странахъ Америки. Все это, способствуя постепенному обобщенію его научныхъ взглядовъ на отношенія внѣшнихъ явленій, приготовляло осуществленіе задуманнаго имъ колоссальнаго плана—начертать величественную картину всего громаднаго зданія вселенной. Мысль, которую великій ученый, по собственному его признанію, питалъ въ продолженіи цѣлаго полувѣка, осуществилась наконецъ съ появленіемъ первой части «Космоса» (въ 1844 году).

Все твореніе Гумбольдта, какъ извѣстно, представляетъ два различные отдѣла: *первый* заключаетъ въ себѣ общее описаніе всѣхъ явленій тѣлеснаго міра въ формѣ цѣлостной картины и за тѣмъ исто-

рію отраженій этой картины въ духѣ человѣческомъ, исторію постепеннаго образованія идеи о космосѣ, или міроустройствѣ; содержаніемъ же *втораго* отдѣла служатъ частности и подробности тѣхъ научныхъ данныхъ и наблюденій, изъ которыхъ выработались общія черты предыдущей картины природы. Послѣдній отдѣлъ составляетъ *третья* часть «Космоса», которая занимается подробнымъ изложеніемъ современнаго ученія о явленіяхъ въ небесной (уранологической) сферѣ, и появившаяся въ нынѣшнемъ году *четвертая* часть, исключительно посвященная такимъ явленіямъ, которыя принадлежатъ земной (теллурической) области. Въ первомъ отдѣленіи четвертой части, вслѣдъ за опредѣленіемъ величины, формы и плотности земнаго сфероида и за изслѣдованіемъ внутренняго распредѣленія планетной теплоты, изложены: исторія ученія о магнитныхъ явленіяхъ на земной поверхности и, съ особенною полнотой, современное состояніе этого отдѣла физическаго землеописанія.

Тихое, затаенное дѣйствіе невѣдомой силы земли обнаруживается вліяніемъ ея на магнитную, свободно вращающуюся стрѣлку, которая, вслѣдствіе такого вліянія, пріобрѣтаетъ опредѣленное постоянное направленіе, указывая на точки сѣвера и юга. Первое приложеніе магнитной *направляющей* силы къ опредѣленію мѣстности, сначала во время путешествій на сушѣ, а потомъ и при мореплаваніяхъ, мы находимъ у Китайцевъ въ самой глубокой древности; отъ нихъ уже употребленіе компаса перешло къ сосѣднимъ народамъ — Персамъ и Аравитянамъ, а наконецъ съ удивительнымъ свойствомъ маленькой стрѣлки, повинующейся таинственному вліянію, познакомились и Европейцы, но только не раньше, какъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ. Въ то время, какъ компасъ принялъ въ свое завѣдываніе европейскія моря, Китайцы знали уже одинъ изъ элементовъ магнитной дѣятельности, производящій *склоненіе* стрѣлки съ меридіана мѣста, и умѣли измѣрять количество этого склоненія. Свѣдѣніе объ этомъ элементѣ, естественно вмѣстѣ съ компасомъ, перенесено было и въ мореплавательное искусство береговыхъ обитателей Средиземнаго моря и Атлантики. Здѣсь измѣненіе склоненія, или — короче — отклоненіе, служившее весьма важнымъ основаніемъ для опредѣленія мѣста корабля въ открытомъ морѣ, сдѣлалось предметомъ тщательныхъ наблюденій; оно было измѣряемо и наносимо на карты. Когда въ 1492 году Колумбъ открылъ замѣчательную *линію безъ склоненія*, находящуюся въ $2^1/_2$ градусахъ къ востоку отъ острова Корво, одного изъ острововъ Асорскаго архипелага, и замѣтилъ, что по обѣ стороны этой линіи стрѣлка отклонялась въ противоположныя стороны (по одну сторону отклоненіе было восточнымъ, а по другую западнымъ), то онъ на-

веденъ былъ этимъ обстоятельствомъ на мысль о возможности находить *долготу* мѣстъ помощію величины склоненія, или посредствомъ положенія варіаціонныхъ линій, представляющихъ измѣненіе этого элемента въ различныхъ точкахъ земной поверхности. Въ 1530 г. космографъ Алонсо де-Санта-Крусъ начерталъ первую общую *варіаціонную карту* (то-есть карту отклоненій магнитной стрѣлки), хотя основываясь конечно на весьма несовершенныхъ наблюденіяхъ. Причину полярнаго соединенія магнитныхъ линій склоненія приписывали тогда существованію высокой магнитной горы вблизи полюсовъ. Такимъ образомъ до конца шестнадцатаго столѣтія оставались при одномъ знаніи только этого явленія горизонтальныхъ уклоненій стрѣлки отъ географическаго меридіана, когда наконецъ въ 1576 году былъ открытъ и измѣренъ Робертомъ Норманномъ второй элементъ магнитной силы — *наклоненіе*. Первое основаніе воззрѣнія на магнитизмъ земнаго шара принадлежитъ началу семнадцатаго вѣка: въ 1600 году Вилльямъ Гильбертъ издалъ сочиненіе «Physiologia nova de Magnete», въ которомъ онъ въ первый разъ высказалъ мнѣніе о магнитномъ состояніи земли и сообщительной силѣ земнаго магнитизма, приписывая послѣдней происхожденіе полюсовъ въ вертикальномъ желѣзномъ прутѣ на крестѣ старыхъ церковныхъ башенъ. Потомъ въ теченіе всего этого столѣтія особенное рвеніе къ наблюденіямъ, при возрастающей мореходной дѣятельности, способствовало къ распространенію познанія магнитныхъ линій склоненія. Корнелій Схоутенъ открылъ въ 1616 году въ Южномъ морѣ новую линію, на которой склоненіе равнялось нулю. Галлей, обозначившій собою важную эпоху въ исторіи земнаго магнитизма, начерталъ теорію *четырехъ магнитныхъ полюсовъ* — по два въ каждомъ полушаріи, одинъ *сильнѣйшій*, а другой *слабѣйшій* — гдѣ, по его мнѣнію, сходились линіи одинаковаго склоненія; такимъ образомъ онъ допускалъ существованіе четырехъ точекъ, въ которыхъ наклоненіе стрѣлки составляло 90°. Совершивъ въ 1698, 1699 и 1702 годахъ три морскія путешествія, и достигши во время одного изъ нихъ до 52° по ту сторону экватора, онъ издалъ общую карту магнитныхъ измѣненій, на которой точки, имѣвшія одинаковое склоненіе, были соединены кривыми линіями. Важная сама по себѣ, эта карта имѣла еще значеніе, представляя исходныя точки сравненія для позднѣйшихъ теоретическихъ изслѣдованій поступательнаго движенія такъ-называемыхъ изогоническихъ линій (то-есть линій одинаковаго склоненія). Слѣдующее столѣтіе ознаменовалось открытіемъ *часовыхъ періодическихъ перемѣнъ склоненія* (имъ наука обязана продолжительнымъ наблюденіямъ Граама въ Лондонѣ) и изслѣдованіемъ вліянія временъ года

на эти измѣненія, также обращеніемъ особеннаго вниманія на *наклоненіе* стрѣлки и первой попыткой изобразить на картѣ систему изоклиническихъ линій (то-есть линій одинаковаго наклоненія). Но самымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ для будущей теоріи земнаго магнитизма было открытіе въ это время *разнообразнаго* въ различныхъ мѣстахъ земной поверхности *напряженія* магнитной силы, измѣряемаго числомъ качаній вертикальной стрѣлки въ магнитномъ меридіанѣ; первое знакомство съ важнымъ закономъ измѣненій напряженія соразмѣрно магнитной широтѣ принадлежитъ ученой экспедиціи Ла Перуза. Наконецъ самую блистательную эпоху въ послѣдовательномъ развитіи ученія о магнитизмѣ земнаго сфероида составляетъ протекшая половина девятнадцатаго столѣтія. Въ это время усовершенствованіе снарядовъ и способовъ наблюденія, многочисленныя и обширныя морскія экспедиціи, сухопутныя путешествія, предпринятыя съ цѣлью точнѣе изслѣдовать магнитныя явленія во внутренности материковъ, учрежденіе множества магнитныхъ обсерваторій въ обоихъ полушаріяхъ, физическіе опыты надъ отношеніемъ земной магнитной силы къ электричеству, лучистой теплотѣ и свѣту, — опыты ближе знакомящіе наблюдателей съ свойствомъ магнитной силы, — все это одновременно подвинуло впередъ всѣ части сказаннаго ученія, доставило возможность по значительному количеству численныхъ опредѣленій трехъ элементовъ — напряженія, наклоненія и склоненія — глубже проникнуть въ законность проявленій магнитной силы и приготовило матеріалы для начертанія строго-математической *теоріи земнаго магнитизма* Фридрихомъ Гаусомъ.

Не смотря на многосложность и запутанность разнообразныхъ проявленій магнитнаго состоянія земнаго тѣла на его поверхности, внутренняя связь, существующая между ними, позволяетъ сгруппировать ихъ въ три класса, которые обнимаютъ измѣненія въ склоненіи, наклоненіи и напряженіи всей силы. При объективномъ представленіи магнитной дѣятельности должно обращать вниманіе на измѣнчивость ея элементовъ относительно *пространства* и *времени*; въ послѣднемъ случаѣ различаютъ измѣненія съ короткимъ и длиннымъ періодомъ (суточныя, годовыя и вѣковыя).

Магнитное состояніе земнаго сфероида, какъ выше замѣчено, обнаруживается вліяніемъ его на магнитную стрѣлку, вслѣдствіе котораго стрѣлка пріобрѣтаетъ постоянное направленіе къ полюсамъ сфероида. Но это направленіе не совпадаетъ совершенно съ меридіанною линіею въ данномъ мѣстѣ, и образуетъ съ нею извѣстный уголъ, величина котораго неодинакова въ различныхъ точкахъ поверхности. Величина этого угла, средняя между крайними предѣлами часовыхъ перемѣнъ

склоненія, опредѣляетъ положеніе *магнитнаго меридіана* въ отношеніи къ географическому, которое въ свою очередь ведетъ къ познанію системы *изогоническихъ линій.* Наблюдая склоненіе стрѣлки въ различныхъ мѣстахъ на земной поверхности, замѣтили, что въ однихъ стрѣлка отклоняется отъ географическаго меридіана къ востоку, а въ другихъ къ западу, и если наблюдатель будетъ переходить изъ перваго мѣста во второе, то увидитъ, что восточное склоненіе постепенно измѣняется въ западное. При переходѣ онъ долженъ встрѣтить такую точку, въ которой стрѣлка укажетъ прямо на полюсъ земли, направляясь вдоль меридіанной линіи; слѣдовательно въ этомъ мѣстѣ магнитный и географическій меридіаны совпадаютъ между собой и склоненіе стрѣлки здѣсь равно нулю. Линія, соединяющая такія точки, называется *линіею безъ склоненія.* Все, что до сихъ поръ извѣстно о положеніи изогоническихъ линій, позволяетъ предполагать существованіе трехъ различныхъ системъ этихъ линій, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою линію безъ склоненія, не находящуюся въ прямой связи ни съ какой другой подобной линіей. Эти системы суть *атлантическая*, *австрало-азіатская* и система *Южнаго моря.* Атлантическая линія безъ склоненія, точно опредѣленная Сабиномъ въ 1840 году, начинается подъ 70° южн. шир. и 21° зап. долг. и имѣетъ общее направленіе отъ ЮЮВ. къ ССЗ; около мыса Фріо она вступаетъ на бразильскій берегъ и, покидая потомъ южно-американскій материкъ почти подъ экваторомъ, который пересѣкается ею подъ 50° 6' зап. долг., касается берега Сѣверной Каролины въ широтѣ 34° 50' и около 76° 30' зап. долг. Далѣе, во внутренности сѣверной Америки она продолжаетъ свой путь въ сѣверо-западномъ направленіи до 41° $^1/_2$ ш. Другая линія безъ склоненія, принадлежащая австрало-азіатской системѣ, не прослѣдима непрерывно по всей своей длинѣ, и до сихъ поръ могутъ быть названы только отдѣльныя ея вѣтви. Начало этой линіи замѣчено подъ 62° ш. въ южномъ полушаріи къ западу отъ Ванъ-Дименовой Земли; отсюда, прорѣзывая западную часть Австраліи, она входитъ въ Индѣйскій архипелагъ, гдѣ измѣняя нѣсколько разъ направленіе, она наконецъ теряется, такъ что неизвѣстно — вступаетъ ли она на азіатскій материкъ между Камбейскимъ заливомъ и Гузуратомъ (или западнѣе въ заливѣ Маскатскомъ) и соединяется тамъ съ западною азіатскою вѣтвію, которая, начавшись въ сѣверной части Каспійскаго моря, тянется въ сѣверо-западномъ направленіи недалеко отъ Нижняго Новгорода въ русскую Лапландію; или она продолжается непрерывно въ восточную азіатскую вѣтвь, то-есть изъ Индѣйскаго моря сначала вступаетъ между Борнео и Малаккой въ Японское море, а отсюда уже черезъ

Курильскій архипелагъ и Охотское море проникаетъ въ восточную Азію и, огибая такимъ образомъ восточную яйцевидную группу концентрическихъ линій склоненія, тянется къ сѣверо-восточному краю Байкальскаго озера? Наконецъ третью замкнутую систему изогоническихъ линій составляетъ овальная группа Южнаго моря, принадлежащая всею своею площадью океану и большею своею частью южному полушарію. Она наименѣе изслѣдована.

Кромѣ упомянутыхъ изогоническихъ линій на земномъ глобусѣ проводятся еще другія магнитныя линіи — *изоклиническія* и *изодинамическія*, выражающія пространственныя измѣненія остальныхъ двухъ элементовъ магнитной силы: наклоненія и напряженія. Если приготовимъ такую магнитную стрѣлку, которой оба конца будутъ имѣть совершенно одинаковый вѣсъ, то заставивши ее обращаться около горизонтальной оси, проходящей чрезъ ея средину, мы получимъ инструментъ (inclinatorium), который будетъ опредѣлять наклоненіе. Вооружась этимъ приборомъ, ученые измѣрили подъ различными широтами уголъ, который стрѣлка образуетъ съ горизонтальною плоскостью; если соединить тѣ точки, въ которыхъ уголъ наклоненія имѣетъ равную величину, то получится система *изоклиническихъ линій*, которыя располагаются по поверхности земнаго шара въ смыслѣ параллелей. Меньшую величину угла наклоненія представляютъ линіи, лежащія вблизи экватора; по мѣрѣ же удаленія отъ него къ полюсамъ величина упомянутаго угла постепенно возрастаетъ, и наконецъ въ извѣстныхъ точкахъ горизонтальная стрѣлка принимаетъ совершенно отвѣсное положеніе, и уголъ, образуемый его съ горизонтальною плоскостью, дѣлается тогда равнымъ 90°. Такихъ точекъ *двѣ* на земной поверхности: одна изъ нихъ находится въ сѣверномъ полушаріи и называется *сѣвернымъ магнитнымъ полюсомъ*; а другая, въ противоположномъ полушаріи, носитъ названіе *южнаго магнитнаго полюса*. Точное опредѣленіе положенія перваго полюса и приблизительное втораго принадлежитъ предпріимчивому мореходцу Джемсу Россу, который нашелъ сѣверный полюсъ подъ 70° 5' сѣв. ш. и 99° 5' зап. долг.; до южнаго же полюса онъ не могъ проникнуть по причинѣ окружающихъ его неприступныхъ льдовъ; но на основаніи многихъ точныхъ наблюденій надъ склоненіемъ должно полагать, что онъ находится внутри большаго антарктическаго материка южной Викторіи. Въ сосѣдствѣ съ экваторомъ замѣченъ рядъ точекъ, на которыхъ уголъ, образуемый стрѣлкою съ горизонтомъ, равенъ нулю; эти точки принадлежатъ линіи, носящей названіе *магнитнаго экватора*, который непараллеленъ географическому. Наблюденія Гумбольдта во время его американскаго путешествія, Сабина (въ 1822 году), Дюперрея во

время его кругосвѣтнаго путешествія (въ 1823—1825 г.), Роше д'Эрикура (1842—1845) и капитана Элліота (1846—1849), способствовали опредѣленію положенія этой линіи въ различныхъ ея частяхъ. Изъ этихъ опредѣленій слѣдуетъ, что линія безъ наклоненія пересѣкаетъ географическій экваторъ въ двухъ точкахъ, именуемыхъ *узлами*. Одинъ изъ узловъ лежитъ въ Атлантическомъ океанѣ на меридіанѣ $3^{0}\,{}^{1}/_{2}$ вост. долг., а другой въ Тихомъ океанѣ подъ 175° вост. долг.; поэтому разстояніе между ними неравно въ обоихъ направленіяхъ. Черезъ африканскій узелъ магнитный экваторъ переходитъ въ южное полушаріе и въ предѣлахъ Атлантическаго океана достигаетъ наибо́льшаго своего удаленія (16°) отъ линіи равноденствій; въ этомъ полушаріи онъ проходитъ чрезъ американскій материкъ и въ Южномъ морѣ постепенно приближается къ земному экватору; потомъ, пересѣкши экваторъ около Гильбертовскихъ острововъ, вступаетъ въ сѣверное полушаріе, въ которомъ и продолжаетъ свое шествіе черезъ Индѣйское море и африканскій материкъ.

Третій родъ магнитныхъ линій — линіи *изодинамическія* или равнаго напряженія *, которыя представляютъ распредѣленіе всей магнитной силы по поверхности земнаго шара, означая перемѣны ея напряженія. Находящаяся въ тропическомъ поясѣ линія наименьшаго напряженія соединяетъ тѣ точки магнитныхъ меридіановъ, въ которыхъ степень проявленія силы наислабѣйшая. Эта кривая линія (динамическій экваторъ), опоясывая своими разнообразными извилинами землю, дѣлитъ ее на два магнитныя полушарія; положеніе ея, не совпадающее съ положеніемъ магнитнаго экватора, изслѣдовано только на незначительномъ протяженіи: Са́бинъ на своей изодинамической картѣ Атлантическаго океана изобразилъ ея направленіе отъ африканскаго берега до восточнаго берега Америки, и на всемъ этомъ пространствѣ она находится къ югу отъ земнаго экватора. По опредѣленію Адольфа Эрмана, величина наименьшаго напряженія въ упомянутомъ океанѣ выражается числомъ 0,7062; при чемъ за единицу сравненія принимается напряженіе, которое Гумбольдтъ опредѣлилъ въ одной изъ точекъ магнитнаго экватора, на пересѣченіи его съ Андской цѣпью подъ 7° 2' южн. шир. и 81° 8' зап. долг.; относительно же математической, неизмѣняемой единицы, предложенной Гаусомъ, величина наименьшаго напряженія равна 5,35. По обѣ стороны динамическаго экватора напряженность возрастаетъ въ каждомъ полушаріи по мѣрѣ приближенія къ магнитнымъ полюсамъ; но точки наибольшей величи-

* По Дюперрею эти линіи перпендикулярны къ магнитнымъ меридіанамъ, такъ что положеніемъ послѣднихъ опредѣляется и положеніе первыхъ.

ны ея не совпадаютъ съ послѣдними, какъ этого можно было бы ожидать: напротивъ, онѣ найдены въ различныхъ разстояніяхъ отъ полюсовъ вращенія и магнитныхъ. Изъ двухъ *фокусовъ*, или точекъ наибольшей магнитной силы въ сѣверномъ полушаріи, *сильнѣйшій* (американскій) лежитъ въ широтѣ — 52°19' и въ долготѣ 94°20' къ зап. отъ перваго меридіана, и другой, *слабѣйшій* (сибирскій) — около 70 сѣв. шир. и подъ 117°41' вост. долготы. Вѣроятное мѣстонахожденіе южныхъ фокусовъ опредѣлено изъ наблюденій надъ напряженіемъ магнитной силы, доставленныхъ экспедиціями въ антарктическія полярныя страны Джемза Росса, Мура и Кларка. Одинъ изъ южныхъ фокусовъ (сильнѣйшій) назначенъ Сабиномъ въ шир. — 64° и на меридіанѣ 135°10' вост. долг.; другой (слабѣйшій), по предположенію Джемза Росса, лежитъ недалеко отъ южнаго магнитнаго полюса. Степень напряженія въ обоихъ южныхъ фокусахъ болѣе, нежели въ сѣверныхъ; въ сильнѣйшемъ изъ южныхъ фокусовъ она достигаетъ величины по крайней мѣрѣ 2,06 (или 15,60 относительно Гаусовой единицы), а въ первомъ сѣверномъ только 1,878 (или по Гаусу 14,21). Такимъ образомъ отношеніе между наименьшей напряженностью магнитной силы (на динамическомъ экваторѣ) и наибольшей ея величиной (въ фокусахъ) почти равно 1 : 3.

Таково распредѣленіе земнаго магнитизма относительно пространства, выраженное тремя упомянутыми системами линій—изодинамическихъ, изоклиническихъ и изогоническихъ. Но оно не остается постоянно одинаковымъ, а измѣняется съ теченіемъ времени; вслѣдствіе чего и магнитныя линіи подвержены послѣдовательнымъ перемѣщеніямъ. Это перемѣщеніе совершается непрерывно съ востока на западъ, такъ что, можетъ-быть по прошествіи извѣстнаго періода, магнитныя линіи, сдѣлавши полный оборотъ вокругъ земли, возвратятся на свои прежнія мѣста, чтобъ оттуда снова начать другой кругъ обращенія. Положеніе африканскаго узла, то-есть точки пересѣченія магнитнаго экватора съ земнымъ, въ 1837 году означено на 0°40' вост. долг., между тѣмъ какъ въ 1825 году онъ лежалъ на меридіанѣ 4°35' къ востоку; стало-быть въ промежутокъ между этими годами весь магнитный экваторъ подвинулся почти на 4° къ западу, а вслѣдствіе этого, мѣсто, въ которомъ наклоненіе стрѣлки равнялось нулю, на западномъ африканскомъ берегу подалось нѣсколько къ сѣверному полюсу; на противоположномъ же берегу Америки точку, означавшую прежде вступленіе линіи *безъ наклоненія* на материкъ, должно уже искать далѣе къ югу. Наблюденія надъ наклоненіемъ стрѣлки на восточномъ берегу Африки подтвердили это западное передвиженіе узла. Движеніе замѣчено также и въ полюсахъ: сѣверный магнитный полюсъ повиди-

мому движется отъ запада къ востоку, а южный въ обратномъ восточно-западномъ направленіи [1]). Чтожь касается до линій равнаго склоненія, то онѣ передвигаются къ западу, и въ различныхъ частяхъ своихъ весьма неравномѣрно, иногда же въ нѣкоторыхъ точкахъ остаются чрезвычайно долгое время неподвижными. Западно-азіатская линія *безъ склоненія*, пересѣкавшая въ 1716 году Тобольскъ, постепенно подаваясь къ западу, прошла чрезъ Екатеринбургъ и Казань къ Нижнему Новгороду, около котораго [2]) была наблюдаема въ 1829 году; слѣдовательно въ 113 лѣтъ передвинулась на $24^3/_4{}^0$. Точно также *линія безъ склоненія*, найденная Колумбомъ въ 1492 г. вблизи Асорскаго архипелага, отодвинулась теперь въ западную часть Атлантическаго океана.

До сихъ поръ разсмотрѣно было проявленіе магнитнаго состоянія земнаго шара на его поверхности; если теперь захотимъ справиться съ наблюденіями касательно вліянія высоты воздушныхъ слоевъ и различной глубины во внутренности земнаго черепа на проявленія магнитной силы, то узнаемъ, что всѣ до сихъ поръ произведенныя на этотъ счетъ наблюденія не приводятъ ни къ какому положительному результату. Впрочемъ должно замѣтить, что полученіе точныхъ выводовъ затрудняется здѣсь, какъ по причинѣ разнообразныхъ условій мѣстности и разнородности горныхъ породъ, такъ и отъ вліянія на магнитность термическаго состоянія высокихъ воздушныхъ слоевъ и ихъ сравнительно меньшей плотности, а слѣдовательно и меньшаго количества содержащагося въ нихъ кислорода, обладающаго, по изслѣдованію Фарадэ, парамагнитнымъ свойствомъ. Вслѣдствіе этого наблюдаемыя измѣненія магнитныхъ элементовъ могутъ быть ошибочно приписаны высотѣ и глубинѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ подобныя измѣненія не свойственны, пожалуй, ни той, ни другой. Ненадежные и часто противорѣчащіе другъ другу результаты, полученные изъ наблюденій Гумбольдта, Купфера, Форбеса, Ложье, Мовѐ, Мартенса, Бравѐ, Кетле и Бордье надъ вліяніемъ высоты на магнитность, требуютъ многократныхъ повторительныхъ изслѣдованій для вѣрной оцѣнки упомянутаго вліянія. Воздушныя путешествія на аэростатахъ въ состояніи удалить въ этомъ случаѣ побочныя вліяющія причины, которыя заключаются въ мѣстныхъ условіяхъ и свойствѣ горныхъ толщъ; сдѣлавши притомъ нужныя поправки, требуемыя вліяніемъ охлажденія на магнитъ, можно надѣять-

---

[1]) Основываясь на извѣстныхъ до сихъ поръ наблюденіяхъ надъ движеніемъ полюсовъ, нельзя положительно сказать, сдѣлаютъ ли они полный оборотъ около полюсовъ вращенія, или будутъ двигаться до извѣстнаго предѣла въ одномъ направленіи, а потомъ примутъ обратное направленіе.

[2]) На параллели 56° и въ долготѣ 40° 40′ между Озабликовымъ и Досхинымъ.

ся достичь въ извѣстной степени вѣрныхъ указаній насчетъ распредѣленія магнитной силы въ воздушной области.

Перейдемъ теперь къ періодическимъ измѣненіямъ элементовъ земнаго магнитизма. Они, какъ сказано, бываютъ суточныя, годовыя и вѣковыя. Многочисленныя наблюденія, произведенныя надъ ними въ обоихъ полушаріяхъ, доказываютъ несомнѣнную связь ихъ съ обращеніемъ земли около своей оси и вокругъ солнца. При этихъ періодическихъ измѣненіяхъ между *главными* крайними ихъ *предѣлами* должно различать въ большей части случаевъ еще другіе *меньшіе* предѣлы, въ промежуткѣ которыхъ замѣчаются малыя колебанія элементовъ около нормальнаго ихъ состоянія, при чемъ уклоненіе достигаетъ *второстепенныхъ maximum* и *minimum*. Эпохи, въ которыя суточныя измѣненія достигаютъ наибольшихъ и наименьшихъ величинъ (главныхъ и второстепенныхъ), не только не одинаковы для различныхъ элементовъ, но и для одного и того же элемента не совершенно совпадаютъ между собой, и это несовпаденіе простирается иногда (впрочемъ весьма рѣдко) даже до того, что въ одномъ мѣстѣ наибольшая величина измѣненія случается почти въ то же время, когда въ другомъ мѣстѣ это измѣненіе достигаетъ наименьшаго своего предѣла: такъ напримѣръ на мысѣ Доброй Надежды наклоненіе бываетъ наименьшимъ почти въ тотъ же часъ, когда въ Гобарт-тоунѣ, на Ванъ-Дименовой Землѣ, стрѣлка показываетъ его maximum.

Суточныя измѣненія магнитной напряженности, тщательно изслѣдованныя въ среднихъ широтахъ, обозначаются приращеніемъ ея съ утра до вечера; при этомъ, достигши около 6 часовъ по полудни наибольшей величины, напряженіе начинаетъ уменьшаться и къ 9 часамъ утра дѣлается наименьшимъ: такое измѣненіе замѣчено напримѣръ на гобарт-тоунской магнитной станціи (42° 53' южн. шир.). Слѣдовательно здѣсь напряженіе бываетъ только одинъ разъ наибольшимъ и одинъ разъ наименьшимъ; между тѣмъ какъ въ Торонто (въ Канадѣ 43° 39' сѣв. шир.) въ продолженіи 24 часовъ оно подвергается двойному колебанію между *главными* maximum и minimum (6 часовъ и 14 час.) и *второстепенными* (20 час. и 22 час.). При сравненіи наблюденій, сдѣланныхъ въ сѣверномъ и южномъ полушаріяхъ, оказалось, что магнитное напряженіе въ обоихъ сильнѣе въ то время, когда солнце совершаетъ свое движеніе мимо южныхъ зодіакальныхъ знаковъ, то-есть съ октября по февраль мѣсяцъ, когда слѣдовательно оно находится въ ближайшемъ разстояніи отъ земли. Это обстоятельство представляетъ одинъ изъ тѣхъ примѣровъ, которые доказываютъ, что солнце вліяетъ на земной магнитизмъ не теплотой, а другимъ путемъ — (причину этого вліянія, можетъ-быть слѣдуетъ искать въ магнитномъ

состоянiи солнечнаго тѣла),—потому что, по замѣчанiю Сабина, перiодическiя измѣненiя земнаго магнитизма не согласуются съ перiодическими измѣненiями температуры воздуха и верхнихъ слоевъ земной коры. Небольшое число наблюденiй надъ вѣковою убылью напряженiя произведено въ Торонто (1845—1849) и Берлинѣ (1806 и 1832.) — Въ противоположномъ смыслѣ съ вышеописанными суточными перемѣнами напряженiя происходятъ одноименныя перемѣны наклоненiя: именно, въ эпоху наименьшаго напряженiя (утромъ) уголъ, образуемый стрѣлкой съ горизонтальной плоскостью, приблизительно бываетъ наибольшiй, и на оборотъ — то-есть къ вечеру, когда напряженiе, постепенно увеличиваясь, достигаетъ своего maximum, уголъ наклоненiя дѣлается наименьшимъ. Часы, означающiе возвратное движенiе вертикальной стрѣлки между крайними предѣлами наклоненiя, въ различныхъ мѣстахъ различны; при этомъ должно замѣтить, что эпохи наибольшихъ величинъ представляютъ большее согласiе между собой и болѣе постоянны, нежели эпохи наименьшихъ. Относительно перемѣнъ наклоненiя по времени года, замѣчена противоположность между обоими полушарiями: наклоненiе сильнѣе въ лѣтнiе мѣсяцы, каждаго изъ нихъ, и слабѣе въ зимнiе. Годовая убыль наклоненiя, наблюдаемая въ однихъ мѣстахъ, напримѣръ въ Лондонѣ (2,73 съ 1821 по 1838 г.), въ Парижѣ (3,69—среднее между измѣненiями съ 1798 по 1851 г.) и проч., такъ же какъ и неравномѣрная прибыль его, замѣченная въ другихъ странахъ: на Отаити (0',51), въ Казани, Саратовѣ, Астрахани, и проч., опредѣляютъ вѣковое измѣненiе этого элемента.

Суточныя колебанiя горизонтальной стрѣлки около ея нормальнаго направленiя (вдоль магнитнаго меридiана даннаго мѣста) представляютъ два противоположные типа въ обоихъ магнитныхъ половинахъ земнаго шара. Величина дуги колебанiя не во всѣхъ широтахъ одинакова: въ высшихъ широтахъ она больше, тогда какъ въ низшихъ замѣчено значительное уменьшенiе въ количествѣ часовыхъ перемѣнъ склоненiя; въ первыхъ величина склоненiя простирается иногда отъ $1^1/_2{}^0$ до 6 и 7 *градусовъ*, а между поворотными кругами она едва достигаетъ такого же количества *минутъ*. Наибóльшую правильность представляетъ суточное движенiе стрѣлки въ среднихъ широтахъ по обѣ стороны экватора. Во всемъ сѣверномъ магнитномъ полушарiи на среднихъ его параллеляхъ конецъ стрѣлки, одноименный съ ближайшимъ полюсомъ, около $8^1/_4$ часовъ утра ($20^1/_4$ час.) показываетъ наибольшее уклоненiе къ востоку. Начиная съ этого часа стрѣлка двигается въ западномъ направленiи до $1^3/_4$ часа по полудни, около котораго достигаетъ своего крайняго западнаго предѣла суточнаго колебанiя. Отсюда она снова обращается въ востоку и, придя въ первоначальное

положеніе около 12 или 13 час., или остается неподвижною въ продолженіи цѣлой ночи, или между полуночью и раннимъ утромъ совершаетъ второе *малое движеніе* къ западу и потомъ назадъ къ востоку. Въ среднихъ широтахъ южнаго полушарія стрѣлка въ своемъ суточномъ ходѣ слѣдуетъ противоположному направленію: тамъ южный конецъ ея съ утра до полудня идетъ съ востока на западъ; вслѣдствіе чего сѣверный конецъ въ тотъ же періодъ совершаетъ движеніе отъ *запада* къ *востоку*. Часы, означающіе возвратное движеніе южной стрѣлки отъ крайнихъ точекъ ея часоваго склоненія, приблизительно совпадаютъ съ подобными же эпохами сѣверной стрѣлки. Въ Гобарт-тоунѣ (42° 53' южн. шир.) сѣверный конецъ стрѣлки съ 20 час. или 21 час. до 2 часовъ постепенно отклоняется къ востоку, потомъ съ 2 до 11 часовъ идетъ немного къ западу; съ 11 до 15 час. опять къ востоку и съ 15 до 20 час. обратно къ западу. Противоположная перемѣна склоненія въ обоихъ магнитныхъ полушаріяхъ и то обстоятельство, что величина его въ экваторіальномъ поясѣ значительно меньше, нежели въ среднихъ и полярныхъ широтахъ, заставили Гумбольдта предполагать существованіе мѣстности, которая лишена часовыхъ перемѣнъ въ склоненіи. Но новѣйшія наблюденія, отвергая подобное предположеніе, привели къ неожиданному открытію въ южномъ магнитномъ полушаріи такихъ мѣстъ, въ которыхъ въ различное время года замѣчаются попеременно типическія движенія того и другаго полушарія. Такое явленіе представляетъ напримѣръ островъ Св. Елены: здѣсь конецъ стрѣлки, указывающій на сѣверный полюсъ, съ мая по сентябрь имѣетъ одинакое движеніе съ сѣверной стрѣлкой, а съ октября по февраль тотъ же конецъ утромъ (8 час.) показываетъ maximum западнаго склоненія и во весь день слѣдуетъ измѣненіямъ, которыя наблюдаются въ Гобарт-тоунѣ; время равноденствій означаетъ переходные періоды отъ одного движенія къ другому. Западное отклоненіе при суточномъ колебаніи стрѣлки въ сѣверномъ полушаріи бываетъ больше въ лѣтніе его мѣсяцы, нежели въ зимніе, которые составляютъ эпоху наибо́льшихъ измѣненій по другую сторону магнитнаго экватора. Чтоже касается до вѣковыхъ періодическихъ перемѣнъ склоненія въ различныхъ точкахъ земной поверхности, то должно замѣтить, что подобныя перемѣны и обусловливаютъ упомянутое выше неравномѣрное перемѣщеніе всей системы изогоническихъ линій отъ востока къ западу. Вмѣстѣ съ описанными правильными измѣненіями, которымъ періодически подвержены элементы земнаго магнитизма, давно уже замѣчено было *неправильное движеніе* горизонтальной и — рѣже — вертикальной магнитной стрѣлки. Это необыкновенное возмущеніе въ склоненіи

приписывали сначала особенному состоянію самой стрѣлки, и только въ 1741 году Олавъ Гіортеръ и Цельсіусъ, длиннымъ рядомъ наблюденій въ Упсалѣ, подтвердили предположеніе Галлея о связи его съ явленіемъ сѣвернаго сіянія. Это странное явленіе такъ-называемыхъ *магнитныхъ грозъ*, иногда только мѣстное, чаще же замѣтное въ одно время на весьма значительномъ пространствѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже на всей земной поверхности, было съ особенною тщательностью наблюдаемо Гумбольдтомъ и Ольтмансомъ въ Берлинѣ въ 1806 и 1807 годахъ. Ихъ наблюденія сопровождались измѣреніями длины этихъ неправильныхъ *колебаній*, болѣе или менѣе сильныхъ. Въ большей части случаевъ, при сильныхъ магнитныхъ грозахъ, средина дуги размаха представляла поступательное движеніе въ одну сторону (къ востоку или западу); при чемъ Сабинъ впослѣдствіи замѣтилъ правильность, съ которою возмущенія въ обоихъ полушаріяхъ причиняли усиленное восточное или западное склоненіе. Со времени устройства магнитныхъ обсерваторій, въ обоихъ полушаріяхъ накопилось огромное количество данныхъ, опредѣляющихъ разнообразныя проявленія магнитной дѣятельности на многихъ пунктахъ земной поверхности. Подвергнувъ тщательному разбору тѣ изъ нихъ, которыя касаются сказанныхъ возмущеній въ нормальномъ ходѣ магнитныхъ стрѣлокъ, Сабинъ пришелъ къ заключенію: что эти возмущенія принадлежатъ къ періодически возвращающимся явленіямъ (по преимуществу ночью и около времени равноденствій), которыя имѣютъ замѣтную связь съ обращеніемъ земли около оси и положеніемъ солнца на эклиптикѣ, а слѣдовательно и не могутъ болѣе считаться случайными. Сверхъ того, онъ же замѣтилъ, что не только число возмущеній, но и средняя величина всего склоненія съ 1843 года по 1848, слѣдовательно въ продолженіи 5 лѣтъ, постоянно возрастала; подобное же увеличеніе представляли и періодическія перемѣны въ наклоненіи и напряженіи. Наблюденія въ Мюнхенѣ, Геттингенѣ и Кремсмюнстерѣ показали, что средняя величина суточныхъ перемѣнъ склоненія, увеличиваясь въ теченіи пяти лѣтъ, въ слѣдующія за тѣмъ пять лѣтъ постепенно убываетъ и къ концу ихъ достигаетъ наименьшей величины. Этотъ замѣчательный десятилѣтній періодъ, представляемый фазами магнитныхъ элементовъ, обнаруживаетъ согласіе съ другимъ подобнымъ же періодомъ, открытымъ г-мъ Швабе относительно появленія пятенъ въ свѣтящейся атмосферѣ солнечнаго тѣла; а согласіе обоихъ періодовъ доставляетъ новый фактъ, подтверждающій вліяніе центральнаго тѣла нашей планетной системы на магнитизмъ земли.

По причинѣ дознаннаго тѣснаго соотношенія возмущенности часо-

ваго хода магнитной стрѣлки съ сѣвернымъ сіяніемъ, это полярное изліяніе свѣта почитается нѣкотораго рода тихимъ разраженіемъ магнитной грозы, означающимъ ея окончаніе; имъ какъ бы возстановляется нарушенное равновѣсіе въ распредѣленіи земнаго магнитизма, подобно тому, какъ возстановленіе нарушеннаго равновѣсія въ воздушномъ электричествѣ сопровождается развитіемъ свѣта въ видѣ молніи. Видоизмѣненіе магнитной земной дѣятельности во время полярнаго сіянія доказывается несомнѣннымъ его вліяніемъ на всѣ три магнитные элемента; это вліяніе, распространяющееся одновременно на весьма далекое пространство, высказывается неравномѣрно во всѣхъ элементахъ и сверхъ того разнообразится по силѣ взрыва: замѣчено, что при усиленномъ развитіи свѣта, напряженіе магнитности уменьшается. Сѣверное сіяніе, видѣнное въ Альфордѣ (57°15' ш.) 20 декабря 1829 года, замѣтно дѣйствовало въ одно и то же время на склоненіе, наклоненіе и напряженіе въ Берлинѣ, во Фрейбургѣ, Петербургѣ, Казани и Николаевѣ. Подобными наблюденіями оправдывается давно высказанное Галлеемъ предположеніе, что полярный свѣтъ есть магнитное явленіе, и такое связное пониманіе фактовъ находитъ себѣ опору въ одномъ изъ открытій Фарадэ, именно въ произведеніи свѣта магнитными силами. Съ другой же стороны, при настоящемъ состояніи нашихъ физическихъ знаній, утверждаемая винословная связь этого блистательнаго, въ различныхъ частяхъ своихъ подвижнаго, явленія съ метеорологическимъ процессомъ образованія тончайшаго перистаго облачка остается до сихъ поръ загадочною. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ частяхъ предлагаемаго ученія, разъясненіе темныхъ вопросовъ ожидается отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, производимыхъ въ настоящее время на многочисленныхъ обсерваторіяхъ обоихъ полушарій.

Представивъ краткій обзоръ магнитныхъ явленій, мы должны перейдти къ такимъ, которыхъ источникъ предполагается въ центральномъ огнѣ нашей планеты.

(До слѣдующей книжки.)

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

Франція.

—

Зерномъ, изъ котораго выросла нынѣшняя внутренняя политика Франціи, были событія 1848 года, которыя никакъ не должно упускать изъ виду, когда идетъ рѣчь объ этой политикѣ. Въ Парижѣ, этой неугомонной лабораторіи человѣческихъ идей, общественное мнѣніе, подготовленное осьмнадцатилѣтнимъ правленіемъ Лудовика-Филиппа, провозгласило Францію республикой. Подъ вліяніемъ парижскаго большинства всѣ совершеннолѣтніе граждане Франціи призваны были къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, чрезъ всеобщую подачу голосовъ. Такому радикальному нововведенію естественно пришлось бороться съ величайшими препятствіями. Вопервыхъ, партіи, пробужденныя въ 1848 году, никакъ не хотѣли отказаться отъ своихъ притязаній; вовторыхъ, многочисленное сельское населеніе во Франціи вовсе не было готово къ сознательному принятію республики; наконецъ, — и это главное — къ политическому вопросу присоединился соціальный, который чаялъ найдти себѣ немедленное разрѣшеніе. Понятно, что при всѣхъ этихъ условіяхъ, Франціи пришлось дорого поплатиться за тѣ слишкомъ прогрессивныя надежды, осуществленіе которыхъ достается не вдругъ, а достигается шагъ за шагомъ.

Республика, какъ извѣстно, не могла устоять. Она пробудила такъ много противорѣчивыхъ интересовъ, справедливыхъ опасеній, несбыточныхъ надеждъ, она породила столько разочарованій, что значительная часть народа охладѣла къ ней, какъ не оправдавшей себя формѣ правленія. Побѣжденныя партіи

надѣялись-было воспользоваться этимъ, чтобы снова устроить такой порядокъ вещей, который по возможности приближался бы къ прежнему, оказавшемуся такъ явно несостоятельнымъ въ 1848 году. Онѣ все еще были убѣждены, что этотъ 1848-й годъ не болѣе какъ вспышка, что онъ въ сущности не можетъ имѣть никакихъ серьёзныхъ и продолжительныхъ послѣдствій. Такъ думаютъ многіе до сихъ поръ, упрекая Францію въ легкомысліи и неспособности къ политической свободѣ. А между тѣмъ, въ настоящее время, по прошествіи десяти лѣтъ, уже можно ясно прослѣдить цѣпь событій, связывающихъ 1848 годъ съ 1858-мъ. Разрозненные интересы, всплывшіе наружу вслѣдствіе февральской революціи, интересы значительнаго большинства буржуазіи и рабочаго класса, при ультра-демократическомъ направленіи общественной жизни, прямо вели Францію къ диктатурѣ, то-есть къ такому порядку вещей, въ которомъ диктоторъ, опираясь на всеобщую подачу голосовъ, гарантировалъ бы по возможности интересы того и другаго класса. Вотъ почему всеобщая подача голосовъ необходима теперь для всякаго правительства во Франціи; вотъ почему, даже и преслѣдуя собственные династическіе интересы, нынѣшнее правительство не упускаетъ ни одного случая дѣйствовать въ интересахъ массъ, опираться на ихъ сочувствія. Волею или неволей, оно испытываетъ на себѣ неотразимое вліяніе 1848 года. Династическіе интересы бонапартизма и соединенныя съ нимъ условія пройдутъ, какъ все случайное и временное; но не пройдетъ то, что диктатура дѣлаетъ для народа; не пройдетъ безслѣдно и та внутренняя работа, которая теперь совершается во Франціи, очевидно не сочувствующей ни, чьимъ бы то ни было, династическимъ интересамъ, ни ретроградным стремленіямъ побѣжденныхъ партій.

Понятно, что первое впечатлѣніе, произведенное переворотомъ 2-го декабря на всю либеральную партію въ Европѣ, было безнадежно. Самые умѣренные приверженцы прогресса могли призадуматься надъ цѣлымъ рядомъ неотвязчивыхъ вопросовъ. Въ первую минуту разочарованія и скорби, имъ казалось, что погибло все дѣло европейской цивилизаціи, что по какому-то новому, еще непонятному историческому закону, Европа возвращается къ варварству. Но въ подобныхъ случаяхъ на пер-

вомъ впечатлѣніи нельзя остановиться безнаказанно; дальнѣйшія событія возбуждаютъ новыя впечатлѣнія, сближеніе и повѣрка которыхъ снова обращаетъ насъ къ дѣйствительности, къ признанію неотъемлемыхъ правъ ея, къ пониманію духа времени и народныхъ стремленій, пробивающихъ себѣ новые, болѣе соотвѣтственные имъ пути, хотя бы и засоренные на первыхъ порахъ мусоромъ старыхъ обломковъ.

Намъ казалось не лишнимъ предпослать эти объясненія изложенію нынѣшней внутренней политики французскаго правительства, тѣмъ болѣе, что намъ приходится начать съ покушенія 14-го января, которое побудило правительство прибѣгнуть къ усиленію своей диктатуры новыми строгими мѣрами, между прочимъ раздѣленію Франціи на нѣсколько военныхъ округовъ, каждый съ значительными силами, ввѣренными начальству маршаловъ, и къ переименованію министерства внутреннихъ дѣлъ *въ министерство внутреннихъ дѣлъ и общественной безопасности*. Это министерство тогда же было ввѣрено суровому генералу Эспинасу, который впрочемъ не могъ долго удержаться на своемъ постѣ. Правительство само увидѣло, что зашло слишкомъ далеко, и по прошествіи пяти мѣсяцевъ, не видя новыхъ покушеній, ввѣрило министерство, но уже безъ нововведеннаго прибавленія: *и общественной безопасности*, извѣстному юристу Деланглю. Эта перемѣна тотчасъ возбудила во Франціи понятныя надежды. «Для такого просвѣщеннаго народа, каковъ нашъ, проникнутаго до костей равенствомъ, освобожденнаго нѣсколькими революціями отъ произвольной опеки отдѣльныхъ лицъ и привилегированныхъ классовъ, сказано въ Revue des Deux Mondes, извѣстные вопросы тогда только могутъ быть разрѣшены удовлетворительно, когда надъ ними работаетъ общественное мнѣніе, приготовленное полною гласностью, закаленное самыми откровенными и свободными преніями. Правительство нашего времени, какова бы ни была форма его, обладаетъ жизненными силами лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно проникаетъ въ общественное мнѣніе и само проникается имъ. Горючій матеріалъ политической жизни, называемый преніемъ, не можетъ быть затушенъ и погаснуть безнаказанно. Это паразилировало бы общественную и политическую жизнь, произвело бы разноголосицу между направленіемъ

правительства и инстинктивнымъ скрытымъ движеніемъ общественнаго мнѣнія, смутныя безпокойства, глухое неудовольствіе, и потомъ внезапныя, безпорядочныя вспышки, разрушительные взрывы. Конечно, многіе во Франціи испугались, послѣ 1848 года, того постояннаго изслѣдованія, тѣхъ постоянныхъ преній, которымъ журналы и трибуна подвергали всѣ вопросы, и сочли долгомъ требовать, въ видахъ общественной безопасности, нѣсколькихъ лѣтъ молчанія для нашего отечества. Но мы, съ своей стороны, не удивились бы ни мало, еслибъ въ прежнихъ любителяхъ молчанія вскорѣ пробудилось противоположное мнѣніе; мы не удивились бы, еслибъ молчаніе, которымъ они уже могли насладиться до-сыта, въ свою очередь сдѣлалось для нихъ предметомъ смущенія и опасеній, и еслибъ сами они стали искать въ правильныхъ и постоянныхъ преніяхъ болѣе здраваго и дѣйствительнаго обезпеченія нравственному и общественному порядку.»

Этими словами одного изъ наиболѣе уважаемыхъ и самостоятельныхъ органовъ общественнаго мнѣнія во Франціи, вполнѣ объясняется смыслъ назначенія г. Делангля, какъ бы ни казались незначительны уступки, сдѣланныя свободѣ до сихъ поръ. Общественное мнѣніе благосклонно встрѣтило такую перемѣну по двумъ причинамъ: вопервыхъ, она явный знакъ прекращенія чрезмѣрно усиленной диктатуры; вовторыхъ, самый характеръ назначеннаго лица служитъ нѣкоторымъ залогомъ болѣе правильнаго, гражданскаго порядка вещей. Дѣйствительно, первыя распоряженія г. Делангля возбудили общее одобреніе. Новый министръ дозволилъ во Франціи доселѣ запрещенную газету Indépendance Belge, и разрѣшилъ публичную продажу на улицѣ нѣкоторыхъ французскихъ журналовъ, которымъ это было запрещено не задолго передъ тѣмъ. Сюда же относятся сужденія о перемѣнѣ министра, помѣщенныя въ газетахъ, преданныхъ правительству и подающія нѣкоторыя надежды. Между прочимъ статьи бонапартистской газеты Patrie обратили на себя общее вниманіе во Франціи, особенно статья о политической отвѣтственности нынѣшняго правительства передъ общественнымъ мнѣніемъ. Согласно съ конституціей 1852 года, газета Patrie конечно не признаетъ никакихъ посредствующихъ учрежденій между главою государства и обществомъ; но

на это ей справедливо замѣчаютъ, что даже въ томъ случаѣ, если политическая жизнь Франціи подчинена взаимнодѣйствію двухъ только силъ — правительственной и общественной, то и тогда развитіе этой жизни невозможно безъ свободнаго и искренняго проявленія общественнаго мнѣнія въ журналахъ. Впрочемъ газета Patrie и сама считаетъ стѣснительными тѣ полицейскія правила, которымъ подчинены журналы въ настоящее время, то-есть шесть лѣтъ спустя послѣ переворота 2-го декабря. Она прямо говоритъ, что желаетъ журналистикѣ большей свободы. «Именно о возстановленіи, хотя бы постепенномъ, этой свободы необходимо позаботиться теперь, сказано по этому поводу въ Revue des Deux Mondes. Всѣ интересы требуютъ этого. Въ современныхъ обществахъ журналы играютъ ту же роль, какую въ мірѣ матеріальномъ средства быстраго сообщенія, которыми такъ пользуется промышленность: журналистика — двигатель свѣдѣній, идей и преній, которыми питается общественный духъ. Можно ли долго осуждать умы на бездѣйствіе, когда тѣла увлечены столь быстрымъ движеніемъ? Можно ли препятствовать свободному обмѣну мыслей, когда произведенія матеріальнаго міра такъ быстро обращаются въ обществѣ? Мы не думаемъ этого. Правильно понятые интересы власти тѣсно связаны съ пробужденіемъ общественнаго мнѣнія и правильнымъ ходомъ публичныхъ преній. Власть, отвѣтственная передъ общественнымъ мнѣніемъ, должна находить въ этомъ мнѣніи какъ опору, такъ и спасительныя преграды.»

Все это не новость, скажутъ нѣкоторые; Франціи безпрестанно приходится начинать съ начала. Но такое мнѣніе, какъ оно ни остроумно, въ сущности едва ли вѣрно. Кто можетъ доказать на основаніи исторической логики, положительныхъ данныхъ и событій, что послѣ переворота 2-го декабря Франція возвратилась къ временамъ Людовика XIV; что 1848 годъ не оставилъ по себѣ никакого вліянія въ народѣ; что переворотъ 2-го декабря не имѣлъ и не имѣетъ никакого другаго значенія, кромѣ личнаго и случайнаго, хотя бы помимо воли заинтересованныхъ въ немъ лицъ; что всеобщая подача голосовъ, въ какой бы то ни было формѣ, не имѣетъ будущности, тому и книги въ руки. Но признаемся, намъ было бы трудно

согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Мы думаемъ, что между пробужденіемъ общественнаго духа Франціи въ 1814, въ 1830 г. и между нынѣшними надеждами журналистики есть существенная разница; что уровень потребностей и идей въ массѣ народа послѣдовательно возвышался съ переходомъ отъ одной изъ указанныхъ нами эпохъ къ другой, и что, слѣдовательно, Франція собственно не начинала сначала, а продолжала. При поверхностномъ или одностороннемъ обсужденіи событій, это не замѣтно; но стóитъ хотя нѣсколько вникнуть въ дѣло, чтобы убѣдиться, что нѣтъ возможности отрицать дѣйствительнаго прогресса во Франціи, какъ бы онъ ни былъ прикрытъ временными обстоятельствами самаго края и личнымъ предубѣжденіемъ его судей.

Къ числу признаковъ, обѣщающихъ благопріятную перемѣну во внутренней политикѣ французскаго правительства, относятъ назначеніе принца Наполеона министромъ Алжиріи и колоній. Принцъ Наполеонъ извѣстенъ своимъ либеральнымъ образомъ мыслей, который, повидимому, до сихъ поръ не позволялъ ему играть дѣятельную роль въ управленіи Франціей. Какъ бы въ оправданіе надеждъ, возбужденныхъ его назначеніемъ, принцъ Наполеонъ произнесъ въ Лиможѣ замѣчательную рѣчь, которая принята съ одобреніемъ во всей Европѣ. Рѣчь произнесена при раздачѣ наградъ за мѣстную промышленную выставку центральныхъ департаментовъ Франціи, устроенную городомъ Лиможемъ и департаментомъ Верхней-Вьенны по собственному побужденію. Принцъ Наполеонъ указалъ на пользу и значеніе подобныхъ предпріятій, какъ скоро они вызываются мѣстными потребностями, безъ всякаго побужденія со стороны центральной власти, при содѣйствіи одного общественнаго мнѣнія, съ помощію только мѣстныхъ денежныхъ средствъ. «Наше національное единство, выработанное въ теченіе вѣковъ и утвержденное революціей, сказалъ онъ, не можетъ подвергнуться ни малѣйшей опасности отъ крайняго развитія индивидуализма или мѣстнаго духа. Не въ этомъ опасность, а скорѣе въ противоположномъ стремленіи, еслибы оно развилось до крайности. Дѣйствительно, мы всего болѣе должны опасаться поглощенія индивидуальныхъ силъ общею, замѣны гражданъ правительствомъ во всѣхъ актахъ обществен-

ной жизни, ослабленія личной иниціативы подъ опекой чрезмѣрной административной централизаціи. Желательно было бы, чтобы граждане, переставая разсчитывать на вмѣшательство и благосклонность государства, гордились умѣньемъ обходиться собственными силами и основывали успѣхъ своихъ предпріятій на собственной энергіи и силѣ общественнаго мнѣнія. Смѣю думать, что еслибы къ нашему политическому единству, источнику нашего могущества, составляющему предметъ удивленія и нерѣдко предметъ страха для сосѣдей, мы умѣли присоединить ту силу, которая возбуждается самодѣятельностью лицъ и свободныхъ обществъ, то въ нашемъ отечествѣ осуществились бы великія дѣла, указанныя безсмертными гражданами 1789 года.»

Эта прекрасная мысль, вполнѣ современна во Франціи, гдѣ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ представителей отжившихъ партій, графъ Манталамберъ, исполненный благороднаго негодованія на существующій порядокъ, еще недавно съ завистью указывалъ на аристократическую и потому гораздо менѣе централизованную Англію. Появленіе рѣчи принца Наполеона въ «Монитёрѣ» показываетъ во всякомъ случаѣ, что правительство хорошо понимаетъ современныя потребности Франціи и повидимому готовится удовлетворить имъ. Трудно было бы согласить прогрессивную мысль принца Наполеона съ тою мыслью, которая внушила правительству нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ слишкомъ диктаторскую мѣру продажи недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ благотворительнымъ заведеніямъ, для обращенія вырученныхъ суммъ въ государственныя ренты. Всю массу этихъ имуществъ оцѣниваютъ въ 500 милл. фр. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, многія изъ нихъ не даютъ соотвѣтственнаго своей цѣнности дохода: онъ не превышаетъ, среднимъ числомъ, 2 процентовъ. Проценты употребляются для благотворительныхъ цѣлей, и потому было бы очень важно увеличить ихъ ради общей пользы. Правительство нашло нужнымъ предписать префектамъ, и черезъ префектовъ административнымъ коммиссіямъ, управляющимъ имуществами благотворительныхъ учрежденій, озаботиться продажею этихъ имуществъ и обращеніемъ вырученныхъ денегъ въ трехпроцентныя государственныя ренты, которыхъ биржевой курсъ около 70 и которыя дали бы,

слѣдовательно, болѣе 4 процентовъ на употребленный капиталъ. Прибѣгая къ такой мѣрѣ, правительство конечно имѣло въ виду какъ дѣйствительную пользу бѣдныхъ и дурное управленіе многими имуществами, такъ и возвышеніе курса государственныхъ фондовъ, то-есть усиленіе собственнаго кредита. Худо было то, что оно приступило къ ней не законодательнымъ, а административнымъ порядкомъ, тогда какъ тутъ замѣшанъ былъ вопросъ о *правѣ* благотворительныхъ учрежденій на имущества. Ожидая сопротивленія со стороны административныхъ коммиссій, правительство предписало префектамъ употребить власть тамъ, гдѣ нельзя будетъ подѣйствовать убѣжденіемъ. Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ Эспинасъ, разослалъ циркуляры ко всѣмъ префектамъ въ этомъ смыслѣ; но идея эта принадлежитъ не ему, ибо задолго до назначенія его, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ было приступлено къ составленію проекта, который только при немъ рѣшено было привести въ исполненіе. Эта мѣра имѣетъ въ свою пользу много основательныхъ поводовъ, и оппозиціонныя газеты Presse и Siècle сильно поддерживали ее. Управленіе недвижимымъ имуществомъ, какъ скоро оно не составляетъ собственности того, кто управляетъ имъ, всегда сопряжено съ большими невыгодами и потерями; безпрерывная отчетность и привычка къ рутинѣ не позволяютъ извлекать изъ имущества тотъ доходъ, который извлекло бы изъ него частное лицо, непосредственно заинтересованное въ его процвѣтаніи. Ошибка правительства собственно заключалась въ томъ, что оно слишкомъ круто принялось за это полезное дѣло. Тонъ циркуляра, разосланнаго генераломъ Эспинасомъ, показываетъ, что правительство желало немедленно приступить къ повсемѣстному исполненію своего плана, и притомъ во что бы то ни стало. Между тѣмъ, этотъ планъ, вообще заслуживающій одобренія, требовалъ нѣкоторыхъ частныхъ ограниченій, согласныхъ съ мѣстными условіями. Государство, какъ высшій опекунъ благотворительныхъ заведеній, владѣющихъ недвижимостью, можетъ, въ видахъ благоразумія и предусмотрительности, настоять, чтобъ тѣ изъ нихъ, которыя управляются дурно, сдѣлали болѣе выгодное употребленіе изъ своихъ имуществъ. Многія благотворительныя заведенія владѣютъ небольшими участками

земли, обработка которыхъ стоитъ дорого, а даетъ незначительный доходъ. Цѣнность всѣхъ такихъ участковъ во Франціи не превышаетъ 100 милл. фр. Съ нихъ-то и слѣдовало начать, чтобы не слишкомъ раздражить приверженцевъ нынѣшней системы управленія благотворительными заведеніями. Въ противномъ случаѣ, предложеніе недвижимыхъ имуществъ превысило бы спросъ на нихъ, и пришлось бы ихъ продешевить; а усиленное требованіе на государственныя ренты подняло бы курсъ послѣднихъ на биржѣ. Говорятъ, нѣкоторые уже поспѣшили запастись этими рентами, чтобъ съ выгодой продать ихъ благотворительнымъ заведеніямъ. Само правительство поняло эти неудобства, и исполненіе предписанной имъ мѣры было вскорѣ пріостановлено. Диктатура можетъ быть всесильна во Франціи ради общаго блага, но она должна быть особенно осторожна въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ общественное мнѣніе чутко подозрѣваетъ примѣсь династическаго интереса.

По извѣстнымъ вопросамъ внутренней политики, въ которыхъ правительство успѣло соединить осторожность съ настойчивостью, оно достигло уже нѣкоторыхъ, можно сказать, неожиданныхъ результатовъ. Такъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстно пристрастіе французской фабричной и горнозаводской промышленности къ системѣ охранительныхъ пошлинъ. При той господствующей роли, какую играла высшая буржуазія въ царствованіе Людовика-Филиппа, французскій тарифъ не поддавался даже самымъ умѣреннымъ совѣтамъ современной науки; только нынѣшнее правительство, опирающееся на большинство потребителей, нашло возможность постепенно, но постоянно понижать пошлины на многіе изъ главныхъ предметовъ общественнаго потребленія, каковы каменный уголь, желѣзо, и т. д. Зато и успѣхи французской торговли въ послѣднія восемь лѣтъ — поистинѣ изумительны, и ни одна страна, кромѣ, разумѣется, всемірной торговки—Англіи, не представляетъ подобнаго развитія въ такой сравнительно-короткій срокъ. Въ 1847 году цѣнность всего ввоза во Францію не превышала 1,290 милліоновъ франковъ, а цѣнность вывоза составляла только 1,049 милліоновъ; въ слѣдующемъ году, по случаю революціи, ввозъ уменьшился до 708 милліоновъ, вывозъ до 926 милліоновъ франк.; но уже въ 1856-мъ и тотъ и другой возрасли

до 2,740,900,000 франковъ, такъ что оборотъ всей внѣшней торговли Франціи простирался до громадной суммы 5,481,800,000 франковъ, и хотя начавшійся въ 1857 году всеобщій коммерческій кризисъ нѣсколько понизилъ эту цыфру въ слѣдующій періодъ времени [1]), быстрое развитіе французской промышленности и торговли не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. «Атеней» имѣлъ уже случай указать на не менѣе замѣчательное возрожденіе французскаго флота,—возрожденіе, котораго начало принадлежитъ другому правительству, но которое такъ успѣшно довершается теперь. Надо быть слѣпымъ, чтобъ не видать всю важность этого возрожденія не для одной только Франціи, но и для всего міра: оно единственный надежный оплотъ противъ самовластія Англіи на моряхъ. Не рядомъ ли съ возрастаніемъ морскихъ силъ своихъ Франція полагаетъ начало новому морскому праву, въ которомъ флагу и товару нейтральныхъ предоставляются всѣ льготы и обезпеченія, какія только совмѣстны съ существенными цѣлями войны? [2])

Мы упомянули о назначеніи принца Наполеона министромъ Алжиріи и колоній. Мѣра эта и сама по себѣ не лишена важнаго значенія. Нынѣшнее правительство доказало уже не одинъ разъ, что оно серьёзно занимается вопросомъ объ устройствѣ Алжиріи, и мы воспользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы познакомить читателей съ положеніемъ этой страны.

Французскому владычеству въ Алжиріи предстояли двѣ задачи: вопервыхъ, укрощеніе и покореніе полудикихъ туземцевъ; вовторыхъ, постепенное введеніе французской гражданственности въ покоренной странѣ. Первоначально, вся завоеванная земля состояла подъ высшею опекой правительства; но по мѣрѣ развитія колонизаціи, отдѣльные округи мало-по-малу переходили отъ военнаго управленія къ гражданскому, представителемъ котораго являлся гражданскій губернаторъ и подчи-

---

[1]) Въ 1857 году ввозъ уменьшился на 59,900,000, а вывозъ на 109,600,000 франковъ.

[2]) Извѣстно, что Россія, въ лицѣ Императрицы Екатерины II, стремилась къ этому еще въ осьмидесятыхъ годахъ минувшаго вѣка, но Англія никогда не соглашалась на подобную уступку, и только своимъ преобладающимъ вліяніемъ въ теченіе восточной войны Франція могла довести свою союзницу до такого забвенія ея вѣковыхъ преданій.

ненные ему префекты и подпрефекты. Такой переходъ обыкновенно совершался постепенно. Прежде всего извѣстная часть покоренной страны возводилась на степень округа, управляемаго гражданскимъ коммиссаромъ, въ рукахъ котораго сосредоточивалось все управленіе: онъ былъ и меромъ, и полицейскимъ судьею, и слѣдователемъ, и мирнымъ судьею, и нотаріусомъ. Такой порядокъ вещей наиболѣе соотвѣтствовалъ нравамъ покоренныхъ Арабовъ. За тѣмъ округъ переходилъ на степень неполной общины, управляемой меромъ и его помощниками, которыхъ обязанности не простирались далѣе веденія метрическихъ книгъ и сельской полиціи; они были подчинены мѣстами гражданскому коммиссару, мѣстами подпрефекту округа. Наконецъ неполная община дѣлалась полною, то-есть получала, кромѣ мера и его помощниковъ, муниципальный совѣтъ на правахъ такихъ же совѣтовъ во Франціи. Община имѣетъ тогда свой мѣстный бюджетъ, свои капиталы и расходы. Такимъ образомъ Алжирія мало-по-малу должна получить то же гражданское устройство, которое существуетъ во Франціи.

Надобно замѣтить однако, что не слишкомъ довѣряясь покореннымъ народамъ, французское правительство не могло скоро достигнуть указанной выше цѣли. Вскорѣ послѣ завоеванія Алжиріи, во Франціи возникли два противоположныя мнѣнія объ управленіи этою страной. Одни требовали полнаго сліянія ея съ Франціей, со всѣми политическими, административными и торговыми послѣдствіями такой мѣры. Этого мнѣнія придерживалось, между прочимъ, большинство европейскихъ поселенцевъ въ Алжиріи. Другіе желали системы совершенно противоположной, которая превратила бы завоеванную страну въ настоящую колонію, то-есть государство совершенно отдѣльное отъ метрополіи въ административномъ отношеніи, согласно съ особенностями ея климата, продуктовъ, потребностей. Ничтожное число европейскихъ переселенцевъ сравнительно съ многочисленностью туземнаго населенія * и ненадежность мирнаго расположенія туземцевъ даже при полной наружной покорности ихъ

* По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, европейское населеніе Алжиріи не превышаетъ девяти десятыхъ всего населенія этой страны.

— вотъ причины, почему многіе находили невозможнымъ дать перевѣсъ гражданской власти надъ военной въ Алжиріи.

Ни одно изъ этихъ мнѣній не было безусловно принято правительствомъ. Правда, оно стремилось къ уподобленію порядка алжирской колоніи административному устройству Франціи, но постепенно, какъ мы замѣтили выше. Алжирія, конечно, не могла сдѣлаться ни колоніей въ обычномъ смыслѣ этого слова, ни вполнѣ французскимъ департаментомъ. Она представляетъ нѣчто среднее. Близкое сосѣдство Алжиріи съ Франціей, отъ береговъ которой она отдѣлена лишь сорока-часовымъ плаваніемъ, подвергаетъ ее непосредственному вліянію послѣдней. Почти ежедневное сообщеніе между ними пораждаетъ дѣятельный обмѣнъ мыслей, интересовъ, семейныхъ отношеній, путешественниковъ, товаровъ. Изъ Франціи получаетъ Алжирія образованность, капиталы и людей, необходимыхъ какъ для управленія, такъ и для торговыхъ предпріятій. Мы уже не говоримъ объ арміи и военномъ бюджетѣ, относительно которыхъ колонія была бы еще менѣе состоятельна. Съ другой стороны, рѣзкая противоположность между обществами французскимъ и туземнымъ, отнюдь не позволяютъ дать ей вполнѣ то административное устройство, которое вѣками создалось во Франціи.

Правительство, повидимому, постоянно имѣетъ въ виду этотъ смѣшанный характеръ Алжиріи. Извѣстный декретъ 30-го декабря 1856 года объ административной децентрализаціи и разныя другія мѣры, послѣдовавшія за этимъ декретомъ, свидѣтельствуютъ, что оно именно такъ понимаетъ свою задачу въ этомъ краѣ. Въ послѣднее время, оно распространило гражданское устройство на три новыхъ округа, и создало двадцать восемь полныхъ общинъ. Теперь, продолжая въ томъ же смыслѣ, оно ввѣрило высшее управленіе Алжиріею принцу Наполеону, рѣчь котораго на лиможской выставкѣ служитъ достаточнымъ ручательствомъ за будущій характеръ его администраціи.

Особенность французскаго владычества въ странѣ, завоеванной навсегда, заключается въ неотразимомъ вліяніи французской образованности и общительности на массу покореннаго народа. Уже съ первыхъ лѣтъ завоеванія Алжиріи, учреждены были арабско-французскія школы въ Алжирѣ, Бонѣ, Оранѣ и

многихъ другихъ городахъ, для дѣтей Арабовъ и Европейцевъ вмѣстѣ. Въ 1850 г. въ четырехъ городахъ основаны правительствомъ высшія учебныя заведенія. Въ Алжиріи администрація строго придерживается свободы вѣроисповѣданій, и въ тамошнихъ смѣшанныхъ школахъ раздача наградъ постоянно подаетъ поводъ къ трогательнымъ сценамъ сближенія между туземнымъ и французскимъ юношествомъ обоего пола. Къ сожалѣнію, арабскія школы доселѣ были подчинены военному министерству, между тѣмъ какъ христіанскія состоятъ въ вѣдомствѣ министра народнаго просвѣщенія. Теперь всѣ онѣ перейдутъ къ новому министерству алжиріи и колоній.

Принцу Наполеону предстоитъ еще другая задача, вполнѣ согласная съ характеромъ рѣчи, произнесенной имъ въ Лиможѣ. Продолжая матерьяльное и нравственное воспитаніе народа, который прожилъ цѣлыя три столѣтія подъ развращающимъ турецкимъ гнетомъ, Франція обнаружила свойственный ей характеръ колонизаціи, характеръ менѣе предпріимчивый, но болѣе гуманный относительно иноплеменниковъ, и въ послѣднемъ результатѣ заслуживающій бо́льшаго уваженія, чѣмъ колонизація другихъ народовъ, основывающихъ свое могущество на презрѣніи къ туземцамъ и ихъ истребленіи. Управленіе Арабами составляетъ блестящую сторону французскаго военнаго управленія. Недостатки, дѣлающіе его несноснымъ для образованныхъ обществъ, въ Алжиріи значительно смягчаются обстоятельствами и нерѣдко приносятъ пользу. Любовь къ неограниченной власти, присущая этому правительству, не встрѣчая раздражающихъ препятствій, смягчается почтительною покорностью Арабовъ. Общительность французскаго характера сближаетъ туземцевъ съ военными властями; такъ что послѣднія нерѣдко отстаиваютъ интересы туземцевъ противъ интересовъ европейскаго населенія. Всѣ эти условія, вмѣстѣ взятыя, доставили алжирскимъ Арабамъ значительную степень благосостоянія сравнительно съ прежними временами, когда турецкое владычество сосало кровь подвластнаго народа. Тѣмъ не менѣе, Арабы очень хорошо поняли разницу между управленіемъ военнымъ и гражданскимъ. Многіе изъ нихъ, проживая въ округахъ, подчиненныхъ военнымъ начальствамъ вслѣдствіе завоеванія, просятъ позволенія перейдти съ семействами и

ставками въ вѣдѣніе гражданской администраціи. Этотъ утѣшительный фактъ громко свидѣтельствуетъ въ пользу французскаго вліянія на Арабовъ и, сверхъ того, въ пользу стремленія и способности послѣднихъ къ лучшему порядку вещей. Надо замѣтить, что съ переходомъ въ гражданское вѣдомство, Арабъ теряетъ право на участокъ земли въ своемъ округѣ, и что даже это обстоятельство, кромѣ другихъ препятствій, не удерживаетъ его отъ перехода. Такое явленіе служитъ несомнѣннымъ признакомъ разложенія патріархальныхъ племенныхъ нравовъ, не выдерживающихъ прикосновенія и сосѣдства высшей цивилизаціи. Уничтоженіе всякихъ формальностей и препятствій къ такому переходу было бы весьма важнымъ шагомъ въ дѣлѣ гражданскаго воспитанія Арабовъ.

Сверхъ того, европейскія общины въ Алжиріи должны получить по меньшей мѣрѣ то устройство, какое онѣ имѣютъ въ настоящее время во Франціи. Всѣ дѣла, касающія ся колонизаціи, должны перейдти изъ военнаго вѣдомства въ гражданское, которое, какъ орудіе колонизаціи, гораздо выше военнаго. Въ Алжиріи есть поговорка, что самое несовершенное гражданское управленіе лучше самаго лучшаго военнаго. Одно представляетъ прошедшее — войну, другое — будущее, миръ и сближеніе между туземцами и пришлецами. Самыя общины должны быть устроены иначе. Мы упомянули выше о недавнемъ возведеніи двадцати-осьми неполныхъ общинъ на степень такъ-называемыхъ полныхъ: это значитъ, что онѣ должны имѣть каждая свой муниципальный совѣтъ и свой мѣстный бюджетъ. Но для того, чтобы муниципальное начало принесло пользу, необходимо, чтобы оно проникло въ плоть и кровь населенія. Вездѣ, даже при настоящихъ обстоятельствахъ, во Франціи члены муниципальныхъ совѣтовъ избираются гражданами, а въ Алжиріи они до сихъ поръ назначаются правительствомъ. Выборъ послѣдняго можетъ быть и безпристрастенъ, и согласенъ съ интересами общины; но не говоря уже о правѣ и свободѣ, нельзя не замѣтить, что только муниципальные выборы могутъ воспитать гражданъ къ тому кругу дѣятельности, въ которомъ нужно содѣйствіе ихъ; только выборы могутъ внушить имъ любовь и уваженіе къ мѣстному муниципальному учрежденію, которое, въ против-

номъ случаѣ, представляется лишь безгласнымъ орудіемъ центральной администраціи.

Вслѣдствіе учрежденія новаго министерства Алжиріи и колоній, произведены существенныя перемѣны въ распредѣленіи предметовъ вѣдомства между министерствами. Отнынѣ назначеніе генералъ-губернатора Алжирской колоніи принадлежитъ министру Алжиріи и колоній, и разумѣется, должно быть утверждено императоромъ. Генералъ-губернаторъ вполнѣ подчиненъ новому министерству во всѣхъ дѣлахъ, спеціально касающихся Алжиріи и не имѣющихъ исключительно-военнаго характера. Судебное вѣдомство, духовныя дѣла, народное образованіе и финансы Алжиріи,—все переходитъ въ руки принца Наполеона. Судебное законодательство и устройство мѣстныхъ судовъ не можетъ быть измѣняемо иначе, какъ по общему представленію принца Наполеона и министра юстиціи. Дальнѣйшія мѣры, требуемыя учрежденіемъ новаго министерства, должны быть опредѣлены по взаимному соглашенію между этимъ министерствомъ и другими.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. М. ЩЕПКИНА И К°.

Коммиссіонера Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Министерства Государственныхъ Имуществъ: *на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина,*

ПРОДАЮТСЯ ВНОВЬ ВЫШЕДШІЯ:

ЯВЛЕНІЕ ХРИСТА НАРОДУ. Цѣна 5 р. Съ пересылкою 6 р. сер.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ СНИМОКЪ съ знаменитой картины А. А. Иванова.

Литографированный портретъ извѣстной русской танцовщицы:

НАДЕЖДЫ БОГДАНОВОЙ. Ц. 1 р. 25 к. Съ пересылкою 1 р. 75 к. серебромъ.

А. С. ГРИБОѢДОВЪ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ. Съ приложеніями: 1) Портрета автора, 2) Изображенія памятника надъ его могилою, 3) Автографа, 4) Герба Грибоѣдовыхъ, 5) Сценъ изъ комедіи. «Горе отъ Ума» a) Балъ и b) Явленіе Репетилова, 6) Статей о комедіи «Горе отъ Ума» изъ журналовъ (1825—1827). Изданіе Евграфа Серчевскаго. Спб. 1858 г. Ц. 3 р. Съ пересылкою 3 р. 75 к. сер.

САДОВНИЧЕСТВО. Переводъ Figures pour l'almanach du bon jardinier Д. Ч. Общества В. Делла-Восса, съ добавленіемъ статьи «О размноженіи растеній» И. Палимпсестова. Одесса 1858 г. Ц. 1 р. 75 к. Съ пересылк. 2 р. 25 к. сер.

РУКОВОДСТВО КЪ ТОНКОРУННОМУ ОВЦЕВОДСТВУ для средней и южной полосъ Россіи. Составлено ученымъ агрономомъ, классификаторомъ овчарныхъ заводовъ, дѣйствительнымъ членомъ нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, Редемейстеромъ, въ 2-хъ ч. Одесса 1858 г. Ц. 2 р. 25 к. Съ пересылк. 2 р. 75 к. сер.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ПОСТРОЙКИ И СЕЛЬСКОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО, основанное на настоящемъ состояніи сельскаго хозяйства, составленное для содѣйствія народному благосостоянію, Э. Г. Нейманомъ. Изд. 3-е съ 207 чертежами, на 21 таблицѣ. Спб. 1858 г. Ц. 3 р. Съ пересылк. 3 р. 75 к. сер.

САТИРЫ КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА. Съ латинскаго, переводъ въ стихахъ, М. Дмитріева, съ объяснительными примѣчаніями. М. 1858 г. Ц. 1 р. 75 к. Съ пересылк. 2 р. 25 к. сер.

МОСКОВСКІЯ ЭЛЕГІИ. М. Дмитріева. М. 1858. Ц. 80 к. Съ пересылк. 1 рубл. сер.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ ШЕКСПИРА. Переводъ съ англійскаго Н. Кетчера, выправленный и пополненный по найденному Пэнъ-Колльфомъ старому экземпляру in folio. 1632 г.

ЧАСТЬ 5-я. Тимонъ Аѳинскій.
Два Веронца.
Юлій Цезарь.
Антоній и Клеопатра.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858 г. Ц. каждой части 1 р. Съ пересылк. 1 р. 50 к. сер.

VIII-й ТОМЪ ИСТОРІИ РОССІИ. Сочиненіе С. Соловьева. М. 1858 г. Цѣна 2 р. Съ пересылк. 2 р. 50 к. сер.

V-й ТОМЪ ИСТОРІИ РОССІИ. Сочиненіе С. Соловьева (2-е изданіе). М. 1858 г. Ц. 2 р. Съ пересылк. 2 р. 50 к. сер.

ДНЕВНИКЪ КАММЕРЪ-ЮНКЕРА БЕРХГОЛЬЦА, веденный имъ въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго, съ 1721-го по 1725 г. Перевелъ съ нѣмецкаго И. Аммонъ. Ч. 2-я (1722-й г). М. 1858 г. Ц. 1 р. 75 к. Съ пересылк. 2 р. 25 к. сер.

ФИЗИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ АКАДЕМИКА Э. ЛЕНЦА. Руководство для военно-учебныхъ заведеній. (Изданіе 2-е). Съ приложеніемъ особаго атласа. Спб. 1858 г. Ц. 3 р. 30 к. Съ пересылкою 4 р. 25 к. серебромъ.

ПРИРОДА И ЛЮДИ. Уроки географіи, читанные въ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ. Спб. 1858 г. Книга I-я, выпускъ I-й. Ц. 1 р. Съ пересылк. 1 р. 50 к. Книга II-я, выпускъ II-й. Ц. 1 р. 25 к. Съ пересылк. 1 р. 75 к. сер.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА, съ портретомъ автора. Спб. 1858 г. 8 томовъ. Ц. 8 р. Съ пересылк. 11 р. сер.

ЗАПИСКИ ОБЪ ОСАДѢ СЕВАСТОПОЛЯ Н. Берга. 2 тома, съ 2-мя планами. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858. Ц. 2 р. 50 к. Съ пересылк. 3 р. сер.

СЕВАСТОПОЛЬСКІЙ АЛЬБОМЪ Н. Берга, съ 37-ю рисунками большаго формата; при нихъ текстъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858 г. Ц 7 р. Съ пересылк. 8 р. сер.

НИКОЛАЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ СТАНКЕВИЧЪ. Переписка его и біографія, написанная П. А. Анненковымъ, съ портретомъ Станкевича. М. 1858 г. Ц. 1 р. 50 к. Съ пересылк. 2 р. сер.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ОТКУПНОЙ СИСТЕМѢ. . . . . Н. С.....СКАГО.
ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПОКОЙНИКА. *(Оконч.)* . Н. ЖЕНПИНА.
ПРОЯВЛЕНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ ЗЕМЛИ НА ЕЯ ПОВЕРХНОСТИ. . . . . Н. М.....ВА.
СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ. . . . . В. К.

Являясь еженедѣльно книжками, отъ *трехъ* до *пяти* листовъ въ каждой, АТЕНЕЙ будетъ сообщать:

1. Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной литературы;
2. Хронику важнѣйшихъ новостей въ общественной и государственной жизни современныхъ народовъ,
и 3. Статьи историческаго содержанія, записки (mémoires), путешествія, разказы, литературныя замѣтки, ученыя и художественныя извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ конторѣ *Атеней*, при книжномъ магазинѣ П. Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина, и у книгопродавцевъ: Ѳ. О. Свѣшникова, въ домѣ университетской типографіи, и П. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

У книгопродавца С. А. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгартъ.

ВЪ ПАРИЖѢ

Въ конторѣ Русскаго Агентства газеты Le Nord, boulevard de la Madelaine, 5.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ контору *Атенея*, въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 52-хъ книжекъ, *десять* рублей, съ пересылкою *одиннадцать рубл. съ полтиною.*

Печатать дозволяется. Августа 2-го, 1858 года.
Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

3.00

3 2044 019 978 352